

политическая экономика
1
современного монополистического капитализма

политическая

экономика

современного

монополистического

капитализма

---

*Институт
мировой
экономики
и международных
отношений
АН СССР*

политическая экономика

современного

монополистического

капитализма

в двух томах

том 1

*Ответственные редакторы:
акад. Н. Н. Иноземцев,
д-р экон. наук С. М. Меншиков,
чл.-корр. АН СССР А. Г. Милейковский,
акад. А. М. Румянцев*

*Издательство «Мысль»
Москва 1971*

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ПЕРВОГО ТОМА

Первый раздел. Место империализма в современном мире (редактор — д-р. экон. наук В. В. РЫМАЛОВ)

- I глава — чл.-корр. АН СССР А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ
II глава — д-р экон. наук В. М. КУДРОВ, канд. экон. наук В. М. ШАМБЕРГ
III глава — д-р экон. наук В. В. РЫМАЛОВ
IV глава — д-р экон. наук Н. Д. ГАУЗНЕР, д-р экон. наук М. И. РУБИНШТЕЙН

Второй раздел. Основные тенденции развития экономики монополистического капитализма (редакторы — д-р. экон. наук А. В. АНИКИН, д-р. экон. наук С. М. НИКИТИН)

- V глава — канд. экон. наук Ю. Б. КОЧЕВРИН
VI глава — д-р экон. наук С. М. МЕНЬШИКОВ, д-р экон. наук Н. И. МНОГО-
ЛЕТ
VII глава — канд. экон. наук К. Б. КОЗЛОВА
VIII глава — д-р экон. наук А. В. АНИКИН, канд. экон. наук Е. Ф. ЖУКОВ,
канд. экон. наук В. Н. ШЕНАЕВ
IX глава — д-р экон. наук С. М. МЕНЬШИКОВ, д-р экон. наук Ю. И. ЮДАНОВ
X глава — д-р экон. наук С. М. СЕРГЕЕВ
XI глава — канд. экон. наук Ю. Б. КОЧЕВРИН, канд. экон. наук В. Б. РАМЗЕС
XII глава — д-р экон. наук В. А. МАРТЫНОВ
XIII глава — д-р экон. наук В. М. КУДРОВ, д-р экон. наук С. М. НИКИТИН
XIV глава — д-р экон. наук В. М. КУДРОВ, д-р экон. наук С. М. НИКИТИН
XV глава — д-р экон. наук С. М. МЕНЬШИКОВ

Третий раздел. Роль государства в экономике монополистического капитализма (редактор — чл.-корр. АН СССР А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ)

- I часть.* Сущность и формы государственно-монополистического регулирования
XVI глава — чл.-корр. АН СССР А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ
XVII глава — д-р экон. наук В. А. ЧЕПРАКОВ
XVIII глава — канд. экон. наук В. И. КУЗНЕЦОВ
XIX глава — канд. экон. наук В. М. УСОСКИН

Ученый секретарь исследования — канд. экон. наук Р. М. ЭНТОВ

В подготовке рукописи к изданию участвовал коллектив научных сотрудников института: М. В. ВАСКАКОВА, В. И. ЗАЙКИНА, Л. И. ИОВЧУК, Э. Н. ИОРДАНСКАЯ, Т. А. КОЛОСОВА, Н. Г. НИКУЛИНА, Э. А. ПЕТРОВА, Г. И. ПИМЕНОВА, Н. Н. ЧЕХУНОВА, С. И. ШАТАЕВА (руководитель коллектива — канд. экон. наук Л. Л. ЛЮБИМОВ)

Предлагаемая читателю коллективная работа посвящена анализу современного монополистического капитализма в свете ленинского учения об империализме. В. И. Ленин — основоположник политической экономии империализма. Его учение об империализме — неотъемлемая составная часть марксистско-ленинской теории социалистической революции, этого мощнейшего средства революционного преобразования мира, наиболее эффективного решения самых актуальных вопросов, поставленных перед человечеством всем ходом исторического развития. «Социализм, превращенный Марксом и Энгельсом из утопии в науку и обогащенный Лениным новыми выводами и открытиями, — указывается в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — воплотился в социальную практику всемирно-исторических масштабов, стал основной революционной силой нашего времени»¹. Авторский коллектив, исследуя процессы, происходящие в экономике и политике современного капитализма, исходил из того, что ленинскому учению свойствен дух творческого осмысления новых явлений, постоянное стремление к конкретному анализу конкретной ситуации. Именно такой подход более всего отвечает потребностям революционного преобразования мира на основе

---

¹ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, стр. 3.

учета объективных законов развития и субъективных факторов, благодаря которым люди сами творят свою историю.

В. И. Ленин писал: «...необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватывающей сложности жизни»¹.

В современных условиях, при небывалом ускорении исторического развития, при усложнении и необычайной динамичности «живой жизни», анализ новых явлений капиталистической действительности становится особенно необходимым для мирового коммунистического движения, для стран социалистической системы, которые в интересах хозяйственного и культурного строительства, осуществления своей политической и военной стратегии должны оперативно учитывать все изменения, происходящие в лагере империализма, в странах, являющихся его основными цитаделями. Анализ и обобщение новых явлений в экономике и политике монополистического капитализма особенно важны в обстановке современной острой идеологической борьбы, ставшей неотъемлемым элементом соревнования двух систем — важнейшей сферы классовой борьбы на международной арене. Наши идеологические противники используют свои количественно сильно возросшие научные и пропагандистские кадры, чтобы в духе апологетики давать свою интерпретацию новых явлений, скрывая их классовые корни, мешая широким массам глубже понять тенденции развития общего кризиса капитализма. Все это требует от марксистов-ленинцев быть на высоте в анализе новых явлений экономики и политики современного монополистического капитализма. Естественно поэтому, что основное внимание авторов сосредоточено на характеристике тех явлений и процессов, которые больше всего пытается фальсифицировать и извратить апологетическая буржуазная политическая экономия. В борьбе с буржуазными фальсификаторами исходные положения и главные идеи ленинского учения являются мощным теоретическим оружием.

Сущность империализма В. И. Ленин видел в неуклонно идущем процессе монополизации и развития государственно-монополистического капитализма. Исходя из этой посылки, он вел исследование основных экономических и политических свойств новой стадии в развитии капитализма. Вся последующая история, и в особенности современное развитие государственно-монополистического капитализма, показывает, насколько плодотворным оказался использованный В. И. Лениным метод. Сейчас, более чем когда-либо, монополии определяют суть империализма, поэтому полити-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.

ческая экономия монополистического капитализма выражает наиболее характерные черты мировой капиталистической системы.

Изложение проблем в данной книге чаще всего ориентируется на читателя, который изучал работы В. И. Ленина по империализму и курс политической экономии капитализма. Поэтому мы не пытаемся дать ответы на все вопросы, включаемые в программу учебного курса. Зато большое место уделено анализу проблем, которые в последнее время являлись и являются предметом дискуссий в среде ученых-марксистов. Это по замыслу авторского коллектива должно стимулировать дальнейшее изучение таких явлений и процессов, сущность которых еще недостаточно полно исследована. Кроме того, учитывая огромный размах научно-исследовательской работы марксистов по экономике современного капитализма, авторы считали целесообразным подвести в этой работе известный итог многочисленным специальным, более конкретным исследованиям и, опираясь на них, сформулировать некоторые новые проблемы.

Для нашего времени, при растущем разделении труда среди экономистов и небывалом росте выпуска книг и периодических изданий, характерен известный «избыток» информации. Следить за всей этой информацией, освоить ее становится все более трудным делом. Предпринимая попытку написать сводную работу по политической экономии современного монополистического капитализма, в которой особое внимание уделяется новым явлениям и тенденциям, мы рассчитываем, что она принесет пользу преподавателям, аспирантам, студентам, пропагандистам и всем тем, кто интересуется теоретическими проблемами политической экономии капитализма.

Коллектив авторов стремился своей работой внести посильный вклад в отмечаемый советским народом, всем прогрессивным человечеством знаменательный юбилей — 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Мы надеемся также, что предпринятый нами труд в какой-то мере может помочь решению поставленной Совещанием коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. задачи дальнейшего углубления революционной теории. Мы стремились вести исследования в том направлении, которое в наибольшей степени соответствовало бы практическим потребностям современной революционной борьбы против империализма.

Разделение всей работы на два тома продиктовано не какими-либо особыми теоретическими или методическими соображениями, оно вызвано техническими требованиями издания монографии.

**Раздел
первый**

**Место
империализма
в современном
мире**

**Глава I   Общий кризис
капитализма**

Проблемы общего кризиса капитализма глубоко разработаны в документах КПСС и братских компартий, а также в исследованиях ученых-марксистов. Наша задача заключается в том, чтобы в свете новейших тенденций мирового развития рассмотреть некоторые аспекты этой большой и важной темы.

Историческое развитие дает возможность более отчетливо выделить закономерности, присущие общему кризису капитализма в целом, от тенденций, проявляющихся на отдельных его этапах.

Анализ специфических особенностей отдельных этапов общего кризиса капитализма в свете новейшего исторического опыта имеет важное значение для понимания политической экономии современного монополистического капитализма.

В результате превращения социализма в решающую силу мирового развития существенно меняется соотношение внутренних и внешних факторов в обострении противоречий империализма, рушится империалистическая структура мирового капиталистического хозяйства, создается новая система всемирных хозяйственных связей. Поэтому все большее значение приобретает анализ новых закономерностей мирового развития. Таков круг тех вопросов, которые рассматриваются в данной главе.

1 Происхождение общего кризиса капитализма и движущие силы его развития

В марксистской литературе получил всеобщее признание тот факт, что общий кризис капитализма породили первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция. Это означает, что его происхождение и развитие определяют, с одной стороны, внутренние противоречия империализма, а с другой — ход мировой социалистической революции.

Такой процесс, как общий кризис капитализма, не поддается привычному хронологическому измерению. Только для тех, кто привык к простым ответам на сложные вопросы исторического развития, двойственное определение истоков общего кризиса капитализма может казаться лишенным научной логики. Между тем в этом двойственном происхождении и таится диалектика его развития.

Капитализм к общему кризису подвела первая мировая война, которая явилась прежде всего результатом специфических закономерностей развития капиталистической системы мирового хозяйства, порожденных эпохой империализма. На империалистической стадии буржуазия показала свою неспособность обеспечить прогрессивное развитие производительных сил в масштабах всего мирового хозяйства. Об этом свидетельствовало прежде всего положение колониальной системы, создание которой было завершено после раздела всей территории мира. В то время как в империалистических странах капитализм стал развиваться в целом значительно быстрее, чем раньше, в колониальном мире были увековечены докапиталистические формы эксплуатации. Здесь господствовала тенденция стагнации производительных сил.

Конкуренция, способствовавшая росту капитализма вширь и вглубь, в эпоху монополистического капитализма наряду с объективно прогрессивными свойствами приобрела новые архиреакционные черты. Конкуренция монополий в борьбе за господство на мировом рынке проявилась с конца XIX в. в форме империалистических войн за экономический и территориальный передел мира. Производство вооружения с тех пор оказалось самой процветающей, а знающей кризисов перепроизводства отраслью хозяйства, а войны и подготовка войн — важнейшими факторами, определяющими развитие международных отношений.

Задерживая рост производительных сил, империализм одновременно породил и небывалые по своей мощности средства их уничтожения. Это особенно ясно показала первая мировая война, которая способствовала подрыву самих основ капиталистического строя. Она привела в состояние хаоса и разрухи хозяйство всех стран, ставших ее жертвами. Борьба за выход из империалистической войны на путях социалистической революции сделалась

неизбежной не только из-за протеста миллионных масс, доведенных до отчаяния ужасами массовой бойни, но и благодаря кризису мирового капиталистического хозяйства, проявившемуся в тот период в крушении международного разделения труда, развале мирового рынка. Голод, эпидемические болезни, массовая безработица явились следствием не только войны, но и насильственного нарушения потоков обмена товаров в мировом хозяйстве. Условия для прорыва цепи империализма созрели во многих его звеньях. Наиболее сильно были подорваны устои капитализма в континентальной Европе, особенно в той ее части, которая стала плацдармом опустожительных военных действий. Огромные массы человечества были охвачены ненавистью к империализму. Не случайно победа Великой Октябрьской социалистической революции в России привела к революционному кризису во многих странах капиталистического мира.

На завершающем этапе первой мировой войны и в первые послевоенные годы усилия империализма были направлены прежде всего не только на удушение молодой Советской Республики, но и на то, чтобы не допустить победы социалистической революции в самой сильной европейской стране — Германии. К концу 1923 г. международному империализму удалось потушить очаг революции в Германии, опираясь на сговор с военщиной, магнатами финансового капитала и правыми социал-демократами. Подавив революцию в Германии, страны-победители сразу же оказали помощь ее монополиям в восстановлении военно-промышленного потенциала, рассчитывая сделать германский империализм ударной силой в крестовом походе против революционной России. Силой оружия было нанесено поражение национально-освободительному движению в ряде стран колониального мира.

Версальско-вашингтонская система империалистических договоров, в основе которой лежал временный сговор мировых контрреволюционных сил, не сумела обеспечить мира между их участниками. По мере усиления неравномерности экономического развития империалистических стран возрастали предпосылки для новой мировой войны. Внутренние антагонизмы капиталистического мирового хозяйства вели ко все более катастрофическим проявлениям процессов его общего кризиса.

Иной исторически творческий характер приобрели внешние силы, воздействующие на обострение общего кризиса капитализма. Эти силы воплотила в себе Советская Россия, ставшая главной базой развития мировой социалистической революции. В чем причины того, что Советская власть не только подрывала устои империализма, но и консолидировала все антиимпериалистические силы? Во-первых, она ликвидировала монопольное господство империализма над всем миром и доказала прочность и жизнеспособность социалистической системы хозяйства, ее преимущества

над капитализмом с его экономическими кризисами и массовой безработицей, милитаризмом и фашизмом.

Во-вторых, Советская власть впервые в мире ликвидировала огромную колониальную империю царской России. Между народами метрополии и колоний Российской империи Советская власть установила подлинное экономическое и политическое равенство, отношения дружбы и братства. В короткие исторические сроки была ликвидирована многовековая отсталость бывших колоний. Эта политика Советской власти стимулировала освободительное движение во всей колониальной системе империализма.

В-третьих, Советский Союз, прорвав экономическую и политическую блокаду империализма, сделался участником всемирного международного разделения труда, добившись одновременно растущего признания в качестве великой державы в системе государств. Благодаря этому Советский Союз по мере роста своей экономической и военной мощи неизменно увеличивал свое воздействие на весь комплекс международных отношений. Под влиянием растущей роли социализма стало складываться качественно новое всемирное международное разделение труда, в котором действуют и экономические законы капитализма, и экономические законы социализма. Определяющей тенденцией этого складывающегося всемирного хозяйства стало усиливающееся влияние социализма не только на сферу международных экономических и политических отношений, но и на внутреннее развитие капиталистических стран.

Таким образом, растущее воздействие внешних сил на развитие общего кризиса капитализма не может вызывать сомнений. Но возникает вопрос: как же взаимодействуют в этом процессе внутренние и внешние силы?

Основной движущей силой общего кризиса капитализма являются внутренние противоречия мировой капиталистической системы, которая сохраняет свою империалистическую структуру. Решающими факторами ее развития остаются международное капиталистическое разделение труда и те внеэкономические силы (милитаризм, неоколониалистская политика и др.), которые обеспечивают общие условия сохранения империализма. Однако тот факт, что мировое капиталистическое хозяйство перестало быть единственной экономической системой на нашей планете, оказывает усиливающееся влияние на механизм его воспроизводства. Существование и успешное развитие социализма подрывает сам принцип международного капиталистического разделения труда. Социализм самим фактом своего существования разоблачает и дискредитирует экономические, политические, юридические и моральные принципы капитализма. Социалистическая система всеобщим историческим развитием выдвигается на роль авангарда мировых революционных сил.

Социализм вынуждает капиталистов прибегать к новым по своему характеру реформам «сверху», чтобы предотвратить революцию «снизу». Речь идет не только о преобразовании надстройки, но и об известном приспособлении производственных отношений, перестройке их в тех пределах, в каких это допустимо на базе сохранения господства капиталистической собственности на средства производства.

Под влиянием успехов социалистического планового хозяйства, показавшего возможность ликвидировать массовую безработицу и избавить хозяйство от потрясений циклических кризисов, правящие круги капиталистических стран и их идейные оруженосцы — буржуазные экономисты должны были начать пересмотр традиционных основ своей стратегии и тактики в экономической политике и классовой борьбе. В 30-х годах предпринимаются попытки более широкого применения ряда мер по регулированию экономики.

После второй мировой войны уже большинство буржуазных экономистов вынуждено было признать необходимость разработки и реализации долгосрочных государственных программ. Все это вызывается не только внутренними потребностями капиталистического производства, которое все больше выявляет свой общественный характер, но и соревнованием двух систем. В данном случае нужно учитывать, что внеэкономические, т. е. политические, факторы способны оказывать сильное воздействие на процесс общественного воспроизводства. Примером такого воздействия могут служить разнообразные формы вмешательства государства в экономику в интересах всего господствующего класса или его наиболее влиятельной части.

Впервые качественно новое воздействие политики на экономику отчетливо проявилось в первой мировой войне. В условиях войны без централизованного административного воздействия государства, на базе использования лишь обычных экономических рычагов рыночного хозяйства, нельзя было добиться широкой милитаризации экономики. Создавая при помощи внеэкономических методов систему военного регулирования хозяйства, государство, конечно, использовало при этом «правила игры», свойственные системе, при которой главным стимулом производства служит прибыль. На основе заказов государства возникает привилегированный рынок для монополий. Но это был уже не обычный капитализм, а, по выражению В. И. Ленина, «особый вид народного хозяйства»¹. В. И. Ленин, имея в виду именно такой достигший высокой зрелости государственно-монополистический капитализм военного времени, отмечал, что капитализм в его империалистической стадии «втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 318.

их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»¹. Капиталистам во время войны вопреки их воле и сознанию пришлось форсировать процессы обобществления производства, чтобы обеспечить нужды фронта и тыла. От этого зависел исход войны, в которой на карту были поставлены жизненные интересы всего класса капиталистов.

Сходную до некоторой степени ситуацию создает для капиталистов и такая острая форма классовой борьбы, как соревнование двух систем. Здесь также возникает необходимость форсировать процессы обобществления путем развития государственно-монополистического капитализма, чтобы обеспечить интересы класса капиталистов в целом. Но политические факторы оказывают здесь значительно более глубокое влияние на капиталистическую экономику. Мировой социализм бросает вызов капитализму тем, что он осуществляет благородные принципы интернационализма и мобилизует все ресурсы для роста благосостояния народа, создания условий всестороннего развития физических и духовных сил человека.

Жизненной необходимостью для капитализма становится осуществление реформ, создающих видимость его способности решить ряд насущнейших проблем современности. Государство в еще большей мере вынуждено осуществлять преобразования в экономике капитализма, объективно ведущие к еще большему обобществлению. Под давлением объективной необходимости экономического соревнования с социализмом правящие классы капиталистических стран не могут принять ни одного сколько-нибудь существенного политического решения, отвлекаясь от существования социалистической системы. В то же время они вынуждены считаться с социалистическими странами как органической составной частью всемирных хозяйственных отношений и всемирной системы государств.

Социализм своей политикой, рассчитанной на мирное сосуществование с капитализмом и поддержку всех сил внутри его, которые тяготеют к миру, демократии и социальному прогрессу, начинает оказывать все более существенное влияние на ход классовой борьбы в буржуазных государствах.

Борьба двух экономических систем, двух идеологий развертывается в рамках всемирных хозяйственных, политических и культурных связей, необходимых для каждой из этих систем. Если рассматривать мир как целое, то воздействие социализма на капитализм превращается в важную составную часть всего механизма мирового развития. Главной закономерностью мирового развития

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 320—324.

становится совершающийся во всемирном масштабе переход от капитализма к социализму¹.

Для каждого этапа общего кризиса капитализма характерно возникновение качественно новых ситуаций во всемирных хозяйственных связях, во всей системе международных отношений, обусловленных ходом борьбы двух систем. В свете накопленного исторического опыта теперь уже совершенно очевидно, что ход общего кризиса капитализма нельзя понять, исследуя только лишь имманентные законы капитализма, без учета новых закономерностей мирового развития, вытекающих в первую очередь из борьбы двух систем.

2 *Закономерности современного мирового развития*

Победившая в России социалистическая революция подорвала самые глубокие устои капитализма в тот период, когда созданная им система мирового хозяйства не только достигла высшей

---

¹ Для буржуазных интерпретаций современного общественного развития характерно отрицание переходного характера нашей эпохи, наличия свойственных ей общих закономерностей развития. Любопытна их последовательность в этом отношении. В 20-х годах В. Зомбарт писал, что Марксова теория «проповедует особого рода социальный монизм. Она утверждает, что одна хозяйственная система сменяется другой, капитализм сменяется социализмом... Этому социальному монизму необходимо противопоставить социальный плюрализм, т. е. теорию, согласно которой развитие не идет таким путем, что одна хозяйственная система вытесняет другую, а, наоборот, одна система нарождается наряду с другой, присоединяется к уже существующим системам. Таким путем мы должны мыслить процесс экономического развития и в будущем» (цит. по: «Общий кризис капитализма». М., 1933, стр. 91). В наши дни концепцию социального плюрализма, отрицающую единство всемирно-исторического процесса, довольно четко сформулировал Р. Арон, один из основоположников теорий «индустриального общества» и конвергенции двух систем (R. Aron. 18 Lectures of Industrial Society. London, 1967). Теория социального плюрализма распространяется и на внутреннюю эволюцию капиталистических стран. Ее придерживаются сторонники «смешанной экономики», пытающиеся «доказать» возможность сосуществования социализма и капитализма в рамках одного государства, а также «структурализма», полагающие, что пластичность «социальных структур» позволяет в условиях капитализма без всякой революции осуществлять принципы социалистического планирования.

ступени зрелости, но и перезрела, стала паразитической, гниющей и умирающей.

Хотя в отдельных странах возможности для развития производительных сил на базе капитализма были еще далеко не исчерпаны, мировая система капитализма в целом, и в частности капиталистическая форма мирового хозяйства, обнаружила свою несостоятельность. Тот факт, что из цепи империализма было вырвано одно из важнейших звеньев, — не историческая случайность. Социалистическая революция в России, явившаяся итогом взаимодействия многих сил, отражала глубокие сдвиги в недрах мирового хозяйства, дошедший в нем до предела конфликт между производительными силами и изжившими себя производственными отношениями.

Капитализм — последний эксплуататорский строй в истории общества — исчерпал свою объективно прогрессивную роль в создании мирового хозяйства и материальных предпосылок для международной победы социализма. Производство ради прибыли капиталистов, механизм свободной, а затем и монополистической конкуренции, через который реализует свое действие закон прибавочной стоимости, способствовали не только быстрому росту производительных сил и интернационализации хозяйства, но одновременно и небывалому развитию разрушительных сил, противодействующих созидательной роли международного разделения труда.

В сфере мировых хозяйственных связей свойственная капитализму анархия, варварское расточение производительных сил, паразитизм и разбойничьи методы конкуренции проявились с наибольшей силой. Здесь культ грубой силы, стимулируемой необузданным развитием милитаризма, не сдерживался никакими нормами буржуазного права. Империалистическая бойня, показавшая разложение и маразм правящих классов, готовых ради прибыли пойти на любые преступления, была прервана на одном из решающих фронтов пролетарской революцией, начавшей борьбу за освобождение всего человечества. На историческую арену выступило государство диктатуры пролетариата, провозгласившее целью планомерно организуемого производства не прибыль, а удовлетворение разумных потребностей человека, «для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *в с е х* членов общества»¹.

В социалистической революции в России нашли отражение исторически назревшие потребности новой организации всемирных производительных сил, ввергаемых в хаос империалистическими войнами, установления равноправных и справедливых экономических и политических взаимоотношений между государствами и народами. Дальнейшее развитие с очевидностью показало, что

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232.

социалистическая революция положила начало новой, более высокой фазе мирового хозяйства, обусловленной начавшимся во всем мире переходом от капитализма к социализму.

Возникновение новой общественно-экономической формации — необратимый процесс. После того как буржуазия укрепила свое экономическое и политическое господство, возможность реставрации феодализма была исключена. К. Маркс показал, что буржуазии для этого понадобилась не только кровавая эпоха первоначального накопления, лишившая непосредственных производителей их средств производства, но и сопутствующая ей стадия мануфактуры, которая превратила ремесленников и изгнанных из деревни крестьян в частичных рабочих, утративших всякую возможность существовать вне власти капитала. Это реальное подчинение труда власти капитала создало для его господства прочную экономическую базу. В результате отношения капиталистической эксплуатации стали восприниматься как естественные не только буржуазией, но и многими слоями трудящихся.

История становления капитализма показывает, что никакими силами нельзя сохранить отживший общественный строй от разрушительного воздействия нового, прогрессивного способа производства. Капитализм победил феодализм не только более эффективным производством материальных благ, но и привлекательной силой гуманных идей раскрепощения человека. Французские просветители, идейно подготовившие революцию 1789 г., вдохновлялись примером экономического и политического развития Англии, а также принципами американской революции 1776 г., послужившими, по словам К. Маркса, «набатным колоколом для европейской буржуазии»¹.

Развитие капитализма в странах Запада ускорило исторически неизбежный кризис феодализма во всем мире. Влияние примера более передового строя стимулировало социальный прогресс, несмотря на экономическую разобщенность государств, которые в то время еще не являлись звеньями мирового хозяйства и не имели налаженной системы коммуникаций и средств информации.

Капитализм победил феодализм не только в результате его разложения под влиянием внутренних противоречий. Катализатором, ускорившим разложение феодализма, были наглядно проявляющиеся экономические преимущества капитализма, а силой, разрушавшей феодализм, явилась цепная реакция буржуазных и буржуазно-демократических революций, показавших неизбежность победы нового общественного строя. Грозный призрак революций — локомотивов истории — заставил феодалов пойти на осуществление буржуазных реформ, принять условия капитуляции, продиктованные восходящим классом, особенно после того, как он

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 9.

стал господствующей силой и одержал победу путем революции в ряде стран.

Но феодализм и капитализм при всех их противоречиях имели родственные черты. Экономическая мощь господствующего класса базировалась и там и здесь на частной собственности на средства производства. Это облегчило примирение враждующих классов и показало историческую ограниченность буржуазных революций. Своим компромиссом с феодалами капитализм продемонстрировал отступничество от провозглашенных им идей просветительства и свободы личности. Особенно наглядно неспособность капитализма выполнять миссию социального прогресса проявилась в странах, сохранивших наиболее глубокие пережитки феодализма, и в колониях. Задачу революционных преобразований в мировом хозяйстве должен был взять на себя рабочий класс.

По мере того как мировой социализм, пройдя период своего становления, доказав свою жизнеспособность, завоевывает новые и новые позиции, усиливается и его роль в качестве катализатора исторического прогресса. Дело в том, что социалистическая система возникла и развивается на базе уже сложившегося мирового хозяйства. Антагонистические противоречия, разделяющие капиталистическую и социалистическую системы, не исключают того бесспорного факта, что они в то же время являются участниками всемирного разделения труда. Важным фактором является и то, что само развитие производительных сил в условиях приобретающей все больший размах научно-технической революции вызывает неуклонное расширение хозяйственных, научных и культурных связей между ними. Только исходя из марксистско-ленинской методологии глобального анализа решающих социально-экономических процессов, рассматривая мир как целое, учитывая новые закономерности мирового развития, можно дать правильную периодизацию этапов общего кризиса капитализма и научно обоснованную характеристику своеобразия каждого из них.

К. Маркс, характеризуя свой метод исследования политической экономии капитализма, отмечал, что одним из его обязательных элементов должны быть международные условия производства, международное разделение труда, международный обмен¹. В. И. Ленин в предисловии к своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» указывал, что основная задача этой книги «была и остается: показать... какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистской войны»². В письме к Инессе Арманд в январе 1917 г. В. И. Ленин писал: «...мы живем не только в отдельных государствах, но и в известной *системе* государств...»³

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 735.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 303.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 370.

Для выявления политико-экономической сущности изменений в развитии общего кризиса капитализма и своеобразия отдельных его этапов необходимо учитывать качественно новые международные условия производства, которые определяются не только внутренними закономерностями самого капитализма, но и фактором сосуществования и соревнования мирового капиталистического и мирового социалистического хозяйства. Эти международные условия производства при небывалом ускорении исторического развития, характерном для эпохи перехода от капитализма к социализму, отличаются большим динамизмом, быстрым переходом от одного качественного состояния к другому.

Игнорирование марксистско-ленинской методологии глобального анализа приводило в прошлом к серьезным просчетам в периодизации общего кризиса капитализма. Получалось так, что специфические черты, присущие одному качественно определенному этапу общего кризиса капитализма, распространялись в порядке экстраполяции на следующий этап.

Новые закономерности мирового развития проявляются все более отчетливо прежде всего по мере увеличения роли социализма в мировой экономике и в межгосударственных отношениях. Когда социализм был слаб, позицию правящих кругов империалистических стран определяла стратегия удушения его путем блокады и военной интервенции. По мере изменения соотношения сил в пользу социализма наиболее дальновидные буржуазные политики начинают все больше думать не столько о ликвидации социализма, сколько о спасении самого капитализма. Из двух одновременно используемых форм классовой борьбы против трудящихся своей страны — метода насилия и тактики уступок и реформ — они вынуждены помимо своей воли все чаще прибегать ко второй. Историческое развитие блестяще подтверждает положение Ленина о том, что реформы представляют собой побочный продукт революции. В период общего кризиса капитализма все большая часть реформ, связанных с уступками рабочему классу капиталистических стран, является побочным результатом победоносной мировой социалистической революции.

Успехи социализма вынуждают капиталистов принимать неотложные меры по перестройке структуры своей экономики, в том числе путем использования некоторых инструментов, заимствованных из практики социалистического планового хозяйства. Это также определяет своеобразные особенности развития отдельных этапов общего кризиса капитализма и его основных тенденций в целом. Но усилия правящих кругов империалистических стран затормозить развитие общего кризиса капитализма не могут изменить главной тенденции развития капитализма, выражающейся в углублении его общего кризиса.

3 *Капитализм после прорыва первого звена в цепи империализма*

Уже в самом начале глубокого политического кризиса, в который был ввергнут капитализм в результате Великой Октябрьской социалистической революции, проявилась неустойчивость всей системы капиталистического мирового хозяйства, уязвимость многих ее звеньев. Революционная ситуация назревала во многих районах мира. Чрезвычайную опасность для империализма представляло ее развитие в Европе, особенно в Германии, где со дня на день росло влияние коммунистической организации «Союз Спартака», возглавляемой К. Либкнехтом и Р. Люксембург. На борьбу против нее были мобилизованы все темные силы реакции, мощную поддержку которым оказал американский империализм. В Германии, где победила буржуазно-демократическая революция, царил страшнейший голод, создавший угрозу вымирания для значительной части народа. Американские империалисты использовали голод, чтобы задержать развитие революции. Правительством США было заявлено, что Германия не получит хлеба, если будет сформировано правительство с участием спартаковцев. Разоренная войной молодая Советская Республика не имела реальной возможности оказать существенную продовольственную помощь голодающим немецким трудящимся. Шантажирование голодающей Германии при помощи американского хлеба помогло ее империалистической буржуазии организовать зверскую расправу над вождями германского рабочего класса и развернуть волну контрреволюционного террора против его революционного авангарда.

Экономическая помощь американского империализма контрреволюционным силам Европы в 1919 г. впервые наглядно показала, какое решающее значение в дальнейших судьбах мировой социалистической революции будет иметь укрепление хозяйственного могущества молодого Советского государства. Еще раз это подтвердили события 1923 г., когда в Саксонии и Тюрингии образовались рабочие правительства, а в Гамбурге под руководством Э. Тельмана произошло восстание рабочих. Снова на помощь контрреволюционным силам Германии пришел американский империализм. Помощь по «плану Дауэса», приведшая к прекращению инфляции, к стабилизации марки и урегулированию репарационных платежей, создала условия для восстановления экономической и военной мощи германского империализма.

Временная, относительная стабилизация капитализма явилась не только результатом циклического движения экономики, преодолевшей кризис 1920—1921 гг. Началом этого нового периода первого этапа общего кризиса капитализма стал 1924 год. К этому времени силам международного империализма удалось погасить

очаги революционной борьбы не только в Европе и других капиталистических странах, но и справиться с волной национально-освободительного движения в колониях.

Дальнейший ход событий показал, что с тех пор, как появилось первое в мире социалистическое государство, сделалось неизбежным переплетение экономических и политических кризисов, подрывающих устои капитализма. Борьба с политическими кризисами приобрела для капитализма первостепенное значение. Влияние политики на ход стихийных процессов капиталистической экономики чрезвычайно усилилось.

О кризисе 1929—1933 гг. до сих пор ведется полемика между буржуазными экономистами. Однако большинство из них не в состоянии дать правильную оценку природы этого циклического кризиса, так как рассматривает его лишь в качестве порождения случайных и специфических условий динамики капиталистической экономики, сложившихся в 20-х годах, без учета того огромного влияния, которое оказывал социализм на ход мирового развития¹.

Буржуазные экономисты стараются доказать, что собственный опыт капитализма, пережившего этот глубокий кризис, привел к сознанию необходимости государственного регулирования экономики и к созданию механизма такого регулирования, который будто бы гарантирует поддержание ее более или менее устойчивого равновесия. Никто из апологетов капитализма не хочет признать тот факт, что на ход циклического кризиса 1929—1933 гг. огромное влияние оказывали и международные условия производства. Именно в годы кризиса отчетливо выявились экономические преимущества того общественного строя, который создала Великая Октябрьская социалистическая революция.

В начале 30-х годов, когда от трети до половины трудящихся капиталистических стран были обречены на безработицу, а экономика этих стран была парализована кризисом, Советский Союз успешно выполнил первую и вторую пятилетки, демонстрируя невиданные в истории темпы хозяйственного роста. В этих усло-

---

¹ Э. Хансен, например, считает причиной исключительной глубины этого кризиса то обстоятельство, что в 1929 г. «вершина большого экономического цикла», определяемого инвестициями в промышленность, совпала с «вершиной строительного цикла» (см. Э. Хансен. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959, стр. 94—95, 102, 134). Точно так же другой ведущий американский экономист, Дж. Гэлбрейт, объясняет глубину потрясения, вызванного кризисом 1929—1933 гг., конкретными условиями развития экономики США за семь предшествующих лет, а также политикой невмешательства в экономику, которой придерживались президенты Кулидж и Гувер (*J. K. Galbraith. The Great Crash 1929. London, 1955, ch. X*).

виях для буржуазного общества стало жизненной необходимостью доказать возможность регулирования капиталистической экономики. Усиление государственно-монополистического регулирования хозяйства его заправили в целях социальной демагогии старались изобразить как внедрение плановых начал, как создание «смешанной экономики», сочетающей в «разумных» пропорциях капитализм с социализмом.

Широкие меры по государственно-монополистическому регулированию экономики вызывались и внутренними закономерностями развития самого капитализма. В 30-х годах происходят существенные сдвиги в структуре монополистического капитализма. Диалектика экономических кризисов, как это установлено марксизмом, заключается в том, что, вызывая падение производства, обостряя противоречия капитализма, они в то же время ускоряют его развитие, переход на более высокую ступень концентрации и централизации капитала. В частности, под влиянием кризиса 1929—1933 гг. ускорилось перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. Это и создало возможности для все более глубокого вмешательства государства в процесс воспроизводства капитала, для его воздействия на ход цикла.

В этот период отчетливо проявили себя две разновидности государственно-монополистического капитализма. Одна из них развивалась в фашистских странах, которым были свойственны самая жесткая централизация хозяйства и свирепое подавление рабочего движения. Другая — в странах с парламентским строем. Наиболее полное выражение она нашла в «новом курсе» Рузвельта. Наряду с регулированием экономики в интересах монополий «новый курс» включал некоторые уступки рабочему движению и отдельные прогрессивные реформы.

В ходе второй мировой войны наиболее четко проявились специфические особенности этих двух разновидностей государственно-монополистического капитализма. После разгрома и дискредитации фашистских режимов правящие круги развитых капиталистических стран стали ориентироваться в той или иной степени на более либеральные формы государственно-монополистического капитализма. Под угрозой новых социальных потрясений они оказались вынужденными пойти на определенные уступки требованиям рабочего и демократического движения, широко сочетая прежние и применяя новые методы буржуазного реформизма. В свою очередь это создавало более благоприятные условия для усиления борьбы трудящихся за свои экономические требования, результаты которых оказали существенное влияние на ход послевоенного цикла.

В 30-х годах произошли заметные сдвиги и во всемирных хозяйственных связях. Под влиянием крайнего обострения проблемы внешних рынков ведущие капиталистические страны, и в том

числе США, начали проявлять растущий интерес к рынку Советского Союза. Стало очевидно, что экономически окрепший социализм будет все больше влиять на развитие всемирной системы международного разделения труда, органической составной частью которого он сделался.

В свое время, когда империалисты потерпели неудачу в военной интервенции против молодой Советской Республики и пытались сломить ее путем экономической блокады, Ленин с уверенностью предсказал неизбежность провала этой политики. Он отмечал: «Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»¹. Капитализм оказался не в состоянии исключить Советскую Россию из всемирных экономических отношений. Это проявилось уже во время экономического кризиса 1920—1921 гг., когда империалистические страны, и в первую очередь Англия, вынуждены были отказаться от блокады молодого Советского государства, но особенно наглядно в период кризиса 1929—1933 гг.²

Историческая действительность доказала объективную необходимость всемирных хозяйственных связей и для социализма и для капитализма. Но именно усиление позиций Советского Союза, успехи социализма больше всего пугали империалистических политиков, которые видели в них угрозу для всей капиталистической системы, испытывавшей катастрофические потрясения экономического кризиса.

В циклическом кризисе 1929—1933 гг. как в фокусе сконцентрировались все факторы, способствующие углублению общего кризиса капитализма. На примере этого кризиса можно весьма наглядно проследить связь между циклическими кризисами и общим кризисом капитализма, взаимозависимость между двумя типами противоречий, являющихся движущими силами его развития, — антагонизмом между капитализмом и социализмом и противоречиями внутри капиталистического мирового хозяйства.

Кризис сыграл роль детонатора для тех дремлющих в недрах мирового капиталистического хозяйства противоречий, которые вели к войне за передел мира. Побужденные в первой мировой войне империалистические страны уже в самом начале экономического кризиса отвергли Версальско-вашингтонскую систему договоров и начали готовиться к «ревизии» этой системы силой оружия. Кризис привел к резкому усилению таможенного протек-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 304—305.

² В начале 30-х годов Советский Союз за счет импорта покрывал $\frac{1}{5}$ своей потребности в машинах и оборудовании, почти 100% в каучуке и более 90% в алюминии.

ционизма, к ставке на создание автаркических экономических систем. Он вызвал распад относительно единого мирового рынка на национально-государственные автономии. Произошло также крушение международной валютной системы — возникла стерлинговая зона, за ней зона франка, блок доллара. Массовые банкротства должников подорвали систему международного кредита. Все-сторонние торговые связи все больше оттеснялись клиринговыми сделками. Стали складываться военные блоки. Вся динамика империалистических противоречий вела к вползанию в мировую войну. Предвестником ее явились «малые войны». В 1931 г. Япония вторглась в Китай. Полным ходом шла подготовка к войне Германии и Италии.

Но традиционный ход событий нарушало характерное для общего кризиса капитализма решающее значение антагонизма между капитализмом и социализмом. Во многих странах циклический экономический кризис переплелся с политическим. Особую опасность для империализма приобрел ход событий в Германии. Здесь в начале 30-х годов возникли реальные возможности завоевания политической власти рабочим классом, во главе которого стояла самая мощная в капиталистическом мире коммунистическая партия. Против революционных сил Германии ее финансовая олигархия в союзе с международным капиталом двинула вооруженные отряды фашистов и в результате массового террора установила кровавую диктатуру государственно-монополистического капитализма, которая стала главным оплотом в борьбе против коммунизма на континенте. Именно ставка империализма на гитлеровскую Германию как на авангардную силу в борьбе с коммунизмом создала предпосылки для фашистского блицкрига в Западной Европе.

Созданный под флагом антикоммунизма союз фашистских агрессоров благодаря попустительству других империалистических держав не только захватил значительные территории, но и так укрепил в результате их помощи свой военно-экономический потенциал, что у его правящих кругов возникла вполне реальная возможность установить господство над всем капиталистическим миром. Фашистские державы не могли пренебречь такой возможностью. Центробежные тенденции внутри капиталистического мира оказались сильнее центростремительных сил, связывающих их на основе общей платформы борьбы с коммунизмом:

Германия и Италия стали создавать свои империи в Европе, поставили перед собой задачу ликвидировать господство своих соперников в бассейне Атлантического океана. Япония решила включить в сферу своих владений западную часть Тихоокеанского бассейна и Индийский океан. Однако на пути фашистских планов мирового господства стоял Советский Союз. Острне фашистской агрессии было направлено прежде всего против первой страны социализма. Угроза фашистского порабощения заставила ряд капи-

талистических стран выступить на стороне антифашистской коалиции. СССР развернул Великую Отечественную войну против гитлеровской Германии. Этот своеобразный ход событий в период второй мировой войны привел к возникновению второго этапа общего кризиса капитализма.

4 Дальнейшее сужение сферы господства мирового капитализма

Нельзя отрицать некоторых общих закономерностей в исходных моментах первого и второго этапов общего кризиса капитализма, хотя различий между ними больше, чем сходства. Характер второй мировой войны определялся не только столкновением двух империалистических группировок. Решающее значение приобрела победа, одержанная Советским Союзом в борьбе против наиболее реакционных сил империализма.

Этот важнейший социально-политический аспект второй мировой войны выявил новую расстановку сил в современную историческую эпоху сосуществования и борьбы двух систем. Оказалось, что межимпериалистические противоречия в ходе борьбы за передел территорий, рынков и сфер влияния способны достигнуть такой остроты, что они временно оттесняют на второй план основной классовый антагонизм современного мира. Фашистская империалистическая агрессия, ставившая целью истребление и порабощение народов развитых стран капитализма, превращение суверенных государств в протектораты и генерал-губернаторства, заставила даже правящие круги этих государств искать поддержки со стороны социалистического государства, чтобы спасти себя и предотвратить гибель своих национальных государств. Не только логика войны, но и логика развития общего кризиса капитализма и соревнования двух систем сделали первое в мире социалистическое государство оплотом и защитником цивилизации.

Но империалистические страны, заключившие союз с социалистическим государством во имя победы над фашистскими агрессорами, ни на одну минуту не упускали из виду свою основную цель — сохранить и упрочить капитализм, не допустить выпадения новых звеньев из мировой капиталистической системы. Правящие круги этих стран извлекли известные уроки из опыта первого этапа общего кризиса капитализма. Еще в ходе войны они предпринимали всемерные усилия, чтобы не допустить послевоенного развала в мировом капиталистическом хозяйстве, развязывания острого инфляционного процесса, длительной разрухи и возникновения массовой безработицы. Это было достигнуто на путях дальнейшего усиления и развития государственно-монополистического регулирования экономики.

Монополии, учитывая возможные размеры платежеспособного

«отложенного спроса» на товары длительного пользования, изготовление которых было запрещено или сокращено до минимума в годы войны, создавали резервы для реконверсии производства. Это делалось для того, чтобы сразу же после прекращения военных действий без промедления наладить выпуск продукции гражданских отраслей и предотвратить «погоноу денег за товарами», способствующую инфляции¹.

Сразу же после окончания войны в капиталистических странах антигитлеровской коалиции были изданы законы, обязывающие правительства проводить антикризисную политику и не допускать массовой безработицы. Кроме того, еще во время войны США, Англия и другие страны антигитлеровской коалиции приняли меры, обеспечивающие международные условия расширенного капиталистического воспроизводства. Этой цели должны были служить межгосударственные учреждения, призванные регулировать торговлю и валютные отношения в масштабе всего мирового капиталистического хозяйства. Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Генеральное соглашение о тарифах и торговле и другие институты, созданные под эгидой США, ставили своей первоочередной задачей не допустить разгула инфляции и развала хозяйства в разоренных войной странах. В сущности их политическая задача заключалась в том, чтобы помешать возникновению революционных взрывов такого типа, которые сотрясали капиталистический мир после окончания первой мировой войны.

Нельзя не признать, что солидарность и взаимопомощь правящих кругов империалистических стран сыграли известную роль в относительно быстрой ликвидации послевоенной разрухи и в борьбе с революционными и демократическими движениями. Финансовая и экономическая помощь США западноевропейским капиталистическим странам служила не только средством, обеспечивающим их империалистическую экспансию, но была и проявлением определенной классовой стратегии. При посредстве займов, даров и субсидий США осуществили своеобразную экономическую интервенцию против революционных сил. Западноевропейской

---

¹ В США еще в марте 1943 г. Комитет по послевоенным проблемам, созданный Национальной ассоциацией промышленников, опубликовал доклад о том, как бизнес должен готовиться к тому, чтобы сразу после войны обеспечить высокую конъюнктуру на внутреннем рынке. Одним из важнейших способов достижения этого было требование сохранять в состоянии готовности резервные производственные мощности гражданских отраслей, а вооружение производить на заводах, построенных за государственный счет и переданных в аренду частным фирмам. Правительство США выполнило это требование монополий (*L. Lórwín. Postwar Plans of the United Nations. New York, 1944, p. 241.*

империалистической буржуазии удалось при поддержке США сохранить и временно укрепить свои классовые позиции. Наряду с этим американские и английские войска, прибывшие в Западную Европу для войны с фашизмом, фактически использовались в послевоенный период в качестве стража и охранителя капиталистического строя.

Однако, несмотря на попытки консолидировать силы империализма к концу второй мировой войны и в послевоенный период, его господству на мировой арене и в его главных цитаделях был нанесен непоправимый урон. И это решающим образом предопределило все развитие второго этапа общего кризиса капитализма. В результате победы социалистических революций в ряде стран Европы и Азии империализм окончательно утратил свою власть над четвертью территории земли и третью ее населения. Выпадение новых стран из капиталистической системы привело к небывалому ослаблению политических, экономических и военно-стратегических позиций империализма.

Уже в самом начале послевоенного периода соревнование двух мировых систем стало важнейшей чертой второго этапа общего кризиса капитализма, главным фактором его дальнейшего углубления. Пример братского сотрудничества социалистических стран и самоотверженного выполнения Советским Союзом своего интернационального долга послужил могучим стимулом для развертывания национально-освободительного движения, положившего начало крушению колониальной системы империализма. Складывание единого фронта социалистических революций и национально-освободительного движения также стало важнейшей чертой второго этапа общего кризиса капитализма.

Качественные изменения произошли и внутри лагеря империалистических государств. Политические позиции монополистического капитала и здесь были серьезно ослаблены. Почти во всех странах развитого капитализма имел место сдвиг влево в соотношении классовых сил. Это отразилось и на самой структуре государственно-монополистического капитализма. Под давлением трудящихся масс все правительства развитых капиталистических стран должны были законодательно взять на себя обязательство не только не допускать экономических кризисов и массовой безработицы, но и осуществлять «политику роста», которая, по их уверению, должна наряду с увеличением национального дохода обеспечить и более справедливое распределение его. Господствующей экономической доктриной стало неокейнсианство, представлявшее собой модернизированную доктрину Кейнса, приспособленную к новой обстановке соревнования двух систем.

В соответствии с резко возросшей экономической функцией государства произошли существенные изменения во всем механизме регулирования хозяйства. В ряде стран, где коммунисты в первые послевоенные годы входили в состав правительства и

сыграли важную роль в «битве за производство», направленной на преодоление послевоенной разрухи (Франция, Италия), завоевания левых сил были закреплены конституционно.

Решающая роль Советского Союза в разгроме фашизма помешала империалистам навязать побежденным фашистским державам угодные им условия политического устройства. Принятые под давлением Советского Союза и закрепленные в Ялтинском и Потсдамском соглашениях требования об уничтожении экономических и политических корней фашизма открыли и в этих странах, прежде всего в Италии и Японии, известные возможности для укрепления и консолидации демократических сил.

Все это создало благоприятные условия для успешной борьбы рабочего класса развитых стран капитализма за свои экономические и социальные права. Рост организованности рабочих и упорство их в классовых битвах заставили правящие круги, напуганные успехами социализма, соглашаться с многими требованиями трудящихся о повышении заработной платы и расширении государственных мероприятий по социальному страхованию, жилищному строительству, улучшению системы здравоохранения и просвещения.

Рост реальной заработной платы трудящихся и изменение структуры их потребления в послевоенный период явились существенными факторами расширения рынка в развитых капиталистических странах. Это сказалось также и на модификации цикла, вызывало некоторое уменьшение глубины кризисов. Дело в том, что капиталовложения, стимулируемые ростом доходов трудящихся и расширением сферы услуг, менее подвержены колебаниям, чем инвестиции в основной капитал производственной сферы, являющейся материальной основой цикла.

Уменьшению кризисных потрясений в послевоенный период способствовали также вызванные научно-технической революцией качественные изменения в циклах обновления основного капитала. Произошло заметное сокращение сроков этого обновления. Одна из важнейших причин такого явления — необычайное ускорение морального износа основного капитала. Способствовало этому процессу не только развитие научно-технического прогресса, но и бурный рост новых отраслей производства. Ускоренное обновление основного капитала помимо стихийных процессов рыночной конкуренции стимулировалось и государственно-монополистическими мерами. Во всех странах развитого капитализма были введены налоговые льготы, поощряющие ускоренную амортизацию и инвестиции в новую технику и научные исследования. Все это привело к расширению масштабов монополистической конкуренции и придало ей еще более острый характер. Новые формы конкурентной борьбы, и в особенности усиление роли межотраслевой конкуренции, затрудняли и ограничивали возможность сговора монополий о сокращении производства для искусственного повышения цен,

что в довоенный период являлось существенным фактором, питавшим тенденцию к стагнации производства. Важнейшим средством борьбы за монопольную прибыль стали научно-технический прогресс и ускорение производства новых товаров.

Однако ускорение роста производства и научно-технического прогресса в результате развития новых форм монополистической конкуренции и усиления государственно-монополистического регулирования экономики не ослабили свойственные империализму процессы загнивания и паразитизма.

На втором этапе общего кризиса капитализма его паразитарное перерождение проявилось не только в росте издержек монополистической конкуренции (колоссальное увеличение расходов на рекламу, создание при ее помощи искусственного спроса на товары «моды» и «престижа», пренебрежение к инвестициям в отрасли, жизненно важные для общества), но и в еще большем подчинении научно-технического прогресса целям милитаризации экономики. Милитаризация на втором этапе общего кризиса капитализма, превратившаяся во многих империалистических странах в постоянного спутника экономики мирного времени, оказалась в числе важнейших факторов, стимулировавших рост производства в главной стране капитализма — США. Ее своеобразие заключалось в том, что она развивалась главным образом на основе производства принципиально новых средств массового уничтожения, для которых понадобилось заново создавать прежде не изготовлявшиеся материалы с заранее заданными свойствами, а также узлы и оборудование, насыщенные электроникой, обеспечивающей максимальную автоматизацию. Милитаризация значительно усиливала цепную реакцию роста новых отраслей.

В США, которые стали страной наиболее милитаризованного капитализма, гонка вооружений цинично оправдывалась как эффективное антикризисное средство. Милитаризация, как средство антикризисного регулирования экономики, была «узаконена» и в других капиталистических странах.

Однако милитаризацию, начавшуюся сразу же после окончания второй мировой войны, нельзя объяснить лишь экономическими интересами заинтересованных в ней влиятельных группировок монополистического капитала. В том, что после второй мировой войны в отличие от периода, последовавшего за первой мировой войной, не наступила «эра пацифизма», которая была связана хотя бы с ограниченным разоружением, сказались прежде всего политические причины. Правящие круги США, возглавляющие империалистический лагерь, основывали свою агрессивную стратегию на использовании монополии на атомную бомбу. В своих притязаниях на мировое господство они делали также ставку на опоясывающую земной шар систему военных баз, где находилась стратегическая авиация, нацеленная на жизненные центры социалистических стран. Исходя из таких стратегических предпосылок,

империалисты надеялись изменить соотношение сил в мире в свою пользу путем войны против социализма. Они снова предприняли попытку объединиться под знаменем антикоммунизма для осуществления единой стратегии империалистического лагеря. Но авантюристическая стратегия, рассчитанная на сокрушение социализма, рабочего и национально-освободительного движения посредством угрозы атомного блицкрига, потерпела провал. Это произошло главным образом благодаря успехам Советского Союза в экономическом соревновании двух систем, в развитии научно-технического прогресса. В результате со второй половины 50-х годов, в условиях мирного времени, развернулся новый этап общего кризиса капитализма.

5 Капитализм утрачивает роль решающей силы мирового развития

Тот факт, что Советский Союз в середине 50-х годов овладел промышленным использованием энергии атома и первым вступил в космическую эру, не только изменил стратегическую обстановку на нашей планете. Это явилось также стимулятором серьезных социальных сдвигов во всем мире. Социализм еще раз доказал свои преимущества в планомерном использовании ресурсов общества и умении эффективно укреплять свою экономическую мощь, прокладывая новые пути в развитии науки и техники. Империалисты США, осуществлявшие агрессивную политику, исходя из превосходства в атомном оружии и стратегической неуязвимости своей территории, должны были убедиться в несостоятельности основных посылок своей стратегии.

Эти внешние факторы существенно ускорили структурные изменения в экономике развитых стран капитализма. Необходимость ответа на новый «вызов социализма», несомненно, сыграла важную роль в ускорении перехода к более централизованным и долгосрочным методам государственно-монополистического регулирования экономики. Внутренние предпосылки для этого перехода были подготовлены такими факторами, как рост концентрации и централизации капитала, а также обострение межимпериалистической конкуренции, значительное усиление которой вызвал экономический кризис 1957—1958 гг. В большинстве развитых капиталистических стран вводится программирование экономики на базе более высокой ступени его огосударствления. Это создало предпосылки для перехода классовой борьбы на более высокий уровень. Трудящиеся, отстаивая свои повседневные экономические требования, все больше приходят к непосредственному столкновению с государством, осуществляющим путем программирования «политику доходов», которая стала новой формой наступления на жизненный уровень. Экономическая борьба благодаря этому еще более тесно переплетается с политической.

Характерной чертой нового этапа общего кризиса капитализма стало ускорение процессов империалистической интеграции в Западной Европе. Объективные предпосылки для этого подготовила научно-техническая революция. Вызванные ею к жизни новые отрасли производства требовали таких огромных инвестиций, что осуществление их выходило за пределы возможностей даже самых крупных европейских монополий. Для успешной конкуренции с американскими монополиями было недостаточно слияния крупных фирм в пределах отдельных стран, осуществляемого при поддержке государства. В связи с этим возникли потребности к усилению интернационального переплетения капитала в Западной Европе. Средством для их реализации стали межгосударственные соглашения о международной специализации производства. Более высокая ступень интернационального переплетения капитала на базе международных государственно-монополистических соглашений относительно специализации производства и совместного использования ресурсов в свою очередь существенно сказалась на расстановке классовых сил. Она способствовала созданию предпосылок для большего сплочения европейского рабочего класса.

Под влиянием усиления международной конкуренции появились качественно новые моменты в механизме монополистической концентрации. Слияние крупнейших фирм стало не только результатом частных соглашений между победителем и побежденным, по традиции, давно установленной в джунглях капиталистической конкуренции. Эти слияния стимулировались и правительствами, чтобы обеспечить более высокую эффективность государственно-монополистического регулирования экономики и повысить конкурентоспособность монополий на внешнем рынке. В результате слияний в странах Западной Европы и в Японии начали возникать сверхмонополии, приближающиеся по своим масштабам к корпорациям США.

Характерной чертой новой ступени централизации и концентрации капитала стал складывающийся в развитых капиталистических странах аграрно-промышленный комплекс. Он включает сельское хозяйство, отрасли промышленности, перерабатывающие его продукцию и поставляющие ему средства производства, а также торговые фирмы, обеспечивающие товарооборот этого комплекса.

В Западной Европе волна слияний пересекла национальные границы. Они опосредствуются межгосударственными соглашениями как на базе империалистической интеграции в рамках Европейского экономического сообщества и Европейской ассоциации свободной торговли, так и на двусторонней основе¹.

---

¹ Характерным примером такого слияния служит заключенное в 1968 г. соглашение между итальян-

Знаменательно, что американские промышленные концерны, имеющие свои филиалы и дочерние предприятия в различных странах Западной Европы, стали с середины 60-х годов создавать общеевропейские центры, координирующие их деятельность. Это позволяет им не только реализовать преимущества международной специализации производства в рамках своих европейских промышленных империй. Они также с выгодой для себя могут использовать различия в конъюнктуре отдельных стран, их налогового и иного законодательства, разницу в уровне ставок банковского кредита и другие благоприятные факты для гибкого маневрирования своими резервами в общеевропейском масштабе и принятия хозяйственных решений с учетом меняющейся ситуации на континенте.

Наряду с тенденцией к монополистической интеграции в развитых странах капитализма и внутри торгово-политических группировок в мировом капиталистическом хозяйстве в целом все более отчетливо сказываются и процессы его дезинтеграции. Прежде всего это проявляется в растущем ослаблении международного разделения труда, которое исторически сложилось в рамках мирового капиталистического хозяйства между индустриальными и слабо развитыми в экономическом отношении странами. Кроме того, усиление неравномерности развития подтачивает также относительное единство империалистического лагеря, сложившееся после второй мировой войны. Основой его служила гегемония США, которые использовали «план Маршалла», НАТО, Международный валютный фонд, Генеральное соглашение о тарифах и торговле, чтобы восстановить механизм относительно свободной монополистической конкуренции на мировом капиталистическом рынке, способствовать процессам интернационализации капитала. Но США, сохраняя пока еще свою обретенную после войны гегемонию в капиталистическом мире, вынуждены были на третьем этапе общего кризиса капитализма уступить некоторые позиции своим значительно окрепшим конкурентам, образовавшим под внешним покровом атлантического единства неоформленную и весьма аморфную антиамериканскую коалицию.

Ослабление гегемонии США и усиление процессов дезинтеграции в мировом капиталистическом хозяйстве проявились в развитии валютного кризиса, создавшего угрозу крушения сложив-

---

ской автомобильной фирмой «Фиат» и французской «Ситроен», которое предусматривает координацию исследований, капиталовложений, производственных программ, поставок и продаж. По общей мощности объединение «Фиат — Ситроен» заняло первое место среди европейских автомобильных фирм и достигло уровня, позволяющего ему конкурировать с фирмами американской «большой тройки» («Дженерал моторз», «Форд», «Крайслер»).

шейся после войны системы международных платежей. Обострение валютного кризиса привело к усилению торговой войны. Девизом империалистических соперников стало увеличивать экспорт, сжимая импорт. Не имея возможности отказаться от недавно достигнутых соглашений об отмене таможенных пошлин, они начали широко прибегать к замаскированным методам вне таможенного протекционизма, которые сводятся главным образом к различным формам государственно-монополистического субсидирования экспортеров. Спутником усилившейся борьбы за рынки и неустойчивой конъюнктуры явилось расширение масштабов милитаризации капиталистической экономики. На путь гонки вооружений вернулись западногерманские и японские империалисты.

В результате указанных сдвигов в мировом капиталистическом хозяйстве все более четко вырисовываются контуры старых межимпериалистических противоречий, которые уже дважды привели к войне за передел территории, рынков сбыта и сфер приложения капитала. Но такому традиционному разрешению межимпериалистических противоречий мешает изменившаяся структура мира. Германский империализм уже не может надеяться на создание империи в Европе, так как соотношение сил в ней коренным образом изменилось в пользу социализма. По этой же причине закрыт путь к господству над Азией и для японского империализма. Американские империалисты после военных поражений, понесенных в Корее в 1950—1953 гг. и Вьетнаме во второй половине 60-х годов, а также под влиянием мощного антивоенного движения внутри страны тоже вынуждены приходить к выводу, что их стратегические замыслы о создании империи оказались химерой. Век колониальных империй кончился с тех пор, как социализм превратился в решающую силу мирового развития.

Важнейшей чертой третьего этапа общего кризиса капитализма стало как раз ускорение распада колониальных империй. Появление молодых национальных государств открыло новые горизонты Африке. Победа социалистической революции на Кубе, защита ее при поддержке Советского Союза от интервенции со стороны США, а также вступление ряда бывших колоний и полуколоний на путь разрыва с империализмом и глубоких социальных преобразований, конечной целью которых они провозгласили строительство социализма, не только показали возможность выпадения новых звеньев из цепи империализма в условиях мира, но также и невозможность для империалистов помешать этому исторически неизбежному процессу при помощи войны.

Укрепление могущества социалистической системы, сделавшее новую мировую войну во имя уничтожения коммунизма равносильной политике самоубийства для империалистических

держав, впервые открыло возможность положить конец длительной эпохе войн, заполняющих всю предысторию человечества. Это создает новые перспективы для мирового революционного процесса.

На третьем этапе общего кризиса капитализма еще больше раскрывается всемирно-историческая миссия Великой Октябрьской социалистической революции, которая провозгласила своей целью установление прочного мира и дружбы между народами нашей планеты. Становится все более очевидным, что новые экономические и политические победы социализма создают условия для революционных преобразований в обстановке мирного сосуществования государств с разным социальным строем.

Государственно-монополистическое регулирование экономики, достигшее высших форм капиталистического обобществления производства как в рамках национальных, так и путем интеграции в интернациональных масштабах, служит показателем объективной необходимости общественного регулирования производства, непреодолимые препятствия которому создает сам капитализм. Несмотря на то что государственное регулирование стало до некоторой степени сдерживать разрушительное действие рыночной стихии и способствует ослаблению циклических кризисов, оно ни в какой мере не приостановило углубления общего кризиса капитализма.

Было бы неправильно устанавливать прямую зависимость между глубиной потрясений, вызываемых циклическими кризисами перепроизводства, и общим кризисом капитализма. Экономический кризис, если он не перерастает в политический, создает предпосылки для собственного преодоления на основе внутренних сил капитализма¹. Общий кризис капитализма порождает такие противоречия, которые могут быть преодолены лишь путем перехода к социализму. Этот кризис представляет собой внутреннюю движущую силу перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Поэтому наряду с глубинными процессами, развивающимися в самом капитализме, мерой измерения его развития служит и степень продвижения человечества по пути к социализму.

Качественно новая черта третьего этапа общего кризиса капитализма состоит в перенесении центра тяжести мирового раз-

---

¹ Кроме того, надо учесть новую тенденцию, проявившуюся на третьем этапе кризиса капитализма. Серьезные социально-политические кризисы стали возникать не только на нисходящей фазе цикла, но и в условиях относительно высокой конъюнктуры. Характерный пример — грандиозная забастовка во Франции почти 10 млн. рабочих, совпавшая с движением студенчества в мае — июне 1968 г., которая сопровождалась захватом заводов-предприятий и учебных заведений.

вития в область экономического соревнования двух систем, которое стало важной формой классовой борьбы на международной арене, фактором, в большой мере определяющим изменения всей экономической и политической структуры современного мира. Появление мировой социалистической системы отнюдь не привело к складыванию двух все более обособляющихся автаркических мировых рынков. Наоборот, возникли предпосылки для еще большего развития всемирного разделения труда, в котором участвуют мировое социалистическое и мировое капиталистическое хозяйства.

Тенденция к расширению всемирных хозяйственных связей пробивает себе дорогу, несмотря на все противостоящие ей контртенденции. Диалектика исторического развития состоит в том, что в основе этой тенденции находится рост и укрепление социализма и обострение капиталистических противоречий. Капитализм в целом, и это становится все очевиднее, теперь больше, чем когда-либо, не может разрешить проблему рынков без социализма.

К развитию экономических связей с социализмом прежде всего тяготеют развивающиеся страны. Правда, доля мировой социалистической системы в их внешнеторговом обороте пока невелика¹. Однако для отдельных освободившихся стран, еще остающихся частью мирового капиталистического хозяйства, социалистический рынок играет уже очень важную роль. Кроме того, нужно учесть, что для всех этих стран экономические связи с мировой социалистической системой не могут измеряться лишь таким параметром, как объем внешней торговли. К тому же ее роль нельзя оценить, учитывая только количественные показатели. Важное значение здесь имеют качественные моменты.

Экономические связи развивающихся стран с социалистическими государствами неуклонно подрывают монополию империалистических держав в поставках машин и оборудования, лишают их возможности диктовать условия займов и кредитов. Благодаря помощи социалистических государств освободившимся странам удалось добиться более льготных условий получения этих займов и кредитов. Империалисты по доброй воле никогда бы не пошли на такие уступки. Помощь социалистической системы уже позволила многим освободившимся странам успешно противостоять угрозе экономической блокады со стороны империалистов, которую они неоднократно пытались осуществить в ответ на такие меры, как национализация собственности иностранных монополий и другие реформы, ведущие к ликвидации остатков колониализма.

Благодаря тому что развивающиеся страны имеют возможность обращаться за экономической помощью к социалистиче-

---

¹ В 1967 г. она составляла 6,9% (рассчитано по: GATT. «International Trade 1967». Geneva, 1968, p. 4).

ским государствам, им удалось сломить противодействие империалистов развитию тяжелой промышленности, сосредоточенной в государственном секторе, обеспечивающей основу экономической независимости и социальных преобразований. Без поддержки социалистических стран государственный сектор вообще не мог бы укрепиться во многих освободившихся странах. Империалисты открыто бойкотируют государственный сектор, поощряя развитие частного капитала. Неоценимое значение имеет помощь социалистических стран и в подготовке национальных кадров. Без поддержки мирового социализма, оставаясь лишь в рамках мирового капиталистического хозяйства, развивающиеся страны не могут разрешить свои коренные экономические и социальные проблемы. Логика освободительной борьбы вынуждает их налаживать все больше и больше всестороннее сотрудничество с социалистическим миром.

Знаменательно, что развитие экономических связей с социалистическими странами приобретает растущее значение и для индустриальных государств капиталистического мира. В их экспорте доля социалистической системы пока еще незначительна¹. Однако и здесь надо учесть качественно новые моменты и тенденции развития. Третий этап общего кризиса капитализма убедительно доказал, что существуют серьезные предпосылки для развития экономических связей социалистических государств с индустриальными капиталистическими странами.

Кроме торговли, значение которой неуклонно увеличивается, все более перспективной формой разделения труда между странами двух систем становится обмен патентами, технологическим опытом и научными знаниями. В условиях современной научно-технической революции ни одна даже самая мощная держава не может обеспечить себе возможность самостоятельного решения всех новых проблем науки и техники и пренебрегать теми достижениями социалистических стран в этой области, где они выступают в роли пионеров, пролагателей новых путей. Необходимость усиления взаимовыгодных хозяйственных связей между двумя антагонистическими системами приобретает важное значение с точки зрения перспектив революционного преобразования мира.

Окончательная победа нового общественного строя достигается лишь путем создания им более эффективной экономической системы. Победа социализма в экономическом соревновании двух систем может и призвана создать несокрушимую основу для успешного развития мировой социалистической революции.

Каковы же экономические аспекты взаимодействия трех основных революционных сил современности — социализма, рабочего

---

¹ В 1967 г. она составляла 4,2% (рассчитано по: ГАТТ, «International Trade 1967», p. 2).

движения и национально-освободительной борьбы в современной исторической обстановке?

Для стран социализма важнейшая задача — усовершенствовать систему общественного производства, повысить ее эффективность, сделать экономику наиболее динамичной и эффективной, в полной мере отвечающей требованиям современного научно-технического прогресса. Этой цели служат экономические реформы, осуществляемые в социалистических странах. Укрепление хозяйственного, политического и оборонного потенциала социалистических государств является их важнейшим вкладом в революционное преобразование мира.

Новые экономические аспекты имеет и революционная борьба рабочего класса развитых стран капитализма. Экономические доктрины господствующего класса в этих странах ныне реализуются через краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные программы государственно-монополистического регулирования хозяйства. Эти экономические доктрины становятся важным составным элементом политической платформы ведущих буржуазных партий, отражающих интересы и цели государственно-монополистического капитализма. Коммунистическое движение развитых стран капитализма поэтому самой логикой классовой борьбы поставлено перед необходимостью разрабатывать реальную демократическую и социалистическую альтернативу программам государственно-монополистического регулирования экономики, чтобы обеспечить наиболее действенную экономическую платформу для создания широкой антимонаполистической коалиции.

Экономические проблемы все более выдвигаются на первый план и в национально-освободительном движении. Большинство развивающихся стран завоевало политическую независимость, но сохраняет структуру экономик, унаследованную от своего колониального прошлого. Подлинная независимость может быть лишь результатом экономического освобождения от империализма, которое не является единовременным актом. Такое освобождение требует развертывания хозяйственного строительства на основе длительных и глубоких социально-экономических преобразований: решения аграрного вопроса в интересах крестьянства, достижения подлинной экономической независимости от империализма на основе укрепления роли государственного сектора, преодоления их вековой промышленной отсталости, ликвидации темноты и невежества масс, последовательного развития демократии, обеспечивающей переход политической власти к трудящимся.

По мере углубления общего кризиса капитализма становится особенно очевидной та истина, что империализм не может использовать грандиозные возможности научно-технической революции для созидательных целей, в интересах всего человечества.

Рабочий класс России взял в свои руки власть в то время, когда зарождалась революция в естествознании, связанная с по-

явлением теории относительности и квантовой механики. Переворот в физике положил начало современной научно-технической революции. Мировая социалистическая революция и мировая научно-техническая революция переплелись. Они определили тенденции развития современного мира. Сама история возложила на социализм лидирующую роль для того, чтобы реализовать гигантские возможности современной научно-технической революции.

Социалистическая революция уже не раз спасала человечество от катастроф, в которые его вовлекало развитие общего кризиса капитализма. В 1917 г. она сделала невозможным продолжение империалистической войны, которую были готовы вести до победного конца обе коалиции. В 1939—1945 гг. социализм спас человечество от фашистского рабства и большинство народов от запланированного расистами каннибальского геноцида. После второй мировой войны социализм стал главной гарантией спасения человечества от новой мировой войны, грозящей ему ядерным истреблением.

История в буквальном смысле слова возложила на социализм миссию спасения самого рода человеческого, существованию которого угрожает империализм. Уже сейчас становится очевидным, что империализм, стремящийся увековечить разделение людей на враждующие между собой классы и нации, превратился в серьезное препятствие рационального использования ресурсов нашей планеты, которые подвергаются хищническому расточению в результате порожденной им анархии в мировом хозяйстве. Осознание этого приводит даже людей, далеких от понимания марксизма-ленинизма, к выводу о необходимости покончить с политикой империалистической агрессии и антикоммунизма, мешающей объединению усилий всех народов для решения неотложных общечеловеческих задач.

Повторяя известные слова В. И. Ленина, можно сказать, что на каждом шагу возникают проблемы, которые человечество в состоянии разрешить, но мешает этому капитализм. Однако многие проблемы разрешимы и теперь. Капитализм перестал быть монопольным хозяином нашей планеты. Творческая марксистская мысль, а также исторический опыт развития социализма, объективно оцененный всеми подлинными сторонниками социального прогресса, позволяют наметить вполне реальную перспективу решения многих задач, ставших безотлагательными для всего человечества.

Закономерности всемирных хозяйственных и политических отношений определяются теперь борьбой двух систем. Будущее человечества связано с дальнейшими победами мировой социалистической революции, с развертыванием революционной борьбы во всех ее формах — мирных и немирных.

Коммунистические и рабочие партии на своем Совещании в Москве в июне 1969 г. подтвердили основанный на глубоком научном анализе вывод о том, что социализм остается решающей силой мирового развития, что «империализм не смог при помощи контратак изменить общее соотношение сил в свою пользу»¹. Но вместе с чувством исторического оптимизма, присущего коммунистическому авангарду человечества, Совещание предупредило о необходимости трезво оценить все те превратности, которые возможны в борьбе с таким сильным и опасным врагом, как современный империализм. В Документе, принятом Совещанием, указывается: «Нынешний этап характеризуется ростом возможностей для нового продвижения вперед революционных и прогрессивных сил. В то же время возрастают опасности, порождаемые империализмом, его агрессивной политикой. Империализм, общий кризис которого углубляется, продолжает угнетать многие народы и остается источником постоянной угрозы делу мира и социального прогресса». Именно поэтому Совещание призвало «развернуть более широкое наступление на империализм, на силы реакции и войны»².

Глава II Экономическое соревнование двух систем — закономерность современного мирового развития

В современном мире капитализм сосуществует бок о бок с мощной социалистической системой. До победы социалистической революции капитализм являлся самой передовой по тем временам системой организации общественного производства. Поэтому было вполне правомерно исследовать его, так сказать, в чистом виде. Сейчас такой анализ неправомерен, ибо развитие современного капитализма, его специфические закономерности и особенности, целый ряд обнаружившихся в последние годы новых явлений необъяснимы без анализа воздействия на капитализм мировой социалистической системы.

В настоящей главе соревнование двух систем рассматривается как объективная закономерность нашей эпохи, прослеживаются его ход, конкретные вопросы соревнования в области эффективности производства, повышения жизненного уровня населения, научно-технического прогресса и выясняются основные направления, в которых соревнование с социализмом воздействует на современный капитализм.

---

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 286.

² Там же, стр. 285.

1 Сущность экономического соревнования двух систем

Соревнование двух различных общественных систем уже имело место в истории человечества. В свое время капитализм соревновался с феодализмом. Развитие капитализма, его соревнование с феодализмом поначалу шли в рамках отдельных стран, в рамках одной системы хозяйства. Здесь бок о бок существовали и соревновались две формы эксплуатации. Они были враждебны друг другу, но не исключали одна другую. Капиталистическая форма эксплуатации выиграла соревнование с феодальной потому, что капитализм создал экономическую систему, обеспечившую более высокую производительность труда. Помимо использования чисто экономических преимуществ капитализм утверждал свое мировое господство в ходе кровопролитных войн, колониальных захватов, ограбления и порабощения народов.

В недрах капитализма не возникают и не могут возникнуть социалистические производственные отношения, отрицающие эксплуатацию. Взяв в свои руки политическую власть, пролетариат экспроприирует капиталистическую собственность на средства производства и создает новые отношения в производстве и новые закономерности развития производства. Новая социально-экономическая система строится сознательно. Соревнование с капитализмом поэтому также разворачивается не как стихийный, а как сознательный процесс, как процесс решения задач и достижения целей, поставленных перед собой социалистическими странами.

Маркс и Энгельс, рассматривая переходный период от капитализма к социализму, не ставили вопрос об экономическом соревновании между странами, вставшими на путь социализма, и капиталистическими странами. Они исходили из того, что социалистическая революция победит более или менее одновременно во всех развитых капиталистических странах. Перед ними стоял вопрос не о соревновании двух общественных систем, а о том, какими путями и средствами победившая революция будет оказывать воздействие на экономически отсталые страны, в которых еще сохранились старые общественные отношения. Маркс и Энгельс полагали, что после победы революции в развитых капиталистических странах старые порядки будут какое-то время существовать в бывших колониях. Главный путь революционного воздействия будущих социалистических стран на народы колоний Энгельс видел в силе примера социализма. «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, — писал он, — это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полудивильзованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности»¹.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 298.

Практически вопрос об отношениях победившего социализма со странами, в которых сохранилась старая общественная система, встал в иной плоскости, поскольку социалистическая революция первоначально победила в одной стране, причем стране со средним уровнем развития экономики. Проблему воздействия победившего социализма на развитие революционного движения в мире история поставила как проблему отношений между социализмом, победившим в одной стране, и капитализмом, сохранившим власть в других, в том числе наиболее развитых, странах мира, как вопрос о путях и методах воздействия первой социалистической страны на мировое развитие. В. И. Ленин разработал научную программу строительства социализма в нашей стране. Он поставил вопрос о необходимости догнать и перегнать экономически наиболее развитые капиталистические страны. Он категорически отверг идею «экспорта революции», навязывания социализма другим странам извне как идею, в корне противоречащую учению Маркса и самой природе социализма. В. И. Ленин теоретически разработал идею о возможности мирного сосуществования государств двух различных социально-экономических систем и начал борьбу за ее осуществление в практике отношений Советской России с капиталистическими странами.

В мае 1921 г. Ленин указывал: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное»¹. Эта глубочайшая мысль подразумевает необходимость разработки целой программы мирного сосуществования и экономического соревнования с капитализмом.

По своей социально-экономической сущности соревнование между социализмом и капитализмом является важнейшей формой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией в международном масштабе. Говоря об экономических отношениях между социализмом и капитализмом, В. И. Ленин подчеркивал: «Тут — дело государственной борьбы. Тут-то мы и должны противопоставить два способа ведения хозяйства — социалистический и капиталистический. Тут тоже война, в которой мы и должны дать решительный бой»².

Экономическое соревнование между социализмом и капита-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 341.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 77.

лизмом имеет громадное значение для развития мирового революционного процесса. В ходе экономического соревнования теоретически доказанные основоположниками марксизма-ленинизма преимущества социализма как способа производства должны быть подтверждены и продемонстрированы на практике. Социализм, утвердившись как экономическая система, на деле доказывает, что он может обеспечить более высокие темпы роста экономики, более высокую производительность общественного труда, более высокий технический уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, более высокий уровень жизни народных масс.

Отсюда, однако, не следует, что задачи экономического соревнования с капиталистическими странами являются самодовлеющими задачами и им должно быть подчинено все развитие социалистической экономики. Развитие социалистической экономики осуществляется в соответствии с объективными экономическими законами социализма. Главной целью этого развития является строительство социализма и коммунизма. Цель и задачи развития социалистической экономики вытекают из внутренних закономерностей развития, а не из соревнования с капиталистическими странами. Показатели развития на перспективный период, намеченные исходя из внутренних задач и возможностей развития социалистической экономики, затем сопоставляются с показателями развития экономики капиталистических стран, и таким образом определяется, какие задачи экономического соревнования будут решены в планируемый период.

Соревнование в области экономики является центральным звеном в соревновании между социализмом и капитализмом. Соревнование вместе с тем охватывает и другие весьма важные области — социальную, политическую, военную, идеологическую, образование, науку и культуру. Социализм доказывает свои преимущества в деле улучшения условий жизни и труда, развертывания социалистической демократии, быстрого развития передовой науки и культуры, повышения уровня образования. Вместе с тем перед социализмом встает задача укрепления обороноспособности страны и подготовки к защите завоеваний социализма. Соревнование между социализмом и капитализмом есть процесс выявления преимуществ нового общественного строя. Социализм выступает за мирное сосуществование в области отношений между государствами, за мирное соревнование во всех областях. Однако в ходе соревнования двух систем идет острая, непримиримая борьба против буржуазной идеологии.

Каждый шаг вперед в коммунистическом строительстве, в соревновании с наиболее развитыми капиталистическими странами имеет огромное революционизирующее значение, оказывает серьезное воздействие на ход и перспективы классовой борьбы в капиталистическом мире, на мировой революционный процесс.

Советский Союз, другие социалистические государства добились громадных успехов в экономическом соревновании с капиталистическим миром. Правильно оценивать эти успехи лучше всего в долговременном плане. Процесс развития социалистической экономики — гигантский по своим масштабам процесс, в ходе которого народы социалистических стран решают сложнейшие задачи, впервые в истории поставленные перед человечеством. На этом пути в отдельные годы и периоды некоторые социалистические страны могут испытывать серьезные затруднения. Практика показывает, однако, что трудности в развитии социалистической экономики — дело временное. Эти трудности преодолеваются в процессе совершенствования социалистических производственных отношений, в результате приведения в действие резервов и величайших объективных преимуществ социалистической экономики.

2 Исторический ход экономического соревнования

Социализм вступил в соревнование с капитализмом после Великой Октябрьской социалистической революции в крайне неблагоприятных условиях — с разрушенной и весьма отсталой технико-экономической базой. Первой задачей социалистического строительства и соревнования с капитализмом было восстановить разрушенное войной, доказать, что обобществленная экономика может функционировать, показать ее эффективность и преимущества в сравнении прежде всего с внутренним, российским, капитализмом. Капитализм в России был побежден, но далеко еще не разгромлен. Он продолжал оставаться экономическим и политическим весьма опасным противником, так как опирался на мощный слой мелкого товарного производства, располагал материальными и финансовыми ресурсами, имел длительный опыт хозяйствования, тесные связи с международным капиталом. Экспроприировав средства производства, пролетариат должен был создать новое общественное хозяйство и вести его так, чтобы оно быстро доказало свои преимущества в сравнении с хозяйством частным.

Это была задача невиданной сложности. Речь шла не просто о перестройке капиталистического хозяйства на социалистический лад. В нашей стране задачи обобществления производства переплетались с необходимостью восстановления военных разрушений, создания современного производственного аппарата, ликвидации вековой российской отсталости. Уже на этом самом первом этапе экономического соревнования, когда социалистическая система хозяйства еще только начинает функционировать, проявляются ее величайшие экономические преимущества. Уровень промышленного производства 1913 г. был восстановлен в 1926—1927 гг. Этим завершается первый этап экономического

соревнования с капитализмом. Социализм осуществил перестройку экономики на социалистических началах, доказал свою жизнеспособность, одержал победу в борьбе с капитализмом внутри страны.

Вслед за этим начался новый этап соревнования с капитализмом. Центр его тяжести был перенесен на международную арену. Социализм вступил теперь в соревнование не с относительно отсталым российским капитализмом, а с наиболее развитыми капиталистическими странами, которые в развитии основных отраслей хозяйства далеко опередили первое социалистическое государство. Однако Коммунистическая партия смело взяла курс на победу в экономическом соревновании с развитыми капиталистическими странами. В. И. Ленин писал, что наша страна стоит перед альтернативой «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически»¹. Он указывал, что мы «добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали... в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся»².

Практическое выполнение этой задачи началось в годы довоенных пятилеток. В итоге выполнения первой пятилетки СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную и по структуре своего народного хозяйства приблизился к развитым капиталистическим странам. Среднегодовые темпы роста промышленности за годы пятилетки были равны 21%. Было осуществлено строительство новых современных предприятий, оснащенных передовой техникой. За годы пятилетки была проведена коллективизация сельского хозяйства, создано более 200 тыс. колхозов, 5 тыс. совхозов и почти 2,5 тыс. машинно-тракторных станций. Произошел величайший переворот в техническом уровне сельского хозяйства. Исчезла соха, тракторная вспашка охватила свыше трети всех посевов против 1% в 1928 г.³ Громадными были достижения пятилетки. За годы пятилетки в СССР была ликвидирована безработица.

Величайшие достижения СССР за годы первой пятилетки были особенно разительными на фоне мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., охватившего капиталистический мир. Это был наиболее тяжелый кризис в истории капитализма. Промышленное производство упало в 1932 г. в США и Германии до 57%, во Франции — до 74, в Англии — до 89% от уровня 1928 г.⁴

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 198.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 247.

³ См. «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М. — Л., 1933, стр. 23—25.

⁴ См. там же, стр. 22

Новые рубежи в соревновании с капиталистическим миром наша страна взяла в годы второй пятилетки. Предшествующие успехи дали возможность поставить в этом плане задачу обогнать передовые страны Европы по абсолютным размерам промышленной продукции, по мощности производственного аппарата. «Укрепляя свою мощь, — указывается во втором пятилетнем плане, — СССР еще выше поднимает свой авторитет среди пролетариев всех стран и трудящихся колониальных народов, каждым своим новым успехом демонстрируя новые возможности неограниченного развития первой социалистической страны в противоположность загниванию и упадку капиталистического мира»¹. Второй пятилетний план также был успешно выполнен. Была выполнена главная хозяйственная задача пятилетки — завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР.

Пролетариат всех стран с глубочайшим сочувствием следил за ходом советского хозяйственного строительства. Трудящиеся капиталистических стран понимали, что доказывается историческая прогрессивность нового общественного строя, его исторические преимущества перед капитализмом. Как никогда ранее, от результатов хозяйственного строительства в СССР стало зависеть отношение к социализму в других странах.

Успешное выполнение второго пятилетнего плана дало возможность XVIII съезду партии поставить перед страной основную экономическую задачу — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны в экономическом отношении, по производству важнейших видов продукции на душу населения. В резолюции съезда о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР указывалось: «...теперь мы можем и должны во весь рост практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: *догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки*, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени»².

За годы довоенных пятилеток советский народ добился выдающихся достижений в развитии народного хозяйства. За 1928—1940 гг. национальный доход СССР вырос в 5,1 раза, промышленная продукция — в 6,5, продукция сельского хозяйства — в 1,3 раза³. Для капиталистических стран 30-е годы были годами жесточайшего экономического кризиса. Предкризисный уровень промышленного производства был восстановлен лишь в 1937 г.

---

¹ «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)», т. I. М., 1934, стр. 36—37.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III. М., 1954, стр. 341.

³ См. «Страна Советов за 50 лет». М., 1967, стр. 29.

Однако в 1938 г. капиталистический мир начал вползать в новый экономический кризис.

Для Советского Союза соревнование с капитализмом в годы довоенных пятилеток было соревнованием не только в развитии мирной экономики, но и в создании экономической базы обороны страны. Социализм вступил с капитализмом не только в мирное экономическое соревнование, но и в военно-экономическое соревнование, в ходе которого решался вопрос о военной прочности и стабильности победившего социализма. Поэтому СССР был вынужден отрывать значительные ресурсы от мирного строительства и направлять их на содержание армии и флота, развитие военной индустрии, развитие тяжелой промышленности, являющейся базой обороны страны.

Нападение фашистской Германии прервало мирное хозяйственное строительство СССР. Война была периодом тяжелейших испытаний. Были временно потеряны экономически наиболее развитые районы страны. Однако в тяжелейших условиях войны плановое хозяйство вновь продемонстрировало свою величайшую жизненную силу. Оно обеспечило нужды фронта, с честью выдержало единоборство с капиталистической экономикой фашистской Германии и европейских стран, которые были оккупированы фашистами. Социализм одержал не только военную, но и экономическую победу над врагом.

На территории США не было военных действий и военных разрушений. Американские монополии нажились на войне. К концу войны разрыв между экономикой СССР и США значительно увеличился. Однако советский народ быстро восстановил военные разрушения, и уже к 1948 г. промышленное производство достигло довоенного уровня. Вопрос об экономическом соревновании вновь встал на повестку дня.

Победа социализма в ряде стран Европы и Азии превратила социализм в мировую систему. Начался новый этап экономического соревнования — соревнование между двумя мировыми системами. Место социализма в мире существенно изменилось. До второй мировой войны на долю социалистической системы приходилось 17% территории земного шара и около 9% населения. Социализм производил примерно 10% мировой промышленной продукции. В 1950 г. на долю социализма приходилось уже около 26% территории, 35% населения земного шара, около 20% мировой промышленной продукции¹.

Новый этап экономического соревнования характеризуется выдвижением новых задач. Рост промышленного производства в социалистических странах и последовательное увеличение их доли в мировой промышленной продукции дали возможность вы-

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.». М., 1968, стр. 136.

двинуть задачу достижения превосходства над капитализмом по общему объему промышленного производства. Конкретные задачи нового этапа соревнования были сформулированы в решениях XX—XXIII съездов КПСС.

Превращение социализма в мировую систему выдвинуло и еще один важный участок соревнования — соревнование в сфере международного экономического сотрудничества. Социалистические страны начали создавать новый тип экономических связей, основанный на подлинном равноправии и взаимопомощи. Капиталистическим методам международного разделения труда и международных экономических отношений, базирующихся на экспорте капитала, нещадной эксплуатации монополиями более слабых стран, социализм противопоставил отношения социалистического сотрудничества и братской взаимопомощи. Новые социалистические международные экономические отношения показали свои величайшие преимущества в сравнении с капиталистическими. Сотрудничество и взаимопомощь были весьма важным фактором послевоенного подъема экономики социалистических стран.

После окончания второй мировой войны весьма обострилось военно-экономическое соревнование с империализмом. Атомная монополия США, претензии американского империализма на мировое господство, превращение его в главную ударную силу мирового империализма, в центр и главную военную силу антисоветских блоков вновь подчеркнули всю актуальность задач военно-экономического соревнования и заставили СССР активизировать усилия по укреплению обороны страны. Новая ступень в развитии военной техники поставила в центре этого соревнования научно-исследовательскую работу по созданию новых видов оружия. Решающие достижения Советского Союза в этой области, особенно создание атомной и водородной бомб и межконтинентальных ракет, привели к коренному изменению в соотношении сил между двумя системами и дали возможность социализму выдвинуть на первый план мирное экономическое соревнование.

В 50-е годы мировой социализм добился выдающихся успехов в экономическом развитии. Промышленное производство социалистических стран за 1950—1960 гг. возросло в 3,5 раза, промышленное производство капиталистических стран — всего на 69 %, в том числе развитых капиталистических стран — на 62 %¹. Социализм значительно превзошел капитализм по темпам экономического роста. За 1951—1960 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства в СССР составили 10 %, а в США — всего 3 %, т. е. в 3 с лишним раза меньше². Советский Союз

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.». М., 1969, стр. 141.

² См. там же, стр. 152.

к концу 50-х годов производил больше промышленной продукции, чем такие страны, как Англия, Франция, Италия, Канада, Япония, Бельгия и Нидерланды, вместе взятые.

3 Современный этап экономического соревнования

На протяжении всех прошедших лет народы мира с волнением следили за ходом экономического соревнования двух систем, которое неизменно проходило под знаком неуклонного укрепления социализма. Главная особенность современного этапа экономического соревнования заключается в том, что оно, как никогда раньше, стало испытывать на себе влияние ускорившегося научно-технического прогресса. Научно-техническая революция, охватившая ныне весь индустриальный мир, наложила свой отпечаток на нынешний ход экономического соревнования.

В 1968 г. страны социализма произвели примерно 39% мировой промышленной продукции, страны капитализма — 61%. Среднегодовой прирост промышленной продукции социалистических стран составил за период 1951—1968 гг. 10,7%, капиталистических стран — 5,5%¹. В Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий отмечено, что «быстрое развитие народного хозяйства стран социалистической системы, опережающее по своим темпам экономический рост капиталистических государств, выход социализма на передовые позиции по ряду направлений научно-технического прогресса, открытие Советским Союзом пути в космос — все эти реальные итоги созидательного труда народов социалистических стран в решающей степени содействуют перевесу сил мира, демократии и социализма над империализмом»².

На долю США в 1968 г. приходилось 45% мирового капиталистического производства, на долю СССР — более половины мирового социалистического промышленного производства. Вполне естественно, что показатели развития СССР и США служат важнейшим критерием хода соревнования двух систем. Среднегодовые темпы роста национального дохода СССР за 1951—1968 гг. составили 8,8%, США — 3,75%, продукции промышленности — соответственно 10,4 и 4,5%³. При этом важно учесть быстрое возрастание абсолютной величины 1% прироста за прошедшие

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 140—141.

² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 302.

³ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 144, 152.

годы. Еще в 1928 г. этот «вес» 1% прироста промышленной продукции СССР был равен всего 50 млн. руб., в 1952 г. — уже 500 млн. руб., в 1960 г. — 1,6 млрд. руб., в 1968 г. — 3,2 млрд. руб.

Таблица 1 Основные экономические показатели СССР
(в % к уровню США)

	1950 г.	1957 г.	1965 г.	1968 г.
Национальный доход	31	50	62	около 64
Промышленная продукция	менее 30	47	65	около 70
Продукция сельского хозяйства	55	более 70	примерно 75	примерно 75
Производительность труда:				
в промышленности	30—40	40—50	40—50	около 50
в сельском хозяйстве	20	20—25	20—25	20—25
Отдельные показатели промышленного производства в натуре				
Уголь (в пересчете на условное топливо)	39	72	83	80
Нефть	14	28	63	69
Газ	3	7	28	32
Сталь	30	49	75	87
Чугун	32	51	82	97
Электроэнергия (валовой выпуск)	22	28	41	43
Автомобили, всего	5	7	6	8
Металлорежущие станки	42	77	95	...
Бумага	12	17	19	20
Минеральные удобрения	31	42	65	70
Химическое волокно	4	20	27	26
Пластмассы и смолы	6	9	14	17
Цемент	26	58	111	127
Радиоприемники и радиолы . .	7,4	23	20	32
Холодильники бытовые	0,02	9	34	70
Телевизоры	0,6	11	33	49
Обувь кожаная	39	53	77	92
Хлопчатобумажные ткани . . .	32	47	66	89
Шерстяные ткани	36	106	149	203

Составлено по: «Проблемы мира и социализма», 1936, № 10, стр. 21—23; «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 143, 154—157.

Приведенные данные показывают, что за 18 лет национальный доход СССР возрос с 31 до 64% от уровня США. Это само по себе означает, что Советский Союз именно в эти годы сделал решающий вклад в дело успешного экономического соревнования с США. При этом наиболее значительные успехи были достигнуты в области промышленного производства, особенно в той его части, которая связана с производством средств производства

(группа А). В целом по производству промышленных средств производства уровень СССР составляет примерно 80% от уровня США, предметов потребления — 50%. Сравнение отдельных натуральных показателей промышленного производства еще более конкретно говорит об изменении соотношений в пользу СССР. Важно отметить, что наиболее быстро эти соотношения меняются по таким отраслям, как производство нефти, газа, химического волокна, холодильников, телевизоров. СССР ближе всего подошел к уровню США по производству оборудования и конструкционных материалов. Так, при соотношении промышленного производства СССР к США в целом, равном 70%, соотношение по важнейшим конструкционным материалам — чугуну и стали — составило в 1968 г. 97 и 87%, по цементу — 127%.

Опережая США по производству важнейших видов сырья, СССР отстает по прогрессивным видам продукции, требующим квалифицированной обработки: по производству современного производительного оборудования, по приборостроению и электронике, по пластмассам, синтетическому волокну, синтетическим моющим средствам, электроэнергии. Все это определяет и известное отставание от США по общему техническому уровню производства. Однако превосходство СССР в темпах экономического развития является основой для успешного решения задачи догнать и перегнать развитые капиталистические страны и по тем видам продукции и отраслям, по которым мы пока существенно отстаем. На современном этапе экономического соревнования двух систем проявились в полную меру некоторые новые черты. Советский Союз вплотную приблизился к уровню США по общему объему народнохозяйственных капитальных вложений, превзошел США по объему этих вложений в производственную сферу и по объему всего накопления. Общая сумма капитальных вложений в народное хозяйство СССР составила в 1968 г. 61,3 млрд. руб., или примерно 95% от уровня США по сравнению с 30% в 1950 г.¹ Что же касается вложений в сферу материального производства, то здесь СССР превосходит США примерно на 40%, по народнохозяйственному накоплению (63,9 млрд. руб. в 1968 г.) — примерно на 20%.

За последние годы СССР превосходит США не только по относительным темпам прироста всей продукции, но и по абсолютным приростам важнейших ее видов. Так, за период 1951—1968 гг. среднегодовой абсолютный прирост производства нефти составил в СССР 15,1 млн. т, в США — 10,2 млн. т, стали — соответственно 4,4 млн. и 1,5 млн. т, цемента — 4,3 млн. и 1,7 млн. т, кожаной обуви — 21,9 млн. и 7,3 млн. пар².

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 143, 519, 572.

² См. там же, стр. 153.

На новом уровне развития современных производительных сил в странах мировой социалистической системы стало больше уделяться внимания вопросам повышения эффективности общественного производства, жизненного уровня населения, ускорения научно-технического прогресса.

Капиталистический мир в 60-е годы несколько увеличил темпы экономического роста, прежде всего благодаря ускорению темпов роста экономики США. В Соединенных Штатах в 1961—1968 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства составили 6,4%, что заметно превышает темпы роста 50-х годов¹. Ускорение развития капиталистической экономики и замедление роста экономики в некоторых социалистических странах привели к тому, что темпы увеличения доли социализма в мировом промышленном производстве в 60-е годы несколько замедлились. Так, за период с 1960 по 1968 г. доля стран социализма в мировой промышленной продукции возросла на 3 процентных пункта (с 36 до 39%), в то время как с 1950 по 1960 г. — на 16 пунктов (с 20 до 36%). Соотношение СССР к США по производству промышленной продукции в 1960—1968 гг. выросло с 60 до 70% (на 10 процентных пунктов), в то время как в 1950—1960 гг. — с 30 до 60% (на 30 пунктов)². Особенно трудные задачи встали перед мировым социализмом в деле повышения эффективности производства и ускорения научно-технического прогресса. Все это требует приведения в действие всех объективных преимуществ и ресурсов социалистической экономики. Именно к этой цели направлены проводимые в социалистических странах экономические реформы. Перестройка системы руководства экономикой диктуется объективными потребностями развития народного хозяйства, необходимостью привести формы и методы организации производства и управления им в соответствие с новым уровнем его развития. Проведение реформ нацелено на повышение эффективности социалистической экономики, ускорение темпов ее развития.

Усложнение задач соревнования в 60-е годы является следствием не только изменений в соотношении темпов роста. Ускорение научно-технического прогресса в капиталистических странах, и прежде всего в США, привело к ускорению структурных сдвигов в их экономике, появлению комплекса передовых, прогрессивных отраслей, ускорению роста общественной производительности труда. В развитых капиталистических странах наметилась тенденция интенсификации хозяйственных процессов,

---

¹ Причины повышения темпов роста экономики США и некоторых других капиталистических стран подробно рассматриваются в 12 и 13 главах книги.

² См. «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», М., 1961, стр. 166, 168; «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 140, 143.

делается упор на более экономное использование материальных и трудовых ресурсов, уделяется особое внимание качественным сторонам производства, совершенствованию механизма организации и управления производством.

Все это выдвигает на первый план соревнования наряду с проблемой темпов роста экономики ряд новых проблем. Среди них важнейшей является проблема соревнования в области эффективности общественного производства, повышения жизненного уровня населения, развития науки и использования ее достижений. Социализм в соревновании в этих областях имеет преимущества планового, государственного развития науки, концентрации сил и средств на главных ее направлениях, планового внедрения ее достижений в производство. Однако исторический опыт показал, что на первых этапах развития научно-технической революции капитализм, особенно американский капитализм, располагает определенными материальными преимуществами. Это прежде всего громадные капиталы, накопленные корпорациями, которые можно вложить в развитие науки, это масштабы современных корпораций, позволяющие сделать такие капиталовложения эффективными. Немалую роль играет и то, что в последние десятилетия значительно обострилась конкуренция между монополиями, превратившая научно-технический прогресс в важнейший фактор повышения технического уровня производства. Объективные преимущества социализма в развитии науки и техники не могут быть реализованы самотеком. Победа на этом участке соревнования является делом очень сложным. В обеспечении ее большую роль должны сыграть экономические реформы, проводимые в социалистических странах.

Таким образом, задачи соревнования с капитализмом в 60-е годы значительно усложнились. Но рост экономической мощи социалистических стран, проводимые в них мероприятия по совершенствованию экономики являются залогом того, что последующие годы ознаменуются новыми успехами социализма в соревновании с капитализмом.

Неодолимым преимуществом социализма является превосходство его плановой экономики, способной обеспечивать устойчивые темпы роста, исключаяющие циклические колебания. На стороне социализма огромные морально-политические преимущества, позволяющие наиболее эффективно использовать творческую энергию народов для решения сложнейших задач научно-технической революции, достижения которой идут на благо всего общества.

4 *Проблемы повышения эффективности производства при социализме*

Значительное сближение уровней экономического развития СССР и США, происшедшее в последние годы, показывает, что догнать США по объемам производимой продукции нашей стране вполне по плечу в ближайший исторически короткий отрезок времени. Однако стало ясно и то, что еще более насущной задачей становится цель догнать развитые капиталистические страны по эффективности производства и его научно-техническому уровню, которые определяются качественными экономическими и техническими показателями.

В речи, произнесенной в Минске 28 декабря 1968 г., Л. И. Брежнев подчеркнул, что «в области научно-технического прогресса пролегал сегодня один из главных фронтов исторического соревнования двух систем. Для нашей партии это делает дальнейшее интенсивное развитие науки и техники и широкое внедрение в производство последних научно-технических достижений не только центральной экономической, но важной политической задачей»¹. Такая постановка вопроса означает дальнейшее развитие концепции экономического соревнования между социализмом и капитализмом, изменение в стратегии этого соревнования.

Сосредоточение главного внимания в экономическом соревновании на показателях эффективности и технического уровня производства означает, что во главу угла должны ставиться сопоставление результатов производства с затратами производственных ресурсов, сопоставление структуры наличных ресурсов и производства в социалистических и капиталистических странах. Особое значение при этом имеют конкретные сопоставления эффективности использования таких ресурсов, как рабочая сила, основные фонды и капиталовложения, сырье и материалы.

По ряду показателей эффективности производства СССР идет впереди развитых капиталистических стран. Примером могут служить использование технологического оборудования в доменном и мартеновском производствах, достижения в области электроэнергетики, производства сверхмощных турбин и создание высоковольтных сетей электропередач. О принципиальном преимуществе в использовании трудовых ресурсов говорит отсутствие у нас безработицы. Однако в деле повышения эффективности использования всех производственных ресурсов в СССР еще много нерешенных проблем и скрытых резервов. Одной из таких проблем является проблема соревнования по производительности труда.

---

¹ «Правда», 29 декабря 1968 г.

По данным ЦСУ СССР, уровень производительности труда в промышленности СССР составляет в последние годы 50% от уровня США. В определении факторов роста производительности труда в промышленности СССР до сих пор часто главное внимание уделялось чисто техническим вопросам — росту электро-, энерго- и фондовооруженности труда, комплексной механизации и автоматизации производства и т. д. А между тем при высокой насыщенности производства дорогостоящей техникой каждый дополнительный процент прироста производительности труда за счет новой техники и технологических процессов дается все более дорогой ценой. Несравненно более выгодным делом в этих условиях оказывается повышение производительности труда за счет лучшей организации труда и всего производственного процесса. В. И. Ленин подчеркивал особую важность умения *«практически организовать»*. Он писал, что «это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей»¹.

Социализм имеет все возможности обеспечить всеобщую экономическую заинтересованность в эффективной организации всего общественного труда, ибо он базируется на общественной собственности на средства производства. Однако по организации производства социалистические страны отстают от развитых капиталистических стран в значительно большей степени, чем по уровню развития техники и технической оснащенности производства.

Серьезным резервом ускоренного роста производительности труда является усиление специализации и кооперирования производства. Особенно это важно в машиностроении, где почти каждое предприятие имеет литейные, кузнечные, инструментальные и ремонтные цехи. В СССР на специализированных предприятиях занято 1,7% работающих и производится 1,5% продукции машиностроения, в США — соответственно 27 и 21%². Это говорит о необходимости укрепить инфраструктуру советского машиностроения, наладив массовое специализированное производство заготовок, инструмента и оснастки.

Резервом повышения эффективности производства в СССР является улучшение использования действующего производственного аппарата, имеющихся основных производственных фондов и текущих капитальных вложений, а также более интенсивный процесс обновления основных фондов. В промышленности СССР действующие нормы амортизационных отчислений исходят из срока службы оборудования в 17 лет, а в США средний срок службы

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 173.

² См. «Вестник Московского университета», серия «Экономика», 1969, № 1, стр. 21.

оборудования в обрабатывающей промышленности в последние десятилетия составляет всего лишь семь лет¹.

Большие возможности открывает повышение эффективности использования предметов труда, т. е. сырья, материалов, топлива, энергии и т. д. Расход кокса, металла, топлива, леса, стройматериалов на единицу национального дохода в СССР выше, чем в США. А между тем более рациональное и эффективное потребление продукции предпочтительнее дополнительного производства, так как не требует особых затрат. Оборачиваемость сырья в хозяйстве СССР происходит недостаточно быстро, в результате чего размеры материальных оборотных средств составляют 70—80% по отношению к конечному общественному продукту, а в США — лишь 35%. Доведение норм запасов оборотных средств до сравнимого с США уровня может дать нашей стране громадный народно-хозяйственный эффект.

Особенно большие возможности повышения эффективности социалистического производства открывает планируемое на пятилетие 1971—1975 гг. и на более далекую перспективу улучшение отраслевой структуры хозяйства за счет повышения удельного веса наиболее прогрессивных производств. Такое направленное планом изменение пропорций народного хозяйства для достижения резкого повышения производительности общественного труда недостижимо в условиях капитализма, несмотря на все применяемые им методы государственно-монополистического регулирования экономики.

Важное изменение в концепцию экономического соревнования с капитализмом вносится той новой ролью, которую начинают играть в социалистических странах вопросы личного потребления. Теперь, когда в СССР и в ряде других социалистических стран создана мощная индустриальная база, появилась возможность уделять все возрастающее внимание вопросам жизненного уровня.

Жизненный уровень народа — понятие сложное, комплексное. Для его характеристики требуется целая система показателей: уровень реальных доходов, потребление материальных благ и услуг, обеспеченность жильем, транспортом, услугами связи, уровень культуры, образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, условия труда и отдыха и т. д. Однако, пожалуй, самым важным из этой системы показателей является показатель реальных доходов населения. При сравнении жизненного уровня населения и реальной заработной платы в СССР и США следует учесть отсутствие в нашей стране безработицы, низкую квартирную плату, бесплатное обучение и медицинскую помощь и пр.

---

¹ См. С. А. Хейнман. Проблемы интенсификации промышленного производства. М., 1968, стр. 104; «Survey of Current Business», December 1967, p. 52.

В соревновании по жизненному уровню, так же как и в области производства, большое значение приобретают проблемы качества.

Потребление важнейших промышленных товаров (ткани, швейные и трикотажные изделия, обувь) в расчете на душу населения в СССР составляет примерно 40—50 % от уровня США, а потребление бытовых товаров длительного пользования — значительно меньше.

В настоящее время в СССР взят решительный курс на форсированное развитие производства предметов потребления как текущего, так и долговременного пользования. В 1968 г. впервые за многие годы в СССР достигнуты опережающие темпы роста производства предметов потребления (8,6%) по сравнению с ростом производства средств производства (7,9%)¹.

Проведенные исследования убедительно показали, что рост реального потребления населения является не только следствием, но и важнейшей причиной и фактором роста эффективности общественного производства, его интенсификации. Быстрое повышение жизненного уровня является мощным стимулом ускоренного технического прогресса, в частности прогресса автоматизации производства, и ускоренного роста производительности труда.

В условиях создания зрелой индустриальной базы, известной насыщенности хозяйства высокопроизводительными средствами производства неизбежно меняется экономическая роль личного потребления. Оно становится более автономным фактором, менее зависящим от текущего производства средств производства, оно все в большей мере начинает влиять на структуру и качественные показатели производства средств производства. В условиях интенсификации производственных процессов, как никогда ранее, образуется объективная экономическая возможность существенного сближения темпов и изменения соотношения роста двух подразделений общественного производства.

На ранней стадии экономического соревнования социализма с капитализмом часто главный упор делался на материальном производстве. В условиях недостаточно развитой материально-технической базы социализма это было понятно. Но теперь все более ясной становится необходимость ускоренного развития непродовольственной сферы, где отставание социалистических стран от главных капиталистических стран более значительно, чем по материальному производству. Увеличение доли капитальных вложений в инфраструктуру хозяйства становится такой же закономерной тенденцией, как и сближение двух подразделений общественного воспроизводства.

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 183.

5   *Основные направления воздействия соревнования двух систем на современный капитализм*

Существование растущего и крепнущего социализма оказывает серьезное воздействие на капитализм во многих областях — политической, экономической, социальной. С момента раскола мира на две системы — социалистическую и капиталистическую — развитие капитализма совершается не только в соответствии с внутренними, имманентно присущими капитализму закономерностями. Успехи социализма в развитии экономики и культуры, в повышении уровня жизни трудящихся наглядно демонстрируют преимущества социализма и оказывают все возрастающее воздействие на капитализм. «Современный капитализм — это прежде всего государственно-монополистический капитализм, приспособляющийся к условиям борьбы двух мировых систем», — говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»¹.

На первом этапе существования СССР, когда социалистическая экономика еще только становилась на ноги, когда шел процесс восстановления разрушенного первой мировой и гражданской войнами народного хозяйства, социализм еще не мог оказывать серьезного воздействия на экономику капитализма. В то время социализм в соревновании с капитализмом доказывал свою жизнеспособность. Плановое хозяйство делало первые шаги и еще не могло убедительно продемонстрировать свои преимущества перед капитализмом. Правда, на капиталистический мир производили большое впечатление темпы восстановления народного хозяйства. Однако вплоть до первой пятилетки социализм оказывал воздействие на капиталистический мир главным образом в области политической. Экономика СССР была слишком слаба, чтобы заставить правящие круги капиталистических стран всерьез задуматься об экономической стороне соревнования с социализмом, о преимуществах социализма в этой области.

Положение резко изменилось в годы первой пятилетки. Выполнение первого пятилетнего плана совпало по времени с мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг. Падение производства и многомиллионная безработица в главных капиталистических странах были резким контрастом быстрому росту экономики и повышению жизненного уровня в СССР. Это впервые заставило правящие круги капиталистических стран всерьез задуматься об экономическом вызове со стороны социализма, о том, что успехи плановой социалистической экономики — серьезное дело, требую-

---

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 50.

щее проведения определенных мероприятий, направленных на укрепление капиталистической экономики. Кризис, с одной стороны, успехи советского планового хозяйства — с другой, ускорили развитие государственно-монополистического капитализма в главных капиталистических странах.

Наглядный пример СССР по государственному руководству экономикой заставил ведущих буржуазных политиков, дельцов, экономистов приступить к разработке системы государственных мероприятий, которые бы не допускали возникновения кризисов такого масштаба, такой глубины и разрушительной силы, как кризис 1929—1933 гг. Боязнь кризиса диктовала буржуазии необходимость значительного расширения роли государства в экономике, и прежде всего разработки и проведения в жизнь антикризисных мероприятий. Кризис и успехи социализма заставили ведущих деятелей капиталистического мира взять курс на значительное расширение социальных мероприятий государства. И здесь этот курс диктовался боязнью того, что успехи социализма приведут к серьезным революционным потрясениям в капиталистическом мире.

После второй мировой войны наступил новый этап соревнования двух систем, которому свойственны новые шаги буржуазных государств в расширении государственно-монополистических мероприятий, все более широкие попытки заимствовать у социализма методы государственного руководства экономикой. Но этот процесс был весьма сложным и противоречивым, в различных странах и группах стран на него воздействовали особенности послевоенной обстановки.

Многие страны Западной Европы после войны лежали в развалинах. Перед ними прежде всего стояла задача ликвидации военных разрушений. Особенностью обстановки здесь было создание под давлением трудящихся масс в большинстве стран обширного государственного сектора, который стал играть важную роль в экономике. Правительства западноевропейских стран, опираясь на государственный сектор, начали осуществлять мероприятия по регулированию развития экономики, целью которых было поддержание высоких темпов роста экономики, обеспечение сбалансированного развития различных отраслей и секторов. В этом мы также видим воздействие соревнования с социализмом, со всей очевидностью продемонстрировавшим преимущества планового ведения хозяйства. Сосуществование бок о бок с социализмом заставило правительства западноевропейских стран проводить значительное количество государственных социальных мероприятий в области медицинской помощи, страхования, образования, пенсионного обеспечения и т. д.

В США воздействие соревнования с социализмом на экономику страны проявилось в выдвижении на первый план проблемы темпов экономического роста и осуществления целого ряда госу-

дарственно-монополистических мероприятий в социальной области. Проблемой темпов экономического роста правящие круги США всерьез занялись в конце 50-х годов. Особенно важную роль в этом сыграл запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Спутник показал, что СССР имеет передовую науку и высокоразвитую промышленность, что разрыв в темпах роста имеет весьма серьезное значение. В 60-е годы правительство США провело ряд мероприятий по стимулированию темпов роста, которые способствовали их ускорению.

Соревнование с социализмом, экономические успехи социалистических стран, особенно успехи в области повышения уровня жизни трудящихся, заставили буржуазные правительства проводить более активную социальную политику, направленную на сокращение безработицы, улучшение положения наиболее бедствующей части трудящихся, осуществление за счет государства целого ряда услуг, оказываемых трудящимся (медицинская помощь, образование и т. п.). Положение было весьма разным в различных странах, но в качестве общей тенденции обнаруживается расширение деятельности государства в социальной области, и здесь — явное влияние социализма. Это же следует отметить и в отношении социальной политики монополий, которые в новых исторических условиях вынуждены были идти на известные уступки трудящимся, с тем чтобы как-то нейтрализовать влияние достижений социализма в социальной области и отвлечь рабочих от активной классовой борьбы иллюзией социальной эволюции капитализма.

Особенностью экономического развития многих бывших колоний было то, что, вступив на путь самостоятельного развития, они начали с сознательного и широкого использования опыта социалистической экономики. Во многих странах был создан значительный государственный сектор, охвативший прежде всего ряд важных для народного хозяйства отраслей. Начало осуществляться планирование народного хозяйства. Эти страны, приступая к самостоятельному развитию, исходили из того, что социалистический метод ликвидации экономической отсталости и создания современной высокоразвитой экономики доказал свое превосходство над развитием на базе капиталистической частной собственности.

Новой областью соревнования в этот период стало содействие этим странам в экономическом строительстве: СССР и другие развитые социалистические государства в широких размерах оказывают помощь в экономическом развитии освободившимся странам. Это имеет громадное значение в соревновании и борьбе двух систем. Прежде всего благодаря тому, что социалистические страны всемерно содействуют их экономическому развитию, экспорт капитала из империалистических государств перестал быть единственным внешним каналом притока капитала, оборудования, квалифицированных кадров в эти страны. Социалистиче-

ская помощь взорвала монополию империализма. Далее, социалистическая помощь заставила империалистические державы наряду с экспортом частного капитала приступить к экспорту государственного капитала, предоставлять кредиты и субсидии развивающимся странам на экономические цели. Особое значение имеет то, что социалистические страны оказывают им помощь в развитии государственного сектора и создании ключевых отраслей экономики. Это не только сломало монополию империализма, но и заставило империалистов также вкладывать средства в создание там предприятий тяжелой индустрии.

* * *

Экономическое соревнование двух систем стало важнейшей объективной закономерностью современного мирового развития. Оно оказывает существенное воздействие на экономику капиталистических стран, порождая явления и процессы, которые в иных условиях не могли бы иметь места или осуществлялись бы в принципиально иных масштабах. Воздействие соревнования двух систем можно обнаружить в самых разнообразных процессах в капиталистических странах, и без учета этого воздействия многие специфические черты и особенности современного капитализма необъяснимы.

Глава III   Изменения в структуре капиталистического мирового хозяйства. Противоречия между империалистическими и развивающимися странами

За последние десятилетия в резко суженных социализмом рамках капиталистического мирового хозяйства произошли или наметились существенные структурные сдвиги. Важнейшие из них являются результатом воздействия на мирохозяйственные связи капитализма следующих факторов: а) основных направлений мирового революционного процесса, начатого Великим Октябрем; б) дальнейшего обострения антагонистических противоречий капиталистического способа производства, определяемых внутренними закономерностями его развития; в) достижений современной научно-технической революции, которая начинает оказывать все более заметное влияние на характер, особенности и темпы роста производительных сил капиталистического мирового хозяйства.

Изучение всех этих факторов, вместе взятых, в их логической взаимозависимости прежде всего и позволяет выявить многие ре-

шающие особенности и главные направления развития капиталистического мирового хозяйства в настоящее время по сравнению с периодом безграничного господства империализма в мировой экономике и политике. Цель данной главы состоит в том, чтобы выявить те долгосрочные закономерности и глубинные процессы, которые в общих чертах характеризуют изменение роли и места империализма в экономике несоциалистического мира. Этой же задаче подчинен и анализ структурных сдвигов в системе международного капиталистического разделения труда как антагонистической совокупности двух основных групп стран: развитых капиталистических государств и огромной массы экономически отсталых, аграрно-сырьевых стран.

Масштабность проблемы, необходимость уточнения ее отдельных теоретических аспектов, неисчислимое многообразие взаимосвязей составляющих ее элементов — все это требует определения в первую очередь главных направлений исследования, его методологических предпосылок. Только таким путем возможно выяснение решающих узлов взаимодействия современной и предшествующих фаз развития капиталистического мирового хозяйства, изучение его реальных закономерностей и противоречий в обстановке крушения колониальной системы империализма.

1 О методологии анализа мировой капиталистической экономики

При изучении капиталистического мирового хозяйства на поверхности явлений, вполне естественно, выступают прежде всего рыночные связи, отношения международного обмена товарами и услугами. Но не они, а производственные отношения, возникающие на базе соответствующего способа производства, играют определяющую роль в мирохозяйственных связях капитализма. Такова исходная позиция марксистско-ленинской методологии исследования различных этапов развития этого хозяйства как естественноисторического процесса, в основе которого лежат тесно переплетающиеся в международном масштабе закономерности развития капиталистического способа производства и мирового рынка. Причем первостепенное значение производства следует иметь в виду при анализе таких закономерностей уже у самых истоков зарождения мировой капиталистической экономики¹.

Общие выводы марксистской теории о природе мирохозяйственных отношений капитализма в полной мере сохраняют свое значение и поныне. Для современной буржуазной политэкономии

---

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 365—366.*

по-прежнему характерны попытки во что бы то ни стало поставить во главу угла их анализа не производство, а сферу обращения. Объективно такой подход призван затушевать эксплуататорскую сущность этих отношений.

Целям апологии империализма служит также стремление буржуазных экономистов рассматривать современную структуру капиталистического мирового хозяйства вне исторической связи с закономерностями развития системы международного капиталистического разделения труда.

Вопрос о ходе формирования современного капиталистического мирового хозяйства имеет актуальное значение и с другой точки зрения. Один из основополагающих принципов методологии научного анализа глубинных социально-экономических процессов заключается в насущной необходимости учитывать их основную историческую связь. Самое важное в области общественной науки — это «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Марксистско-ленинская политэкономия установила, что каждый способ производства, приходящий на смену предшествующему, открывает принципиально новые возможности и простор для дальнейшего роста производительных сил общества. «Прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его»². Эту свою основную прогрессивную функцию капитал не мог бы выполнить без интернационализации экономических отношений, без создания единого мирового хозяйства.

Развитие международного разделения труда, вызывавшее хозяйственное сближение народов, постепенное упрочение международных экономических связей и создание таким путем капиталистического мирового хозяйства являются неизбежными проявлениями закономерно обусловленного процесса обобществления труда при капитализме.

Исторически формирование этого хозяйства шло по двум направлениям. Во-первых, по линии развития капитализма вглубь, т. е. путем роста капиталистического производства в отдельных «передовых» странах. Во-вторых, путем развития капитализма вширь, т. е. за счет распространения сферы колониального господства немногих капиталистических государств на все новые территории. История капиталистического мирового хозяйства есть, следовательно, и история борьбы капитала за создание обширных

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 597.

колониальных империй, в ходе которой буржуазия перестраивала мир по образу и подобию своему¹.

Материальные богатства, экспроприруемые и присваиваемые иностранной буржуазией в колониях, превращались в капитал, как правило, после того, как они поступали в метрополии. Для ограбляемых стран это была практически ничем не возмещаемая чистая потеря, означавшая не только обескровливание их хозяйства, но и во многих случаях прямое разрушение производительных сил. Весь ход исторического развития капитализма свидетельствует, что колониальная система благоприятствовала подъему производства лишь в сравнительно немногих странах и являлась в то же время основным препятствием на пути перехода преобладающего большинства других стран к более высоким формам производственных отношений. Уже при зарождении мирового капитализма ясно обнаруживаются «запрограммированные» в самой его структуре первопричины возникновения глубокой пропасти в уровнях экономического развития между двумя основными группами стран капиталистического мирового хозяйства.

Процесс создания капиталом этого хозяйства завершился, как доказал В. И. Ленин, к тому времени, когда закончился территориальный раздел мира, когда подлинно всемирный характер принял международный обмен и полностью сложилась современная система разделения труда между странами развитого капитализма и их аграрно-сырьевой периферией. Одновременность завершения формирования капиталистического мирового хозяйства и всемирной системы порабощения одних стран другими является вполне закономерной. В этом наглядно проявляется колониальная эксплуататорская сущность империализма. Но такое совпадение во времени привело и к определенной нечеткости при характеристике взаимосвязи между такими политэкономическими категориями, как «колониальная система» и «мировое хозяйство». В ряде работ советских экономистов, особенно 30-х и 40-х годов, капиталистическое мировое хозяйство стало рассматриваться не как самостоятельное и основополагающее явление, а прежде всего как следствие, некий итог развития всеохватывающей колониальной системы империализма.

Распад колониальной системы империализма наглядно продемонстрировал методологическую неправомерность такого подхода к анализу мировой экономики капитализма. Последняя и в условиях крушения основных колониальных империй продолжает

---

¹ «Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 4, стр. 428).

по-прежнему функционировать и развиваться, в том числе и как механизм империалистической эксплуатации одних стран другими. И это наглядно подчеркивает справедливость того положения, что завершающий этап становления капиталистического мирового хозяйства был обусловлен не только окончанием раздела «свободных» территорий. Согласно ленинской теории империализма, колониальная система на этом этапе выполняла весьма важную, но по сути дела подсобную функцию. Ее роль в данном отношении состояла в приобщении экономически отставших стран к создаваемой финансовым капиталом на основе крупной машинной индустрии новой империалистической системе международного разделения труда. Именно политическое господство давало возможность метрополиям принудительно ориентировать экономику зависимых от них стран на производство отдельных видов сырья, расширение сфер приложения капитала и рынков сбыта.

Значение колониальной системы как цементирующей политической силы, которая объединяла крайне разнообразные страны и территории в единое хозяйственное целое, в ходе формирования мировой капиталистической экономики не оставалось неизменным. Она сыграла решающую роль в этом отношении прежде всего в период становления и развития мирохозяйственных связей монополистического капитализма. Но по мере того как благодаря ей постепенно складывалась прочная система кабальной хозяйственной зависимости колоний от метрополий и в целом индустриально отставших стран от ведущих капиталистически развитых государств, на передний план в этих связях все более выступают факторы экономические.

Установление всевластия финансового капитала в мировой экономике создавало качественно новые предпосылки для империалистической эксплуатации экономически отставших стран без их прямого колониального закабаления. Наглядным примером тому служат США, финансовый капитал которых, по определению В. И. Ленина, уже в начале XX в. представлял собой «высшее выражение экономики империализма»¹. Дальнейшее развитие этих предпосылок наряду с другими отмеченными выше факторами прежде всего и дает ключ к объяснению того исторически бесспорного факта, что крушение главных колониальных империй после второй мировой войны само по себе не привело, да и не могло автоматически привести к сколько-нибудь глубокому нарушению всей прежней колониальной структуры механизма капиталистического мирового хозяйства.

На империалистической стадии закономерности социально-экономического развития сравнительно немногих стран развитого капитализма полностью определили основные закономерности

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 94.

функционирования всемирного хозяйства. Исследуя эти закономерности, В. И. Ленин доказал, что деятельность монополистического капитала в начале XX в. стала пронизывать все стороны жизни человеческого общества независимо от политического устройства той или иной страны. В связи с этим в мировой экономике и политике в то время установилась всеохватывающая монополия двоякого рода: во-первых, финансового капитала в странах развитого империализма; во-вторых, этих немногих стран над всем остальным миром. Монополия второго рода В. И. Ленин нередко характеризовал как «колониальную монополию». Материальной основой господства империалистических держав над экономикой и политикой других стран на данной стадии развития капиталистического мирового хозяйства становится концентрация производства, капитала и международного обмена в руках монополий. Завершение территориального раздела всего мира и развернувшаяся повсеместно борьба за экономический раздел мира союзами монополистов, являясь следствием процесса дальнейшей концентрации общественного производства, в свою очередь в огромной степени способствовали ускорению этого процесса.

Одной из самых существенных черт мировой экономики при империализме становится экспорт капитала, который чрезвычайно усилил внешнеэкономическую экспансию ведущих капиталистических держав. Он позволил также их монополиям добиваться господствующего влияния в чужих странах даже при сохранении последними государственной самостоятельности. Одновременно экспорт капитала предопределил появление и другой важной особенности этого хозяйства, а именно тенденции к ускоренному развитию капитализма в экономически отставших странах.

Сочетание докапиталистических форм производства с империалистическими формами и методами эксплуатации еще более усугубляло противоречия капиталистического мирового хозяйства, вело к дальнейшему усилению неравномерности развития отдельных его частей. К старым методам экспансионистской политики буржуазии монополистический капитал империалистических держав прибавил борьбу за передел уже поделенного мира, за захват всех его сырьевых ресурсов, за новые потенциальные рынки сбыта промышленной продукции, за сферы монопольного контроля над хозяйственными территориями вообще. Подчеркивая значение этой проблемы, В. И. Ленин указывал, что «раздел всей земли (как в смысле сфер влияния банкового и финансового капитала, так и в смысле международных синдикатов и картелей, а равно в смысле захвата колоний и полуколоний) есть основной факт империализма, экономики XX века»¹.

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 202.

Основные выводы, вытекающие из ленинского анализа всей совокупности факторов развития мировой экономики в условиях начала XX в., сохраняют свое значение и для настоящего времени. Ряд из них, естественно, требует дальнейшего развития и уточнения, особенно в свете всемирно-исторических изменений, вызванных к жизни дальнейшим развитием мирового революционного процесса. Но во всех случаях эти выводы создают прочную методологическую основу для исследования сдвигов, которые наблюдаются в капиталистическом хозяйстве в современную историческую эпоху в сравнении с той конкретной обстановкой, когда был осуществлен ленинский анализ этого хозяйства и его решающих экономических признаков.

2 Капиталистическое мировое хозяйство и современная эпоха

Период безграничного господства горстки империалистических держав в мировой экономике и политике длился сравнительно недолго: история ограничила его весьма жесткими временными рамками двух-трех десятилетий. Неотъемлемой составной частью общего кризиса капитализма, его экономической основой стал кризис капиталистической системы мирового хозяйства, который с исторической неизбежностью был подготовлен всем ходом предшествующего развития последнего эксплуататорского способа производства. Этапам общего кризиса капитализма соответствуют и этапы кризиса капиталистического мирового хозяйства.

Чем же характеризуется начало кризиса этого хозяйства, его первый этап? Прежде всего сокращением сферы господства империализма в мировой экономике и заметным ослаблением ее колониальных устоев. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в этом смысле означала: 1) подрыв такой важной экономической основы империализма, как территориальный раздел всего мира; 2) резкое сужение сферы межимпериалистической борьбы за экономический раздел и передел мира; 3) сокращение в связи с этим возможности использовать экспорт капитала в качестве универсального средства империалистической экспансии. В то же время под воздействием социалистической революции в России начался безысходный для империализма кризис колониальной структуры капиталистического мирового хозяйства.

Но на этом этапе в сузившихся рамках этого хозяйства еще продолжала по-прежнему безраздельно господствовать горстка империалистических держав. Они смогли не только удержать, но и усилить свои позиции в мировой капиталистической экономике. В результате империалистическая борьба за передел монопольных «сфер влияния», как и стремление ведущих капиталистических

держав к территориальному разделу мира, продолжала нарастать. И все же возможности для такой борьбы уже были ограничены. Финансовый капитал этих держав в своей экспансионистской политике сталкивался с необходимостью считаться с изменившимся не в его пользу соотношением сил на мировой арене¹. Особенно усилилась межимпериалистическая борьба за сферы полукolonиального влияния, в ходе которой наибольших успехов добилась самая мощная империалистическая держава — США.

Вторая мировая война, возникшая в результате дальнейшего углубления противоречий капиталистического хозяйства и стремления наиболее агрессивных империалистических держав добиться разгрома социализма и нового передела мира, неизмеримо обострила такие противоречия. Она ознаменовала собой наступление второго этапа кризиса этого хозяйства, непосредственно связанного с итогами второй мировой войны.

После войны началось восстановление и дальнейшее развитие нарушенных мирохозяйственных связей капитализма, наблюдался сравнительно быстрый (хотя весьма неустойчивый и неравномерный) рост его производительных сил. Но в еще более суженных границах капиталистического мирового хозяйства империализм фактически оказался уже не в состоянии, как прежде, экономически вершить судьбы народов. Кризис колониальной структуры капиталистического мирового хозяйства резко обострился. В течение 1945—1955 гг. свыше 10 колоний, население которых составляло большинство жителей колониального мира, сбросило иго чужеземных режимов.

На последующем, третьем этапе кризиса, переход к которому намечился примерно с середины 50-х годов, значение колониальной системы в экономике империализма еще более сокращается. Этот этап проходит под знаком дальнейшего усиления неравномерности развития различных частей капиталистического хозяйства и завершения процесса распада крупнейших колониальных империй. На обширных территориях Азии, Африки и Латинской Америки за эти годы возникло свыше 60 молодых национальных государств. Впервые в истории сложилось такое положение, когда капитализм в своем развитии лишился возможности опираться на колониальное господство метрополий в экономически отсталых районах мира.

Определяющим фактором дальнейшего углубления кризиса капиталистического мирового хозяйства стала быстро возрастаю-

---

¹ В период между двумя мировыми войнами империализм неоднократно развязывал колониальные войны (агрессия Италии против Эфиопии, Японии против Китая и т. д.). Но характерно, что уже в то время ни одна империалистическая держава не смогла добиться полного превращения какой-либо страны в свою колонию.

щая мощь социализма, темпы хозяйственного развития которого значительно превзошли темпы роста капиталистического мира. Действие этой тенденции, которая за последние полстолетия привела к существенному сокращению удельного веса экономики империализма во всемирном масштабе, проявилось и на третьем этапе общего кризиса капитализма. Тем самым практически на примере целой системы государств были подтверждены выводы марксистско-ленинской политэкономии о решающих преимуществах социалистического способа производства над капиталистическим.

Но данный вывод не имеет ничего общего с антимарксистской теорией о полной закупорке монополистическим капиталом производительных сил общества. Факты реальной жизни свидетельствуют о ее явной ненаучности и несостоятельности. Только на протяжении 1955—1968 гг. объем промышленного производства стран несоциалистического мира увеличился примерно в 2 раза, в том числе на 90% в странах развитого капитализма и примерно в 2,5 раза в развивающихся странах. Всего же объем выпуска промышленной продукции в рамках современного капиталистического мирового хозяйства к 1969 г. возрос в 5,8 раза по сравнению с 1913 г. Причем уровень развития производства и соотношение сил ведущих стран капитализма ныне существенно отличаются от того уровня, который анализировал В. И. Ленин при создании теории империализма.

Таблица 2 Империалистические державы:
рост промышленного производства
в 1913—1968 гг.

Страны	Индекс *				Среднегодовые темпы, %			
	1913— 1937 гг.	1937— 1957 гг.	1957— 1968 гг.	1913— 1968 гг.	1913— 1937 гг.	1937— 1957 гг.	1957— 1968 гг.	1913— 1968 гг.
Англия	156	151	137	320	1,8	2,1	2,9	2,0
Франция	122	180	163	360	0,7	3,0	4,6	2,5
Италия	178	219	234	915	2,5	4,0	8,0	4,2
Бельгия	145	135	154	300	1,5	1,5	4,0	1,9
Голландия	140**	207	200	580**	3,1**	3,7	6,5	4,2**
США	192	257	164	795	2,7	4,8	4,6	3,9
ФРГ ***	140	206	179	515	1,3	3,7	5,4	2,8
Япония	505	210	398	3 850	6,6	3,8	13,4	7,0

* Начальный год каждого периода — 100.

** Первый год периода — 1926 г.

*** 1913—1937 гг. — вся Германия.

Источники: ОЕЕС. «Industrial Statistics 1900—1957». Paris, 1958; UN. «Statistical Yearbook»; «Monthly Bulletin of Statistics» за соответствующие годы.

Но такой рост производства, как свидетельствует весь многогранный опыт последних десятилетий, отнюдь не привел к упро-

чению в целом позиций империализма в мировой экономике. Резкое усиление конкурентной борьбы в связи с изменением соотношения сил между монополиями различных стран, неуклонное углубление основного антагонизма капиталистического способа производства и на этой базе всех социальных антагонизмов в странах развитого капитализма, распад колониальной системы и расширение борьбы освободившихся стран за подлинную независимость, растущая экономическая мощь мирового социализма и его всемерная поддержка национально-освободительного движения в развивающихся странах — все эти взаимосвязанные процессы предопределили последовательный ход развития кризиса капиталистического мирового хозяйства и прогрессирующее ослабление гегемонии в нем финансового капитала империалистических держав.

С этой точки зрения на современном этапе общего кризиса капитализма особое значение начинают приобретать те тенденции, которые отражают процесс подрыва монопольного положения империализма в международных экономических отношениях уже непосредственно в рамках несоциалистического мира. Причем необходимо иметь в виду, что этот процесс охватывает не только недавно освободившиеся страны. В условиях распада колониальной системы происходит также превращение полуколониальных и зависимых стран в политически самостоятельные национальные государства. Они по своему положению в современном капиталистическом мировом хозяйстве по сути дела ничем не отличаются от бывших колоний и в этом смысле могут быть объединены в единую группу с освободившимися странами.

Выше была раскрыта экономическая сущность господства колониального империализма над его аграрно-сырьевой периферией. Оно в свое время зиждилось, в частности, на территориальном (политическом) разделе всех колоний и полуколоний или, согласно определению В. И. Ленина, на территориальной монополии империализма. В связи с распадом колониальной системы этот один из основных признаков монополистического капитализма в последние годы фактически утратил свое былое мирохозяйственное значение. Вследствие этого начался довольно бурный процесс ослабления еще недавно ничем не ограниченного, бесконтрольного хозяйничанья бывших метрополий в таких сферах международного разделения труда, как: а) поставка индустриально отсталым странам насущно необходимых им промышленных товаров, машин и промышленного оборудования; б) импорт их аграрно-сырьевой продукции, от сбыта которой на внешних рынках (в силу сохранившейся колониальной структуры их национального хозяйства) по-прежнему в решающей степени зависят жизненный уровень народов и сами возможности расширенного воспроизводства огромного большинства освободившихся стран; в) предоставление

им внешних займов и кредитов, а также передового технического опыта, недостаток которых со всей остротой продолжает и ныне ощущаться в развивающихся странах; г) поставка им современного оружия и военного снаряжения.

Процесс подрыва этих основных видов монополий империалистических держав в капиталистическом мировом хозяйстве практически стал проявляться примерно с середины 50-х годов главным образом благодаря быстрому росту всестороннего сотрудничества между социалистическими и освободившимися странами. Империализм всячески стремился воспрепятствовать налаживанию такого сотрудничества. Но, лишившись территориальной монополии, он в конечном счете оказался не в состоянии ни прекратить, ни хотя бы задержать на длительное время становление этого нового направления международных экономических отношений.

Развитие данного процесса в свою очередь сопровождается постепенным сокращением возможностей империалистических метрополий определять основные направления хозяйственной и политической жизни своих бывших колоний и полуколоний. В частности, это ведет к двоякого рода важным последствиям. С одной стороны, создается база для определенного упрочения в тех или иных конкретных случаях единства действий бывших метрополий в освободившихся странах, для укрепления так называемого коллективного колониализма. С другой стороны, — и это главное — неизмеримо усиливается острота конкурентной борьбы между империалистическими державами за передел старых и захват новых сфер экономического влияния в освободившихся странах.

В ходе такой борьбы прежняя линия колониального империализма на сдерживание роста национального капитализма в развивающихся странах постепенно начинает сменяться линией на ускорение развития их производительных сил в интересах мирового капитализма. Конечная цель такой политики состоит в том, чтобы сохранить освободившиеся страны в орбите своего экономического влияния и лишить их народы возможности самим решать свои исторические судьбы. Неоколониализм, как и борьба против него, определяет в современной обстановке многие характерные особенности положения этих стран в мировой капиталистической экономике.

Неоколониалистская политика империализма отвечает также задачам его борьбы с наступающим социализмом: сцементировать расшатывающиеся устои капиталистического мирового хозяйства, удержать в нем развивающиеся страны в качестве прибыльных или хотя бы перспективных сфер приложения капитала, рынков сбыта и источников сырья. Однако эти расчеты построены на весьма шатком фундаменте. Весь ход мировых событий на совре-

менном этапе кризиса этого хозяйства свидетельствует, что социально-экономические противоречия между империализмом и развивающимися странами продолжают углубляться. Тем более что основные тенденции развития современной капиталистической экономики (как это будет показано в следующих разделах главы) носят крайне неблагоприятный для освободившихся стран характер.

В этих условиях наблюдается нарастание антикапиталистических тенденций в развивающихся странах. Жизнь убедительно подтверждает ленинскую мысль о том, что колониальная система являлась «одним из источников искусственной задержки падения капитализма»¹. Ряд освободившихся стран, сохраняя еще значительные экономические связи с мировым капиталистическим хозяйством и оставаясь, как правило, в его орбите, смогли провести некоторые радикальные социально-экономические преобразования в направлении некапиталистического развития. Империализм оказался не в состоянии предотвратить такой ход событий, хотя он и прилагал к тому огромные усилия. Отсюда следует важный вывод, что уже в современной обстановке отмеченные выше основные виды его монополии в мировой экономике настолько ослабли, что приближаются к такому рубежу, на котором финансовый капитал лишится полностью возможности реально предотвращать развитие национально-освободительного движения в сторону социализма в странах, пока еще экономически зависящих от главных индустриальных центров капитализма. В этом, по всей вероятности, заключается одно из перспективных направлений распада капиталистического мирового хозяйства, начатого в октябре 1917 г.

Все рассмотренные процессы, таким образом, свидетельствуют о том, что в современную эпоху намечилось определенное изменение формы проявления тех основных экономических признаков империализма, которые В. И. Ленин непосредственно связывал с колониальной монополией финансового капитала империалистических держав в капиталистическом мировом хозяйстве. Помимо территориального раздела мира к таким признакам относятся экономический раздел мира и экспорт капитала. В формах и масштабах проявления данных двух признаков происходят не столь кардинальные изменения, хотя они также оказывают серьезное влияние на кризис структуры капиталистического мирового хозяйства.

Какие же новые важные моменты возникают в империалистической борьбе за экономический раздел мира в нынешней исторической обстановке? Распад колониальной системы привел к небывалому ожесточению такой борьбы и усложнению ее форм. Прежде,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 40.

осуществляя внешнеэкономическую экспансию в рамках капиталистического мирового хозяйства, монополистический капитал считался лишь с «силой» и «капиталом» своих империалистических соперников. Иных критериев для него не было. Теперь же на результаты борьбы за раздел сфер экономического влияния воздействуют и другие факторы, которые ему приходится волею-неволею учитывать. К ним в первую очередь относятся уровень подъема антиимпериалистического движения в освободившихся странах, характер их государственной власти, соотношение там различных классовых сил, политика местной буржуазии и т. д.

А главное, империализм не может ныне игнорировать сам факт существования мировой социалистической системы, ее готовность оказать освободившимся странам всемерную поддержку в деле их освобождения от гнета иностранной эксплуатации. В результате уже в рамках капиталистического мирового хозяйства существенно сокращаются его возможности эффективно использовать экономическую блокаду против развивающихся стран, становящихся на путь борьбы за подлинную самостоятельность. В последнее время уже нередко терпят провалы попытки империализма путем различных экономических санкций предотвратить проведение революционных мероприятий по широкой национализации иностранных компаний, по ликвидации всевластия местных и иностранных эксплуататорских классов в народном хозяйстве ряда развивающихся стран.

В новых условиях экономически отставшие страны впервые за всю историю капиталистического мирового хозяйства получили и определенную возможность реально использовать в своих интересах резко усилившуюся конкуренцию между империалистическими державами за новые экономические позиции и сферы приложения капитала в Азии, Африке и Латинской Америке. Одновременно империализм все чаще оказывается вынужденным идти на определенные экономические уступки освободившимся странам, в какой-то степени содействовать развитию их производительных сил с целью укрепления там своих позиций и захвата командных высот в их экономике. И хотя эти сравнительно недавно возникшие в капиталистическом мировом хозяйстве тенденции не меняют его эксплуататорской природы, их уже нельзя сбрасывать со счетов при анализе особенностей и перспектив развития современного этапа кризиса этого хозяйства.

Все эти выводы имеют прямое отношение и к изменениям, происходящим в сфере экспорта капитала, который исторически неразрывно связан с экономическим и политическим разделом мира. После второй мировой войны вывоз капитала наряду с сохранением старых приобретает новые, не свойственные ему прежде функции. К ним в первую очередь необходимо отнести задач

противодействия все усиливающимся центробежным силам капиталистического мирового хозяйства, сохранения в нем развивающихся стран, задачи борьбы против национально-освободительного движения и мирового социализма. Причем все более решающую роль в осуществлении таких задач начинает брать на себя империалистическое государство. Можно сказать, что одним из последствий утраты колоний является значительный рост государственно-монополистических тенденций в сфере экспорта капитала.

В последующем изложении будут еще подробнее рассмотрены различные аспекты данной проблемы. Здесь лишь следует подчеркнуть, что по мере развития равноправного технико-экономического сотрудничества социалистических государств с развивающимися странами и роста межимпериалистических противоречий возможности империализма навязывать этим странам кабальные условия при осуществлении экспорта капитала неизбежно должны будут сокращаться.

Особенности проявления рассмотренных выше основных экономических признаков империализма характеризуют, таким образом, многие важные черты современного кризиса капиталистического мирового хозяйства. Но главные направления его развития определяются все же не этими особенностями, а процессами, протекающими в сфере материального производства этого хозяйства, где господствующие позиции продолжает сохранять горстка империалистических держав.

3 Структурные сдвиги в сфере материального производства

Наиболее обобщающим показателем уровня экономического развития и масштабов объема производства могут служить данные о валовом внутреннем продукте¹. Если рассмотреть под этим углом зрения экономику современного несоциалистического мира как совокупность двух составляющих ее основных групп стран, то в целом структура капиталистического мирового хозяйства с учетом численности населения во второй половине 60-х годов выглядит следующим образом.

---

¹ Валовой внутренний продукт — это конечный результат годового процесса производства и реализации продукции данной страны. В его состав входит вся произведенная в стране продукция. Стоимость сырья, полуфабрикатов, вспомогательных материалов и т. п., использованных в процессе производства конечной продукции, в него не включается.

Таблица 3   Валовой внутренний продукт по двум группам стран несоциалистического мира (в 1967 г.)

	Численность населения		Валовой продукт		Валовой продукт на душу населения, долл.
	млн. человек	%	млрд. долл.	%	
Всего	2300	100	1695	100	737
Капиталистически развитые государства* . . .	680	29,6	1435	84,7	2110
в том числе США . . .	200	8,7	733	43,2	3670
Остальные страны . . .	1620	70,4	260	15,3	160
в том числе Индия . .	510	22,2	44	2,6	86

* Страны Северной Америки, Западной Европы, Япония, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР.

Округленные оценки на основе источников: UN. «Statistical Yearbook 1968». New York, 1969; «Handbook of International Trade and Development Statistics 1969». New York, 1969; «Monthly Bulletin of Statistics», July 1969.

За этими весьма усредненными цифрами, естественно, скрываются существенные различия и в уровнях развития между входящими в ту или иную группу странами. Но все это ни в коей мере не снимает того непреложного факта, что на развивающиеся страны, где проживает ныне несколько более 70% населения несоциалистических стран, падает лишь менее $\frac{1}{6}$ всего производства валового продукта в капиталистическом мировом хозяйстве. Отсюда со всей определенностью вытекает вывод, что огромный разрыв в уровнях экономического развития двух основных групп стран этого хозяйства остается важнейшей чертой его структуры и в условиях развала колониальной системы империализма. Более того, бесспорные факты говорят о том, что разрыв этот в современной обстановке продолжает неуклонно и быстрыми темпами нарастать. Разительным свидетельством тому могут служить следующие подсчеты, основанные на данных ООН. В 1960—1967 гг. производство валового продукта на душу населения в странах развитого капитализма возросло в среднем на 390 долл., а в развивающихся странах — лишь на 17 долл.¹ При сохранении такой тенденции развития на последующие годы пропасть между двумя данными группами стран капиталистического мирового хозяйства неизбежно должна будет расширяться и, как показывают расчеты, к концу нашего века может быть представлена уже в виде соотношения 20 : 1 со всеми вытекающими отсюда пагубными последст-

¹ В неизменных ценах 1958 г. (см. «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 5, стр. 151).

виями для положения развивающихся стран в капиталистической системе международного разделения труда.

Тем самым предопределяется объективная неизбежность дальнейшего нарастания антагонистических противоречий между странами развитого капитализма и развивающимися странами в ходе последующего расширения такой неравноправной системы хозяйственных взаимосвязей несоциалистического мира. Процесс этот создает все более весомые материальные предпосылки дальнейшего усиления антиимпериалистической борьбы народов освободившихся стран за ускорение подлинного социально-экономического прогресса, за коренную ломку сохраняющейся от прежней исторической эпохи крайне неблагоприятной для них эксплуататорской структуры разделения труда в капиталистическом мировом хозяйстве.

Наиболее существенные изменения в системе международного капиталистического разделения труда за последние десятилетия произошли в решающей области материального производства — сфере промышленности. Здесь сразу же обращает на себя внимание крайняя неравномерность темпов развития отдельных ведущих отраслей, что характеризует прежде всего основные направления процесса дальнейшей индустриализации экономики стран развитого капитализма под воздействием научно-технического прогресса.

При анализе сдвигов в поотраслевой структуре промышленности можно выделить следующие закономерности, которые имеют немаловажное значение не только для характеристики современного положения, но и для прогнозирования тенденций развития промышленного производства капиталистического мирового хозяйства в последующие годы. К таким закономерностям можно отнести: а) заметное сокращение в целом роли добывающих отраслей; б) сравнительно замедленные темпы роста легкой промышленности и соответствующее падение ее удельного веса; в) резкое увеличение роли большинства отраслей тяжелой индустрии, доля которой в общем объеме промышленной продукции несоциалистического мира достигла в настоящее время почти 60%, тогда как три десятилетия тому назад она составляла лишь около 39%; г) неуклонно растущее значение энергетической промышленности, масштабы производства которой за то же время увеличились более чем в 9 раз¹. Действие отмеченных долгосрочных тенденций за указанные 30 лет характеризуют данные табл. 4.

Развитие этих тенденций убедительно подтверждает один из выводов марксистско-ленинской политэкономии, что все разрозненные звенья капиталистического мирового хозяйства связываются воедино главным образом крупной промышленностью. В ходе

---

¹ Более подробно структурные сдвиги в развитых странах капитализма освещены в главе XIV.

распада колониальной системы такая связь не была в скольконбудь значительной степени нарушена. Крупная промышленность, которая по существу создала мировую капиталистическую экономику в ее современном виде, остается не только наиболее мощной, но и самой динамичной сферой процесса расширенного воспроизводства. Именно она диктует важнейшие направления развития международного капиталистического разделения труда, определяет сохранение господствующего положения в нем финансового капитала империалистических держав.

Таблица 4 Изменение поотраслевой структуры промышленного производства капиталистического мирового хозяйства в 1938—1968 гг.

	Рост за 1938—1968 гг. (1938 г. = 100)	Удельный вес отраслей, %		Доля капиталистически развитых стран, %	
		1938 г.	1938 г.	1933 г.	1967—1938 гг.
Все отрасли	435	100	100	90,9	88,2
В том числе:					
добывающая	290	12	8	84,0	66,0
энергетическая	920	3	6	91,4	89,5
отрасли легкой промышленности	290	46	31	88,5	87,6
в том числе					
пищевая	273	17	10	85,1	83,4
текстильная	237	8	4	82,9	78,5
отрасли тяжелой промышленности	617	39	55	93,7	92,8
в том числе					
химическая	855	6	12	89,2	89,2
металлургическая	380	7	7	92,2	90,0
металлообрабатывающая	710	19	31	96,1	96,1

Источники: UN. «Statistical Yearbook», 1938; «Monthly Bulletin of Statistics», November 1967; February, May, November 1968; November 1969.

Особенно возрастает роль крупной промышленности в этом отношении в ходе современной научно-технической революции, которая охватывает реально лишь наиболее мощные монополизированные секторы. Сравнительно быстрый рост этих секторов, как это будет показано далее, объясняет многие причины значительного расширения за последние десятилетия международной капиталистической торговли и заметного повышения в ней удельного веса индустриально развитых стран.

Неравноправное положение освободившихся стран в современном капиталистическом мировом хозяйстве, как и при господстве колониального империализма, характеризуется в решающей сте-

пени их экономической отсталостью. Особенно тяжелое наследие эпоха колониализма оставила этим странам в сфере обрабатывающей промышленности. В ведущих отраслях промышленности отсталость развивающихся стран наиболее ощутима. Во второй половине 60-х годов на одного жителя там производилось продукции тяжелой промышленности в 30 с лишним раз меньше, а продукции металлообработки — почти в 60 раз меньше, чем в капиталистически развитых государствах. В большинстве развивающихся стран пока еще полностью отсутствует собственное машиностроение.

Но все же по сравнению с колониальным периодом в ходе промышленного развития развивающихся стран намечились определенные новые тенденции, которые в свою очередь начинают оказывать воздействие на структуру международного капиталистического разделения труда. Они связаны в первую очередь с заметным ускорением темпов роста промышленности на аграрно-сырьевой периферии капиталистического мирового хозяйства. В результате за период 1938—1968 гг. объем их промышленного производства увеличился в целом в 5,6 раза, что и привело к отмеченному в таблице 4 некоторому сокращению за эти годы доли империалистических держав в отдельных ведущих отраслях промышленности несоциалистического мира.

Таблица 5 Рост промышленного производства по двум группам стран капиталистического мирового хозяйства в 1938—1968 гг.

	1938— 1938 гг.	1938— 1948 гг.	1948— 1950 гг.	1930— 1938 гг.
Страны развитого капитализма, всего	432 (5,0)	148 (4,0)	187 (5,4)	156 (5,7)
в том числе обрабатывающая промышленность	435 (5,0)	145 (3,8)	191 (5,6)	157 (5,8)
Развивающиеся страны, всего	560 (5,9)	145 (3,8)	234 (7,4)	168 (6,7)
в том числе обрабатывающая промышленность	470 (5,3)	141 (3,5)	210 (6,4)	159 (6,0)

Примечание. Начальный год каждого периода — 100. В скобках даны среднегодовые темпы роста в %.

Источники: UN. «Statistical Yearbook», 1968; «Monthly Bulletin of Statistics», November 1969.

Как же следует расценивать данные факты с точки зрения современного положения империализма в капиталистическом мировом хозяйстве и перспектив дальнейшего функционирования самого этого хозяйства? Исходным пунктом марксистско-ленинского анализа является исследование производительных сил и про-

изводственных отношений, объективных закономерностей их развития. На этой основе был сделан глубокий научно разработанный вывод об исторической неизбежности крушения мировой капиталистической системы. Причем вывод этот не имеет ничего общего с приписываемой многими буржуазными идеологами ленинизму взглядами о стагнации производительных сил при империализме. Наоборот, как утверждает марксистско-ленинская наука, именно в связи с развитием производительных сил капитализма происходит подрыв тех основ, на которых зиждется это эксплуататорское общество.

Капиталистический способ производства, развиваясь, неизбежно подготавливает объективные материальные условия и социальные предпосылки для своей гибели. «Господство капитализма прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран»¹. Быстрый рост мирового социализма, все усиливающийся подъем международного рабочего и национально-освободительного движения, как свидетельствуют факты, в той или иной форме ускоряют такой ход событий. Раскрытие в этих условиях неоспоримых преимуществ социалистического строя, изменение в его пользу соотношения сил на мировой арене, сужение границ империалистической системы, подрыв ее монопольного положения в мировой экономике, усиление борьбы развивающихся стран за экономическую независимость в свою очередь способствуют неуклонному углублению кризиса капиталистического мирового хозяйства.

Именно в сфере промышленного производства и проявляется прежде всего воздействие распада колониальной системы на структуру международного капиталистического разделения труда. В течение 1948—1960 гг. объем промышленного производства развивающихся стран увеличился в 2,3 раза, а в 1960—1968 гг. он возрос еще на $\frac{2}{3}$ (см. табл. 5).

Безусловно, приведенные факты неправильно было бы рассматривать лишь как прямой экономический результат политического освобождения бывших колоний и полуколоний. На более ускоренный рост промышленного потенциала развивающихся стран в рамках мировой капиталистической системы оказывает воздействие сложный комплекс противоречивых факторов². Но как бы ни были многообразны и противоречивы причины замет-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 99.

² Среди них немаловажную роль играют такие факторы, как постоянно присущая капитализму крайняя неравномерность развития отдельных стран и районов; стремление монополистов тех или иных держав проникнуть в ведущие отрасли экономики освободившихся стран и добиться передела сфер влияния; попытки монополистов превратить некоторые из развивающихся стран в форпосты капитализма в районах Азии, Африки и Латинской

ного подъема темпов индустриального развития освободившихся стран, уже сам этот факт — проявление дальнейшего углубления кризиса капиталистического мирового хозяйства. Он свидетельствует о том, что монополистический капитал уже не столь всемогущ, как прежде, в своем стремлении определять основные направления промышленного развития этих стран, и особенно тех из них, которые наладили или налаживают дружественные экономические отношения с мировой социалистической системой.

Все отмеченные выше тенденции лишь сравнительно весьма недавно стали пробивать себе дорогу в борьбе с противодействующими им закономерностями капиталистического мирового хозяйства. Они не привели еще к сколько-нибудь кардинальным сдвигам в системе международного капиталистического разделения труда. Поэтому, несмотря на заметное ускорение темпов индустриального роста в освободившихся странах, разрыв уровня промышленного развития между ними и империализмом остается огромным.

Такое положение помимо рассмотренных уже причин определяется также еще двумя важными обстоятельствами. Во-первых, тем, что освободившиеся страны начинают борьбу за создание промышленного фундамента своей экономики, как правило, с крайне низкого, а нередко фактически с нулевого уровня. Во-вторых, тем, что плоды научно-технической революции в рамках мирового хозяйства достаются в основном лишь индустриально развитым державам.

Промышленная отсталость освободившихся стран во многом, как и прежде, определяет неравноправность их положения в этом хозяйстве и в условиях распада колониальной системы. Она лежит в основе сохраняющейся еще экономической зависимости этих стран от империализма, а также эксплуатации их иностранными монополиями на мировом капиталистическом рынке. Именно поэтому борьба за ликвидацию такой отсталости превращается в настоящее время в одно из главных направлений антиимпериалистической борьбы народов развивающихся стран за подлинную независимость и социально-экономический прогресс.

В обстановке углубления кризиса капиталистического мирового хозяйства происходят характерные изменения и в другой важнейшей сфере его материального производства — в сельском хозяйстве. В целом масштабы таких изменений, правда, были не столь значительными, как в промышленности. Общий объем сельскохозяйственного производства в рамках современного несоциалистического мира за последнее 30-летие возрос примерно в 2 раза. С учетом же прироста населения производство сельскохозяйствен-

---

Америки, наладить «сотрудничество» с различными слоями местной буржуазии и др.

ной продукции на одного жителя в целом поднялось соответственно на довольно незначительную величину — во второй половине 60-х годов оно было в среднем лишь на 10—12% выше уровня 1934—1938 гг. В таком же масштабе примерно увеличилось производство продуктов питания на душу населения.

Но если рассматривать эти изменения под углом зрения развития сельского хозяйства в основных географических районах не социалистического мира, то со всей определенностью напрашивается вывод, что отмеченный рост сельскохозяйственного производства произошел главным образом за счет стран развитого капитализма. Почти во всех развивающихся странах оно фактически топчется на месте и находится в состоянии длительной стагнации, о чем говорят следующие подсчеты.

Таблица 6 Индексы производства сельскохозяйственной продукции по основным географическим районам капиталистического мирового хозяйства (в расчете на душу населения)

Районы	Среднегодовые показатели (1934—1938 гг.=100)				
	1948— 1952 гг.	1953— 1956 гг.	1957— 1960 гг.	1961— 1964 гг.	1965— 1968 гг.
Западная Европа	95 (92)	108 (108)	116 (116)	125 (126)	133 (135)
США и Канада	113 (116)	114 (117)	110 (116)	113 (119)	113 (123)
Австралия и Новая Зеландия	96 (94)	97 (93)	101 (97)	108 (103)	110 (108)
Латинская Америка	88 (93)	90 (95)	94 (97)	93 (98)	90 (97)
Южная и Юго-Восточная Азия	86 (90)	92 (95)	96 (98)	95 (101)	98 (99)
Африка	96 (95)	102 (100)	104 (100)	105 (101)	104 (93)

Примечание. В скобках даются индексы производства продуктов питания.

Источники: «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics», 1966, N 7/8; 1968, N 7/8.

В условиях распада колониальной системы такое положение, несомненно, в значительной степени является следствием относительно быстрого увеличения численности населения этих стран¹. Но рост пародонаселения, имеющий весьма существенное значение для выяснения специфики и перспектив их положения в современном капиталистическом мировом хозяйстве, сам по себе не может служить решающей причиной крайне замедленных темпов роста их сельскохозяйственного производства. Фактический застой в этой основной сфере материального производства боль-

¹ Ежегодный прирост населения в развивающихся странах в среднем увеличился с 15 млн. в 1930—1950 гг. до 28 млн. человек в 1950—1955 гг. и до 37 млн. человек в 1960—1965 гг. (UN. «World Economic Survey 1967». New York, 1968).

шинства стран Азии, Африки и Латинской Америки объясняется прежде всего двумя важнейшими причинами, которые вытекают из исторически сложившихся особенностей развития этих стран в мировой капиталистической экономике.

Во-первых, послевоенный распад колониальной системы не привел к сколько-нибудь существенным сдвигам в социально-экономической структуре сельского хозяйства развивающихся стран. Преобладающему большинству бывших колоний и полуколоний не удалось еще добиться коренных перемен в отсталом аграрном строе. Лишь в сравнительно большой группе освободившихся стран, особенно в тех из них, которые становятся на путь некапиталистического развития, за самые последние годы начинают осуществляться революционные преобразования. Но они, естественно, не меняют общей картины. Феодальные и полуфеодальные пережитки — это реально господствующая еще во многих районах капиталистического мирового хозяйства система общественных производственных отношений, которые и в современной обстановке продолжают опутывать тяжелыми цепями производительные силы основной массы развивающихся стран.

Вторая решающая причина замедленного развития их сельского хозяйства тесно связана с первой. До сих пор главными орудиями производства основной массы их крестьянских хозяйств остаются мотыга или соха. В то же время сельское хозяйство капиталистически развитых стран, почти повсеместно переведенное в послевоенный период на базу машинной индустрии, добилось серьезных сдвигов. Рост производительности труда в их сельском хозяйстве за последние годы в ряде случаев превысил соответствующие показатели в промышленности, тогда как производительность сельскохозяйственного труда в развивающихся странах остается на крайне низком уровне¹. В результате в капиталистическом мировом хозяйстве все явственнее проявляется тенденция к падению роли этих стран как производителей сельскохозяйственной продукции со всеми вытекающими отсюда последствиями для развития мирохозяйственных связей современного капитализма.

4 Об особенностях современного этапа кризиса мирохозяйственных связей капитализма

Рассмотренные сдвиги в сфере материального производства предопределили в решающей степени дальнейшее развитие системы международного разделения труда в капиталистическом мировом

---

¹ По нашим подсчетам, производительность труда в сельском хозяйстве стран развитого капитализма в настоящее время в 20—25 раз выше, чем в целом в развивающихся странах.

хозяйстве. Физический объем товарооборота в его рамках возрос в 1968 г. по отношению к уровню 1938 г. более чем в 3,7 раза. На этом фоне в мирохозяйственных связях капитализма развертывается действие ряда процессов, характеризующих особенности функционирования современного мирового капиталистического рынка по сравнению с предшествующими этапами его развития.

Диспропорциональность роста основных отраслей промышленности и сельского хозяйства привела к дальнейшему усилению неравномерности развития международной торговли. Это нашло прежде всего выражение в резком изменении в ней соотношения между аграрно-сырьевыми товарами и промышленными изделиями. На протяжении всей истории капиталистического мирового хозяйства первая группа товаров (включающая промышленное сырье, топливо и первичные продукты питания) сохраняла преобладающее место в международной торговле. Но после второй мировой войны это место все более прочно начинают занимать изделия промышленности. Небывало быстрыми темпами эта тенденция, которая лишь намечалась на прежних этапах кризиса капиталистического мирового хозяйства, стала развиваться в последние годы. Если с 1929 по 1938 г. удельный вес промышленных изделий в общем экспорте возрос на 0,4%, то с 1958 по 1968 г. — почти на 11%.

Таблица 7 Соотношение сырья и промышленных изделий на мировом капиталистическом рынке (в % ко всему экспорту)

	1929 г.	1933 г.	1938 г.	1958 г.	1963 г.	1968 г.
Сырье, продовольствие и топливо	59,2	58,8	53,2	47,5	42,6	36,8
Промышленные изделия	40,8	41,2	46,8	52,5	57,4	63,2

Источники: В. Рымаков, В. Тягушенко. Слаборазвитые страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1961, стр. 196; «Monthly Bulletin of Statistics», November 1967; November 1968; November 1969.

За этими средними показателями в свою очередь скрывается крайнее усиление неравномерности развития различных направлений капиталистической торговли. Наиболее замедленными темпами по группе аграрно-сырьевых товаров расширяется торговля сельскохозяйственным сырьем, затем идет минеральное сырье. В то же время международный товарооборот продукцией современной крупной промышленности растет столь небывало быстрыми масштабами, что речь уже может идти не только о количественных, но и серьезных качественных изменениях в потоварной структуре мирохозяйственных связей капитализма. Так, в течение 1956—1968 гг. физический объем торговли в капиталисти-

ческом мировом хозяйстве продукцией машиностроения возрос почти в 2,7 раза, а химическими товарами — более чем в 3,8 раза. Если еще в начале этого периода товарооборот промышленного сырья (без топлива) на мировом капиталистическом рынке несколько превышал по стоимости продукцию машиностроения, то сейчас положение резко изменилось: вторая товарная группа в 2,4 раза превосходит первую. Эти факты отражают, с одной стороны, дальнейшее углубление существующего при капитализме противоречия между промышленностью и земледелием. С другой стороны, в них проявляется закономерный для развития производительных сил процесс относительного уменьшения значения сырьевых товаров в промышленном производстве.

Все это не могло не оказать отрицательное воздействие на положение развивающихся стран на мировом капиталистическом рынке. Одной из важнейших тенденций в современной обстановке становится постепенное ослабление их роли на этом рынке как экспортеров основной аграрно-сырьевой продукции, а тем самым их позиции как импортеров промышленной продукции. И действие данной тенденции продолжает неуклонно нарастать¹.

Такому развитию событий в капиталистической системе международного разделения труда способствуют также и иные причины, из которых мы выделим здесь две важнейшие. Во-первых, вследствие замедленного развития сельского хозяйства развивающиеся страны, которые на протяжении всей предшествующей истории капиталистического мирового хозяйства традиционно были основными экспортерами сельскохозяйственной продукции, ныне все более заметно превращаются в крупнейших импортеров многих видов этой продукции². Во-вторых, в ходе современного технического прогресса в промышленности стран развитого капитализма наметился ускоренный рост производства синтетического сырья — пластмасс, синтетического каучука, искусственного волокна и т. д. В то же время наблюдается неуклонный рост экспорта заменителей натурального сырья из капиталистически развитых стран.

---

¹ Удельный вес развивающихся стран в международном товарообороте несоциалистического мира снизился за период 1955—1968 гг. по экспорту с 28 до 20,5%, а по импорту — с 27 до 20,1% («Monthly Bulletin of Statistics», November 1967; July 1969).

² Весьма показателен такой факт. Перед второй мировой войной чистый экспорт зерновых из этих стран в капиталистические государства ежегодно составлял более 14 млн. т, а в середине 60-х годов поток зерновых шел уже в обратном направлении и чистый импорт этих стран достигал около 11 млн. т зерна в год (UN, «World Economic Survey 1967», p. 14).

В общем в международном товарообмене многими аграрно-сырьевыми товарами на мировом капиталистическом рынке за последние 10—15 лет выявляется чрезвычайно характерная линия: развитый капитализм превращается в своего рода основного конкурента развивающихся стран. Снижение доли этих стран в международной торговле аграрно-сырьевой продукцией сопровождается одновременным повышением роли в ней главных центров капитализма, в первую очередь США.

Таблица 8 Экспорт аграрно-сырьевых товаров
на мировом капиталистическом рынке *
(в %)

	1953 г.	1955 г.	1960 г.	1963 г.	1965 г.	1968 г.
Капиталистически развитые государства	100	113	159	178	198	227
Развивающиеся страны . .	100	105	118	126	134	147
Доля капиталистически развитых государств . .	54	56	62	63	64	64

* Исключая топливо.

Источники: «Monthly Bulletin of Statistics», November 1968; November 1969.

Отмеченные тенденции, хотя и являются сравнительно новыми, характерными в основном для послевоенного периода, носят, как правило, устойчивый характер. Они отражают те серьезные изменения, которые происходят под воздействием научно-технического прогресса в главных центрах капитализма. Они создают новые объективные предпосылки для дальнейшего роста социально-экономического антагонизма между двумя основными группами стран, находящимися на противоположных полюсах капиталистического мирового хозяйства. Анализ развития этих тенденций свидетельствует о наступлении новой фазы кризиса структуры всей системы международного капиталистического разделения труда. В связи с этим можно предвидеть дальнейшее нарастание борьбы народов развивающихся стран за ликвидацию их неравноправного положения в этой системе, за устранение пагубных последствий колониализма и неоколониализма в мировой экономике.

Данный вывод подкрепляется и развитием крайне неблагоприятных для развивающихся стран процессов в сфере ценообразования на мировом капиталистическом рынке. В условиях распада колониальной системы империализму удалось сохранить многие решающие формы и методы диктата на цены товаров, экспортируемых и импортируемых освободившимися странами на этом рынке. Их основная масса и поныне продолжает выплачивать развитому капитализму огромную дань за свою социально-экономическую отсталость. Общие размеры такой дани пока еще не

только не сокращаются, а, как показывают факты, имеют заметную тенденцию к росту.

Каковы же масштабы подобной эксплуатации империализмом развивающихся стран на мировом капиталистическом рынке в настоящее время? Прежде всего здесь следует отметить, что сколько-нибудь точные и научно обоснованные цифры всех такого рода потерь развивающихся стран практически получить невозможно. И это объясняется не только отсутствием необходимых данных в буржуазной статистике — единственном пока источнике обобщающей информации в данном вопросе. Здесь нужно иметь в виду важное методологическое указание К. Маркса о том, что в товарном капиталистическом хозяйстве «условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны»¹.

И все же некоторые примерные показатели ущерба, который наносят такие отношения развивающимся странам за тот или иной конкретный период и по отдельным направлениям экономической деятельности, имеются. Так, эксперты ООН подсчитали, что за период 1961—1966 гг. потери развивающихся стран в их торговле с капиталистически развитыми государствами только от неблагоприятных для них изменений в соотношении цен (по сравнению со средним уровнем цен в середине 50-х годов) достигли свыше 13 млрд. долл.²

И действительно, в современных условиях в капиталистическом мировом хозяйстве наблюдается долгосрочная тенденция снижения цен на основную экспортную продукцию развивающихся стран и повышения цен на основную импортную продукцию развивающихся стран из основных центров капитализма³. Если же взять за исходную базу уровень цен начала 60-х годов, то можно определить, что потери этих стран из-за ухудшения их

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 268.

² См. Документ ЮНКТАД «Обзор положения в области международной торговли в 1967 г.». Доклад генерального секретаря ЮНКТАД. — TD/5/, November 15, 1967, p. 50.

³ Отношение экспортных цен к импортным по группам стран на мировом капиталистическом рынке (1950—1952 гг.=100)

	1953— 1955 гг.	1956— 1958 гг.	1959— 1961 гг.	1962— 1964 гг.	1965— 1968 гг.
Развивающиеся страны	96	93	90	86	87
Страны развитого капитализма	100	102	102	104	105

Источники: UN. «Statistical Yearbook», 1965; «Monthly Bulletin of Statistics» за соответствующие годы.

«условий торговли» в этом случае только за десятилетие 1958—1968 гг. превысили 40 млрд. долл. А такие потери оборачиваются чистым доходом для империализма. Практически они представляют собой дополнительную прибыль империалистических держав за данные промежутки времени и с лихвой превышают те доходы, которые получал в целом колониальный империализм при существовании системы внеэкономического принуждения.

В то же время небывалыми ранее темпами растет и финансовая эксплуатация империализмом развивающихся стран посредством экспорта капитала. Эксперты ООН подсчитали, например, что эти страны к середине 70-х годов должны будут выплачивать за «услуги» иностранному монополистическому капиталу свыше 10 млрд. долл., или в 2 раза больше, чем в середине 60-х годов¹. На протяжении всей истории никогда прежде не было и столь быстрого роста задолженности этих стран империалистическим державам. Только в сфере государственной и гарантированной государством задолженности она возросла с 1956 г. примерно в 5 раз и достигла в 1968 г. почти 50 млрд. долл.² При сохранении существующих темпов ее роста она должна будет достигнуть к середине 70-х годов 100 млн. долл. Плата за нее ложится все более тяжелым бременем на экономику развивающихся стран.

Сущность основных структурных сдвигов в мирохозяйственных связях современного капитализма, таким образом, определяется объективными процессами, характеризующими развитие кризиса мировой капиталистической экономики. Они неуклонно ведут к дальнейшему обострению всех антагонистических противоречий капиталистического мирового хозяйства, в том числе и противоречий между империализмом и развивающимися странами. Перспективы преодоления развивающимися странами их экономической отсталости в рамках этого хозяйства на путях, по которым ранее шли капиталистические государства Запада, становятся в этой обстановке все более лишенными реальной базы. Не случайно поэтому в освободившихся странах получают широкое распространение идеи некапиталистического развития, идеи борьбы за полную ликвидацию мировой системы империалистической эксплуатации одних стран другими, за создание иной системы мирохозяй-

---

¹ UNCTAD. «Growth, Development Finance and Aid», TD/7/ Suppl. 3, October 18, 1967, p. 16. Причем в данных подсчетах учитывается далеко не вся финансовая дань, которую собирает империализм в развивающихся странах за счет экспорта капитала.

² UNCTAD. «Growth, Development Finance and Aid», TD/7/ Suppl. 3, October 18, 1967, p. 15; *Lester B. Pearson. Partners in Development. Report of a Commission of International Development.* New York — Washington — London, 1969, p. 13.

ственных связей, построенной на началах дружественного сотрудничества и взаимной помощи.

Присущая капитализму сама по себе прогрессивная тенденция к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и интернационализации общественного производства находится в непримиримом противоречии с закономерностями развития эксплуататорской системы капиталистического мирового хозяйства. Это противоречие достигает своей наиболее острой фазы в наше время, когда мировой социализм и разворачивающаяся научно-техническая революция открывают принципиально новые возможности для быстрого роста производительных сил общества, для создания подлинно равноправной и взаимовыгодной системы международного экономического сотрудничества.

Реализация этих возможностей неразрывно связана с антиимпериалистической борьбой за ликвидацию эксплуататорских производственных отношений и формирование социалистических во всемирном масштабе. Еще в самом начале современной исторической эпохи В. И. Ленин отмечал, что, борясь за союз и единство трудящихся различных наций, надо иметь в виду «тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»¹.

Глава IV   Научно-техническая революция в условиях современного государственно-монополистического капитализма

Интенсивное развитие науки и техники — характерное явление послевоенного периода. Изменения в этой области происходят быстрее, чем когда-либо раньше. Они привели мир к началу научно-технической революции, которая постепенно охватывает в той или иной степени все развитые страны. «Человечество вступает в период научно-технического переворота, — говорится в Программе КПСС, — с овладением ядерной энергией, освоением космоса, с развитием химии, автоматизации производства и другими крупнейшими достижениями науки и техники»².

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 164.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1969, стр. 27.

Практическое использование выдающихся открытий современной науки, и прежде всего расшифровки первых тайн микромира, более глубокое познание сложных форм движения материи и законов химической связи вызывают коренные изменения в способе производства материальных благ, в способе соединения вещественных и личных элементов производства.

Исследование экономических и социальных последствий научно-технической революции становится одной из важнейших задач политической экономии.

1 Основные черты современной научно-технической революции и ее экономические последствия

Экономические последствия научно-технической революции проистекают прежде всего из тех изменений, которые они вносят в развитие производительных сил. Эти последствия сказываются на изменении функции человека в процессе производства, ибо человек продолжает оставаться главной производительной силой общества.

Наиболее характерные черты современной научно-технической революции — комплексная механизация и автоматизация производства, кибернетические методы управления и использование электронно-вычислительных машин, производство искусственных видов сырья и внедрение химической технологии в различные производственные процессы, перевод на индустриальную базу строительной промышленности и сельского хозяйства. К этим качественным изменениям в развитии производительных сил следует прибавить многостороннее воздействие, которое оказывает на них начало эры космических полетов.

Научно-техническая революция преобразует все три основных вещественных элемента производства: механические средства труда (автоматизация), предметы труда (искусственная фабрикация веществ с заранее заданными свойствами), источники энергии (развитие атомной энергетики). Она затрагивает все стадии производства — от добычи сырья до сбыта готовой продукции.

Между основными направлениями научно-технического переворота существует тесная взаимозависимость. Ведущая роль при этом принадлежит революции в механических средствах труда, которую представляет автоматизация производства.

Некоторые буржуазные экономисты пытаются представить ее как простое продолжение механизации, как «новое слово для старого процесса». Однако с этим согласиться нельзя. Подготовленная предшествующим развитием механизации, специализации и

стандартизации, автоматизация тем не менее представляет качественно новую ступень в развитии техники.

Автоматизация влечет за собой принципиальные изменения в технологическом характере взаимосвязи человека с машиной. Предшествующий этап технического прогресса — механизация — был связан с передачей рабочему механизму функций непосредственного воздействия на предмет труда. Однако человек остается главным агентом технологического процесса. За ним сохраняются функции его контроля, регулирование непосредственного вмешательства для устранения всевозможных отклонений от нормы. С переходом к автоматизации эта функция передается механическому устройству. Регулярно функционирующий автоматизированный производственный процесс уже не требует непосредственного участия человека. Он освобождается от принудительной технологической связи с машиной, становится рядом с производственным процессом вместо того, чтобы быть его главным агентом.

Автоматизация позволяет управлять машинами при помощи других машин. Меняется само понятие машины. Если раньше под машиной понимали искусственные устройства, создаваемые человеком для замены его производственной функции, то теперь машины заменяют не только производственные, но и интеллектуальные (а в некоторых случаях и физиологические) функции человека. К трем существовавшим прежде классам машин — энергетическим, транспортным, технологическим — современный этап технического прогресса добавил новые типы машин — контрольно-управляющие, логические, кибернетические. Создание и широкое использование управляющих машин на основе практического применения общей теории управления (кибернетики) — характерная черта современной научно-технической революции.

Внедрение машин старого типа позволило вывести мощность орудия труда далеко за пределы физических возможностей человека. Внедрение автоматизации выводит мощность орудий труда за пределы эмоционально-рефлекторных возможностей человеческого организма. Если обычная машина, образно говоря, умножает и удлинняет руки, то автоматизация умножает и расширяет эмоциональные и интеллектуальные способности человека. Автоматическая система выполняет заранее предусмотренную программу и может даже ее усовершенствовать.

Неповоротливая и медлительная по масштабам современной техники система обратной связи, замыкавшаяся на человеке, заменяется электронно-контролирующими устройствами со скоростями, приближающимися к скорости света, и гигантским объемом принимаемой информации.

Крупные открытия и усовершенствования, сделанные в одной области, стимулируют технический прогресс в других областях. Так, использование мощных быстродействующих электронно-

вычислительных машин дало толчок усовершенствованию техники связи. Еще большую роль в этом отношении играют полеты космических кораблей, которые в свою очередь были бы невозможны без автоматики и электронно-вычислительной техники.

В целом темпы научно-технического развития значительно возрастают. За несколько лет происходят такие изменения в технике производства, которые прежде происходили в течение нескольких столетий.

Современная научно-техническая революция имеет ряд особенностей, отличающих ее от промышленной революции XVIII — XIX вв. и последующих, более ограниченных переворотов в орудиях производства. Это отличие состоит прежде всего в той роли, которую играет в ней наука. Отсюда и термин «научно-техническая революция». Суть изменений не только в выдающихся открытиях нашего времени, сделанных в различных отраслях науки, и в беспрецедентном расширении объема научных исследований¹, но и в новом характере связи науки со сферой материального производства.

Раньше в течение длительного времени связь науки с производством была косвенной. В настоящее время научно-исследовательская работа органически включается в сферу материального производства как его особое функциональное подразделение. Сбывается предсказание Маркса о превращении производственного процесса в материально-творческую и предметно-воплощающуюся науку².

Научно-исследовательские учреждения и лаборатории превратились в настоящую «индустрию открытий», снабжающую промышленность идеями и разработками новых видов продукции, новых производственных процессов, приспособлений и орудий труда. Значительно сокращаются сроки внедрения научных открытий.

Современная научно-техническая революция отличается и по широте охвата отраслей экономики. Промышленная революция XVIII—XIX вв., начавшись в текстильной промышленности, перекинулась в другие отрасли, вызывая их перестройку на базе машинного производства. Она привела к бурному росту новых отраслей. Но при всем том ее сферой в основном были промышленность, транспорт и связь.

Современная научно-техническая революция уже в начальной фазе своего развития не только преобразует промышленность, транспорт, связь и энергетическую систему, но также интенсивно развивается в сельском хозяйстве, а в последнее время и в отраслях непроизводственной сферы (торговля, кредитно-финансовая система, государственный аппарат). Нынешнюю научно-техниче-

---

¹ Объем научных исследований за последнее время удваивается каждые 10 лет.

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 221.

скую революцию отличают также более высокие темпы развития и масштабы географического распространения.

Научно-техническая революция вызывает глубокие и многосторонние экономические последствия. Некоторые из них подробно освещаются в последующих главах. Здесь же кратко отметим наиболее существенные моменты. Прежде всего значительно возрастает техническая вооруженность труда. Создание национального богатства гораздо в большей степени зависит от мощности применяемых средств производства, от накопленных научно-технических знаний, чем от количества непосредственно затрачиваемого живого труда.

Увеличение скорости и интенсивности производственных процессов, осуществление принципа агрегатирования машин, внедрение новых технологических процессов и новых материалов позволяют намного быстрее, чем при прежней технике, увеличивать производительность труда¹. Впервые начинают возникать технические предпосылки для создания действительного изобилия материальных и духовных благ.

Применение достижений современной науки и техники значительно повышает эффективность средств производства. Складывается новое соотношение между ростом производительности и стоимостью оборудования, при которой первый процесс обгоняет второй. На этой основе возрастает значение интенсивных путей экономического развития, при которых рост производства достигается не столько за счет увеличения массы труда и капитала, сколько за счет повышения их эффективности. В связи с этим происходят важные сдвиги в отраслевой структуре производства и всей экономики². Рост эффективности применяемых средств производства находит отражение в тенденции снижения капиталоемкости и материалоемкости производства.

Переворот в техническом базисе производства неразрывно связан с переворотом в функциях и составе людей труда, осуществляющих процесс производства, с повышением качества рабочей силы, с крупными изменениями в производственных отношениях, порождающими в условиях капитализма острые противоречия, которые углубляют кризис капиталистической системы хозяйства.

Под влиянием научно-технической революции резко усиливается концентрация капитала, которая все чаще осуществляется в форме создания крупных концернов, объединяющих самые

---

¹ Следует учесть, однако, что не всегда внедрение новейших достижений науки и техники непосредственно находит отражение в показателях часовой выработки. Нередко их результатом являются улучшение качественных показателей, расширение потока новых изделий.

² См. главу XIII.

разнообразные виды производства. Научно-техническая революция неразрывно связана с усилением государственного вмешательства в экономику.

Научно-техническая революция представляет собой важнейшее явление интернационального масштаба. Но методы и темпы ее осуществления, ее цели и социально-экономические последствия в социалистических и капиталистических странах коренным образом отличны.

В социалистических странах внедрение новейших достижений науки и техники служит упрочению новых общественных отношений, исключающих эксплуатацию чужого труда, повышению материального и культурного уровня трудящихся, всестороннему развитию людей, укреплению обороноспособности социалистических стран. Достижения научно-технической революции и открываемые ею возможности кладутся в основу создания материально-технической базы коммунистического общества.

В условиях государственно-монополистического капитализма научно-технический прогресс используется для усиления экономических позиций монополий и их политической власти, для взвинчивания прибылей крупнейших корпораций и создания все более разрушительных видов военной техники.

Однако вместе с тем технический переворот в капиталистических странах ускоряет формирование объективных и субъективных предпосылок перехода к социализму.

2 Движущие силы технического прогресса

Известный ущерб пониманию и марксистской разработке проблем научно-технического прогресса нанес получивший одно время распространение упрощенный и односторонний подход, при котором все внимание сосредоточивалось только на факторах торможения технического прогресса в условиях современного капитализма и недооценивались факторы его стимулирования. Это затрудняло возможность всестороннего анализа закономерностей и последствий технического прогресса, их влияния на процесс капиталистического воспроизводства и на общественные отношения. Эти представления по существу предавали забвению один из основных принципов исторического материализма — о ведущей роли производительных сил в их взаимодействии с производственными отношениями. В конечном счете они вели к скатыванию на позиции пресловутой «теории» стагнации производительных сил капитализма.

Марксистско-ленинская теория развития и отмирания капиталистического способа производства не имеет ничего общего с представлениями о стагнации капитализма, о заупорке его производительных сил, об его автоматическом крахе.

Гибель капитализму несет не застой в развитии техники, а крайнее обострение его противоречий, в основе которого лежит перерастание производительными силами ограниченных рамок капиталистических производственных отношений. «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений»¹ — это положение «Манифеста Коммунистической партии» полностью сохраняет свою силу и в отношении современного капитализма.

Монополистическая форма капиталистической собственности ослабляет давление конкуренции, создает экономическую возможность задерживать технический прогресс. Однако это не означает приостановки технического прогресса. Ленин специально предупреждал против такого упрощенного понимания вопроса. «Было бы ошибкой думать, — писал он, — что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет... отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет...»² Вступление капитализма в фазу упадка не исключает его быстрого развития и ускорения технического прогресса.

При монополистическом и государственно-монополистическом капитализме монополия существует рядом с конкуренцией. Возникают новые формы конкуренции. Не отменяет он и тенденции нормы прибыли к понижению. Все это толкает монополистический капитал на снижение издержек производства, в том числе и путем усовершенствования техники.

При высоком органическом составе капитала возрастает значение экономии в применении самого основного капитала как средства, обеспечивающего повышение нормы прибыли. Счетно-решающие устройства, автоматически контролирующее оборудование, представляют собой великолепное техническое средство обеспечения его оптимального использования. Вот почему автоматизация играет большую роль в отраслях с особенно высоким органическим строением капитала. Ее роль также велика в отраслях, в которых при непрерывности производства и исходное сырье, и конечный продукт находятся в текущем состоянии (газообразном, жидком, сыпучем). К числу таких отраслей, наиболее подходящих для полной автоматизации, относятся нефтеперерабатывающая промышленность, большинство отраслей химической и некоторые отрасли пищевой промышленности.

Стимулом внедрения новой техники остается, как и прежде, стремление капиталистов снизить издержки на рабочую силу.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 427.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 422.

Толкает к этому и страх капиталистов, вызываемый ростом организованности и сплоченности рабочего класса, усилением его забастовочного движения. Капитал руководствуется принципом «машины не бастуют»¹. Учитывается при этом также, что обслуживание современной техники связано не только с относительным уменьшением живого труда, но и с увеличением удельного веса так называемых белых воротничков, которые в слабой степени охвачены профсоюзами и больше склонны к сотрудничеству с администрацией.

Одним из источников увеличения емкости внутреннего рынка в послевоенные годы послужило значительное расширение непроизводственной сферы и предъявляемый ею спрос на предметы личного потребления, а также на энергию и различные материалы, идущие на возмещение и расширение основных непроизводственных фондов. В настоящее время общая сумма заработной платы и жалованья, выплачиваемая в непроизводственной сфере в США, больше, чем в отраслях материального производства. На непроизводственную сферу приходится и большая часть вложений в основные фонды. Все это увеличивает стимулы для внедрения механизации и автоматизации в непроизводственную сферу.

Как и многие другие процессы, тенденции в развитии техники невозможно понять без учета того громадного влияния, которое оказывает на капитализм мировая социалистическая система. Именно потому, что капитализм не является ныне безраздельно господствующей общественной формой развития производительных сил и вынужден принять вызов мирового социализма на историческое соревнование, ему приходится мириться с активным и далеко идущим государственным стимулированием технического прогресса.

Развитие науки и техники в настоящее время приобрело настолько важное жизненное значение для капитализма, что оно не может быть целиком предоставлено частной инициативе, как было в значительной мере раньше. Влияние социализма сказывается и на результативности социально-экономических завоеваний рабочего класса, которые, как указывалось, создают дополнительные стимулы для применения новой техники.

Развитие техники подталкивает также межимпериалистическая конкуренция, которая особенно дает о себе знать после восстановления и переоснащения промышленности капиталистиче-

---

¹ На это обстоятельство обращает внимание Дж. Гэлбрейт: «... при наличии значительной массы производственных рабочих, особенно если они подчиняются власти профсоюза, возникает существенный элемент неопределенности... Напротив, механизация способствует определенности условий. Машины не объявляют забастовки» (Дж. Гэлбрейт). Новое индустриальное общество. М., 1969, стр. 286).

ских стран Европы и Японии и осуществления империалистической интеграции в Западной Европе. Некоторые новые предприятия, выстроенные в послевоенные годы в странах Западной Европы и Японии по последнему слову техники, превосходят в этом отношении американские предприятия. К тому же, используя к своей выгоде более низкий уровень заработной платы, монополии этих стран теснят американские монополии на мировых рынках, а в некоторых случаях и на рынке самих США ¹.

После того как мы рассмотрели движущие силы научно-технического прогресса, попытаемся кратко охарактеризовать его основные направления ².

В наиболее промышленно развитых странах капитализма автоматизация производства в послевоенный период прочно вошла в жизнь и приобрела характер универсального средства повыше-

---

¹ Наглядной иллюстрацией к этому может служить положение, сложившееся в автомобильной промышленности. В течение всей первой половины XX в. автомобильная промышленность США была своего рода символом индустриальной мощи и технического совершенства США. Однако в настоящее время некоторые английские, французские и западногерманские предприятия автомобильной промышленности в техническом отношении превосходят американские. Благодаря этому, а также из-за низких издержек на заработную плату и производство более дешевых машин европейские автомобильные компании успешно преодолевают таможенные барьеры США и расширяют продажу своей продукции на их внутреннем рынке.

Конкуренция японских текстильных изделий привела к полной ликвидации некоторых видов текстильного производства в некоторых районах США. Производимые в Японии транзисторы широко вторглись на рынок США.

В последнее время усилилась конкуренция и на мировом рынке сбыта электронно-вычислительных машин. Занимающие в этой области господствующие позиции американские монополии на европейских рынках встречают растущее сопротивление со стороны французского и английского капитала, выступающего в ряде случаев единым фронтом против заокеанского конкурента.

² Следует учесть при этом, что в реальной действительности эволюционные направления технического прогресса (т. е. представляющие дальнейшее развитие старых принципов) тесно переплетаются с революционными. Например, автоматизация часто развивается рядом с обычной механизацией. Однако при всей неравномерности этого процесса революционные направления технического прогресса оказывают все более заметное влияние на преобразование технической базы развитых стран капитализма.

ния производительности труда. В обрабатывающей промышленности США доля расходов на автоматизацию возросла с 11 % общей суммы капиталовложений в 1955 г. до 20 % в 1966 г. и до 25 % в 1968 г.

Возрастает значение информационно-кибернетической стадии автоматизации, при которой автоматические системы управляют на основе переработки информации средствами электронной техники. Из общей суммы затрат на электронные вычислительные машины (ЭВМ) в 1965 г. в США примерно 10 % шло на машины, предназначенные для непосредственного контроля над производственными процессами.

Важной областью применения ЭВМ является их использование для обработки информации в учетно-плановой работе и в управлении. Они используются как для решения отдельных трудоемких задач экономического анализа, связанных с выбором оптимальных вариантов, так и для комплексной автоматизации текущей экономической информации, необходимой для научного управления производством.

В этой области автоматизация во многих случаях дает большую и более быструю отдачу, чем в сфере производства. Она делает возможным управление и принятие решений не на основе интуиции или ограниченных данных, а на базе исчерпывающей информации и расчетов, которые были невозможны при прежней ручной технике из-за их большой длительности.

Вот почему все большее число крупных компаний становится на путь создания «думающих заводов», т. е. предприятий, применяющих комплексную автоматизацию обработки текущей информации с помощью ЭВМ. Все шире применяются ЭВМ в банках, страховых компаниях, в правительственных учреждениях (особенно военного ведомства).

В настоящее время важнейшим критерием уровня развития экономики становится показатель степени ее вооруженности электронными средствами обработки информации. В 1968 г. численность установленных ЭВМ в США перевалила за 40 тыс. На долю США приходилось свыше $\frac{3}{4}$ ЭВМ, применяемых в капиталистических странах.

Возрастающая роль химизации находит отражение в опережающих темпах роста химической промышленности и в перестройке ее внутренней структуры. В 60-е годы она росла в США почти вдвое быстрее, чем обрабатывающая промышленность в целом. Мировое производство пластмасс за 1959—1967 гг. выросло почти в 8 раз.

Изменяется под влиянием научно-технической революции и топливно-энергетический баланс. Доля нефти и газа в топливно-энергетическом балансе США в настоящее время превышает $\frac{2}{3}$, а в ФРГ, Англии и Франции колеблется в пределах 25—35 %.

Систематическое улучшение экономических показателей атомных электростанций делает их вполне конкурентоспособными. По данным МАГАТЭ¹, удельный вес атомных электростанций в мировом производстве электроэнергии к 1980 г. достигнет примерно 22—25% и дальше будет развиваться высокими темпами.

Отмеченные факты говорят о чрезвычайной динамичности технической базы стран развитого капитализма. Вполне естественно, что это порождает новые и острые социальные проблемы.

3 Социальные проблемы, порождаемые научно-технической революцией при капитализме

Развитие техники через ряд опосредствующих звеньев всегда оказывало огромное воздействие на общественную жизнь и общественные отношения. Однако современная научно-техническая революция влечет за собой особенно глубокие и далеко идущие социальные последствия. Это связано прежде всего с революционным характером новой техники, с необычайно высокими темпами ее развития, с вовлечением в сферу действия научно-технического переворота большого круга отраслей и, следовательно, большой массы людей.

Глубина социального воздействия современной научно-технической революции объясняется также и тем, что она развертывается в эпоху, когда происходит подготовленная всем предшествующим развитием революционная смена капиталистической общественной формации социалистической и коммунистической. Социальные последствия научно-технической революции переплетаются и взаимодействуют с революционными процессами, порождаемыми структурным кризисом в недрах самой капиталистической формации.

Научно-техническая революция в наиболее развитых капиталистических странах оказывает все более ощутимое воздействие на социальную структуру общества, на занятость населения, на характер подготовки рабочих кадров и организацию труда, на развитие классовой борьбы². Под ее влиянием изменяются структура потребления, характер семейных отношений, содержание досуга, облик и размещение населенных пунктов.

Отношения между людьми, между человеком и природой, образ жизни в гораздо большей степени, чем прежде, опосредствуются техникой. Развитие средств транспорта, связи и массовой

---

¹ Международное агентство по атомной энергии.

² Изменения в социальной структуре общества и в условиях классовой борьбы более подробно рассматриваются в разделе пятом книги,

информации ведет к тому, что наша планета становится как бы меньше, а контакты теснее.

Овладение ядерными реакциями дает в распоряжение людей энергию колоссальной мощности, которая может быть направлена как на цели созидания, так и на цели разрушения.

Революция в военном деле, создающая угрозу глобального разрушения и уничтожения, привела к тесной взаимосвязи между научно-технической революцией и международными отношениями. Можно без преувеличения сказать, что нет такой области общественной жизни, которая в той или иной мере не затрагивалась бы научно-технической революцией.

Остановимся на некоторых последствиях научно-технической революции, имеющих важное социальное значение. Возросшая роль интенсивных факторов экономического развития находит свое проявление в том, что рост производства в развитых странах капитализма достигается при небольшом увеличении занятости, а в некоторых секторах экономики даже при сокращении количества занятых. Во Франции с 1954 по 1966 г. совокупный общественный продукт увеличился на 130% при увеличении занятости всего на 3,8%. В Италии совокупный общественный продукт с 1953 по 1967 г. возрос на 112%, а занятость — только на 7,4%. В обрабатывающей промышленности США в 1964 г. было занято столько же рабочих и служащих, сколько в 1956 г., а производство выросло на 32%.

Относительно, а в некоторых случаях и абсолютно понижается доля рабочей силы, непосредственно связанной с производством материальной продукции. Особенно резко сокращается численность населения, занятого в сельском хозяйстве.

В то же время быстро увеличивается занятость в непроизводственных отраслях. В США она возросла с 1950 по 1967 г. почти в 2 раза. США стали первой и пока единственной страной, где в непроизводственных отраслях экономики занято больше людей, чем в производственных. Предполагается, что к 1975 г. в этих отраслях будет занято 62% всех рабочих и служащих¹. Растет доля занятых в непроизводственных отраслях и в других развитых капиталистических странах. Доля наемных работников непроизводственных отраслей в среднем по всем развитым капиталистическим странам повысилась.

Быстрый рост непроизводственной сферы служит до некоторой степени отдушиной для поглощения части рабочей силы, высвобождаемой в результате автоматизации производства. При этом происходит также изменение социального состава лиц наемного труда, увеличивается удельный вес служащих.

Буржуазные экономисты и социологи расширению непроизводственной сферы, или «третичного сектора», по их терминологи-

---

¹ «Manpower Report of the President», April 1968, p. 304.

гии, приписывают свойства амортизации экономических и социальных противоречий капитализма. С ростом служащих они связывают свои надежды на ослабление экономической и политической боеспособности рабочего класса. Однако эти надежды опровергаются реальной действительностью, небывалым ростом забастовочной борьбы рабочих и служащих. В непроизводительной сфере обнаруживают свое действие те же законы и противоречия капиталистического воспроизводства, что и в сфере материального производства.

Опережающие темпы роста непроизводительной сферы становятся возможными и необходимыми в результате повышения производительности труда в сфере материального производства.

Автоматизация производства и внедрение другой современной техники увеличивают спрос на инженеров, техников, проектировщиков, конструкторов, программистов, математиков. Соединение науки с производством приводит к увеличению численности ученых, инженеров, лаборантов среди персонала предприятий.

Инженеры, техники, ученые становятся наиболее быстрорастущей профессиональной группой экономически активного населения. В США численность инженерно-технических работников и специалистов увеличивается вдвое быстрее, чем общая численность экономически активного населения. Из узкой прослойки она превратилась в многочисленный отряд наемных работников, выполняющих важные функции в составе совокупного рабочего персонала. Вместе с ростом их численности происходят крупные изменения в их социально-экономическом положении, которые в целом усиливают тенденцию к их сближению, а отчасти и слиянию с пролетариатом.

Научно-технический переворот влечет за собой рост подвижности капитала и рабочей силы. В результате усиливается действие сформулированного Марксом закона перемены труда, в котором проявляется его растущее обобществление¹.

Растет уровень территориальной подвижности населения². Увеличению территориальной подвижности производства и населения способствуют повсеместная электрификация и развитие дорожной сети.

Поскольку автоматизация требует полной перепланировки предприятий, «переосмысливания» производственных процессов,

---

¹ Согласно данным одного обследования, различные изменения ежегодно затрагивают в США 11,5 млн. рабочих мест и 8,5 млн. рабочих. Почти половина этих изменений связана со сменой отрасли и специальности, 20% только отрасли и 8% — сменной работы в той же отрасли (*E. Shils. Automation and Industrial Relations. New York, 1963, p. 55*).

² С 1955 по 1960 г. местожительство сменило около 30% населения США («Statistical Abstract of the United States», 1968, p. 34).

крупные корпорации нередко предпочитают строить новые автоматизированные заводы вместо переоборудования старых, причем строить их на новом месте.

В результате межотраслевой и территориальной передвижки капиталов и рабочей силы складывается не только новая структура экономики, но и новый состав совокупного рабочего. Все это не может не приводить к существенным изменениям условий развития классовой борьбы.

К наиболее существенным изменениям в составе совокупного рабочего надо отнести увеличение численности научно-технических работников, а также профессий, связанных с техническим обслуживанием машин и оборудования, так называемых сквозных профессий. Заметно усиливается вытеснение рабочих старых профессий, восходящих к эпохе ремесленного производства или промышленной революции. Сокращаются сроки «морального износа» рабочих профессий.

Современные профессии формируются, с одной стороны, под влиянием углубляющейся специализации труда, с другой — под влиянием его универсализации. Последняя тенденция в условиях научно-технической революции берет перевес над первой. В результате рост общей численности профессий сменился ее сокращением. При этом диапазон многих ведущих профессий расширяется. В США общая численность профессий и специальностей сократилась с 24 тыс. в 1949 г. до 22 тыс. в 1965 г.

Большие и нередко противоречивые изменения происходят в квалификационной структуре рабочего класса. Некоторые буржуазные экономисты доказывают, что с повышением уровня автоматизации квалификация рабочих падает. Иначе говоря, чем «умнее» становятся машины, тем «неразумнее» становятся рабочие. Фактически эта точка зрения служит теоретическим оправданием умаления роли людей труда и монополистической практики снижения квалификационных разрядов и ставок заработной платы рабочих, обслуживающих автоматическое оборудование, на том основании, что от рабочих требуется меньше физических усилий. Она игнорирует изменение содержания квалификации в результате технического переворота.

В действительности же научно-техническая революция ведет к формированию квалификации нового типа, неотъемлемыми элементами которой являются общее образование и специальная профессиональная подготовка. Новое содержание квалификации определяется возрастающим значением таких качеств, как общая техническая грамотность, внимательность, ответственность, способность самостоятельно принимать решение, и уменьшающимся значением навыков ручного труда и физической выносливости.

Концепция «деквалификации» исходит из узкого понимания сущности квалификации. При решении данной проблемы она не

учитывает современного уровня обобществления труда. Необходимо исходить из оценки квалификации комбинированного рабочего персонала. При таком подходе обнаруживается, что в составе капиталистической кооперации труда увеличивается роль наиболее квалифицированного рабочего персонала, связанного с ремонтом, наладкой и техническим обслуживанием современного оборудования. Полная или комплексная автоматизация выдвигает задачу уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом, требует подъема уровня квалификации рабочих до уровня технических специалистов.

Однако тенденция повышения общего уровня квалификации не означает, что происходит постоянное повышение квалификации всех категорий рабочего класса.

В условиях капитализма квалификационные изменения носят противоречивый характер. Капитализм создает серьезные препятствия на пути повышения квалификации. Реализация тенденции к повышению квалификации во многом зависит от борьбы рабочего класса за признание и отражение в оплате труда нового характера квалификации, порождаемого научно-технической революцией, за расширение доступа к общему и профессиональному образованию. В результате этой борьбы тенденция к росту квалификации рабочего класса в условиях современной научно-технической революции в конечном счете пробивает себе дорогу и в капиталистических странах, но замедленным темпом и в ограниченных масштабах.

В США доля квалифицированных рабочих с 1947 по 1967 г. повысилась с 33,1 до 36,4%, доля полуквалифицированных обнаруживает тенденцию к небольшому понижению, а неквалифицированных сократилась с 14,8 до 11,9%¹. Среднее число лет обучения американского рабочего в школе с 1948 по 1966 г. увеличилось с 9 до 11 лет (при 12-летнем полном курсе обучения в начальной и средней школе). С начала века время, затрачиваемое на образование, увеличилось в США в 2,5 раза.

Изменения, происходящие в структуре занятости, говорят о формировании нового, более сложного по составу комбинированного рабочего персонала, осуществляющего процесс воспроизводства капитала в условиях развивающейся научно-технической революции. Последняя не обесценивает живой труд, а, наоборот, ведет к повышению его качества. Вместе с тем и экономическая роль людей труда не уменьшается, как утверждают некоторые буржуазные социологи, а приобретает новое, еще более важное значение.

В связи с этим особенно наглядно выступает несостоятельность некоторых буржуазных экономических теорий, сосредоточиваю-

---

¹ «Manpower Report of the President», April 1968, p. 303—304.

щих главное внимание при анализе экономического развития на вещественных факторах производства. При этом недооценивается или игнорируется повышающаяся роль квалификации рабочего.

О возрастающем значении квалификации и образования говорит, в частности, то, что рост расходов на образование в США значительно обгоняет увеличение капиталовложений¹. Фактор интеллектуальной вооруженности труда приобретает небывалое значение в развитии современного производства.

Из этого вытекает и другое. Не только производство и углубление знаний становятся важнейшей отраслью экономики, но и их передача и распространение. В США численность занятых в системе образования выросла с 1955 по 1965 г. с 2,8 млн. до 5 млн. человек. Предполагается, что к 1975 г. в этой области будет занято 6,3 млн. человек².

Удлинение сроков обучения молодежи оказывает влияние на структуру трудоспособного населения, увеличивая в ней удельный вес несамодеятельного населения. Увеличение срока обучения в школе и более позднее вступление молодежи на рынок труда повышают расходы рабочей семьи и уменьшают ее потенциальный доход. С этим связаны важные изменения в воспроизводстве рабочей силы. Повышение требований к квалификации, к общеобразовательной подготовке рабочего служит важным фактором повышения стоимости рабочей силы.

Научно-технический переворот создает новые, более широкие возможности для увеличения экономической активности женщин. Предпосылки для увеличения занятости женщин подготавливаются, с одной стороны, сокращением сферы применения тяжелого физического труда в результате механизации и автоматизации производственных процессов, быстрым расширением непроизводственных отраслей; с другой стороны, распространением средств механизации раздробленного и малопроизводительного домашнего труда (стиральные машины, пылесосы, электрополотеры и т. п.), химикатов и изделий, способствующих экономии домашнего труда (например, синтетических изделий, не требующих глаженья), развитием системы бытового обслуживания.

Немаловажную роль в увеличении численности женщин, работающих по найму, играют повышение их общеобразовательного уровня, а также усиление процесса урбанизации населения. Динамика занятости женщин определяется, разумеется, не только техническим прогрессом, а целым рядом экономических и демо-

---

¹ По расчетам, сделанным в ИМЭМО АН СССР, доля расходов на образование по отношению к общему объему капиталовложений в США возросла с 16,3% в 1950 г. до 31,2% в 1965 г. (см. В. И. Марцинкевич. Образование в США: экономическое значение и эффективность. М., 1967, стр. 109).

² «Survey of Current Business», July 1966; July 1967.

графических факторов. Тем не менее изменения, связанные с современным этапом научно-технического прогресса, сыграли немалую роль в том, что в большинстве развитых капиталистических стран занятость женщин росла в послевоенный период быстрее, чем занятость мужчин.

Только за десятилетие, с 1956 по 1966 г., доля женщин среди занятых выросла в США с 32 до 35,6%, в Канаде — с 23,6 до 30,3%, в Англии — с 33,9 до 36,7%, в Бельгии — с 30,2 до 32%¹. При этом характерно, что особенно быстро растет занятость замужних женщин.

Возрастающая экономическая роль женского труда находится в противоречии со старыми традициями его явной или скрытой дискриминации. Во многих капиталистических странах сохраняется более низкая оплата женщин за одинаковый с мужчинами труд. Женщины до сих пор не допускаются ко многим относительно лучше оплачиваемым профессиям и должностям. В той иерархии, которую монополистический капитал создает среди рабочих, женщины обычно занимают низшие ступени. Их занятость отличается большой неустойчивостью. В значительной мере за их счет обеспечивается эластичность предложения рабочей силы.

Раньше рост занятости женщин означал большей частью усиление конкуренции женского труда в традиционных отраслях применения мужского труда. Теперь положение меняется. Рост занятости в значительной степени происходит за счет тех областей непродуцированной сферы, где традиционно преобладал женский труд. Вследствие сдвигов в отраслевой структуре экономики возникает новая тенденция усиления конкуренции мужского труда в традиционных сферах женского труда.

Расширение занятости женщин служит предпосылкой роста их независимости, развития классового самосознания и политической активности. С этим связаны и определенные изменения во внутрисемейных отношениях.

Современный этап научно-технического прогресса в сочетании с историческими изменениями в соотношении классовых сил привел к усилению действия сформулированного В. И. Лениным закона возрастания потребностей. В связи с этим увеличивается значение морального и исторического элементов стоимости рабочей силы. Темпы изменений в образе жизни, в структуре потребления необычайно возросли. Современные методы массового производства и социально-экономические завоевания трудящихся сделали возможным приобретение многими из них таких предметов личного потребления, которые прежде служили признаком принадлежности к состоятельным слоям буржуазного общества

---

¹ OECD. «Labor Force Statistics, 1956—1966». Paris, 1968, p. 28.

(телевизоры, холодильники, стиральные машины, легковые автомобили). Эти факты широко используются буржуазной пропагандой в целях апологетики капитализма. Однако расширение круга необходимых потребностей рабочей семьи не изменяет сущности капиталистических отношений эксплуатации. Тщательно подогреваемое рекламой стремление к приобретению все новых и новых предметов потребления используется для еще более прочного подчинения труда капиталу.

Научно-техническая революция, вызывая усиление материальных предпосылок социализма, неизбежно связана с углублением капиталистических противоречий.

4 Противоречия *научно-технической революции в условиях* *государственно-монополистического* *капитализма*

В настоящее время буржуазные экономисты все чаще вынуждены задумываться над проблемой воздействия изменений в способе производства на социальные и политические процессы. По мнению известного американского специалиста по проблемам автоматизации Диболда, «современные машины дают значительно более мощный стимул для социальных изменений, чем первая промышленная революция»¹. Призывая к крупным социальным нововведениям, Диболд напоминает, что в прошлом игнорирование социальных проблем породило идеи Маркса, которые «оказали большее влияние на формирование жизни каждого из нас, чем мы можем это себе представить»².

Социальные изменения, вызванные научно-технической революцией, рассматриваются буржуазной социологией под углом зрения трансформации капиталистического общества в качественно иное, «новое индустриальное общество» (Гэлбрейт), «кибернетически-электронное», или, короче, «кибертронное общество» (Бжезинский), или «послеиндустриальное общество» (Д. Белл).

При этом процесс социального развития изображается как автоматическое, бесконфликтное эволюционирование по мере прогресса техники к новому общественному строю, якобы не имеющему ничего общего с капитализмом.

Между тем все крупнейшие социальные процессы, порожденные научно-технической революцией, развивающейся в рамках переживших себя капиталистических отношений, основанных на эксплуатации и антагонизме классов, имеют остроконфликтный характер.

---

¹ «Jobs, Men and Machines», New York, 1964, p. 10.

² Ibid., p. 13.

«Научно-техническая революция, — говорится в Документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий, — ускоряет процесс обобществления экономики; в условиях господства монополий это ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой. Не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»¹.

Научно-технический переворот в капиталистических странах дает новый толчок концентрации и централизации капитала. В значительной мере под его воздействием увеличивается число слияний и поглощений, особенно в передовых в техническом отношении отраслях. Он приводит к объединению под контролем крупнейших корпораций самых разнообразных видов производства, часто связанных с выпуском новых изделий. Электронно-вычислительные машины и линии дальней связи становятся удобным техническим средством распространения монополистического контроля на обширный круг предприятий различных отраслей промышленности и обслуживания, разбросанных на тысячи километров.

Механизм частнокапиталистического обобществления экономики расширяется. Он подкрепляется и смыкается со значительно развившимся механизмом государственно-монополистического обобществления.

В итоге могущественные, общественные по своему характеру производительные силы, в своих наиболее совершенных образцах обладающие колоссальными потенциальными возможностями увеличения и удешевления производства, оказываются в распоряжении сужающегося круга монополистов, мотивы поведения которых целиком определяются интересами прибыли и упрочения капиталистической системы. В этом заложена основа конфликтности социальных процессов, порожденных научно-технической револю-

---

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 297—298.

цией, которая все больше вступает в противоречие с капиталистическими производственными отношениями.

Один из острейших конфликтов, представляющий опасность для всего человечества, — это противоречие между гуманистическими целями науки и техники и их использованием империализмом для усиления военного аппарата агрессии, для создания все более истребительных орудий войны. Это служит одним из главных проявлений загнивания капитализма.

Милитаризм не только обращает науку и технику против человека, но и снижает их производительную отдачу. Не случайно развитые капиталистические страны с меньшим удельным весом военных расходов имеют более высокие темпы роста производительности труда.

Современный автоматизированный процесс капиталистического производства продолжает оставаться по-прежнему процессом создания прибавочной стоимости, процессом эксплуатации, несмотря на все попытки замаскировать его. Изменяются его методы, расширяется тот комбинированный рабочий персонал, который участвует в создании прибавочной стоимости, но сущность самого процесса остается прежней. При этом усиление концентрации капитала и его обезличенности, как и рост интеллигентности рабочего класса, способствует осознанию процесса капиталистической эксплуатации в целом, что имеет решающее значение для революционизирования пролетариата.

Внедрение автоматизации и другой новейшей техники монополиями происходит бок о бок с применением новых методов капиталистической рационализации труда, которые идут на смену старому тейлоризму. Новые черты капиталистической рационализации отражают ее стремление поощрять лучшее использование оборудования и предметов труда, стимулировать труд более высокого качества. В то же время ее эксплуататорская сущность порождает чрезмерную интенсификацию, причем при автоматизированном производстве не столько физического труда, сколько эмоционально-рефлекторной деятельности, нервных и умственных усилий людей. Научная система выжимания пота, как В. И. Ленин называл систему Тейлора, преобразуется в систему нервного изматывания.

В условиях крупного автоматизированного капиталистического производства значительно возрастают отчуждение рабочего, его подчиненное положение по отношению к массе овеществленного труда, воплощенного в автоматических линиях и агрегатах, его антагонизм по отношению к системе капиталистического управления производством, навязывающей жесткую регламентацию и произвол монополий. Именно потому, что научно-техническая революция создает предпосылки для технического освобождения человека, для роста квалификации и образования, зависимость

рабочего от капитала, его бесправие ощущаются особенно сильно.

Чем могущественнее становятся средства производства; тем беспомощнее себя чувствует человек буржуазного общества. Его физическая и умственная деятельность расчленена, раздроблена и подчинена бездушной системе бюрократического управления, осуществляющего чужую волю.

Быстрый рост производительности труда в результате применения новейшей электронно-кибернетической техники, освобождение человека от непосредственного участия в производственном процессе поднимают коренной вопрос о месте и роли человека в мире автоматов. У многих буржуазных авторов, касающихся этой темы, звучат нотки пессимизма. Пишут о будущей бесполезности человека, о наступлении эпохи всеобщей праздности.

В действительности автоматизация делает излишним не труд вообще, а тяжелый физический труд, монотонную рутинную работу, не человека вообще, а человека-робота. Она открывает возможности для наиболее всестороннего развития личности и небывалого расцвета творческого труда. Но эти возможности не могут реализоваться, пока труд остается подневольным, наемным трудом, пока деятельность человека подчинена капиталистическим нормам рентабельности. Технологическое освобождение человека со всей остротой ставит проблему его экономического и политического освобождения.

Более чем когда-либо становится очевидной справедливость ленинских слов: «Техника капитализма с каждым днем все более и более *перерастает* те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство»¹.

Подавляющее большинство населения капиталистического мира не может воспользоваться плодами научно-технического прогресса. В самой богатой стране капиталистического мира — США, имеющей самую высокую производительность труда, сохраняется беспросветная бедность около $\frac{1}{5}$ населения страны.

Это противоречие еще более резко проявляется в масштабах всей капиталистической системы мирового хозяйства. Несмотря на все достижения современной науки и техники, свыше $\frac{2}{3}$ населения капиталистического мира, живущего в экономически слабо развитых странах Азии, Африки и Латинской Америки, пользуются в основном теми же орудиями производства, что и их предки сотни лет тому назад, живут в невероятно примитивных условиях, страдают от голода, эпидемий, неграмотности.

Одна из наиболее острых проблем, порожденных научно-технической революцией в капиталистических странах, — это проблема занятости и безработицы. Жизнь опровергает утверждения

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 95.

некоторых буржуазных экономистов, сторонников теории «компенсации», о том, что технический прогресс автоматически создает занятость для вытесняемых им рабочих. Не подтверждается и другая крайняя точка зрения — о неизбежном катастрофическом нарастании безработицы по мере распространения капиталистической автоматизации.

Технический прогресс оказывает двойственное влияние на занятость. С одной стороны, происходит высвобождение части рабочей силы, с другой стороны, он вызывает рост новых отраслей промышленности, создает предпосылки для расширения спроса, возникновения новых потребностей и увеличения производства и занятости.

Но противоречия капиталистического воспроизводства ведут к тому, что значительно усилившаяся под влиянием автоматизации тенденция к вытеснению рабочей силы на определенном этапе берет верх над тенденцией к ее притяжению. Капитализм пасует перед необходимостью обеспечить такой устойчивый рост потребления товаров и услуг и такие темпы увеличения национального дохода и сокращения рабочего времени, которые нужны для полного использования трудовых ресурсов в условиях развивающейся научно-технической революции.

Вытеснение рабочих автоматической техникой нередко приобретает форму «невидимых увольнений», которые выражаются в сокращении или полном прекращении найма новых рабочих. «Невидимые увольнения» с особой силой ударяют по молодым рабочим, резко сокращая спрос на новую рабочую силу. В этом одна из причин того, что безработица среди молодежи в США в несколько раз превышает средний уровень.

Проблемы занятости и безработицы кровно затрагивают значительно больше людей, чем прежде, как потому, что абсолютно и относительно увеличивается численность лиц, работающих по найму, так и потому, что увольнения охватывают не только производственных рабочих, но и служащих.

В современных условиях безработица гораздо в большей степени, чем прежде, связана с конфликтом между новой структурой спроса на рабочую силу и ее предложением, сложившимся при старом разделении общественного труда. Перед лицом новых требований, предъявляемых к общеобразовательной и квалификационной подготовке рабочих, безработные перестают в известной мере выполнять прежнюю роль готового резерва рабочей силы.

Безработица приобретает характер прямых социальных издержек капиталистического способа производства. С одной стороны, возрастает значение длительной безработицы, с другой стороны, наряду с безработицей нередко существует дефицит рабочей силы квалифицированных специальностей.

В связи с последствиями научно-технической революции остро

встает проблема неравенства в распределении не только материальных, но и интеллектуальных богатств, накопленных обществом. Несмотря на определенный прогресс в общеобразовательной и профессиональной подготовке трудящегося населения, даже в самых развитых и богатых капиталистических странах растет разрыв между существующей системой образования и обучения и объективными требованиями научно-технического переворота, который делает необходимой подлинную культурную революцию. Резко возросший спрос на специалистов с высшим образованием наталкивается на монополию власти имущих на высшие ступени образования. Высшее образование до сих пор лишь в редких случаях доступно для выходцев из рабочих семей. В США в 1960 г. среди молодежи из семей с доходом до 5 тыс. долл. в год колледж посещали всего 9% ¹.

Необходимым условием овладения новыми рабочими профессиями и повышения мобильности рабочей силы является получение полного среднего образования. Однако буржуазная школа, стиснутая социальными привилегиями и хроническим недостатком средств, не может обеспечить необходимые масштабы и качество среднего образования. Во многих рабочих семьях стремление дать образование детям вступает в противоречие с необходимостью скорейшего поступления на работу из-за материальных трудностей.

Наконец, созданная частным капиталом система профессионального обучения на производстве, преследующая узкоутилитарные цели, не отвечает требованиям широкой профессиональной подготовки и предоставления теоретических знаний.

В настоящее время нет недостатка в признаниях со стороны специалистов глубокого кризиса системы образования и профессиональной подготовки в странах капитала. Указывая на многие частные причины кризиса образования и профессиональной подготовки, буржуазные специалисты отвлекаются от его социальных корней. Между тем он является выражением глубокого кризиса капиталистической системы, вступающей в противоречие с развивающейся научно-технической революцией.

Эти и многие другие последствия научно-технической революции занимают большое место в сложном переплетении факторов, вызвавших такое своеобразное и значительное явление, как массовые студенческие волнения во многих капиталистических странах. Проблема трудоустройства и неуверенность в будущем имеют для молодежи особое значение. Ведь безработица среди молодежи значительно превышает средний уровень. На политическое сознание студенческой молодежи оказывают влияние изменения в ее социальном происхождении, а также та тенденция к сближению инженерно-технической интеллигенции и значительной части слу-

---

¹ *H. Miller. Rich Men, Poor Men. New York, 1964, p. 163.*

жащих с пролетариатом, о которой говорилось выше. Студенческая молодежь весьма остро реагирует и на осуществляемую государственно-монополистическим капитализмом милитаризацию науки, на полицейские репрессии и подавление демократических свобод. Следует отметить также, что молодежь, заставшая современный образ жизни в готовом виде, в гораздо меньшей степени, чем старшее поколение, склонна разделять иллюзии, связанные с «обществом потребления».

Современная научно-техническая революция ставит по-новому важнейшую проблему взаимодействия природы и общества. Она дает в руки человека мощные средства воздействия на окружающую природу, которые способны вызывать нарушение в естественных системах динамического равновесия, присущих биосфере, со всеми вытекающими из этого губительными и трудно предвидимыми последствиями. При этом темпы происходящих изменений опережают возможности адаптации людей и живой природы. Эта глобальная проблема при капитализме приобретает особую остроту. Бездушная эксплуатация природных богатств ради умножения прибылей, опирающаяся на применение средств современной техники, приводит к эрозии почвы, к загрязнению воды и воздуха, уничтожению животного и растительного мира в таких масштабах, которые создают реальную угрозу сохранению жизни в ближайшем будущем. Борьба за разумную эксплуатацию биосферы, предполагающая долгосрочное и комплексное планирование и научное предвидение, неизбежно обращается против капиталистических методов предпринимательства.

Выход из острейших противоречий, порождаемых развивающейся научно-технической революцией, монополистический капитализм ищет на пути дальнейшего усиления государственного вмешательства. Однако государственно-монополистический капитализм все отчетливее проявляет свою неспособность разрешить проблемы научно-технической революции в интересах трудящихся. По мере развития научно-технической революции ее социальные последствия и противоречия становятся фактором обострения классовой борьбы. Рабочий класс все более активно выступает против использования высокопроизводительных средств производства, созданных общественным трудом, в интересах личной наживы. Отрицательные во многих отношениях для трудящихся последствия технического прогресса в современных условиях, когда в социалистических странах в полной мере раскрываются гуманистические потенции новой техники, служат в капиталистических странах мощным стимулом борьбы за подлинный социальный прогресс. К этой борьбе присоединяются новые слои трудящихся — женщины, молодежь, интеллигенция, которые до недавнего времени большей частью были в стороне от общественной жизни.

Научно-техническая революция ведет не к трансформации капитализма в некое новое «послеиндустриальное общество», а к обострению коренных противоречий капитализма. В настоящее время полностью подтверждается идея Маркса о революционизировании общественных отношений в результате технического переворота. Научно-техническая революция предвещает не обновление капитализма, а его устранение как исторически отжившей общественной системы.

Раздел   Основные тенденции второй   развития экономики   монополистического   капитализма

Глава V   Концентрация и монополия

Концентрация производства и капитала на современном этапе развития капитализма приобрела ряд новых особенностей. Под влиянием роста производительных сил и научно-технической революции усиливается концентрация производства, которая отражает новый уровень обобществления в рамках капитализма. Происходят дальнейшее комбинирование производственных процессов и в связи с этим создание обширных производственных комплексов, которые часто не умещаются в рамках даже крупнейших капиталистических монополий и создаются совместными усилиями нескольких компаний.

Применение науки в производстве, развитие на производстве прикладных исследований ведет к дальнейшему росту концентрации, поскольку оно становится рентабельным лишь при очень больших размерах деятельности. Происходит дальнейшая монополизация экономики капиталистических стран. Рост господства монополий, ускоряя развитие ряда отраслей хозяйства, одновременно ведет к обострению противоречий капитализма, к усилению несбалансированности, диспропорциональности всего общественного организма. Именно эту сторону монополии особенно подчеркивал В. И. Ленин: «...монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов» ¹.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386.

Задача главы состоит в освещении современных форм концентрации производства и централизации капитала, связи этих явлений с монополиями. С этой задачей неразрывно связана научная критика буржуазных теорий концентрации и монополий.

1 Концентрация производства и капитала

В развитии капитализма 60-е годы были периодом не только относительно высоких темпов экономического роста, но и значительного усиления процессов концентрации и централизации капитала. Взаимосвязь между повышенными темпами экономического роста и усилением концентрации в истории капитализма наблюдалась и ранее. Причины такой взаимосвязи коренятся в том, что в периоды циклического оживления и подъема создаются благоприятные условия для новых крупных капиталовложений, для строительства новых крупных предприятий и производственных комплексов. В то же время рост прибылей крупнейших монополий позволяет им осуществлять централизацию капитала путем слияний и поглощений. Поэтому в истории капитализма так называемые волны слияний совпадали с повышательной фазой цикла ¹.

Особенностями волн слияний, развернувшихся в 50—60-х годах, являются, во-первых, то, что они охватили промышленно развитые капиталистические страны, и, во-вторых, многоотраслевой характер этих слияний, что ведет к громадной централизации капитала в руках монополий и к образованию гигантских конгломератов.

Интенсивность процессов централизации капитала в эти годы характеризовалась следующими данными: в США за 1951—1963 гг. 200 ведущих монополий обрабатывающей промышленности приобрели 1956 компаний; сумма активов только 1080 из них оценивается в 15 млрд. долл. ² В Англии среднегодовое число слияний в 1954—1958 гг. равнялось 292, в 1963 г. оно повысилось

---

¹ В США первая волна слияний, приведшая к образованию американских трестов (отраслевых монополий), припала на период 1897—1903 гг. За этот период было зарегистрировано 2864 слияния. За период 1924—1929 гг. произошло 4682 слияния, связанных в основном с созданием вертикальных комбинатов (US Congress. Senate. Committee on the Judiciary. «Economic Concentration. Hearings before the Subcommittee on Antitrust and Monopoly...», part 2. Washington, 1965, p. 502) (далее — «Economic Concentration...»).

² «Economic Concentration...», part 2, p. 126.

до 885. Волна слияний охватила также экономику ФРГ, Франции, Италии, Японии.

Ускоренное накопление капитала крупнейшими монополиями, усиленное концентрацией капитала, ведет к тому, что все большая доля национального богатства, национального дохода и промышленной продукции сосредоточивается в руках небольшой горстки гигантских корпораций. В 1962 г. 100 ведущих корпораций США сосредоточили 49% общих активов и 58% капитальных активов всей обрабатывающей промышленности.

Доля 100 крупнейших фирм США в совокупном капитале обрабатывающей, добывающей промышленности, торговли и услуг выросла с 16—18% в 1909—1919 гг. до 30% в 1958 г.¹

В Англии 10% общего числа крупнейших промышленных компаний повысили удельный вес в промышленной продукции с 76% в конце 1930 г. до 85% в конце 50-х годов². Мощь монополистического капитала еще более усиливается в финансовом капитале, на уровне крупнейших финансовых группировок капиталистического мира. Эти вопросы подробно исследованы в работах ряда советских и зарубежных экономистов³.

Факты такого рода неопровержимы. Однако именно в этом вопросе буржуазная экономическая наука пытается дать бой марксизму. Теория концентрации и монополии представляет поле острой идеологической борьбы. Буржуазные теоретики ищут всяческие аргументы, которые подтверждали бы эффективность и жизнеспособность капиталистической системы хозяйства. Так, профессор Нью-Йоркского университета Жюль Бэкман утверждает, что капиталистическое «хозяйство становится все более конкурентным, несмотря на высокий уровень промышленной концентрации, преобладающий в ряде отраслей»⁴.

Многие представители буржуазной политической экономии пытаются отрицать связь между концентрацией и монополией, представить современный капитализм как систему хозяйства, где по-прежнему господствует свободная конкуренция. В действительности же процессы концентрации и монополизации выводят все более обширные сферы современного капиталистического хозяй-

---

¹ «American Economic Review», December 1961, p. 989.

² R. Brech. Britain 1984. A Forecast Prepared for Unilever. London, 1963, p. 42.

³ Подробный анализ уровня концентрации и мощи современных капиталистических монополий содержится в следующих работах: Н. И. Многолетова. Формы концентрации в промышленности США и характер связей между предприятиями. М., 1964; Е. А. Пигулевская. Монополии и финансовая олигархия в современной Японии. М., 1966; Г. П. Черников. Финансовая олигархия Франции. М., 1966; «Империализм сегодня». Пер. с нем. М., 1968.

⁴ «Economic Concentration...», part 2, p. 576.

ства за пределы свободной конкуренции, все с большей настоятельностью требуют сознательного общественного регулирования экономики, все острее ставят вопрос о социалистическом переустройстве общества.

При оценке современного уровня концентрации в капиталистическом мире необходимо учитывать соотношение между концентрацией производства и концентрацией (и централизацией) капитала.

Концентрация производства более непосредственно связана с развитием производительных сил, прогрессом в разделении труда, в специализации и кооперации производства. В ней отражаются важнейшие направления научно-технического прогресса. Вместе с тем она испытывает огромное воздействие концентрации капитала, которая непосредственно отражает стремление капитала к безграничному расширению, к экономическому господству и извлечению на этой основе монопольных прибылей, к повышению устойчивости в условиях капиталистической неравномерности. Например, размеры фабрик, заводов, мастерских, т. е. непосредственно производственных единиц, характеризуют прежде всего производственный аспект экономической концентрации. Однако было бы неправильно сбрасывать со счетов влияние более общих, социально-экономических, аспектов концентрации. Так, низкий уровень концентрации во многих так называемых традиционных отраслях хозяйства при капитализме (сельское хозяйство, строительство и т. п.) непосредственно отражает влияние господствующих социально-экономических условий.

Такой же показатель экономической концентрации, как размеры крупных диверсифицированных (многоотраслевых) корпораций, можно считать в основном отражением концентрации капитала, поскольку диверсификация связана со стремлением к повышению устойчивости и росту общей массы доходов в условиях быстрых структурных сдвигов. Вместе с тем процессы диверсификации отражают и некоторые чисто технические аспекты проблемы, новейшие направления технического прогресса, новые методы управления многоотраслевыми комплексами, концентрацию научных исследований.

Концентрация производства и капитала пронизывает собой всю вертикальную структуру капиталистической экономики, начиная от производственной единицы (завода, фабрики и т. д.) и через последующие ступени организации капиталистического хозяйства вплоть до крупных монополистических объединений. При этом на «верхних этажах» концентрации, на уровне концернов, объединений и т. д., чисто капиталистический аспект, связанный со стремлением к господству, проявляется с наибольшей силой. Однако и в данном случае — в создании и функционировании крупных производственно-сбытовых комплексов — нельзя не видеть объективного направления развития производительных сил.

За всеми формами монополистического господства, переплетения частнохозяйственных интересов, создания обширных экономических «империй» нельзя не видеть той объективной основы, которая подрывает капитализм и в историческом плане ведет его к гибели.

Диалектическое взаимодействие технико-экономического (производственного) и социального аспектов капиталистической концентрации неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Критикуя буржуазного экономиста Риссера, утверждавшего, что в результате «переплетения» частнохозяйственных интересов «предсказание» марксистов относительно обобществления не осуществилось, Ленин писал: «Что же выражает это словечко «переплетение»?.. «Случайно переплетаются» владения акциями, отношения частных собственников. Но то, что лежит в подкладке этого переплетения, — то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства. Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей... — тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, а вовсе не простое «переплетение»; — что частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение, — которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое... время, но которая все же неизбежно будет устранена»¹.

2 Основные черты производственно-экономической базы монополии

Если бы можно было сделать какую-то моментальную фотографию экономики развитой капиталистической страны, то на полученном изображении ясно проступили бы мощные «ядра» государственных и частнокапиталистических монополий, стягивающих воедино всю структуру капиталистического хозяйства. Остановимся на

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 424, 425.

основных особенностях формирования и современного состояния производственно-экономической базы монополии.

Монополистическая стадия капитализма исторически сформировалась на основе крупного производства. В тех отраслях, где развивалось крупное производство, оно постоянно демонстрировало свое превосходство перед мелкими предприятиями. Превосходство это основывалось в первую очередь на возможности обеспечить более высокую экономическую эффективность. Во-первых, создавались более благоприятные условия для использования принципиально новой техники, для создания системы машин. Второй важнейшей особенностью крупного производства стало производство массовой продукции. Параллельно с развитием крупного машинного производства происходило углубление общественного разделения труда. Особое значение имело выделение отраслей тяжелой промышленности, где крупное производство развивалось особенно быстро. В первую очередь это касалось черной металлургии, некоторых отраслей машиностроения, топливной промышленности. В настоящее время крупное производство господствует в решающих отраслях промышленности развитых стран. В ряде современных отраслей промышленности, где уровень концентрации особенно высок, развитие техники и технологии производства, рост масштабов капиталистического рынка диктуют необходимость строительства все более крупных производственных единиц (заводов и фабрик). В этом смысле представляют интерес расчеты роста минимальных эффективных размеров одного предприятия (по выпуску продукции) в ряде отраслей промышленности США.

Таблица 9 Рост минимальных размеров эффективных предприятий в США

Годы	Сталь, тыс. т	Автомашины, тыс. штук	Цемент, тыс. т
1929	1 500	80	—
1939	2 250	160	1 800
1960	2 250	320—640	2 300—3 000

Источник. L. Weiss. Survival Technique and Extent of Capacity. — «The Journal of Political Economy», June 1964, p. 249—251.

Еще большее укрупнение испытывают отдельные элементы производительных сил в новейших отраслях промышленности и транспорта. В Японии средняя мощность установок для производства этилена в нефтехимии возросла с 20 тыс. т в год в 1960 г. до 200 тыс. т в 1967 г.¹ В судостроении водоизмещение строящихся танкеров возросло с 1955 по 1966 г. в 10—12 раз.

¹ «Кэйдзай хёрон», 1967, № 8, стр. 10.

Наряду с выделением и специализацией новых отраслей крупное производство вело к развитию капиталистического комбинирования, т. е. объединения в едином производственном комплексе ранее обособленных отраслей. Развитие капиталистических комбинатов шло одновременно как в вертикальном, так и в горизонтальном разрезах. Процессы комбинирования производства в едином комплексе получили толчок в 1920—1930 гг., когда началось развитие ряда новых, в основном химических, производств на основе таких видов базового сырья, как уголь, нефть, древесина. В черной металлургии комбинаты выросли на основе включения в состав металлургических предприятий прокатных цехов с широким ассортиментом проката и ряда побочных производств.

Комбинирование производства, создание единых промышленных комплексов в большой степени увеличивают «пороговый» размер капитала, необходимый для эффективного ведения дела в ряде новых отраслей промышленности. Все чаще наблюдаются случаи строительства и эксплуатации новых производственных комплексов силами двух и более крупных капиталистических корпораций. Знаменательно, что в ряде отраслей в строительство новых предприятий и сооружений непосредственно включается и буржуазное государство.

В Японии с 1954 по 1965 г. стоимость одного рабочего места в промышленности возросла в текущих ценах в 9,5 раза (рост оптовых цен за этот период был незначительным). За этот же период в электротехнике стоимость рабочего места выросла в 27 раз¹.

Дальнейшее развитие экономика крупного производства получила в связи с появлением и распространением торгово-промышленных комплексов. Их создание было результатом либо вторжения крупных промышленных объединений в торговлю, либо, наоборот, захвата крупными торговыми объединениями промышленных предприятий.

Создание крупных производственно-сбытовых комплексов способствует во многих случаях ускорению технического прогресса на предприятиях концернов. Однако для монополий технический прогресс важен главным образом как средство конкурентной борьбы. Так, с точки зрения многих промышленных компаний создание своей собственной сбытовой сети вело к реализации дополнительной прибыли, к вытеснению конкурентов с рынка. Но тот же самый процесс с общественной точки зрения ведет к громадному расточительству. Например, вряд ли можно оправдать с точки зрения общественной эффективности создание нефтяными корпорациями своих отдельных сетей заправочных станций. Можно ли признать рациональным создание автомобильными компаниями

---

¹ Рассчитано по данным переписей обрабатывающей промышленности Японии за 1962, 1965 гг.

США своих систем дилеров (торговцев автомашинами) и станций обслуживания? Деятельность всех этих систем в значительной мере перекрывает друг друга и в условиях рационально организованной плановой системы хозяйства могла бы быть упрощена и удешевлена с выгодой для конечного потребления.

Поэтому такие экономические преимущества крупного капитала (т. е. его преимущества перед конкурентами, расширение его возможностей давить противников, устанавливать контроль над рынком) в ряде случаев не только не опираются на требования технического прогресса, а реализуются вопреки ему, приводя к росту расточительству общественного труда и материальных ресурсов.

По мере роста крупного производства все большее значение приобретают такие направления дальнейшего развития производства, как увеличение разнообразия (ассортимента) продукции, частый выпуск новых образцов. В тесной связи с увеличением разнообразия продукции стоит проблема ее качества.

В условиях выпуска однородной продукции качество определяется прежде всего стандартом. Лишь на определенной ступени изменения качества продукции становятся важным элементом производственной стратегии фирм, что в свою очередь порождает тенденцию к расширению ассортимента. Дифференциация продукции становится неотъемлемой чертой производственно-экономической базы монополии на стадии ее зрелости и неизбежно оказывается важной причиной усиления господства монополий.

Под дифференциацией продукции монополий имеются в виду: 1) расширение ее ассортимента, систематическое внедрение в производство новых товаров и их видов, снятие с производства старых, переставших приносить достаточно высокую прибыль; 2) индивидуализация продуктов данного концерна, придание им особых свойств, отличающих эти товары от товаров конкурентов. Дифференциация продукции используется концернами для укрепления их позиций на рынке, для стимулирования спроса на свою продукцию, для создания искусственной монопольной ситуации, при которой спрос на определенный вид товара (например, данную модель автомашины, данную марку сигарет и т. д.) может удовлетворить только один концерн.

Раскрытие социально-экономической сущности дифференциации как характерной черты производственной основы монополии, возникающей на определенной стадии развития производительных сил, отличает марксистский подход к этой проблеме от буржуазного.

Известный буржуазный экономист Э. Чемберлин полностью отрывает капиталистическую монополию от концентрации производства и капитала. Согласно Чемберлину, монополии возникают там, и только там, где есть дифференциация продукции. Чембер-

лин пишет: «Продукты... выступают как дифференцированные тогда, когда имеется какое-либо существенное основание для того, чтобы отличать товары (или услуги) одного продавца от товаров (или услуг) другого продавца»¹. Такая дифференциация, по Чемберлину, характеризует товарные рынки во все эпохи, она никак не связана с развитием крупного производства. Очевидным становится внеисторический, чисто рыночный подход этого экономиста к определению монополии.

Монополия Чемберлина имеет весьма отдаленное отношение к современным капиталистическим монополиям. Она скорее подходит на мелкие кустарные предприятия, лавки, предприятия сферы обслуживания и т. д. Реальный капитализм XX в. с его гигантской промышленностью в теоретическую схему Чемберлина никак не укладывается. Между тем очевидно, что нельзя ставить знак равенства между лавочником, продающим уникальные товары, и современным концерном с его огромной экономической мощью, крупной производственной и научно-технической базой. Способность такого концерна систематически обновлять и расширять ассортимент своей продукции, быстро заменять одни модели и марки продуктов другими, в массовом масштабе создавать товары, искусственно наделенные уникальными свойствами, является следствием высокой степени концентрации производства и его обобществления. В результате оказывается, что крупное производство и дифференциация продукции идут рука об руку в ходе создания и расширения производственно-экономической базы монополии². Повышение надежности и срока службы машин, создание разнообразных специализированных приспособлений, увеличение диапазона сортов бензина при улучшении его качества — вот некоторые примеры дифференциации в производстве средств производства. Дифференциация в производстве средств производства ведет к повышению эффективности на последующих стадиях в других отраслях, хотя при этом издержки производства единицы дифференцированной продукции на месте ее производства могут расти. В целом дифференциация служит повышению эффективности всего общественного производства и, как таковая, является важным направлением технического прогресса.

---

¹ Э. Х. Чемберлин. Теория монополистической конкуренции. М., 1959, стр. 103.

² В США в 1960 г. было затрачено 10 млрд. долл. на проектирование, разработку и внедрение новых видов продукции. Согласно опросу фирмы «Мак-Гроу Хилл», 41% фирм главной целью своих разработок имел улучшение существующих видов продукции, 48% — разработку новых видов продукции и лишь 11% — разработку новых технологических процессов («American Economic Review», May 1960, p. 365).

Но это лишь одна сторона дифференциации. Другая ее сторона неразрывно связана с основными экономическими чертами современного капитализма — со стремлением монополии к вытеснению конкурентов, к закреплению господствующего положения на рынке. Капитализм налагает свою неизгладимую печать на все проявления дифференциации. Повышение качества продукции своей оборотной стороной имеет так называемое квазикачество, разнообразие видов продукции оборачивается непрерывными изменениями чисто внешних, стилевых особенностей, неоправданных, с точки зрения общества, и требующих громадных дополнительных затрат¹.

Эти направления дифференциации закрепляются капиталистической рекламой. Развитие рекламы, выражающее собой объективную общественную потребность, приобретает чисто капиталистические черты давления на потребителя и «обработки мозгов».

В настоящее время характерной чертой крупного производства все в большей степени становятся систематическая связь с наукой и постоянное применение достижений науки в производстве. На практике это проявляется во включении научных лабораторий в производственные комплексы и в растущей доле затрат на научные исследования и разработки в общих издержках производства крупных капиталистических фирм.

Научные исследования и разработки в больших масштабах способны вести лишь крупнейшие фирмы.

Включение научных исследований непосредственно в организационные рамки крупного производства ведет к дальнейшему росту его размеров. Систематическое проведение научных исследований и разработок наиболее рентабельно лишь при крупных размерах производственной деятельности. И здесь, как и в случае с дифференциацией продукции, связь оказывается двусторонней. Соединение науки с производством, будучи само порождено крупными размерами производства, неизбежно усиливает процесс абсолютного роста его размеров.

Применение науки в производстве дает монополистическому сектору хозяйства большие выгоды, резко выделяет его в море стихийной капиталистической экономики, где тысячи и миллионы мелких и средних фирм ведут повседневную борьбу за существование. Но «процветание» монополизированного сектора неизбежно оборачивается не только гигантским расточительством, но и задержкой прогресса в многочисленных сферах, существенно важных для жизни трудящихся капиталистических стран.

---

¹ См. А. Милейковский, В. Шемятенков. Качество товаров и современная монополистическая конкуренция. — «Вопросы экономики», 1968, № 1, стр. 89—92.

3 Концентрация и монополистическая структура хозяйства

Формирование и рост крупных монополистических «ядер» в экономике капитализма, о чем говорилось выше, представляют собой важнейший социально-экономический процесс, в ходе которого сквозь капиталистическую оболочку монополий зримо проступают черты все растущего обобществления производства. Но капиталистические монополии тысячами нитей связаны со стихийным рыночным хозяйством. Благодаря своим размерам они способны осуществлять долгосрочное планирование своего производства и в определенных пределах регулирование рынка. Монополии уже не умещаются в рамках отношений прежнего рыночного хозяйства. В то же время они пытаются всемерно использовать стихийное рыночное хозяйство для установления своего господства в целях извлечения монопольно высоких прибылей. Возникает взаимозависимость между монополией и системой стихийных рыночных отношений: расширяя свое влияние на рынок, монополия вместе с тем продолжает оставаться его составной частью.

«...Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия, — подчеркивал В. И. Ленин. — Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой»¹.

Рассмотрим вопрос об относительной концентрации, т. е. о соотношении сил между крупнейшими монополиями и монополизируемым производством, а также о распределении сил внутри группы крупнейших монополий. Картина относительной концентрации представляет собой как бы ряд последовательных, так сказать, «горизонтальных срезов» с капиталистического хозяйства, где структура хозяйства предстает на уровне отдельных товарных рынков, отраслей, межотраслевых и общенациональных хозяйственных связей.

При рассмотрении относительной концентрации исследователь имеет дело с двумя группами явлений. С одной стороны, изменяются размеры самих экономических единиц — заводов, фирм, объединений и т. д. С другой стороны, изменяется и само «окружение», в котором функционируют эти хозяйственные единицы, — масштабы рынков, отраслей, народного хозяйства в целом и т. д. Эту группу объектов, связанных с определением и измерением концентрации, условно обозначим более общим понятием «экономические совокупности».

Относительная концентрация всегда является величиной, одно-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 396—397.

временно зависящей от движения экономических совокупностей и экономических единиц. Начнем с характеристики экономических единиц: а) заводы, фабрики, мастерские, торговые предприятия. Основой выделения этого класса экономических единиц служит организационно-технологическое и территориальное единство производственной деятельности; б) производственные комплексы и комбинаты. Данный класс экономических единиц частично совпадает с предыдущим, и его основным признаком всегда служит организационно-технологическое единство. Однако в силу усложнения технологии и усиления вертикальной интеграции признак территориального единства далеко не всегда соответствует данному классу единиц¹; в) фирмы, компании, корпорации и другие юридические формы организации капиталистической собственности. Господствующим признаком в данном случае служит единство финансового управления. Другие признаки, характеризовавшие предыдущие классы экономических единиц, т. е. территориальное и организационно-техническое единство, либо отсутствуют, либо занимают подчиненное положение. По отношению к производственным комплексам и комбинатам данный класс экономических единиц не всегда является более общим. По мере усиления процессов производственной комбинации учащаются случаи совместного строительства и эксплуатации сложных производственных комплексов двумя или более фирмами²; г) объединения (отраслевые, межотраслевые) капиталистических компаний. Сюда входят картели, синдикаты, концерны. Признаком единства в данном случае служит взаимная координация деятельности по ряду экономических показателей: цены, объем выпуска, территориальный раздел рынка и др. В. И. Ленин называл эти объединения монополистическими союзами. Действительно, в данном случае концентрация доходит до такой стадии, когда размеры экономической единицы и экономической совокупности почти или полностью совпадают. Это особенно верно в отношении отраслевых картелей.

Формы объединений претерпевают глубокие изменения в ходе исторического развития капитализма. В ряде отраслей на смену объединениям картельного типа приходят различные виды взаимо-

---

¹ Например, в автомобильной промышленности заводы, производящие моторы, кузова и осуществляющие сборку, являются частями единого производственного комплекса, но в территориальном отношении они могут быть рассредоточены.

² Один из крупнейших алюминиевых заводов в США (типа комбината) построен и эксплуатируется двумя крупными корпорациями: «Рейнолдз металз» и «Олин — Мэтисон». В Голландии строительство нефтехимического комплекса ведется совместно «Ройал датч-Шелл» и французской государственной «Компани франсез де петроль» и т. д.

зависимости, лидерства цен и т. д. Другая форма объединений, а именно концерн, наиболее тесно связанная с комбинированием производства, постепенно из объединения формально независимых предприятий превращается в единую организацию и в настоящее время, как правило, неотличима от крупных капиталистических корпораций.

Экономические совокупности могут представлять: а) народное хозяйство всей страны или региона; б) группы отраслей народного хозяйства. Господствующим признаком данной совокупности является место в системе общественного разделения труда по отношению к стадии переработки природных ресурсов. В соответствии с этим признаком выделяются группы первичных (сельское хозяйство и добывающая промышленность), вторичных (обрабатывающая промышленность) и третичных (торговля, услуги, транспорт и т. д.) отраслей; в) группы отраслей народного хозяйства делятся в свою очередь на отдельные отрасли (промышленности, торговли, транспорта и т. д.). Наиболее развито и имеет наибольшее значение отраслевое деление обрабатывающей промышленности. Господствующими признаками при этом служат характер обрабатываемого сырья, общие особенности технологии, общее назначение продукции; г) наиболее дробной ступенью выделения экономических совокупностей являются товарные рынки, или отрасли в узком значении этого слова. Определяющим признаком для выделения этой совокупности будет потребительское назначение продукта или группы продуктов¹. Между этой последней совокупностью и предыдущей может быть установлен ряд промежуточных уровней, или ступеней (и такие промежуточные уровни, или ступени, действительно устанавливаются статистикой, например в Стандартной промышленной классификации США).

Таким образом, процесс концентрации можно охарактеризовать системой различных показателей. Однако, каковы бы ни были отдельные способы анализа концентрации, развитие концентрации всегда одновременно зависит от динамики избранной экономической совокупности и соответствующей экономической единицы или группы единиц.

Характеристика отдельных структур концентрации непосредственно связана с особенностями ценообразования, с формами

---

¹ Группа продуктов служит основой для выделения экономических рынков (отраслей) в том случае, если они близки по своим потребительским качествам, иными словами, в значительной степени взаимозаменяемы. Иногда говорят о высоком коэффициенте перекрестной эластичности спроса на товары такого рода. Последний термин означает, что при незначительном повышении цен на товар *A* резко возрастает спрос на товар *B* как на его близкий заменитель.

конкуренции (ценовой и неценовой). Особый интерес представляет выделение монополистических структур. В этой области монополия стремится закрепить и усилить преимущества, достигнутые на основе крупного производства. Более того, монополистические структуры концентрации, первоначально возникнув на основе определенных экономических преимуществ, в ряде случаев ведут в дальнейшем к замедлению технического прогресса, к явлениям загнивания. Это особенно характерно для таких типов монополистических структур, как патентные пулы, отраслевые картели.

Среди монополистических структур концентрации различаются отраслевые и межотраслевые структуры. К первым относятся картели, синдикаты, патентные пулы, известные еще с конца XIX в. и сравнительно хорошо изученные в нашей литературе¹. Поскольку фирмы, входящие в картель, сохраняют формальную самостоятельность, то здесь мы имеем дело одновременно и с объединением, охватывающим всю отрасль или большую ее часть, и со структурой концентрации. Иначе говоря, картель, будучи в определенных отношениях единой экономической единицей, в других отношениях остается собранием относительно самостоятельных фирм, делящих между собой отрасль (экономическую совокупность). Между фирмами, входящими в картель, складываются отношения, основанные не только на единстве целей, но и на взаимном соперничестве.

Среди межотраслевых структур концентрации особое значение имеют разного рода монополистические объединения в смежных отраслях, на последовательных стадиях переработки продукта. Известно, например, что наиболее прочные позиции монополии (монопольные структуры) занимают в начальных и завершающих стадиях производственной вертикали, тогда как на промежуточных стадиях нередки отрасли, где чрезвычайно много мелких и средних фирм. Если черная металлургия США и других капиталистических стран — чрезвычайно высокомонополизированная отрасль, то в производстве металлоизделий (специализированный инструмент, механизмы и т. д.) сохраняется множество мелких и средних фирм. В то же время основными конечными потребителями черных металлов являются высокомонополизированные отрасли — автомобилестроение, тяжелое машиностроение, промышленное строительство и т. д.

Указанные процессы относительной концентрации на уровне отрасли стоят в центре внимания буржуазной теории отрасли. Эта теория рассматривает взаимоотношения нескольких крупных, приблизительно равных по силе фирм (продавцов) на отраслевом рынке. Выводы этой теории используются для доказатель-

---

¹ См., например, М. Г. Диканский, В. А. Шильдкрут. Международные монополии. М., 1966.

ства эффективного характера конкуренции между компаниями «большого бизнеса», для попыток опровержения марксистского положения о монополизации современной капиталистической экономики¹.

Некоторые буржуазные экономисты, впрочем, не могут отрицать монополистического характера регулирования отрасли в условиях существования нескольких крупнейших фирм, которые они именуют олигополиями, на отраслевом рынке. Так, Дж. Бейн провел следующую классификацию 417 отраслей, учтенных американской промышленной переписью 1963 г. В 32 отраслях на долю четырех фирм приходится 76—100% отгрузок, в 81 отрасли — 51—75%, в 161 отрасли — 26—50%, в 143 отраслях — до 25%². Дж. Бейн делает вывод, что в первой категории можно в целом предвидеть тенденцию к совместной монополии, что не исключает возможности совместных действий и в других отраслях.

Аналогичную трактовку можно найти у другого известного американского экономиста, Уильяма Феллнера, который видит в «конкуренции среди немногих» форму групповой монополии³.

Другая группа буржуазных теоретиков пытается вообще отрицать монополистический характер «конкуренции среди немногих». К этой группе относятся, в частности, Дж. М. Кларк («Конкуренция как динамический процесс») и А. Д. Каплан («Крупное предприятие в конкурентной системе»)⁴.

При всех различиях между буржуазными экономистами господство нескольких фирм на рынке в их работах предстает как некий смягченный, ослабленный вариант монополии. Но такой постановке проблемы монополии присущ коренной порок, заключающийся в том, что монополия, как экономическая категория, сводится к отраслевому уровню концентрации. Между тем монополия вырастает из всестороннего обобществления процесса производства на базе высокой степени концентрации производства и капитала.

Концентрация на отраслевом уровне, которая стоит в центре буржуазной теории олигополии, есть лишь один из элементов монополизации народного хозяйства. Та «чистая» монополия, которой буржуазные теоретики противопоставляют конкуренцию среди немногих, к реальной жизни не имеет никакого отноше-

---

¹ Более подробно вопрос о монополистической конкуренции и групповой монополии рассмотрен в главе VII.

² *J. Bain. Industrial Organization.* New York, 1968, p. 134, 135.

³ *W. Fellner. Competition among the Few. Oligopoly and Similar Market Structures.* New York, 1949, ch. VII, p. 198—232.

⁴ *J. M. Clark. Competition as a Dynamic Process.* New York, 1961; *A. D. Kaplan. Big Enterprise in a Competitive System.* Washington, 1964.

ния. В реальной жизни монополия означает деформацию всего рыночного механизма в пользу крупного бизнеса. В. И. Ленин определил монополию как противоположность свободной конкуренции, тем самым подчеркнув водораздел между стихийным поддержанием пропорциональности, существовавшим в эпоху домонополистического капитализма, и подрывом этого стихийного механизма пропорциональности на монополистической стадии.

Буржуазные теоретики оставляют в тени вопрос о том, как монополии осуществляют господство над рынком. Между тем этот вопрос чрезвычайно важен. Дело в том, что в начале XX в. наиболее эффективным способом такого господства был захват отраслевого рынка. Отраслевые картели в Европе, громадные отраслевые тресты в США возникли как отражение этого этапа развития монополии. Напомним, что первая волна монополистических слияний в США привела к образованию именно отраслевых монополий.

В начале XX в. в США существовало 78 крупнейших концернов, контролировавших 50 и более процентов продукции своих отраслей, из них 8 контролировали продукцию отрасли целиком.

К началу 50-х годов не было ни одной крупной отрасли промышленности США, где бы существовала одна господствующая фирма. Из восьми полных отраслевых монополий, существовавших в США в начале века, не осталось ни одной¹.

Развитие концентрации даже в тех отраслях, где ее уровень уже давно был высок, как правило, не приводит к господству одной-единственной компании, к сосредоточению в ее руках всего или большей части производства. Такому положению препятствует ряд обстоятельств. Как правило, рост масштабов отраслевого производства приводит к тому, что одна даже крупнейшая фирма не в состоянии захватить под свой контроль всю отрасль. С другой стороны, стремление крупнейших фирм к монопольной прибыли требует не узкой специализации в рамках единой отрасли, а, наоборот, широкой диверсификации производства.

Развитие этих направлений концентрации находит наиболее общее выражение в народнохозяйственных показателях сосредоточения продукции, капитала и национальных ресурсов в руках крупнейших монополий. В 1963 г. 100 крупнейших промышленных компаний США увеличили свою долю в промышленной продукции по сравнению с 1947 г. с 23 до 33%. Сейчас их доля выше, чем была доля 200 крупнейших компаний в 1947 г.² При

---

¹ J. Bain. *Industrial Organization*, p. 192.

² US. Bureau of the Census. «Concentration Ratios in Manufacturing Industry 1963», part 1. Washington, 1966, table 1—A, p. 2.

этом нужно учитывать более чем двукратное увеличение размеров промышленного производства за этот период. Относительная концентрация нарастает как снежный ком, отражая гигантский рост абсолютных размеров капиталистических монополий.

4 Концентрация как основание монополии

В логическом и историческом анализе монополистического капитализма концентрация предстает как постоянно растущее основание монополии. «...Концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии»¹, — писал В. И. Ленин. Концентрация есть та основа, из которой вырастает монополия и в которой она себя закрепляет. Монополия не ликвидирует конкуренцию, стихийность, рынок, а существует наряду с ними, внутри их как другой принцип перелива капитала и распределения ресурсов.

Откровенные буржуазные апологеты в фактах растущей концентрации видят только одно — рост эффективности всего капиталистического хозяйства, рост «всеобщего» благосостояния. Их позиция лучше всего выражается фразой, принадлежащей бывшему президенту «Дженерал моторз»: «То, что хорошо для «Дженерал моторз», хорошо для США». Такую апологетику разоблачить несложно.

Для солидных «академических» представителей современной буржуазной политической экономии также характерен односторонний подход к изучению монополии, хотя он и не проявляется в столь открытой апологетической форме. Господствующим направлением среди таких авторов является формальный анализ различных структур экономической концентрации, вне связи с созданием и развитием производственно-экономической базы монополии².

Все современное капиталистическое хозяйство предстает в работах теоретиков «промышленной организации» и «эффективной конкуренции» как различные комбинации отраслевых структур: олигополии, дуополии, частичной монополии и т. д. При этом стирается грань между большими и малыми отраслями хозяйства, между крупным и мелким производством. Элементы монополии,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 345.

² Наиболее известными в этой области являются теории «промышленной организации» и «эффективной конкуренции». Представители этих теорий наибольшее значение придают изучению различных отраслевых структур и рецептам их усовершенствования с целью достижения наивысшей эффективности. См., в частности, J. Bain. *Industrial Organization*. New York, 1968; C. Kaysen, D. Turner. *Antitrust Policy*. Cambridge, 1959.

с точки зрения теоретиков отраслевых структур, относительно равномерно распределены по всей экономике. При этом, например, монополия в хлебопекарной промышленности, где на локализованных (ограниченных в пространстве) рынках действует небольшое число фирм, оказывается сильнее, чем в черной металлургии, где конкурируют между собой с десятков крупнейших корпораций, включая иностранные компании. Все остальные аспекты монополистического господства, связанные с крупным производством, теоретики отраслевых структур трактуют как экономическую эффективность.

Особенности развития относительной концентрации, формирование новых отраслевых структур дали повод многим буржуазным экономистам заявить о деконцентрации, а следовательно, об ослаблении монополии. Знаменательна в этом отношении книга Дж. Бейна «Международные различия в промышленной структуре»¹. Автор отмечает, что в США по сравнению с рядом других развитых стран (Англией, Италией, Японией) самый низкий уровень относительной отраслевой концентрации на уровне компаний (доля крупнейших четырех, восьми и т. д. компаний в продукции отраслей промышленности). Отсюда он делает вывод, что степень монополизации в США слабее, чем в других странах. Это весьма типичный подход, связывающий монополию с захватом либо разделом отрасли.

Сопоставляя степень монополизации в США и других развитых капиталистических странах, нельзя игнорировать значительно большие размеры внутреннего американского рынка по сравнению с рынками этих стран. По этой причине при одном и том же или даже большем числе крупных корпораций, господствующих в отдельных отраслях (например, в черной металлургии, автомобильной промышленности и т. п.), американские концерны пока несравненно крупнее своих конкурентов из Старого Света, да и позиции их по отношению к аутсайдерам, немонополизированному сектору, потребителям, как правило, неизмеримо прочнее. Соответственно этому средние размеры крупнейших 20 заводов в выбранных для сравнения отраслях в США намного превышают размеры соответствующих единиц в Европе и в Японии². Именно это обстоятельство существенно в оценке уровня монополизации в указанных странах. Процессы интеграции в Западной Европе ведут к понижению доли крупнейших национальных компаний на объединенном общем рынке. Однако эти же процессы создают условия для ускоренного абсолютного роста крупных корпораций.

В чем апологетическая сущность буржуазных теорий, трактующих проблему монополии с позиций «эффективной конку-

---

¹ J. Bain. International Differences in Industrial Structure. New Haven — London, 1966.

² Ibid., p. 35.

ренции»? Эти теории пытаются представить монополию как конкурентную хозяйственную ситуацию, которая в каждом отдельном случае может быть исправлена буржуазным государством. Буржуазному государству в свете этих теорий остается лишь устанавливать «правила игры», а конкуренция сама позаботится об искоренении монополии. Однако, как показал ленинский анализ экономической сущности империализма, монополия и государство тесно переплетаются, срачиваются, государственно-монополистическое регулирование осуществляется в интересах крупных концернов.

Другое крупное направление в буржуазных теориях монополии обращает внимание на, казалось бы, совершенно иную сторону дела. Это направление подчеркивает рост абсолютных размеров современных капиталистических объединений, их способность планировать свое производство и даже совместно планировать производство в отрасли¹. Представители этого направления согласны с тем, что новый уровень развития производительных сил несовместим с капиталистической стихийностью, с рыночным хозяйством. Но решение этого реальнейшего противоречия современного капитализма весьма своеобразно — отрицание роли стихийности капиталистического рынка. Монополия в этих теориях тоже исчезает. Дж. Гэлбрейт, например, вместо монополии видит в современном капитализме «зрелую корпорацию», осуществляющую всестороннее планирование. И это по-своему тоже последовательно. Действительно, если нет капиталистического рынка, то нет и монополии. Если же добавить к «зрелой корпорации» еще буржуазное государство, осуществляющее регулирование на общенациональном уровне, то получается «новое индустриальное общество», которое, по мнению Гэлбрейта, приходит на смену капитализму.

Поистине представители двух рассмотренных направлений в изучении концентрации и монополии начинают с разных концов, но приходят к одной и той же апологетической идее экономической и социальной гармонии в современном капиталистическом обществе. Между тем ни о какой гармонии в области экономики, политики, идеологии в условиях монополистического капитализма не может быть и речи. Напротив, результат монополистического господства выступает в виде бьющего в глаза противоречия между богатством и процветанием крупнейших монополистических объединений и неблагополучием, постоянной структур-

---

¹ Исторически наиболее известным представителем этого направления в анализе монополии был Й. Шумпетер (*J. Schumpeter. Capitalism, Socialism and Democracy. New York, 1942*). В настоящее время близкую точку зрения проводит Дж. Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество» (М., 1969).

ной несбалансированностью экономики капиталистических стран в целом. Монополистический капитализм привел к углублению экономической и социальной пропасти между трудящимися и эксплуататорами, между крупным и мелким производством, между развитыми и отсталыми районами внутри капиталистических стран, между индустриальными капиталистическими державами и слаборазвитыми странами.

Глава VI Монополистические концерны

В нашей литературе принято традиционное деление монополий по их основным формам на картели, синдикаты, тресты, концерны. Основные признаки каждой из этих форм описаны и хорошо известны. Однако за последнее время все больше обращает на себя внимание условность этой классификации. Наибольшее значение указанное деление имело в первый период господства монополистического капитализма. В настоящее время синдикаты и тресты¹ в чистом виде почти не встречаются, а в картели входят уже не отдельные предприятия, а монополистические объединения, представленные крупными акционерными обществами (корпорациями). Картельные соглашения по большей части существуют в виде негласных сговоров, зачастую не скрепленных юридически. Что же касается монополистических объединений, то наряду с ростом их абсолютных размеров и удельного веса в экономике происходило все большее их превращение из корпораций, объединяющих предприятия одной отрасли, в многоотраслевые монополии, т. е. концерны.

Иначе говоря, концерны являются ныне наиболее характерной, типичной, преобладающей формой монополистического объединения в развитых капиталистических странах. Это обусловлено как прямыми потребностями развития производительных сил (комбинирование), так и специфическими условиями накопления капитала в современных условиях (диверсификация). Современный концерн отличается от существовавших в начале XX в. не только размером своих оборотов и размахом операций, но и организационными формами, в основе которых лежат научные методы, электронная техника.

---

¹ В современной американской литературе термин «трест» не употребляется в отношении промышленных монополистических объединений. Употребляются следующие термины: «корпорация», «фирма», «компания». Между двумя последними терминами различие не проводится, «корпорация» же означает акционерное общество. Термин «фирма» часто применяется в теоретических работах, например «теория фирмы» («The McGraw — Hill Dictionary of Modern Economics». New York, 1965).

В данной главе рассматриваются процессы, вызванные увеличением удельного веса, абсолютных размеров, а также изменением внутренней структуры этой преобладающей формы монополистического объединения.

1 Эволюция монополистических объединений

В итоге длительного развития решающей силой в экономике капиталистических стран сделался концерн, т. е. объединение, охватывающее самые различные предприятия. Концернам принадлежат наиболее крупные и технически передовые предприятия, они потребляют подавляющую часть производимых в стране и ввозимых из-за границы сырьевых материалов, на них работают десятки тысяч поставщиков. В итоге концерны превращаются в промышленные комплексы, куда входят как принадлежащие им заводы, так и заводы фирм, сохраняющих только видимость самостоятельности. Роль подавляющей части мелких фирм в ключевых отраслях сводится к обслуживанию концернов, к поставке им деталей, принадлежностей, к выполнению услуг. Существование этих фирм крайне непрочное, и состав их постоянно меняется.

Концерны определяют пути развития ключевых отраслей, поскольку на их долю приходится наибольшая часть капитальных инвестиций. Роль концернов в хозяйстве капиталистических стран значительно больше, чем можно судить по статистике какой-либо одной страны. Концерны экспортируют товары и капиталы, строят заводы и организуют компании за границей, устанавливают с концернами других стран разнообразные связи. Крупнейшие нефтяные, автомобильные концерны сделали международными монополиями, влияют на внешнюю торговлю и экономическое развитие ряда стран.

На протяжении всего периода империализма монополистическая основа промышленности развитых капиталистических стран оставалась неизменной, но под влиянием технического прогресса, кризисов, войн, милитаризации экономики, государственной политики менялись структура промышленности, соотношение сил промышленных монополий. Появлялись новые монополистические объединения. Наконец, в самих объединениях происходили существенные количественные и качественные изменения, обусловленные как потребностями современных производительных сил, так и специфическими для капиталистического хозяйства условиями.

По-прежнему по размеру своих оборотов на первых местах стоят автомобильные, нефтяные, сталелитейные, химические концерны. Однако темпы роста наиболее крупных сталелитейных концернов в США были чрезвычайно низкими, что отражало за-

стой в американской черной металлургии, а также политику антитрестовских органов, пресекавших слияния крупнейших фирм. В странах Западной Европы, где уровень монополизации до сих пор был значительно ниже, чем в США, дело обстоит иначе. Здесь при полной поддержке государства сливались крупнейшие металлургические, электротехнические и другие фирмы.

«Дженерал моторз» и «Форд мотор» занимают первое и четвертое места среди промышленных фирм США, «Фольксвагенверк» и «Рено» — первые места в ФРГ и Франции, «Фиат» — второе место в Италии. Показательно, что фирмы «Рено» и «Фольксвагенверк» являются государственными предприятиями. Огромные размеры автомобильных концернов в соединении с необходимостью затрачивать сотни миллионов долларов на организацию производства, контроль над аппаратом сбыта и, наконец, формы конкуренции, существующие при господстве монополий, являются непреодолимой преградой для создания новых компаний в этой отрасли, во всяком случае на протяжении длительного времени. Эти условия давали возможность крупнейшим автомобильным концернам как в США, так и в других капиталистических странах постепенно вытеснять своих конкурентов.

Во многих отраслях — нефтяной, алюминиевой, химической — монополизация шла иными путями: здесь рядом со старыми концернами вырастали новые гиганты, хотя и уступающие пока старым по своим размерам. Быстрые темпы роста американских химических и алюминиевых концернов были обусловлены крупными масштабами научных исследований в этих отраслях, а также правительственными мероприятиями (в алюминиевой промышленности). Кроме того, сюда устремлялись концерны других отраслей в поисках выгодных сфер для приложения своих капиталов.

Анализ сдвигов в списках крупнейших концернов по размеру их оборотов показывает, что наибольшее влияние оказывает научно-техническая революция с присущими ей высокими темпами развития радиоэлектроники и химии, появлением новых отраслей, новых видов сырья и изделий, а также милитаризация экономики.

В первый десяток крупнейших концернов США входит фирма «Интернэшнл бизнес машинз» (ИБМ), на ее долю приходится $\frac{3}{4}$ производимых в капиталистическом мире электронно-вычислительных машин. Расширяют свои обороты и другие электротехнические и электронные фирмы США, Японии, западноевропейских стран. Богатеют на государственных заказах американские аэрокосмические концерны.

Под влиянием технического прогресса и ведения в крупных масштабах научных исследований характер многих концернов в прогрессивных отраслях совершенно преобразился. Они уже

не ограничиваются организацией небольших заводских лабораторий, а строят исследовательские, технические и конструкторские центры, в которых заняты сотни и тысячи конструкторов и исследователей. Концерны эти представляют собой теперь своего рода научные и организационные центры, координирующие работу специализированных заводов, а их центральные службы — научные прикладные институты. С переходом к ракетной технике и к освоению космоса в аэрокосмических фирмах научные исследования, экспериментирование и производственная работа слились в одно целое, грани между научными исследованиями и техническими разработками стерлись. Проникновение синтетической химии в старые отрасли превратило резиновые, мыловаренные и другие фирмы, перерабатывавшие до войны натуральное сырье, в химические. Химические концерны, например, в США сосредоточили в своих руках производство синтетических волокон.

Эксплуатация крупных технических открытий послужила в последнее время основой для создания новых крупных компаний, обороты которых составляют сотни миллионов долларов. В создании и росте технологически передовых фирм отражалось возникновение новой самостоятельной отрасли капиталистического предпринимательства — ведения исследований и изобретательства. Государственные заказы и договоры о ведении научных исследований способствовали освоению новой техники и организации новых производств. Однако быстрое выдвижение мелкой фирмы на положение мощного монополистического объединения — чрезвычайно редкое явление. В большинстве своем концерны росли путем поглощения независимых фирм. Процесс централизации капиталов в форме поглощений и слияний характеризовался за последние годы ростом числа поглощаемых средних и даже крупных компаний.

В конце XIX — начале XX в. централизация капитала происходила главным образом по горизонтальной линии, т. е. объединялись предприятия одной и той же отрасли. Наряду с этим, в особенности после окончания первой мировой войны, централизация развивалась по вертикальной линии: компании подчиняли себе различные этапы производственного процесса, приобретали источники сырья, налаживали переработку отходов, проникали в производство готовых изделий. Со временем скромные предприятия по переработке отходов превращались в крупные производства.

Комбинирование на протяжении двух последних десятилетий усилилось как в старых, так и в новых отраслях промышленности. Некомбинированные предприятия постепенно исчезали в металлургии, текстильной, бумажной, нефтяной и других отраслях. Современная научно-техническая революция еще больше усилила потребность в комбинировании. Например, под влиянием

автоматики, требовавшей особого внимания к проектированию моделей и отдельных их элементов, американские автомобильные концерны сосредоточили на вновь выстроенных заводах производство наиболее существенных деталей (раньше они их закупали на стороне). Кроме того, концерны, занятые изготовлением материалов и полуфабрикатов, стремились наладить производство готовых изделий в надежде приобрести таким образом рынок для сбыта своей продукции.

Но наиболее высокими темпами развивалась диверсификация. Тяготение капиталистической фирмы к непрерывному росту и присущее ей стремление изыскивать выгодные сферы для приложения своих капиталов толкали ее на этот путь, заставляли проникать в новые сферы деятельности. Не менее сильным стимулом был страх отстать от технического прогресса, наконец, необходимость окупить средства, затраченные на ведение исследований, комплексно использовать сырье. Внедряясь в новые отрасли, обновляя свой ассортимент, концерны надеялись уменьшить риск, связанный с предпринимательской деятельностью в условиях капитализма, смягчить последствия экономических кризисов, застраховать свое будущее. Через диверсификацию происходит перелив капиталов из менее рентабельных производств в более выгодные.

Издавна существующие автомобильные, электротехнические, химические концерны, расширяя ассортимент выпускаемых ими товаров, проникают большей частью в смежные производства. Американские химические концерны производят теперь самые разнообразные химикаты для покрытия самых различных потребностей. Нет и крупных текстильных фирм, которые бы выпускали только один вид тканей.

Монополии, специализированные в прошлом на производстве определенного товара, теперь часто ставят своей задачей удовлетворить полностью потребности своих покупателей в какой-нибудь области и устранить конкурентов, т. е. охватить весь рынок обслуживания данной потребности. Например, концерны, изготовлявшие ранее жестяные консервные банки, производят теперь упаковочные средства из самых разнообразных материалов и для самых различных продуктов; фирмы по производству строительных материалов отходят от специализации и разнообразят свой ассортимент, включая в него самые различные материалы. Сталелитейные концерны помимо стали начинают производить другие металлы, химикаты, пластмассы. По этому же пути идут и компании цветной металлургии.

Организуя новые производства, фирмы руководствуются не только знакомством с технологией, возможностью использовать имеющееся оборудование и прочими производственными соображениями. Нередко они исходят из факторов, лежащих в сфере

обращения, рассчитывая полнее использовать свой торговый аппарат или привлечь новых покупателей.

Диверсификация развивается во всех капиталистических странах, но в различных формах и различными темпами. Например, в странах Западной Европы сталелитейные фирмы проникают в тяжелое машиностроение, в то время как аналогичные американские концерны производят только нефтяное оборудование, не стараясь охватить другие отрасли машиностроения.

По мере внедрения электронной техники и станков с программным управлением централизация капиталов развивалась рекордными темпами в станкостроении США, где до недавнего времени преобладали небольшие узкоспециализированные фирмы. Но в то время как в Западной Европе автомобильные концерны «Рено» и «Фиат» сделали крупнейшими производителями станков, в США автомобильные концерны ограничиваются экспериментированием и проектированием станков новейшего типа и модернизацией собственных старых станков.

Диверсификация не только меняет структуру концернов, но и приводит к образованию конгломератов. Типы конгломератов разнообразны, но им присущи и некоторые общие черты: 1) во главе их обычно стоят финансисты, интересующиеся не производством, а только нормой прибыли. По собственному их выражению, они «управляют активами» и добиваются их наиболее выгодного использования; 2) обороты их растут, и при этом в предельно короткий срок, за счет поглощения самых различных фирм, между которыми отсутствуют связи производственного или функционального характера; 3) они стремятся внедриться в перспективные отрасли и поглощать фирмы, обладающие патентами и ценными кадрами; 4) большую долю оборотов многих из них составляют военные заказы, благодаря которым конгломераты получают гарантированный рынок для части своей продукции.

Конгломераты платят за поглощаемые предприятия своими акциями, разводя таким образом свой акционерный капитал, берут займы, проявляя при этом, как писала американская печать, полное равнодушие к размеру своей задолженности, поглощают финансовые компании. Таким образом, процесс диверсификации протекает нередко в таких же беспорядочных формах, как и все иные формы концентрации и централизации на прежних этапах развития капитализма.

В прошлом монополистические объединения осуществляли перевозку и сбыт своей продукции через независимые фирмы. Теперь же, стремясь сократить время обращения, ускорить оборот капитала и увеличить прибыль, концерны подчиняют себе торговые и транспортные фирмы, а нередко берут на себя полное или частичное выполнение их функций. В условиях ожесточенной конкуренции изучение рынка и организация сбыта иг-

рают не меньшую роль в обеспечении прибыли, чем производство. Большое значение имеют и банковские функции, которые выполняют концерны, как для собственных предприятий, так и для своих поставщиков и торговых фирм. В составе многих концернов, например автомобильных и электротехнических, имеются компании, финансирующие операции по продаже продукции с рассрочкой платежа.

В результате развития всех этих процессов господствующие в капиталистических странах монополистические объединения совершенно изменили свое лицо. Прежние тресты, образовавшиеся в конце XIX — начале XX в., сравнительно небольшие по своим размерам, изготовляли один вид продукции, т. е. были специализированными. Современное монополистическое объединение (концерн) — это объединение большого числа различных заводов, комбинатов и компаний (филиалов), часто вовсе не связанных друг с другом производственными отношениями. Иными словами, крупная промышленная фирма превратилась в сложный многоотраслевой торгово-промышленный и финансовый комплекс.

Научно-техническая революция порождает новые связи между концернами. Они уже не ограничиваются заключением соглашений о ценах и дележе рынков, между ними все больше развиваются связи производственного и научного характера. Погоня за прибылью заставляет даже крупнейшие монополии идти на разные формы производственного и научно-технического сотрудничества, создавать общие предприятия. Эта тенденция обусловлена сложностью новой техники, в частности военной, требующей объединения усилий специалистов различного профиля, стиранием четких границ между отдельными отраслями, ростом размера капиталов, необходимых для ведения исследований и строительства предприятий. История изобретений, кроме того, показывает, что важнейшие открытия делались на гранях соприкосновения нескольких дисциплин и отраслей. На сотрудничество идут и концерны различных стран. Обмен патентами и технической помощью сделался крупной статьей международной торговли.

В фактах сотрудничества, создания совместных предприятий, организации исследований общими силами проявляется развитие монополизации, ибо концерны таким образом уменьшают риск и устраняют потенциальных конкурентов.

2 Тенденция к планомерности и сдвиги в организационной структуре концернов

Для капитализма свободной конкуренции было характерно господство рыночной анархии и, поскольку рынок был всеобъемлющим регулятором производства, анархии общественного производства. Но и в то время не существовало и не могло существо-

вать абсолютной анархии производства. Любое крупное производство предполагает планомерное, организованное построение внутренней деятельности отдельных предприятий. За воротами типичного предприятия XIX в. господствовал рынок, а внутри его — организация и дисциплина. Это вытекает из сущности капиталистического производства, целью которого является производство прибавочной стоимости. Развитие организации, планомерности внутри отдельного предприятия Маркс обстоятельно прослеживает в I томе «Капитала». Характерное для развитого капиталистического хозяйства противоречие между планомерностью, организацией производства на отдельных предприятиях и анархией производства во всем обществе явилось одним из важнейших проявлений основного противоречия капитализма.

С появлением монополистических объединений рамки капиталистической планомерности расширяются, она становится объективной потребностью организации производственных связей между отдельными предприятиями, входящими в состав одного и того же концерна. Возникает централизованное монополистическое управление крупными производственными комплексами, охватывающими десятки, иногда сотни предприятий.

Критикуя предложенный Плехановым проект Программы РСДРП, где социализм характеризовался как «планомерная организация общественного производительного процесса», В. И. Ленин отмечал: «Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут»¹. А через два десятилетия при подготовке новой программы партии, на этот раз Программы РКП(б), В. И. Ленин писал, что монополии дают планомерность, «поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют...». Вместе с тем он подчеркивал, что «полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дадут до сих пор и не могут дать»². Это закономерно, так как развитие централизованного управления в рамках концернов не может полностью отменить рыночной анархии в отношениях между концернами, между монополиями и немонополизируемыми предприятиями.

Принципиально различны ленинское положение о капиталистической планомерности и тезис об «организованном капитализме». Теоретики «организованного капитализма» считали, что полная планомерность и овладение рыночного хозяйства трестами возможны при сохранении господства частнокапиталистической собственности. В. И. Ленин убедительно показал, что, пока сохраняется частная собственность как основа общественного производ-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 68.

ства, планомерность неизбежно остается частной, неполной. Полная планомерность, полное обобществление возможны лишь с ликвидацией частнокапиталистической собственности, т. е. при социализме.

Развитие планомерности в рамках монополистических объединений происходило постепенно. Вплоть до начала 20-х годов американские монополистические объединения все еще представляли собой в организационном отношении рыхлые комплексы. В объединениях того времени не было единого плана производства, сбыта, капиталовложений, научно-технических исследований, не было, как правило, и единой бухгалтерии, стандартизации деталей, узлов и оборудования и т. д. Центральный управленческий аппарат оказывался лишь надстройкой над самостоятельными «удельными княжествами» — предприятиями или группами предприятий (отделениями, филиалами). Этот период у некоторых, наиболее крупных объединений закончился уже в 20-х годах, у других он затянулся до начала 40-х годов.

Постепенно эта система организации пришла в противоречие с потребностями обобществленного производства. Объем производства увеличивался, под единый контроль стягивались все новые предприятия. Объединения превращались в многоотраслевые концерны. Это делало необходимыми еще более тесную увязку и согласование работы различных производственных и сбытовых звеньев. Ускорившийся технический прогресс требовал широкой и систематической реконструкции, обновления производственных мощностей, внедрения новой техники, а переход к массовому производству, к поточной линии и конвейеру — четкой организации снабжения, точного и оперативного учета производства и сбыта, быстрого принятия решений. Старая система организации с этими задачами не справлялась: запасы становились чрезмерными, капиталовложения — недостаточно эффективными.

Следующий этап в развитии корпораций, начавшийся в США в 20-х годах, характеризовался лихорадочными поисками методов упорядочения взаимоотношений центрального управленческого аппарата и низовых производственно-сбытовых звеньев. Ряд функций (финансы, учет, контроль) был централизован. Это новая ступень капиталистического обобществления, более высокая, чем предыдущая.

Теперь одной из центральных стала проблема эффективной организации управления многочисленными предприятиями из одного центра, более тесная увязка работы громадных производственных комплексов с изменениями рыночной конъюнктуры. Решением этих проблем занимались практики — руководители крупнейших корпораций, но все больше также и теоретики управления. Практически эти вопросы впервые стали разрабатываться в концернах «Дженерал моторз» и «Дюпон». Тогда же начала быстро развиваться наука управления, которая от проблем

организации производства внутри завода (система Тейлора и др.), характерных для ранней стадии монополистического капитализма, перешла к теоретической разработке проблем управления крупной фирмой, объединяющей много заводов. В значительной мере эта теория основывалась на практике крупных концернов, обобщала их опыт и распространяла его на другие фирмы. Большое внимание уделялось повышению культуры и производительности управленческого труда, проблемам подготовки кадров администраторов.

Однако и для этого этапа было характерно все углубляющееся отставание технических средств управления крупными концернами от потребностей управления ими как едиными производственно-бытовыми, хозяйственными комплексами. Совершенствование технических средств управления шло еще сравнительно медленно. Поэтому так называемый охват управления (т. е. число лиц, которыми один администратор может эффективно руководить) оставался весьма ограниченным.

В крупных концернах управленческий аппарат строился как многоступенчатая пирамида, которая имела основанием управление собственно производством. Чем больше росли масштабы производства, тем более громоздким делался аппарат управления, превращаясь в бюрократическую, иерархическую надстройку над производством. Эффективность управления постепенно снижалась, удельный вес расходов на управление в общих расходах возрастал¹.

В 40-х и первой половине 50-х годов (а в некоторых крупнейших фирмах еще раньше) концерны искали выход в децентрализации. Низшим звеньям управления передавались все более широкие функции, предоставлялась оперативная самостоятельность при сохранении ряда функций в ведении центрального аппарата. Устранение мелочной опеки, передача («делегирование») ответственности вниз по иерархической лестнице стали лозунгами дня.

Децентрализация управления оказалась лишь полумерой, не смогла полностью устранить излишеств раздутого аппарата управления и служила лишь панацеей в условиях господства старой техники управления.

С середины 50-х годов автоматизация, развившаяся сначала в собственно производстве, начинает вторгаться в сферу управления. Широкое развитие этого процесса относится к началу 60-х годов. Основой автоматизации управления фирмами становятся электронно-вычислительные устройства. Их внедрение требовало тщательной подготовки, крупных затрат, привлечения высококвалифицированных специалистов. Новая техника управления предъявила особые требования к высшим администраторам.

---

¹ Социально-экономическая сторона этого процесса проанализирована в разделе пятом книги.

В какой-то мере крупные американские фирмы были подготовлены к восприятию электронно-вычислительной техники с широким применением методов математической статистики после второй мировой войны. Но электронно-вычислительные машины потребовали значительной перестройки методов и форм управления, усиления централизации. Встал вопрос о ликвидации промежуточных звеньев управленческого аппарата, неизмеримо расширились возможности внутрифирменного планирования, особенно долгосрочного. Переход к использованию ЭВМ открыл новую страницу в развитии крупных монополистических фирм.

Одной из наиболее трудных проблем в управлении промышленными объединениями является размежевание компетенции высших руководителей всего концерна и управляющих низовыми подразделениями. Задачу эту начиная с 20-х годов концерны США пытались разрешить, как было отмечено, посредством перестройки всей структуры и управления на основе двух начал: децентрализации руководства оперативной работой предприятий и централизации функций координации и контроля.

Концерны делились на отделения, а иногда и на более мелкие ячейки, которым было поручено руководство заводами и фабриками. В руках же высших администраторов концернов были сосредоточены функции определения общих задач объединений, управления финансами, контроля за работой отделений и координации их деятельности.

Последующие изменения в организации управления концернами были непосредственно связаны с научно-технической революцией. Неизмеримо возросла роль научных исследований, ведущихся в концернах. Сейчас нет ни одного концерна, где не был бы построен научный или технический центр. Увеличилось количество центральных служб и работающих в них специалистов.

Огромное влияние на организационные формы объединений и управление ими оказывает революция в получении и обработке информации, вызванная электронно-вычислительной техникой. В концернах устанавливаются комплексные электронные системы, охватывающие целые функциональные сферы, увязывающие обработку заказов с регулированием запасов материалов и готовой продукции, производство со сбытом. Эти комплексные системы по сбору информации включают иногда и внешних поставщиков.

Помогая устранению барьеров между звеньями концернов, электронно-вычислительная техника способствует координации и объединению важнейших для фирм функций, позволяет изучать потребности сложных производственных комплексов, согласовывать мероприятия, проводимые в пределах концернов. Другими словами, она создает предпосылки для централизации и интеграции отдельных функций управления, упрощения структуры фирм, облегчает гибкое сочетание децентрализации оперативно-хозяйственной деятельности с централизацией координации и контроля.

Объединения (концерны) начинают рассматриваться как единое целое, единый механизм, единая динамическая система. Высшие руководители концернов не могут передавать решение вопросов, связанных с внедрением новой техники, своим отделениям и заводам (хотя и они, разумеется, участвуют в работе над этими проблемами). Причина в том, что технический прогресс становится решающим фактором роста оборотов и прибыли фирмы, основным орудием конкурентной борьбы. Поэтому повышается авторитет центральных конструкторско-инженерной и технологической служб концернов, в то время как роль служб отделений и заводских служб постепенно сводится к проведению в жизнь мероприятий, разработанных в центре, или же к решению вопросов, имеющих местное значение. Очевидна также тенденция в сторону централизации, полной или частичной, других функций, например сбыта и снабжения.

Прежний критерий, наиболее часто лежавший в основе отделений концернов, а именно выпускаемый товар, по мнению специалистов, перестает отвечать новым условиям и даже препятствует внедрению новой техники. Поэтому отделения, которыми концерны передавали управление заводами, иногда ликвидировались (в металлургии), сливались, укрупнялись; менялись функции их управляющих, компетенция суживалась (в автомобильной промышленности).

Но наряду с тенденцией в сторону централизации развивается тенденция, противодействующая централизации управления, ликвидации отделений, упрощению структуры концернов,— это диверсификация.

Раньше децентрализацию оперативной работы стимулировали рост оборотов, сложность управления промышленными комплексами. Теперь с не меньшей силой действует диверсификация, которая приводит к образованию концернов нового типа. Как и в трестах начала XX в., управляющие отделениями новых конгломератов наделены широкими полномочиями, с той только разницей, что финансисты, возглавляющие конгломераты, осуществляют теперь жесткий контроль над финансами, планируют финансовые показатели.

Организационные формы акционерных обществ, возникшие еще в прошлом веке, формально сохранились до настоящего времени. Промышленные концерны, за немногими исключениями, организованы как акционерные общества, и, как и прежде, высшим органом управления в них является общее собрание акционеров, которое выбирает совет директоров, а последний назначает высших администраторов. В действительности, однако, общие собрания потеряли былое значение и реальную власть делят между собой высшие администраторы и члены правления (совета директоров). Формально функции администраторов сводятся к управлению концерном, за что они отвечают перед советом директоров,

который контролирует финансы концерна и следит за его рентабельностью. Предполагается, что совет директоров — независимый орган, представляющий акционеров. На деле же, как это признано американскими экономистами¹, этот орган теснейшим образом связан с высшим руководством концерна. Высшие администраторы концернов нередко определяют и состав правления. В этом активное участие принимают также банки и другие кредитные учреждения, с которыми связан концерн. Совет директоров является тем органом, через который финансовая олигархия осуществляет контроль над промышленными концернами.

По мере усиления обобществления производства собственники все больше и больше отделялись от самого производства, а роль наемных управляющих возрастала. Производство, по выражению К. Маркса, оставалось частным, но без контроля частной собственности². Одновременно происходило расслоение управляющих. Верхушка управляющих отделялась от массы наемных управляющих и превращалась в составную часть финансовой олигархии.

Капиталистическое управление имеет две стороны: с одной стороны, это обусловленная общественным характером производства функция хозяйственного руководства, с другой — обусловленная капиталистическим способом производства функция эксплуатации наемной рабочей силы.

С образованием мощных монополистических объединений становилось очевидным, что управлять ими могут люди, не только имеющие практический опыт, но и получившие систематическое специальное образование. Управление предприятиями, таким образом, превратилось в особую профессию, овладение которой, как и любой другой, требовало специальных знаний. США были первой страной, создавшей у себя сеть учебных заведений по профессиональной подготовке менеджеров. Однако широкое развитие дело подготовки хозяйственных кадров получило лишь на протяжении последних двух десятилетий (как в США, так и в других промышленно развитых странах).

Функция эксплуатации наемной рабочей силы с возникновением и укреплением профессиональных союзов также требовала новых, более тонких методов и замаскированных приемов. И тут на помощь монополиям пришли ученые-специалисты, проводившие социальные обследования. Наряду с новыми методами продолжали, разумеется, применяться и старые приемы, как те, так и другие с целью еще больше интенсифицировать труд рабочих.

С течением времени функции высших руководителей концернов менялись и усложнялись. С целью облегчить работу главы

---

¹ См., напр., *F. Moore. Management*. New York, 1964, р. 64.

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 25, ч. I, стр. 482.

концерна в помощь ему назначались помощники (вице-президенты в США), которым поручался контроль над определенной функциональной сферой, т. е. фактически происходило дробление функций управления. В 60-х годах общей практикой в США становится создание советов или комитетов при президенте. Президент не может их обойти при обсуждении важнейших вопросов, например о разработке программ, внедрении новой техники. Большую роль в концернах начинают играть различные комиссии и бригады, часто временные, характерной чертой которых становятся динамичность и объединение линейных администраторов и ученых-специалистов, что отражает быстрые темпы технического прогресса.

Отход от принципа единоначалия американские специалисты объясняют невозможностью управлять одному лицу огромными промышленными комплексами, а также страхом перед произволом и ошибками, более вероятными при единоличной форме правления. Дж. Гэлбрейт и другие связывают этот отход с революцией в сборе и анализе информации, которая произошла с внедрением электронной техники¹.

Другая тенденция — отделение функции перспективного планирования от оперативной деятельности. Одной из основных обязанностей главы концерна становится перспективное планирование, т. е. забота о сохранении самого концерна и повышении его рентабельности. Не менее важная задача — принятие решений о создании новых производств, внедрении новой прогрессивной техники, что теснейшим образом связано с перспективным планированием.

В центре внимания высших руководителей концернов находятся также организационные проблемы и подготовка кадров управляющих. Наконец, во всех концернах независимо от того, как они организованы, неуклонно проводится принцип, согласно которому только их высшие органы могут санкционировать важнейшие мероприятия, только они могут брать на себя риск и нести ответственность, связанные с капитальным строительством и с затратой денежных ресурсов фирмы. При этом наиболее крупные расходы всегда утверждаются правлением (советом директоров). Управляющие же низшими звеньями концерна имеют право расходовать самостоятельно лишь незначительные суммы. Полностью также централизованы денежные поступления и платежи. Ими ведают казначей концерна.

Управлять крупными промышленными комплексами без планирования невозможно. Концерны США начали разрабатывать общие финансовые планы (бюджеты) еще до второй мировой войны, так как это отвечало объективной потребности. Но методы

---

¹ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969, стр. 142.

планирования и контроля были усовершенствованы и получили распространение только с внедрением математических методов и электронно-вычислительной техники, давших возможность получать информацию, необходимую для планирования, и улучшить методы её анализа.

Первоначально концерны ограничивались составлением краткосрочных планов (бюджетов), иногда на самые короткие сроки (на три — шесть месяцев), но в условиях научно-технической революции и обостренной конкурентной борьбы концерны должны были заниматься и перспективным планированием. Глава концерна был вынужден заботиться не только о получении максимальной прибыли на ближайший отрезок времени, но и о том, чтобы сохранить жизнеспособность фирмы и обеспечить ее рост.

Первый шаг при составлении плана заключается в разработке прогноза сбыта в денежном выражении, для чего необходимо заранее определить цены на продаваемые фирмой товары. Уже в этом факте проявляется противоречие между заинтересованностью фирмы в устойчивых ценах, что возможно только при условии, если она влияет на рынок, и ее зависимостью от спроса и предложения и от конкуренции, которая существует рядом с монополией. Только изучив рынок и определив цену, фирма разрабатывает производственный и функциональный планы и приходит к конечному результату — к определению прибыли.

Но все прогнозы сбыта в силу самого характера капиталистического хозяйства независимо от применяемых методов не могут быть точными. Поэтому управляющие концернов продолжают руководствоваться своей интуицией и идти ощупью, максимально опираясь на свои связи с торговыми посредниками и главными клиентами. Прогнозы сбыта постоянно, иногда ежемесячно, пересматриваются, и в зависимости от результатов пересмотра меняются и производственные программы.

Не реже одного-двух раз в год пересматриваются и перспективные планы. При каждом пересмотре основные показатели вновь оцениваются и увязываются с новыми потребностями и условиями.

Плановые отделы концернов занимаются прогнозированием и разработкой самых общих вариантов развития фирмы на ближайшие три — пять лет. Основная цель этих прогнозов — показать высшим руководителям ряд возможностей, которые могут представиться в будущем, помочь им осмыслить значение и последствия принимаемых решений, взвесить финансовый риск, следить за экономическими, политическими и социальными условиями.

В отраслях со сложной технологией перспективное планирование переплетается и сливается с прогнозированием технического прогресса. В компаниях таких отраслей центральный отдел или служба координирует работу по планированию и прогнозированию

нию, разрабатывает единый план-прогноз, намечающий основные вехи развития техники в области, интересующей фирму. Собранные центральной службой материалы служат основой при работе над пятилетним скользящим планом научных исследований, который затем включается в перспективный план фирмы¹.

В своем анализе путей развития техники в будущем прогнозисты исходят из спроса в определенной области, который не может быть удовлетворен при существующем уровне техники, и намечают вероятность развития наблюдаемых тенденций и вытекающие отсюда последствия для фирмы. Они указывают также, какие потребности могут возникнуть под влиянием тех процессов, которые, по их предположениям, получат в будущем развитие. Сложные исчисления при подобном нормативном планировании возможны только с помощью электронной техники.

В основе нормативного планирования лежит уверенность в том, что систематичность, целенаправленность исследований, базирующихся на изучаемых закономерностях в развитии техники и внедрении изобретений, непременно должны увенчаться успехом. При всех его недостатках, по мнению специалистов, оно сближает ведение исследований с оперативной работой, создает базу для сотрудничества ученых, инженеров и специалистов по изучению рынка, для сокращения времени между изобретением и его внедрением и тем самым ускоряет отдачу сделанных инвестиций.

Контроль над выполнением программ повлек за собой введение в концернах систем исчисления издержек производства и отчетности, в чем проявляется направленность в сторону более полного обобществления, отвечающего объективной потребности развивающихся производительных сил.

Зависимость планов от прогнозов сбыта и в конечном итоге от фактического сбыта — отличительная черта внутрифирменного планирования. Другая характерная его черта — тесная увязка на-

---

¹ В американской компании «Зерокс» (пионер в производстве усовершенствованных копировальных машин) центральная служба разрабатывает единый план-прогноз развития техники. План этот обсуждается на «стратегических собраниях», научных конференциях и в целевых бригадах, состоящих из специалистов различного профиля. Центральная служба сводит воедино итоги всех обсуждений и на их базе разрабатывает планы на один, два, три, четыре года, пять и десять лет в шести вариантах. Одновременно исчисляется 10-летний прогноз продаж. Все эти материалы служат основой при работе над пятилетним скользящим планом научных исследований, который включается в пятилетний перспективный план компании. Пересматривается он 2 раза в год (*Erich Jantsch. Technological Forecasting in Perspective. Paris, 1967, p. 68, 267—268*).

мечаемых задач с мерами по их осуществлению, а в случае каких-либо препятствий или возникновения новых обстоятельств, в первую очередь технического прогресса, колебаний спроса, конкуренции, с умением быстро перераспределять ресурсы фирмы и направлять их на новые цели.

Перспективное планирование концернов может быть названо планированием с большими оговорками. Это скорее руководство к действию, помогающее в какой-то мере оградить концерн от неприятных неожиданностей, смягчить их последствия, развивать в управляющих не только оперативность, но и дальновидность, заставлять их изучать условия, в которых они действуют и принимают решения.

В промышленно развитых странах Западной Европы большую помощь при планировании концернами своей деятельности и при принятии решений о капитальном строительстве оказывает разработка правительствами этих стран программ-прогнозов развития экономики и техники.

3 Новые явления в характере товарного производства и практика монополистического ценообразования

Современные монополистические объединения охватывают по несколько десятков, а иногда и сотни крупных предприятий. Внутри объединений уже, как правило, не действует стихия капиталистического рынка. В отношениях между предприятиями, входящими в одну и ту же корпорацию, используются инструменты товарно-денежного обращения, но эти внутренние, так называемые условно расчетные, или трансферные, цены устанавливаются централизованно, а не стихийно. Деятельность всей совокупности этих предприятий подчиняется внутрифирменному плану.

Значительная часть промышленной продукции монополий в капиталистическом хозяйстве поступает на рынок, однако небольшая его доля, приходящаяся на внутрифирменный оборот, из рыночного оборота исключена. В этом выражается, в частности, отмеченный В. И. Лениным подрыв товарного производства при монополистическом капитализме¹. Но это не единственное проявление указанной тенденции.

Крупные монополистические объединения имеют возможность заранее более или менее точно определять размеры спроса на свою продукцию. На это явление обращал внимание В. И. Ленин, указывая, что монополиями «производится приблизительный учет размеров рынка», а также «приблизительный учет всем источни-

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 322.

кам сырых материалов...»¹. Конечно, абсолютно точный прогноз рыночной ситуации невозможен, тем более что сохраняется и временами принимает чрезвычайно острые формы конкуренция между концернами, существует монополизированное производство и т. д. Но важно то, что у монополий имеется принципиальная возможность работать не на неизвестный рынок, а на рынок, размеры которого они приблизительно знают. «Это уже совсем не то, — писал В. И. Ленин, — что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке»².

С развитием электронно-вычислительной техники и ее широким применением в управлении монополиями возникла техническая возможность не только быстро узнавать об изменениях на рынке, но и оперативно приспосабливать к этим изменениям объем производства, сводя к минимуму неизбежные при этом потери.

Важна и другая сторона: концерны имеют возможность активно влиять на рынок, на формирование спроса, могут временно определять цены, расходящиеся с такими рыночными ценами, которые складывались бы при свободной конкуренции. Действие закона стоимости как регулятора производства существенно ограничивается. По мере того как растут обороты концернов и все большая часть сделок совершается под их прямым или косвенным контролем, устанавливаемые ими цены оказывают все большее влияние на экономику.

Особенностью современного периода развития империализма является усиление роли государства, его активного вмешательства в экономику. В США государство давно уже взяло в свои руки контроль над ценами (тарифами) в энергостроительстве, на железных дорогах и в области связи. Но теперь государство вмешивается и в установление цен на некоторые важнейшие материалы, например, металлы отчасти из опасения того, что их повышение может повлечь за собой общий рост цен и в итоге падение конкурентоспособности американских товаров на мировых рынках.

Американский экономист Г. Саймон писал, что механизм цен, т. е., иными словами, рынок, перестал быть единственным средством, которое люди используют для принятия рациональных решений, и что растет значение иных механизмов для распределения ресурсов помимо рыночного. В итоге он приходит к заключению, что «на большинстве рынков действуют не конкурентные цены, а управляемые»³. Представители социологической школы Сайэрт и Марч подчеркивают неспособность традицион-

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 320.

² Там же.

³ H. A. Simon. New Developments in the Theory of the Firm. — «American Economic Review», May 1962, p. 1—15.

ной политической экономии разрешить проблему рынков, где господствуют крупные объединения. Сайэрт и Марч обратили также внимание на внутрифирменное планирование и на то значение, которое имеет система трансферных (условно расчетных) цен, действующая в пределах самих фирм как орудие распределения ресурсов¹.

Пагубное влияние монопольных цен на всю экономику и на покупательную способность населения настолько очевидно, что Г. Минз и некоторые другие американские экономисты считают необходимым приравнять, например, черную металлургию к предприятиям общественного пользования и регулировать в них цены. Г. Минз в основу своих рассуждений кладет тот факт, что в черной металлургии цены устанавливаются самими концернами, а не образуются в результате колебаний спроса и предложения².

Организация сбыта и определение цен имеют для капиталистической фирмы решающее значение, так как она должна не только произвести товар, но и сбыть его с выгодой для себя, т. е. окупить свои затраты и получить прибыль. Цена вместе с тем исходная точка составления финансового плана, являющегося основой деятельности современного концерна.

По всем этим причинам разработка общих установок по вопросам о ценах входит в компетенцию высших должностных лиц концернов. Чаще всего они ставят перед собой задачу получить определенный процент на вложенный капитал, покрыть какую-то часть потребления, возможно скорее окупить издержки, понесенные при выпуске новых товаров. Учитываются при этом цены на товары, выпускаемые конкурентами, и возможность появления заменителей.

Высшие руководители концернов определяют цены на важнейшие для фирмы товары. Но в фирмах с обширной номенклатурой товаров, в особенности выпускающих потребительские и быстро портящиеся товары, управляющие отделениями и другими подразделениями пользуются большей свободой, так как их основная задача сводится к тому, чтобы с максимальной быстротой приспособляться к положению на рынке.

Для концернов, в особенности с длительным производственным циклом, большое значение имеет устойчивость цен. Частый пересмотр цен в зависимости от колебаний спроса, а следовательно, и всех нормативов, по словам их руководителей, чрезмерно громоздкая и дорогостоящая операция. Но, как показывает практика, если повышаются расходы по какой-нибудь статье, напри-

---

¹ R. M. Cyert and J. G. March. A Behavioral Theory of the Firm. Englewood Cliffs (New Jersey), 1963, p. 114.

² G. C. Means. Pricing Power and the Public Interest. New York, 1962, p. 277.

мер по оплате труда, концерны мирятся с этим «неудобством»¹. Снижение же издержек — на что направлены усилия всех управляющих концернов — рассматривается ими как средство увеличения прибыли, а отнюдь не как повод для снижения цен.

Добиваясь устойчивости цен, фирмы при калькуляции цен обычно исходят не из фактических издержек и не из реальной загрузки мощностей, что также привело бы к постоянным пересчетам, а из нормативов. Таким образом, фирмы, определяющие цены на основе нормативов, не учитывают влияния изменения объема производства и издержек на себестоимость единицы продукции².

Другая тенденция, наблюдаемая в концентрированных отраслях, где выпускают однотипную продукцию, — тяготение к единой цене. Цена здесь устанавливается посредством так называемого лидерства в ценах³. По мнению некоторых экономистов, система лидерства вводится в результате тайного сговора фирм. Большинство экономистов, однако, склоняется к той точке зрения, что образование единой цены обусловлено общностью интересов крупных фирм, господствующих в той или другой отрасли.

Обычно при системе лидерства наиболее мощный концерн данной отрасли объявляет цену, а его примеру следуют другие. В действительности в отдельных случаях фирмы отступают от объявленной цены, чаще всего в скрытой форме. В некоторые периоды система эта переставала действовать, но через известный срок фирмы вновь возвращались к ней.

Весьма вероятно, что в высокомонополизированных отраслях, куда трудно проникнуть новым фирмам, можно добиться таких же результатов, как и при прямом картельном сговоре, не прибегая к формальному заключению соглашения. Для этого достаточно объявления цены лидером или обмена информацией на заседании какого-либо общества, промышленной ассоциации, института или даже через печать. Система обмена информацией о ценах полу-

---

¹ Промышленный психолог Дж. Катона пишет: «Многие бизнесмены, по-видимому, чувствуют, что повышение цен нуждается в оправдании... Повышение издержек и в особенности повышение заработной платы, которое стало широко известно, рассматривается как лучшее оправдание повышения цен» («Price Policies and Practices. A Source Book of Readings». New York, 1967, p. 198).

² Как показывает практика, в США и в Англии в качестве норматива загрузки мощностей берется средняя за два-три года, равная 75—80% производственных мощностей (в отдельных отраслях еще ниже).

³ Лидерство в ценах действует в США в металлургии, цементной, бумажной и в менее четкой форме в других отраслях промышленности.

чила большое распространение во многих странах, в частности в Англии¹.

Но фирмы, разумеется, заключают соглашения о ценах. В послевоенные годы соглашения о ценах на различные товары, как об этом свидетельствуют антитрестовские процессы в США, заключали электротехнические, сталелитейные, фармацевтические и другие фирмы.

Удерживая цены на определенном уровне независимо от колебаний спроса, концерны следят за сбытом своей продукции и в зависимости от его размера сокращают или расширяют производство. Условия, сложившиеся в некоторых отраслях, например в автомобильной и сталелитейной, — необходимость располагать крупными капиталами для строительства и организации сбыта — дают возможность господствующим в них концернам взимать монопольно высокие цены и регулировать предложение, влияя таким образом на уровень потребления².

Что лежит в основе цены и какова ее структура? В условиях господства монополий не издержки определяют цены. В лучшем случае их можно рассматривать как низший предел цены. Но и тогда остается невыясненным другой вопрос, а именно чем определяется наценка на прибыль, т. е. вторая часть цены. В отраслях, где практически устанавливается единая цена, наценка эта не может быть одинаковой у всех фирм, поскольку издержки у них различны. Этот бесспорный факт заставил сторонников той точки зрения, что издержки определяют цену, внести коррективы в свою теорию и говорить уже не об издержках производства вообще, а о средних издержках и об издержках производства лидера. По существу это признание, что монополии могут устанавливать цену, и при этом более высокую, чем при свободной конкуренции, и что этой цене придерживаются все фирмы независимо от своих издержек.

В современных условиях фирмы рассматривают свои затраты в рамках всего концерна и при исчислении прибыли исходят из общей суммы своих расходов, а не только из издержек производства отдельных товаров. По мнению многих специалистов, бизнесмены не знают точно издержек, падающих на каждый товар, да их часто и невозможно установить.

Большое распространение поэтому получила практика, согласно которой для товаров, если это возможно, исчисляются только расходы на материалы и оплату труда, непосредственно затраченного на производство (так называемые переменные или прямые издержки). Что касается накладных расходов, то многие фирмы распределяют их между выпускаемыми ими товарами, руковод-

¹ «Oxford Economic Papers», November 1967, p. 359.

² На протяжении послевоенного времени в США цены на сталь повышались даже в годы, когда потребление и производство снижались.

ствуясь каким-либо чисто условным критерием, а при определении цены на некоторые товары вовсе не учитывают накладные расходы, если этого требуют интересы конкуренции.

Некоторый свет на практику ценообразования проливают материалы по вопросу об установлении цен на новые товары. Выпуская новый товар, фирма начинает с изучения рынка, вычисления доли спроса, которую она надеется удовлетворить. Только после этого фирма устанавливает продажную цену, способную, по ее мнению, гарантировать не только сбыт, но и получение прибыли. Весь анализ сводится к тому, чтобы выявить, при каком объеме производства и при какой цене, учитывая и расходы по сбыту, фирма может рассчитывать на получение приемлемой для нее нормы прибыли (оправдаются ли эти расчеты — это уже другой вопрос). Только после этого фирма приступает к конструированию изделия и к анализу издержек при разных объемах производства. В случае если издержки при намеченном объеме оказываются выше предполагаемой цены и если их не удастся снизить, фирма откладывает свое решение, отказывается от своих планов или же идет на риск. Отсюда видно, что исчисление издержек имеет наибольшее значение при принятии решения о выпуске нового товара, но не при определении цены¹.

Установив цену, фирма не считает ее окончательной, а анализирует опыт розничных торговцев и экспериментирует с небольшими партиями товаров. Иногда фирма сразу назначает цену, выгодную для нее только при массовом производстве и потреблении. Как правило, фирмы систематически пересматривают ассертимент выпускаемых ими товаров и цены, по которым они продаются.

Но если фирмы обладают патентами, контролируют сырьевые источники или первые выпускают товар, имеющий успех, они, конечно, пользуются этим для взимания высоких цен².

Монополия может извлекать крупные барыши длительное

---

¹ Концерны не сообщают данных об издержках отдельных товаров, а также классификации своих издержек. В своих отчетах американские концерны обычно приводят общую сумму всех своих издержек, затем сумму торговых, общих и административных издержек, а некоторые из них отдельно еще и амортизационные отчисления. Из отчета «Дженерал электрик» видно, что доля торговых, общих и административных издержек составляла в 1960 — 1965 гг. примерно 17—19% всех издержек, а в 1967 г. — 22,4% (амортизационные отчисления не выделены) («Moody's Industrial Manual», 1968).

² Американский специалист Дж. Дин считает, что концерны при выпуске новых товаров «снимают сливки», устанавливая на них на первых порах цену, превышающую в 4 раза фабричную цену («Price Policies and Practices. A Source Book of Readings», p. 92).

время, но власть ее ограничена. Она не может уничтожить границу, определяемую стоимостью товаров. «Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой»¹.

Монополия существует рядом с конкуренцией. Высокие цены наносят ущерб самим монополиям, ограничивая спрос и привлекая новых конкурентов. Высокая цена приводит и к другим отрицательным последствиям, способствуя сохранению отсталых предприятий не только независимых фирм, но и в пределах самих концернов. А это подрывает в конечном итоге конкурентоспособность концернов.

Существуют и другие причины, ограничивающие аппетиты концернов. Прежде всего многие из них поставляют свою продукцию другим концернам, которые обладают достаточной силой, чтобы оказать на них давление. Сдерживающим фактором служит также страх перед тем, как фирма-заказчик наладит у себя производство изделий, которые она закупала на стороне. Но в этом случае от низких цен выигрывает концерн-заказчик, а отнюдь не широкие массы потребителей.

В периоды падения спроса инициаторами снижения цен выступают иногда средние и мелкие фирмы, проявляющие вообще большую гибкость в политике цен. Снижение цен — последнее средство, с помощью которого они думают спастись от гибели. Острая конкурентная борьба цен нередко отражает усиление комбинирования, вытеснение средних и мелких фирм.

Открытая война цен между концернами — в современных условиях явление довольно редкое, но и оно имеет место. Чаще всего она ведется между фирмами, выпускающими конкурирующие между собой товары, например между алюминиевыми компаниями и производителями других металлов. Но концерны, как правило, предпочитают снижать цены в периоды экономических спадов исподволь, делая скидки на транспорт, упаковку, продавая товар высокого качества по ценам низшего сорта, перекладывают всю тяжесть конкурентной борьбы на розничных торговцев.

В некоторых отраслях, которые развивались особенно высокими темпами и где рост мощностей намного опередил спрос, например в химической промышленности (производство синтетических волокон, пластмасс), концерны шли на снижение цен, рассчитывая таким образом загрузить свои мощности и расширить обороты. Но ожидать расширения сбыта, по их предположениям, нельзя, концерны сокращают производство.

Концерны располагают большими преимуществами в конкурентной борьбе. Им принадлежат наиболее передовые предприятия, на которых работают квалифицированные управляющие и специалисты. Закупая крупные партии товаров и сырья, они до-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 432.

бываются выгодных цен, получают кредит и капиталы на более льготных условиях, чем мелкие и средние компании. Им принадлежат источники сырья, патенты, они контролируют торговый аппарат. Большую помощь им оказывают личные связи, подкупы, политические средства воздействия. Борьба за рынок заставляет концерны уделять большое внимание качеству товаров, постоянно обновлять их, выпускать новые модели и изделия, тратить средства на рекламу. Важнейшим орудием конкуренции становится также обслуживание покупателей. Формы эти на первый взгляд, бесспорно, прогрессивны. Но в условиях господства концернов они приводят к излишества, к выбрасыванию на ветер крупных средств, к напрасной затрате труда и таланта, особенно в тех отраслях, где фирмы сбывают свои товары непосредственно потребителям (автомобили, бытовые электроприборы, папиросы).

В условиях научно-технической революции руководители концернов не могут рассчитывать на то, что их конкурентам понадобится длительное время для того, чтобы их потеснить. В изобилии появляются синтетические материалы, всякого рода заменители, новые методы производства, продолжительность жизни товаров становится короче. Патенты могут теперь оградить позиции монополий только в течение ограниченного срока. Положение концернов становится поэтому более уязвимым. Монополия не может уничтожить конкуренцию, она существует рядом с ней и становится еще ожесточеннее. Концерны вынуждены затрачивать крупные средства на ведение исследований, следить за техническим прогрессом, организовывать новые производства.

Издержки этих видов конкуренции действуют в сторону поддержания высоких цен и их дальнейшего роста. Видное место среди факторов, способствующих повышению цен, занимает самофинансирование. Концерны большую часть средств для капитального строительства черпают из внутренних источников (нераспределенные прибыли и амортизационные отчисления), берут функцию учредительства в собственные руки. Руководители концернов нередко откровенно заявляют, что они повышают цены с целью увеличить приток нужных им капиталов.

Не меньшее значение имеет рост накладных расходов. Концернам, несмотря на частые смены моделей и постоянное обновление ассортимента, все же удается снизить издержки производства. Но параллельно растут их накладные расходы, обусловленные новыми методами управления, привлечением большого числа специалистов для работы в службах и лабораториях, щедрой оплатой управляющих и формами их премирования, мероприятиями по организации сбыта, оказанием технической помощи своим клиентам, рекламой и пр. Наконец, росту этих расходов способствует и непрерывная модернизация производственных мощностей¹.

---

¹ Амёрканские фирмы относят к накладным расходам все расходы, не связанные непосредственно

При принятии решений о новых производствах концерны в отдельных случаях руководствуются не ближайшими, а далекими перспективами, идут на риск, терпят убытки. Но все же, как правило, они принимают подобные решения только тогда, когда, по их подсчетам, это сулит им выгоды, и при этом в относительно короткие сроки. Показательно также, что многие открытия и изобретения, благодаря которым были созданы целые отрасли, сделаны не в концернах, а в университетских лабораториях или же небольшими фирмами¹. В составе некоторых концернов имеются даже специальные секторы, занимающиеся скупкой патентов и подысканием мелких фирм, которые можно было бы поглотить и приобрести таким образом патенты и ценные кадры.

Самые крупные концерны не способны полностью использовать возможности, раскрываемые наукой, не в состоянии рисковать средствами, которых требует, например, создание атомной и авиаракетной промышленности. Эти затраты несет теперь государство. Примерно половина средств, которые американские концерны расходуют на ведение научных исследований, получены ими по договорам, заключаемым с государством.

Таким образом, сохранил свою силу тезис Ленина о том, что, «поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед»².

с производством: на амортизацию зданий и оборудования, на оплату косвенного труда (мастеров, работников-ремонтников, охрану и т. п.), на административный аппарат, организацию сбыта и рекламу, исследовательские работы.

¹ Например, производство тепловозов получило развитие только благодаря изобретениям и экспериментам двух мелких фирм. Владельцы этих фирм продали их концерну «Дженерал моторз» и уже в его составе продолжали свои изыскания. Это дало возможность концерну наладить производство. В настоящее время он производит 75% всех тепловозов, выпускаемых в США.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 397. Яркой иллюстрацией этого положения может служить черная металлургия США. Высокие монопольные цены, действующие в США, привели к самоуспокоенности крупнейших концернов. Уверенные в получении прибыли, они отстали в техническом отношении. Например, по данным на конец 1957 г., среди фирм, построивших или строивших кислородные конверторы, только одна, «Джонс энд Лафлин», была в числе восьми наиболее мощных компаний. В результате американские стальные концерны не только потеряли внешние рынки, но и должны были потесниться на внутреннем. Наверстывать упущенное время, строить

На основании приведенных фактов можно сделать следующие выводы: концерны обладают экономической мощью, достаточной для того, чтобы влиять на цены, а следовательно, на уровень потребления и на развитие всей экономики.

Концерны заинтересованы в установлении не наиболее высоких цен, а таких, которые бы обеспечили им получение наивысшей прибыли. Следуя тому же принципу, они определяют и объем выпускаемой продукции. Но конечно, во многих случаях они устанавливают цены, резко превышающие их издержки производства. Формы монополистической конкуренции также способствуют повышению цен.

Глава VII   **Монополия и конкуренция**

Тема данной главы — рыночные аспекты монополизации; особенности и формы монополистической конкуренции; механизм формирования цен и реализации монопольной прибыли.

Методология марксистского анализа монополии и конкуренции имеет принципиально важное значение в борьбе с буржуазными концепциями рынка, с апологетикой монополистического капитализма.

1   Рыночные аспекты монополизации

Раскрывая экономическую суть монополии, В. И. Ленин подчеркивал, что высокий уровень концентрации экономической силы в хозяйстве в целом находит выражение, во-первых, в том, что в ключевых отраслях промышленности и других сферах экономики сложились более или менее устойчивые группы крупнейших фирм, которые сосредоточивают в своих руках производство и сбыт большей части соответствующей продукции и услуг. Во-вторых, в том, что возникла новая система взаимоотношений между крупными компаниями, изменились характер и формы конкуренции, отношения конкуренции взаимодействуют с отношениями планомерно организуемой кооперации и долговременного сотрудничества. В-третьих, складывается новый механизм функционирования экономики, в котором рыночное регулирование объема производства и распределения ресурсов по отраслям перепле-

---

кислородные конверторы они начали только в 1964—1969 гг. Не сразу они поняли опасность, связанную с конкуренцией новых специальных видов стали, в которых нуждались фирмы, производившие оборудование и аппаратуру для освоения космоса, атомной промышленности, электронные изделия.

тается с частномонополистическим и государственным регулированием экономического развития.

В теоретической разработке проблемы монополии, так же как и в изучении экономической реальности современного капиталистического мира, имеются специфические рыночные аспекты, относящиеся к области взаимодействия монополии и конкуренции. Эта область охватывает такие вопросы, как формы монополизации, характер и формы конкуренции в условиях монополистического капитализма, механизм ценообразования и методы регулирования рынка, критерии классификации рынков. Марксистской теории всегда было чуждо метафизическое противопоставление монополии и конкуренции. «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, — писал Маркс, — но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу»¹.

Как подчеркивает В. И. Ленин, взаимодействие сил монополии и конкуренции — это важнейшая особенность экономического механизма в эпоху господства монополий². В экономике монополистического капитализма существуют и взаимодействуют различные типы рынков. Тип, или структура, рынка — это результат переплетения двоякого рода факторов: объективно складывающихся и отражающих результаты политики крупных компаний.

К основным критериям, определяющим структуру рынка, относятся: а) количество фирм — продавцов и покупателей, их относительные размеры; б) особенности производимого продукта (его назначение, закономерности спроса на него, степень дифференциации³); в) характер и высота барьеров, затрудняющих доступ потенциальных конкурентов на данный рынок⁴.

В условиях динамичной экономики факторы, определяющие структуру того или иного рынка, не остаются неизменными. С этим связаны острота, напряженность и изменение форм кон-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 166.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386.

³ Под дифференциацией товаров данного вида подразумеваются различия в качестве (реальные или воображаемые), в упаковке, а также во всех обстоятельствах, связанных с продажей (особенности обслуживания, местоположение продавца и т. д.).

⁴ Под экономическими барьерами в отличие от юридических понимаются размеры исходного капитала, необходимого для организации эффективного производства и сбыта; ограничения, связанные с собственностью на патенты, торговые марки и т. д.; барьеры, созданные многолетней рекламой; ограниченность сырьевой базы.

курении на различных рынках в разные периоды. В свою очередь от этого зависят особенности формирования издержек производства и цен.

Современная экономика характеризуется сложным взаимодействием рынков. Границы рынка далеко не всегда совпадают с границами отрасли вследствие конкуренции товаров-субститутов, производимых в различных отраслях¹.

Высокий уровень концентрации производства и централизации контроля над предложением товаров в той или иной отрасли еще не тождествен монополизации рынка, хотя и является ее важнейшей предпосылкой. Установление монополистического контроля над рынком, где конкурируют товары, производимые различными отраслями, равносильно поэтому более высокой степени капиталистического обобществления в сравнении с монополизацией отдельной отрасли.

В то же время в условиях широкой дифференциации продукции различные виды товаров, относящихся к одной и той же отрасли или товарной группе, могут и не конкурировать между собой. Это открывает широкие возможности для монополизации их сбыта и извлечения монопольных прибылей².

Для современной капиталистической экономики характерны отрасли и рынки, где производство и предложение основной массы продукции сосредоточено в руках нескольких крупных компаний. Значительная часть всей промышленной продукции США производится при такой отраслевой структуре, когда три, четыре или пять крупных фирм дают 60 и более процентов продукции. Положение не изменится, если от отраслей перейти к рынкам. Определяющей их чертой является высокий уровень концентрации контроля над производством и предложением товаров³. Такой тип монополистической структуры получил в экономической литературе название «олигополия». Этот термин используется и в марксистских работах, анализирующих конкретные формы, в которых выступает монополия в развитой капиталистической экономике и рассматриваются различные типы рынков.

---

¹ Товары являются экономическими субститутами, если по своему назначению, вещественным качествам, цене, возможностям получения они более или менее равнозначны в глазах потребителя.

² Так, американская фирма «Дюпон» вместе с еще одной компанией, с которой у нее было соглашение об обмене патентами, создала и монополизировала в начале 40-х годов рынок целлофана в стране, практически обезопасив себя от конкуренции. На протяжении свыше 25 лет она получала среднегодовую норму чистой прибыли в размере 34,4% на капитал, вложенный в производство целлофана («American Economic Review», June 1957, p. 469).

³ «Monopoly Power and Economic Performance». New York, 1964, p. 171.

Под олигополией марксисты понимают такое положение в современной капиталистической экономике, когда в ведущих отраслях господствует не одна, а несколько крупных компаний, которые, не ослабляя взаимного соперничества, осуществляют вместе с тем свое совместное групповое монопольное господство над рынком. Экономические последствия такой монополизации могут несколько отличаться от тех, которые были бы при монополии единственной фирмы.

Анализируя олигополию, экономисты-марксисты подчеркивают, что существо олигополии, особенности и результаты ее функционирования определяются не рыночными факторами, а социально-экономическим типом самих участников олигополии. А эту сторону дела как раз и стремятся затушевать многие буржуазные экономисты — последователи Э. Чемберлина.

Монополию они полностью растворяют в конкуренции, придавая решающее значение рассмотрению чисто рыночных факторов, таких, как степень дифференциации продукта, конкуренция товаров-субститутов, ценовая эластичность спроса, перекрестная эластичность спроса¹. При таком подходе реальная монополия превращается в теоретическую абстракцию, в «логически мыслимый», но практически недостижимый предел. В изображении многих буржуазных теоретиков монополизации экономики не существует: имеет место бесконечный поток «монополистической конкуренции». Олигополия, по теории Чемберлина, — это всего лишь разновидность рынка монополистической конкуренции².

---

¹ Под ценовой эластичностью спроса понимается степень изменения спроса при изменении цены на 1%. Примером товаров с крайне неэластичным спросом могут служить некоторые антибиотики; увеличение или уменьшение цены даже в 10 раз может не влиять на уровень спроса и объем сбыта. Перекрестная эластичность спроса показывает степень изменения спроса на данный товар в зависимости от изменения цен на другие товары (дополняющие или товары-субституты).

² Позиции буржуазных экономистов по этому вопросу, как известно, существенно различаются. В отличие от последователей Чемберлина теоретики «индустриального общества» считают, что конкуренция и стихийное рыночное регулирование, характерные для капитализма, вообще ушли в прошлое. На базе крупных корпораций и «революции управляющих» сложился будто бы принципиально новый «индустриальный строй» (см. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969). В то же время значительная часть буржуазных экономистов видит в олигополии ключевую проблему, признавая, что олигополия — это основная форма монополистической структуры рынка.

Члены олигополии в ключевых отраслях и на ключевых рынках — это крупные корпорации, имеющие огромную экономическую силу. Такие корпорации, как правило, имеют отделения и филиалы в различных отраслях и географических районах, объединяя под своим контролем предприятия по вертикальной линии (так называемая вертикальная интеграция) — от добычи сырья до сбыта готовой продукции. Поэтому позиция, которую имеет та или иная крупная компания на отдельном рынке, характер взаимоотношений между продавцами, условия доступа потенциальных конкурентов определяются финансовой мощью компании в целом, ее структурой, ее позициями на различных других рынках, связями с крупными банками и т. д. Выступая на различных рынках, такие фирмы имеют возможность маневрировать объемом производства, ценами, затратами на стимулирование сбыта, используя различную стратегию и тактику в разные периоды времени в отношении разных видов продукции и разных категорий покупателей.

Олигополию характеризуют двоякого рода взаимоотношения: конкуренция по принципу «выигрыш одного равнозначен потерям другого» и сотрудничество, когда в результате согласованной политики группа в целом и каждый ее участник могут получить больше, чем при независимых действиях. Аналогичным образом строятся взаимоотношения и между различными группами олигополистов.

Объективные отношения взаимозависимости обуславливают необходимость и вызывают стремление ввести конкуренцию между такими соперниками в ограничительные рамки, до известной степени подчинить их поведение определенным правилам «игры». Каждая крупная компания должна строить свою политику с учетом последствий своих действий для себя и для группы в целом. Общий интерес крупнейших компаний в каждой отрасли состоит в осуществлении контроля над производством и сбытом продукции, в регулировании рынка.

На практике диапазон взаимоотношений достаточно широк: от ожесточенной ценовой конкуренции в отдельные периоды до прямого сговора относительно цен и раздела рынка. Взаимоотношения определяются действием многих факторов, рыночных и нерыночных, постоянных и преходящих.

Монополизация рынка предполагает контроль над ценами. Особенно остро вопрос о координации политики цен стоит в отраслях, где производимые олигополистами товары являются очень близкими субститутами (сырьевые отрасли, сталь, стройматериалы и т. д.). Монополистическое регулирование цен не обязательно предполагает сговор, оно может осуществляться как результат «естественного лидерства», если в отрасли, как это нередко бывает, какая-то фирма, заведомо превосходящая другие по своей мощи, осуществляет роль лидера, а другие считают за благо идти

в русле ее ценовой политики. Но, как правило, взаимопонимание олигополистов и осуществление монополистического регулирования связаны с определенными организационными мерами и достигается либо посредством сотрудничества в рамках легальной деятельности торгово-промышленных ассоциаций и других организаций бизнесменов — отраслевых, региональных, общенациональных, либо с помощью тайных сговоров и соглашений.

Практика лидерства в ценах, или, иначе говоря, отказ от явной ценовой конкуренции, стала господствующей чертой, определяющей организацию и функционирование рынков важнейших товаров. В условиях значительной дифференциации товаров система лидерства на массовых рынках выражается в соблюдении соответствующего диапазона в ценах.

Для крупных компаний необходимость учитывать объективно существующие технико-экономические и рыночные факторы и связи, гибко реагировать на изменение условий — это лишь одна сторона дела. Каждая из таких компаний имеет известную возможность и стремится осуществлять долговременную политику, направленную на изменение структуры рынка, на формирование спроса, на изыскание новых перспективных возможностей инвестирования капитала. Тем самым она оказывает прямое или косвенное воздействие на основные факторы, определяющие рыночную ситуацию.

Для крупной фирмы непосредственной, первейшей целью и в то же время оперативным критерием состояния дел на каждом из рынков, где она выступает продавцом, служат уровень продаж, общая выручка, прибыль. Этим определяются место фирмы в мире бизнеса. Замедление роста сбыта, не говоря уже о сокращении объема продаж, должно вести к пересмотру тактики, ассортимента продукции, может послужить толчком к изменению организационной структуры и методов управления. Ведь именно крупные масштабы производства и сбыта дают возможность быстро окупать инвестиции, эффективно использовать преимущества современной техники производства и методов управления, снижать издержки производства, увеличивать общую массу прибыли.

Упрочение позиций на том или ином рынке и увеличение прибыли, как цели, преследуемой крупными компаниями, не всегда совпадают и могут в современных условиях вступать в противоречие друг с другом. Однако в долговременном плане увеличение массы прибыли — необходимая предпосылка для дальнейшего укрепления позиций, а укрепление позиций в свою очередь реализуется в росте массы прибыли.

Решающий фактор, определяющий объем и направления инвестиций, — это оценка перспектив в отношении будущих прибылей. Сами эти оценки строятся на расчетах, в которых прогно-

зируются изменения в спросе (текущие и долговременные), технологии, ставках заработной платы, ссудного процента, государственной регулирующей политике¹.

Монополистическое планирование и регулирование подчинены задаче снижения степени риска, связанного с острой конкуренцией, обеспечению надежности получения устойчивых и высоких прибылей. Сами решения об инвестициях заключают в себе и долговременную ценовую политику, поскольку они предполагают ориентировочную продажную цену товаров и объем сбыта (долю рынка), который фирма рассчитывает иметь. Этот ценовой ориентир становится стержнем реальных текущих цен, которые корректируются исходя из складывающихся условий сбыта.

Крупные фирмы устанавливают для себя в качестве ориентира «целевую норму прибыли», которую они рассчитывают получать в среднем на длительных отрезках времени. Политика цен и применяемая практика ценообразования используются для достижения этой цели. Такая долговременная целевая установка отнюдь не означает, что фирма откажется от возможности реализовать свою монопольную позицию первого производителя какого-либо нового продукта и получать сверхприбыль на протяжении какого-то периода времени, установив монопольно высокую цену.

При этом взаимодействуют двоякого рода соображения: с одной стороны, скорее окупить вложения, «снять сливки» и извлечь максимум из патентной монополии, из дефицитности нового товара; с другой стороны, политикой низких цен ослабить напор потенциальных конкурентов и создать широкий рынок в расчете на массовый сбыт и рост массы прибыли. Эти два соображения в общем не исключают друг друга, в политике цен они взаимодействуют.

При разработке и осуществлении своей долговременной стратегии и рыночной тактики крупные фирмы имеют дело с множеством постоянно изменяющихся факторов, в отношении которых они располагают ограниченной информацией. Элемент непредвиденности достаточно высок. Поэтому важное место отводится экспертным оценкам, прогнозам, интерпретации имеющейся информации. Качество управления превращается в одно из решающих условий, определяющих результаты деятельности фирмы.

Таким образом, экономическая деятельность крупных фирм монополистического типа представляет собой сложное переплетение двоякого рода начал: «пассивного» (приспособление к суще-

---

¹ «Profits in the Modern Economy». Selected Papers from a Conference on Understanding Profits. Minneapolis, 1967, p. 33—34 (далее — «Profits in the Modern Economy»).

ствующим условиям, которые берутся как данные) и «активного», направленного на изменение условий с помощью различных тактических и стратегических мер. Все это делает весьма сложной область их экономических взаимоотношений. Эти взаимоотношения не укладываются в какую-либо единую формулу или набор формул¹.

2 Монополистическая конкуренция. Ее особенности и формы

Монополизация капиталистической экономики ведет к тому, что решающее значение приобретает конкуренция в сфере большого бизнеса, между крупнейшими корпорациями: внутриотраслевая, межотраслевая, в рамках национальных хозяйств и в масштабе всей капиталистической системы. Именно этот тип конкуренции мы и называем монополистической конкуренцией в отличие от того, что под этим термином понимается буржуазными экономистами².

Конкуренция перестала играть роль всеобъемлющего регулятора производства. Современный механизм функционирования и развития экономики представляет собой сочетание и переплетение стихийного рыночного регулирования с управлением, осуществляемым монополистическими корпорациями и государством.

Регулятором общественного производства в условиях неограниченной конкуренции служит закон стоимости, действующий через механизм спроса-предложения. Стихийное рыночное регулирование означает, что распределение материальных и трудовых ресурсов по отраслям и сферам экономики, а также определение общественно необходимых затрат на производство и сбыт единицы товара в каждой из товарных групп происходят всецело под действием объективных сил. Отдельные производители не в состоянии оказать влияние на рыночные условия: они сами полностью находятся в их власти. Что касается государства, оно не вмешивается в формирование рыночных условий.

---

¹ Здесь применима теория игр. (См. *M. Shubic. Strategy and Market Structure. Competition, Oligopoly and the Theory of Games. New York, 1959*).

² В теории Чемберлина в категорию «монополистические конкуренты» попадают все без исключения компании в любой сфере экономики. Раз компания существует — будь то мелкая лавка или промышленный гигант — значит, она имеет свой особый рынок соответственно своему дифференцированному продукту и, следовательно, является монополистом.

В чистом виде рыночный механизм регулирования — это теоретическая абстракция. Однако условия или посылки, на которых она строится, в целом отражают основные исторические особенности капитализма эпохи свободной конкуренции.

В экономической реальности закон стоимости проявляется в ценах, будучи законом их формирования и движения. Соответственно этому и теория стоимости неотделима от теории цен. В условиях свободной конкуренции уровень и соотношения рыночных цен на товары и услуги регулируют объем производства по отраслям. Межотраслевая конкуренция — реальная и потенциальная — приводит через колебания цен к выравниванию условий приложения капитала в той части, в какой они определяются рыночной конъюнктурой (соотношением спроса и предложения). Поэтому в долговременном плане цены тяготеют к стоимости, выражая собой общественно необходимые затраты на производство продукции.

Тенденция к выравниванию условий приложения капитала в различных отраслях и, следовательно, к сближению отраслевых норм прибыли (образованию цены производства) по мере развития капитализма, особенно с последней четверти XIX в., встречает на своем пути все больше преград. К ним относятся особенности технологии и соотношение между овеществленным и живым трудом в процессе производства, размеры исходного минимума капитала, необходимого для организации предприятий в различных отраслях, устойчивые различия в скорости оборота капитала, степень риска, обусловленного крупными специализированными капиталовложениями, и т. д.

В условиях монополистической структуры экономики изменения объема инвестиций в каждой отрасли и перераспределение ресурсов между отраслями происходят с учетом всей суммы условий, выражающих положительные и отрицательные (с точки зрения бизнеса) стороны использования там капитала, в том числе палоговые соображения, возможности получения от государства льгот и гарантий, прогнозы перспектив сбыта, взаимоотношения с конкурентами, косвенные и отдаленные выгоды.

Тенденция к выравниванию условий приложения капитала и норм прибыли в различных отраслях наталкивается на преграды, обусловленные как технико-экономическими факторами, играющими все более важную роль по мере развития капитализма, так и согласованной политикой крупнейших производителей, стремящихся охранять свои рынки от проникновения новых конкурентов (через контроль над источниками сырья, патентами, сбытовой сетью, с помощью рекламных заслонов).

Механизм стихийного рыночного регулирования находится под воздействием частномонополистического и государственного регулирования. Формирование общественно необходимых затрат на производство и сбыт различных товаров и услуг в значительной

степени утратило объективный характер. В то же время на базе капиталистической собственности, какого бы высокого уровня ни достигла монополизация, не может сложиться принципиально иной тип формирования стоимости — централизованное, планомерное управление экономическими ресурсами в интересах всего общества.

Переплетение рыночного и частномонополистического регулирования можно проследить, рассматривая особенности монополистической конкуренции. Важнейшая ее особенность — изменение роли конкуренции цен. Открытая ценовая конкуренция в форме сбивания цен, как правило, весьма редка. К «войне цен» прибегают только в тех случаях, когда резко меняется прежнее соотношение сил между участниками монополии, в условиях резкого ухудшения экономической конъюнктуры, в борьбе с непокорными аутсайдерами. В последнем случае ценовая конкуренция носит особенно острый характер — это конкуренция «на удушение». В практике монополистического регулирования вообще широко используются такие методы «наведения порядка», как экономический бойкот, угрозы, судебные тяжбы, принуждения к слиянию и т. д.

Во взаимоотношениях между крупными корпорациями ценовая конкуренция ведется посредством маневрирования ценами.

Важнейшей составной частью этой политики маневрирования служит система тайных скидок и уступок (по сравнению с объявленными ценами) в первую очередь для крупных покупателей. Эта практика особенно эффективна в отношении товаров производственного назначения. Тайное снижение продажных цен может принимать значительные масштабы (величина скидок и диапазон охватываемых товаров) и в розничной сфере, особенно в условиях общего ухудшения экономической конъюнктуры.

Что касается ценовой конкуренции на рынках потребительских товаров, то она, как правило, ведет не к снижению цен для потребителей, а к увеличению в цене доли прибыли, уступаемой торговым компаниям, чтобы поощрить их к закупкам и росту усилий по проталкиванию соответствующих товаров. На этих рынках важную роль играет сезонное и территориальное маневрирование ценами, общие и частичные распродажи товаров по сниженным ценам, использование различных сбытовых каналов и форм организации сбыта, в результате чего разные партии одних и тех же товаров одной и той же фирмы реализуются по разным ценам.

Еще большее значение для этих рынков имеет и другая разновидность скрытой ценовой конкуренции — установление одинаковой цены на товары различного качества или сближение цен, так что покупатель, если он проявляет достаточную осведомленность при выборе товара, фактически получает новую скидку.

Но особенно характерно для современной монополистической конкуренции широкое использование многообразных форм неценовой конкуренции. Конкурентоспособность крупных компаний на национальных рынках и мировом рынке во все большей мере зависит от таких факторов, как техническое превосходство, качество и надежность изделий, методы сбыта, характер предоставляемых гарантий и услуг, условия оплаты. Это в значительной своей части «нестойкие» факторы в том смысле, что они не оказывают обязательного прямого воздействия на уровень издержек и цен единицы продукции.

Монополистическая конкуренция — это прежде всего конкуренция, основанная на использовании нововведений, касающихся производимого продукта, методов производства и сбыта. В руках крупнейших корпораций нововведения становятся орудием конкурентной борьбы, направленной на сохранение, укрепление и расширение монополистических позиций на национальных и мировом рынках. Именно крупнейшие компании сосредоточивают в своих руках основные производственные мощности в наиболее динамичных отраслях, имеют исследовательские лаборатории и научные кадры, концентрируют у себя основные патенты, располагают необходимым капиталом для налаживания нового производства в крупных масштабах, пользуются правительственными субсидиями и заказами.

Огромные средства вкладываются в научные исследования и разработки непосредственно в корпорациях. Темп роста этих затрат непрерывно нарастает, превращаясь в решающее условие конкурентоспособности.

В современных условиях особенно важную роль играет контроль над патентами в новых, наиболее динамичных отраслях — электротехнике, электронике, химии. Так, например, четыре крупнейших электротехнические и радиотехнические компании США входят в «первую семерку» корпораций страны по количеству контролируемых патентов. Фирма «Дженерал электрик», контролирующая свыше 12 тыс. патентов, является лидером в этой области.

Все большее значение в экономике развитого капитализма приобретает конкуренция, связанная с выпуском новых товаров и товаров-субститутов. Дифференциация товаров превратилась в орудие монополистической политики крупных фирм. Каждая крупная компания создает не только продукт, но и широкий рынок на свою разновидность продукта с помощью рекламы — мощного средства формирования и стимулирования спроса.

Реклама стала одним из основных средств и направлений конкурентной борьбы. Реклама — за пределами выполняемой ею общественно полезной функции информирования покупателей — представляет собой растрату общественных ресурсов. Но в то же время в условиях современного капитализма реклама выступает

и мощным двигателем экономического роста. Она не только ведет к перераспределению рынка между конкурентами, но и к увеличению общей емкости рынков различных товаров, к созданию новых рынков.

В сочетании с такими факторами расширения покупательной способности, как потребительский кредит и продажа в рассрочку, реклама стала важным звеном в механизме функционирования капиталистической экономики¹. Особенно это проявилось в послевоенном развитии основных капиталистических стран. Преобладание инфляционной конъюнктуры, выражающейся в постоянном, но неуклонном росте цен и денежных доходов, способствует увеличению покупок в кредит².

Однако непосредственное назначение рекламы — служить орудием конкурентной борьбы. Реклама используется для так называемой искусственной дифференциации продукта, не имеющей оправдания с точки зрения интересов потребителей, а обусловленной лишь интересами конкуренции.

Реклама используется как средство монополизации рынка и эксплуатации потребителя. Особенно широкие возможности для этого имеются на таких рынках, где спрос отличается низкой ценовой эластичностью, а потребитель некомпетентен. Пример такого рынка — рынок фармацевтических товаров. Не случайно эта отрасль является в США одной из ведущих по высоте нормы прибыли. В целом норма прибыли там вдвое превышает норму прибыли по всей обрабатывающей промышленности.

Как показало обследование 20 крупнейших компаний фармацевтической промышленности США в 1959—1960 гг., проведенное подкомиссией сената по антитрестовскому законодательству и монополиям, расходы этих фирм на рекламу в 4 раза превышали сумму их затрат на исследования. Расходы на рекламу в среднем по продукции этих компаний составили 24 цента в каждом упла-

---

¹ В США, стране с самым крупным национальным рынком, расходы на рекламу, осуществляемую в основном через средства массовой коммуникации, превысили в 1967 г. 16,8 млрд. долл. («Statistical Abstract of the United States», 1968, p. 782). Если же учесть рекламные расходы и по другим каналам (рекламная упаковка, витрины, рекламные проспекты, выставки и т. д.), то эта цифра резко возрастет.

² Так, в США за 1945—1966 гг. реальный размер индивидуальных доходов увеличился в 1,9 раза, в то же время объем потребительского кредита возрос в 9,2 раза (в ценах 1957—1959 гг.), составив в 1966 г. 94,8 млрд. долл. Задолженность по потребительскому кредиту составляла в 1929 г. 13% от розничного товарооборота, в 1941 г. — 17, а в 1966 г. — 31% (см. А. А. Козловский. Потребительский кредит в США. М., 1968, стр. 8, 13, 27).

чиваемом покупателями долларе, а по отдельным лекарствам — около $\frac{1}{3}$ цены.

Огромные затраты на рекламу служат средством поддержания монопольных цен, с лихвой окупающих все эти расходы и дающих колоссальные прибыли¹.

Устранение благодаря монополистическому регулированию конкуренции цен на многих рынках имеет своим результатом относительно высокие цены (по отношению к уровню издержек производства единицы продукта при нормальной загрузке мощностей), чрезмерные сбытовые расходы, огромные затраты на «модотворчество» и разработку новых видов продукции, наличие избыточных производственных мощностей.

Политика форсирования морального устарения товаров, проводимая монополистическими компаниями и неуклонно охватывающая все более широкий круг товаров, имеет целью за счет выпуска новых разновидностей и моделей раздвинуть границы собственного рынка, улучшить свое положение за счет конкурентов. Реклама навязывает определенную марку товара, стремится создать у потребителя устойчивое предпочтение и привязанность к определенной товарной разновидности.

Дифференциация товаров сама по себе не равнозначна улучшению их качества. В интересах снижения издержек широко используется и практика намеренной фальсификации, ухудшения качества товаров, особенно если рассчитывают, что покупатель не сможет этого определить. Реклама сплошь и рядом приписывает товару несуществующие у него качества. Дифференциация в этом случае носит мнимый характер.

Однако в целом в долговременном плане улучшение качества

---

¹ Лекарство от артрита, например, продаваемое под собственной торговой маркой, стоило 23,25 долл. Это же лекарство по его фармацевтическому названию можно было купить в аптеках по цене 4,5 долл. Аналогичная ситуация была и по многим другим видам фармацевтической продукции. Прибыль крупнейшей фармацевтической компании (после уплаты налогов) составила в 1958 г. 38,2% к собственному капиталу, у следующей за ней по величине компании — 33,5%.

Материалы по изучению форм и характера конкуренции в условиях господства на рынке нескольких крупных фирм (по фармацевтической, автомобильной, сталелитейной и хлебопекарной промышленности) содержатся в книге сенатора Э. Кефопера, который в 1957—1963 гг. возглавлял подкомиссию сената по антитрестовскому законодательству и монополиям (*E. Kefauver. In a Few Hands: Monopoly Power in America. New York, 1965*); см. также «Факты о положении трудящихся в США (1959—1960 гг.)». М., 1962, стр. 100—109.

и многообразие товаров представляют собой существенную сторону экономического прогресса в современных условиях. Особенно важную роль в этом отношении играют рынки средств производства. На этих рынках имеет место подлинная конкуренция качества. Продавцы сталкиваются с высокоинформированными, компетентными покупателями в лице крупных фирм, которые, покупая машины, оборудование, сырье и т. д., руководствуются интересами снижения собственных издержек производства и увеличения прибыли и потому обращают главное внимание на качество, требуют высокой производительности и надежности покупаемого оборудования, гарантии того, что оно соответствует передовому уровню науки и техники.

Расширение рынка и увеличение сбыта достигаются не столько за счет снижения цен, сколько за счет улучшения качества, выпуска новых моделей, увеличения объема услуг, сопровождающих реализацию товаров и последующее их использование. Так, создание широких рынков потребительских товаров длительного пользования, сыгравших важную роль в послевоенном экономическом развитии основных капиталистических стран, сопровождалось созданием соответствующих рынков услуг — ремонт, техническое обслуживание, обмен и т. д. Расширение рынка как потребительского, так и производственного оборудования, в частности электронно-вычислительной техники, достигается и за счет развития такой формы услуг, как прокат, аренда. Снижение цен, как правило, используется и оказывается эффективным в отношении новых товаров, впервые появляющихся на рынке. Первоначально установив высокую «пробную» цену, монополисты со временем понижают ее, превращают товар в предмет более широкого спроса.

Неуклонно растут прямые издержки монополистической конкуренции. Они закрепляются существующим механизмом ценообразования и формирования доходов. Издержки конкуренции и связанное с ней расточительство перекладываются на общество и предстают как часть общественно необходимых затрат. Уже сам этот факт узаконивания расточительства свидетельствует о глубоких противоречиях капиталистической экономики.

Динамика общественно необходимых издержек в современной капиталистической экономике определяется взаимодействием двух тенденций. Тенденция к их снижению обусловлена огромными преимуществами высокой степени обобществления производства, научно-техническим и организационно-управленческим прогрессом во всех сферах экономики. Противодействующая тенденция порождается растратой ресурсов в условиях монополистической конкуренции: существованием избыточных производственных мощностей, огромных рекламных расходов, форсированием морального обесценения различных товаров, гипертрофированным ростом сбытового аппарата,

Одной из важных особенностей конкуренции между крупными компаниями является все более широкое использование вне рыночных форм борьбы, многие из которых вообще непосредственно не связаны с производством и реализацией товаров: финансовые махинации и спекуляции ценными бумагами, судебные тяжбы, переманивание специалистов, всякого рода разведка в отношении конкурентов, борьба вокруг правительственных субсидий, контрактов, важных государственных постов и т. п., проталкивание или блокирование тех или иных законодательных предложений на всех уровнях государственной власти, борьба вокруг решений о направлениях и объеме государственных капиталовложений.

Усиление классовой борьбы, ее влияния на ход и механизм общественного воспроизводства в условиях монополистического капитализма превратило область взаимоотношений между капиталом и трудом в важнейшую политическую проблему, где большой бизнес, как правило, выступает монополитно. На политический уровень поднялись и вопросы взаимоотношений монополистов с немонополизированным и мелкотоварным производством. Областью политических разногласий становятся и экономические взаимоотношения различных групп монополистического бизнеса в рамках отдельных стран и на мировой арене.

Новые формы и растущая напряженность конкуренции на всех уровнях и во всех сферах экономики сообщают динамизм процессу развития, ускоряют темп научно-технических, организационных, структурных изменений. Вместе с тем механизм и сам характер развития таковы, что неизбежно происходит обострение капиталистических противоречий. Противоречия между частными и общественными интересами не только сохраняются, но и неуклонно обостряются, получая выражение в широком круге социальных экономических, политических и идеологических антагонизмов.

3 Цена и прибыль в условиях монополистической конкуренции

Формирование и изменение цен на рынках, где господствует несколько крупных компаний, несет на себе печать монополистического регулирования.

Суть такого регулирования заключается в том, что объем предложения стараются приспособить к заранее прогнозируемому объему спроса при данном уровне цен. Если оказывается, что реальный спрос в целом по отрасли ниже ожидаемого, то равновесие достигается за счет сокращения производства, роста объема незагруженных производственных мощностей. Это позволяет поддерживать относительную стабильность цен, предотвращая их

снижение. Такое регулирование предполагает согласованный контроль группы монополий в отношении новых инвестиций, налаженный учет объема мощностей в отрасли, степени их загрузки, запасов продукции на складах, объема текущих продаж и заказов на будущий период.

С другой стороны, в условиях значительного превышения спроса над предложением (ситуация, именуемая «рынок продавца») цены не растут так, как это обуславливалось бы текущим соотношением спроса и предложения¹.

Характер зависимости между уровнем цен и изменением величины издержек производства тоже стал иным в современной капиталистической экономике. Это выражается в том, что снижение издержек не влечет за собой снижения цен на монополизированных рынках, зато рост издержек используется крупными компаниями как аргумент в пользу повышения цен на их продукцию.

Рост издержек производства единицы продукции, как правило, обуславливается значительным снижением степени загрузки производственных мощностей. В крупном производстве, особенно в капиталоемких отраслях, высокий удельный вес в структуре издержек имеют постоянные издержки (на здания, оборудование, оплату управленческого, инженерного, научного персонала, на исследования и рекламу). При циклических сокращениях объема производства груз этих затрат в издержках единицы продукции резко увеличивается.

Цены устанавливаются по принципу лидерства. В чистом виде оно действует на рынках более или менее однородной продукции, но и на других монополизированных рынках отказ от открытой ценовой конкуренции ведет к взаимоувязке и относительной стабилизации цен.

Лидер (крупнейшая или одна из крупных компаний) устанавливает цену, руководствуясь не только, а может быть, и не столько собственными издержками, сколько своими представлениями о величине издержек у конкурентов, включая вероятностную оценку уровня издержек у потенциальных конкурентов.

Отметим в этой связи, что в современных крупных компаниях в условиях быстро меняющегося спроса определение величины

---

¹ В первое время после окончания второй мировой войны автомобильные компании США продавали свою продукцию по ценам, которые не уравнивали спрос и предложение. Образовался черный рынок. Автомобильные дилеры имели возможность продавать машины по цене от 200 до 500 долл. выше прейскурантной, установленной промышленниками. Производители не шли на повышение цен в условиях кратковременной конъюнктуры, боясь, что это вызвало бы требование о повышении заработной платы со стороны профсоюзов («Profits in the Modern Economy», p. 121).

издержек не сводится к простой калькуляции. Наряду с определением действительных издержек на производство единицы продукции при нормативной загрузке мощностей (например, 75%) существенную роль играет интерпретация, или оценка издержек, в основе которой лежит стремление обезопасить себя от риска потерь. Наиболее быстро растущая статья издержек — амортизация оборудования. Намеренное завышение ее удельного веса снижает размеры показываемых в отчете прибылей, подлежащих налогообложению¹.

Цены устанавливаются на таком уровне, который устраивает всех крупных производителей, хотя издержки производства и сбыта на единицу продукции у них могут значительно различаться. Те компании, у которых индивидуальные издержки ниже, реализуют избыточную прибыль. Но и менее эффективные производители нередко могут длительные периоды сохранять свои позиции на данном рынке, особенно если речь идет о компаниях, располагающих большими финансовыми ресурсами и надежными позициями на других рынках.

Однако свобода монополистических компаний в установлении цен ограничена определенными, хотя и достаточно широкими рамками. Они обусловлены технико-экономическими зависимостями в самом процессе производства, закономерностями движения спроса на соответствующие товары, действием сил конкуренции.

Если установившаяся цена настолько велика, что создается возможность получать избыточную норму прибыли, сверх нормального отраслевого уровня, то резко усиливается давление межотраслевой конкуренции. Отрасль становится настолько выгодным полем приложения капитала, что в нее будут стараться проникнуть новые конкуренты. Крупные фирмы — потребители соответствующей продукции, если речь идет о товарах производственного назначения, постараются наладить собственное производство этой продукции или прибегнут к импорту. Усилится конкуренция со стороны товаров-субститутов, возрастет спрос на них. В такой ситуации увеличивается норма накопления у фирм, занятых в отрасли. Действие сил конкуренции приводит к тому, что слишком высокие цены, ставящие в исключительное положение ту или иную отрасль или рынок, не смогут закрепиться надолго, доля прибыли в цене сократится.

Наряду с основным показателем нормы прибыли, который выражается отношением чистой прибыли к инвестированному

---

¹ Размеры прибылей, сообщаемые крупными американскими компаниями в докладах акционерам и в отчетах службе внутренних доходов, существенно различаются. В основном это результат манипуляций с оценкой амортизации («Profits in the Modern Economy», p. 19).

капиталу¹, важную роль играет и другой используемый в статистике показатель — норма прибыли, рассчитанная по отношению к объему продаж². Этот показатель характеризует долю прибыли в цене единицы товаров.

В долговременном плане доля прибыли в цене товаров массового сбыта не обнаруживает тенденции к росту. Влияние монополизации сказывается в первую очередь на величине самих издержек производства и сбыта. Вместе с тем монополия на новые виды продукции на значительных отрезках времени реализуется в виде огромных сверхприбылей. «...Монополия, — писал В. И. Ленин, — дает *сверхприбыль*, т. е. избыток прибыли сверх нормальной...»³

Неравномерность движения цен и норм прибыли на различные товары и услуги в значительной степени обусловлена резкими структурными сдвигами, происходящими в современной экономике под влиянием научно-технического прогресса и государственного регулирования. Для различных отраслей складываются резко различные конъюнктурные условия: появляются новые отрасли, для которых характерна долговременная повышательная тенденция спроса на их продукцию и значительное превышение спроса над предложением. В силу цепной связи повышение цен в одних звеньях экономики постепенно распространяется и на другие. Неравномерность и разновременность повышения цен на различные товары и услуги открывает возможность перераспределения прибыли между промышленными гигантами и теми, чьи возможности маневрировать и приспосабливаться к новым условиям ограничены.

Соотношение сил и взаимоотношения между компаниями по вертикальной линии — от добычи сырья до продажи готового про-

---

¹ В статистике доход относят к чистой стоимости активов компании либо к стоимости активов плюс долгосрочные займы.

² Так, в США по группе 3850 нефинансовых корпораций, состоящей из крупнейших и наиболее преуспевающих компаний, занятых в различных сферах экономики (их общие чистые активы составляли 340 млрд. долл.), удельный вес прибыли в 1 долларе продаж составлял в среднем в 1965 г. 6,5%, в 1966 г. — 6,5, в 1967 г. — 5,9%. Отдельно по компаниям обрабатывающей промышленности цифры примерно совпадают (FNCEB. «Monthly Economic Letter». New York, April, 1967; April, 1968). Среднегодовая норма прибыли (после уплаты налогов), рассчитанная к стоимости чистых активов по 2300 крупнейшим американским корпорациям, составила в 1946—1949 гг. 15,5%, 1950—1954 гг. — 13,7, 1955—1957 гг. — 13,9, 1958—1960 гг. — 10,7, 1961—1965 гг. — 11,8% («Science and Society», Summer 1967, p. 320).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 173.

дукта — оказывают большое влияние на уровень и динамику цен, поскольку это сфера борьбы за участие в распределении прибыли. На каждой последующей ступени по пути товара к конечному потребителю цена возрастает за счет наценки, выражающей привычную норму «справедливой прибыли» для соответствующей сферы бизнеса. Вертикальная интеграция в рамках отдельных фирм может вести к тому, что конечная цена для потребителя будет ниже, чем прежде.

Крупнейшие компании имеют относительно более стабильную и высокую норму прибыли, чем средняя по промышленности в целом. Монополистические фирмы получают различные нормы прибыли по различным производимым ими товарам на различных рынках. Норма прибыли на массовую стандартизированную продукцию, не защищенную патентной монополией, может быть низкой, зато более высокую прибыль дают специализированные товары, имеющие широко рекламируемые торговые марки. За счет этих товаров покрывается большая часть накладных расходов фирмы. Экстрасвою норму прибыли приносят новые товары, не имеющие близких субституты. Широкие возможности открываются для монополистических фирм, выполняющих правительственные заказы на исследовательские работы, на поставку военной и прочей продукции. Такую закономерность, как получение резко различных норм прибыли монополистами на различных рынках, отмечал В. И. Ленин. Он писал, что «существует известное соотношение между «нормальной» и монопольной продажей... Экстраприбыль привилегированных и монопольных продаж компенсирует низкую прибыль «нормальных» продаж»¹.

Невиданное развитие получила такая форма привилегированных продаж, как поставки различной военной и гражданской продукции государству².

Для крупнейших фирм, производящих широкий диапазон продукции не только в своей стране, но и за рубежом, в значительной степени нивелируются конъюнктурные отраслевые колебания

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 171.

² Так, в США до 1961 г. около 58% контрактов (по стоимости) на выполнение заказов министерства обороны заключались не в порядке открытых торгов, а путем прямых переговоров. Это вело к такой огромной и явной переплате государственных средств, что было решено перевести к 1965 г. до 40% всех заказов на систему открытых торгов. В результате реорганизации, как заявил бывший министр обороны Р. Макнамара, те же самые компании стали предлагать цены на 25—50% ниже по сравнению с прежними («Impact of Military Supply and Service Activities on the Economy. Hearings before the Subcommittee on Defence Procurement of the Joint Economic Committee. 85-th Congress, 1-st Session». Washington, 1963, p. 23—24).

норм прибыли, стабилизируется на более высоком уровне норма получаемой ими прибыли. У 500 крупнейших компаний США (их отраслевая структура подверглась специальным исследованиям) участие в пяти различных отраслях являлось минимальным. Диапазон отраслей, охватываемых 100 крупнейшими компаниями, — от 6 до 15, а сфера деятельности фирм-гигантов — от 16 до 50 отраслей.

Наиболее крупные фирмы — монополистические гиганты — во всех сферах экономики имеют возможность систематически получать норму прибыли выше, чем средняя по соответствующим отраслям и промышленности в целом. Так, у фирмы «Дженерал моторз» в среднем за период с 1948 по 1955 г. норма прибыли на инвестированный капитал превышала 25%. В 1955 г. она составила почти 31%, тогда как по всей американской обрабатывающей промышленности норма прибыли (после уплаты налогов) была приблизительно 12%, а для компаний с активами в 100 млн. долл. и выше — около 15%. «Целевая» норма чистой прибыли, как заявили руководители фирмы «Дженерал моторз» на заседании подкомиссии сената по антитрестовскому законодательству и монополиям, в среднем на длительных отрезках времени планировалась на уровне 15—20% к инвестированному капиталу¹.

Важнейшую роль в системе ценообразования играет патентная монополия.

История капитализма во всех странах изобилует примерами того, как монополисты, узурпируя плоды научно-технического прогресса, превращают их в средство извлечения гигантских прибылей. В современных условиях патентная защита позволяет пользоваться преимуществами патентной монополии реально в течение примерно шести — девяти лет и контролировать цены на новый продукт не только на внутреннем, но и на мировом рынке, а также получать огромные доходы от продажи лицензий.

Концентрация патентов значительно превосходит масштабы концентрации промышленного производства и финансовых ресурсов. Компании с наиболее крупными портфелями патентов получают высокую норму прибыли за счет того, что в общей сумме их продаж большой удельный вес имеют патентованные товары. Так, в 1963 г. по уровню прибыли на капитал в первые ряды американских корпораций вошли крупнейшие патентовладельцы «Жиллет» (34,1%), «Дженерал моторз» (22,4%), «Дюпон» (19,3%), «Дженерал электрик» (14,7%)².

Нередки случаи, когда монополисты, пользуясь тем, что потре-

---

¹ «Economic in Action. Readings in Current Economic Issues». Belmont (California), 1962, p. 175—176.

² См. «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 2, стр. 56.

битель не имеет выбора, и искусственно сохраняя дефицитность новых товаров, устанавливают грабительские цены¹.

При оценке степени экономической власти монополистов, выражающейся в контроле над ценами в отдельных отраслях и на отдельных рынках, немаловажное значение имеют такие критерии, как: а) соотношение издержек и цен единицы продукции; б) доля в цене издержек на стимулирование сбыта; в) объем средств, затрачиваемых на разработки, исследования, моделирование, оценка качества новых товаров с точки зрения интересов потребителей и общества; г) норма накопления и объем прибылей, выплачиваемых акционерам.

Однако при всем значении этих критериев они недостаточны для полной, всесторонней оценки масштабов, характера и результатов капиталистической монополизации.

Издержки капиталистической монополизации не сводятся к прямой растрате части чистого дохода общества. Огромные потери для общества являются следствием разрыва между потенциальными возможностями использования современных производительных сил в интересах общества и степенью реализации этих возможностей. Проблема бедности, безработицы, форсирование роста вещных потребностей при резком отставании сферы социальных услуг, культуры и образования, гонка вооружения, обострение проблемы городов, транспорта, защиты природных ресурсов, многообразные формы паразитизма и загнивания — все это наглядное проявление характера использования современных производительных сил в странах монополистического капитализма.

Монополистическое регулирование, хотя и раздвигает горизонты развития капиталистической экономики, не снимает самого глубокого противоречия капитализма — между общественным характером производства и капиталистическим присвоением, между потребностями общественного развития и интересами извлечения прибыли. Плановое начало, которое несет с собой развитое монополистическое регулирование, отнюдь не тождественно общественным интересам. Методы и характер монополистического регулирования таковы, что они неизбежно ведут к обострению социально-экономических и политических противоречий в капиталистическом обществе.

---

¹ Так, в 1962 г. одна из американских фармацевтических компаний получила исключительное право на продажу нового препарата, исследовательские работы по созданию которого субсидировались правительством. Препарат, продажная единица которого обходилась компании примерно в 6 долл., реализовался на рынке за 262 долл. Поскольку этот факт стал известен и привлек к себе внимание общественности, правительство вынуждено было отобрать у этой компании патентные права («The New Republic», July 10, 1965, p. 6).

*1 Основные черты развития
кредитной системы*

Система кредитных отношений и учреждений порождается потребностями капиталистического производства и отражает его основные особенности и закономерности. Современная кредитная система соответствует условиям монополистической стадии капитализма и обслуживает процесс воспроизводства и накопления капитала. Ее главной чертой является высокая степень концентрации и выделение мощных монополий. Кредитная система оказывает большое воздействие на всю капиталистическую экономику.

Она является важнейшим орудием государственно-монополистического капитализма и активно используется современными буржуазными государствами в целях регулирования экономики, в ходе проведения им определенной экономической политики.

Способствуя развитию производительных сил капитализма, кредитная система в то же время играет важную роль в обострении его противоречий и подготовке материальных предпосылок замены его новой общественной формацией — социализмом. Как указывал К. Маркс, кредитная система, с одной стороны, может «развивать движущую силу капиталистического производства», а с другой — ее роль заключается в том, чтобы «составлять переходную форму к новому способу производства...»¹. Огромная концентрация банков и других кредитно-финансовых учреждений, огосударствление значительной части кредитной системы и другие идущие в ней процессы усиливают этот двойственный характер кредитной системы капитализма. Однако только социалистическая революция дает возможность рабочему классу и его союзникам реализовать в интересах всего общества те возможности планомерного управления современным хозяйством, которые заложены в кредитной системе.

В послевоенный период кредитная система сыграла важную роль в обеспечении условий для значительного роста производства, накопления капитала и развития техники. Благодаря кредиту в различных его формах оказывается возможной мобилизация денежного капитала и огромная концентрация капиталовложений в ключевых, технически наиболее прогрессивных отраслях экономики. Только мощные банки (а также страховые компании) могут осуществлять кредитные операции тех масштабов, какие необходимы для финансирования современных крупных промышленных, транспортных и других объектов.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 485.

Кредитная система играет важнейшую роль в поддержании высокой нормы накопления, характерной для большинства промышленно развитых стран в последние два десятилетия. Она аккумулирует свободные денежные капиталы и сбережения всех слоев населения, в том числе трудящихся, и предоставляет их промышленности и государству для финансирования капиталовложений. Капиталистическая кредитная система превращает любые сбережения независимо от их социальной природы в денежный капитал, который в конечном счете используется в интересах монополий.

Кредит занимает важное место в тех методах разрешения проблемы рынка и реализации, которые развиваются в современной капиталистической экономике. Большой рост потребительской и жилищно-ипотечной задолженности населения (особенно в США) в значительной мере обеспечил рынок для потребительских товаров длительного пользования и сыграл заметную роль в быстром развитии соответствующих отраслей промышленности и строительства.

Кредитно-денежные кризисы, которые обычно представляют составную часть циклических экономических кризисов и значительно усиливают их, были слабо выражены после второй мировой войны. Их наиболее острые формы — натиск вкладчиков на банки, массовое востребование ссуд, банкротства банков — вообще фактически отсутствовали. Это объясняется многими глубокими изменениями и процессами капиталистической экономики, в частности увеличением эластичности кредитно-денежной системы в условиях отсутствия золотого стандарта, изменениями в структуре кредитных учреждений и рынка ссудных капиталов, государственно-монополистическим регулированием.

Вместе с тем кредитная система по многим линиям способствовала обострению противоречий капитализма и усилению его неустойчивости в экономической и социальной областях.

Кредит при капитализме неизбежно отражает общественные отношения эксплуатации наемного труда капиталом. Он играет важную роль в обобществлении производства и в этой связи обостряет главные противоречия капитализма. В послевоенный период кредитная система способствовала усилению концентрации и монополизации экономики, росту монополистической буржуазии и углублению социальной и имущественной пропасти между ней и всем остальным обществом. Акционерное дело, представляющее своеобразную форму кредита, было в течение последних двух десятилетий источником колоссального роста личных состояний, образующих вершину пирамиды богатства капиталистического общества. С другой стороны, аккумуляция кредитной системой сбережений трудящихся приковывает их к колеснице монополистического капитализма и часто служит орудием дополнительной финансовой эксплуатации. Последняя становится особо очевидной

и эффективной в связи с инфляцией, которая непрерывно обесценивает сбережения по их реальной покупательной способности. Монополии эксплуатируют трудящихся и как должников, взимая чрезвычайно высокие проценты по потребительским ссудам.

Хотя кредитная система не переживала в послевоенный период острых кризисов традиционного характера, кредитная экспансия банков, рост кредитной надстройки, разбухание потребительского кредита неоднократно создавали большое напряжение в кредитной сфере ряда стран и требовали срочных мер государственного вмешательства для предотвращения кризиса. С кредитной сферой тесно связан современный кризис международной валютной системы.

При наличии основных общих закономерностей развития кредитной системе отдельных стран свойственны многие специфические особенности. Степень развития кредитной системы может служить одним из критериев зрелости капитализма в современных условиях монополистического и государственно-монополистического капитализма. В XIX в. наиболее развитой и разветвленной кредитной системой обладала Англия. В современных условиях таким лидером во многих отношениях являются США. В настоящее время другие капиталистические страны нередко стремятся перенять и перенести на свою почву организационные формы и методы американских кредитно-финансовых учреждений, особенно инвестиционных и страховых компаний, корпорационных пенсионных фондов, организации потребительского кредита. С другой стороны, для ряда стран Западной Европы характерны государственные кредитные учреждения относительно более крупного масштаба и универсального характера, чем для США.

Процессы концентрации в сфере банков, во многом определяющие все развитие кредитной системы, имеют в послевоенный период ряд важных особенностей. Значительные изменения происходят также в операциях банков, и в частности в формах их связей с промышленностью. Эти вопросы рассматриваются в двух последующих разделах настоящей главы.

Для развития всей кредитной системы, как и банков, характерно сочетание тенденций универсализации, т. е. расширения и сочетания функций, и специализации, т. е. выделения особых видов кредитно-финансовых учреждений со своими специфическими функциями. Эти тенденции и институциональное развитие кредитной системы анализируются в четвертом разделе. Усложнение кредитной системы и рост новых видов учреждений в особенности связаны с аккумуляцией сбережений всех слоев населения, что является предметом специального рассмотрения в пятом разделе. В заключении анализируются конкретные проявления роли государства в кредитной системе.

2 Новые явления в концентрации и централизации банков

В результате процесса концентрации и централизации капитала в большинстве капиталистических стран выделилось несколько крупнейших банковских монополий, представляющих собой «главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства»¹.

Концентрация и централизация капитала — процесс постоянный, но весьма неравномерный. Наиболее четко вырисовываются при капитализме три волны концентрации капитала в банковской сфере: конец XIX в., 20-е годы — начало 30-х годов, период с середины 50-х годов XX в.

Первая волна концентрации и централизации капитала происходила в период перерастания домонополистического капитализма в монополистический и была связана с грюндерством, созданием акционерных обществ, выделением крупных монополий. Концентрация и централизация капитала происходила и абсолютно и относительно: резко возрастали как абсолютные размеры монополий, так и их удельный вес в соответствующих отраслях. Именно в конце XIX в. возникли крупные банковские монополии, которые сохранили свои позиции и до настоящего времени.

Вторая крупная волна концентрации и централизации капитала приходится на 20-е годы и начало 30-х годов XX в. Она протекала в период господства монополистического капитала и перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Этот процесс был в значительной мере ускорен первой мировой войной, а также мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг. Именно к концу мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. в большинстве капиталистических стран удельный вес банковских монополий в капитале кредитных учреждений достигает наибольшей величины. Для второй волны концентрации и централизации банковского капитала наиболее характерными были процессы, протекавшие в форме поглощений и расширения системы участия. Так, например, в США только за время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. разорилось и было поглощено более 10 тыс. банков.

Третья волна концентрации и централизации банковского капитала, как и промышленного, началась в условиях обострения внутренней и внешней конкурентной борьбы под влиянием научно-технической революции примерно с середины 50-х годов вначале в США, а затем постепенно захватывает другие ведущие капиталистические страны. Наиболее характерным для банковской сферы стало слияние крупнейших банковских гигантов. В США в 1955 г. в результате такого слияния возник банковский

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 161—162.

гигант в финансовой группе Рокфеллеров — «Чейз Манхэтти банк». Одновременно был создан «Ферст нэшнл сити банк», возглавивший другую крупную финансовую группу США. Через четыре года финансовая группа Морганов образовала путем слияний «Морган гарантс траст компани», а в 1961 г. аналогичным образом появился «Мэнюфактурерс Ганновер траст компани». После этой серии слияний рост абсолютной концентрации банковского капитала в США шел медленнее, чем в Западной Европе и Японии. Доля американских банков в активах 50 крупнейших банков мира несколько упала за это время.

В Англии уже в конце XIX в. утвердилось господство в кредитной сфере «большой пятерки»: «Барклайс банк», «Мидленд банк», «Ллойдс банк», «Вестминстер банк» и «Нэшнл провиншл банк». Две первые волны концентрации и централизации банковского капитала привели к тому, что к середине 50-х годов XX в. количество всех акционерных коммерческих банков в Англии сократилось до 13, тогда как в 1890 г. их было 101. Доля «большой пятерки» поднялась в общей сумме активов всех коммерческих банков до 79%.

Однако третья волна концентрации и централизации в 50-е годы XX в., связанная с научно-технической революцией и обострением международной конкуренции, привела к тому, что начался процесс слияний этих, казалось уже незыблемых в консервативной Англии, банковских монополий. Несмотря на неуклонный рост абсолютной концентрации капитала, относительная доля английских банковских монополий в мировом масштабе сокращалась. Так, с 1961 по 1967 г. «Вестминстер банк» переместился с 17-го на 36-е место в мире, а «Нэшнл провиншл банк» — с 21-го на 42-е место. Одновременно в «семьях» промышленных и торговых монополий происходит большое число «брачных контрактов». Этот процесс охватил ведущие отрасли промышленности, что повлекло за собой волну централизации среди банковских монополий. В начале 1968 г. слились «Вестминстер банк» и «Нэшнл провиншл банк» в новый банк — «Нэшнл Вестминстер банк». В конце 1968 г. их примеру последовали «Барклайс банк» и «Мартинс банк». Созданный таким путем новый банк — «Барклайс Мартинс банк» — возглавил «большую четверку» в Англии и получил реальную возможность бороться за участие в «большой четверке» на мировой капиталистической арене. На долю нынешней «большой четверки» приходится около 90% всех банковских вкладов в стране.

Еще более наглядно протекал процесс концентрации и централизации банковского капитала в Западной Германии, где после второй мировой войны «большая тройка» была раздроблена (как и ряд промышленных концернов) на 30 самостоятельных банков. В ходе слияний в 1952 г. их стало девять, а в 1957—1958 гг. процесс слияния «преемников» гроссбанков завершился восстановле-

нием прежних трех банковских монополий: «Дойче банк», «Дрезднер банк» и «Коммерцбанк». Каждый из этих банков цементирует финансовую группу.

Особая печать лежит на процессах концентрации и централизации банковского капитала во Франции и Италии. Здесь отмечается прежде всего большое влияние и непосредственное участие государства. В немалой степени отразились на этих процессах международная конкуренция, интеграционные моменты.

Во Франции концентрация и централизация банковского капитала несколько опережала аналогичные процессы в промышленности. С 1945 по 1965 г. количество банков в стране сократилось с 385 до 266. Форсирование процесса концентрации и централизации стало одной из главнейших задач французского правительства во всех сферах экономики, в том числе и банковской. Зачастую этот процесс носил принудительный характер. Вскоре после второй мировой войны во Франции были национализированы четыре крупнейших коммерческих банка. Летом 1966 г. слились два из них, замыкавших «большую четверку». Созданный в результате этого слияния новый банк — «Банк насьональ де Пари» — возглавил теперь уже «большую тройку» государственных банков. Фактическое же господство в кредитной сфере Франции осуществляют по-прежнему финансовые группы, сцементированные частными банками: «Банк де Пари э де Пари-Ба», «Банк де л'Эндюшин», «Креди эндюстриель э коммерсиаль».

В Италии роль государства в форсировании концентрации и централизации капитала еще больше, чем во Франции. На государственные банки Италии приходится $\frac{2}{3}$ активов всей кредитной системы страны. В самом конце 1967 г. монополистический капитал создал путем слияния восьми частных банков первый крупный частный банк с капиталом в 10 млрд. лир. Создание этого банка было не только отражением третьей волны концентрации и централизации капитала, но и актом политики монополистического капитала, направленной на ограничение государственного влияния в кредитной сфере.

Особенностью концентрации и централизации банковского капитала является наличие наряду с открытыми и так называемых скрытых форм.

Наиболее типичные скрытые формы концентрации и централизации имеет кредитная система США. Здесь монополистические банки имеют относительно небольшую сеть филиалов (в сравнении, например, с Англией и ФРГ) и одновременно существует большое количество внешне самостоятельных банков. В настоящее время в США насчитывается около 14 тыс. коммерческих банков, тогда как в ФРГ сейчас 329, а в Англии 14 коммерческих банков. Вместе с тем в США у такого большого числа банков всего 17 тыс. филиалов, тогда как в Англии только «большая

четверка» располагает 13 тыс., а в ФРГ «большая тройка» имеет около 2 тыс. филиалов¹.

Наличие большого количества внешне самостоятельных мелких банков в США не означает, что банковские монополии лишены возможности господства во всей кредитной системе подобно многофилиальным банкам Западной Европы. Фактическое подчинение внешне самостоятельных банков банковским монополиям достигается через систему участия и систему корреспондентных связей. Так, «Чейз Манхэттен бэнк», имея всего 140 отделений, располагал в 1966 г. сетью банков-корреспондентов, превышающей 4 тыс. Таким образом, система участия и корреспондентных связей представляют собой скрытые формы концентрации и централизации банковского капитала.

3 Изменения в банковских операциях и связях банков с промышленностью

Исследуя новую роль банков в эпоху империализма, В. И. Ленин особое внимание уделил анализу банковских операций и их месту в процессе сращивания банковского и промышленного капитала. В этой связи он рассмотрел расчетные операции, привлечение вкладов и предоставление ссуд, эмиссию ценных бумаг и систему участия, личные унии. За истекшее после ленинского анализа время операции капиталистических банков претерпели существенные изменения. Эти новые моменты и являются предметом нашего рассмотрения.

Большое влияние на расчетные и прочие банковские операции оказала современная научно-техническая революция. Монополистические банки все в большем объеме внедряют для своих операций новое высокотехническое и дорогостоящее оборудование, непосильное многим обыкновенным банкам. Устанавливая мощное электронно-вычислительное оборудование, монополистические банки еще больше усиливают зависимость мелких банков-корреспондентов, выполняя для них расчетные и вычислительные операции, а также укрепляют связи с промышленным капиталом, расширяя для него сферу обслуживания, включая расчеты налогов, заработной платы и т. д.

За последние два десятилетия большие изменения произошли в характере привлеченных банками вкладов. Для большинства капиталистических стран характерны рост личных сбережений в

---

¹ «Federal Reserve Bulletin», September 1968, p. 19; «Monatsberichte der Deutschen Bundesbank», 1969, N 1, S. 32; «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 1, стр. 20.

послевоенный период и аккумуляция этих сбережений в кредитной системе. Рост личных сбережений в послевоенный период явился, во-первых, результатом увеличения доходов населения. Во-вторых, рост личных сбережений отражает увеличение доли сбережений в доходах в связи с изменениями в структуре потребления. Все больший удельный вес в семейных бюджетах населения занимают предметы длительного пользования, что обуславливает необходимость в дополнительных сбережениях. В-третьих, в ряде капиталистических стран большую роль играет государственная политика стимулирования сбережений (повышение процентных ставок по сберегательным вкладам, введение премий и налоговых льгот по вкладам и т. д.) с целью использования этих сбережений для финансирования капиталовложений.

Личные сбережения, являющиеся ныне важнейшим источником ссудного капитала, покрывают с середины 50-х годов во Франции и Японии около половины суммы чистых капиталовложений, в ФРГ — более половины, а в США — около $\frac{2}{3}$ ¹. Привлечение сбережений на сберегательные вклады стало сейчас не только одной из основных операций сберегательных касс, но и крупнейших коммерческих банков, которые длительное время считали такие операции «несолидными».

В активных операциях коммерческих банков и других звеньев кредитной системы наиболее существенным новым моментом является рост долгосрочного кредитования и расширение потребительского кредита.

Расширение долгосрочного кредита связано главным образом с развитием капиталоемких отраслей и военным потреблением государства, с расширением инфраструктуры, с урбанизацией, с ростом непродовольственной сферы и т. п.

Особого внимания заслуживает быстрый рост в послевоенный период потребительского кредита. Долгое время потребительский кредит не обращал на себя внимание банков и тем более банковских монополий. Практика продажи предметов потребления в кредит в Англии, Франции, Германии и США стала развиваться к концу XIX в. Однако в этих операциях банки обычно участия не принимали, а сам кредит такого рода носил эпизодический характер. Лишь в начале XX в. возникают специальные банки потребительского кредита, но их функции были весьма ограничены. По существу больших размеров потребительский кредит достиг в капиталистических странах только после второй мировой войны. Так, в США потребительская задолженность увеличилась с 5,7 млрд. долл. в 1945 г. до 99,2 млрд. долл. в 1967 г. В ФРГ потребительский кредит, начавшийся с нуля, достиг в июне 1968 г. 10,4 млрд. марок. На коммерческие банки США сейчас приходится

---

¹ См. «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах». М., 1967, стр. 167.

около 40 % всего потребительского кредита. В Западной Германии на долю коммерческих банков падает 22 % потребительского кредита. До второй мировой войны они почти не занимались таким кредитом. Важнейшими причинами быстрого роста потребительского кредита явились трудности реализации продукции, изменения структуры потребления, недостаточность платежеспособного спроса широких масс населения и прибыльность данного вида кредитов. Быстрый рост потребительского кредита в активных операциях крупных коммерческих банков — свидетельство продолжающегося процесса универсализации их деятельности.

В этом же направлении развиваются и их долгосрочные операции с промышленными и торговыми предприятиями. Сейчас стало обычным делом предоставление долгосрочных ссуд промышленности сроком до 10 лет. В 1966 г. долгосрочная задолженность промышленности и торговли крупнейшим нью-йоркским банкам достигла 12,2 млрд. долл. (краткосрочные кредиты на эту же дату составили 8 млрд. долл.).

Существенные изменения произошли с операциями по эмиссии ценных бумаг. Уже мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к тому, что в ряде стран, и прежде всего в США, а затем во Франции и в Италии, коммерческие банки перестали сами заниматься эмиссией ценных бумаг (акций и облигаций). Эти функции сосредоточились у инвестиционных банков, что свидетельствовало о развитии процессов специализации в банковском деле, которые сочетались с процессами универсализации. Лишь «большая тройка» немецких банков по сей день сосредоточивает непосредственно у себя и эмиссионную деятельность, привлекая другие банки лишь в организуемые и возглавляемые ими консорциумы по размещению ценных бумаг.

Особое внимание В. И. Ленина привлекла система участия, позволяющая путем скупки контрольного пакета акций фактически распоряжаться всем капиталом акционерного общества и принадлежащих ему предприятий¹. В настоящее время контрольный пакет акций составляет в среднем не более 20 %, а зачастую 5—10 %. Однако новые явления в системе участия этим не ограничиваются. Не менее важным является тот факт, что сейчас

---

¹ Монополистический банковский капитал совершенствует систему участия посредством холдингов, которым передаются контрольные пакеты акций принадлежащих ему предприятий. Холдинги имеют наибольшее распространение в США, но используются и в тех западноевропейских странах, где операции монополистических банков не носят универсального характера. Под контролем лишь официально зарегистрированных холдингов в США находятся в настоящее время 560 банков с 1800 отделениями и депозитами на сумму 41 млрд. долл.

монополистические банки все в большей мере используют чужие акции посредством трастовых операций.

Трастовое дело представляет собой управление банками имуществом клиента по доверенности и его хранение. Речь идет главным образом о ценных бумагах. Эти операции стали развиваться с 20-х годов нашего века, но наибольшего развития достигли лишь после второй мировой войны. Данные о трастовых операциях не отражаются в балансах банков. Между тем активы трастового отдела, например, американского «Чейз Манхэттен банк» в 4 раза превышают его балансовую сумму. По данным Американской ассоциации банкиров, в 1958 г. примерно 40% акций, находившихся под управлением банков по личным трастовым счетам, представляли вложения, по которым банки осуществляли ничем не ограниченные права (покупки и продажи, голосования на собраниях акционеров и т. п.).

Общая сумма депонированных в кредитной системе ФРГ ценных бумаг превышает половину суммы всех обращающихся в стране ценных бумаг; $\frac{2}{3}$ положенных на хранение и управление ценных бумаг приходится на коммерческие банки, причем подавляющая часть сосредоточена у «большой тройки». Последняя аккумулирует у себя более половины всех сданных на «депо» акций. Таким образом, монополистические банки зачастую формируют у себя контрольные пакеты акций, не затрачивая для этого своих собственных средств.

По-прежнему наиболее яркой формой связи банковского и промышленного капитала является личная уния. Новым моментом в личной унии банковского и промышленного капитала в послевоенный период для некоторых капиталистических стран является создание экономических советов при монополистических банках. Дело в том, что число членов правлений и наблюдательных советов ограничено и к тому же имеет тенденцию к сокращению. Приобретение таких мандатов — дело сложное. Процесс сращивания банков по линии личной унии требует более гибких и оперативных форм. Для этих целей в последнее десятилетие в ряде капиталистических стран при монопольных банках созданы экономические советы с большим числом членов. Это дает возможность монополистическим банкам привлекать, хотя бы и с правом совещательного голоса, представителей новых и быстро растущих промышленных и торговых концернов. Совещания и встречи представителей банковского и промышленного капитала в этих советах имеют немалое значение для укрепления связей внутри финансового капитала. Так, например, у крупнейшего монополистического банка ФРГ «Дойче банк» в подобного рода советах заседают 440 представителей промышленных концернов и государственного аппарата ¹.

¹ Deutsche Bank. «Geschäftsbericht für das Jahr 1965», S. 52—68.

4 Структурные изменения в кредитной системе

Кредитная система состоит не только из банков, но и из других кредитно-финансовых учреждений. Значение кредитно-финансовых учреждений в современной экономике капитализма существенно растет. Несмотря на усиление в ряде стран в послевоенный период тенденции к самофинансированию предприятий, кредитно-финансовые учреждения продолжают играть важную роль в финансировании производства. Высокие темпы обновления основного капитала, развитие отраслей, связанных с осуществлением научно-технической революции, послужили основными факторами усиления роли рынка ссудного капитала. Мобилизация денежного капитала идет в большой мере путем размещения акций и облигаций среди кредитно-финансовых учреждений, которые поглощают значительную часть послевоенных эмиссий ценных бумаг.

Монополистическая стадия капитализма обусловила появление и развитие ряда новых кредитно-финансовых институтов, которые начинают расти особенно бурно после кризиса 1929—1933 гг. Произошло разграничение функций между различными финансовыми институтами внутри кредитной системы капитализма. Быстро выросли и заняли важнейшие позиции на рынке ссудных капиталов страховые компании (в основном компании страхования жизни), пенсионные фонды, инвестиционные компании, ссудно-сберегательные ассоциации и другие специализированные учреждения. Они стали основным резервуаром долгосрочного капитала на денежном рынке, значительно потеснив в этой сфере коммерческие банки. Особенно больших масштабов деятельность рассматриваемых институтов достигла в США и Англии. Рост этих учреждений привел к глубоким изменениям в соотношении ресурсов основных кредитно-финансовых институтов, что можно проследить на примере США (см. табл. 10).

Аналогичная тенденция, выражающаяся в изменении соотношения ресурсов кредитно-финансовых учреждений, обнаружилась в послевоенный период также в ряде европейских стран. Кредитная система ФРГ в основном унаследовала структуру и функции кредитной системы, существовавшей до разгрома гитлеровской Германии. Вместе с тем существенный отпечаток на структуру и операции кредитной системы наложили особенности послевоенного развития государственно-монополистического капитализма ФРГ.

Наиболее быстрое развитие из всех звеньев кредитной системы показывают банки потребительского кредита, но в целом их роль в ФРГ еще значительно меньше, чем в США и Англии. Все более важную роль в кредитной сфере начинают играть страховые учреждения. В настоящее время активы страховых учреждений значительно выше уровня активов гроссбанков.

Таблица 10 Активы кредитно-финансовых учреждений США

Учреждения	1929 г.		1952 г.		1960 г.		1967 г.	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
Государственные учреждения	7,6	4,6	133,0	23,9	172,9	19,5	229,7	15,7
Федеральные резервные банки	5,5	3,3	51,9	9,3	53,0	6,0	72,0	4,9
Страховые и пенсионные фонды	1,5	0,9	48,5	8,7	70,2	7,9	86,3 ¹	5,9
Прочие	0,6	0,4	32,6	5,9	49,7	5,6	71,4 ²	4,9
Частные банки	76,2	45,5	192,1	34,6	264,2	29,6	466,3	31,8
Коммерческие банки	66,2	39,6	188,6	34,0	257,6	28,9	454,6	31,0
Инвестиционные банки	10,0	6,0	3,5	0,6	6,6	0,7	11,7 ¹	0,8
Страховая группа	23,5	14,1	100,7	18,1	190,7	21,4	302,8	20,6
Компании страхования жизни	17,5	10,5	73,4	13,2	119,7	13,4	177,2	12,1
Компании страхования имущества и от несчастных случаев	4,7	2,8	15,9	2,9	38,8	4,4	48,7 ¹	3,3
Пенсионные фонды	0,5	0,3	9,0	1,6	28,7	3,2	72,0	4,9
Прочие	0,8	0,5	2,4	0,4	3,5	0,4	4,9 ²	0,3
Сберегательная группа	17,3	10,3	49,2	8,8	117,7	13,2	222,9	15,2
Взаимо-сберегательные банки	9,9	5,9	25,2	4,5	40,6	4,6	66,4	4,5
Ссудно-сберегательные ассоциации	7,4	4,4	22,5	4,0	71,5	8,0	143,6	9,8
Кредитные союзы	—	—	1,5	0,3	5,6	0,6	12,9	0,9
Инвестиционные компании	3,0	1,8	6,1	1,1	23,5	2,6	61,4 ³	4,2
Специализированные кредитные учреждения	9,7	5,8	15,3	2,7	30,2	3,4	57,2	3,9
Финансовые компании	2,5	1,5	9,7	1,7	20,3	2,3	41,1 ¹	2,8
Прочие	7,2	4,3	5,6	1,0	9,9	1,1	16,1 ²	1,1
Трастовые отделы банков	30,0	17,9	60,0	10,8	91,4	10,3	127,0 ¹	8,6
Итого	167,3	100,0	556,4	100,0	890,6	100,0	1467,3	100,0

Примечания:

1. Рассчитано на базе среднегодовых темпов за период 1952—1965 гг.

2. Рассчитано на базе среднегодовых темпов за период 1952—1960 гг.

3. Рассчитано на базе среднегодовых темпов за период 1955—1965 гг.

Источники: R. W. Goldsmith. Financial Intermediaries in the American Economy since 1900. Princeton, 1958, p. 61; А. В. Амикин. Кредитная система современного капитализма. М., 1964, стр. 86—87; «Statistical Abstract of the United States, 1968», p. 444, 448, 450, 290, 441; R. W. Goldsmith. Financial Institutions. New York, 1968, p. 14, 43; «Деньги и кредит», 1967, № 2, стр. 86.

Таблица 11 Активы кредитно-финансовых учреждений ФРГ

Учреждения	1956 г.		1968 г.	
	млрд. западногерманских марок	%	млрд. западногерманских марок	%
Немецкий федеральный банк	30,6	17,13	61,2	7,5
Коммерческие банки	37,0	20,7	149,0	18,2
Сберегательные кассы	36,2	20,31	196,5	24,0
Ипотечные банки	16,2	9,1	101,7	12,4
Специальные кредитные учреждения	18,8	10,5	57,3	7,0
Банки потребительского кредита . .	1,6	0,9	6,0	0,7
Кредитные товарищества	7,3	4,1	45,8	5,6
Страховые компании	13,4	7,51	69,2	8,5
Инвестиционные компании	0,1	0,01	5,0	0,6
Прочие	17,4	9,74	127,2	15,5
Итого	178,6	100,0	818,9	100,0

Рассчитано по: «Monatsberichte der Deutschen Bundesbank», 1960, N 7, S. 88—89, 104—115, 128, 132—133; 1967, N 5, S. 8*, 22*, 33*, 48*.

В довоенные и послевоенные годы заметно упал удельный вес коммерческих банков в совокупных активах кредитно-финансовых учреждений. В то же время доля страховых компаний, пенсионных фондов и инвестиционных компаний значительно выросла. При этом следует подчеркнуть, что падение удельного веса коммерческих банков не означает, что их роль в экономике уменьшилась. Они продолжают осуществлять важнейшие функции кредитной системы: депозитно-чековую эмиссию, коммерческий кредит, краткосрочное финансирование и определенную часть долгосрочного финансирования.

Структурные сдвиги в кредитной системе определяются не только изменениями в соотношении ресурсов кредитных институтов, а прежде всего эволюцией роли отдельных кредитно-финансовых учреждений в финансировании экономики. Развитие страховых компаний, пенсионных фондов и инвестиционных компаний в значительной степени расширяет границы использования частного кредита для процесса расширенного воспроизводства.

В главных капиталистических странах получили большое развитие страховые компании, которые превратились в важнейший канал аккумуляции денежных сбережений населения и финансирования экономики. В страховом деле существует высокая концентрация и централизация капитала¹. Гигантских размеров достигли компании страхования жизни в США.

¹ В 1967 г. в США на 10 компаний страхования жизни приходилось 58,8% всех активов; в Англии в

В послевоенные годы компании страхования жизни стали играть ведущую роль в долгосрочном финансировании. В США они сосредоточили 70% облигаций нефинансовых корпораций, в Канаде — свыше 40%. В ФРГ страховым обществам принадлежит около 25% всего портфеля ценных бумаг. Это характерная тенденция развития для большинства развитых капиталистических стран.

Усиление роли компаний страхования жизни в финансировании промышленности было вызвано огромными масштабами обновления основного капитала, структурными изменениями в сфере производства и расширением производственных мощностей. Воздействие этих факторов создало у промышленных корпораций большую потребность в получении долгосрочных капиталов извне. В США и Канаде приток ссудного капитала осуществлялся в большей степени за счет эмиссий акций и облигаций; во Франции, ФРГ, Англии и Италии преобладало прямое кредитование банками промышленных корпораций.

Экспансия компаний страхования жизни на рынке ссудных капиталов привела к изменению в структуре их активов. В довоенный период свои денежные фонды они направляли в основном в государственные ценные бумаги, облигации железнодорожных компаний, ипотечные займы, ссуды под полисы. В послевоенные годы основной сферой приложения капитала стали облигации и акции промышленных корпораций¹. Одновременно компании страхования жизни расширили портфель ипотечных займов, используемых для финансирования коммерческого и жилищного строительства. В значительной степени изменение сфер приложения капитала страховых компаний было обусловлено более высокой доходностью облигаций и акций промышленных корпораций, а также ипотечных займов.

Основное внимание страховые общества сосредоточили на финансировании крупнейших корпораций в области промышленности, транспорта и торговли. Большую часть ссудного капитала, вкладываемого в промышленность, страховые компании направляют в отрасли с высокими темпами роста и интенсивным развитием (химическая, нефтяная, нефтеперерабатывающая, электронная, машиностроительная). Облигации этих отраслей составляют 25% всего портфеля облигаций компаний страхования жизни США.

начале 60-х годов 10 компаний владело 56,5% совокупных активов страховых обществ; в 1966 г. в Канаде 82,7% активов всех компаний страхования жизни принадлежало девяти фирмам.

¹ В США и Канаде акции и облигации промышленных корпораций составляют 30% совокупных активов компаний страхования жизни, в Англии — 40%; в ФРГ долгосрочный кредит составляет 30% активов страховых компаний.

В послевоенное время быстро растут и развиваются пенсионные фонды, создаваемые промышленными, транспортными и торговыми корпорациями. Появление пенсионных фондов вызвано главным образом сложными социальными явлениями, и прежде всего борьбой рабочего класса за улучшение своего экономического положения. Неудовлетворительное положение в системе государственного социального обеспечения заставило крупные корпорации под давлением движения рабочих пойти на создание пенсионных фондов. Однако при организации таких учреждений монополии преследуют вполне определенные цели: во-первых, они укрывают прибыли, так как их взносы в пенсионные фонды не облагаются налогами; во-вторых, это дает возможность корпорациям привязывать к себе квалифицированную рабочую силу. Кроме того, накопление в пенсионных фондах огромной массы денежного капитала укрепляет позиции самих корпораций.

Основная часть ресурсов пенсионных фондов сосредоточена среди небольшого числа старейших фондов, созданных наиболее крупными корпорациями¹. Пенсионные фонды вкладывают свои накопленные денежные резервы в облигации и акции частных предприятий, в ценные бумаги государства, осуществляя таким образом финансирование экономики и государства. Главной сферой приложения капитала пенсионных фондов служат обыкновенные акции. В США они составляют 44% активов пенсионных фондов, в Англии — 48%. Большой удельный вес занимают в активах пенсионных фондов также облигации корпораций. Огромный приток ссудного капитала они направляют в промышленность, осуществляя в основном финансирование высокомонополизированных отраслей.

Пенсионные фонды представляют собой новую форму господства монополистического капитала над промышленностью и другими отраслями экономики. Они юридически отделены от корпораций, которые их создают, и по доверенности последних управляются коммерческими банками. Однако, несмотря на это, деятельность пенсионных фондов направляется корпорациями. Через пенсионные фонды в системе финансового капитала в послевоен-

---

¹ В США активы 10 крупнейших фондов, которые составляют 0,05% общего числа, превышают пятую часть резервов всех частных пенсионных фондов США. В число этих фондов входят фонды «Америкэн телефон энд телеграф», «Юнайтед стейтс стил», «Дженерал моторз», «Дженерал электрик». Активы каждого из этих фондов превышают 1 млрд. долл.; в Англии на пенсионные фонды с активами свыше 25 млн. ф. ст. в 1964 г. приходилось почти 50% совокупных активов фондов («Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 294; «Board of Trade Journal», July 9, 1965, p. 84).

нос время развивается новая форма связи между промышленными и банковскими монополиями.

Большое значение в послевоенные годы приобрели инвестиционные компании. Они выполняют роль промежуточного звена между индивидуальным денежным капиталом и корпорациями, функционирующими в промышленности, торговле и транспорте. Инвестиционные компании привлекают денежные средства путем выпуска и продажи собственных акций. Аккумулированный капитал вкладывается ими в ценные бумаги частных корпораций.

Инвестиционные компании делятся на два типа: инвестиционные компании открытого типа (в США называемые «взаимные фонды») и инвестиционные компании закрытого типа. Инвестиционные компании отличаются от сберегательных учреждений тем, что их сбережения изменяются в зависимости от колебаний фиктивного капитала. Повышение цены на акции, которыми владеет компания, приводит к росту курса ее собственных акций. Наиболее четкая зависимость от колебаний курсов акций существует у «взаимных фондов», которые покупают свои акции у держателей по чистой балансовой стоимости. Она представляет собой по существу рыночную стоимость всех ценных бумаг в расчете на одну собственную акцию компании. Курс акций инвестиционных компаний зависит от структуры портфеля ценных бумаг и его рыночной стоимости. Взаимные фонды продают свои акции с надбавкой против чистой балансовой стоимости. Наоборот, компании закрытого типа имеют фиксированную структуру своего акционерного капитала, куда наряду с обыкновенными акциями входят привилегированные акции и облигации. Они не продают свои акции свободно и не покупают их по чистой балансовой стоимости. Их акции котируются как на бирже, так и вне ее.

Этот кредитный институт получил наибольшее распространение в США, Канаде, Англии и Японии. Большое значение он приобретает сейчас в ФРГ. Степень концентрации среди инвестиционных компаний довольно высока¹. Основной сферой приложения капитала инвестиционных компаний, так же как и пенсионных фондов, служат акции корпораций. Около 80% активов инвестиционных компаний составляют обыкновенные акции.

Другой важной чертой современной кредитной системы является развитие институтов, специализирующихся на аккумуляции сбережений населения и вложении денежного капитала в основном в финансирование коммерческого и жилищного строительства. К таким институтам в США относятся ссудно-сберегательные ассоциации, в европейских странах — ипотечные банки, строительные общества и сберегательные кассы.

---

¹ В США в 1965 г. 25 компаний владели 70,9% активов инвестиционных компаний. В ФРГ на пять компаний приходилось 90% всех активов инвестиционных компаний.

Вместе с компаниями страхования жизни эти учреждения по существу монополизировали предоставление ипотечных займов и финансирование конечного потребления населения. В активах американских ссудно-сберегательных ассоциаций ипотечные займы составляют 80 %, в английских строительных обществах — 80 и в сберегательных кассах ФРГ — свыше 30 %.

Разветвленная и многообразная система кредитно-финансовых учреждений свойственна высшей стадии капитализма. Новые кредитные институты вырастают и развиваются значительно позже, чем банковая система. Структурные изменения в кредитной системе обостряют конкурентную борьбу не только между «новыми» и «старыми» кредитными институтами, но также и в самой сфере деятельности специализированных кредитных институтов.

Одним из важнейших сдвигов в структуре капиталистического кредита в условиях господства монополий является известное разделение функций между коммерческими банками, предоставляющими в основном краткосрочный и среднесрочный кредиты, и специализированными учреждениями (страховыми компаниями, пенсионными фондами, инвестиционными компаниями), производящими долгосрочное финансирование промышленности.

В области предоставления ипотечных займов компании страхования жизни конкурируют с ссудно-сберегательными ассоциациями, строительными обществами, сберегательными кассами; пенсионные фонды и инвестиционные компании ведут борьбу между собой на рынке ценных бумаг при покупке обыкновенных акций.

В условиях, когда сбережения населения, особенно долгосрочные, стали источником финансирования расширения производства, борьба между различными финансовыми институтами за их привлечение все больше и больше обостряется.

Специализированные кредитные институты все чаще приобретают ценные бумаги прямо у корпораций, минуя посредничество инвестиционных банков, дилеров и брокерских фирм. В результате появления новых форм деятельности на рынке ценных бумаг связи между страховыми компаниями, пенсионными фондами и инвестиционными компаниями и промышленными и другими монополиями становятся все более тесными, что способствует развитию и росту экономической мощи финансового капитала в целом.

5 Аккумуляция сбережений

Кредитная система осуществляет важнейшую функцию аккумуляции накоплений предприятий и государства, а также сбережений населения.

Благодаря этому кредитные институты расширяют рамки финансирования предприятий за пределы прибавочной стоимости.

Особенно важное значение приобретают в послевоенный период аккумуляция сбережений населения в кредитной системе и предоставление этих сбережений монополистическому капиталу для инвестиционных целей.

Между нормой личного накопления (сбережения населения) и нормой накопления применительно ко всему капиталистическому хозяйству существует определенная связь. Высокая норма личного сбережения в послевоенный период в развитых капиталистических странах была одним из важных факторов, обеспечивающих относительно высокую норму накопления, особенно в таких странах, как Япония и ФРГ¹.

Аккумуляция денежных сбережений населения происходит в двух основных формах: через прямую продажу населению ценных бумаг и через аккумуляцию вкладов, взносов, резервов и т. д. различными кредитно-финансовыми институтами. Население помещает свои денежные сбережения в акции и облигации частных корпораций, а также ценные бумаги, выпускаемые государством. В довоенные годы в капиталистических странах приобретение ценных бумаг явилось наиболее распространенной формой аккумуляции денежных сбережений, особенно для крупной и средней буржуазии, рантье и других зажиточных слоев населения. В послевоенные годы роль накопления в форме ценных бумаг значительно уменьшилась.

В свою очередь аккумуляция сбережений через кредитную систему начала приобретать все большее значение в последние 20 лет. Здесь накопление осуществляется дифференцированно по типам кредитных учреждений: 1) бумажные деньги, банкноты, вклады на текущих счетах в банках; 2) сберегательные вклады в банках, сберегательных кассах и специализированных сберегательных учреждениях; 3) резервы частных страховых компаний и пенсионных фондов корпораций; 4) резервы государственных учреждений по социальному обеспечению и страхованию.

- Различие в формах аккумуляции сбережений имеет весьма важное экономическое и социальное значение.

Сберегательные вклады в банках, сберкассах и других кредитных институтах в послевоенные годы превращаются в важнейший источник накопления денежного капитала, особенно в тех странах, где страховое дело не получило столь широкого развития, а рынок ценных бумаг восстанавливался довольно медленными темпами (Франция, ФРГ, Япония, Италия).

В Западной Европе сберегательные учреждения почти полностью находятся в руках государства. В послевоенные годы произошло усиление роли государства в аккумуляции сбережений населения, что представляет собой одну из важнейших тенденций.

---

¹ См. подробнее «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах», стр. 167—168.

В США, Канаде и Англии сберегательная система продолжает в большей мере оставаться в сфере частного капитала, хотя в послевоенные годы в Англии получили широкое распространение сберегательные учреждения, созданные на кооперативных началах, а также государственные. После кризиса 30-х годов здесь усилилось государственное регулирование. За счет сберегательных вкладов частных и государственных кредитных учреждений осуществляется финансирование капиталовложений в промышленность, другие сферы хозяйства, а также расходов государства. Приток денежных сбережений в сберегательные учреждения стимулировался высоким процентом по вкладам. В послевоенные годы в развитых капиталистических странах в среднем процент по вкладам составлял 3—4% годовых, а по некоторым видам долгосрочных вкладов — 5% и даже выше.

Другой важнейшей формой накопления денежного капитала является страховое и пенсионное дело, которое по своим масштабам мало уступает сберегательному делу, а в ряде случаев даже превосходит его¹. Для развития страхового дела, так же как и для сберегательного, важнейшим условием служит относительная устойчивость денежного обращения и покупательной способности денег.

Наибольшее значение представляет страхование жизни, в котором важное место отводится долгосрочным контрактам. Они могут заключаться на 5, 10, 20 и более лет. Долгосрочные контракты, а также формы коллективного накопления (групповое страхование) представляют собой долгосрочное накопление денежного капитала. Страховые взносы, поступающие в течение длительного периода, накапливаются в резервах страховых компаний и пенсионных фондов.

Страховые компании и пенсионные фонды активно формируют страховой фонд экономики, который приобретает все большую роль в процессе расширенного воспроизводства и служит тем резервуаром, откуда монополистический капитал черпает денежные ресурсы.

Одной из главных причин развития системы частного страхования является неуверенность трудящихся масс в своем экономическом положении, что заставляет их откладывать на «черный день» часть своих доходов в виде страховых взносов. Население вынуждено прибегать к услугам частных страховых компаний также вследствие неудовлетворительного положения в системе

---

¹ Наиболее сильно страхование жизни развито в США, Канаде, Англии, Австралии. Об этом свидетельствует отношение страховой суммы к национальному доходу: в 1965 г. оно составило в США 160%, в Канаде — 191, в Англии — 87, в Австралии — 92% («Life Insurance Fact Book». New York, 1967, p. 104).

государственного страхования и обеспечения. Страховые монополии оказывают воздействие на клиентуру, предлагая большое количество различных видов и типов страхования. Используя различные объективные и субъективные факторы, страховым монополиям удалось охватить личным страхованием большую часть населения.

В настоящее время страховые компании и пенсионные фонды служат уже не пассивными собирателями сбережений, а активными инструментами формирования и накопления денежного капитала. Эти учреждения создают жесткие условия поступления взносов, в результате чего отказ клиента от оплаты будущих взносов влечет определенные денежные потери. Доля дохода, сберегаемая в форме страховых и пенсионных взносов, в большинстве случаев мало зависит от уровня дохода. Страховые монополии и пенсионные фонды создали такую обстановку, что наличие страхового полиса или пенсионного обеспечения стало критерием, определяющим социальный статус населения. Отсутствие их у той или иной части населения низводит ее до уровня более низкой социальной категории.

Важнейшей особенностью послевоенных лет служит падение роли ценных бумаг в процессах аккумуляции сбережений. Особенно это характерно для Западной Европы, где рынок ценных бумаг был сильно расстроен инфляцией и кризисом 30-х годов, а его восстановление шло замедленными темпами. Поэтому сбережения различных социальных слоев были переориентированы на специализированные кредитные институты. Кроме того, рост самофинансирования и предложения денежного капитала со стороны кредитных институтов (особенно страховых и пенсионных фондов) заставили корпорации уменьшить размещение акций и облигаций среди населения.

Однако в главных капиталистических странах в последние 20 лет аккумуляция сбережений через ценные бумаги продолжает занимать видное место. В накоплении денежного капитала через эмиссию акций важная роль отводится инвестиционным компаниям, которые привлекают сбережения относительно мелкого инвестора. Это главным образом представители мелкой буржуазии и сравнительно хорошо оплачиваемые рабочие и служащие. Зажиточные слои населения, однако, продолжают вкладывать свои денежные средства в ценные бумаги крупных промышленных, транспортных и торговых корпораций.

Захват монополистической буржуазией всей системы накопления означает, что сбережения широких масс населения направляются для укрепления враждебной им общественной силы — финансового капитала. В результате этого цементируется классовая сила финансовой олигархии, эксплуатирующей подавляющую часть трудящихся.

В общей системе рычагов государственной экономической политики (государственная собственность, финансы, кредит, программирование и т. д.) одно из видных мест отведено кредитной системе. В настоящее время государственное вмешательство в кредитную сферу осуществляется по следующим основным направлениям: усиление государственного сектора в кредитной системе; использование государственных средств, привлеченных кредитной системой (государство в роли должника); предоставление государством кредитов (государство в роли кредитора); денежно-кредитная политика центральных банков¹.

В послевоенный период в целом ряде капиталистических стран значительно расширился государственный сектор в кредитной сфере. Прежде всего это коснулось центральных эмиссионных банков. В некоторых капиталистических странах, прежде всего в Италии и Франции, национализация коснулась не только эмиссионных банков, но и коммерческих и ряда других банков². В Италии и Франции на долю государственных и полугосударственных кредитных учреждений приходится подавляющая часть активов всей кредитной системы. В ФРГ и США усиление государственного сектора происходит главным образом путем создания новых учреждений и усиления прежних государственных институтов. В Западной Германии на долю государственного сектора в кредитной сфере приходится половина всех активов.

Государство в роли должника — явление хорошо известное, имеющее давнюю историю. Государство же в роли кредитора — явление сравнительно новое, относящееся отчасти к периоду мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., но в основном к периоду после второй мировой войны. Государственные кредиты направляются главным образом в отрасли, которые с точки зрения частного монополистического капитала недостаточно рентабельны, но необходимы для существования капиталистического строя в целом. Такими отраслями являются жилищное строительство, сельское хозяйство, различные объекты инфраструктуры. В США в послевоенный период около половины государственных кредитов получило сельское хозяйство, почти столько же — жилищное строительство и лишь несколько процентов пришлось на промышленные предприятия. В ФРГ жилищное строительство

---

¹ Анализ денежно-кредитной политики и кредитного регулирования дан в главе XIX. Здесь отмечаются лишь некоторые новые моменты.

² После второй мировой войны в ряде капиталистических стран возникли специальные государственные банки для долгосрочного кредитования различных отраслей хозяйства в рамках государственных программ.

получило тоже около половины государственных кредитов, сельское хозяйство — около $\frac{1}{7}$, промышленность и транспорт — приблизительно $\frac{1}{10}$, а остальное было предоставлено прочим отраслям инфраструктуры.

Важнейшим орудием кредитного регулирования экономического развития при капитализме выступает денежно-кредитная политика государственных центральных банков. Исторически раньше других форм возникла учетная политика, затем в 20—30-е годы начинают проводиться операции на открытом рынке. Операции на открытом рынке играют значительную роль в англосаксонских странах. Что же касается континентальной Западной Европы, то здесь они получили распространение лишь после второй мировой войны.

Недостаточность эффективности учетной политики издавна побуждает к поискам новых форм. К числу таких новых форм относится регулирование норм обязательных резервов. Дискуссии о нормах обязательных резервов велись еще до первой мировой войны в ряде капиталистических стран. Формальную основу для этого дал акт о федеральной резервной системе в США в 1913 г. Аналогичные права получил и Рейхсбанк в Германии в 1934 г. Однако на практике политика регулирования резервов до второй мировой войны по существу не проводилась. После второй мировой войны регулирование минимальных резервов занимает видное место в кредитной политике капиталистических стран. К этой форме кредитной политики сейчас прибегают центральные банки 40 стран.

В ряде капиталистических стран, например во Франции и Италии, центральные банки имеют право проводить политику кредитного контингентирования (лимитирования) для отдельных звеньев кредитной системы или по отдельным видам кредитов.

Глава IX   Финансовый капитал и финансовая олигархия

Эпоха домонополистического капитализма характеризовалась господством промышленного капитала. Основные экономические ресурсы и решающие позиции были сосредоточены в руках промышленной буржуазии. В эпоху империализма господствующей силой становится финансовый капитал, командные высоты экономики оказываются в руках крупнейших монополистов, капиталы которых помещены не только в промышленности, но и в банковской системе, страховом деле, в торговле — во всех областях капиталистического хозяйства. Переход от господства капитала вообще к господству финансового капитала произошел в резуль-

тате образования монополий как в промышленности, так и в банковском деле, в результате сращивания их капиталов.

В современной буржуазной литературе преобладают утверждения, что финансовый капитал размывается новейшими процессами в области накопления, что финансово-олигархические группы, будто бы уже не существующие, представляли собой лишь преходящее явление ранней стадии монополизации, что финансовая олигархия ликвидирована «революцией управляющих».

Подобные утверждения в корне противоречат действительности, служат материалом для обоснования концепций «трансформации» капитализма, «демократизации капитала», «изменения структуры собственности», «единого индустриального общества», конвергенции противоположных социально-экономических систем.

1 Современные формы слияния промышленного и банковского капитала

Учение В. И. Ленина о финансовом капитале является ярким примером творческого развития марксистской экономической теории. В основе этого учения лежит анализ К. Маркса о сущности капитала.

Раскрывая законы обращения капитала, К. Маркс показал, что в ходе своего кругооборота промышленный капитал последовательно приобретает и сбрасывает с себя обличия денежного, производительного и товарного капитала. Эта метаморфоза является жизненно необходимым для капитала диалектическим процессом его самодвижения, самовозрастания. Однако единство этих трех форм движения промышленного капитала не только не исключает, но, наоборот, предполагает выделение, обособление денежного капитала в ссудный капитал и товарного капитала — в торговый капитал.

В эпоху домонополистического капитализма происходит функциональное обособление указанных форм капитала, которые становятся самостоятельными сферами приложения капитала. Соответственно этому определяется и специфическое для этой эпохи деление прибавочной стоимости между промышленными, торговыми и ссудными капиталистами. Промышленный капиталист присваивает прибавочную стоимость в виде предпринимательского дохода, торговый капиталист — в виде торговой прибыли, формой дохода ссудного капиталиста является процент. Движение кредита приводит к образованию фиктивного капитала. В отличие от реального капитала фиктивный капитал представлен не материальными ценностями, имеющими стоимость, но ценными бумагами — акциями и облигациями, «стоимость» которых иррацио-

нальна, так как выражает лишь отношение между доходом по ценным бумагам и господствующей нормой ссудного процента. Фиктивный капитал постепенно становится главной формой богатств верхушки капиталистического класса.

Весьма важное значение имеет и правильное понимание категорий промышленного и банковского капитала. К. Маркс неоднократно указывал, что под промышленным капиталом он имеет в виду не только капитал, вложенный в собственно обрабатывающую и добывающую промышленность, но и в другие сферы материального производства — сельское хозяйство, транспорт, связь. Нельзя также ограничивать категорию банковского капитала лишь капиталом, вложенным в коммерческие банки. В широком смысле слова ее можно распространять на всю сферу капиталистических предприятий, в разных формах осуществляющих движение ссудного капитала, — страховые общества, инвестиционные банки, сберегательные кассы и т. д.

По определению В. И. Ленина, «финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников...»; «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»¹. Таким образом, понятие финансового капитала включает два основных элемента: во-первых, наличие промышленных и банковских монополий, выросших вследствие высокой степени концентрации производства и капитала; во-вторых, слияние или сращивание этих монополий и их капиталов. В каких формах происходит слияние или сращивание банковских и промышленных монополий?

Слияние означает взаимопоглощение, взаимоврастание разнородных явлений и образование на этой основе качественно нового явления. Сращивание также предполагает органическое объединение разнородных элементов, но с сохранением за каждым из них существенных прежних качественных свойств.

Слияние банковской монополии с промышленной предполагает их организационное объединение в одну монополию. Это достигается, например, либо в форме концерна, где в собственности одной держательской компании находятся одновременно промышленные предприятия, коммерческие банки, страховые компании и т. д., либо в форме скупки промышленного предприятия банком или банка промышленным предприятием.

Сращивание банковской монополии с промышленной достигается без их организационного объединения в одну монополию, но путем тесного союза, скрепленного финансовыми связями, общностью крупных акционеров, личной уний руководства и т. д. Это

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386, 344.

более гибкая и более распространенная (по крайней мере в США) форма образований финансового капитала.

Слияние банковского и промышленного капитала в условиях господства монополий означает их превращение в составные части новой, наивысшей и наиболее абстрактной формы проявления капитала. Ясно, что ни действительный капитал, вложенный в промышленность, ни действительный капитал, вложенный в банковское дело, не могут взаимопоглотиться и взаимораствориться друг в друге. Такое слияние может произойти лишь в сфере фиктивного капитала, который отражает движение действительного капитала лишь в конечном счете, но имеет и свое собственное независимое существование. Акция или облигация банка принципиально не отличается от акции или облигации промышленного предприятия. В ценных бумагах различия между формами действительного капитала стерты.

Фиктивный капитал создает лишь возможность слияния банковского и промышленного капитала, но он не тождествен финансовому капиталу. Последний основан на монополизации фиктивного капитала, т. е. на концентрации его в руках небольшого числа магнатов, которая дает им возможность одновременно контролировать как банковские, так и промышленные предприятия. Разумеется, высокая степень концентрации фиктивного капитала отражает высокую степень концентрации производства и банковского дела. С другой стороны, владея лишь частью фиктивного капитала общества, монополистические магнаты распоряжаются подавляющей частью действительного капитала.

Слияние банковского и промышленного капитала достигается прежде всего с точки зрения индивидуального владельца фиктивного капитала, для которого безразлично, во что вложены его деньги, лишь бы они приносили соответствующий доход. Но слияние заключается также и в том, что монополизированный фиктивный капитал почти всегда состоит из таких ценных бумаг, которые проходят через руки банкира раньше, чем они попадают к своему владельцу, и которыми банкир управляет также после того, как они нашли владельца.

Кроме того, часть акций и облигаций промышленных монополий находится в прямой собственности банков.

Если с точки зрения индивидуальных владельцев монополизированного фиктивного капитала достигается полное слияние в их ценных бумагах банковского и промышленного капитала, то с точки зрения действительного воспроизводства и обращения всего общественного капитала банковский и промышленный капитал сохраняют свое автономное существование. Оборот каждого из них совершается по своей особой специфической формуле, которая не меняется от того, что оба капитала имеют одинакового владельца.

Многообразие форм и сложность процесса образования финансового капитала чрезвычайно важны для понимания его подлинной природы, для разоблачения односторонней и узкой трактовки, характерной для ревизионистских и буржуазных концепций. В свое время В. И. Ленин указал на недостаточность и принципиальную неправильность определения финансового капитала, данного Гильфердингом, как «капитала, находящегося в распоряжении банков и применяемого промышленниками»¹. Современные буржуазные и реформистские экономисты до сих пор используют это определение для доказательства «отмирания» финансового капитала. Их подтасовка заключается в том, что сначала марксизму-ленинизму приписывается идея Гильфердинга о «засилье банков в промышленности», о «возрастании доли банковского капитала в промышленности», а затем под видом опровержения марксизма опровергается лишь концепция Гильфердинга.

Но марксизм-ленинизм понимает под образованием финансового капитала всю совокупность процессов слияния и сращивания банковских и промышленных монополий. Поэтому ревизионистская и буржуазная критика марксизма по этому вопросу бьет мимо цели, избочивая ее авторов либо в невежестве, либо в недобросовестности.

Рассмотрим основные формы слияния и сращивания банковских и промышленных монополий в империалистических странах (с определенными поправками этот анализ применим и к некоторым развивающимся странам, где имеется собственная монополистическая буржуазия).

Система участия. Все современные банковские монополии владеют или управляют акциями промышленных компаний. Например, в США, согласно данным переписи нью-йоркской фондовой биржи на начало 1962 г., на долю кредитно-банковских учреждений, коммерческих и инвестиционных банков, страховых компаний, инвестиционных компаний, благотворительных фондов, брокерских фирм и т. д. приходилось 44% стоимости всех промышленных акций, находящихся в обращении, тогда как в начале 50-х годов они владели или управляли лишь третью таких акций. Эта высокая концентрация достигнута, несмотря на то что американское законодательство ограничивает покупку акций лишь компаниями страхования имущества, пенсионными, инвестиционными и благотворительными фондами. Приобретение акций другими учреждениями ограничено в различной мере и форме. Эти юридические препятствия не мешают, однако, коммерческим банкам через свои «траст-отделы» управлять на доверительных началах пакетами акций, принадлежащих индивидуальным акцио-

---

¹ Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 1959, стр. 301.

нерам, главным образом крупным собственникам из среды монополистической буржуазии. Такое управление не является пассивным, так как банки по большей части получают право голосовать по акциям, а также совершать с ними сделки по своему усмотрению.

Приобретение акций банковских учреждений промышленными компаниями также практикуется, однако это встречается значительно реже. Более важен факт одновременного владения акциями банков и промышленных фирм одними и теми же лицами и учреждениями. Это легко обнаружить, анализируя активы «траст-отделов» ведущих коммерческих банков. Распоряжаясь огромными массами фиктивного капитала промышленных компаний, они в то же время сосредоточили у себя крупные пакеты собственных акций и акций других банков.

Но далеко не все миллионеры доверяют свои состояния банкам. В империалистических странах широко распространены и так называемые семейные холдинги, в которых закрепляется контроль одновременно над банками и промышленными фирмами. В прошлом одной из наиболее распространенных форм был публичный холдинг, владевший пакетами акций как промышленных, так и банковских фирм; ряд таких компаний в США потерпел банкротство во время кризиса 30-х годов, и теперь они встречаются редко. Однако в Западной Европе этот тип все еще применяется довольно широко.

Долговременные связи. Следует решительно отвергнуть идею, распространяемую буржуазными авторами, о том, что владение облигациями, выдача денежных ссуд, размещение ценных бумаг и другие формы «услуг», оказываемых промышленностью банками, не связаны с взаимным контролем. Хотя в подавляющем большинстве случаев только акции дают своим владельцам формальное право голоса в делах предприятия, другие формы долговременных финансовых связей играют подчас не меньшую, а даже большую роль в сращивании промышленных и банковских монополий. В США, например, выпуск облигаций частными корпорациями в послевоенный период втрое превысил выпуск ими акций. Свыше 80% таких облигаций принадлежит страховым компаниям, пенсионным фондам, коммерческим и сберегательным банкам. При получении облигационных займов промышленные компании берут на себя обязательства, означающие иногда установление финансовой опеки со стороны кредитора и — в случае нарушения срока погашения — установление прямого контроля. Аналогичные последствия имеют и долгосрочные ссуды, предоставляемые банкам, страховым компаниям и другим промышленным концернам.

Долговременные финансовые связи образуются, однако, не только в связи с какими-либо конкретными кредитными актами, но также и в повседневном общении банковского и промышленного

звеньев финансового капитала. Значительная часть депозитов ведущих банков образуется за счет свободных текущих средств промышленных концернов. В свою очередь банки служат резервом ссудного капитала для гигантских корпораций, имеющих от банков количественно определенные гарантии кредитования (так называемые кредитные лимиты). Банки осуществляют многие финансовые операции промышленных концернов, выполняют их многочисленные поручения в самых различных областях предпринимательской деятельности, являются источником информации о делах различных фирм, посредниками при реорганизациях, купле-продаже предприятий, управляют их пенсионными фондами, выплачивают дивиденды по их акциям и т. д. Промышленные концерны пользуются услугами многочисленных банков, но для каждого концерна какой-то один банк является головным: на нем лежит главная ответственность за организацию финансового обслуживания данной фирмы.

Результатом переплетения капитала монополий в банковской сфере и промышленности, а также их долговременных финансовых связей является личная уния, т. е. взаимное персональное представительство банкиров в руководящих органах промышленных компаний и наоборот. Личная уния подкрепляет кредитные связи и систему участия, являясь важным цементирующим материалом в здании финансового капитала.

Подсчеты показывают (данные середины 60-х годов), что 140 ведущих промышленных и транспортных компаний США имеют более 500 общих директоров с 40 крупнейшими коммерческими банками страны, свыше 80 общих директоров с 20 крупнейшими инвестиционными банками, около 180 — с 30 крупнейшими страховыми обществами. Четыре наиболее крупных коммерческих банка Нью-Йорка имеют общих директоров приблизительно с 600 другими фирмами, в том числе с 300 промышленными обществами. Личная уния связывает между собой и различные банковские монополии. На этой основе образуются мощные банковские группы.

В последние годы буржуазные экономисты повели новое наступление на марксистско-ленинское учение о финансовом капитале, используя данные о росте самофинансирования, т. е. удельного веса капитальных вложений, финансируемых за счет амортизационных отчислений и нераспределенной прибыли. После второй мировой войны доля внутренних накоплений промышленных монополий в финансировании их капитальных вложений возросла, тогда как удельный вес внешнего финансирования (банковский кредит, выпуск ценных бумаг и т. д.) снизился.

Буржуазные экономисты утверждают, что рост самофинансирования ведет к сокращению связей банков и промышленности,

к постепенному отмиранию финансового капитала. Но это неверно. Промышленные монополии не могут вовсе обойтись без внешнего финансирования, так как им, как и всякому капиталистическому предприятию, органически присуще стремление выйти за границы собственных денежных накоплений. Сама организация современного крупного капиталистического производства в форме акционерных обществ предполагает его постоянную связь с рынком денежных капиталов. Банки, страховые общества, пенсионные фонды сосредоточивают у себя все большую долю акций и облигаций промышленных компаний даже в те периоды, когда выпуск фиктивного капитала абсолютно сокращается. Характерный факт: в 1945—1955 гг., когда доля внешнего финансирования американских монополий была меньше, чем в 1923—1929 гг., доля банковских учреждений в общем финансировании возросла до 20 %.

Даже полное прекращение на время какой-либо монополией внешнего финансирования не может разрушить ни переплетения ее капитала с банками, ни личную унию, ни сеть финансовых зависимостей, созданных размещением ее фиктивного капитала. Банки остаются обладателями крупных депозитов монополий, поддерживают с ними всесторонние связи даже при отсутствии потребности в их кредитовании. Механика современного капитализма такова, что внешнее финансирование, как и самофинансирование, служит целям обогащения собственников объединенного банковско-промышленного, т. е. финансового капитала.

Кредитная деятельность банков соединяется с эмиссией и размещением ценных бумаг промышленных монополий. При этом наиболее прибыльные и перспективные акции оказываются в руках банковских объединений. Такого рода инвестиционная деятельность характерна для коммерческих банков многих капиталистических стран (ФРГ, Японии, Швейцарии и др.), и она означает полную универсализацию банковских операций.

Иначе обстоит дело в тех странах, где банковское законодательство или особенности исторического развития ограничивают или вовсе запрещают инвестиционные операции банков. Например, в кредитно-финансовой сфере США, Англии и Франции это привело к выделению двух основных групп специализированных банков. Предоставлением кредита занимаются коммерческие банки депозитного типа, размещением ценных бумаг — инвестиционные банки (в Англии их называют банкирскими домами, во Франции — деловыми банками). Это оказывает влияние на формы сращивания банковского и промышленного капитала.

Хотя крупнейшие коммерческие банки и сохраняют в таких случаях свой преимущественно депозитный характер, их средствами пользуются и инвестиционные банки, получая значитель-

ные ссуды под залог ценных бумаг и используя их для промышленных капиталовложений¹.

По видимости сохраняется предписанное законодательством «разделение труда», по существу же усиливается проникновение банковского капитала в промышленность. Банки инвестиционного типа делают это открыто, а банки депозитного типа — в скрытой форме.

Завуалированная форма участия коммерческих банков в акционерном капитале промышленных предприятий находит свое выражение и в создании так называемых ассоциированных компаний, которые специально занимаются приобретением акций. Особое распространение такая форма получила в ряде западноевропейских стран (Швеции, Бельгии и др.), где законодательство ограничивает инвестиционные операции банков.

Существенное значение для проникновения банковского капитала в промышленность имеет также система доверительного управления собственностью. Получая право на управление имуществом своих клиентов (подавляющая часть таких богатств состоит из ценных бумаг), банки приобретают возможность распоряжаться голосами принадлежащих им акций и оказывать таким образом влияние на деятельность промышленных компаний.

Следовательно, на современном этапе развития империализма значительно расширяется сфера деятельности банковских монополий. Помимо кредита они непосредственно участвуют в инвестиционных, доверительных и других операциях. В одних странах это привело к созданию специализированных учреждений, в других усилило процесс универсализации коммерческих банков.

Концентрация и централизация капитала в промышленности ведут к образованию монополистических групп, объединяющих ряд монополий одной или разных отраслей. Аналогичные процессы в кредитно-финансовой сфере вызывают к жизни банковские группы. В результате сращивания банковского и промышленного капитала происходит слияние банковских групп с монополистическими группами в промышленности и образование на этой основе финансовых групп.

---

¹ Вот как описывает эту систему взаимоотношений американский экономист О'Лири: «Коммерческие банки предоставляют «ссуды под залог ценных бумаг» инвестиционным банкирским домам, причем залогом служат те ценные бумаги, которые эти дома купили у выпускающих их корпораций. Когда инвестиционные банкирские дома размещают купленные акции, они возвращают ссуду коммерческим банкам, но в то же время могут воспользоваться новыми ссудами такого же рода для проведения новых подобных же операций» (P. M. O'Leary. *Corporate Enterprise in Modern Economic Life*. New York and London, 1933, p. 14).

Финансовые группы представляют собой более высокую, более развитую ступень монополизации производства и обращения, нежели любая другая форма частномонополистического объединения. Роль финансовой группы заключается в том, что она сплетает воедино все эти формы монополизации и таким образом возводит ее на качественно новую ступень.

Финансовые группы не есть нечто случайное в развитии монополистического капитализма. Они стали ныне типичным явлением в экономике любой империалистической страны. Факты показывают, что в США 20—25 финансовых групп, в Англии 10—20, во Франции 10, в Японии 5—10 групп сосредоточили в своих руках контроль над значительной частью промышленности, торговли, транспорта, кредита. Руководство этих групп является костяком финансовой олигархии, господствующей над всей сферой экономики и политики империалистических государств.

Образование финансовых групп в различных империалистических странах имеет свои особенности. Так, для США с их значительным географическим рассредоточением промышленности и банков характерно наличие сложившихся семейных, территориальных и прочих финансовых группировок. В некоторых странах, где концентрация банковского дела выше и существует лишь три-четыре крупных банка (как в ФРГ или Италии), монополистические группы в промышленности не имеют, как правило, собственной банковской базы, а крупные банки связаны с несколькими промышленными группами. Наоборот, во Франции и Японии, несмотря на высокую концентрацию банковского дела, границы между финансовыми группами довольно четкие.

В современной буржуазной литературе существование финансовых групп (а также финансовой олигархии) признается немногими авторами и то лишь в отношении прошлого — не позднее 30-х годов. С тех пор, утверждают авторы таких сочинений, в результате «корпоративной революции», «революции управляющих» финансовые группы либо исчезли, либо находятся при последнем издыхании. Доказательством этого выгодного для монополий тезиса занимаются идеологи «народного» и «трансформированного» капитализма. Тенденция «захоронить» финансовые группы появилась и в работах ученых, считающих себя близкими к марксизму. Американские экономисты Пол Барэн и Пол Суизи в книге «Монополистический капитализм» построили абстрактную модель, оторванную от жизни современного капиталистического общества, в которой финансовые капиталисты и верхушка управляющих, банки и промышленные компании настолько отделены друг от друга, что исчезает само понятие финансового капитала и финансовых групп.

Конечно, финансовые группы не являются чем-то застывшим, не меняющимся. Под влиянием неравномерности развития отдельных стран, отраслей, районов, компаний, различных форм промышленного и банковского капитала все время меняется соотношение сил между финансовыми группировками, идет острая конкурентная борьба одних групп против других. Эта борьба ведется и на международной арене, приводя к ослаблению или даже ликвидации некоторых групп в отдельных странах. В последние десятилетия в ряде стран распались или пришли в упадок некоторые старые финансовые группы, но появились новые. Перегруппировка сил финансовой олигархии отнюдь не означает исчезновения финансовых групп. Напротив, все эти годы идет процесс консолидации большинства существующих группировок.

При конкретном анализе финансовых групп в отдельных странах исследователи встречаются с рядом новых явлений. Одно из них заключается в том, что формы и методы контроля над компаниями, входящими в такие группы, за последнее время существенно изменились. Еще В. И. Ленин приводил данные одного буржуазного экономиста о том, что «достаточно владеть 40 % акций, чтобы распоряжаться делами акционерного общества...»¹. Но при развитой системе участия и при распылении акций среди масс мелких держателей можно нередко контролировать компанию, имея, например, 6 и 3 % акций.

За последние десятилетия в империалистических странах, особенно в США и Англии, произошло значительное дробление крупных пакетов акций, принадлежащих отдельным лицам и семьям. Уменьшение относительной величины таких пакетов является результатом централизации капитала (многочисленных слияний и поглощений), диверсификации инвестиций богатейших семей, занятых биржевыми и прочими спекуляциями, колоссальным увеличением абсолютных размеров самих монополий. В настоящее время в США лишь в 16 из 111 ведущих промышленных компаний и в 3 из 50 ведущих коммерческих банков имеются индивидуальные пакеты акций, превышающие 10 %.

Как в этих условиях осуществляется контроль в рамках финансовых групп? Старый тип контроля, основанный на принадлежности крупного пакета акций одному или нескольким богачам и их семьям (так называемый семейный контроль), заменяется в большинстве крупных промышленных и банковских монополий новым типом контроля, для которого наряду с личной унией, кредитной опекой, системой финансового согласования характерна концентрация владения или распоряжения акциями в руках нескольких, иногда одного-двух десятков, крупных финансистов. Контроль осуществляется не единолично, а объединенными акционерами — коалицией отдельных капиталистов и банкиров.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 345.

Типичным становится, таким образом, «совместный контроль», при котором участники договариваются о распределении ролей и сфер влияния. В результате остается все меньше таких финансовых групп, в которых абсолютным хозяином является одна plutократическая семья. Современные финансовые группы, как правило, покоятся на союзе нескольких или многих семей миллионеров, объединенных общими интересами.

Развитие «совместного контроля» означает также, что многие крупные монополии контролируются одновременно двумя или несколькими коалициями монополистов, не составляя исключительной сферы влияния какой-либо одной финансовой группы. Такой кондоминиум (совместное владение) характерен, например, для большинства ведущих промышленных компаний США и Англии, а также для западногерманских гроссбанков. Иногда это «сосуществование» является сравнительно мирным, но по большей части оно служит источником внутренних распрей и соперничества в среде финансовой олигархии.

Особенностью организации финансового капитала в ряде стран Западной Европы является наличие развитого государственно-монополистического сектора в экономике. Национализированные предприятия в экономическом смысле являются совокупной собственностью всей монополистической буржуазии данной страны, хотя непосредственное управление ими может находиться под контролем отдельных олигархических группировок.

Развитие «совместного контроля» придает структуре современных финансовых групп известную аморфность, делает границы между ними не столь определенными и четкими, как прежде. Однако было бы неверно считать, как это делают буржуазные экономисты, что эти грани стираются вовсе и финансовый капитал становится безликим. Нет, каждая коалиция монополистов, составляющих костяк данной финансовой группы, по-прежнему сохраняет в известной мере оформленную организацию, в которой можно различить головное учреждение (штаб), вспомогательные органы, приводные ремни контроля и т. д.

Процессы, которые привели к образованию финансового капитала на грани XIX и XX в., развиваются и поныне в странах, находящихся под гнетом капитализма. Концентрация производства и банковского дела, сращивание промышленных монополий с банковскими, финансового капитала с буржуазным государством достигли в империалистических странах невиданной ранее степени.

В современном капиталистическом мире полусотня ведущих финансовых групп контролирует активы, которые в общей сложности достигают 600 млрд. долл. В США на долю таких группировок приходится треть всех активов промышленных, торговых и банковских компаний. Учитывая более высокую степень концентрации банковского дела в других странах монополистического капитализма, можно предположить, что в них непосредствен-

ный контроль со стороны ведущих финансовых группировок охватывает не меньшую часть капитала промышленности и торгово-банковской сферы. Это означает, что каждый третий промышленный рабочий, торговый и банковский служащий в главных капиталистических странах прямо эксплуатируется финансовой олигархией, т. е. верхушкой монополистической буржуазии. Экономическая власть финансовых групп распространяется не только на непосредственно контролируемые ими компании и банки, но и на значительную часть не входящих в эти группы крупных, средних и мелких промышленных, торговых и иных предприятий. Немонополизированный бизнес является одним из объектов эксплуатации и источников наживы финансового капитала.

На первое место по богатству выдвинулись финансовые группы США. На долю двух десятков американских групп («Морган гарантй траст», Рокфеллеры — «Чейз» — «Кемикл», Калифорнийская, Чикагская, Бостонская и др.) приходится более половины активов, контролируемых полусотней групп всего капиталистического мира. США являются главной капиталистической страной с наиболее развитым промышленным производством, наиболее крупным внутренним рынком. Особенность финансового капитала США в том, что подавляющая часть контролируемых им активов находится внутри страны.

Список ведущих группировок финансового капитала, составленный сразу же после окончания второй мировой войны, либо даже в начале 50-х годов, не включал ни одной западногерманской или японской группы. Империализм этих стран потерпел в войне жестокое поражение, мощь ведущих групп финансового капитала была ослаблена. Ныне они в значительной мере возродились, и не только не уступают, но и обгоняют ведущие группы других империалистических держав (кроме США).

Очень большой силой остаются финансовые группы Англии и Франции. Оценивая действительные размеры их богатства и влияния, надо понимать, что они по большей части давно перешагнули государственные границы, а некоторые из них являются по существу международными империями. Наиболее известные из них группы Ротшильдов и Лазаров. Банкирский дом Ротшильдов как международная сила сложился еще в первой половине XIX в. Сейчас группа Ротшильдов имеет главные штабы в Лондоне и Париже, их общие контролируемые активы — 12,8 млрд. долл. (второе место за пределами США). Группа Лазаров (с прямыми активами почти в 10 млрд. долл.) действует в трех финансовых столицах сразу: Париже, Лондоне, Нью-Йорке.

Большой силой являются и финансовые группы малых стран Западной Европы. Эти группы, занимающие видное место в экономике своих стран, все же в значительной мере оторваны от национальной почвы. Финансово-монополистические группы Бельгии, Швейцарии, Голландии, Швеции и т. п. не только видные

участники конкурентных схваток на мировых рынках, но и непременные члены мощнейших международных картелей. Иногда считают, что такие группировки, как сателлиты, вращаются вокруг финансового капитала основных государств: бельгийские вокруг французских, голландские вокруг английских и т. д. Это верно лишь отчасти. Финансовые группы малых стран — самостоятельные участники общего космополитического альянса современного финансового капитала.

3 Структура современной финансовой олигархии

Верхушка монополистической буржуазии — финансовая олигархия господствует над экономической и политической жизнью империалистических государств и простирает свое господство на ряд стран с отсталой экономикой, которые монополии считают своим заповедным полем эксплуатации и наживы. В настоящее время диктатура финансовой олигархии является одним из главных препятствий общественного прогресса, причиной неисчислимых лишений и бесправия десятков миллионов трудящихся в странах капитала. Образование могущественной монополистической верхушки и захват ею экономической и политической власти не есть историческая случайность. Это закономерный результат развития капиталистического строя, неизбежное порождение монополистического капитализма.

Причины образования финансовой олигархии, формы и методы ее господства, ее пагубное влияние на развитие производительных сил, науки, культуры, на положение народных масс раскрыты в книге В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». «...«Хозяинничанье» капиталистических монополий становится неизбежно, в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии»; «Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, — вот рельефнейшее проявление этой монополии»¹, — писал В. И. Ленин.

Организационная структура современной финансовой олигархии, т. е. ее деление на финансово-олигархические группы, как видно из предыдущего раздела, определяется прежде всего строем финансового капитала данной империалистической страны. Этот анализ необходимо дополнить рассмотрением социальной структуры финансовой олигархии, т. е. ее деления на собственников крупнейших состояний и верхушку менеджеров (управляющих) трестами и концернами.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 344, 421.

Научное решение марксистско-ленинской теорией вопроса о социальной структуре современной финансовой олигархии имеет важное практическое значение для рабочего класса, коммунистических и рабочих партий в империалистических странах. Это тем более необходимо для разоблачения многочисленных буржуазно-апологетических и реформистских теорий, которые, спекулируя на новых явлениях, стремятся опровергнуть марксизм и доказать наступление эры «трансформированного» капитализма.

С развитием капитализма происходят глубокие изменения в выполнении капиталом присущих ему функций. Суть капитала как исторически определенной формы эксплуатации человека человеком остается неизменной, однако механизм капиталистической эксплуатации значительно усложняется. Внутри правящего класса образуются особые группы, отличающиеся друг от друга по специфической роли, выполняемой ими в процессе эксплуатации наемной рабочей силы.

Наибольшего развития эти изменения достигают в эпоху господства монополий и финансового капитала. Речь идет об изменениях, связанных с исторически неизбежным, экономически обусловленным отделением капитала-функции от капитала-собственности.

В. И. Ленин писал: «Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии...»¹

Обособление капиталиста-собственника от участия в предпринимательстве знаменует собой достигаемую в период господства финансового капитала вершину капиталистического паразитизма. Однако паразитическое перерождение монополистической буржуазии не есть лишь результат эволюции субъективных свойств собственников капитала, хотя это также имеет место. Отделение капитала-функции от капитала-собственности происходит вследствие объективных изменений в капиталистическом способе производства — в производительных силах (дальнейшее развитие капиталистического обобществления производства, укрупнение размеров предприятий, появление общественного счетоводства, усложнение функций управления) и производственных отношениях (замена индивидуально-капиталистической формы частной

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 356—357.

собственности акционерной и государственно-монополистической).

Под влиянием этих процессов функция управления капиталистическими предприятиями, а затем монополистическими трестами и концернами сосредоточивается в руках наемных управляющих. Происходит паразитическое перерождение собственника средств производства, превращение его в финансового капиталиста, т. е. монополиста-рантье, который «стрижет купоны» не просто потому, что владеет ценными бумагами, но главным образом потому, что ему и ему подобным подчинены колоссальные промышленно-банковские империи.

Тенденция к отделению капитала-функции от капитала-собственности действует во всех капиталистических странах. Наибольшего развития она достигла в США и других промышленно развитых капиталистических странах, где верхушка национальной буржуазии давно уже превратилась в буржуазию монополистическую. Но эта общая закономерность действует по-разному в реальных условиях отдельных стран.

Огромное значение имеют такие обстоятельства, как наличие или отсутствие земельной аристократии, государственного аппарата с монархическими, милитаристскими традициями, колониальной империи и т. д. Там, где налицо эти дополнительные факторы, финансовая олигархия сливается, сращивается с верхушкой помещичьего класса, с «аристократией крови», с правительственной и военной бюрократией, с аппаратом эксплуатации колоний. Отсюда и конкретные особенности существования слоя финансовых капиталистов — рантье и обслуживающей его касты высших управляющих. В США в силу особенностей исторического развития социальная структура финансовой олигархии представляется в наиболее чистом виде.

В Англии, которая раньше других стран вступила на империалистический путь, отделение капитала-функции от капитала-собственности получило, по-видимому, наибольшее развитие. Однако в правлениях большинства крупнейших английских монополий представлены не только могущественные банкирские дома и богатейшие финансисты, но также члены королевской семьи, земельная и колониальная аристократия. Вся фактическая деятельность по управлению этими монополиями находится в руках особой группы профессиональных управляющих, которые входят в среду зажиточной буржуазии и составляют замкнутую и тесно спаянную касту, доступ в которую определяется строгими неписаными законами.

В ФРГ значительная часть богатейших капиталистов, находясь в тесной унии с банками, все еще продолжает держать в своих руках высшее управление своими компаниями. Однако в послевоенные годы все большее число руководящих постов в концернах передается в руки наемных «генералов индустрии» не только из

среды банкиров, но также из среды администраторов промышленных фирм. Западногерманские монополисты явно перенимают опыт своих американских партнеров, и структура финансовой олигархии ФРГ все более приближается к образцу главной страны капитализма.

Во Франции, в Италии и малых промышленно развитых странах Западной Европы процесс отделения капитала-функции от капитала-собственности еще далек от завершения. Преобладающей формой промышленного предприятия остается семейная компания, в которой основной владелец или его родственники все еще держат в руках высшее управление. Категория профессиональных администраторов развилась главным образом на государственных предприятиях и в многочисленных филиалах иностранных трестов.

Однако категория высших управляющих нуждается в некоторых дополнительных пояснениях. Рабочий класс капиталистических стран в своей экономической и политической борьбе сталкивается теперь чаще всего не с самими собственниками крупнейших состояний, а с их управляющими. Своей спиной менеджер заслоняет от рабочего его основного эксплуататора — финансового капиталиста. Поскольку часть высших управляющих происходит из бедных или малосостоятельных слоев и продолжает служить в корпорации за жалованье, отношение к ним основной массы рабочих и служащих нередко отличается от отношения к собственнику — капиталисту или банкиру. Все это может создать почву для реформистских иллюзий. Сам факт преуспевания высших менеджеров пытаются использовать для раскола трудящихся, для привития некоторой их части (в первую очередь служащим) карьеристских устремлений. Буржуазные идеологи создали теорию «революции управляющих», являющуюся одним из главных их аргументов в пользу «трансформации» капитализма.

Ленинское определение признаков классового деления общества позволяет точно указать социальную принадлежность верхушки управляющих. Отношение к средствам производства высшего менеджера заключается в том, что он, располагаясь чужими капиталами, помогает собственнику крупных состояний экспроприировать массу мелких и средних акционеров и сам участвует в этой экспроприации, а также осуществлять диктат и принуждение по отношению к мелким, средним и даже крупным немонополизированным предпринимателям. Его роль в общественной организации труда состоит в том, что он противостоит рабочим и служащим как работодатель, покупатель их рабочей силы, организатор процесса их эксплуатации, т. е. как крупный функционирующий капиталист. Способом получения богатства высшего менеджера служит присвоение части прибавочной стоимости. Размеры этого богатства таковы, что позволяют ему вести жизнь крупного капиталиста. Со временем многие высшие менеджеры становятся

владельцами значительных состояний, хотя лишь считанные единицы из них вливаются в собственно финансовую олигархию.

Таким образом, превращение высших менеджеров в составную часть монополистической буржуазии не является законченным и полным. Какими бы привилегиями ни наделялась эта категория, какой бы широкой ни была ее власть над трудящимися массами, мелкими и средними предпринимателями, не она является главным хозяином и не она в конечном счете властвует. Менеджеры приходят и уходят, а могущество финансовых капиталистов, основанное на их собственности и развитой системе контроля, пока остается.

Анализ классового положения верхушки менеджеров показывает несостоятельность теории «революции управляющих» в ее старых (Дж. Бернхэм) и ультрановых (А. Берли, Дж. Гэлбрейт) вариантах. Заветная цель членов верхушки менеджеров состоит лишь в том, чтобы войти в ряды плутократии, а не в том, чтобы уничтожить ее. Ликвидировать власть денежного мешка может только антимонаполистическая коалиция, руководимая революционным рабочим классом. Вместе с тем наличие широкой категории наемных менеджеров и нежелание монополистической буржуазии участвовать в управлении производством с особой силой свидетельствуют о том, что последняя сделалась бесполезным наростом на общественном организме, излишней для процесса производства.

В современных условиях, когда монополистический капитализм перерос в государственно-монополистический, финансовая олигархия все более сращивается с аппаратом буржуазного государства. Сам процесс воспроизводства, постоянное воссоздание прибавочной стоимости, из которой в конечном счете черпает свои богатства плутократия, в современных условиях стал невозможен без регулярного вмешательства государственной машины. С другой стороны, сохранение финансовой олигархией своего экономического могущества невозможно без упрочения ее политической власти. Вот почему любое правительство империалистической страны, любой государственный орган, имеющий отношение к экономике и политике, изобилует членами финансовой верхушки и их доверенными лицами — управляющими.

С ростом государственно-монополистического капитализма значительно усложняется функция государственного управления. Осуществление этой функции в интересах монополий зачастую не под силу профессиональным политикам, сколь бы большой ни была их преданность миллиардерам и миллионерам. Современное буржуазное государство нуждается в умелых и знающих администраторах, и монополии поставляют ему свои кадры, вышколенные в управлении хозяйством.

В среде финансовой олигархии наблюдается растущая тяга и к прямому участию в управлении государством. Плутократия

жаждет распоряжаться судьбами миллионов людей, диктовать свою волю другим странам, ощущать близость к военной силе, к ядерному оружию. Ее гонит туда и тревога за судьбы социального строя, который обеспечивает ей богатство, постоянное пребывание в рядах властителей.

Однако, чем больше сращивание финансовой олигархии с государственной машиной, тем яснее становится обреченность капитализма. Растущая борьба народных масс за свое социальное освобождение неизбежно обращается против буржуазного государства, в котором воплощены их эксплуатация и угнетение.

Глава X   Формы собственности в условиях современного капитализма

Расстановка классовых сил в обществе и классовая борьба всегда связаны прежде всего с вопросом о собственности на средства производства. На известной ступени своего развития производительные силы перерастают старые и порождают новые формы собственности. История общественных формаций раскрывает картину их развития от первобытной общинной собственности до современной социалистической.

Самой глубокой основой современной классовой борьбы во всем капиталистическом мире является борьба за установление новых прогрессивных форм собственности, соответствующих современному уровню развития производительных сил.

Ни одна общественная формация не существует в чистом виде. В каждой наряду с присущей ей господствующей формой собственности сохраняются остатки предыдущих формаций, которые приспосабливаются к новому способу производства и превращаются в его придатки. Поэтому в современной капиталистической действительности наряду с различными формами капиталистической собственности, индивидуальной и ассоциированной, существуют остатки простого товарного хозяйства и базирующейся на нем индивидуальной собственности непосредственного производителя. Существовая рядом, они вместе с тем представляют собой различные этапы возникновения и развития капиталистической собственности.

1   *Мелкая некапиталистическая собственность*

Простое товарное хозяйство выступает в виде крестьянского хозяйства в деревне и мастерской ремесленника в городе. В обоих случаях предполагается, что эти хозяйства не пользуются наемным трудом. Однако даже в том случае, если в них работают два-

три рабочих, они продолжают оставаться некапиталистическими при условии, что прибыль целиком потребляется собственником и не служит источником накопления капитала и расширения производства, что, следовательно, здесь происходит процесс только простого воспроизводства¹. Важным критерием простого товарного хозяйства является собственный труд мелкого собственника.

Простое товарное хозяйство двойственно по своей природе. Будучи хозяйством непосредственного производителя, оно приближает последнего к наемному рабочему, являясь же хозяйством мелкого частного собственника, оно родственно с капиталистическим. Более того, постоянно дифференцируясь, оно порождает, с одной стороны, рабочего, а с другой — мелкого капиталиста.

Простое товарное хозяйство особенно широко распространено в сельском хозяйстве. Оно представляет собой ремесленное производство в земледелии. Ремесленному производству присуща и соответствующая техника, т. е. низкий уровень производительных сил.

Два положения К. Маркса чрезвычайно важны для распознавания степени развития капитализма в той или иной стране. Парцеллярная крестьянская собственность и численное преобладание сельского населения являются признаком слабого развития капитализма и незначительных размеров концентрации капитала. Наоборот, преобладание городского населения над сельским означает далеко зашедшее развитие капитализма. Из этого следует, что соотношение городского и сельского населения в эпоху капитализма является показателем как удельного веса мелкой собственности, так и уровня развития капитализма. В Англии, самой развитой капиталистической стране XIX в., уже в 1845 г. доля населения, проживавшего в сельской местности, составляла только 25%², в Германии в 1871 г. — 64%³, в США в 1870 г. — 74%⁴, а в России еще в 1897 г. доля населения, проживавшего в сельских местностях, составляла около 87%⁵. Эти цифры отнюдь не означают, что в странах с преобладанием сельского населения господствовало простое товарное хозяйство. Наоборот, в Германии и России господствующее положение занимало крупное помещи-

---

¹ Энгельс писал: «А так как капиталистическое производство имеет своей целью не просто поддержание жизни, а увеличение богатства, то наш хозяин со своими двумя рабочими все еще не был бы капиталистом» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 128).

² См. Л. Брентано. История развития народного хозяйства Англии. М., 1930, стр. 158.

³ См. В. Зомбарт. История экономического развития Германии в XIX веке. СПб., 6/г, стр. 363.

⁴ «Historical Statistics of the United States». Washington, 1961, p. 14.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 559.

чье землевладение, рядом с ним росли капиталистические хозяйства, но количественно преобладало мелкое полунатуральное крестьянское хозяйство, которое являлось показателем узких размеров рынка, отставания в развитии капитализма, широкого распространения ремесла в городах, сравнительно низкого уровня развития производительных сил.

В настоящее время положение кардинально изменилось. В Англии доля населения, проживающего в сельских местностях, количественно почти не изменилась. В 1962 г. она составляла 22 %, но другие капиталистические страны приблизились к английскому уровню. Во Франции в 1962 г. сельское население составило 37 %, в ФРГ — 22 % ¹, а в США в 1960 г. оно снизилось до 30 % ². Еще меньше доля населения, занятого непосредственно в сельском хозяйстве. Эти цифры являются показателем огромной концентрации капитала, которая сопровождается централизацией населения в городах, и резкого падения роли простого товарного хозяйства, т. е. мелкой собственности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, торговле и т. д. Тем не менее даже в настоящее время, несмотря на концентрацию сельскохозяйственного производства в руках крупного капитала, значительная часть фермеров представляет собой мелких собственников, простых товаропроизводителей, большей частью не эксплуатирующих чужого труда.

В городах США в 1966 г. было 1 935 728 предприятий с числом рабочих и служащих от одного до трех человек включительно. В целом в этой группе предприятий было занято 3 224 тыс. человек, т. е. в среднем по 1,7 человека на предприятие. В основном это представители простого товарного хозяйства в городе, ремесленники и мельчайшие хозяйчики, зачастую пользующиеся трудом членов своей семьи. Из общего количества таких предприятий 615 525 приходится на сферу услуг, 580 641 на розничную торговлю, 174 356 на строительство и только 76 087 на предприятия обрабатывающей промышленности, 58 093 на транспорт и прочие коммунальные услуги ³.

В целом, таким образом, в этой стране гигантской концентрации производства и господства монополий и по сей день насчитывается примерно 2,5—3 млн. человек, занятых в докапиталистических формах хозяйства в городе и деревне. Удельный вес их предприятий в экономике современного капитализма ничтожен, но по своей численности они составляют значительную прослойку

---

¹ См. «Население мира». Справочник. М., 1965, стр. 94, 95.

² «Statistical Abstract of the United States», 1968, p. 16.

³ Ibid., p. 476. Более подробные статистические данные о различных формах собственности приведены в книге «Проблемы современного империализма» (М., 1968, стр. 31—64).

населения. Она постоянно находится в движении: часть разоряется и переходит в ряды пролетариата, другая часть преуспевает и переходит на более высокую ступень социальной лестницы. Одновременно она постоянно пополняется: снизу — из среды некоторой части рабочих, сверху — из среды неудачливых мелких сельскохозяйственных и промышленных капиталистов. Как мелкие собственники, они относятся к мелкой буржуазии, но отличаются от мелких капиталистов тем, что сами работают как рабочие. Они существуют в порах современного капитализма, составляя ту часть населения, которая постоянно пополняет массу бедноты.

Капиталистическая частная собственность есть отрицание собственности, принадлежащей непосредственному производителю. То жалкое существование, которое влачит простое товарное хозяйство в современном капитализме, является лучшим подтверждением законов капиталистического развития, раскрытых К. Марксом.

2 Индивидуальная капиталистическая собственность

Капитализм означает прежде всего отделение непосредственного производителя от средств производства. Непосредственный производитель становится наемным рабочим, а собственник средств производства — капиталистом. Классический капитализм — это строй индивидуальной частной собственности на средства производства. В этом отношении капитализм выступает как прямое продолжение простого товарного хозяйства, которое уничтожается капиталистической собственностью. В дальнейшем своем развитии производительные силы перерастают рамки индивидуальной капиталистической собственности, и классический капитализм свободной конкуренции превращается в монополистический капитализм, однако индивидуальная капиталистическая собственность не только сохраняется, но и количественно преобладает и в условиях современного государственно-монополистического капитализма.

В 1965 г. в США имелось примерно 5 млн. индивидуальных капиталистических хозяйств¹. Главная сфера приложения индивидуального капитала — это сельское хозяйство, торговля, строительство, финансы и сфера услуг, где можно создавать мелкие и средние предприятия без больших инвестиций в основной капитал.

В сельском хозяйстве не только количественно преобладает, но и господствует индивидуальная капиталистическая собственность. Однако эта характеристика требует целого ряда оговорок.

---

¹ Рассчитано по: «Statistical Abstract of the United States», 1968, p. 473, 476, 768.

Процесс отделения промышленности от сельского хозяйства зашел в настоящее время настолько далеко, что производство сельскохозяйственных машин, удобрений, электроэнергии для сельского хозяйства, комбикормов, переработка ряда сельскохозяйственных продуктов, включая продукцию животноводства, давно уже перешли в руки монополий. К этому нужно прибавить и производство бройлеров. За индивидуальным капиталом осталась непосредственно сфера растениеводства и выращивания скота. Однако и в этой сфере концентрация производства уже подводит к образованию картелей, т. е. первичной формы монополий в локальном, а в отдельных случаях и в национальном масштабе.

Согласно переписи 1964 г., 141 914 хозяйств, т. е. 4,5% всех фермерских хозяйств, дали 42,6% всей товарной продукции. Следующая группа хозяйств (259 898 ферм, или 8,2% их общего количества) дала 20,2% всей товарной продукции. Обе группы вместе, составляющие 12,7% всех хозяйств, дали, следовательно, 63% всей товарной продукции¹. Таким образом, господствующее положение в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран в настоящее время принадлежит уже крупным капиталистическим предприятиям. Характерно, что акционерные общества все более и более начинают вторгаться и в сферу непосредственного сельскохозяйственного производства, однако главная масса продукции до сих пор идет еще из сферы индивидуальных капиталистических собственников.

Распределение общей выручки в 1965 г. дает представление об удельном весе различных форм собственности в других отраслях хозяйства США (в %) ²:

Отрасли	Индивидуальная частная собственность	Компании (пасвые партнерства)	Акционерные общества
Добывающая промышленность	7	6	87
Строительство	24	8	68
Обрабатывающая промышленность	1	1	98
Транспорт, электростанции, связь и газоснабжение	6	1	93
Оптовая торговля	9	5	86
Розничная торговля	27	8	65
Финансы, страховое дело и операции с недвижимым имуществом	9	9	82
Услуги	38	16	46

¹ «Statistical Abstract of the United States», 1968, p. 598, 599.

² Ibid., p. 473.

Итак, распределение по количеству предприятий и по удельному весу в общей сумме реализованной продукции показывает, что в городе индивидуальная капиталистическая собственность уже не занимает господствующих позиций ни в сфере промышленности, ни в торговле. Тем не менее ее позиции еще значительны в строительстве, розничной торговле и особенно в сфере услуг.

В целом удельный вес как простого товарного хозяйства, так и капиталистической индивидуальной частной собственности в экономике современного монополистического капитализма крайне незначителен. Индивидуальная частная собственность господствовала в эпоху классического капитализма свободной конкуренции, в современных же условиях она представляет собой остатки домонополистических стадий капитализма.

3 Монополистическая корпорация

К. Маркс писал, что с развитием капиталистического способа производства возрастает размер капитала, необходимого для ведения дела. Производительные силы перерастают рамки индивидуальной капиталистической собственности. Тогда возникают сначала компания капиталистов, а затем акционерное общество. Происходит процесс централизации индивидуальных капиталов и образования ассоциированной капиталистической собственности.

Компания есть первый шаг в этом направлении. Первоначально она объединяет несколько индивидуальных капиталистов, зачастую связанных узами родства. Если не говорить о современных монополистических компаниях, которые на деле являются акционерными обществами, то и в настоящее время компании представляют собой партнерства узкого круга индивидуальных капиталистов, которые делят прибыль соответственно величине инвестированного каждым в отдельности капитала. Такие партнерства ближе стоят к индивидуальной капиталистической собственности, чем к акционерным обществам.

Акционерное общество — это более высокая, чем компания, ступень централизации капитала. В ее основе лежит качественно новое явление — отделение капитала-собственности от капитала-функции, которое достигло громадных размеров в условиях современного капитализма.

Централизация капитала в форме акционерных обществ сыграла огромную роль в развитии капитализма, ускоряя процесс накопления капитала, концентрации производства, вызывая тем самым постоянные технические перевороты в промышленности. Обязанное своим возникновением росту размеров капиталистических предприятий, акционерное общество в порядке обратного воздействия усилило и ускорило те процессы, которые его породили. И чем больше росли размеры предприятий и органический

состав их капитала, тем более широкое распространение получила акционерная форма собственности, которая довела концентрацию производства до такого размера, что она породила монополии. Уже Маркс писал, что «применение формы акционерных компаний в промышленности знаменует новую эпоху в экономической жизни современных народов»¹. Анализ, содержание и сущность этой новой эпохи дал В. И. Ленин.

Акционерное общество оказалось наиболее адекватной формой существования современной монополии. Однако далеко не все акционерные общества являются монополиями. В 1965 г. в американской промышленности, торговле, финансовом деле и в сфере услуг числилось 1 424 тыс. акционерных обществ. Однако из этого огромного количества 1 417 тыс. имели в каждом отдельном случае менее 300 акционеров². Их акции не котируются на бирже. По существу это компании индивидуальных капиталистов, более крупные, чем в конце XIX в., но не акционерные общества монополистического типа.

В Англии под именем «компания» скрывается как узкое партнерство, т. е. компания в собственном смысле этого слова, так и современное монополистическое акционерное общество. По данным 1967 г., всего в Англии было 539 786 компаний, из которых 382 528 имели не больше 50 акционеров в каждом отдельном случае³. Таким образом, на современной монополистической стадии капитализма широко представлена не только индивидуальная частная собственность, но и компании и акционерные общества домонополистического типа, однако господствующее положение принадлежит уже монополистическим акционерным обществам, или, как их называют в США, корпорациям.

Из общего количества 1 424 тыс. корпораций США в 1965 г. акции только 6724 корпораций котиrowались на биржах и имели 20,1 млн. акционеров⁴. В 1968 г. количество акционеров возросло до 26 млн.⁵ Некоторые крупнейшие корпорации имеют свыше миллиона акционеров.

Однако даже эти цифры не раскрывают подлинного положения вещей. Господствующее положение в экономике США принадлежит нескольким сотням монополистических корпораций, которые держат в своих руках львиную долю всего основного капитала и промышленной продукции страны.

Приведенные данные об американских монополистических корпорациях являются характерными для всех стран современного

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 34.

² The New York Stock Exchange. «Census of Shareownership 1965», p. 33.

³ «Economist», August 5, 1967, p. 506.

⁴ The New York Stock Exchange. «Census of Shareownership 1965», p. 5, 33.

⁵ «US News and World Report», February 17, 1969, p. 70.

монополистического капитализма. Они говорят об изменении структуры и характера современной капиталистической собственности.

Капитализм свободной конкуренции характеризуется господством индивидуальной частной собственности. Акционерная собственность вообще и монополистическая корпорация в особенности представляют собой новую форму капиталистической собственности — это коллективная капиталистическая собственность в отличие от индивидуальной. Ее возникновение послужило основой для утверждения буржуазной апологетики о том, что создание и развитие акционерной формы собственности представляет собой одновременно процесс ликвидации частной собственности на средства производства. Эти апологетические утверждения в корне несостоятельны. И индивидуальная и коллективная капиталистическая собственность являются лишь различными формами частнокапиталистической собственности. Поэтому переход от индивидуальной капиталистической собственности к собственности ассоциированных капиталистов не меняет частнокапиталистического характера производства (поскольку акционерная собственность принадлежит не всему обществу, а классу капиталистов и ею распоряжаются не трудящиеся, а финансовая олигархия). Наоборот, акционерная форма собственности создает условия для еще большего классового расслоения в капиталистическом обществе и прежде всего для сосредоточения собственности и контроля над основной массой национального богатства в руках узкой кучки финансовой олигархии.

В США 1% населения владеет 76% всех акций, 90% населения этой страны не владеет никакими акциями. Среди работников физического труда в 1965 г. было только 2,7% рабочих, которые владели ничтожным количеством акций. Среди фермеров и сельскохозяйственных рабочих их было еще меньше — 0,3%¹.

В Англии в 1960 г. 2% всех налогоплательщиков принадлежало 55% всего богатства страны, находящегося в руках частных лиц². В состав этого богатства входит наряду с индивидуальной вся акционерная собственность.

Раздробление и распыление акций дают возможность финансовой олигархии господствовать над корпорациями, владея ничтожной долей всего акционерного капитала. Тем самым финансовая олигархия приобретает контроль над огромной частью общественного богатства, значительно превышающей ее личную собственность. Последнее является одной из основ ее экономического господства в империалистических странах. Именно это явилось важнейшей причиной того, что акционерная форма собственности

---

¹ The New York Stock Exchange. «Census of Shareownership 1965», p. 13.

² «Economist», January 15, 1966, p. 218.

оказалась наиболее соответствующей природе монополистического капитализма и утвердилась в его рамках в качестве господствующей формы собственности.

4 Кооперативная собственность

Кооперативная собственность в форме кооперативных фабрик, принадлежавших рабочим, возникла сперва в Англии в середине XIX в. Они базировались на сравнительно несложной технической основе. В условиях капитализма такие фабрики не могли выдерживать конкуренции капиталистических предприятий. Кооперативные фабрики страдали от недостатка капитала и кредита. Они были раздавлены капиталистической системой с ее огромной концентрацией производства и централизацией капитала. В этих условиях кооперация потеряла свой производственный характер и превратилась в крестьянскую, фермерскую закупочно-сбытовую кооперацию или городскую кооперацию потребителей вообще. Она вросла в систему капиталистических отношений и превратилась в одну из форм капиталистической собственности.

Главной сферой деятельности кооперации в городах является розничная торговля. В Англии в 1961 г. на долю кооперации приходилось 10% всей розничной торговли¹. В Скандинавских странах потребительская кооперация занимает в розничной торговле еще большее место, чем в Англии. В противоположность этому в США доля кооперации в розничной торговле в 1963 г. составила только 1,4%². В последние годы кооперация проникает в целый ряд других отраслей, в сферу кредита, жилищного строительства, сельского хозяйства и т. д.

Жилищная кооперация достигла широкого распространения во всех капиталистических странах Европы и Америки. Причина роста этих кооперативов — жилищный кризис и дороговизна жилищ в капиталистических странах. В некоторых странах, как, например, в Скандинавских, организаторами жилищных кооперативов являются профсоюзы. Жилищные кооперативы также являются одним из видов кредитной кооперации. Они тесно связаны с капиталистическими строительными фирмами.

Особого внимания заслуживают электроснабженческие и телефонные кооперативы в США. Они организованы государством, которое предоставляет им кредиты на льготных условиях. За спиной государства стоят крупнейшие монополии. Целью кооперативов является электрификация и телефонизация сельских местностей. В отличие от городов эти местности характеризуются сравнительно небольшим числом потребителей и их разбросанностью.

¹ «Annual Abstract of Statistics 1965», p. 188.

² «Statistical Abstract of the United States», 1968, p. 760, 768.

При таком положении монополии считают для себя нерентабельным строить большой протяженности линии электропередач, телефонные линии, электро- и телефонные подстанции и распределительные сети. Однако их строительство связано с большим расходом электроматериалов и оборудования, и поэтому в нем заинтересованы такие крупные монополии, как «Дженерал электрик», «Вестингауз электрик» и другие, сбывающие свою продукцию кооперативам.

Строительство линий электропередач и телефонной связи, а также соответствующих подстанций и распределительной сети производится за счет фермеров при помощи дешевого государственного кредита. Электрокооперативы, разумеется, не занимаются строительством собственных электростанций, которые конкурировали бы с электромонополиями. Кооперативы покупают электроэнергию у монополий и частично у государственных электростанций, но передачу электроэнергии на большие расстояния кооперативы взяли на себя. Последние не противостоят монополиям, а являются их дилерами наподобие дилеров в торговле автомобилями. Электро- и телефонные кооперативы являются наглядным примером приспособления капиталистической кооперации к условиям государственно-монополистического капитализма.

Сельскохозяйственная кооперация является другим образцом капиталистической кооперации. Она находится в руках крупнокапиталистической части фермерства. В функции сельскохозяйственной кооперации входит прежде всего сбыт сельскохозяйственной продукции. Чем глубже и шире заходит процесс концентрации сельскохозяйственной продукции в руках сокращающегося количества крупнокапиталистических ферм, тем больше сельскохозяйственные кооперативы начинают играть роль картелей. В этом отношении характерно, что все сбытовые объединения фермеров в США освобождены от действия антитрестовских законов.

Другая функция сельскохозяйственных кооперативов — это закупка у монополий сельскохозяйственных машин, химических удобрений, комбикормов и т. д. Закупая у монополий средства производства по оптовым ценам и пользуясь более дешевым кредитом, фермеры-капиталисты извлекают из кооперации дополнительные выгоды.

Особенностью кооперативов всех видов является большое число их участников. Они представляют собой массовую организацию, насчитывающую в каждой капиталистической стране миллионы членов, состоящих в городах главным образом из рабочих и служащих. Этим современные кооперативы отличаются от акционерных обществ, которые также имеют миллионы акционеров, однако большая их часть состоит из буржуазии.

Как уже указывалось, кооперативная собственность не играет какой-либо заметной роли в сфере промышленного производства,

но в сельском хозяйстве ее роль значительна. Удельный вес кооперации в обороте розничной торговли колеблется в различных странах от 1 до 12—15%.

Как форма капиталистической собственности, кооперация занимает в системе современного капитализма особое место. «При частном капитализме, — писал В. И. Ленин, — предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых»¹.

Эта глубокая, диалектическая характеристика кооперации имеет очень важное значение для анализа различных форм современной капиталистической собственности.

5 Государственная собственность

Государственная собственность существовала и в докапиталистических формациях. Она существует при капитализме и является основной формой собственности при социализме. Отсюда следует сделать вывод, что государственная собственность не является специфической особенностью какого-либо одного способа производства. Существовая в различных общественных формациях, она меняет свой характер в зависимости от господства того или иного класса в государстве.

На ранних стадиях капитализма, когда накопление капитала в руках индивидуальных капиталистов было незначительным, предприятия, требующие крупных затрат капитала, такие, как каналы, порты, железные дороги и т. п., сооружались на государственный счет. Государство выступало тогда как самый крупный капиталист и ускоряло развитие капитализма. В России почти вся горная промышленность и металлургия были построены в XVIII в. государством.

Централизация капитала в форме акционерных обществ в сочетании с банковым кредитом существенно изменила положение. К. Маркс пишет, что благодаря образованию акционерных обществ происходит «колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала»². В результате этого со второй половины прошлого столетия вплоть до начала первой мировой войны значительная часть государственных промышленных предприятий перешла в частные руки.

Накопление и централизация капитала в руках монополистических акционерных обществ достигла в XX в. таких грандиозных

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 375.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 479.

размеров, что современные монополии могут взять на себя как строительство, так и эксплуатацию весьма крупных предприятий. Несмотря на это, процесс образования государственной собственности происходит и в условиях современного капитализма, причем зачастую в гораздо больших размерах, чем прежде.

Решающим критерием в оценке государственной собственности является доля государства в основном капитале. В США в 60-е годы она составляла только 5% всего основного капитала страны¹.

В таких капиталистических странах Европы, как Англия, Франция, Италия и Австрия, государственная промышленность в настоящее время занимает гораздо большее место. Здесь целые отрасли, как, например, угольная, газовая, металлургическая, энергетическая промышленность, не говоря уже о железнодорожном и авиационном транспорте, были национализированы и превращены в государственную собственность. Кроме того, государству принадлежат отдельные крупные заводы в различных отраслях промышленности: автомобильные заводы во Франции, которые выпускают $\frac{1}{3}$ всей автомобильной продукции, или заводы химических удобрений в Италии, которые дают такую же долю всей продукции, как и государственные автомобильные заводы во Франции.

В Англии в государственных промышленных предприятиях в 1962 г. было занято примерно 11% всей рабочей силы производственной сферы². После того как была национализирована черная металлургия, доля государственного сектора в общем числе рабочих и служащих, занятых в промышленности, возросла.

В Японии удельный вес государственной промышленности в экономике страны меньше, чем в Англии, Франции и Италии. Главным объектом государственной собственности в Японии является железнодорожный транспорт, на долю которого приходится 40% всех грузовых и пассажирских перевозок. Кроме того, государству принадлежит вся телефонно-телеграфная связь и крупные портовые сооружения. Что же касается обрабатывающей промышленности, то доля государственного сектора здесь очень незначительна³.

Рост государственной собственности на средства производства в эпоху империализма вызван различными причинами. Поскольку эта эпоха характеризуется ростом милитаризма, усилившегося в период общего кризиса капитализма, и борьбы двух противо-

---

¹ Рассчитано по: «Inventory Report of the Real Property Owned by the US». Washington, 1958, p. 26, 27; «US News and World Report», April 18, 1966, p. 18; «Statistical Abstract of the United States», 1967, p. 345; Р. У. Голдсмит. Национальное богатство США в послевоенный период. М., 1968, стр. 403.

² См. «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах». М., 1967, стр. 89.

³ См. там же, стр. 146.

положных социальных систем, то государственная промышленность растет прежде всего за счет военных заводов, включая военное судостроение, атомную промышленность и т. п. Отсюда, например, рост государственной промышленности в США во время второй мировой войны.

Если, далее, в силу тех или иных причин отдельные отрасли промышленности становятся убыточными, на помощь приходит государство со своими кредитами или же оно покупает по высокой цене убыточные предприятия и таким образом спасает частный капитал. Примером может служить Англия, где государство после второй мировой войны выкупило по высокой цене у частных компаний угольные шахты, которые требовали коренной технической реконструкции и крупных затрат капитала.

Государственная собственность в странах капиталистической Европы после второй мировой войны росла главным образом во вспомогательных производствах (транспорт, электроэнергия, газ- и водоснабжение, связь) и в производстве сырья для промышленности (уголь, железная руда, черные металлы и т. п.). Доля государственной собственности в обрабатывающей промышленности в большинстве капиталистических стран незначительна.

Низкие цены на сырье и льготные тарифы на услуги государственных предприятий являются формой субсидирования частных монополий и средством усиления их конкурентоспособности на мировых рынках. Это одна из главных причин роста государственной собственности именно в странах капиталистической Европы, где производительность труда до сих пор еще ниже, чем в США. Что касается Японии, то ее конкурентоспособность на мировых рынках объясняется в значительной мере более низкой заработной платой.

Несмотря на огромное накопление и централизацию капитала в руках монополий, и в настоящее время есть сферы хозяйства, требующие слишком больших предварительных затрат капитала на научно-исследовательские, конструкторские и экспериментальные работы, которые настолько продолжительны, что невыгодны для монополий. Примером могут служить развитие атомной промышленности или спутники связи, которые являются побочным продуктом огромных затрат по освоению космического пространства. В таких случаях монополии перекладывают все эти затраты на государство, предпочитая воспользоваться уже готовыми и опробованными изобретениями. Все это приводит к росту в те или иные промежутки времени государственной собственности.

Наконец, целый ряд отраслей хозяйства, в которых заинтересованы монополии, с трудом поддается частной эксплуатации. Примером могут служить автодороги, мосты, дамбы, плотины, системы искусственного орошения и т. п. Такие сферы хозяйства обычно переходят в руки государства.

Характер государственной собственности определяется характером того способа производства, в котором она существует. В условиях капитализма она представляет собой разновидность капиталистической собственности.

Еще в XIX в. государственная собственность была совокупной собственностью буржуазии. Источником образования государственной собственности на средства производства служили налоги. В XIX и даже в начале XX в. налоговая система была в основном поимущественной, а не подоходной. На рабочих падала тяжесть косвенных налогов, но поимущественный налог на них не распространялся.

Начиная с первой и особенно со второй мировой войны империалистические страны перешли на систему подоходного налога, который стал главным источником государственных доходов в империалистических странах. Основную массу подоходного налога выплачивают в настоящее время трудящиеся, которые составляют абсолютное большинство населения.

Это обстоятельство существенно меняет характер современной государственной собственности. При национализации буржуазия получает возмещение из налогов, выплачиваемых теперь не столько имущим классом, сколько трудящимися. То же происходит на строительстве новых государственных предприятий. Таким образом, буржуазия уже давно потеряла даже формальное право на распоряжение государственной собственностью. При таком положении, даже с точки зрения буржуазного права, государственная собственность должна принадлежать всему обществу. И недаром Ф. Энгельс уже в 1895 г. указывал на то, что собранные налоги и государственные вложения «уже и теперь являются общественным достоянием, принадлежат государству или общине...»¹.

Однако при государственно-монополистическом капитализме государственная собственность оказалась узурпированной буржуазией вообще и финансовой олигархией в особенности. Узурпированной постольку, поскольку все выгоды от нее получают не трудящиеся, а главным образом монополистический капитал. Однако как форма капиталистической собственности государственная собственность, если не говорить о военной промышленности, является сравнительно более прогрессивной, чем все остальные формы, имеющиеся в капиталистических странах. Она является отрицанием не только индивидуальной, но и коллективной капиталистической собственности. Она больше, чем другие формы капиталистической собственности, указывает на полную возможность обойтись без капиталистов. При переходе власти в руки трудящихся она превращается в социалистическую собственность. Именно поэтому рабочий класс, как правило, поддерживает даже

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 532.

буржуазную национализацию средств производства (путем выкупа)¹. Но именно по этой причине частный капитал вообще и монополии в особенности оказывают упорное сопротивление расширению размеров государственной собственности. Этим объясняется, почему даже в таких странах, как Англия, Франция и Италия, где государственная собственность особенно выросла после второй мировой войны, она все же занимает сравнительно небольшое место в сфере производства.

6   *Формы собственности во взаимодействии*

Итак, в современном развитом капиталистическом обществе существуют многообразные формы собственности, однако вместе с развитием капитализма меняется их соотношение и удельный вес в экономике. В прошлом столетии не только преобладающей, но и господствующей формой собственности была индивидуальная частная собственность в ее капиталистическом и докапиталистическом вариантах. Количественно эта форма собственности преобладает и в настоящее время, однако господствующее положение в современном капитализме заняли коллективные формы собственности: акционерная, кооперативная и государственная собственность.

Различные формы современной собственности не существуют изолированно друг от друга. Они находятся в постоянном взаимодействии двоякого рода: в борьбе и в связи друг с другом.

Все существующие формы собственности глубоко противоречивы. Индивидуальная частная капиталистическая собственность является отрицанием частной собственности, сочетающейся с собственным трудом, акционерная собственность является отрицанием индивидуальной капиталистической собственности, кооперативная собственность представляет собой отрицание не только простого товарного хозяйства, но в известной степени и акционер-

---

¹ Ф. Энгельс, подчеркивавший прогрессивную роль государственной собственности, выступал против огосударствления Бисмарком железных дорог в Германии, поскольку он использовал это огосударствление в реакционных политических целях. Ныне в США на государственных предприятиях запрещены стачки. В монополистических корпорациях рабочие получают дополнительную пенсию по старости сверх государственной. По обоим этим причинам американские рабочие индифферентно относятся к государственной собственности. Коммунистическая партия США требует в настоящих условиях лишь национализации военно-промышленных монополий, угрожающих миру.

ной капиталистической собственности, а государственная капиталистическая собственность — отрицанием всех других форм собственности. Поскольку они друг друга отрицают, постольку между ними существуют противоречия, их представители ведут между собой борьбу. Весьма острым периодом этой борьбы был конец XIX и начало XX в., ознаменовавшиеся движением фермерства и городской мелкой буржуазии против картелей и трестов.

В настоящее время происходит борьба между различными слоями собственников, опирающихся на разные формы собственности, в основе которой лежит главным образом борьба между мелким, средним и крупным капиталом: фермеры борются против засилья монополий, поддерживающих низкие цены на сельскохозяйственные продукты и высокие цены на сельскохозяйственные машины, химические удобрения и т. д.; индивидуальный капитал выступает против монополистических корпораций, требуя большей доли государственных заказов, большей свободы конкуренции и меньшего государственного вмешательства; монополии выступают против государственной собственности и стремятся ограничить ее дальнейшее расширение. В результате этой всеобщей конкуренции и борьбы происходит движение всех форм собственности.

Но наряду с этой действует и по сей день противоположная тенденция — всеобщая связь всех форм собственности. Мелкое товарное хозяйство постоянно порождает капитализм и переход части мелких собственников в ряды мелких капиталистов. Часть мелких капиталистов пробивается в ряды средних и даже крупных. Капиталистическая кооперация, особенно в сельском хозяйстве, «неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду»¹. Монополистические корпорации срачиваются с государственной собственностью и используют ее в целях извлечения большей прибыли. Более того, в США государственные заводы передаются безвозмездно в «аренду» крупнейшим монополиям.

Наряду с этим большое количество средних и сравнительно крупных индивидуальных капиталистических предприятий выступает в качестве поставщиков отдельных деталей и узлов для крупных монополий. Они являются субподрядчиками монополистических корпораций при выполнении последними государственных заказов.

В известных случаях крупные монополии сами порождают мелкое производство. В современной сфере услуг и розничной торговли, где так распространена мелкая частная собственность, заинтересованы крупные монополии, для которых мелкий собственник выступает в качестве проводника их товаров.

Мелкий и средний индивидуальный собственник зависит от крупных банков и условий кредита. Это обстоятельство ставит в

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 225.

зависимость от крупных банковских монополий также и многочисленные компании и акционерные общества.

И наконец, обращает на себя внимание тот факт, что вместе с раздроблением и распылением акций мелкие и средние индивидуальные капиталисты зачастую превращаются в акционеров крупнейших монополистических корпораций. Как показали исследования, от 20 до 35% личного состояния мелких и средних индивидуальных капиталистов состоит из акций монополистических корпораций¹.

Монополии эксплуатируют и притесняют не только рабочий класс своей страны и экономически отсталых стран. Они также через монопольные цены перераспределяют в свою пользу часть прибавочной стоимости, созданной на мелких и средних предприятиях. Последнее в немалой степени обуславливает низкую норму прибыли и экономическую неустойчивость мелкого и среднего производства в структуре монополистического капитализма. Структура собственности определяет состав буржуазии, соотношение ее различных фракций и противоречия внутри буржуазии. Господствующее положение в экономике монополистической корпорации означает вместе с тем господствующее положение финансовой олигархии, чьи интересы в значительной степени противоречат интересам немонополизированной средней и особенно мелкой буржуазии.

7 Капиталистическая собственность и ее внутренние противоречия

Чем шире и глубже заходит процесс общественного разделения труда, тем более капиталистическое производство приобретает общественный характер. Вместе с обобществлением производства идет процесс преобразования капиталистической собственности на базе капитализма. В настоящее время все формы собственности состоят из двух групп: индивидуальной и коллективной капиталистической собственности. К первой группе относятся частная индивидуальная собственность непосредственных производителей и частная индивидуальная капиталистическая собственность. В противоположной группе находятся монополистическая корпорация, кооперативная и государственная капиталистическая собственность.

В экономике высокоразвитых капиталистических стран господствующее положение заняла коллективная капиталистическая

---

¹ R. Lampman. The Share of Top Wealth — Holders in National Wealth. Princeton, 1962, p. 170.

собственность: монополистическая корпорация и государственная собственность. Им принадлежит абсолютно преобладающая и решающая часть всего основного капитала этих стран.

Оценка доли государства в национальном богатстве империалистических стран вскрывает, что при большой неравномерности по отдельным странам во всем империалистическом мире государство выступает как собственник прежде всего тех частей национального богатства, которые не приносят прибыли и в то же время требуют расходов для своего содержания. Сюда относятся неразрабатываемые земельные и лесные угодья (включая заповедники, парки), оружие и другое имущество вооруженных сил, имущество государственной системы образования и социального страхования. Сюда же относятся и те отрасли и предприятия, где прибыль ниже средней, — железнодорожный и авиационный транспорт, строительство и содержание шоссеиных дорог и портов и т. п. Сюда же в отдельных империалистических странах, особенно в Западной Европе, относится значительная часть добывающей промышленности и энергетики (в этих отраслях прибыль также крайне мала, а зачастую имеются одни убытки, не в последнюю очередь потому, что государственные предприятия отпускают свою продукцию монополиям по низким ценам). Государственная собственность получила определенное распространение в сфере фиктивного капитала и иногда в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности (хотя основная часть промышленности во всех империалистических странах находилась и находится в руках монополистической буржуазии).

Как уже указывалось, государственная собственность является более высокой ступенью обобществления капиталистического производства. Однако переход монополистических корпораций в государственную собственность вовсе не является обязательным предварительным условием для перехода к социализму. По целому ряду причин, о которых говорилось выше, государственная капиталистическая собственность не превратилась в преобладающую и господствующую форму капиталистической собственности. В этом качестве выступает современная монополистическая корпорация.

О роли монополистической корпорации в современной капиталистической экономике можно судить на примере США. Роль акционерной формы предприятий в США возростала в течение всего XIX и первой четверти XX в., причем особенно бурным ее увеличение было в период перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. В настоящее время акционерная форма почти полностью господствует в сфере коммунального хозяйства, железнодорожного транспорта, банковского и страхового дела — в отраслях, где она исторически развивалась в первую очередь. Корпорации теперь играют по-

давляющую роль также в добывающей и обрабатывающей промышленности. Значительно меньше их удельный вес в торговле, автотранспорте, сфере услуг и в строительной индустрии. В целом корпорации составляют по численности лишь 14% всех предприятий в США, но их доля в прибылях во всех отраслях составляет около 64%, колеблясь от 8% в сфере услуг до 95% в обрабатывающей и добывающей промышленности.

Мелкие корпорации вместе с неакционерными предприятиями обычно находятся в руках монополизированной средней и мелкой буржуазии. Однако в экономике империалистических стран они играют подчиненную роль.

Акционерное общество отнюдь не равнозначно империализму. Реакционность монополистической корпорации заключается в том, что она находится в руках финансовой олигархии. Следовательно, задача революционных сил состоит в том, чтобы освободиться от господства финансовой олигархии. За этим следует демократизация управления и рационализация организационной структуры. В. И. Ленин подчеркивал, что «Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму...»¹.

Как продукт концентрации производства и капитала, как форма, в которой происходит обобществление производства при монополистическом капитализме, крупная корпорация доводит до предела противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением его результатов. Господство в экономике горстки монополистических корпораций подводит к необходимости превращения капитала в общественную собственность. Но это превращение возможно лишь в результате социалистической революции, замены всего капиталистического общественного и государственного устройства в целом социалистическим устройством.

Устранение финансовой олигархии, демократизация управления и рациональная реорганизация крупного обобщественного производства ничего общего не имеют с тем его раздроблением и возвратом к свободной конкуренции, о которых мечтают мелкобуржуазные реакционные романтики.

Характеризуя критиков монополий, требующих возврата к капитализму свободной конкуренции, В. И. Ленин назвал эту критику мещански-реакционной. Характерно, что в целях привлечения мелкой буржуазии на свою сторону финансовая олигархия больше всех кричит о честной конкуренции, как это было после кризиса 1929—1933 гг., когда созданные по требованию монополий принудительные картели были названы кодексами честной

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 305.

конкуренции, и как это имеет место в настоящее время, когда монополии больше всех распинаятся о «свободе предпринимательства», в то время как в реальной действительности господство и мощь монополий достигли таких размеров, при которых нет ни свободы конкуренции, ни свободы предпринимательства.

Огромная концентрация производства и связанная с ней централизация населения в городах, возросшая мощь монополий и переход на систему наемного управления как монополистическими корпорациями, так и государственной собственностью, создание аппарата по государственно-монополистическому регулированию производства и распределения привели к тому, что абсолютное большинство населения высокоразвитых капиталистических стран состоит из рабочих и служащих, работающих по найму. Например, в США и Англии работники наемного труда и члены их семей составляют около 90% всего населения. В других развитых капиталистических странах эта доля колеблется от 60 до 80%. Важно подчеркнуть, что по своему положению, характеру труда и уровню заработной платы преобладающее большинство служащих и значительная часть инженерно-технических работников приближается к рабочему классу.

Противоречие между трудом и капиталом, между большинством населения, состоящего из людей наемного труда, и финансовой олигархией, сращенной с государственным аппаратом, есть центральное противоречие современного капиталистического общества.

Современные апологеты капитализма стремятся завуалировать это противоречие, прежде всего путем отрицания самого факта существования финансовой олигархии и ее связи с акционерной формой капитала. Признавая монополистическую структуру экономики, буржуазные экономисты, как правило, утверждают, что крупные промышленные корпорации (а также банковские, страховые и т. п.) являются конечным звеном в этой структуре. Тем самым по существу делается попытка завуалировать господствующее положение в современном капиталистическом обществе узкой горстки монополистической буржуазии.

Применяя ленинскую теорию империализма к условиям США современной эпохи, прогрессивные американские экономисты успешно разработали вопрос об основных финансовых группах, объединяющих крупные промышленные, торговые, банковские и страховые монополии, и о роли акционерного капитала в обеспечении господства этих финансовых групп в капиталистической экономике. Владение крупными пакетами акций представляет собой важнейшее и основное условие устойчивого контроля данной финансовой группы над корпорациями. Другие орудия контроля развиваются на этой основе и в сочетании с владением акций. Ими являются: 1) контроль над финансированием корпораций,

особенно над эмиссией и размещением ценных бумаг; 2) участие одних и тех же лиц в советах директоров корпораций (личная уния). Это дополняется самыми разнообразными формами связей и контроля (научно-технические исследования и патентное дело, обеспечение материального снабжения и сбыта, деятельность юридических фирм и т. п.).

Прогрессивный американский экономист В. Перло в своей работе «Империя финансовых магнатов» выделил для 50-х годов восемь главных финансовых групп в американской экономике. По его расчетам, активы корпораций, входящих в главные финансовые группы США, составляли в 1955 г. 218,5 млрд. долл., в том числе у группы Морганов — 65,3 млрд., у группы Рокфеллеров — 61,4 млрд., у группы Дюпонов — 16 млрд., у Чикагской группы — 22 млрд. долл. и т. д.¹ Конечно, эти расчеты нельзя рассматривать как точную характеристику соотношения сил между группами, они представляют собой лишь ориентировочные оценки. Необходимо учитывать сложную анатомию многосторонних связей корпораций, различные степени зависимости от центра, случаи совместного влияния двух или нескольких групп, непрерывное изменение структуры финансовой олигархии и относительной мощи отдельных групп. Тем не менее сам факт господства в монополистической экономике мощной финансовой олигархии не подлежит никакому сомнению.

Ряд буржуазных экономистов пытаются принизить роль финансовой олигархии. Особенно это проявляется в теории «менеджеризма». Основное содержание этой теории составляет концепция, согласно которой в корпорациях вся власть принадлежит независимым от акционеров директорам и высшим платным служащим. Доктрина «менеджеризма» искусственно противопоставляет собственность на корпорацию, которую она трактует только как акционерную собственность массы разрозненных и лишенных всяких прав мелких держателей, и контроль со стороны якобы никому не подконтрольных управляющих. На самом деле крупные акционеры и высшая корпоративная бюрократия составляют одну социальную группу, высший слой класса капиталистов. Если даже управляющий большой корпорацией не является ее крупным акционером, он по своему положению в процессе общественного производства, по уровню доходов представляет плоть от плоти этого слоя финансовой олигархии или является его уполномоченным.

Итак, господствующая в современный период форма капиталистической собственности — корпорация была и остается основой власти финансовой олигархии.

---

¹ См. В. Перло. Империя финансовых магнатов. М., 1958, стр. 183.

8 Развитие форм капиталистической собственности и современная буржуазная политическая экономия

Отношения собственности тесно связаны с производственными отношениями. Следовательно, развитие форм капиталистической собственности взаимосвязано с изменением производственных отношений в рамках капитализма. Представление, что развиваются только производительные силы, между тем как капиталистические производственные отношения в течение трех-четырёх веков оставались неизменными и застывшими, ничего общего с марксизмом не имеет.

Важнейшими изменениями капиталистических производственных отношений за последнее столетие являлись переход от капитализма свободной конкуренции к монополистическому и затем государственно-монополистическому капитализму. Но все эти изменения ни в коей мере не коснулись принципиальной природы капитализма, как общественно-экономического строя, основанного на эксплуатации рабочего класса. В любом современном капиталистическом предприятии рабочим, лишенным средств производства, противостоит капиталист (индивидуальный или коллективный), владеющий средствами производства. Эта решающая сторона производственных отношений капитализма не подвергалась изменению, независимо от того, имеем ли мы дело с ремонтной мастерской, где работают пять — семь рабочих, или автомобильной корпорацией «Дженерал моторз», где занято свыше 700 тыс. рабочих и служащих. Этим определяется сохранение и дальнейшее обострение основного противоречия капитализма между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов.

Еще 70 лет назад В. И. Ленин писал, что «крупная машинная индустрия, в отличие от предыдущих стадий, действительно требует планомерного регулирования производства и общественного контроля над ним...»¹. Последующее экономическое развитие целиком подтвердило это ленинское положение. В настоящее время это вынуждена признать даже главенствующая школа буржуазной политической экономии, однако препятствием в этом направлении являются современные производственные отношения, при которых, несмотря на планомерность, достигаемую в масштабах монополий, несмотря на государственное регулирование производства и распределения, сохраняются конкуренция, анархия производства, кризисы, и общество страдает от отсутствия подлинного общественного контроля над производством. Эти проблемы, которые В. И. Ленин развил в своем учении о государственно-монополистическом капитализме 50 лет назад, преврати-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 545.

лись ныне в самые актуальные проблемы современной буржуазной политической экономии.

«Все идеи, — писал Ф. Энгельс, — извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или искаженные»¹. Учение В. И. Ленина о государственно-монополистическом капитализме как полнейшей материальной подготовке социализма подтверждено действительностью. Идеи современных буржуазных экономистов извлечены из опыта, но они искажают действительность. К их числу относятся современные теории «корпорационной революции», «управленческой революции», «демократизации капитала» и «индустриального общества».

Родоначальником современной теории «корпорационной революции» является американский экономист Г. Минз. Он исходит из реально происшедших изменений в формах капиталистической собственности, из возросшей роли акционерной формы собственности и господствующей роли нескольких сот крупнейших корпораций, из возрастающего отделения собственности от контроля над средствами производства. Все это правильно, однако выводы, которые делает отсюда Г. Минз, искажают реальную действительность. Прежде всего он заявляет, что господство крупных корпораций представляет собой новую общественную формацию, которую он называет «коллективный капитализм», подразумевая под ним не господство коллективной капиталистической собственности, а производство, базирующееся на «общих интересах коллектива» капиталистов, рабочих и потребителей.

А. Берли пишет, что капитализм — это строй индивидуальной частной собственности. Поскольку же корпорация заняла господствующее положение, современное общество не является капиталистическим. Управляющие монополистическими корпорациями, по словам Берли, являются не капиталистами, а обычными наемными служащими. Следовательно, как он говорит, власть из рук собственников перешла в руки «власти без собственности». Характерно, что многие буржуазные теории современного капитализма выдают финансовую олигархию за обычных наемных служащих, руководствующихся в своей деятельности не погоней за прибылью, а «социальной ответственностью». К этому сводится их теория «управленческой революции», которая, таким образом, искажает суть отделения предпринимательского дохода от платы за управление производством.

В реальной же действительности и в настоящее время полностью сохранило свою силу следующее положение К. Маркса: «На базе капиталистического производства в акционерных предприятиях возникают новые мошенничества с платой за управление, рядом с действительным управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 629.

управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной наживе»¹. Что дело обстоит именно так, подтверждается не только громадными окладами этих «управляющих», но и системой огромных бонусов и премирования акциями по таким ценам, которые приносят финансовой олигархии миллионы долларов сверх окладов и бонусов.

Система мобилизации капитала и сбережений путем огромной диффузии акций, усиливающей господство финансовой олигархии в монополистических корпорациях, изображается апологетами финансовой олигархии как «диффузия собственности» и тем самым как форма «демократизации капитала». Современным представителем этой старой теории является американский экономист П. Дракер. По поводу этой теории еще В. И. Ленин писал, что известная часть раздробленных, мелких акционеров не имеет на практике никакой возможности принимать участие в общих собраниях и т. д. ««Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии»². Следует отметить, что большинство современных американских экономистов, включая Дж. Гэлбрейта, признают, что подавляющее большинство акционеров полностью отстранены от руководства предприятиями. Власть над производством и капиталом принадлежит небольшой элите «управляющих», под которой скрывается финансовая олигархия.

Вместе с тем в монополистических корпорациях имеется обширный слой наемных служащих — инженеров, техников, экономистов и т. д., которые выполняют лишь роль технических исполнителей воли подлинных хозяев бизнеса. Из среды интеллигенции, работающей по найму, все чаще раздаются голоса с критикой финансовой олигархии. Так, например, профессор Г. Колко пишет, что «очень маленькая элита контролирует всю корпорационную структуру, главный сектор нашей экономики, и принимает основные решения о ценах, инвестициях, которые непосредственно воздействуют на всю нацию»³. Профессор К. Кэйзен задает в своей книге вопрос: «А не слишком ли много власти находится в руках тех, кто ответствен за принятие решений, затрагивающих интересы всего населения?»⁴ Профессор Э. Мэйсон

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 428.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 345.

³ G. Kolko. Wealth and Power in America. New York, 1962, p. 127.

⁴ C. Kaysen. The Corporation. How Much Power. What Scope. — «The Corporation in Modern Society». Cambridge, 1960, p. 99.

в свою очередь пишет: «Управление, т. е. контроль над этими корпорациями, находится в руках, самое большее, нескольких тысяч человек. Кто выбрал этих людей если не править нами, то по крайней мере осуществлять над нами большую власть? Перед кем они ответственны? Ответ на первый вопрос совершенно ясен: они сами себя выбрали. Ответ на второй вопрос в лучшем случае является туманным»¹.

Эта критика сопровождается требованиями общественного контроля над монополистическими корпорациями, который является шагом вперед по пути устранения господства финансовой олигархии. Современная научно-техническая революция, гигантское развитие производительных сил, которые не умещаются уже в рамках монополий, настоятельно требуют превращения капиталистической собственности в общественную всенародную собственность.

Глава XI   Немонополистический   сектор экономики   в развитых странах   капитализма

Анализ современного капитализма был бы неполным, если бы не включал в себя и немонаполистический сектор экономики. Усиление господства монополий логически предполагает включение в поле зрения исследователя той области, над которой монополии господствуют, тех направлений, в которых развивается процесс монополизации. С другой стороны, диалектика капитализма такова, что монополии никогда не могут до конца преобразовать ту основу, на которой они возникают, т. е. основу старого капитализма свободной конкуренции. «Подпочва» старого капитализма, как ее назвал В. И. Ленин, сохраняется при всех условиях, и дело никогда не дойдет до создания «чистого» империализма.

Закон концентрации производства и капитала не действует прямолинейно. Он проявляется как суммарная величина, выражающая противоречивые процессы капиталистического хозяйства. Повсеместному росту концентрации препятствуют как элементы развития, заложенные в капитализме и ведущие к росту новых отраслей, где начальный уровень концентрации может быть низок, так и элементы застоя, надолго тормозящие развитие процессов концентрации в целом ряде отраслей, экономических районов, целых стран.

Следующая причина, определяющая важность анализа немонаполистического сектора, связана с тем, что разные страны ка-

---

¹ «The Corporation in Modern Society», p. 5.

питализма находятся на разных ступенях экономического развития. Во многих из слаборазвитых в экономическом отношении стран немонополистический капитализм остается во внутренней экономике господствующим укладом хозяйства. В этих странах наряду с капиталистическим укладом большое значение имеет еще и мелкотоварное хозяйство, а также элементы натурального, патриархального уклада. Но и в развитых капиталистических странах немонополистический сектор сохраняет немалое значение (Франция, Италия). В Японии на немонополистический сектор приходится более половины продукции промышленности и экспорта, более 70% занятых и более 90% предприятий.

Поэтому ни в одной из стран капитализма, включая и самые высокоразвитые, при оценке происходящих в них процессов, а также перспектив экономического и политического развития невозможно абстрагироваться от немонополистического сектора хозяйства. Конечно, в самых развитых странах его экономическую роль трудно сравнивать с ролью, которую играет монополизированный сектор. Однако экономический аспект не исчерпывает существа проблемы. С немонополизированным сектором повсеместно связаны судьбы миллионов людей. Их социальное положение, их идеология и политические требования — это важнейшая, неотделимая часть общей картины современного капитализма.

1 *Мелкотоварный и товарно-капиталистический секторы экономики*

В капиталистических странах, включая сюда и самые высокоразвитые, наряду с монополиями существуют мелкие, средние, а иногда и крупные предприятия, которые по тем или иным причинам нельзя отнести к монополии (точнее, к монополизированному сектору хозяйства). Сфера монополизированного сектора не ограничивается лишь пределами крупнейших корпораций. Однако прежде всего определим формы существования немонополизированного производства. В связи с этим следует, во-первых, раскрыть основные социально-экономические типы, с которыми это производство связано; а во-вторых, установить, в каких областях деятельности, сферах хозяйства наиболее распространены немонополистические предприятия.

В том пестром конгломерате, каким выглядит со стороны немонополистический сектор экономики, наиболее четко отграничены друг от друга мелкотоварное и товарно-капиталистическое хозяйство. Мелкотоварное хозяйство — это сфера работающих на рынок предприятий, основанных на частной собственности и личном труде хозяина и членов его семьи. Полное отсутствие наемного персонала или наличие его в таких пределах, при кото-

рых хозяин продолжает существовать преимущественно благодаря своему собственному труду, ничтожная норма накопления, исключаяющая в большинстве случаев практические возможности расширенного воспроизводства, — вот что наиболее полно характеризует этот «донный» слой монополистического сектора. Форма мелкотоварного предприятия дошла до наших дней из глубины веков, но этот социально-экономический тип подвержен непрерывным изменениям. Конечно, во всех капиталистических странах существуют сферы, в которых прочно укоренились мельчайшие предприятия в своем первоначальном виде. Это различные ремесла, основанные на закоренелых традициях, на передаче по наследству профессиональных навыков. Это некоторые области розничной торговли, услуг. Существуют «пограничные области», где частные собственники (их называют еще единоличными предпринимателями, самостоятельными или индивидуальными хозяевами) либо вообще вымываются, либо прозябают на грани банкротства.

Но нельзя не замечать и другого. Развитие новых отраслей, новых видов продукции, изменения в самом укладе повседневной жизни нередко воспроизводят частного собственника на новой основе. В сфере торговли и услуг, например, традиционные лоточники, крошечные продовольственные и галантерейные лавчонки, закусочные, парикмахерские, швейные и сапожные мастерские соседствуют с отвечающими «духу времени» бензозаправочными станциями, авторемонтными мастерскими, мастерскими по ремонту электро- и радиоаппаратуры, косметическими кабинетами, различными зрелищными предприятиями и т. д. Заметно выросло в последние годы количество мельчайших предприятий и в области так называемых деловых услуг: консультации, рекламы, технического репродуцирования, стенографии и т. д.

Хотя в большинстве стран развитого капитализма явственно наблюдаются процессы вытеснения мелкого собственника, уменьшения его роли в экономике, этот социально-экономический тип продолжает сохраняться в сравнительно широких масштабах. Наиболее быстро вытеснение мелкого собственника происходит в эпоху создания крупной машинной индустрии. Как известно, этот период завершается формированием монополистического капитала в главных отраслях экономики. В дальнейшем прямое вытеснение частного собственника замедляется, оно отчасти перекрывается либо процессами его неоднократно повторяющегося «вторжения» в те области, из которых он был удален, либо процессами его возникновения в новых областях деятельности. Судьба частного собственника в развитых капиталистических странах наглядно подтверждает то обстоятельство, что понятие «вытеснение» в марксистско-ленинском смысле этого слова означает не только немедленную и окончательную экспроприацию, но и «могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение

условий хозяйства...»¹. При всех остановках, зигзагах и движениях вспять генеральная тенденция развивается все-таки в направлении постепенного сжатия слоя мелкотоварного производства, перехода индивидуальных хозяев и помогающих членов семей в ряды наемных работников.

Вторым важнейшим элементом немонополистического сектора является товарно-капиталистическое хозяйство. Товарно-капиталистическое хозяйство — это сфера работающих на рынок предприятий, которые используют труд наемных рабочих и служащих, но в которых, однако, отделение капитала-собственности от капитала-функции еще не завершено. В приведенном определении, как видно, первая черта — применение наемного труда — отделяет эту сферу от простого товарного хозяйства, а вторая черта — незавершенность отделения капитала-собственности от капитала-функции — отделяет этот социально-экономический тип от крупных капиталистических частных корпораций. Практически вторая черта означает, что собственник и управляющий — одно и то же лицо, либо же собственник продолжает в значительной мере выполнять функции управляющего.

В этом определении заложено и ограничение размеров предприятий, ибо прочность единства собственности и управления обратно пропорциональна размерам предприятия, и по мере их увеличения оно постепенно распадается.

Внутри товарно-капиталистического сектора хозяйства можно наметить лишь условные разграничения. В целом этот сектор характеризуется определенным единством, которое состоит в том, что он действует по законам капиталистического рынка. Исторически это основное ядро капитализма свободной конкуренции. В различных капиталистических странах на современном этапе роль этого сектора неодинакова. В развивающихся странах она очень велика. В высокоразвитых странах этот сектор отошел на второй план по сравнению с монополиями.

Обычно в товарно-капиталистическом секторе хозяйства выделяют мелкие, средние и крупные капиталистические фирмы. Разбивка эта, повторяем, носит условный характер, и критерии количественного порядка (например, число занятых) здесь весьма подвижны. В экономической литературе на Западе широко используются и различные качественные критерии, что выглядит вполне оправданным, учитывая падение роли количественного размера в связи с научно-технической революцией. Важное место среди качественных критериев занимает так называемый проблемный комплекс. Отделение мелких и средних капиталистических фирм от крупных производится в данном случае на основе извечно присущих первым проблемам (низкооплачиваемая рабочая сила, тяжелые условия труда, скудное и затрудненное финан-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 193.

сирование, прямое или косвенное подчинение крупным фирмам, ожесточенная конкуренция за право на подачки со стола крупных заказчиков и т. д.). Качественным критерием зачастую служит и «нерациональность управления» мелких и средних фирм. «Проблемный комплекс» указывает на то, чем «располагают» эти фирмы, а «нерациональность управления» — на то, чего они либо вообще, либо частично лишены. В мелких фирмах, например, как правило, отсутствуют должным образом оформленная отчетность, ведение бухгалтерских книг и т. п. Средние фирмы не могут позволить себе организацию перспективного планирования, изучение рынков и т. п.

Каковы области деятельности мелких и средних капиталистических фирм? В разных странах есть свои национальные особенности, но в общем это в первую очередь те отрасли экономической деятельности, которые сформировались еще до наступления эпохи монополий и в ходе монополизации хозяйства еще не успели подвергнуться коренной технической перестройке. Кроме того, это так называемые малые отрасли и отрасли с ярко выраженным локальным производством и рынком, отрасли, ориентирующиеся на чрезвычайно размельченный и изменчивый спрос (швейная промышленность, жилищное строительство, значительная часть пищевой промышленности). И наконец, нужно выделить некоторые новейшие отрасли, где монополия еще не успела установить своего господства. Период «экспериментального» развития отрасли, когда номенклатура продукции крайне нестабильна, технология производства не отработана, часто сопровождается большим наплывом мелких и средних фирм.

Положение мелких и средних фирм в новейших отраслях значительно более неустойчиво, чем в других сферах деятельности. Здесь их расслоение часто происходит исключительно быстрыми темпами, носит взрывной характер. Формирование отраслевого продукта, отработка технологии его изготовления, завоевание им перспективного рынка создают условия для крупных вложений капитала в организацию массового производства. И здесь все преимущества оказываются на стороне монополии. Однако при массовом разорении мелких и средних фирм в новейших отраслях определенная их часть приспосабливается к требованиям момента и выбивается в число отраслевых лидеров. Яркие примеры на этот счет дает японское электромашиностроение, где такие некогда мелкие фирмы, как ныне всемирно известная «Сони», сумели справиться с наступлением эры массового производства и найти свое место.

Особо следует сказать о крупных капиталистических фирмах в так называемых малых отраслях. Такая крупная фирма в малой отрасли может концентрировать в своих руках значительную, а часто решающую долю отраслевого производства и рынка. В малой отрасли или на локальном рынке крупная фирма, напри-

мер производитель строительных материалов, может обладать значительной монопольной силой. Вот почему такие фирмы часто, и не без основания, называют монополиями, хотя они уступают по своим размерам в десятки раз громадным капиталистическим корпорациям в больших отраслях хозяйства.

Но, обладая монопольной силой на своем рынке, эти фирмы не входят в собственно монополизированный сектор хозяйства. Основу монополизированного сектора составляют крупнейшие корпорации, обладающие колоссальными вложениями в основной капитал, в научные и прикладные исследования.

2 *Неустойчивость немонополистических предприятий. Социальный и экономический аспекты*

Определение сферы существования немонополизированного сектора и его основных форм позволяет нам сделать следующий шаг, а именно определить основную социально-экономическую черту этого сектора — его неустойчивость. Существование капиталистических предприятий перед лицом стихийных законов хозяйства всегда было подвержено превратностям судьбы. В этом смысле каждое отдельное предприятие в условиях домонополистического капитализма было по своей природе неустойчивым. Монополистическая стадия придала этой неустойчивости новые черты. Ее наступление было связано с громадным ускорением концентрации производства и капитала, с разорением мелких и средних предприятий целых отраслей промышленности.

Но положение каждого отдельного предпринимателя больше имеет отношение к социальной стороне неустойчивости. Оно создает особое классовое сознание мелкой и средней буржуазии, порождает определенную социальную психологию этих общественных слоев.

То, что в основе этих слоев лежат различные социально-экономические типы производственных отношений, а точнее, различные уровни развития производительных сил, предопределяет и глубокие различия между современным мелким буржуа, с одной стороны, и капиталистическим предпринимателем — с другой. Мелкий буржуа в полной мере испытывает гнет монополий, и его экономическое положение не столь уж значительно отличается в лучшую сторону от положения наемных рабочих.

Иное дело капиталист, владеющий небольшим, но «перспективным» предприятием, доступом к рынку капитала и т. д. Тем не менее и тот и другой с исключительной энергией держатся за свое «дело». При всей важности различных экономических причин только ими одними объяснить эту тягу нельзя. В этой связи необходимо хотя бы кратко остановиться на роли такого

фактора нематериального порядка, как предпринимательский индивидуализм, который интенсивно воздействует на поведение людей, живущих в условиях частнособственнической системы.

Обычаи, традиции капиталистического общества, воспитание в нем подрастающего поколения всегда ориентировались на стимулирование предпринимательского индивидуализма как символа «общества равных возможностей». Аналогичную роль выполняли и выполняют средства массовой информации, в значительной мере литература, искусство и т. д. Умелая организация «простым» человеком прибыльного «дела», ниспровержение им могущественных конкурентов, выдвижение из нищеты и безвестности к богатству и славе посредством деловой сметки и предприимчивости — все это на протяжении десятилетий окружается романтическим ореолом, выдается за эталон поведения. Быть предпринимателем — это качество (причем в отрыве от конкретных условий предпринимательства, как такового) само по себе обрело высокую стоимость в капиталистическом обществе.

Предпринимательский индивидуализм стал одним из наиболее стойких социальных стереотипов, и он наряду с целым рядом экономических факторов, конечно, побуждает определенные круги населения к пробе сил. Громадное большинство этих людей, располагающих ничтожными средствами для открытия «дела», прекрасно сознают, что они идут на слишком большой риск и что их ожидает слишком жалкое (если оно вообще будет) вознаграждение. Однако азартное стремление «выбиться наверх» перевешивает все соображения осторожности. Характерно, что даже серия неудач зачастую не обуздывает их порывы, и они всеми силами цепляются за возможность «попробовать еще раз»¹.

---

¹ Будучи одним из источников пополнения и расширения монополистического сектора, предпринимательский индивидуализм вместе с тем до какой-то степени ограничивает силу давления на него со стороны монополистического капитала. Монополия выглядит явной антитезой предпринимательскому индивидуализму «человека с улицы», и в этом качестве (не говоря уже о других) она также восстанавливает против себя общественное мнение. И представителям монополистического капитала приходится с этим считаться. Именно поэтому, анализируя связи монополий с мелкими и средними предприятиями, правомерно говорить не только о технической (специализация и кооперация) и экономической (выигрыш на разнице в уровнях заработной платы, возможность сбивания подрядных расценок), но и о социальной целесообразности использования первыми вторых. Другими словами, сохранение монополистического производства в ряде отраслей (особенно там, где на его долю приходится незначительная часть общего объема предложения) объясняется расчи-

Но отсюда следует, что угнетаемый монополистами мелкий и средний предприниматель в глубине души смотрит на них как на «своих», мечтает войти в их круг и с этой целью в пределах своих скромных сил и возможностей копирует их образ деятельности, эксплуатирует своих рабочих. Социальная неустойчивость этого составленного из противоречивых устремлений мелкого буржуа имеет действительно непосредственное значение и выражается в быстрой смене ориентации при изменении политических условий и колебаний хозяйственной конъюнктуры.

Экономическая сторона неустойчивости имеет иной аспект. Развитие концентрации производства и капитала то в той, то в другой области форсирует разорение и вытеснение мелкого производства. Но в целом процессы концентрации характеризуются отчетливо наблюдаемой долговременностью. Более того, как будет показано ниже, сам процесс концентрации не может уже на современном этапе пониматься только как сосредоточение нарастающей доли производства на крупных предприятиях. Концентрация все чаще развивается в скрытых формах, не связанных с выбрасыванием мелкого производства за борт.

Вместе с тем развитие концентрации переплетается с сохранением условий для существования мелкого и среднего производства. Рост абсолютных размеров производства и капитала, угрожающий существованию мелкого и среднего производства, зависит от уровня развития и характера развития производительных сил. Но важнейшей особенностью роста производительных сил при капитализме является его крайняя неравномерность. Конечно, в отдельных отраслях развитие концентрации может быть резко ускорено, а в других, наоборот, замедлено мерами государственной экономической политики, политики монополий, и многими другими конкретными обстоятельствами. Но в целом процессы концентрации тесно связаны с долговременной тенденцией роста производительных сил.

танной политикой монополий, которым ничего не стоило бы добиться вытеснения мелких и средних предприятий, но которые не делают этого, учитывая возможность вспышки антимонополистического движения и выставяя себя в роли ревнителей «свободной конкуренции».

Аналогичными мотивами руководствуется и буржуазное государство, вынужденное время от времени предпринимать протекционистские меры по отношению к мелким и средним предприятиям. Поощряя их кооперирование, развертывая сеть финансовых учреждений для их первоочередного кредитования (Япония), учреждая центры по льготной аренде им промышленного оборудования (Франция), распределяя среди них свои заказы (США) и т. д., буржуазное государство как бы подкрепляет предпринимательский индивидуализм в материальном отношении.

Из этой связи вытекают особенности экономического аспекта неустойчивости мелкого и среднего производства современного капитализма. Эта неустойчивость носит коренной, длительный характер. Но именно коренной, иначе говоря, структурный характер этой неустойчивости предопределяет и возможность длительной стабилизации отдельных сфер приложения мелких и средних капиталов, и возможность быстрого роста мелких и средних предприятий в ряде отраслей.

3 Монополизация мелкого и среднего производства

Рассматривая немонополистический сектор, мы до сих пор абстрагировались от весьма важного явления в его развитии, явления, свойственного всем высокоразвитым странам капитализма. Оно состоит в том, что значительные области мелкого и среднего производства превращаются в высокомонополизированные подразделения экономики, не переставая в то же время состоять из мелких и средних предприятий. Это явление, пожалуй, наиболее точно определяет нынешний статус мелкого и среднего производства в высокоразвитых капиталистических странах: речь идет о непосредственном или косвенном устойчивом включении тысяч и десятков тысяч мелких и средних предприятий в сферу организации, в производственно-бытовой аппарат монополий.

Еще в начальный период развития монополистического капитализма монополии, захватив господствующие позиции в ряде новых отраслей, также стремились вовлечь в свою сферу мелкое и среднее производство. Различные картельные соглашения объединяли в монополистические союзы целые отрасли, где зачастую было множество мелких и средних фирм. Однако, поскольку эти объединения создавались на старой технической основе, они не могли быть прочными. Картели часто распадались, чтобы возникнуть вновь в другой отрасли. Картельная форма монополистического регулирования отраслей сохранилась до сих пор во многих странах и на международной арене. Но научно-технический прогресс и экономический рост повсеместно снижают распространенность этой формы монополистического регулирования, порождая новые формы.

По мере технической и организационной перестройки, по мере структурных изменений экономики мелкое и среднее производство обретают в своих отношениях с монополиями новое место и значение. Поскольку эта технико-экономическая сторона дела имеет непосредственное отношение к социально-экономическим изменениям капиталистического хозяйства и месту немонополизированного производства, будет уместно подробнее охарактеризовать существо организационной перестройки, постепенно изменив-

шей прежнее лицо целых отраслей металлургии, химии, машиностроения и т. д.

Крупные предприятия, концентрируя у себя производство основных, профилирующих видов продукции, а также ряд важнейших стадий производственного процесса (начальные — в химии, металлургии, текстильной промышленности, завершающие — в машиностроении), в производстве мелкосерийной и уникальной продукции и в промежуточных стадиях производственной вертикали, а иногда и «на выходе» готовых изделий оставляют место для существования многочисленных мелких и средних предприятий.

Процесс структурной ломки в промышленности приводит к образованию новой системы связей между мелким и крупным производством. Крупные объединения стремятся освободиться от универсального характера производства, являющегося часто стихийным результатом процесса роста. Следствием этого являются децентрализация внутренней структуры объединения и выделение отдельных видов продукции за внешние рамки. Эти виды продукции начинают производить специализированные фирмы. Наряду с вынесением ряда производств за свои пределы крупные монополистические объединения собирают под свою эгиду многочисленные предприятия, работающие часто на основе заказов-спецификаций.

Выделение промежуточных стадий переработки продукта, изготовление полуфабрикатов в качестве поля деятельности мелких и средних фирм можно показать на примере таких отраслей, как металлообрабатывающая промышленность, переработка алюминия и других цветных металлов, производство пластмасс.

Если основными изготовителями черных и цветных металлов, пластических масс являются в основном крупнейшие промышленные объединения, то на промежуточных и на некоторых завершающих стадиях производственной вертикали действует множество мелких и средних фирм, изготавливающих специальный прокат, литье, штампованные полуфабрикаты и готовые изделия.

Существование монополистического давления как по производственной вертикали (крупные поставщики и покупатели продукции мелких фирм), так и по производственной горизонтали (крупные конкуренты в отраслях, где существует много мелких фирм) не отменяет того факта, что в так называемых зонах свободной конкуренции, о которых будет сказано ниже, действуют законы формирования средней прибыли и цены производства.

Итак, техническая и организационная перестройка приводит к неизмеримо более полному и устойчивому, чем прежде, подчинению монополии тех отраслей, которые связаны с нею в экономической деятельности. Но это обстоятельство решительно изменяет и характер этих отраслей. Они становятся частью монопо-

лизированного сектора экономики. Скрытая форма развития концентрационных процессов проявляется здесь поистине в рафинированном виде.

По аналогии с известным положением Маркса о формальном и реальном подчинении труда капиталу можно говорить о развитии процессов реального подчинения многих мелких и средних предприятий монополиям на основе технико-экономической перестройки и специализации. Реальность этого подчинения выступает в виде контроля со стороны монополии основных параметров экономической деятельности многочисленных мелких и средних предприятий, связанных с монополией по линии поставок и сбыта продукции. Монополии, как правило, контролируют цены, издержки производства, размер прибыли своих контрагентов. Но на этом процесс монополизации мелких и средних предприятий не завершается.

Организационная перестройка, развитие специализации, рост производительности труда требуют больших затрат капитала. Между тем установление устойчивых, тесных связей с мелкими и средними поставщиками имеет экономический смысл только в случае их технического перевооружения. Поэтому если в связанных с монополиями отраслях сохраняются многочисленные мелкие и средние предприятия, то источником капитала для перестройки более или менее значительной их части служит нередко сама монополия. Монополия наделяет капиталом мелких и средних предпринимателей, превращая их в часть своей организационной структуры, но сохраняя им (конечно, формальную) независимость.

В США за годы после второй мировой войны получила широкое распространение так называемая система лицензий, означающая, что десятки тысяч мелких и средних предприятий в перерабатывающих отраслях промышленности, в торговле, услугах работают непосредственно на основе разрешений (лицензий) монополий, при их финансовой и технической помощи. Предприниматели, руководящие такими предприятиями, получили название операторов. Это означает, что они работают в основном на чужом капитале, капитале монополий. Соответственно этому и их основная функция состоит в том, чтобы способствовать реализации прибыли для монополий. Их собственный доход планируется монополиями в узких границах издержек производства и сбытовых цен, причем каждый из этих компонентов находится под контролем монополии. Поскольку операторы-предприниматели отделены от капитала, работают на чужом капитале, экономическое и общественное положение этой прослойки отличается от положения традиционной мелкой и средней буржуазии.

Аналогичный в принципе процесс развернулся в послевоенные годы и в Японии. Он выразился в модернизации традиционной субподрядной системы, при которой основной упор делался на без-

удержное ограбление мелких и средних поставщиков, исполнителям заказов монополий не оказывалось никакой поддержки, а шаткость связей с ними, возможность прекратить всякие деловые отношения в случае неблагоприятной конъюнктуры считались главным достоинством. Обострение межмонополистической конкурентной борьбы потребовало от крупных фирм подтянуть хотя бы часть субподрядчиков до своего уровня путем оказания им финансовой и технической помощи, командирования своих служащих и т. п. В результате этого отбора, который получил название «группирование», в массе обычных субподрядчиков сформировалась и от них отделилась привилегированная часть предприятий, получающих в первую очередь наиболее выгодные заказы по сравнительно приемлемым расценкам и пользующихся предпочтением финансовых учреждений. Группирование означает, естественно, многократное усиление контроля монополий над своими мелкими и средними контрагентами, фактическое лишение их независимости. Но столь же очевидно, что владельцы этих предприятий, подобно американским операторам, в социально-экономическом отношении не могут быть поставлены в один ряд с основной массой мелких и средних предпринимателей.

4 Расслоение экономической деятельности. «Зоны свободной конкуренции»

Мы начали главу с того, что указали на существование монополизированного и немонаполизированного секторов в экономике современного капитализма. Теперь мы видим, что это подразделение страдало некоторым схематизмом, что оба сектора не отгорожены наглухо друг от друга. Монополия не ограничивается только крупнейшими корпорациями и высокоцентрализованными большими отраслями хозяйства. Через свою «периферию» — подчиненные ей мелкие и средние предприятия — она проникает в те отрасли, где крупное массовое производство нерентабельно. Поначалу это проникновение связано с формальным подчинением этих отраслей монополии. Затем в ходе научно-технического прогресса это подчинение приобретает все более реальный характер.

Однако все это не отменяет рассмотренной ранее суммы причин, ведущих к длительному существованию и воспроизводству ряда традиционных отраслей, непосредственно не подчиненных монополистическому контролю, малых отраслей, новых отраслей. Немонаполизированный сектор не исчезает, не растворяется в монополии. Его определение лишь уточняется и подразумевает существование внутри многих отраслей так называемых зон свободной конкуренции при продолжении процесса углубляющейся монополизации экономики.

Отличие этого определения заключается в том, что оно не связывает монополизированное производство с определенными размерами экономической деятельности: капитала, продаж, занятости и т. д. Действительно, монополизация ряда отраслей мелкого и среднего производства делает количественные разграничения в значительной мере искусственными. Разделительная черта пролегает между теми сферами, деятельность которых монополии регулируют непосредственно (монополизированный сектор), и теми, где монополистическое регулирование действует лишь косвенно, определяя только общие результаты и возможности развития («зоны свободной конкуренции»).

Тезис о существовании «зон свободной конкуренции» в условиях высокомонополизированной экономики требует подтверждения. Здесь будет весьма кстати рассмотреть особенности организации производства и рынка в некоторых отраслях, где, как мы считаем, «зоны свободной конкуренции» особенно заметны.

Не будет большим преувеличением сказать, что в отраслях легкой промышленности высокоразвитых капиталистических стран (швейная, обувная, полиграфическая, мебельная и др.) существуют своеобразные заповедные поля, где еще продолжают сохраняться мелкие и средние капиталистические фирмы в их старой, классической форме. Они производят законченный продукт и не являются простым производственным придатком монополии, как это имеет место во многих новых и технически преобразованных отраслях.

Причины существования множества мелких и средних фирм в отраслях легкой промышленности обычно объясняют небольшим уровнем минимальных затрат капитала, необходимых для организации одного эффективного предприятия. Так, обследование ряда отраслей обрабатывающей промышленности США показало, что наименьший объем затрат на одно предприятие существует в обувной и мукомольной промышленности. Наименьшие размеры основного капитала в расчете на одного рабочего существуют в швейной, обувной, мебельной, текстильной отраслях промышленности.

Однако небольшие размеры затрат на строительство одного эффективного предприятия имеют не только технический, но и социально-экономический характер. Ведь само развитие производительных сил при капитализме несет на себе отпечаток конкретных производственных отношений. В ряде отраслей задержка в развитии техники превращается в долговременную структурную черту всей экономики капитализма. Это, в частности, относится и ко многим отраслям легкой промышленности.

В производстве многих предметов потребления долговременного пользования — автомашин, телевизоров, холодильников — господствуют монополии. Эти отрасли с самого начала развива-

лись на новой технической основе, требующей громадных затрат капитала для организации массового производства.

Не так обстоит дело со старыми отраслями легкой промышленности. Они в основном сформировались до наступления монополистического капитализма. Изменение структуры этих отраслей, рост концентрации производства возможны на базе дорогостоящего обновления технической основы. Но следует иметь в виду, что рынок этих отраслей довольно консервативен, он не способен к быстрому расширению. Поэтому сопротивление монополии новым методам организации массового производства в традиционных отраслях особенно сильно.

Развитие процессов концентрации и усиления монополий здесь можно сравнить с застройкой старых жилых районов. Известно, что значительно дешевле застраивать новые площади, чем старые жилые районы, где приходится сносить целые кварталы старых построек для возведения новых больших зданий.

Поэтому, оказываясь перед выбором одного из двух путей, монополисты устремляются прежде всего в те отрасли, где работа по «расчистке» не столь велика. В итоге традиционные отрасли надолго остаются в состоянии технической и организационной отсталости.

Однако, какой бы долговременной ни была эта отсталость, процессы, развивающиеся в недрах самих «зон свободной конкуренции», и процессы, привносимые извне, постепенно преобразуют их. С одной стороны, внутри старых отраслей легкой промышленности мало-помалу выделяются крупные компании, концентрирующие значительную долю продукции отрасли. С другой стороны, «зоны свободной конкуренции» не могут в конечном итоге не превращаться в объекты экспансионистской политики монополий. Их изолированность и вообще-то весьма относительная — не более чем временное, преходящее явление. Особенно явственно проникновение монополий в старые отрасли легкой промышленности наблюдается на примере организации массового сбыта продукции, имеющей для этих отраслей первостепенное значение. Громадные торговые монополии, имеющиеся в любой высокоразвитой капиталистической стране, успешно ставят под свой контроль деятельность десятков тысяч поставщиков в указанных отраслях.

Цепные закупочные системы, организованные торговыми монополиями и охватывающие всю территорию той или иной страны, осуществляют связь с целой армией предприятий-поставщиков, производящих широкий ассортимент товаров (одежда, обувь, мебель, бытовые электроприборы, радиоаппаратура и т. д.). Подавляющее большинство этих предприятий — мелкие и средние. Монополии контролируют издержки производства и закупочные цены на продукцию предприятий-поставщиков. Тем из них, с которыми монополии связаны долгосрочными соглашениями,

оказывается финансовая помощь в специализации производства, реорганизациях, слияниях с другими фирмами. Стоит ли повторять, что другая сторона этой помощи — постепенная потеря всякой экономической независимости, аккумуляция основной части прибылей многочисленных предприятий-поставщиков в руках монополии?

Таким образом, рассматривая монополизацию как далеко еще не заверченный процесс, вследствие чего и становится возможным существование «зон свободной конкуренции», мы одновременно должны ясно отдавать себе отчет в том, что и в этих зонах наблюдается расслоение мелкого и среднего производства, усиливается зависимость от монополий, что сами эти зоны неуклонно сужаются. Процессы монополизации, связывания мелких и средних компаний по линии финансирования, долгосрочных соглашений о контроле, прямого планирования производственной деятельности, сбыта вторгаются в «зоны свободной конкуренции».

5 Влияние технического прогресса на немонополистическое производство

Технический прогресс — явление сложное и многостороннее. Его направления и формы постоянно множатся, а сфера воздействия непрерывно расширяется. Еще сравнительно недавно мелко-товарное и товарно-капиталистическое хозяйства по сути дела оставались в стороне от главных путей научно-технической революции. В настоящее время положение коренным образом изменилось: мелкие и средние предприятия испытывают осязаемое и постоянно усиливающееся влияние технического прогресса, причем характер этого влияния не может быть определен однозначно.

Одни направления и формы технического прогресса имеют своим результатом вытеснение, другие, напротив, сохранение и развитие мелких и средних предприятий. В то же время целый ряд этих направлений и форм наделен — в том, что касается перспектив немонополистического производства, — специфической двойственностью. Иначе говоря, они как бы составлены из факторов «вытеснения» и факторов «сохранения», находящихся в определенной пропорции, при этом пропорции подвижной, смещающейся то в ту, то в другую сторону.

Одним из основных направлений технического прогресса является прогресс технологии и организации производства. Сюда включаются новые методы изготовления уже известных видов продукции. Прогресс технологии и организации производства, конечно, не оставляет производимый продукт без всяких изменений. Однако характер этих изменений состоит в отдельных улучшениях, в придании продукту более совершенных, «индустриаль-

ных» форм и не касается самой основы потребительной стоимости продукта.

Прогресс технологии и организации производства предполагает принципиально новое решение в изготовлении продукции. Его основной результат заключается в снижении издержек производства на единицу изделия. Новые методы производства связаны, в частности, с переводом его на поток. Их развитие ведет к организации массового выпуска дешевой продукции на тех самых участках, где прежде было полукустарное дорогостоящее производство. Естественно, что итогом прогресса в области технологии и организации производства оказываются рост размеров абсолютной концентрации, вытеснение мелких предприятий, усиление монополизации.

Следующее из основных направлений технического прогресса — прогресс в организации управления и контроля. В условиях капитализма этот важнейший вид технического прогресса (точнее сказать, прогресса производительных сил) ведет к структурной перестройке отраслей промышленности, к развитию специализации с ее двояким воздействием на монополистическое производство.

Специализация, сопровождающая процесс углубления общественного разделения труда, обеспечивает сокращение издержек производства, облегчает расширение рынков сбыта и тем самым ускоряет концентрацию и централизацию, ведет к уменьшению числа капиталов, функционирующих в одних и тех же отраслях. Затем на известном этапе возникает качественно новое явление — диверсификация, которая знаменует собой создание многоотраслевых комплексов, охватывающих как технически связанные (добыча угля и руды — выплавка чугуна — выплавка стали — выпуск сталепродуктов), так и совершенно разнородные участки хозяйственной деятельности (пригородные электропоезда, универмаги, отели) и, естественно, сужающих сферу приложения мелких капиталов.

Однако та же самая специализация, усложняя производственную структуру, увеличивая степень «окольности» производства, т. е. отдаляя завершающие стадии производственных процессов от первичной обработки сырья, непрерывно создает в монополистической сети «вакуумные ячейки», где примитивные, доступные мелким и средним предприятиям средства механизации и даже малогабаритное автоматическое оборудование создают новые стигмы его существования.

Важное значение с точки зрения судеб монополистического производства имеет и прогресс в технике и организации производственных потоков и потоков информации. Здесь имеется в виду вся сфера транспорта и связи как важнейшая часть (элемент) структуры производительных сил развитой экономики,

В целом развитие транспорта способствует созданию громадных национальных и международных рынков и резко ускоряет концентрацию производства и капитала. Развитие средств связи и информации служит такому важному делу, как производственная децентрализация при усилении централизованного контроля. Все это вместе ведет к усилению монополизации экономики.

Однако неверно было бы подходить к этим процессам односторонне. Известно, что во многих отраслях, особенно в отраслях, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции, прогресс транспорта и средств связи и информации открыл новые горизонты для мелких и средних предприятий. В США, например, развитие автомобильных грузовых перевозок привело к децентрализации мясохладобойной промышленности. Место прежних гигантских скотобоен заняли небольшие перерабатывающие предприятия, приближенные к производителю и использующие современные промышленные морозильные установки. Таким образом, и в данном случае мы обнаруживаем двойственное влияние технического прогресса на немонополистическое производство.

Рассмотрим роль технического прогресса, выражающегося в создании новых видов продукции. Этот вид технического прогресса в наибольшей степени стимулирует создание и рост новых предприятий. Конечно, многие новые изделия с самого начала возникают в лабораториях крупных фирм и в государственных научно-исследовательских учреждениях. Но наряду с миром «больших» изобретений существует мир разнообразных и бесчисленных «малых» новинок как производственного, так и особенно потребительского назначения. Если в мире «больших» изобретений появляется лазер, синхрофазотрон, новая ракета, новый вид топлива, то в «малом» мире изобретают хула-хуп, фибергласовый шест для прыжков в высоту, новое синтетическое покрытие для беговых дорожек, электронный слуховой аппарат и т. д.

Фирма, выпустившая на рынок новый удачный продукт, может на время стать монополистом в своей области и вырасти до внушительных размеров. Многие буржуазные экономисты игнорируют временный характер этой «монополии» и говорят о несовершенной конкуренции как о стабильной основе развития немонополистического производства. Однако в действительности дифференцированность, индивидуальность, наконец, монополия фирмы, выпустившей на рынок удачную новинку, чрезвычайно шатки, преходящи. Это, собственно говоря, мгновение в длительном процессе.

Между такой фирмой и крупнейшими корпорациями капиталистического мира — «дистанция огромного размера», связанная с разницей накопленного основного капитала. База такой фирмы, монополизировавшей «свой» продукт, весьма неустойчива. Сотни имитаторов, производителей субститутов, конкурирующих видов продукции ограничивают и подрывают ее монополию на капита-

листическом рынке. И наоборот, положение крупнейших капиталистических корпораций в капиталоемких отраслях экономики в рамках капиталистического способа производства по существу неизменно. При всем этом производство новых видов продукции, особенно в тех областях, где его организация не требует больших затрат капитала, остается сферой законов свободной конкуренции.

6 *Двойственная структура капиталистической экономики. Государство и монополистический сектор*

Для большинства развитых стран капитализма, да и для многих развивающихся стран характерно наличие так называемой двойственной структуры экономики. Под этим названием имеется в виду существование наряду с технически перевооруженными отраслями традиционных отраслей, отсталых в техническом отношении, базирующих свое производство на ручном труде или примитивной механизации.

Часто причину существования традиционных сфер экономики видят в недостаточном развитии капитализма, в отставании процессов концентрации производства, которое (отставание) может быть преодолено на путях повышения производительности труда, концентрации производства, усиления его монополизации. Такой анализ причин отставания традиционного сектора экономики и путей преодоления того отставания поверхностен и по существу неверен. Он обращает внимание на эволюционную сторону развития капитализма, упуская из виду его реальные противоречия.

На самом деле, даже в наиболее развитых странах капитализма продолжают существовать, как мы видели, целые области деятельности, основанные на самых примитивных орудиях производства. И дело здесь не только в сохранении ремесел и народных промыслов. Мы здесь не говорим о тех производствах, которые по самой своей сути не поддаются механизации. Речь идет о тех отраслях, которые в развитых странах капитализма остаются в течение многих десятилетий страшно отсталыми, несмотря на то что при достигнутом уровне развития техники их рационализация и реорганизация технически вполне осуществимы.

Все дело в том, что рост монополий и развитие монополизации, приводя в ряде отраслей к быстрому техническому прогрессу и росту, наряду с этим и в силу этого надолго задерживают рост и развитие других отраслей экономики. Двойственная структура в известной мере воспроизводится в условиях монополистического капитализма. Отсталые отрасли, целые деградирующие районы

выступают как обратная сторона монополистического производства.

Каков экономический механизм этого двойственного процесса: развития монополизации, основанной на передовой технической оснащенности, на одной стороне, и долговременной консервации отсталости, на другой стороне? Основой его является постоянное структурное различие в нормах прибыли, реализуемых внутри монополизированного производства по сравнению с немонополизированным. Это различие, а именно более высокие нормы прибыли в монополизированных отраслях, приводит в условиях действия законов стихийного рыночного хозяйства к длительному дисбалансу в экономике.

Отрасли хозяйства, с самого начала попавшие в положение отсталых, лишаются возможности выйти из этого состояния своими силами, поскольку прибыльность в них в целом чрезвычайно низка и не дает возможности осуществить крупные вложения капитала в целях технической перестройки и реорганизации. Монополии же не спешат с перестройкой старых отраслей. Как уже было отмечено выше, значительно прибыльнее вкладывать капитал в новые сферы, чем заниматься расчисткой старых отраслей.

Конечно, не следует абсолютизировать структурное расслоение и двойственность технической основы, на которой зиждется экономика современного капитализма. После второй мировой войны ряд отраслей, издавна считавшихся традиционными и отсталыми, совершили переход к современному машинному производству. Но понять сущность и пути такого перехода ранее отсталых отраслей на новую техническую основу невозможно, не рассмотрев при этом роль буржуазного государства.

Буржуазное государство в развитых странах капитализма пытается хотя бы отчасти компенсировать то разрушительное влияние, которое оказывает на пропорциональное развитие всего хозяйства монополизированный сектор. К такой политике государство вынуждается весьма серьезными экономическими и политическими причинами.

С экономической точки зрения постоянное отставание ряда отраслей хозяйства на фоне «процветания» других отраслей ведет в конечном счете к созданию «узких мест» во всей экономике и к общей задержке развития. Политический аспект этой проблемы еще более важен. Недовольство широких слоев мелкой и средней буржуазии действиями монополистов не может не беспокоить государство. Ведь эти слои являются одной из важных социальных опор политического господства монополистического капитала.

Естественны поэтому попытки государства «гармонизовать» отношения между различными отрядами современной буржуазии. Мы далеки от мысли представить буржуазное государство в роли какого-то беспристрастного, «надклассового» арбитра. Вся его

деятельность преследует цели обеспечения наилучших условий для господства монополистического капитала. Однако методы достижения этих целей не могут быть прямолинейными. Буржуазному государству приходится лавировать, создавать иллюзию защиты немонополистического сектора, а иной раз и предпринимать реальные протекционистские меры в этой области, лимитирующие в какой-то степени давление со стороны монополий и вызывающие недовольство монополистической буржуазии. Они критикуют даже те редкие и робкие меры помощи немонополистическому сектору, к которым вынуждено прибегать буржуазное государство. По поводу этой критики можно сказать лишь, что государство в данном случае сознает интересы монополий лучше их самих. Впрочем, как следует из вышесказанного (см. раздел о социальной и экономической неустойчивости немонополистических предприятий), политическую необходимость упомянутой «гармонизации» начинает понимать и монополистическая буржуазия.

Во всех развитых капиталистических странах существуют специальные правительственные органы, занятые делами мелких и средних предприятий и призванные оказывать им разнообразную помощь (финансовую, техническую, организационную и т. д.) в области управления.

Однако объем деятельности этих органов слишком мал и затрагивает слишком небольшую часть немонополистического сектора, чтобы оказать сколько-нибудь существенное влияние на результаты стихийных процессов рыночной конкуренции.

В высокоразвитых капиталистических государствах существует и законодательство, цель которого состоит в воздействии на процессы монополизации. В США это так называемое антитрестовское законодательство, которое уже с конца прошлого века запретило организацию картелей и различные формы негласного сговора (правда, в последнем случае законодательство оказалось малоэффективным). Запрещение картелей способствовало быстрому росту крупного машинного производства и вытеснению из ряда отраслей мелкого неэффективного производства. Таким образом, американское государство издавна стремилось решить проблемы структурной несбалансированности на путях поощрения монополизации и «реальной» реорганизации отраслей хозяйства.

В Европе до второй мировой войны большинство государств покровительствовало разным картельным объединениям. Эта форма монополизации, создавая видимость защиты мелкого и среднего производства от наступления монополий, в то же время надолго задерживала технический прогресс и усиливала структурную отсталость европейской экономики. Не случайно в конце 50-х — начале 60-х годов в ряде стран Западной Европы (Англия, ФРГ) новое законодательство пошло по пути запрещения картельных

соглашений и различных форм сговора, блокирующих технический прогресс.

В Японии, где, с одной стороны, до сих пор сохраняется (правда, изрядно выхолощенное) антимонополистическое законодательство первых послевоенных лет, а с другой стороны, осуществляются законодательные же меры по фактическому картелированию мелкого и среднего производства, в последнее время все более ощутимым становится курс на ту же «реальную» реорганизацию хозяйства, что и в США.

Но любое антитрестовское законодательство далеко не достаточно для компенсации того разрыва в уровнях развития и роста, который существует в рамках двойственной структуры хозяйства.

Можно сказать, что современное буржуазное государство слишком тесно связано с монополистическим капиталом, чтобы уделять серьезное и систематическое внимание перестройке отсталых секторов экономики. Но поскольку это так, постольку сохраняется экономическая база противоречий внутри буржуазии, постольку сохраняется экономическая база объединения различных слоев мелкой, а в ряде случаев и средней буржуазии на платформе антимонополистической борьбы.

Глава XII   Аграрные проблемы развитых стран капитализма. Абсолютная и дифференциальная рента

Сельское хозяйство большинства развитых капиталистических стран за последние 25—30 лет достигло машинной стадии и широкого технологического применения современных научных знаний. В ходе и результате этого скачка в развитии производительных сил сельского хозяйства эволюционировала и вся совокупность аграрных отношений. Новые явления в развитии капиталистического сельского хозяйства порождены и развились в прямой связи со сложным взаимодействием таких определяющих процессов, как современная научно-техническая революция, как развитие государственно-монополистического регулирования сельского хозяйства, как усиление роли капитала и постепенное уменьшение значения монополии частной собственности на землю. Краткой характеристике этих проблем и посвящена данная глава.

1 Тенденция преодоления отставания сельского хозяйства от развития промышленности

Переход к машинной стадии производства и к широкому технологическому применению научных знаний произошел в сельском хозяйстве стран развитого капитализма примерно на 150 лет позднее, чем в промышленности. Но, совпав во времени с научно-технической революцией, технический переворот в способе производства сельскохозяйственных продуктов неизбежно стал частью этой революции и потому предстает как нарастающий процесс технологического совершенствования сельскохозяйственного производства.

В сельском хозяйстве не только применяется система машин, обеспечивающая комплексную механизацию большинства работ, но и идет на базе электрификации частичная и полная автоматизация ряда отраслей (птицеводство, откорм крупного рогатого скота и свиней). Все более важную и активную роль в техническом прогрессе сельского хозяйства играет химизация. Крупные достижения получены в области мелиорации и борьбы с эрозией почвы. На примере роста сельскохозяйственного производства отчетливо обнаруживается и превращение науки в определяющую производительную силу, уже позволившую в сравнительно короткий промежуток времени значительно повысить урожайность сельскохозяйственных культур, увеличить продуктивность животных и птицы¹.

В настоящее время, когда сельское хозяйство вступает в век биохимии, технологическое применение открытий биологии, вообще, биохимии и биофизики в частности, а также других наук начинает в решающей степени определять рост сельскохозяйственного производства. Если на ранних ступенях развития биологической науки соединение в сельском хозяйстве общественного производства с естественным процессом роста растений и животных обуславливало медленные темпы роста сельскохозяйственной продукции, то ныне оно становится могучим фактором ее роста, так как поставленные наукой на службу людям силы природы резко ускоряют производство сельскохозяйственной продукции часто без больших материальных затрат.

---

¹ По подсчетам экономистов министерства сельского хозяйства США, технологическое применение открытий науки обеспечило в США за 23 года, с 1940 по 1963 г., экономию на издержках производства в размере 200 млрд. долл. Причем затраты на науку оценивались лишь в сумме 8 млрд. долл. («A National Program of Research for Agriculture». Washington, 1966, p. 22).

Переход сельского хозяйства на рельсы машинного производства вызвал крупные изменения в процессе его воспроизводства. Сельское хозяйство превратилось в одну из самых капиталоемких отраслей капиталистической экономики. В сельском хозяйстве США, Англии, ФРГ и ряда других стран применяется в расчете на одного занятого ныне больше основного капитала, чем в промышленности¹. Причем при достижении машинной стадии производства технический прогресс в сельском хозяйстве выражается не столько в увеличении массы применяемых средств производства, сколько в их усовершенствовании и тем самым зависит от скорости обновления основного капитала, вложенного в машины и оборудование.

Как известно, размеры предприятий предопределяются применяемой техникой, т. е. в конечном счете уровнем развития производительных сил. Индустриализация сельского хозяйства, применение высокопроизводительных машин на всех стадиях сельскохозяйственных работ привели к укрупнению размеров сельскохозяйственных предприятий. Минимальный размер капитала, необходимый для организации капиталистически рентабельного предприятия, вырос в десятки раз. В результате этого резко ускорилась концентрация производства и капитала в руках капиталистических сельскохозяйственных производителей. Причем важнейшей чертой этого процесса является образование огромных ферм-фабрик по производству зерна, мяса, молока, овощей и фруктов.

Увеличение темпов накопления капитала в послевоенном сельском хозяйстве стран развитого капитализма обусловлено сложным взаимодействием многих факторов, таких, как новая возможность получения избыточной прибавочной стоимости (прибыли) для капиталистов, применяющих передовую технику; система государственной поддержки сельскохозяйственных цен и поощрения крупного сельскохозяйственного производства; возросший поток «городских денег» (в форме как кредита, так и прямых инвестиций) непосредственно в сельскохозяйственное производство и др.

Становление машинной стадии сельскохозяйственного производства вызывает резкое сокращение применяемой рабочей силы.

---

¹ В США, например, основной капитал, вложенный в производственные здания, сооружения, машины и оборудование, по его оценке по полной восстановительной стоимости и в ценах 1958 г., увеличился в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве с 2679 долл. в 1940 г. до 11 987 долл. в 1966 г., а в обрабатывающей промышленности — соответственно с 7889 до 9905 долл. (рассчитано по: «Survey of Current Business», December 1967).

Массовая замена труда машинами даже в условиях низких ставок сельскохозяйственных рабочих (как правило, в 2 и более раза ниже ставок заработной платы промышленных рабочих) обеспечивает большую экономию на переменном капитале и тем самым выступает как одно из важнейших средств накопления капитала в этой отрасли¹.

Далее, до тех пор пока машинное производство развивается в сельском хозяйстве за счет вытеснения мелких, средних и даже крупных немеханизированных или слабомеханизированных хозяйств, машина (как и другие средства, снижающие издержки производства на единицу продукции) становится в этот первый период своего применения мощным средством обеспечения сверхприбылей и тем самым орудием капиталистического накопления. На эту сторону технического переворота в способе производства в свое время особое внимание обращал К. Маркс, подчеркнув, что «этот первый период, когда машина только еще завоевывает себе сферу действия, имеет решающее значение ввиду тех чрезвычайных прибылей, которые производятся при помощи машины»².

Следует сказать, что техническая революция смогла стать двигателем накопления капитала в сельском хозяйстве в значительной степени благодаря той устойчивости цен на основные сельскохозяйственные товары, которая была достигнута в послевоенный период с помощью государственной системы поддержки цен. Ныне сельское хозяйство большинства стран развитого капитализма стало отраслью сравнительно выгодного вложения капитала, пользующейся определенным «доверием» кредитных учреждений монополистического капитала.

В этих условиях образование и рост крупных и особенно сверхкрупных для масштабов сельского хозяйства предприятий связаны не только и не столько с накоплением собственного аграрного капитала. В стремительном увеличении их численности ведущую роль сыграло проникновение монополистического капитала непосредственно в сферу сельскохозяйственного производства, в основном происходящее в форме так называемой вертикальной интеграции.

Вертикальная интеграция — форма нового типа производственных предприятий: аграрно-промышленных или аграрно-промышленно-торговых объединений (своего рода комбинатов), созданных

---

¹ Среднегодовая численность наемных рабочих сократилась, например, в сельском хозяйстве США с 3,4 млн. человек в 1920—1924 гг. до 1,4 млн. человек в 1965—1968 гг. («Agricultural Statistics», 1962; «The Handbook of Basic Economic Statistics», January 15, 1969, p. 64—65).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 461.

пищевыми, комбикормовыми и торговыми фирмами¹, а также (реже) крупными кооперативами сельскохозяйственных производителей. В зависимости от специализации фирмы-интегратора в один хозяйственный организм объединяются промышленные предприятия (заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, упаковочные предприятия, заводы по производству комбикормов), специализированные сельскохозяйственные предприятия, торговые центры. Хотя промышленные и торговые компании нередко организуют собственное сельскохозяйственное производство, главным средством включения сельскохозяйственных предприятий в вертикальное объединение является система всеохватывающих контрактов. Фирмы-интеграторы выступают организаторами высокоспециализированного и индустриального сельского хозяйства (предоставляя целевые кредиты), осуществляют не только общее управление, но и руководство и контроль за агротехнической стороной дела (в штатах аграрно-промышленных компаний, как правило, имеются соответствующие специалисты сельского хозяйства). По мнению американских экономистов, распространение системы централизованного управления и промышленной организации производства на сельское хозяйство является одним из важнейших проявлений научно-технической революции. В аграрно-промышленных объединениях рыночные отношения уже формально опосредствуют движение продукта труда от одного специализированного звена в технологической цепи к другому. Кооперация между звеньями приобретает планомерный характер.

Образование аграрно-промышленных объединений предполагает и в то же время обуславливает развитие высокомеханизированных и узкоспециализированных сельскохозяйственных предприятий. Вот почему вертикальная интеграция возникла лишь на машинной стадии сельскохозяйственного производства. Но с другой стороны, вертикальная интеграция ведет к отрицанию, к утрате самостоятельного характера вовлеченных в нее сельскохозяйственных предприятий. Следовательно, новый, более высокий синтез сельского хозяйства и промышленности, достигаемый в аграрно-промышленных объединениях, образуется при наиболее полном развитии и сельского хозяйства, и соответствующих отраслей промышленности.

В развитии вертикальной интеграции наиболее отчетливо проявилась более глубокая и общая тенденция к образованию аграрно-промышленного комплекса экономики, состоящего (1) из от-

---

¹ Промышленные и торговые компании заинтересованы в образовании вертикальных объединений в силу необходимости обеспечить либо массовый сбыт своей продукции (комбикормовые компании), либо, наоборот, получение массовой и качественной сельскохозяйственной продукции (пищевые компании, супер-маркеты).

раслей промышленности, производящих средства производства для сельского хозяйства, и созданной этими отраслями широкой сети производственно-сбытовых предприятий по материально-техническому обслуживанию сельского хозяйства; (2) собственно сельского хозяйства и (3) из отраслей промышленности и сферы услуг, охватывающих движение продукта от сельского хозяйства до реализации продовольственных и прочих товаров к конечному потреблению. Эта новая закономерность развития производительных сил обнаруживается в более тесной и отчасти уже плановой кооперации между указанными отраслями, в результате чего случайные и нерегулярные рыночные связи все более заменяются прямыми договорными отношениями¹. Разумеется, тенденция к плановости развития частей аграрно-промышленного комплекса постоянно сталкивается в условиях капитализма с узкими рамками частной собственности на средства производства, с отставанием потребления от роста производительных возможностей и поэтому сопровождается обострением конкуренции, разорением слабых предприятий, кризисами.

Вертикальная интеграция, так же как и тенденция образования аграрно-промышленного комплекса, получила самое широкое развитие в США, где в рамках аграрно-промышленных объединений производилось в 1964—1965 гг. не менее $\frac{1}{3}$ товарной продукции сельского хозяйства². В 60-х годах вертикальная

---

¹ Анализ межотраслевого баланса США за 1958 г. обнаружил следующие важные зависимости: 1) внутри аграрно-промышленного комплекса — рост сельского хозяйства обуславливает значительное расширение как производства средств производства для сельского хозяйства, так и переработки сельскохозяйственных продуктов, тогда как рост этих частей аграрно-промышленного комплекса предъявляет гораздо меньший спрос на дополнительную продукцию сельского хозяйства; 2) между аграрно-промышленным комплексом и всеми другими отраслями экономики — развитие аграрно-промышленного комплекса вызывает существенное расширение спроса на продукцию всех других отраслей, в то же время рост последних почти не предъявляет дополнительного спроса на продукцию аграрно-промышленного комплекса («Agricultural Markets in Change». Agricultural Economic Report N 95. Washington, 1966, p. 4, 5).

² В начале 60-х годов аграрно-промышленные и аграрно-промышленно-торговые объединения производили подавляющую часть цитрусовых, скоропортящихся фруктов и ягод, 90% овощей, поступающих на консервные и морозильные заводы, примерно 50% овощей, идущих на потребление в свежем виде, около 95% бройлеров, примерно 35% столового яйца, 85% индеек, около 10% забитых свиней, около 30% откормленного для забоя крупного

интеграция начинает быстро распространяться и в странах Западной Европы.

Вертикальная интеграция беспощадно ломает традиционные отношения сельского хозяйства, его структуру и формы связей. Она уничтожает последние иллюзии о мнимой свободе сельскохозяйственного производителя в капиталистическом обществе, превращая его в наемного рабочего или в лучшем случае в своеобразного управляющего, хотя и получающего определенный процент на вложенный им капитал. Ускоряя процесс концентрации производства в сельском хозяйстве, вертикальная интеграция стала тем самым могучим фактором преобразования сельского хозяйства на капиталистических началах, в котором практически уже нет места для мелких, средних и крупных «независимых» крестьян и фермеров. Эта тенденция отчетливо обнаружилась в производстве бройлеров — самой молодой и самой интегрированной отрасли не только в США, но и в странах Западной Европы.

Производство бройлеров возникло в США в 30-е годы. Еще в 1939 г. мясную птицу на продажу (включая бройлеров) выращивали 2,5 млн. фермеров. Развитие бройлерного производства на базе вертикальной интеграции началось в этой стране после окончания второй мировой войны. Уже в 1954 г. подавляющую долю продукции давали 28 тыс. птицефабрик, хотя еще около 1 млн. ферм продолжало выращивать мясную птицу. Через 10 лет, в 1964 г., производство бройлеров сохранилось в США только на 35 тыс. ферм (тогда как его объем вырос по сравнению с 1939 г. в 25 раз) ¹. Причем 12 компаний и одна кооперативная ассоциация, возглавляющая вертикальные объединения, производили 1/3 всей продукции бройлеров ². Вертикальная интеграция привела в США фактически к полному вытеснению из этой отрасли даже крупных «независимых» ферм.

В результате индустриализации крупное производство получило в сельском хозяйстве решающие преимущества перед мелким. Оказавшись за бортом технического прогресса, мелкие механизированные хозяйства обречены на разорение и гибель. В новых условиях господства машинной техники их не могут спасти ни самый тяжелый труд, ни недоедание. Экспроприация мелких хозяйств приняла в этих условиях колоссальные размеры. Например, в 1939 г. в США насчитывалось 4190 тыс. мелких ферм с товарной продукцией до 2500 долл. (в ценах 1959 г.) и они, составляя 69% всего числа ферм, давали еще 21% всей товарной продукции. В 1964 г. осталось всего 1338 тыс. ферм с таким объемом производства (42% всего числа ферм), но они уже да-

---

рогатого скота, 25% овец, около 30% молока
(Ewell P. Roy. Contract Farming. Dannville, 1963, p. 11, 12).

¹ «US Census of Agriculture 1964», vol. II, ch. 10.

² «Feedstuffs», October 11, 1966.

вали менее 4% товарной продукции¹. Причем подавляющее большинство владельцев этих хозяйств имели сторонние заработки и доходы, превышающие «доход» от фермы.

Разумеется, при рассмотрении вытеснения мелкого производства крупным следует учитывать относительный характер этого процесса в том смысле, что само понятие мелкого производства меняется с развитием производительных сил. Технический переворот в капиталистическом сельском хозяйстве несет гибель не вообще мелкому производству, а мелкому немеханизированному или слабомеханизированному крестьянскому и фермерскому хозяйству. Далее, следует иметь в виду, что концентрация производства и капитала, поскольку она обусловлена объективным развитием производительных сил, существенно еще отличается в сельском хозяйстве от аналогичного процесса в промышленности. Так, в промышленности приведение системы машин в действие требует объединенного труда десятков и сотен рабочих, в сельском хозяйстве система машин может во многих случаях обслуживаться несколькими или даже одним-двумя рабочими.

Технический переворот в сельском хозяйстве не привел в результате этого к полному господству крупнокапиталистических предприятий. Во всех странах развитого капитализма сложился новый многочисленный слой сельскохозяйственных производителей, не применяющих или почти не применяющих наемную рабочую силу, но использующих современную сельскохозяйственную технику. Этот слой состоит в основном из хозяйств бывших мелкокапиталистических крестьян и фермеров, образующих в недавнем прошлом крестьянскую буржуазию.

Формирование этого слоя сельскохозяйственных производителей послужило почвой для возрождения буржуазными экономистами теории устойчивости семейных хозяйств, для их нападок на марксизм за то, что он якобы не видит специфики сельскохозяйственного производства и отрицает роль интенсивного семейного хозяйства. Разумеется, по понятным причинам современные апологеты интенсивного семейного хозяйства забывают сказать, что эти хозяйства были созданы (и создаются в ряде капиталистических стран до сих пор) на руинах миллионов тоже семейных хозяйств мелких и средних крестьян и фермеров. Далее, — и это главное — устойчивость этой группы хозяйств является временной. Если в странах Западной Европы, где индустриализация сельского хозяйства началась значительно позже, чем в США, этот слой сельскохозяйственных производителей еще продолжает численно расти и укрепляет свои экономические позиции, то в США положение фермеров этого слоя оказывается уже иным.

---

¹ Рассчитано по: «Our 100 000 Biggest Farms. Their Relative Position in American Agriculture». Washington, 1964; «US Census of Agriculture 1964», vol. II, ch. 6.

Мелкокапиталистические фермы¹ еще какие-нибудь 20 лет назад составляли в США вместе с чисто капиталистическими предприятиями одну категорию крупного производства в сельском хозяйстве. Но ныне, когда крупнокапиталистические предприятия заняли господствующие позиции, все большее число мелкокапиталистических хозяйств попадает в ходе послевоенного развития в разряд мелкого производства.

В конце 40-х годов фермы с товарной продукцией от 5000 до 9999 долл. были сравнительно крупными хозяйствами, причем довольно хорошо оснащенными машинами. Но уже в 50-е годы отчетливо обнаружилось, что масштабы их производства были малы для высокопроизводительного использования техники, а достигнутая экономия от замены наемной рабочей силы машинами была недостаточной для того, чтобы компенсировать снижение дохода в результате увеличения монополистических «ножниц цен». За 15 лет, с 1949 по 1964 г., количество ферм этой группы сократилось на 30 %, а их доля в товарном производстве — с 23 до 10 %. В 60-е годы в США процесс вытеснения начинает уже распространяться на следующую группу мелкокапиталистических ферм (с товарной продукцией от 10 000 до 19 999 долл.). Но по всей вероятности, процесс вытеснения этой группы примет характер не только постепенного разорения. Размеры производства этой группы (при углублении в целом уровня их специализации) позволяют и в настоящее время более или менее рационально использовать технику. Но выстоять в конкурентной борьбе с крупнокапиталистическими фермами они могут, очевидно лишь превратившись в производственные ячейки агропромышленных объединений. В данном случае процесс вытеснения мелкокапиталистических фермеров как самостоятельных хозяев включает в себя их превращение в рабочих вертикальных монополистических объединений.

Послевоенное развитие капитализма в сельском хозяйстве, массовая замена труда машинами, огромный рост крупнокапиталистического производства и усиливающееся господство монополий подорвали позиции некогда самого многочисленного эксплуататорского класса — мелкокапиталистических крестьян и фермеров. И поскольку этот класс, с одной стороны, перестает быть эксплуататором наемной рабочей силы, а с другой стороны, как товаропроизводитель, особенно страдает от монополистических «ножниц цен», постольку ныне складываются реальные предпосылки для его вовлечения в антимонополистическое движение.

---

¹ Мелкокапиталистические фермы представляют по своей социально-экономической природе одну и ту же категорию хозяйств, что и хозяйства кулаков в дореволюционной русской деревне, грессбауэров в Германии, зажиточных мелкокапиталистических крестьян во Франции и т. д.

В результате технического переворота в сельском хозяйстве одна из важнейших тенденций капиталистического производства — отставание сельского хозяйства от развития промышленности — сменялась в странах развитого капитализма новой тенденцией относительно быстрого преодоления экономической отсталости сельского хозяйства. В этой тенденции проявляются все те коренные изменения, которые вызваны научно-технической революцией в сельском хозяйстве. В то же время эта тенденция указывает на качественные изменения в характере и формах связи между промышленностью и сельским хозяйством, обуславливает глубокие сдвиги в размещении мирового сельскохозяйственного производства, вызывает модификацию форм проявления ряда закономерностей капитализма в сельском хозяйстве и сопровождается мучительным процессом отмирания некоторых форм экономических отношений, базировавшихся на экономической отсталости сельского хозяйства.

Преодоление экономической отсталости капиталистического сельского хозяйства обнаруживается прежде всего в ускоренном его сближении с промышленностью по уровню технической оснащенности, производительности труда и, следовательно, органического строения капитала.

В этой связи одним из основных выражений тенденции сближения сельского хозяйства с промышленностью является увеличение темпов роста сельскохозяйственного производства на путях его интенсификации и образующееся в результате этого новое соотношение (пропорциональность) между производственными возможностями сельского хозяйства и общими (платежеспособными) потребностями в сельскохозяйственных продуктах, поскольку последние определяются ростом населения и уровнем душевого потребления.

Научно-техническая революция обеспечила сельскому хозяйству в послевоенный период самые высокие темпы роста производительности труда по сравнению с другими основными сферами материального производства¹. К. Маркс более 100 лет назад писал: «...на известной ступени развития промышленности эта

---

¹ Темпы роста выработки конечного продукта на одного занятого составили в США с 1947 по 1965 г. в сельском хозяйстве 5,5%, в обрабатывающей промышленности — 3,4 и в добывающей промышленности — 5,2% (рассчитано по: «Survey of Current Business», July 1961; July 1964; April 1967). В странах Западной Европы с 1950/51 по 1960/61 г. они составили в Австрии 6,1% в сельском хозяйстве и 4,1% в остальных отраслях экономики, в Англии — соответственно 4,1 и 1,7%, во Франции — 6,2 и 3,4%, в ФРГ — 5,8 и 4,4% (рассчитано по: «Agriculture and Economic Growth». Paris, 1965, p. 38).

диспропорция должна начать убывать, т. е. производительность земледелия должна увеличиваться относительно быстрее, чем производительность промышленности»¹. Это предвидение Маркса теперь сбывается.

На основе роста технической оснащенности и производительности труда произошло резкое сокращение численности работников в сельском хозяйстве. Теперь оно стало уже во многих странах развитого капитализма (а не только в Англии) относительно малочисленной сферой занятости. Отлив рабочей силы из сельского хозяйства (поскольку он не вызвал большого увеличения безработицы), повышение производительности сельского труда стали важными факторами роста производства национального дохода на душу населения в развитых капиталистических странах.

Темпы производства сельскохозяйственной продукции в послевоенный период выросли в странах развитого капитализма в 2—3 раза по сравнению с периодом между двумя мировыми войнами. Растущее снабжение населения продовольствием и сельскохозяйственным сырьем обеспечивается без расширения или даже при сокращении фонда обрабатываемых земель, что, безусловно, является одной из наиболее ярких и важных черт новой стадии сельскохозяйственного производства.

Как известно, отставание сельского хозяйства от развития промышленности составляло одну из важнейших специфических закономерностей капитализма на протяжении целого исторического периода его развития². Оно коренилось в конечном счете в том, что сельское хозяйство и промышленность развивались на разных технических основах: первое вплоть до 40-х годов XX в. базировалось в основном на использовании ручного труда; вторая примерно с конца XVIII в. вступила в машинную стадию производства. Отставание сельского хозяйства от развития промышленности усугублялось сохранением в нем полуфеодальных отношений (в целом ряде стран), а также усиливающимся гнетом монополии частной земельной собственности (земельной ренты)³.

Отставание сельского хозяйства от развития промышленности, обуславливая образование диспропорции между сельскохозяйственным производством и ростом городского (промышленного) населения, вызывало острые противоречия капиталистического развития на протяжении XIX — начала XX в. На это неоднократно

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 115.

² Развитие этой закономерности еще проявляется в экономике развивающихся стран.

³ Тенденция к росту земельной ренты была следствием углубляющегося отставания сельского хозяйства от промышленности. Но в ходе исторического развития они менялись местами: следствие становилось причиной, рост земельной ренты неизбежно приводил к усилению отставания сельского хозяйства.

указывал В. И. Ленин: «Земледелие отстает в своем развитии от промышленности — явление, свойственное *всем* капиталистическим странам и составляющее одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов и дороговизны»¹.

Начавшийся процесс преодоления экономического отставания сельского хозяйства от промышленности ведет к тому, что противоречия капиталистического воспроизводства, обусловленные отсталостью сельского хозяйства, постепенно теряют свое значение. Но это, разумеется, не означает того, что с вступлением сельского хозяйства в машинную стадию производства и с происшедшими на этой основе изменениями в характере экономических отношений уменьшилась глубина противоречий капиталистического воспроизводства. Противоречия капитализма углубились, но центр их тяжести переместился.

Современное индустриальное сельскохозяйственное производство достигло такой высокой ступени обобществления, когда оно уже требует планомерной организации в масштабах отдельных отраслей и целых стран. Но частная собственность на средства производства и порождаемые ею конкуренция и анархия неминуемо сталкиваются с этими тенденциями, вызывая обострение противоречий капиталистического воспроизводства на этой более высокой ступени обобществления труда. Частная капиталистическая собственность на средства производства и подчинение производства целям наживы и обогащения небольшого по численности класса неизбежно обуславливают отставание потребления народных масс от быстро расширяющихся возможностей производительных сил. В этом в конечном счете и коренилось небывалое перепроизводство сельскохозяйственных товаров, достигнутое в конце 50-х — начале 60-х годов в США и ряде других промышленно развитых стран.

2 *Государственно-монополистическое регулирование сельского хозяйства*

Государственное регулирование сельского хозяйства отражает новую ступень обобществления сельскохозяйственного производства на его машинной стадии. Но само становление машинного сельскохозяйственного производства и обусловленная им ломка аграрной структуры потребовали весьма существенного государственного вмешательства. Дело в том, что в условиях раздробленности и экономической слабости даже крупных сельскохозяйственных

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 219.

предприятий, гнета над сельским хозяйством торговых, промышленных и прочих монополистических объединений буржуазное государство стало важной, а в ряде стран определяющей силой той ускоренной технической и экономической реорганизации сельского хозяйства, которая происходит в странах развитого капитализма в послевоенный период. Но это только одна, хотя и определяющая, сторона развития государственно-монополистического регулирования сельского хозяйства.

Вторая сторона его развития обусловлена тем, что государственное регулирование не затрагивает основ господства частнокапиталистической собственности на средства производства. Оно лишь видоизменяет, но не устраняет конкуренцию и анархию капиталистического сельскохозяйственного производства. В ряде капиталистических стран (США, Канаде, Австралии и др.) буржуазное государство столкнулось с длительным обострением экономических противоречий, вызванных послевоенным аграрным кризисом. Обусловленная техническим переворотом ломка всех отношений, основанных на мелкой собственности, вызвала глубокие социальные конфликты в деревне капиталистических стран. Поэтому непосредственной причиной развития государственного регулирования сельского хозяйства явилось обострение экономических и социальных противоречий аграрного строя. Причем перед лицом укрепления мирового социализма и роста организованного рабочего движения монополистический капитал и буржуазное государство вынуждены идти на классовые компромиссы и маневрирование.

Государственное регулирование направлено прежде всего на поощрение и стимулирование крупного капиталистического производства в сельском хозяйстве. В этом в основном и состоит его классовая сущность. Но в то же время государство пытается «очистить» сельское хозяйство от миллионов крестьянских и фермерских хозяйств такими методами, которые бы не допускали политических выступлений этих слоев против капиталистического строя. Более того, правящие классы пытаются с помощью мероприятий государственно-монополистического регулирования повести за собой в послевоенный период не только крупную сельскую буржуазию, но и более широкие слои сельской мелкой буржуазии, средних и особенно мелкокапиталистических производителей. Все это объясняет причины того, почему государственное регулирование сельского хозяйства во всех странах развитого капитализма в меньшей или большей степени содержит экономические и социальные уступки этим трудящимся слоям сельского населения.

Государственно-монополистическое регулирование сельского хозяйства представляет собой сложную систему экономических мероприятий, направленных на осуществление аграрной политики правящего класса. Причем формы и методы государственного ре-

гулирования существенно различаются по отдельным странам. Это обусловлено многими обстоятельствами исторического и экономического порядка, в частности такими, как уровень развития капитализма в сельском хозяйстве, удельный вес крупнокапиталистического производства, развитие сельскохозяйственной кооперации и степень монополизации пищевой и прочих отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственные продукты, положение той или иной страны в системе международного разделения труда и на мировом рынке, общий уровень развития государственно-монополистического капитализма и т. д.

В каждой из стран развитого капитализма система государственного регулирования носит запутанный и часто противоречивый характер в силу того, что в ходе ее исторического развития, как правило, принимались многочисленные законы, часто действующие несогласованно между собой, происходило наложение одних мероприятий на другие. Поэтому только с большой приближенностью можно выделить основные направления государственного регулирования, которые в большей или меньшей мере свойственны всем или большинству стран развитого капитализма. К этим направлениям относятся: 1) разнообразные методы государственной поддержки цен сельскохозяйственных товаров, 2) стимулирование технической реконструкции и научно-технического прогресса этой отрасли; 3) аграрный протекционизм и аграрный демпинг; 4) мероприятия по ограничению сельскохозяйственного производства.

В странах Западной Европы нынешняя система государственного регулирования сложилась под воздействием таких факторов, как недостаток продовольствия в первые послевоенные годы, стремление уменьшить зависимость от сельскохозяйственного импорта (особенно из США), мелкое землепользование и земельная чересполосица, огромное аграрное перенаселение, явственно обнаруженное техническим переворотом, и др. В отличие от США и Канады в большинстве стран Западной Европы (например, в Англии, Франции, ФРГ, Голландии, Швеции и др.) система государственных мероприятий по регулированию сельского хозяйства (установление гарантированных цен на сельскохозяйственные продукты) не только создает благоприятные условия для накопления капитала в крупных хозяйствах, но и прямо направлена на осуществление технической и экономической реконструкции отсталого сельского хозяйства. На эти цели крупным и отчасти средним хозяйствам предоставляются в послевоенный период значительные государственные субсидии (как возвратные, так и безвозвратные). В странах Западной Европы значительные государственные средства идут на программы так называемого улучшения социальной структуры сельского хозяйства. Классовая сущность этих программ сводится фактически к ликвидации массы мелких, нерентабельных хозяйств.

В новых условиях послевоенного периода политика аграрного протекционизма, традиционная для большинства западноевропейских стран, стала выполнять не столько функции защиты сельского хозяйства данной страны от конкуренции более дешевой сельскохозяйственной продукции других стран, сколько функции искусственного поддержания сравнительно высоких внутренних цен сельскохозяйственных товаров. Следует заметить, что к настоящему времени по мере роста затруднений со сбытом сельскохозяйственных товаров государственная политика и в целом ряде капиталистических стран Европы, в особенности в ЕЭС, начинает приобретать черты антикризисного регулирования сельского хозяйства.

В США, Канаде, Австралии и отчасти Новой Зеландии, где в течение многих лет главной проблемой является сбыт огромных «излишков» сельскохозяйственных продуктов, государственное вмешательство носит антикризисный характер. Так, в США более $\frac{4}{5}$ всех расходов министерства сельского хозяйства направляются, с одной стороны, на ограничение производства, а с другой — на расширение экспорта и прочего сбыта сельскохозяйственных товаров. Причем в США система поддержки цен и ассигнования на так называемую стабилизацию фермерских доходов используются в качестве средств компенсации фермеров и земельных собственников за их участие в программах ограничения производства. По этим последним в США в 60-е годы в среднем изымается из обработки около 20 млн. га пахотных земель (примерно $\frac{1}{6}$ всей пашни), за что земельным собственникам выплачивается ежегодно более 1,5 млрд. долл. Изъятие миллионов гектаров земли из обработки — яркое свидетельство паразитизма государственного регулирования. Противоречивость и органическая слабость государственного регулирования сельского хозяйства в США выражаются прежде всего в том, что обусловленный техническим прогрессом и в немалой степени подстегнутый государственными платежами рост урожайности сельскохозяйственных культур вызывает необходимость постоянного изъятия из производства сельскохозяйственных площадей и огромную растрату общественных средств. Государственное регулирование сельского хозяйства (ограничение производства, сбыт сельскохозяйственных товаров по программам помощи и т. д.) оказало существенное влияние на ход послевоенного аграрного кризиса, видоизменив формы его проявления. Государственное вмешательство, конечно, не может ликвидировать глубинных противоречий капитализма, и в частности противоречия между производственными возможностями сельского хозяйства и относительно медленным расширением потребления на капиталистической основе. Но государственное вмешательство обеспечивает «контролируемый» характер той растраты общественного богатства и труда, которая обусловлена обострением этого противоречия.

На осуществление мероприятий государственно-монополистического регулирования сельского хозяйства расходуются относительно крупные суммы. Например, в последние годы бюджетные ассигнования на сельскохозяйственные программы были в США примерно на уровне половины чистого дохода фермеров, в Англии — 80—90% этого дохода, в ФРГ — около 80%, а в Швеции они даже несколько превышают чистый доход сельского хозяйства. В промышленно развитых странах через государственный бюджет происходит известное возмещение национального дохода сельскому хозяйству, изъятому из него с помощью «ножниц цен» и прочих методов монополистического ограбления сельскохозяйственных производителей. Разумеется, львиная доля ассигнуемых государством средств попадает в карманы капиталистических предпринимателей. В США, например, примерно 80% государственных ассигнований на поддержку цен и доходов идет этой группе фермеров.

В связи с ростом государственно-монополистического регулирования сельского хозяйства в западной политической и экономической литературе широкое распространение получила версия о том, что фермеры и крестьяне в результате государственной поддержки их цен стали обладать такой же монополией, как и частнособственнические олигополии. Одним из первых эту апологетическую идею пустил в оборот Джон Стрэчи, утверждавший, что к середине XX в. фермеры якобы покончили с гнетом монополий. «Эту важную победу, — писал Стрэчи, — фермеры обеспечили себе, добившись внесения в кодексы Америки и Англии законов, препятствующих значительному снижению цен на продаваемые ими продукты по сравнению с ценами на покупаемые ими товары»¹. Анализ фактических данных опровергает Стрэчи и ему подобных апологетов современного капитализма.

В странах развитого капитализма государственная поддержка сельскохозяйственных цен не ликвидировала господства промышленных и торговых компаний над сельским хозяйством. Во многих странах эта поддержка цен даже не помешала монополиям существенно расширить в послевоенный период монополистические «ножницы цен». В США, например, цены, получаемые фермерами, упали с 1947 по 1967 г. на 9%, тогда как цены, уплачиваемые фермерами, выросли на 37%. Если в Австралии и Нидерландах фермерские цены с 1950 по 1966 г. повысились соответственно на 29 и 35%, то цены на покупаемые фермерами товары поднялись в 2,1 и 2,2 раза². В США с 1947 по 1965 г. единица

---

¹ John Strachy. Contemporary Capitalism. London, 1956, p. 31.

² «The Handbook of Basic Economic Statistics», July 15, 1968; «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics», 1967, N 12; 1968, N 7.

физического объема конечного продукта в сельском хозяйстве стала стоить в текущих ценах на 18% дешевле, тогда как в обрабатывающей промышленности ее цена возросла на 44%, в добывающей промышленности — на 42, а в строительстве — даже на 99%¹. Этот разрыв в динамике цен сельскохозяйственных и промышленных товаров не может объяснить и ссылка на более быстрый рост производительности труда в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью.

Система гарантированных государством цен на сельскохозяйственные товары не избавила фермеров и крестьян от монополистического ограбления. Сельскохозяйственные товары, как правило, продаются по ценам ниже их стоимостей, тогда как промышленные товары реализуются по монопольно высоким ценам (выше их стоимостей). Как показывает практика многих стран развитого капитализма, государственные цены на сельскохозяйственные продукты стали исходной базой для построения всей пирамиды монопольных цен. «Власть олигополистов на рынке продолжается»², — откровенно констатировал известный американский экономист Уолтер Уилкокс, долгое время возглавлявший отдел экономики министерства сельского хозяйства США.

Разумеется, из этого не следует, что «гарантированные цены» вообще не имеют значения для сельскохозяйственных производителей. Государственная система поддержки сельскохозяйственных цен стабилизировала рынок (резко уменьшив амплитуду колебания сельскохозяйственных цен по сезонам года), чем уже создала более благоприятные возможности для экономического роста этой отрасли. Далее, «гарантированные цены» в известной мере сдерживали в послевоенный период и натиск монополий на сельскохозяйственных производителей. Наконец, «гарантированные цены» в условиях быстрого технического прогресса создали благоприятные условия для накопления капитала в крупных и особенно сверхкрупных сельскохозяйственных предприятиях.

Любая оценка роли и значения современной системы государственного регулирования сельского хозяйства в странах развитого капитализма должна принимать во внимание, что вообще чрезмерное ограбление сельского хозяйства не отвечает интересам монополистической буржуазии. Последняя заинтересована в подъеме сельского хозяйства: капиталистическая промышленность нуждается в растущем сельском хозяйстве как увеличивающемся рынке сбыта своих товаров; пищевая промышленность и торговля — как источнике стандартной продукции; монополистический капитал в целом — как средстве удешевления стоимости сельско-

¹ Рассчитано по: «Survey of Current Business», April 1967.

² «Farmers in the Market Economy. Market Organization and Competitive Behaviour in Relation to Farmers's Prices, Costs and Incomes». Ames (Iowa), 1964, p. 28.

хозяйственных продуктов и, следовательно, увеличения относительной прибавочной стоимости. Как показывает послевоенная история стран развитого капитализма, монополистический капитал извлекает больше прибылей именно в условиях растущего сельского хозяйства.

3 Земельная рента в условиях индустриального сельского хозяйства

Теория земельной ренты — одна из наиболее сложных проблем политической экономии капитализма. Понятно, что в рамках данного параграфа речь может идти не о систематическом изложении марксистской теории ренты, а лишь о самых общих замечаниях в связи с теми изменениями в процессе рентообразования, которые произошли и происходят в сельском хозяйстве стран развитого капитализма под влиянием технического переворота и государственного регулирования.

Но прежде всего следует сказать несколько слов об эволюции земельной ренты в связи с общими закономерностями развития капиталистического сельского хозяйства.

Земельная рента, образуемая в сельском хозяйстве, принадлежит к тем категориям, значение которых с развитием капитализма уменьшается. Это закономерный результат, поскольку с ростом производительных сил происходит падение удельного веса сельского хозяйства в общей численности рабочей силы и производстве национального дохода. 100 лет назад в сельском хозяйстве капиталистических стран было еще занято большинство трудового населения, создавалось не менее половины национального дохода. По некоторым оценкам, земельные собственники присваивали в то время до половины созданного в сельском хозяйстве национального дохода. Совершенно иное положение в настоящее время. В большинстве стран развитого капитализма сельскохозяйственное население колеблется в пределах от 5 до 15% от всего населения, а доля сельского хозяйства в производстве национального дохода — в границах 3—8%. В США, по официальным данным, сельскохозяйственное население составило в 1964 г. 7% всего населения, в сельском хозяйстве производилось всего 3,4% национального дохода. По максимальной оценке, доля национального дохода, присваиваемого собственниками сельскохозяйственной земли, не превысила и 1%. Противоречие между промышленным капиталом, взятым в целом, и крупной собственностью на сельскохозяйственные земли, некогда составлявшее ось острой экономической и политической борьбы, имеет ныне в общем второстепенное и третьестепенное значение.

Главной особенностью развития производительных сил сельского хозяйства и, следовательно, роста органического строения земледельческого капитала является абсолютное сокращение переменного капитала. В США с 1910 по 1965 г. среднегодовое число семейных рабочих сократилось с 10,2 млн. до 4,2 млн. человек, а наемных — с 3,4 млн. до 1,5 млн. человек. Сомнительно, чтобы это огромное падение в численности используемой рабочей силы было перекрыто ростом ее квалификации. Сокращение переменного капитала в сельском хозяйстве, по-видимому, сопровождается не только относительным, но и абсолютным уменьшением произведенного национального дохода в этой отрасли (при росте его физического объема). Этот процесс, видимо, нельзя игнорировать при рассмотрении эволюции капиталистической земельной ренты.

Роль земельной ренты и монополии частной собственности на землю не остается неизменной в процессе воспроизводства капитала и в силу других не менее важных причин. Переход капитализма от свободной конкуренции к всевластию монополий сопровождался модификацией его основных экономических категорий (в том числе и земельной ренты). Технический переворот в сельском хозяйстве стран развитого капитализма и вызванный им процесс преодоления экономической отсталости этой отрасли обусловили возникновение тенденции к относительному уменьшению бремени земельной ренты, поскольку последняя покоилась на этой отсталости сельского хозяйства. Это особенно относится к абсолютной ренте.

Но в сельском хозяйстве стран развитого капитализма действуют не только силы, ведущие к ослаблению позиции монополии земельной собственности. Идет процесс слияния земельной собственности с монополистическим капиталом. Растет спрос на землю со стороны городского, промышленного и прочего несельскохозяйственного использования. Не уменьшается спрос на землю как на объект хозяйствования и со стороны быстро растущего крупного сельскохозяйственного производства. В последние два десятилетия в ряде промышленно развитых стран (особенно в США) большое влияние на процесс рентообразования оказывает государственно-монополистическое регулирование сельского хозяйства. Следовательно, вопрос об эволюции земельной ренты в современном сельском хозяйстве стран развитого капитализма не однозначен, для ответа на него требуется исследование широкого круга проблем общего развития современного государственно-монополистического капитализма по основным странам.

Технический переворот в сельском хозяйстве стран развитого капитализма оказал существенное воздействие на движение дифференциальной ренты. Очевидна тенденция снижения нормы дифференциальной ренты I рода (уменьшение неравенства естественного плодородия различных участков в результате повыше-

ния общего уровня агрикультуры, снижение роли местоположения участков с развитием транспорта и связи, выпадение из сельскохозяйственного производства низших категорий земель, поскольку повышение урожайности на остальных землях удовлетворяет общественный спрос на сельскохозяйственные продукты). Гораздо сложнее динамика дифференциальной ренты II рода. В этом случае тенденция к снижению нормы дифференциальной ренты II рода сталкивается с действием ряда противодействующих факторов.

Прежде всего следует заметить, что дифференциальная рента I рода является основой и исходным пунктом дифференциальной ренты II рода не только исторически, как подчеркивал К. Маркс, «но и, поскольку речь идет об ее движении во всякий данный момент...»¹. Сокращение разрыва в производительности равновеликих затрат капитала, примененных к земельным участкам, различным по своему плодородию и местоположению, само по себе уменьшает возможную степень в различии производительности последовательных затрат капитала в один и тот же земельный участок. Иначе говоря, снижение дифференциальной ренты I рода сокращает (или затрудняет) возможности роста дифференциальной ренты II рода.

Далее, для сельского хозяйства на машинной стадии производства больше характерно общее (абсолютное) повышение производительной силы применяемого капитала, чем рост относительной производительности определенных отдельных капиталов (по сравнению с капиталом, регулирующим цену производства). Абсолютное повышение производительности применяемого капитала не вызывает образования дифференциальной земельной ренты. Оно приводит лишь к уменьшению цены производства (стоимости) сельскохозяйственных товаров. Поэтому рост капиталовложений в сельское хозяйство развитых капиталистических стран в послевоенный период отнюдь еще не свидетельствует о росте дифференциальной ренты II рода, как полагают некоторые авторы.

Как известно, земельная собственность играет активную роль в процессе образования дифференциальной ренты II рода. Фиксируя дополнительную прибыль, возникшую в результате более производительных затрат капитала, чем регулирующая затрата, земельная собственность препятствует слиянию результатов отдельных вложений капитала в один общий результат и тем самым препятствует снижению цен на сельскохозяйственные товары. Но возможность фиксирования и превращения дополнительной прибыли в ренту зависит также от способности рынка поглотить прирост продукции, полученной в результате вторичных затрат капитала, по прежним высоким ценам. Если в условиях отставания сельского хозяйства от развития промышленности, общей тен-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 228.

денции превышения спроса над предложением сельскохозяйственных товаров земельная собственность легко улавливала эту прибыль, то в условиях современной научной технической революции, когда общей тенденцией является уже превышение предложения над спросом, земельная собственность либо вообще не может, либо в гораздо меньшей степени может препятствовать слиянию результатов первичных и вторичных вложений капитала в один результат.

Вот почему в условиях технической революции массовые вложения дополнительного капитала, делая более производительным весь капитал, обуславливают более или менее прочную тенденцию не только общего снижения цен производства сельскохозяйственных товаров, но и уменьшения нормы дифференциальной ренты. Последняя тенденция определяется тем обстоятельством, что обычно уменьшается различие между ставшим более производительным капиталом, примененным на регулирующих (худших) землях, и капиталом, примененным на лучших землях.

Разумеется, влияние технического переворота в сельском хозяйстве капиталистических стран на процесс образования дифференциальной ренты не столь просто, как в наших рассуждениях. Различие в степени интенсивности отдельных хозяйств даже в производстве зерна еще достаточно велико. Поэтому дополнительные вложения капитала часто обеспечивают получение добавочной прибыли. При определенных условиях дифференциальная рента II рода образуется также в результате государственного вмешательства в систему ценообразования сельскохозяйственных товаров. В этом случае дополнительные вложения капитала вызывают образование дифференциальной ренты II рода на худших землях и ее рост на всех остальных землях¹.

Современный капитализм принес еще более глубокие изменения в процесс образования абсолютной ренты, что привлекло к этой проблеме большое внимание марксистской мысли в целом ряде социалистических стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, СССР). Проблема абсолютной ренты стала предметом острой и длительной дискуссии на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения». В ходе этого обсуждения было высказано по крайней мере пять принципиально отличающихся

---

¹ В США, например, такие условия сложились в начале 60-х годов. Но возникшая таким образом дифференциальная рента II рода весьма неустойчива. Она подрывается, с одной стороны, постоянным повышением монопольных цен на промышленные товары, а с другой стороны, вынужденным снижением (чаще всего относительным) «гарантированных цен». Так, проведенное в 1964—1966 гг. снижение «гарантированных цен» (залоговой ставки) основных сельскохозяйственных товаров, вероятно, уменьшило размеры этой ренты.

точек зрения: 1) рост земельной ренты вообще и абсолютной в частности является законом капитализма; 2) абсолютная рента отпадает с развитием капитализма, так как происходит выравнивание уровней органического строения капитала в сельском хозяйстве и промышленности; 3) в процессе сближения органического строения аграрного и промышленного капитала уменьшается норма абсолютной ренты, но ее масса растет вследствие роста применяемого в сельском хозяйстве капитала; 4) в новых условиях монополия частной собственности на землю обуславливает реализацию сельскохозяйственных товаров по ценам выше их стоимостей, что и составляет источник абсолютной ренты в современном сельском хозяйстве; 5) абсолютная рента исчезает, но монополия частной собственности порождает образование монопольной ренты¹.

Было бы упрощением механически переносить положения, высказанные Марксом для эпохи капитализма свободной конкуренции, на нынешний государственно-монополистический капитализм. Если суть абсолютной ренты как превращенной формы части прибавочной стоимости остается неизменной, то все остальные ее определения видоизменились. Кратко говоря, абсолютная рента модифицировалась с развитием капитализма в основном в силу следующих тенденций: 1) усиления роли капитала и относительного ослабления силы монополии земельной собственности; 2) сближения уровней органического строения капитала в сельском хозяйстве и промышленности; 3) превращения рыночной стоимости сельскохозяйственных товаров сначала просто в монопольно низкую цену, а затем в монопольно низкую, но «гарантированную» государством цену, что в свою очередь обусловило снижение нормы прибыли на аграрный капитал, применяемый при средних технических условиях, ниже общей нормы прибыли на весь общественный капитал. В наше время модификация земельной ренты вообще и абсолютной ренты в частности в решающей степени связана, с одной стороны, с технической революцией в сельском хозяйстве, а с другой — с развитием государственного регулирования сельского хозяйства.

Как известно, причиной образования абсолютной ренты является капиталистическая частная собственность на землю. Однако этим, безусловно, не снимается проблема исследования ее источников, причем источников, образованных излишком стоимости сельскохозяйственных товаров над общественной ценой их производства.

В эпоху капитализма свободной конкуренции, как показал К. Маркс, излишек стоимости сельскохозяйственных товаров над

---

¹ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 1, 5, 6, 7, 10, 11; 1967, № 2, 7, 9; 1968, № 2, 8, 10, 11, 12; 1969, № 5.

их общественной ценой производства возникал вследствие более низкого органического строения земледельческого капитала по сравнению с промышленным. Историческое отставание сельского хозяйства от развития промышленности выступало, таким образом, в качестве основного источника абсолютной ренты¹. Таким образом, вопрос об уровнях органического строения промышленного и аграрного капитала имеет принципиальное значение для понимания сущности модификации абсолютной земельной ренты.

Бесспорен факт быстрого роста органического строения земледельческого капитала. Он ясно виден уже из той огромной интенсивности замены рабочей силы машинами, которая наблюдается в последние два десятилетия в сельском хозяйстве промышленно развитых стран. Так, например, в США общие затраты труда в сельском хозяйстве снизились за период с 1940—1944 по 1960—1964 гг. на 61% (тогда как за предшествующие 30 лет, с 1910—1914 по 1940—1944 гг., — только на 12%).

Технический переворот превратил уже сельское хозяйство этих стран (при расчете на одного среднегодового работника) в одну из наиболее капиталоемких отраслей. Имеющиеся данные по США, Англии и ФРГ, например, показывают, что капиталовложения в основной капитал на одного занятого в сельском хозяйстве (без цены земли) сейчас выше, чем в обрабатывающей промышленности. Эта высокая капиталоемкость современного сельского хозяйства характеризует стоимостное строение земледельческого капитала (и тем самым раскрывает одну из его важнейших особенностей), но она, понятно, не говорит еще об уравнении органического строения капиталов в промышленности и сельском хозяйстве. В этой связи следует напомнить слова К. Маркса о том, что органическое строение капитала является показателем развития производительных сил сравниваемых отраслей².

---

¹ На практике монополия частной собственности на землю, как правило, обеспечивала возможность присвоения части заработной платы сельскохозяйственных рабочих, а иногда и части средней прибыли фермеров-капиталистов. Но эти источники абсолютной ренты, как указывал К. Маркс, не могли в эпоху капитализма свободной конкуренции составлять ренту в категорическом значении слова. «Если фермер уплачивает арендную плату, составляющую вычет то ли из нормальной заработной платы его рабочих, то ли из его собственной нормальной средней прибыли, — писал К. Маркс, — то он не уплачивает никакой ренты, никакой самостоятельной составной части цены товара, отличной от заработной платы и прибыли» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 314—315*).

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 326*,

Такие особенности сельскохозяйственного производства, как переплетение естественного процесса роста растений и животных с общественным производством, сезонность, пространственный характер, определяют глубокое различие технического строения капитала в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью. В сельском хозяйстве большая часть оборудования и машин используется очень ограниченное время (как правило, в пределах от 10 до 20 дней в году!), что не идет ни в какое сравнение с использованием основного станочного оборудования в промышленности. Машиновооруженность труда остается более высокой в промышленности. Резко различаются структуры основных капиталов (представленных машинами и оборудованием) сельского хозяйства и промышленности. Так, в силу пространственного характера сельскохозяйственного производства в нем по сравнению с промышленностью неизмеримо более высок удельный вес двигателей и прочего энергосилового оборудования и значительно ниже удельный вес рабочих машин. Например, в США энерговооруженность труда в сельском хозяйстве примерно в 5 раз выше, чем в обрабатывающей промышленности, но из этого совсем еще не следует, что в нем выше и производительность труда.

Производительность труда является, как известно, наиболее синтетическим и важным показателем уровня развития как отдельных отраслей, так и всей экономики в целом. По всем расчетам, сделанным по разным странам, выработка конечного или чистого продукта на одного занятого остается в сельском хозяйстве на значительно более низком уровне, чем в промышленности, хотя эти же расчеты обнаруживают более высокие темпы роста производительности сельскохозяйственного труда¹. Поэтому сближение сельского хозяйства с промышленностью по уровню производительности труда и, следовательно, по уровню органического строения капитала является для ряда промышленно развитых стран (например, для США и Англии) весьма реальной перспективой.

Сближение органического строения земледельческого капитала с промышленным означает, что источник абсолютной ренты, возникающий вследствие различия в уровнях органического строения этих капиталов, уменьшается с развитием капитализма не только относительно (т. е. на единицу капитала), но и абсолютно. Следует иметь в виду, что важнейшей закономерностью роста органического капитала в сельском хозяйстве является увеличение постоянного капитала в основном за счет абсолютного сокращения переменного. Поэтому по общему правилу со

---

¹ См., например, Г. Г. Ландсберг, Л. Л. Фишман, Дж. Л. Фишер. Ресурсы США в будущем. М., 1965; «Воспроизводство конечного общественного продукта США». М., 1966.

сближением органического строения в сельском хозяйстве и промышленности происходит уменьшение и нормы и массы абсолютной ренты (за счет этого источника).

Но вызывает ли сближение органического строения земледельческого и промышленного капитала образование тенденции к автоматическому отмиранию абсолютной ренты? К сожалению, при ответе на этот вопрос спор в упомянутой дискуссии свелся к той или иной интерпретации ряда положений, высказанных Марксом в III томе «Капитала» и «Теориях прибавочной стоимости». В эпоху капитализма свободной конкуренции преодоление экономической отсталости сельского хозяйства от развития промышленности и уравнивание органического строения земледельческого и промышленного капитала неизбежно вызвали бы отпадение капиталистической абсолютной ренты как определенной части цены товара, как особой, отличной от монополярной ренты категории¹. Но когда это положение Маркса относится к современному капитализму, к условиям современного ценообразования и, следовательно, рентообразования и на этом основании делается заключение об отпадении или исчезновении абсолютной ренты, то этим весьма упрощается подход к изучению эволюции абсолютной ренты. Тенденция к уменьшению абсолютной ренты, поскольку она обусловлена сближением органического строения капиталов в сельском хозяйстве и промышленности, а также абсолютным сокращением переменного капитала в сельском хозяйстве, не прямолинейна. Монополия частной собственности на землю не только активно противодействует ей, но и получает возможность в условиях современного ценообразования для превращения в абсолютную ренту нового источника.

Превращение рыночной стоимости сельскохозяйственных товаров в монополярно низкую цену означает, что в эпоху империализма часть этой стоимости поступает в общий котел образования монополярной прибыли, а источником абсолютной ренты выступает теперь разница между этой монополярно низкой ценой и ценой производства. Но одновременно с этим превращением рыночной стоимости в монополярно низкую цену происходит модификация и цены производства, ее снижение в результате того, что регулирующая норма прибыли на капиталы, занятые в сельском хозяйстве, устанавливается на более низком уровне, чем общая норма прибыли на весь совокупный капитал. Поэтому

---

¹ «Если бы среднее строение земледельческого капитала было таково, каково строение среднего общественного капитала или выше, то абсолютная рента — опять-таки в только что исследованном значении — отпала бы; то есть отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно монополярной цене» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 325).

установление монопольно низких цен на сельскохозяйственные товары вовсе не обязательно влечет за собой сокращение источника абсолютной ренты (во всяком случае резкое). Ведь теоретически вполне допустимо такое положение, когда монопольно низкая цена сельскохозяйственных товаров устанавливается ниже их рыночной стоимости на величину уменьшения цены производства сельскохозяйственных товаров.

Модификация цены производства сельскохозяйственных товаров и образование прибыли на земельный капитал ниже совокупной не относится к числу бесспорных проблем. В этой связи следует заметить, что решение ряда вопросов современного развития абсолютной ренты зависит от разработки общей теории монопольных цен. Вместе с тем существование более низкой прибыли на земельный капитал (применяемый при средних общественных условиях) по сравнению с общей нормой прибыли на весь совокупный капитал является статистическим фактом. Естественно, здесь речь не идет лишь об образовании особой «сельскохозяйственной» средней прибыли (тогда по аналогии следовало бы допустить существование бесчисленных «отраслевых» норм прибыли). Снижение нормы прибыли на земельный капитал связано с общими особенностями ценообразования в эпоху монополистического капитализма, оно характерно не только для сельского хозяйства. В рамках данного параграфа можно лишь сослаться на тот факт, что господство акционерной формы капитала (в эпоху империализма) сделало всеобщим для промышленности сведение большей части прибыли к проценту на капитал (реальный и фиктивный). Хотя в сельском хозяйстве акционерная форма капитала не получила серьезного распространения, те же иррациональные отношения господствуют и в нем. Капиталист-арендатор рассматривает свою прибыль как следующую: 1) из процента на его капитал и 2) из процента на оборот или «управленческого дохода». Капиталист — земельный собственник дополнительно к этим превращенным формам прибыли получает процент на цену земли.

Нынешний уровень количественного анализа не позволяет еще представить реальное соотношение между монопольно низкими ценами сельскохозяйственных товаров, их ценами производства и земельной рентой. Имеющиеся данные раскрывают, как правило, лишь приближенные тенденции развития. Так, история США показывает, что образование и рост монополий в конце XIX — начале XX в. и обусловленное этим превращение рыночной стоимости сельскохозяйственных товаров в монопольно низкую цену не остановили в тот период ускоренного роста абсолютной и дифференциальной земельной ренты¹. Во время меж-

¹ Исследуя американское сельское хозяйство в 1900—1910 гг., В. И. Ленин особое внимание обращал на то, что при росте населения в США на 21% произ-

военного аграрного кризиса падение рыночных цен сельскохозяйственных товаров ниже цены производства сопровождалось резким сокращением нормы и массы абсолютной ренты. Причем падение фермерских цен и практическая ликвидация абсолютной ренты в 30-е годы (при резком сокращении дифференциальной ренты) затронули интересы финансового капитала как получателя части земельной ренты (главным образом в форме процента по фермерской ипотечной задолженности).

В послевоенный период система государственной поддержки цен и особенно прямые государственные платежи земельным собственникам за изъятие из обработки земли создали в США новые условия для реализации монополии частной собственности на землю¹. Последняя не только, вероятно, присваивает со второй половины 50-х годов всю добавочную прибыль, образуемую вследствие все еще более низкого органического строения капитала в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, но и делит с финансовым капиталом часть прибыли, образующейся между средней (общей) прибылью и нормальной прибылью для сельскохозяйственного капиталистического производства. В 60-е годы, возможно, монополия частной собственности стала присваивать в США часть этой нормальной прибыли земледельческого капитала.

Экономическая сила монополии частной собственности на землю в странах развитого капитализма проявляется в послевоенный период в росте цены земли. «Цена земли, — как указывал К. Маркс, — есть не что иное, как капитализированная и поэтому антиципированная рента»². Она — превращенная форма бытия земельной ренты, но само это превращение означает дальнейшее развитие монополии частной собственности на землю, поскольку цена земли становится в то же время формой ее существования. Это имеет принципиальное значение, ибо цена земли ставит тем самым частную собственность на землю в один ряд с капиталом, приносящим проценты, или с капиталом, за-

---

водство главного продукта земледелия зерновых хлебов увеличилось на ничтожную величину, всего на 1,7%, и в то же время произошло громадное увеличение его цены на 79,8%. Это, как подчеркивал В. И. Ленин, наглядно показывает «роль поземельной ренты, дани, которую берут с общества землевладельцы» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 219*).

¹ Платежи земельным собственникам по программам ограничения производства, составляя, по словам американского экономиста У. Криста, «чистый доход земли», искусственно укрепляют позиции землевладельцев. Если в 1956—1960 гг. эти платежи составляли ежегодно более 700 млн. долл., то в 1964—1966 гг. они превысили 2 млрд. долл.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 373.*

траченным на приобретение акций. Цена земли представляется поэтому земельному собственнику капиталом, причем в данном случае безразлично, купил ли он землю, или она ему досталась по наследству. Частная земельная собственность и вместе с ней «капитал» в цене земли¹ не имеют никакого отношения ни к капиталу, затраченному на само сельское хозяйство, ни к производству земельной ренты. Более того, при покупке земли цена земли отвлекает от производственного использования капитал и тем самым выступает как тормоз развития производительных сил.

Маркс подчеркивал иррациональность цены земли как категории. Но на поверхности капиталистических отношений цена земли оказывает значительное регулирующее влияние на развитие капитализма в сельском хозяйстве. Цена земли принимается в расчет при установлении арендной платы. Она прямо воздействует на «рентабельность» капиталистического производства и при соединении капиталиста и земельного собственника в одном лице, требуя примерно такого же процента, какой получают на равновеликие капиталы отошедшие от дел рантье. Капиталист — собственник земли (даже если он не заложил ее в ипотечном банке) не может ограничиться в нормальных условиях лишь получением прибыли на свой производительный капитал, ибо это по законам капитализма равносильно прямой потере его капитала.

Рост цен земли наблюдается в послевоенный период во всех странах развитого капитализма. Особенно он был стремителен в США с начала 50-х годов (см. табл. 12). Так, в 1950—1967 гг. стоимость недвижимости² в расчете на 1 акр возросла с 65 до 173 долл. в текущих ценах (с 75 до 163 долл. в неизменных ценах 1957—1959 гг.³). Цена фермерской земли⁴ увеличилась с 54,5 млрд. долл. в 1950 г. до 129,2 млрд. долл. в 1965 г., тогда как производительный капитал⁵ вырос соответственно с 40,5 млрд. до 56,9 млрд. долл.

---

¹ Разумеется, в данном случае из цены земли исключают капитал, затраченный на прочие улучшения земли.

² Стоимость недвижимости включает цену земли, капитальные вложения в прочие улучшения земли, стоимость производственных и жилых зданий и сооружений.

³ Рассчитано по: «US Census of Agriculture 1959», vol. II; «Agricultural Statistics», 1962, 1967; «Statistical Abstract of the United States», 1967.

⁴ Цена фермерской земли включает капитальные вложения в прочие улучшения земли, но исключает стоимость производственных и жилых зданий и сооружений.

⁵ Включает стоимость производственных построек, всего скота, машин и оборудования, 40% стоимости легковых машин, половину стоимости запасов кормов и оборотный денежный капитал (на 1 января указанных лет).

Таблица 12 Стоимость недвижимости в расчете на 1 акр по США в целом и по штатам Иллинойс и Северная Дакота¹ (в долл.)

Годы	США	Иллинойс	Северная Дакота	США	Иллинойс	Северная Дакота
	в текущих ценах			в неизменных ценах 1957—1959 гг. ³		
1910	39,60	108,32	28,94	102,6	280,6	75,0
1920	69,38	187,59	41,10	82,1	222,0	48,6
1930	48,52	108,68	24,61	102,6	229,7	52,0
1935	31,16	69,67	18,08	71,1	159,1	41,3
1940	31,71	81,76	12,92	73,7	190,1	30,0
1945	40,63	115,90	17,28	70,2	200,1	29,8
1950	64,96	176,15	28,86	74,8	200,6	33,2
1954	84,25	231,47	35,66	90,7	249,1	38,4
1959	115,15	315,87	51,63	114,5	314,0	51,3
1964 ²	142,00	414,00	64,00	141,3	411,0	63,7
1967 ²	173,00	532,00	77,00	163,0	502,0	72,6

П р и м е ч а н и я: 1. Американская статистика, как правило, сообщает данные лишь о движении стоимости фермерской недвижимости, где вместе с ценой земли объединяются стоимость жилых и производственных построек. Если для США в целом можно сделать примерные оценки стоимости жилых и производственных зданий и сооружений, то это не представляется возможным для отдельных районов. Но поскольку цена земли составляет большую часть всей стоимости недвижимости, постольку в основном она определяет динамику последней.

2. Рассчитано по индексу министерства сельского хозяйства США.

3. Оптовые цены всех товаров.

Источники: «US Census of Agriculture 1959», vol. II; «Agricultural Statistics», 1962, 1967.

Главными причинами, вызвавшими этот беспрецедентный (в условиях снижения фермерского дохода) рост цены земли, были, во-первых, снижение процента при актах купли-продажи земли¹ и, во-вторых, резкое превышение спроса на землю над ее предложением. Последнее явление связано со стремительным ростом использования земли для несельскохозяйственных целей и особенно перенакоплением основного капитала и концентрацией земли в руках капиталистических ферм.

Рост цены земли, указывая на укрепление монополии частной земельной собственности, порождает в то же время «обрат-

¹ Падение чистого фермерского дохода во время аграрного кризиса 20—30-х годов обусловило значительный рост процента при покупках земли, так как покупатель рассматривает свое «вложение» капитала на приобретение фермерской земли как крайне рискованное дело. Еще в конце 40-х годов процент при покупке земли более чем в 2 раза превышал норму ссудного процента банковской системы.

ную связь» с движением земельной ренты. Дело в том, что на поверхности капиталистических отношений цена земли выступает как причина роста земельной ренты на практике (в форме ли арендной платы, процента по ипотечной задолженности, земельного налога или процента на свою собственную величину); влечет повышение последней часто независимо от той добавочной прибыли, которая составляет субстанцию капиталистической земельной ренты в ее собственном значении. И в этом обнаруживается механизм воздействия монополии собственности на условия хозяйствования.

Послевоенный рост цены земли в США не во всех аспектах характерен для других стран развитого капитализма. Об этом, в частности, можно судить на примере Англии. В мировом капиталистическом производстве сельскохозяйственных продуктов роль Англии незначительна и не может идти ни в какое сравнение с США. Тем не менее Англия всегда привлекала исследователей земельных отношений как страна крупной капиталистической аренды. В настоящее время к этому добавляется то обстоятельство, что она стала, пожалуй, страной самого развитого государственного регулирования арендных отношений. Движение арендной платы здесь прямо определяется государственным вмешательством.

В течение длительного времени арендная плата в Англии отставала от роста доходов фермеров. За период с 1937 до 1957 г. фермерский доход вырос с 56 млн. до 374,5 млн. ф. ст., или в 6,7 раза, в то время как арендная плата в расчете на 1 акр увеличилась приблизительно с 25 до 38 шилл., или всего на 55% ¹. Если же учесть, что покупательная сила фунта стерлингов резко упала за эти 20 лет, а также то, что расходы землевладельцев по поддержанию построек, по долговременным улучшениям и т. д. выросли более чем в 2,5 раза, то станет ясным, почему жалобами землевладельцев были полны не только сельские газеты. Обследования 133 крупных частных владений (1,4 млн. акров земли), проведенные в начале 50-х годов, показали, что большинство землевладельцев были не в состоянии из своего рентного дохода произвести необходимые земельные улучшения и что арендная плата составляла в среднем 1% от стоимости недвижимости. Многие экономисты говорили в то время о кризисе английской системы землевладения.

Сокращение доли земельной ренты в фермерском доходе объяснялось в этот период в основном государственным регулированием (закон 1948 г. о сельскохозяйственном землевладении) ², направленным в Англии на поддержание и развитие ее

---

¹ «Westminster Bank Review», May 1963.

² Закон 1948 г. давал значительные гарантии арендаторам на право сохранения аренды, ввел систему государственного арбитража для решения вопроса

собственного сельского хозяйства. В Англии государственное регулирование в течение длительного периода не только сдерживало рост паразитических доходов землевладельцев, но и в значительной мере смогло ограничить присвоение этих доходов. Однако оно не могло пойти на полную ликвидацию «священной частной собственности» на землю. Более того, само законодательство по сельскому хозяйству стало рассматриваться многими буржуазными экономистами как нарушение «социального» равенства и т. д. Наконец, в 1958 г. правительство консерваторов, идя навстречу землевладельцам и банкам, приняло новый закон о сельскохозяйственных владениях, который открыл возможности для ускоренного роста арендной платы и цены земли в Англии.

Следует заметить, что в Англии растущая арендная плата в конце концов перекладывается на плечи налогоплательщиков. Это достигается тем, что арендная плата рассматривается (по закону 1957 г.) как одна из статей издержек фермеров, причем учитывается не действительная сумма арендных плат, получаемых лендлордами, а та сумма, которая могла бы быть получена, если бы все сельскохозяйственные земли сдавались в аренду.

Английская практика государственного регулирования сельского хозяйства обнаруживает некоторые важные моменты в процессе рентообразования, которые слабо или совсем не проглядываются в США.

В США при соединении капиталиста и собственника земли в одном лице отделение земельной собственности от функционирующего капитала обнаруживается не прямо, а в конечном счете лишь в независимом движении цены земли, поземельного налога и процента по ипотечной задолженности. В Англии фермер-собственник непосредственно выступает в двух лицах: как капиталисту ему достается «чистый фермерский доход», как земельному собственнику гарантируется государством определенная рента. Причем величина последней определяется движением реальной земельной ренты при аренде. Пример Англии еще раз подтверждает, что при соединении капитала и капиталистической земельной собственности, как правило, не происходит ни юридического, ни фактического уничтожения земельной собственности. Более того, те исключения из этого правила, которые часто встречаются в капиталистической действительности, когда капиталист-собственник земли довольствуется получением мень-

---

об уровне арендной платы в случае разногласий между землевладельцами и арендаторами. Причем, согласно инструкции для арбитража, арендная плата должна быть установлена ниже уровня открытого рынка. Кроме того, пересмотр арендной платы, т. е. новый арбитраж мог произойти только по истечении трехлетнего периода.

шей, чем нормальная, прибыли на свой производительный капитал или меньшим процентом (рентой) на свою «стоимость земли», в конечном счете лишь подтверждают это правило. Ибо этим самым уже обнаружена невыгодность применения его капитала в данной сфере. Конечно, это соединение капитала с земельной собственностью не является лишь формальным моментом. В этом случае преодолеваются одни препятствия, характерные для капиталистической аренды (незаинтересованность в улучшении земли, хищническое отношение к земле, фиксированный размер платежей и др.), но неизбежно появляются другие (омертвление капитала в цене земли).

Таким образом, тенденция к уменьшению земельной ренты (и абсолютной и дифференциальной), порожденная технической революцией, сталкивается в условиях государственно-монополистического регулирования этой сферы с контртенденциями, ведущими к укреплению частной собственности на землю. Парадокс послевоенного развития земельных отношений в ряде капиталистических стран (в особенности в США) в том и заключается, что эти контртенденции оказались сильнее. Диалектика развития в этом случае, вероятно, такова, что укрепление земельной собственности и повышение земельной ренты, вызывая обострение противоречия между капиталом и земельной рентой, тем самым обуславливают необходимость снижения последней.

Глава XIII Основные показатели развития экономики капитализма. Общественный продукт и национальный доход

Важнейшей проблемой анализа капиталистического производства является изучение стоимостной структуры совокупного общественного продукта. Как известно, в марксистской политэкономии эта структура характеризуется тремя элементами: постоянным капиталом (c), переменным капиталом, или заработной платой (v), и прибавочной стоимостью (m), причем два последних элемента в сумме представляют национальный доход. Поэтому проблема динамического анализа стоимостной структуры общественного продукта распадается по существу на две: 1) анализ доли постоянного капитала (c) в структуре общественного продукта и 2) анализ долей переменного капитала (v) и прибавочной стоимости (m) в национальном доходе. Исследование этих проблем и составляет основное содержание данной главы. Предварительно перед этим экономико-статистическим исследованием дается краткое описание тех статистических показателей (общественного продукта и национального дохода), на основе которых проводится соответствующий анализ.

1 Важнейшие стоимостные показатели продукции

Процесс общественного производства в условиях современного капитализма весьма сложен и многообразен. Для того чтобы разобраться в его экономическом механизме, необходимо определить те статистические показатели, которые наиболее точно и верно его отражают.

Естественно, что статистических показателей, отражающих так или иначе процесс общественного воспроизводства, очень много. Они могут быть стоимостными и натуральными, одни из них могут относиться ко всему хозяйству, другие — к отдельным его частям, например к отраслям или секторам хозяйства, они могут характеризовать экономическую жизнь страны на определенный момент времени и в динамике. Важнейшими синтетическими народнохозяйственными показателями, характеризующими процесс общественного воспроизводства в целом, являются совокупный, или валовой, общественный продукт, конечный общественный продукт и национальный доход. Каждый из этих трех показателей характеризует свою определенную область воспроизводства, имеет свой смысл, и в то же время все они органически связаны между собой, образуя основу для всестороннего макроэкономического анализа темпов и пропорций общественного воспроизводства.

В работах классиков марксизма-ленинизма можно найти определения как совокупного общественного продукта, так и конечного общественного продукта и национального дохода. Определяя экономическое содержание показателя совокупного общественного продукта, К. Маркс писал следующее: «...годовой продукт общества и состоит лишь из суммы продуктов индивидуальных капиталистов, принадлежащих к данному обществу»; «...годовой товарный продукт (или товарный капитал) общества равен сумме товарных продуктов этих индивидуальных капиталов...»; «Следовательно, весь *годовой продукт* есть результат *полезного* труда, затраченного в течение года»¹. В. И. Ленин также указывал, что общественный продукт состоит из суммы единичных продуктов².

Следовательно, общая величина показателя совокупного общественного продукта практически соответствует сумме продуктов, произведенных обществом как в вещественной, так и в невещественной форме на всех предприятиях страны и соизмеренных по их ценам. В стоимостном выражении совокупный общественный продукт равен сумме постоянного капитала и чистой продукции, т. е. $c + v + m$.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 414, 415, 424.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 142.

Отличительным признаком показателя совокупного общественного продукта является наличие в нем повторного счета затрат предметов труда, т. е. сырья, материалов, топлива, энергии. Этот повторный счет возникает в результате учета одних и тех же предметов труда на различных стадиях производственного цикла. Например, стоимость сырой руды, помимо первоначального учета в стоимости продукции горнодобывающей промышленности затем входит как перенесенная стоимость в стоимость агломерата или окатышей, чугуна, стали, проката и, наконец, в стоимость машин и оборудования. Повторный счет подобного рода представляет собой не просто какую-то расчетную или фиктивную величину. Он отражает реально существующие последовательные стадии производства, на каждой из которых имеются свои реальные производственные ресурсы в виде рабочей силы, сырья и оборудования (средств производства), имеются самостоятельные предприятия, которые вкладывают в производство капитальные вложения и создают конкретную продукцию.

Однако показатель совокупного общественного продукта не является самодовлеющим и безукоризненным инструментом экономического анализа. Он может искажать реальный объем производимой в стране продукции, если в этой стране происходит коренная ломка пропорций, создается много новых производств, происходят существенные организационные перемены в хозяйстве. Тогда доля повторного счета может заметно колебаться просто в связи с изменением числа промежуточных стадий в процессе движения различных частей общественного продукта от первичного сырья до конечного результата. Отраслевая структура производства, исчисляемая по валовой продукции, преувеличивает долю обрабатывающей промышленности за счет добывающей промышленности, электроэнергетики и сельского хозяйства, долю отраслей, производящих предметы потребления, за счет отраслей, производящих средства производства, и т. д., так как в последних степень повторного счета сырья меньше¹.

В силу этой неизбежной условности и ограниченности показатель совокупного общественного продукта должен быть дополнен показателем конечного общественного продукта, который не содержит повторного счета стоимости предметов труда. Говоря о целесообразности исключения этого повторного счета для ряда целей экономического анализа, К. Маркс отмечал, что

---

¹ Следует отметить, что все указанные недостатки совокупного общественного продукта относятся и к совокупной товарной продукции, которая отличается лишь тем, что не учитывает изменения в незавершенном производстве, изменения остатков полуфабрикатов собственной выработки и стоимость материала заказчика (см. «Курс экономической статистики». М., 1967, стр. 199).

изделия, изготовленные из туземного и иностранного сырья, считаются {во избежание двойного счета сырья} на сумму повышения стоимости, достигнутого при помощи промышленного труда; обращающиеся в торговле и транспорте сырье и фабрики считаются на сумму вызванного этим повышения стоимости»¹.

Конечный общественный продукт по своему материально-вещественному составу включает предметы личного и общественного непроизводственного потребления и инвестиционные средства; элементы конечного продукта в данном году в дальнейшую переработку не поступают. По стоимостному составу конечный общественный продукт состоит из вновь созданной стоимости, или национального дохода ($v + m$), и из массы средств труда, возмещающих годовой износ основных производственных фондов, или амортизации основного производственного капитала².

В советской экономической литературе существуют различные определения конечного общественного продукта. Одни авторы учитывают в нем наряду с реализованной конечной продукцией чистый прирост запасов и незавершенного производства, другие — переходящие запасы с предыдущего года. Однако эти различия не затемняют принципиальной важности самого показателя как конечного результата годовых производственных усилий общества.

Отличаясь от показателя совокупного общественного продукта отсутствием повторного счета предметов труда, показатель конечного общественного продукта тоже имеет ряд недостатков. Во-первых, нельзя сказать, что в этом показателе полностью нет повторного счета, раз в нем учитывается амортизация оборудования и зданий, созданных в том же самом году и уже учтенных в капиталовложениях, входящих в этот показатель. Во-вторых, показатель конечного продукта в отличие от показателя валовой продукции не является «сквозным», в результате чего конечный продукт общества не является суммой конечных продуктов отраслей и предприятий по своей натурально-вещественной форме. Продукция по-разному может рассматриваться как «конечная» с точки зрения завода, отрасли и общества в целом. А если продукция какого-либо предприятия не поступает в непроизводственное потребление и не участвует в капитальных вложениях, то она вообще не является конечной с точки зрения общества и не учитывается в статистике конечного общественного продукта. Она учитывается лишь как компонент стоимости других, а именно конечных, продуктов. Однако это вовсе не

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 398.

² В экономической литературе конечный общественный продукт, характеризующийся по его стоимостной структуре, часто называют еще условно чистой продукцией.

означает, что данная продукция не нужна обществу, а труд, затраченный на ее производство, является с общественной точки зрения как бы фиктивным или кажущимся.

В рассматриваемом «сквозном» смысле конечный продукт в стоимостной форме может быть представлен только как сумма условно чистой продукции отдельных отраслей и предприятий. Но это значит, что он лишь весьма незначительно отличается от показателя чистой продукции отраслей и предприятий и от национального дохода в целом.

В-третьих, оперируя только показателем конечного общественного продукта, мы практически лишаемся возможности привлекать для анализа стоимость произведенного сырья как самостоятельного показателя, ибо стоимость этого сырья «растворяется» в стоимости конечных благ.

В-четвертых, если в составе конечного общественного продукта мы учитываем не прирост запасов в течение года (с соответствующим знаком), а стоимость переходящих запасов на начало года, то оказывается, что стоимость конечной продукции, произведенной за год, не будет равняться сумме стоимостей продукции, произведенной за 12 месяцев, или за четыре квартала (поскольку величина запасов на начало года отнюдь не равняется сумме запасов на начало каждого месяца или квартала).

Конечный общественный продукт, взятый на каждой стадии своего образования в процессе общественного воспроизводства, неразрывно связан с валовой продукцией, исчисленной заводским методом, и совокупным общественным продуктом в целом. Эта связь проявляется уже вследствие того, что сам конечный общественный продукт представляет собой сумму валовой продукции таких отраслей, как машиностроение, строительство, легкая, пищевая промышленность, и ту часть валовой продукции сельского хозяйства, которая поступает непосредственно в личное потребление населения. Кроме того, не следует забывать, что конечный продукт можно рассматривать как совокупную валовую продукцию, исчисленную народнохозяйственным методом, т. е. с элиминированием внутринароднохозяйственного оборота продукции.

Особо четко количественная зависимость между совокупным и конечным общественными продуктами прослеживается в таблице межотраслевого баланса. Межотраслевой баланс производства и распределения продукции представляет собой по существу не что иное, как своеобразную поотраслевую схему совокупного общественного продукта. Первый квадрант межотраслевого баланса включает в поотраслевом разрезе производство всех предметов труда (промежуточной продукции), второй квадрант — в поотраслевом разрезе производство всей конечной продукции, составляющие в сумме совокупный общественный продукт. Тем самым совокупный общественный продукт, представленный в таблице межотраслевого баланса, охватывает и производство

конечной продукции, и производство предметов труда, созданных в стране за год. Поэтому на его основе можно выявить соотношение производства всех предметов труда с выпуском конечной продукции (показатели материалоемкости), соотношение производства всех средств производства (средств и предметов труда) с выпуском потребительских товаров и более детальный комплекс технико-экономических взаимосвязей, характерных для общественного производства, в частности для группы предметов труда. На основе одного конечного общественного продукта (т. е. на основе только второго квадранта межотраслевого баланса) подобные соотношения выявить невозможно.

Что же касается третьего народнохозяйственного показателя — национального дохода, то он является составной частью как совокупного, так и конечного общественного продукта. При наличии значительного повторного счета в первом показателе национальный доход обычно составляет в нем примерно 50%. От конечного общественного продукта национальный доход отличается лишь на сумму амортизации, т. е. не более чем на 8—10%. Национальный доход представляет собой совокупность чистой продукции отраслей материального производства, созданной за год. К. Маркс указывает, что национальный доход (Маркс называет его «валовым доходом») «есть та часть стоимости и измеряемая ею часть валового продукта [Bruttoprodukts oder Rohprodukts], которая остается за вычетом части стоимости и измеряемой ею части всего произведенного продукта, возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал»¹. По стоимости национальный доход при капитализме есть совокупность затрат живого труда, выраженных в переменном капитале (v) и прибавочной стоимости (m), и представляет собой сумму вновь созданной в отраслях материального производства стоимости. По потребительной стоимости, или в натурально-вещественном выражении, национальный доход есть совокупность части средств производства и всех предметов потребления, которые на фазе конечного использования образуют фонд потребления и фонд накопления.

В основе марксистского определения сущности и состава общественного производства лежит представление о производительном труде как о труде в производственной сфере. Совокупный общественный продукт, конечный общественный продукт и национальный доход создаются только в производственной сфере. Все, что находится вне производственной сферы, связывается лишь с потреблением общественного продукта и национального дохода в результате их перераспределения. Именно поэтому К. Маркс писал, что «все производительные работники, во-первых, доставляют средства для оплаты непроизводительных работ-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 409.

ников, а во-вторых, доставляют продукты, потребляемые теми, кто *не выполняет никакого труда*¹.

В советской экономической литературе традиционно в состав отраслей производственной сферы включаются промышленность, сельское хозяйство, строительство, общественное питание, транспорт и связь (причем идет спор, включать ли эти отрасли полностью или же в той части, в какой они прямо обслуживают производственные нужды общества), торговля в части продолжения процесса производства в сфере обращения (упаковка товаров, их сортировка, расфасовка, хранение и т. д.)².

Однако нет оснований считать, что схема отраслей производственной сферы должна всегда оставаться неизменной. Понятие и состав производственной сферы не являются раз и навсегда застывшими, кем-то твердо установленными. С развитием техники и общественного разделения труда, с усложнением всей социально-экономической и хозяйственной структуры общества появляются новые отрасли, меняется экономическое значение ряда старых отраслей и рамки производственной сферы неизбежно раздвигаются. Уже стало обычным говорить, что наука является непосредственной производительной силой общества. Но именно поэтому она является частью производственной сферы. Существуют веские основания для включения в эту сферу таких отраслей хозяйства, как образование, здравоохранение, культура, коммунально-бытовые услуги. Все эти отрасли непосредственно участвуют в воспроизводстве важнейшего фактора производства — рабочей силы и участвуют в определении ее цены. Они влияют на уровень производительности труда и эффективность всего общественного производства. Все усложняющееся общественное производство требует возрастающего числа квалифицированных распорядителей и организаторов производства, труда в управлении, в финансово-кредитной сфере и т. д. Этот труд все более приобретает черты производительного труда.

В настоящее время значительные группы экономистов в СССР и в других социалистических странах ставят вопрос о пересмотре понятия производственной сферы, которое лежит в основе исчисления национального дохода этих стран. При этом одни экономисты предлагают при расчетах национального дохода расширить понятие производственной сферы, включив в нее боль-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 169.

² Ввиду практической невозможности выделить из торговой деятельности те ее виды, которые являются продолжением процессов производства в сфере обращения, в статистике социалистических стран торговля целиком включается в производственную сферу и соответственно в расчеты национального дохода.

шее или меньшее количество тех отраслей, которые ныне относятся к сфере непроизводительного труда. Другие экономисты предлагают не менять сложившееся понятие производственной сферы и соответственно расчеты национального дохода, но начать для решения ряда экономических задач параллельные расчеты новых статистических показателей, которые рассчитывались бы так же, как и национальный доход, но включали бы наряду с отраслями материального производства и определенное количество услуг. Нам представляется, что вопрос о прямом или косвенном уточнении понятия и состава производственной сферы нуждается в специальном глубоком исследовании.

Учитывая, что большинство экономистов-марксистов продолжает в качестве сферы производительного труда рассматривать только сферу материального производства и рассчитывает статистические показатели исходя из этого понятия, мы считаем целесообразным при дальнейшем изложении и особенно при проведении расчетов исходить из сложившегося понимания сферы производительного труда.

В заключение необходимо указать на следующее. Из каких бы предположений о сфере производительного труда ни исходили экономисты-марксисты, с их позиции показатели конечного общественного продукта и национального дохода в том виде, как они рассчитываются буржуазной статистикой, носят описательно вульгарный, чрезмерно широкий характер. Буржуазная политэкономия рассматривает в качестве производительной любую деятельность, приносящую доход. Поэтому в сферу производительного труда включается и труд чиновников, военнослужащих, религиозных служителей и других категорий лиц явно непроизводительного труда. Кроме того, в национальный доход включаются и чисто фиктивные доходы (например, так называемая приписанная жилищная рента).

Поэтому при пользовании статистикой капиталистических стран ее обычно приходится пересчитывать в соответствии с марксистской концепцией производительного труда. Показатели конечного продукта и национального дохода, публикуемые в капиталистических странах, для приведения в сопоставимый вид с аналогичными показателями социалистических стран необходимо обычно уменьшать на 15—25% ¹.

---

¹ Речь идет об общих показателях национального дохода. Что касается величин национального дохода, публикуемых в капиталистических странах для отдельных отраслей материального производства, то они, наоборот, обычно преуменьшены по сравнению с аналогичными показателями социалистических стран (за счет не включения оплаты услуг различных учреждений непроизводственной сферы).

2 О динамике доли постоянного капитала в структуре общественного продукта

Доля постоянного капитала в продукции составляет важнейший параметр такой категории, как стоимостная структура общественного продукта. Необходимо указать, во избежание иногда встречающейся путаницы, на отличия последней категории от понятия органического состава капитала. В совокупном общественном продукте постоянный капитал представлен прежде всего затратами различных предметов труда (расходами основных и вспомогательных материалов, электроэнергии, топлива и т. д.) на всех стадиях общественного производства за какой-то период времени, обычно за год. Основной капитал в фонде материальных затрат совокупного общественного продукта представлен только амортизацией, на которую приходится в целом незначительная часть материальных издержек. В органическом составе капитала представлен весь постоянный капитал, взятый на какой-то момент времени. Постоянный капитал в таком понимании в большей своей части состоит из основного капитала и в меньшей степени — из материально-производственных запасов (оборотного капитала). Второе отличие стоимостной структуры общественного продукта от органического состава капитала состоит в том, что в первом представлено отношение постоянного капитала в виде материальных издержек к сумме переменного капитала (зарплаты) и прибавочной стоимости, а во втором представлено отношение постоянного капитала (основного капитала и материально-производственных запасов на какой-то момент времени) только к переменному капиталу. Ввиду двух указанных отличий изменение стоимостной структуры общественного продукта не находится в прямой и непосредственной зависимости от изменения органического состава капитала. Эти две категории могут изменяться в противоположных направлениях или в одном и том же направлении, но с различной скоростью. В этом разделе мы рассматриваем только стоимостную структуру общественного продукта под углом зрения изменения в ней доли постоянного капитала (материальных издержек), т. е. проблему материалоемкости общественного производства.

В своем теоретическом анализе К. Маркс и Ф. Энгельс допускали возможность повышения и понижения доли постоянного капитала в совокупном общественном продукте в зависимости от конкретных условий общественного воспроизводства. Более известны их высказывания о повышении доли с в стоимости продукта, и менее известны допущения противоположного характера. Как отмечалось в «Капитале», «та часть стоимости, которая происходит от сырья и вспомогательного материала, с

повышением производительности труда должна сокращаться, потому что производительность труда по отношению к этим материалам обнаруживается именно в том, что их стоимость понижается»¹. В другом месте Маркс прямо указывает, что рост доли фонда возмещения может уничтожаться «соответственным уменьшением стоимости сырья, которое является результатом растущей производительности труда, применяемого для изготовления самого этого сырья»².

На изменение доли постоянного капитала в совокупном общественном продукте влияют разные факторы, причем в противоположных направлениях. В частности, рост производительности труда, выражающийся в том, что в единицу времени на каждом отдельном предприятии перерабатываются все возрастающие объемы сырья, ведет к повышению доли *c* в стоимости продукции. Однако, если учесть, что в результате более высокого роста производительности труда в отраслях, производящих сырье, последнее становится относительно дешевле, чем конечная продукция, доля *c* в общественном продукте может снижаться, хотя в продукте многих отдельных предприятий она будет возрастать в результате роста производительности труда.

Конкретные исследования показывают, что в условиях современного научно-технического прогресса, когда необычно возросли возможности для увеличения эффективности производства, в ряде развитых капиталистических стран проявилась отчетливая тенденция к снижению доли *c* если не во всем общественном продукте, то хотя бы в стоимости продукции важнейших отраслей. Важнейшими факторами, обусловившими появление такой тенденции, являются рост экономии материальных затрат на единицу продукции (в физическом выражении) и удешевление предметов труда по сравнению с конечной продукцией. Так, например, удельные затраты первичного натурального сырья имеют за большой промежуток времени явную тенденцию к снижению. Статистические данные показывают, что отношение стоимости первичного сырья к валовому национальному продукту США снижается (см. табл. 13).

Все это говорит о том, что роль добычи первичного сырья в США для экономики страны в целом уменьшается. Как пишут американские экономисты Фишер и Бурстейн, сейчас «общий экономический рост стал меньше зависеть от обилия ресурсов, чем раньше»³. По данным А. Бараха, потребление первичного сырья в США за 1900—1940 гг. более чем удвоилось при росте национального дохода почти в 3 раза, а в период 1941—1961 гг.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 286.

² Там же, стр. 121.

³ F. Fisher and E. Boorstein. The Adequacy of Resources for Economic Growth in the United States, p. 42.

Таблица 13

Производство первичного сырья в США
(в % к валовому национальному продукту;
на базе цен 1954 г.)

	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1940 г.	1950 г.	1959 г.	1961 г.
Всего	36	32	29	27	22	21	16	13	11	10
В том числе:										
сельскохозяйственное сырье	27	25	21	19	15	14	10	8	7	6
лесные продукты . .	4,0	3,7	3,9	3,9	2,8	2,0	1,0	0,77	0,66	0,53
минеральное сырье .	1,5	2,0	2,8	3,4	4,2	4,9	4,1	3,6	3,4	3,1

Источники: F. Fisher and E. Boorstein. The Adequacy of Resources for Economic Growth in the United States. Washington, 1959, p. 43; «Statistical Abstract of the United States», 1964, p. 704.

оно возросло всего лишь на 38% при росте национального дохода более чем в 2 раза¹. Данные о соотношении производства первичного сырья и конечного общественного продукта не учитывают возрастающей роли вторичного сырья и специализации производства.

Анализ с учетом всего сырья и изменения специализации производства показывает, что очень часто в изменении доли постоянного капитала в продукции отдельных отраслей прослеживаются два периода — сначала ее рост, затем снижение.

Сейчас широко известны данные об удельном потреблении топлива в США за длительный период времени. По расчетам С. Шера и Б. Нетчерта, до 1920 г. темпы роста потребления энергии в США превышали темпы роста валового национального продукта и промышленного производства, т. е. удельное потребление энергии увеличивалось, но начиная с 1920 г. наметилась противоположная тенденция: темпы роста валового национального продукта и промышленного производства обгоняют рост потребления энергии, т. е. ее удельное потребление стало сокращаться. Любопытно, что в середине 50-х годов текущего века, в расчете на единицу национального дохода США потребляли на $\frac{1}{3}$ меньше энергии, чем в 1880 г., когда США еще были аграрной страной. Анализ данных (в текущих ценах) о движении доли материальных затрат в основной отрасли народного хозяйства США — обрабатывающей промышленности — свидетельствовал о росте доли материальных затрат в валовой продукции обрабатывающей промышленности США с 1849 по 1879 г. с 54,5 до 68,3%. В течение 80-х годов эта доля снизилась, но потом уверенно воз-

¹ A. Barach. USA and Its Economic Future. New York, 1964, p. 110.

растала вплоть до 1919 г. В целом за период с 1849 по 1919 г. доля материальных затрат растет. После 1919 г. она при определенных колебаниях несколько снизилась. Так, в 1919 г. она составляла 60,4%, в 1929 г. — 55, в 1939 г. — 56,6, в 1958 г. — 56,5, в 1965 г. — 54, в 1967 г. — 53,9%.

Таким образом, во всей обрабатывающей промышленности обнаруживаются два этапа: первый — когда отрасль бурно развивается вширь, техника и технология производства только осваиваются и второй — когда техника и технология производства уже освоены и развитие идет вглубь по линии более эффективного использования ресурсов.

Анализ, проведенный нами по другим отраслям материального производства в США, показал, что доля затрат сырья и материалов в строительстве после 1929 г., так же как и в обрабатывающей промышленности, преимущественно уменьшалась, а в сельском хозяйстве и в электроэнергетике росла. В производстве электроэнергии, как показывают имеющиеся данные, доля материальных затрат до первой мировой войны росла: в 1907 г. — 40,3%, в 1917 г. — 51%¹. В последующие годы эта доля также возрастала, хотя в циклическом подъеме 60-х годов она несколько снизилась.

Таблица 14 Доля материальных затрат (включая амортизацию) в валовой продукции электроэнергетики и газовой промышленности США

Годы	%	Годы	%	Годы	%
1930*	40,8	1955	45,8	1963	49,9
1940	41,9	1960	47,9	1964	48,6
1950	44,4	1962	50,0	1965	48,6

* По газовой промышленности данные за 1932 г.

Источники: «The National Income and Product Accounts of the United States», Washington, 1958, p. 18—21; «Economic Almanach 1962», p. 314, 315, 318; «Statistical Abstract of the United States», 1964, p. 535, 537; 1966, p. 537, 538.

Анализ добывающей промышленности США показывает, что доля материальных затрат (без амортизации) в валовой продукции этой отрасли до 1919 г. росла (с 13,7% в 1880 г. до 23,5% в 1919 г.). Затем она стала снижаться и вновь несколько возросла после второй мировой войны (до 25,5% в 1954 г. и 26,1% в 1958 г.)².

¹ «Income in the United States. Its Amount and Distribution, 1909—1919», vol. II. New York, 1922, p. 550.

² «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957». Washington, 1960, p. 349; «Statistical Abstract of the United States», 1961, p. 700.

Рассмотрим движение доли материальных затрат в валовой продукции сельского хозяйства США.

Таблица 15   Удельный вес материальных затрат
в валовой продукции сельского хозяйства США

Годы	%	Годы	%	Годы	%	Годы	%
1840	6,1	1890	18,5	1943	28,4	1960	43,2
1850	8,2	1900	20,9	1945	31,6	1962	44,7
1860	5,0	1929	25,5	1948	32,0	1963	45,0
1870	8,4	1937	27,1	1950	35,6	1964	45,8
1880	20,3	1940	36,1	1955	40,4	1965	42,8

Источники: «The National Income and Product Accounts of the United States», 1958, p. 28, 29; «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957», 1960, p. 139, 284.

Приведенные данные показывают, что доля материальных затрат в сельском хозяйстве США в середине XIX в. находилась на очень низком уровне. Это, несомненно, связано с отсутствием затрат на удобрения и корма в то время, так как новые плодородные земли США и без того давали высокие урожаи; пастбищное скотоводство также не требовало больших материальных затрат. Однако к концу века доля этих затрат в валовой продукции сельского хозяйства резко возросла и продолжает возрастать до сих пор (заметно снизившись лишь в годы второй мировой войны).

До сих пор мы говорили об экономии постоянного капитала, связанного с совершенствованием технологии, улучшением использования сырья, изменением баланса сырья безотносительно к таким важным факторам, как динамика цен и внешняя торговля сырьем.

Имеющиеся данные показывают, что в США рост цен на сырье отстает от роста цен на готовые изделия, что позволяет существенно экономить на затратах предметов труда. Общий индекс цен на первичное сырье с 1870 по 1963 г. вырос на 9%, а индекс цен на минеральное сырье в послевоенный период сократился по сравнению с 1870 г., хотя в пределах этого длительного периода он испытывал колебания. В течение XX в. подешевели такие материалы, как бокситы, железная руда, медь, цинк, никель и др. Индекс цен на металлы со 145 в 1900 г. снизился до 134 в 1955 г. (1947—1949 гг. = 100)¹. В 1965 г. по сравнению с 1950 г. цены на первичное сырье в США снизились на 5%, цены на вторичное сырье выросли на 23%, на конечные продукты — на 21%².

¹ F. Fisher and E. Boorstein. The Adequacy of Resources for Economic Growth in the United States, p. 62.

² «Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 354.

Относительное удешевление сырья связано непосредственно с более быстрыми темпами роста производительности труда в отраслях, производящих сырье, по сравнению с отраслями, производящими готовые продукты.

Таблица 16 Среднегодовые темпы роста производительности труда одного занятого в США (в %)

Годы	Обрабатывающая промышленность	Добывающая промышленность	Сельское хозяйство
1929—1940	0,9	2,5	1,0
1940—1945	3,3	6,7	3,3
1947—1962	3,2	4,5	5,1
1950—1955	3,0	6,3	5,6
1955—1962	3,0	3,8	5,2
1957—1962	3,8	5,1	5,4
1962—1966	4,4	4,4	7,5

Источники: «The Handbook of Basic Economic Statistics», May 15, 1963, p. 16, 65, 72, 84, 91; January 15, 1967, p. 18, 71, 90.

Большой эффект на показатель производительности труда в добывающей промышленности оказывают комплексная механизация добычи, широкий переход к открытым разработкам (особенно угольная промышленность), в сельском хозяйстве — переход от экстенсивной к интенсивной системе земледелия, повышение продуктивности животноводства в связи с прогрессом в биологической науке.

Важным фактором, повлиявшим в США на снижение удельных затрат сырья и материалов в обрабатывающей промышленности, является увеличение импорта дешевого первичного сырья. Если в прошлом США были крупным экспортером такого сырья, то постепенно дорогостоящее сырье отечественного производства все больше стало заменяться дешевым привозным. Тем самым реализовывался существенный экономический эффект.

В итоге анализа имеющегося фактического материала мы можем сделать следующий вывод: доля материальных затрат в валовой продукции промышленности, строительства, электроэнергетики, сельского хозяйства США в период до первой мировой войны росла. Исследования разных американских экономистов, относящиеся к этому периоду (расчеты Дзя, Стюарта, Снайдера и Кинга), также подтверждают этот вывод. В период после первой мировой войны общая картина несколько осложнилась: в обрабатывающей промышленности доля материальных затрат стала снижаться, в других отраслях она продолжала расти. Поскольку в разных отраслях народного хозяйства США изменения были разнонаправленны, в целом по народному хозяйству не происхо-

дило значительных односторонних изменений. Поэтому расчеты соотношения валового общественного продукта и национального дохода в США за последние 30 лет не показывают возрастания фонда возмещения как в текущих, так и в неизменных ценах; его доля остается на уровне 55—57 %.

Для завершения анализа необходимо ответить на два вопроса: 1) не искажены ли приведенные выше результаты влиянием изменения специализации; 2) не являются ли тенденции, показанные для США, чем-то специфичным и отличным от тенденций, характерных для других высокоразвитых капиталистических стран?

При оценке роли специализации необходимо учесть, что с точки зрения воздействия на стоимостную структуру общественного продукта имеет значение только изменение коэффициента специализации, т. е. увеличение или уменьшение числа самостоятельных и последовательных стадий обработки, в сфере производства предметов труда. Развитие специализации в производстве конечной продукции (потребительских товаров, оборудования и т. п.) на стоимостную структуру общественного продукта не влияет. К сожалению, невозможно провести изолированную оценку влияния изменения специализации в производстве предметов труда на изменение повторного счета перенесенной стоимости и тем самым на стоимостную структуру. Здесь можно высказать только следующие соображения.

Поскольку общественное производство в целом характеризуется ростом специализации (хотя и возможны определенные колебания в другую сторону, например под воздействием усиления комбинирования), фактор изменения специализации действует в сторону роста доли постоянного капитала в общественном продукте (впрочем, этот рост носит в основном условно расчетный характер и не сопровождается реальным повышением материалоемкости производства). Тем более показательно, что, как мы видели, в важнейших производствах США в последние десятилетия доля постоянного капитала в валовой продукции снижалась или оказывалась стабильной; последнее означает, что факторы, ведущие к снижению доли постоянного капитала, прежде всего экономия материальных затрат, перекрывали воздействие факторов, включая и рост специализации, ведущих к повышению этой доли. Следовательно, приведенные выше данные относительно правильно характеризуют тенденции изменения материалоемкости производства. Последнее дополнительно подтверждается расчетами, проводимыми при элиминировании влияния изменения специализации.

В качестве подобных расчетов иногда предлагают исчисление стоимостной структуры конечного общественного продукта, под которой понимают две пропорции. Первая, представляющая отношение амортизации к национальному доходу, в долговременном аспекте характеризуется некоторым ростом. Например, в валовом

национальном продукте США, выраженном в постоянных ценах 1929 г., амортизация составляла: в 1897 г. — 9,9%, в 1909 г. — 10,1 и в 1949 г. — 10,5¹, а в текущих ценах в 1929 г. — 8,2% и в 1965 г. — 9,6%². Вторая пропорция — отношение суммы амортизации и материально-производственных запасов на начало года к национальному доходу — более динамична. Так, в США за 1896—1949 гг. запасы выросли примерно в 3 раза, а национальный доход за тот же период увеличился в 5 раз³. Следовательно, в историческом развитии отчетливо проявляется тенденция к увеличению отношения национальный доход — материально-производственные запасы, что свидетельствует о снижении в конечном продукте доли этих запасов, а значит, и суммы запасов и амортизации.

Однако приведенные расчеты, хотя и представляют определенный аналитический интерес, не отражают процессов роста или падения затрат предметов труда на единицу выпущенной продукции и поэтому не могут служить в качестве показателей, характеризующих материалоемкость производства. Амортизация показывает износ основного капитала в процессе производства (причем, как признано, весьма неточно и условно) и не связана с затратами предметов труда на единицу продукции. Связь запасов предметов труда с их расходом в процессе производства тоже относительна и условна. Величина запасов на начало года для отдельных предприятий и для всего материального производства определяется не только (а большей частью и не столько) техническими и технологическими изменениями в производстве, но и комплексом причин иного рода — сложностью работы транспорта и материально-технического снабжения, широтой и четкостью организации кооперирования между предприятиями, конъюнктурными колебаниями в экономике и пр.; сдвиги же в затратах предметов труда в процессе производства (т. е. изменения его материалоемкости) связаны в основном с техническими и технологическими новшествами. Поэтому вполне допустимо (и не раз наблюдалось на практике), когда общий объем запасов на начало года по отношению к выпущенной продукции и на отдельных предприятиях, и во всем материальном производстве уменьшается (в первую очередь в связи с улучшением работы

---

¹ Рассчитано по: *R. W. Goldsmith, D. S. Brady, H. Mendershausen. A Study of Saving in the United States*, vol. III. Princeton, 1956, p. 429.

² Рассчитано по: «National Income, 1954 Edition». Washington, 1954, p. 164; «Survey of Current Business», July 1966, p. 8.

³ Рассчитано по: *R. W. Goldsmith, D. S. Brady, H. Mendershausen. A Study of Saving in the United States*, vol. III, p. 21, 429. Расчеты основаны на данных, выраженных в постоянных ценах 1929 г. при исключении государственных запасов.

транспорта и связи), а величина затрат предметов труда на единицу выпущенной продукции (т. е. действительная материалоемкость производства) в результате технического прогресса растет. К этому надо добавить, что ряд важных предметов труда вообще не учитывается в запасах (например, электроэнергия). Поэтому в статистике изменение отношения запасов к различным показателям продукции рассматривается не как свидетельство сдвигов в материалоемкости, а как один из динамических показателей фондоемкости, отражающих изменение величины оборотного капитала (или фондов) на единицу выпущенной продукции.

В связи с изложенным для характеристики сдвигов в материалоемкости при элиминировании влияния изменения специализации необходимо обратиться к другим расчетам. В качестве одного из вариантов подобных расчетов предстают исчисления на базе валовой (или товарной) продукции мелких отраслей. Так, в обрабатывающей промышленности США для 90 % мелких отраслей удельный вес повторного счета перенесенной стоимости в общем объеме их материальных затрат, определенных по заводскому методу, составляет менее 15 %, и, следовательно, изменение этого повторного счета не оказывает сколько-либо серьезного воздействия на соответствующие показатели. Важно подчеркнуть, что долговременная стабильность и даже снижение отношения материальных затрат к стоимости продукции четко проявляются и в валовой продукции отдельных мелких отраслей обрабатывающей промышленности США, т. е. в показателях, которые свободны от сколько-нибудь серьезного влияния изменения в специализации и комбинировании.

В качестве второго варианта расчетов, в которых элиминировано влияние изменения специализации, могут служить индексы производства, включающие все предметы труда, но свободные от повторного счета перенесенной стоимости, поскольку взвешивание проводится по условно чистой продукции. Эти индексы позволяют установить соотношение производства всех предметов труда и производства конечной продукции (материалоемкость производства) без повторного счета перенесенной стоимости. Подобные индексы говорят о следующем изменении материалоемкости в США в длительном историческом аспекте. Так, по расчетам американского экономиста Барджера, среднегодовой темп прироста продукции сельского хозяйства, строительства и промышленности в США с 1869 по 1949 г. составлял 3,1 %, а среднегодовой темп прироста продукции этих отраслей, предназначенных для конечного использования, т. е. средств труда и предметов потребления, — 3,2 %¹. Следовательно, в среднем за рассматриваемый период в комплексе этих трех отраслей США имело место некоторое снижение физи-

---

¹ H. Barger. Distributions Place in the America's Economy since 1869. New York, 1955, p. 27.

ческого объема материальных затрат на единицу конечной продукции.

После второй мировой войны тенденция к снижению материалоемкости в США проявилась в более быстром росте отраслей, перерабатывающих сырье, по сравнению с отраслями, поставляющими сырье (поскольку материальные затраты снижались на каждой последовательной стадии производства). Так, за 1947—1967 гг. среднегодовой темп прироста всего промышленного производства США равнялся 4,5%, а среднегодовой темп прироста промышленного производства предметов труда — лишь 4,3%¹. Следовательно, и при элиминировании влияния изменения специализации в США в последние десятилетия прослеживается снижение материалоемкости производства.

Указанная тенденция присуща и большинству других высокоразвитых капиталистических стран. Так, доля материальных затрат (без амортизации) в валовой продукции обрабатывающей промышленности равнялась в Англии: в 1907 г. — 65,9%, в 1924 г. — 64,5, в 1954 г. — 64,7, в 1958 г. — 62,2 и в 1963 г. — 58%; в ФРГ в 1950 г. — 62,7%, в 1960 г. — 62, в 1964 г. — 60,3 и в 1965 г. — 60,4%; в Японии в 1950 г. — 68,2%, в 1960 г. — 68,5 и в 1964 г. — 67,3%². В Японии за 1950—1965 гг. среднегодовой темп прироста промышленного производства равнялся 14,5%, а среднегодовой темп прироста промышленного производства предметов труда — лишь 13,8%³. Это произошло в результате совместного действия экономии материальных затрат в производстве и повышения эффективности внешней торговли, ориентирующейся на ввоз сырья и вывоз конечной продукции. Из главных капиталистических стран только во Франции после второй мировой войны проявляется четкая тенденция к росту материалоемкости производства, связанная отчасти с увеличением расходов прогрессивных видов предметов труда — электроэнергии и химической продукции на единицу выпущенной продукции⁴.

---

¹ Рассчитано по: «Industrial Production 1959 Revision». Washington, 1960; «Federal Reserve Bulletin», November 1961; March 1968.

² Рассчитано по: «Annual Abstract of Statistics 1966», p. 134; «Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland», 1967, S. 521; «Japan Statistical Yearbook», 1966, p. 182. В расчетах по Японии в материальные затраты включена и амортизация.

³ «Economic Statistics of Japan», 1966, p. 223, 224. Из промышленного производства предметов труда исключены строительные материалы.

⁴ Во Франции, по данным «Comptes de la Nation» (при элиминировании изменения цен), межотраслевое потребление предметов труда к условно чистой продукции народного хозяйства поднялось с 0,505 в 1949 г. до 0,545 в 1961 г.

3 Проблемы распределения и перераспределения национального дохода (на примере США)

Марксистско-ленинская экономическая наука изучает законы общественного производства и распределения. Ею доказано, что распределение доходов в обществе определяется характером собственности на средства производства и по сравнению с производством материальных благ является процессом производным. Вместе с тем распределение доходов в свою очередь оказывает существенное воздействие на производство, технический прогресс, производительность труда. В этой связи В. И. Ленин писал, что «распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства»¹.

В процессе своего распределения национальный доход в капиталистическом обществе распадается на основные доходы по классам населения, по формам собственности на средства производства в сфере материального производства, в ходе его перераспределения образуются производные доходы, поступающие в непродовольственную сферу.

Имеющиеся статистические данные позволяют сделать следующие расчеты, характеризующие распределительные процессы в США: 1) доля заработной платы рабочих и служащих в условно чистой или чистой продукции ряда важнейших отраслей материального производства; 2) доля в национальном доходе дохода рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства; 3) доля дохода всех рабочих и служащих в национальном доходе США.

Тенденции в изменении доли заработной платы трудящихся в условно чистой продукции обрабатывающей промышленности США видны из таблицы 17.

Эти данные показывают, что доля номинальной заработной платы рабочих и служащих в обрабатывающей промышленности в настоящее время почти не изменилась по сравнению с концом XIX в. Однако заметный рост этой доли произошел в годы войны; после 1947 г. он снизился, несмотря на рост доли служащих и инженерно-технических работников в общей численности занятых в промышленности США. Что же касается доли заработной платы одних рабочих, то она имеет устойчивую и явную тенденцию к снижению. Эта тенденция подтверждается и данными по занятости, она отражает процесс вытеснения человеческого труда из сферы непосредственного физического воздействия в производстве на основе его механизации и автоматизации.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 359.

Таблица 17

Доля номинальной заработной платы рабочих и служащих в условно чистой продукции обрабатывающей промышленности США (в %)

Годы	Зарплата рабочих и служащих	Зарплата рабочих	Годы	Зарплата рабочих и служащих	Зарплата рабочих
1899	48,6	40,7	1947	53,4	40,7
1909	50,3	39,3	1954	53,9	38,1
1919	52,1	40,5	1958	52,2	35,0
1927	49,8	38,4	1963	52,2	32,6
1929	46,7	35,6	1964	51,4	31,9
1933	44,5	35,3	1965	50,5	31,5
1939	51,9	36,7			

Источники: «Historical Statistics of the United States 1789—1945», 1949; «US Census of Manufactures», 1963, table I; «Annual Survey of Manufactures 1965», November 1966.

В других отраслях материального производства удельный вес заработной платы рабочих и служащих в общем объеме всех доходов указанных отраслей составлял: в горной промышленности в 1929 г. — 75,1% и в 1966 г. — 75,4%; на коммунальных предприятиях (электроэнергия, газ, связь) в 1929 г. — 54,1% и в 1966 г. — 48,9%; на строительстве в 1929 г. — 66,7% и в 1966 г. — 81,2%; в сельском хозяйстве в 1929 г. — 17,0% и в 1966 г. — 16,1%; на транспорте в 1929 г. — 72,5% и в 1966 г. — 83,3%; в торговле в 1929 г. — 70,2% и в 1966 г. — 70,2%¹. Следовательно, в настоящий период доля заработной платы в чистой продукции большинства отраслей материального производства США не превышает доли, достигнутой в прошлом в сопоставимые годы. Только в чистой продукции двух отраслей — транспорта и строительства — можно отметить за последние десятилетия четкую тенденцию к росту доли заработной платы.

При расчете доли дохода рабочих и служащих, занятых в сфере материального производства, в национальном доходе, мы суммировали данные о заработной плате и жалованье, выплаченных в производственных отраслях, и отнесли полученный результат к пересчитанному в соответствии с марксистской концепцией национальному доходу США. Кроме того, мы рассчитали и ту долю, которую составляют в пересчитанном национальном доходе США зарплата и жалованье рабочих и служащих, занятых во всех отраслях народного хозяйства.

Относя полученные суммы к пересчитанному национальному доходу США, надо учитывать, что совокупный фонд номинальной заработной платы и жалованья трудящихся, занятых во всех

¹ Рассчитано по: «National Income. 1954 Edition», p. 176, 178; «Survey of Current Business», July 1967, p. 17, 34.

отраслях народного хозяйства, содержит повторный счет доходов, реализованных в непроеизводственных отраслях, в то время как пересчитанный национальный доход США нами очищен от доходов непроеизводственной сферы. Поэтому повышение доли номинального дохода рабочих и служащих в национальном доходе США может происходить в известной мере за счет указанного фактора. Поэтому мы одновременно произвели расчет доли дохода рабочих и служащих, занятых во всех отраслях народного хозяйства, также и в официальном показателе национального дохода США, включающем в себя повторный счет доходов непроеизводственной сферы.

Второй момент, который необходимо учитывать, состоит в том, что официальные данные о заработной плате и жалованье неизбежно включают в себя доход высокооплачиваемых служащих фирм, управляющих предприятиями и других категорий наемного персонала, живущих явно за счет прибылей капиталистов, т. е. за счет эксплуатации трудящихся. Буржуазный статистик П. Студенский отмечает, что «оплата служащих корпораций, которая в нашем национальном доходе трактуется как трудовой доход, содержит значительную часть дохода от капитала... Доходы, полученные чиновниками корпораций, лишь частично являются результатом их личных усилий, ибо в большей части это доходы от капитала компаний»¹. Поэтому из фонда заработной платы и жалованья всех рабочих и служащих мы исключили доход высших чиновников корпораций. Исключена и сумма жалованья военно-служащих (см. табл. 18).

Анализ проделанных нами расчетов показывает, что доля оплаты труда рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства США, несколько возрастает после 1929 г., что отражает рост численности и фонда оплаты труда служащих и инженерно-технических работников на производстве. Однако начиная с 1957 г. обнаруживается довольно устойчивая тенденция к снижению доли фонда заработной платы рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства, в национальном доходе США (47,4% в 1957 г. — 45,8% в 1965 г.).

Что же касается увеличения доли доходов всех рабочих и служащих (включая и занятых в непроеизводственных отраслях) в пересчитанном национальном доходе США, то он обусловлен в значительной мере повышением удельного веса непроеизводственной сферы в народном хозяйстве США. Так, фонд выплаченной заработной платы и жалованья во всей экономике США за 15 лет — 1951—1965 гг. — возрос на 204,5 млрд. долл., в том числе в непроеизводственной сфере — на 83,0 млрд. долл., что составляет более 40% общего прироста.

---

¹ «Studies in Income and Wealth», vol. 27. Princeton, 1964, p. 98—99.

Однако, несмотря на возрастание экономической роли непродушенной сферы, доля номинального дохода всех рабочих и служащих в национальном доходе США в 60-х годах также испытывала тенденцию к понижению (см. табл. 18). Что же касается некоторого повышения доли трудящихся в национальном доходе США за более длительный срок, то он определяется прежде всего борьбой трудящихся за свои социальные права. Некоторую роль сыграл также процесс возрастания доли наемных работников в общей численности занятых и появление новых отраслей с высокой средней оплатой труда¹. Учет этих процессов очень важен для понимания тенденций развития американской экономики.

Таблица 18 Совокупный номинальный доход отдельных категорий и его доля в национальном доходе США

Годы	Пересчитанный национальный доход, млн. долл.	Зарботная плата и жалованье в материальном производстве		Доход всех рабочих и служащих		
		млн. долл.	в % к пересчитанному национальному доходу	млн. долл.	в % к пересчитанному национальному доходу	в % к официальному национальному доходу
1929	74 964	31 252	41,7	46 791	62,4	53,9
1933	30 888	15 690	50,8	26 738	86,6	66,3
1940	69 314	28 753	41,5	46 303	66,8	57,1
1943	144 730	62 841	43,4	87 890	60,7	51,6
1945	143 478	62 712	43,7	91 556	63,8	50,4
1947	178 829	77 309	43,2	112 900	63,1	56,7
1950	212 179	90 214	42,5	134 166	63,2	56,7
1952	251 012	113 355	47,4	166 266	66,2	57,1
1955	288 573	128 158	45,2	191 132	66,2	57,7
1956	295 178	139 161	47,1	207 270	70,2	59,1
1957	305 446	144 892	47,4	217 368	71,2	59,4
1958	299 912	140 983	47,0	217 764	72,6	59,2
1959	329 944	152 890	46,3	234 784	71,1	58,7
1960	337 668	158 626	47,0	246 550	73,0	59,5
1961	343 242	155 488	45,3	253 542	73,9	59,3
1962	367 189	170 338	46,4	268 835	73,2	58,4
1963	386 015	177 896	46,1	282 832	73,3	58,7
1964	413 980	189 926	45,9	303 256	73,2	58,6
1965	446 076	204 319	45,8	326 180	73,1	58,3

Источники: D. Creamer. Personal Income During Business Cycles, 1956, p. 117; «The National Income and Product Accounts of the United States», 1966.

¹ О влиянии последнего фактора говорят следующие данные. По оценке американского экономиста Вильямса, если бы отраслевая структура занятости в обрабатывающей промышленности США после войны осталась такой же, как и в 1939 г., средняя годовая заработная плата рабочих была бы на 5%

Одного лишь расчета доли фонда номинальных доходов различных категорий трудящихся в национальном доходе США при анализе его распределения еще недостаточно. Необходимо рассчитать и изучить движение доли конечного или чистого дохода трудящихся в национальном доходе США с учетом перераспределительных процессов. Для этого надо из номинального дохода вычесть налоги и изъятия типа налогов, а также добавить выплаты по социальному страхованию.

При определении величины чистого дохода всех трудящихся мы из суммы их номинального дохода (за вычетом дохода высших чиновников корпораций и военнослужащих) вычли прямые налоги на заработную плату¹, взносы трудящихся в фонды социального страхования, косвенные налоги и добавили выплаты из фонда социального страхования.

Таблица 19 Расчет фонда чистого дохода рабочих и служащих в США
(в млн. долл.)

Годы	Номинальный доход всех рабочих и служащих *	Прямые налоги	Взносы по социальному страхованию	Косвенные налоги	Поступления из соцстраха	Чистый доход рабочих и служащих	В % к пересчитанному национальному доходу
1929	46 791	47	140	4 552	662	42 283	56,4
1933	26 738	107	134	4 586	542	22 453	72,7
1940	46 303	463	602	6 754	2 311	40 795	58,9
1943	87 890	686	1 494	9 551	3 759	79 918	55,2
1945	91 556	10 264	1 831	12 092	5 604	72 973	50,9
1947	112 900	9 842	1 919	14 315	5 899	92 703	51,8
1950	134 166	9 889	2 549	18 154	7 799	111 373	52,5
1952	166 266	17 929	3 159	21 495	10 232	133 915	53,3
1955	191 132	21 254	4 396	24 884	13 213	153 811	53,3
1956	207 270	24 016	4 974	27 182	15 216	166 314	56,3
1957	217 368	26 728	5 652	29 014	17 301	173 275	56,7
1958	217 764	27 041	5 662	29 841	17 890	173 110	57,7
1959	234 784	29 001	6 574	32 264	20 906	187 851	56,9
1960	246 550	31 675	7 643	35 030	23 382	195 584	57,9
1961	253 542	32 978	7 860	37 014	24 558	200 248	58,3
1962	268 835	36 246	8 334	39 867	27 541	211 929	57,7
1963	282 832	38 700	9 333	42 332	29 909	222 376	57,6
1964	303 256	39 300	9 704	45 277	32 038	241 013	58,2
1965	326 180	36 800	10 112	46 989	34 541	266 820	59,8

* За вычетом дохода высших чиновников корпораций и военнослужащих.

Источники: «Federal Reserve Bulletin», October 1966; «The National Income and Product Accounts of the United States», 1966, p. 14; К. Камушер. Государственные расходы и проблема рынка в США, стр. 66.

ниже («Monthly Labor Review», September 1956, p. 1015).

¹ См. К. Камушер. Государственные расходы и проблема рынка в США. М., 1965, стр. 56.

Расчет показывает, что доля чистой заработной платы всех трудящихся в пересчитанном национальном доходе США заметно сократилась в годы войны (доля заработной платы в кризисные годы всегда возрастает, так как обычно производство сокращается в большей мере, чем фонд заработной платы). После войны она несколько возросла, но это был восстановительный рост до уровня, который составляла эта доля в 1929 г. Доля чистой заработной платы в национальном доходе США несколько превысила уровень 1929 г. после 1960 г., главным образом за счет стабилизации доли налоговых изъятий из номинальной заработной платы трудящихся и повышения доли поступлений из фонда социального страхования (так называемые добавления к заработной плате). Аналогичные исчисления в неизменных ценах 1958 г. лишь подтвердили те же тенденции.

Таким образом, перераспределительные отношения в национальном доходе США вызвали определенное различие в движении долей номинальной (валовой) и чистой заработной платы. В целом влияние этих перераспределительных процессов на изменение первоначального, номинального фонда зарплаты видно из следующих данных: если в 1929 г. чистый доход в номинальном доходе рабочих и служащих еще составлял 90%, то в середине 60-х годов — около 80%.

Расчет чистой заработной платы можно сделать и в отношении рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства. Для этого лишь надо вычесть из их номинального дохода ту же долю прямых и косвенных налогов, а также взносов по социальному страхованию и добавить ту же долю поступлений из фонда социального страхования, которые получаются при расчете размеров чистой заработной платы всех рабочих и служащих в США. В результате мы имеем следующую сумму и удельный вес в национальном доходе США чистой заработной платы и жалования работников сферы материального производства (см. табл. 20).

Эти данные свидетельствуют о том, что доля чистой оплаты труда рабочих и служащих, занятых в материальном производстве, в национальном доходе США, как и в случае с долей их номинальной заработной платы, возросла во время войны и продолжала расти до 1957 г. После этого начался процесс снижения этой доли, который продолжается и в настоящее время.

В последние годы для США характерно усиление перераспределительных процессов в народном хозяйстве: все большая и большая часть произведенного национального дохода подвергается перераспределению через финансовую систему и сферу услуг. В послевоенный период отношение суммы всех прямых и косвенных налогов к национальному доходу резко возросло по сравнению с довоенным периодом. При этом особенно быстро увеличивались в США прямые налоги. Так, доля всех налогов в пересчитанном по марксистскому методу национальном доходе США в

**Таблица 20   Доля чистого дохода рабочих и служащих
в сфере материального производства
в национальном доходе США**

Годы	Сумма номинальной заработной платы, млн. долл.	Сумма чистой заработной платы, млн. долл.	Отношение к пересчитанному национальному доходу, %	Годы	Сумма номинальной заработной платы, млн. долл.	Сумма чистой заработной платы, млн. долл.	Отношение к пересчитанному национальному доходу, %
1929	31 252	30 855	41,1	1957	144 892	141 950	46,5
1933	15 690	15 313	49,6	1958	140 983	138 093	46,0
1940	28 753	28 429	41,0	1959	152 890	149 832	45,4
1943	62 841	62 269	43,0	1960	158 626	155 843	46,0
1945	62 712	61 439	42,8	1961	155 488	152 223	44,3
1947	77 809	75 925	42,4	1962	170 338	166 726	45,4
1950	90 214	88 680	41,8	1963	177 896	174 090	45,1
1952	113 355	111 145	44,3	1964	189 926	186 013	44,9
1955	128 158	125 646	43,5	1965	204 319	200 601	44,9
1956	139 161	136 406	46,2				

Источники те же, что и к таблицам 18, 19.

1929 г. составила 14,7 %, в 1965 г. — 35,8 %, в том числе прямых налогов — соответственно 5,4 и 21,8 %.

Одной из характерных черт налоговой системы в США является широкое использование системы косвенных налогов. При этом в структуре самих косвенных налогов выросла доля тех их видов, которые приходятся прежде всего на доходы трудящихся, а именно акцизов, и налогов на продажу и на личную собственность. Так, удельный вес акцизов в общей сумме косвенных налогов составил в 1929 г. 8 %, в 1965 г. — 22,9 %, удельный вес налога на продажу — соответственно 6,3 и 25,3 %. За это же время резко возрос и удельный вес налога на недвижимость (с 6,5 до 36,9 %), что связано, конечно, с широким распространением индивидуального домовладения среди трудящихся США. По существу роль, аналогичную роли косвенных налогов, играет и та часть налогов на корпорации, которую последние через механизм монопольных цен перекладывают на потребителей¹. Косвенные налоги по своей природе несут регрессивный характер и основной тяжестью ложатся на трудящихся.

Проведенные расчеты долей доходов разных групп трудящихся в национальном доходе позволяют подойти к вопросу о

¹ По данным, указанным американским экономистом Р. Масгрэйвом, корпорации перекладывают на потребителя в форме повышения цен примерно $\frac{1}{3}$ всего подоходного налога на корпорации (*R. Musgrave. Federal Tax Reform, Public Finance and Full Employment. Washington, 1945*).

норме прибавочной стоимости в США. Последняя определяется как отношение долей прибавочного продукта и дохода рабочих и служащих в национальном доходе (по номинальному и чистому доходу — см. табл. 20). Определенная в сфере материального производства норма прибавочной стоимости в США по номинальному доходу трудящихся составила в 1929 г. 140 %, в 1943 г. — 130, в 1950 г. — 135, в 1957 г. — 111 % (минимальный послевоенный уровень), затем началось ее повышение и в 1965 г. — 118 % ¹. Определенная по чистому доходу трудящихся, занятых в отраслях материального производства, норма прибавочной стоимости в США составила в 1929 г. 143 %, в 1943 г. — 133, в 1950 г. — 139, в 1957 г. — 115 и в 1965 г. — 120 %.

Стабильность нормы прибавочной стоимости в США в последние несколько десятилетий отражает прежде всего усиление борьбы американского рабочего класса, сумевшего отстоять свои позиции в процессах распределения национального дохода. Огромную роль сыграла также мировая социалистическая система, одно существование которой действовало весьма охлаждающе на господствующий класс в странах капитала, побуждая его к таким уступкам рабочему классу, на которые буржуазия никогда бы не пошла при иных условиях. В среднем же норма прибавочной стоимости в XX в. выше, чем в предыдущем столетии, когда она составляла 80—100 %. Именно за счет огромного роста абсолютной массы прибавочной стоимости формируются те колоссальные прибыли крупных монополий, которые характерны для США. Достаточно указать, что с 1929 по 1965 г. прибыли американских корпораций возросли с 10,5 млрд. до 76,1 млрд. долл., т. е. в 7,3 раза. Кроме того, положение трудящихся при капитализме определяется не только показателем нормы прибавочной стоимости, но и рядом других объективных факторов (отсутствием многих социальных и политических прав, уменьшением степени удовлетворения материальных и духовных потребностей и т. д.).

Еще одной проблемой, чье рассмотрение необходимо в связи с распределением национального дохода, является соотношение между ростом производительности труда и заработной платы. Расчеты показывают, что в целом за 1929—1966 гг., т. е. в долгосрочном аспекте, годовая производительность труда в сфере материального производства США увеличилась в 2,23 раза, во всем народном хозяйстве — в 1,99, фонд потребления на одного

---

¹ Эти данные примерно соответствуют исчислениям прогрессивного американского экономиста В. Перло. По его расчетам, норма прибавочной стоимости в обрабатывающей промышленности США, определенная по номинальной заработной плате рабочих и служащих, равнялась в 1966 г. 115 % («Economic Notes», August 1968, p. 3).

занятого — в 1,84, а реальная заработная плата на одного рабочего и служащего во всем народном хозяйстве — в 1,86 раза (коэффициент опережения равен соответственно 1,2 и 1,08). Однако внутри этого большого периода времени были периоды заметного отставания роста производительности труда от роста реальной заработной платы.

Примерно та же картина характерна и для послевоенного периода. Имеющиеся данные об отраслевом распределении валового национального продукта США в неизменных ценах, занятости и заработной платы по отраслям позволяют сделать расчеты, показывающие, что в целом за 1948—1963 гг. годовая производительность труда в промышленности возросла в 1,6 раза, реальная заработная плата — в 1,54 раза, в сельском хозяйстве — в 1,99 раза, заработная плата — в 1,02, на транспорте — соответственно в 1,64 и 1,49 раза.

По расчетам В. Перло, темпы роста производительности труда и реальной заработной платы рабочих и служащих в обрабатывающей промышленности США за десятилетие 1948—1958 гг. были примерно одинаковыми. Начиная же с 1959 г. рост реальной заработной платы стал заметно отставать от роста производительности труда¹. Этот процесс продолжается и в настоящее время; он совпал со снижением доли трудящихся в национальном доходе США, с новым паступлением монополий на права трудящихся, с инфляцией и эскалацией войны в Юго-Восточной Азии.

Приведенные данные дают основание для вывода, что в условиях интенсивного воспроизводства, высокой насыщенности хозяйства эффективной техникой при экономии на затратах капитала образуется реальная экономическая возможность сближения темпов роста производительности труда и реальной заработной платы.

Однако при капитализме эта возможность наталкивается на противодействие эксплуататорского класса, прежде всего монополистической буржуазии. Буржуазия использует различные средства, чтобы добиться отставания роста реальной заработной платы от роста производительности труда и увеличить таким путем свои прибыли. Как показывает практика, даже в условиях борьбы двух систем и подъема рабочего движения она может добиваться успеха в этом.

В заключение необходимо рассмотреть одно положение, которое получило широкое распространение в буржуазной литературе после второй мировой войны. Известно, что в США давно упорно выдвигается тезис о «революции в доходах», иллюстрируемый обычно разного рода статистическими выкладками. Но подобные утверждения носят чисто пропагандистский и апологетический характер.

Свидетельством этого является тот факт, что за весь после-

---

¹ См. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 3, стр. 42.

военный период никаких особых изменений в структуре распределения личных доходов в США вообще не произошло.

Таблица 21 Распределение личных доходов между группами семей в США

(по квинтилям; на базе цен 1964 г.)

Группы населения	Годы											
	1947	1950	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1967
Низшие 20%	5	4	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Вторые 20%	12	12	12	12	13	12	12	12	12	12	12	12
Третьи 20%	17	17	18	18	18	18	18	17	17	17	17	18
Четвертые 20%	23	24	22	24	24	24	24	23	23	24	24	24
Высшие 20%	43	43	42	41	40	41	42	43	43	42	42	41
В том числе высшие 5%	17	17	17	16	16	16	16	18	18	16	16	15

Источники: «Statistical Abstract of the United States», 1966, п. 336; 1969, п. 322.

Герман Миллер, автор крупной работы о распределении личных доходов в США по группам населения, приводит следующие расчеты распределения доходов семей и одиночек (в отличие от предыдущей таблицы) по квинтилям с 1929 г.¹:

Таблица 22

Группы населения	Годы						
	1929	1935—1936	1941	1944	1960	1961	1962
Низшие 20% }	13	4	4	5	5	5	5
Вторые 20% }		9	10	11	11	11	11
Третьи 20%		14	15	16	16	16	16
Четвертые 20%		19	22	22	23	23	23
Высшие 20%	54	52	49	46	45	46	46
В том числе высшие 5%	30	27	24	21	20	20	20

Автор справедливо подчеркивает, что «эти цифры не подтверждают точку зрения, выдвигаемую многими американцами, о том, что доходы в нашем обществе распределяются более равномерно... Хотя доля, полученная низшими группами домополучателей, и возросла слегка в годы войны, затем она уже не изменилась»². Таким образом, в США выравнивание доходов между высшими и низшими социальными слоями населения

¹ H. Miller. Income Distribution on the United States. Washington, 1966, p. 3.

² Ibidem.

не происходило и не происходит. И законы классового распределения доходов в условиях капитализма вопреки утверждениям ряда буржуазных экономистов продолжают оставаться неизменными.

Глава XIV Долговременные структурные сдвиги в области капиталистического воспроизводства: основные пропорции и тенденции их изменения

Данная глава ставит перед собой задачу проанализировать за длительный исторический период некоторые важные технико-экономические структурные сдвиги в производстве капиталистических стран, вызванные как в первую очередь научно-техническим прогрессом, так и борьбой двух противоположных общественных систем, социальными сдвигами, происходящими в условиях развития государственно-монополистического капитализма.

Перед началом анализа необходимо остановиться на некоторых общих проблемах изучения структурных сдвигов в капиталистической экономике. Прежде всего анализ в данной главе концентрируется на структурных сдвигах в экономике наиболее крупных промышленно развитых капиталистических стран, т. е. тех стран, структурные сдвиги в экономике которых являются действительным отражением влияния научно-технического прогресса. Особое внимание при этом обращено на структурные сдвиги в экономике главной капиталистической страны — США (поскольку на эту страну в настоящее время приходится около половины промышленного производства капиталистического мира и она располагает по сравнению с другими капиталистическими странами наиболее богатыми статистическими материалами за относительно длительный исторический период времени).

Вторая общая проблема, встающая при изучении сдвигов в экономике, — это проблема выделения тех структурных изменений, которые должны быть включены в указанный анализ. Одна группа структурных изменений относится к отраслевым или производственным сдвигам. Анализ того, как росли и развивались отдельные отрасли производства под воздействием тех или иных технико-экономических, экономических или социальных причин, как менялось соотношение между ними, имеет большое значение. Однако существует другая группа структурных сдвигов, исследование которых применительно к долговременному развитию экономики капиталистических стран представляет не меньший интерес. Речь идет об изменении основных пропорций воспроизводства и особенно важнейшей из них — соотношения между двумя подразделениями общественного производства. Это соотно-

шение между двумя подразделениями отражает взаимосвязь между производством и потреблением на различных этапах развития производительных сил.

Впервые введенная в экономическую науку К. Марксом, эта пропорция занимает центральное место во всей структуре экономики, находясь в тесной, фактически органической зависимости и с изменениями других пропорций воспроизводства, и с изменениями соотношений различных отраслей, и с комплексным изменением эффективности общественного производства.

Все вышеизложенное заставляет, во-первых, проанализировать важнейшие отраслевые и производственные сдвиги; во-вторых, обратить особое внимание при исследовании структурных сдвигов в экономике капиталистических стран на соотношение двух подразделений, проанализировать изменение этой пропорции как узловое отражение важнейших изменений и в других пропорциях, и в эффективности общественного производства.

1 Важнейшие отраслевые и производственные сдвиги

Если сопоставить 60-е годы XIX в. с 60-ми годами XX в., то можно отметить следующие отличительные черты современной отраслевой и производственной структуры капиталистической экономики по сравнению с прошлым. Во-первых, в 60-е годы XIX в. промышленность составляла, хотя и наиболее динамичную, но далеко не самую большую отрасль материального производства главных капиталистических стран. Основная масса рабочей силы была занята в сельском хозяйстве. Так, в США в 1869 г. промышленность охватывала только 22,2 % от всей рабочей силы, занятой в материальном производстве, в ней было создано лишь 23,5 % национального дохода страны. В настоящее время промышленность во всех главных капиталистических странах охватывает большую часть рабочей силы, в ней производится основная часть национального дохода. Так, в США в промышленности после второй мировой войны было занято около 40 % от всей рабочей силы, используемой в материальном производстве, в ней создавалось свыше 50 % национального дохода страны¹. По данным известного английского статистика XX в. М. Мелхолла, удельный вес промышленности в национальном доходе Франции в 1843 г. составил 26 %, Германии в 1842 г. — 24, Англии, по данным У. Спэкмана, в 1841 г. — 36 %. В настоящее же время, по данным стати-

---

¹ Рассчитано по: «Historical Statistics of the United States 1789—1945». Washington, 1949, p. 12; «Survey of Current Business», July 1961, p. 11; J. W. Kendrick. Productivity Trends in the United States. New York, 1961, p. 318—319.

стики ООН, во всех этих странах — свыше 50% ¹, если брать доход, созданный в отраслях материального производства.

Во-вторых, произошли структурные сдвиги внутри самой промышленности. Если в 60-е годы XIX в. основную роль в промышленности главных капиталистических стран играли отрасли легкой промышленности (текстильная, кожевенно-обувная и др.), то в настоящее время решающую роль играют те отрасли тяжелой промышленности, которые производят орудия труда (машиностроение) и наиболее прогрессивные виды энергии и предметов труда (электроэнергетическая и химическая). Так, в США в середине XIX в. текстильная промышленность (включая и швейную) составляла 18% всей промышленности страны, а в конце 60-х годов XX в. — лишь 6%. Удельный вес кожевенно-обувной промышленности соответственно сократился с 12 до 1%. Но сокращение удельного веса старых отраслей сопровождалось технической перестройкой и модернизацией их производственного аппарата. С другой стороны, доля машиностроения за тот же период возросла с 10 до 30%. После второй мировой войны в этой отрасли наиболее быстро развивались электромашиностроение (включая электронику) и транспортное машиностроение, средства автоматизации и связи, оборудование для химической и нефтеперерабатывающих отраслей, ряд производств сельскохозяйственного машиностроения, производство строительных конструкций, производство таких металлообрабатывающих машин, как кузнечно-прессовое оборудование, станков, особенно шлифовальных, разнообразного оборудования для механизации вспомогательных работ и т. д. К настоящему времени химическая и электроэнергетическая отрасли составляют около 15% всей промышленности США ². Коренным образом изменилась энергетическая база промышленности: 60-е годы XIX в. характеризовались господством каменного угля и пара, 60-е годы XX в. — господством нефти, газа и электроэнергии с постепенным ростом значения атомной энергии. Еще в 1937 г. удельный вес нефти и газа в общей добыче топлива в США составлял 42%, а в 1967 г. — 70%, во Франции — соответственно 0,18 и 16%, в ФРГ — 0,4 и 9%.

60-е годы XIX в. характеризовались первичным внедрением машин в промышленное производство, 60-е годы XX в. — созда-

---

¹ *M. Muchall. Industry and Wealth of Nations. London, 1896, p. 129, 151; UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966». New York, 1967; II. Струденский. Доход наций. Пер. с англ. М., 1968, стр. 172.*

² «Trends in the American Economy in the Nineteenth Century». Princeton, 1960, p. 59; «Industrial Production 1959 Revision». Washington, 1960, p. S—3. Удельный вес определен по условно чистой продукции (чистая продукция плюс амортизация) промышленности.

нием системы машин и все более широким распространением автоматизации и автоматических систем управления (кибернетизация). В настоящее время в США, например, создан значительный парк станков с программным управлением, превышающий 15 тыс. штук; доля этих станков в стоимости общего выпуска станков в США уже превысила 20%. Парк электронно-вычислительных машин в США насчитывает около 60 тыс. штук. Эти машины находят все возрастающее применение не только в военном деле, но и в промышленности, торговле, транспорте и в банковских операциях.

В 60-е годы XIX в. продукция промышленности основывалась на натуральном сырье; в 60-е годы XX в. огромную роль играют различные виды синтетического сырья. Так, производство пластмасс в 1967 г. достигло в США 6,5 млн. т, в то время как еще в 1950 г. оно было равно 1 млн. т, в Японии — соответственно 2,4 млн. и 0,017 млн. т, в ФРГ — 2,6 млн. и 0,084 млн. т.

В-третьих, коренным образом изменилась и роль сельского хозяйства. Из малопродуктивной отрасли народного хозяйства, в которой в середине прошлого века была занята основная масса населения главных капиталистических стран, к 60-м годам XX в. она превратилась в интенсивную и высокопроизводительную отрасль, характеризующуюся переходом от мануфактурной к машинной стадии производства. Резко сократилось сельскохозяйственное население. Так, в 1869 г. сельское хозяйство США занимало 56,7% рабочей силы материального производства; в этой отрасли создавалось 31,7% национального дохода страны. В начале 60-х годов XX в. сельское хозяйство охватывало лишь 13% рабочей силы, занятой в материальном производстве; в ней создавалось около 6—7% национального дохода страны¹. Сокращение доли сельского хозяйства в экономике характерно для всех главных капиталистических стран. Так, если в 40-х годах прошлого столетия доля сельского хозяйства в национальном доходе Англии, Франции и Германии составляла примерно 30%, то в настоящее время — лишь 5—10%. Однако, несмотря на снижение удельного веса сельского хозяйства в развитых капиталистических странах, в этой отрасли за последние десятилетия произошла техническая и организационная перестройка, приведшая к значительному росту производительности труда (часто к более значительному, чем в промышленности). Сельское хозяйство все более превращается в органическую составную часть всей индустриальной системы главных капиталистических стран.

В-четвертых, гигантски вырос транспорт. Последние десятилетия XIX в. характеризовались широким железнодорожным

---

¹ «Trends in the American Economy in the Nineteenth Century», p. 59; «Industrial Production 1959 Revision», p. S—3.

строительством. Для 60-х годов XX в. уже характерны широкая и разветвленная система железных дорог и водного транспорта и все более возрастающая роль автомобильного и воздушного транспорта. На смену доминирующей роли железнодорожного транспорта в развитых капиталистических странах пришла многосторонняя транспортная система, в которой ни один отдельно взятый вид транспорта не является основным. Хотя интенсивная замена железных дорог автотранспортом удорожает перевозки, снижает производительность труда на транспорте, однако это с избытком окупается экономией на погрузочно-разгрузочных работах при доставке грузов «от дверей до дверей» и ускорением оборачиваемости оборотных средств в народном хозяйстве.

В-пятых, увеличилось значение таких отраслей экономики, как торговля и сфера услуг. В 1840 г. в торговле США было занято лишь 3%, в услугах — 12% всех работающих в хозяйстве США¹. В 60-е годы XX в. значительная (а в США большая) часть самодеятельного населения занята во этих отраслях. Так, в 1960 г. в США 20,2% всей рабочей силы было занято в торговле, 33,8% — в сфере услуг². В других развитых капиталистических странах удельный вес торговли и сферы услуг увеличивался более умеренно, но тоже в настоящее время составляет от 35 до 40% рабочей силы. Это характеризует резко изменившееся соотношение между производственной и непроизводственной сферами в экономике развитых капиталистических стран.

Несомненно, что рост удельного веса торговли и сферы услуг в капиталистических странах вызван объективными потребностями дальнейшего развития производительных сил и произошел на базе значительного роста общественной производительности труда. Подобное развитие было предсказано еще К. Марксом. «Страна тем богаче, — указывал он, — чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда»³.

Однако немаловажную роль сыграло и развитие процессов паразитизма и загнивания в капиталистических странах. В качестве типичного примера можно указать на колоссальное увеличение издержек обращения, которое обусловлено не только более медленным ростом производительности труда в торговле по сравнению с другими отраслями материального производства, но и

---

¹ *H. Krooss. American Economic Development. Prentice — Hall, 1966, p. 27.*

² Рассчитано по: «Survey of Current Business», July 1961, p. 27.

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 215.*

условиями рыночного хозяйства, необходимостью беспрестанной борьбы со стороны отдельных монополий за сохранение и расширение своих рынков¹.

В-шестых, гигантски выросла роль науки в развитии капиталистического производства.

2 *Изменение нормы производственного накопления*

Норма производственного накопления характеризует распределение народнохозяйственной продукции на цели дальнейшего роста производственного аппарата страны и на цели непроизводственного потребления (населения и государства). Изменение этой пропорции, отражая интенсивность накопления, имеет ключевое значение в процессах экономического развития стран. Сдвиги в объеме и структуре производственного накопления определяют общий рост и структурные сдвиги во всей экономике.

В долговременном аспекте изменение нормы производственного накопления наиболее точно характеризуется долей валовых производственных капиталовложений в условно чистой продукции (национальный доход плюс амортизация)². Эта пропорция отражает отношение производства средств труда (т. е. производственных строений, сооружений и оборудования) к производству предметов непроизводственного потребления и поэтому нередко

---

¹ По отдельным оценкам, в каждом долларе, истраченном американским потребителем, 40—50% составляют издержки обращения. На одну рекламу тратится 3—4% национального дохода США. По мнению известного американского экономиста Э. Хансена, ряд отрицательных черт развития американской экономики «может быть объяснен влиянием современной рекламы на создание потребностей американского населения. Значительная часть наших производственных ресурсов расходуется на искусственно созданные потребности» (А. Н. Hansen. *Economic Issues of the 1960s*. New York, 1960, p. 46).

² Известно, что в советской экономической литературе норма производственного накопления чаще исчисляется как доля чистых производственных капиталовложений (т. е. капиталовложений за вычетом амортизации) в национальном доходе. Однако с точки зрения характеристики долговременных тенденций собственно норма производственного накопления уступает доле валовых производственных капиталовложений в условно чистой продукции (поскольку при втором расчете не проводится вычет крайне неточной и условной величины амортизации из национального продукта и капиталовложений).

определяется в советской экономической литературе как соотношение двух подразделений общественного производства по конечному продукту.

Изменение нормы производственного накопления по главным капиталистическим странам после второй мировой войны представлено в следующей таблице.

Таблица 23   Норма производственного накопления в ряде промышленно развитых капиталистических стран

Страны	1950 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1966 г.
США	12,1	11,9	11,5	12,3	13,6
Англия	10,1	13,0	13,2	13,9	14,5
ФРГ	13,9	18,5	19,8	20,5	20,0
Франция	13,8	13,9	14,9	14,8	17,6
Япония	16,1	28,5	31,7	30,0	29,0

Рассчитано по: UN. «Yearbook of the National Accounts Statistics», 1957, 1964, 1965; UN. «Statistical Yearbook», 1967.

Норма производственного накопления исчислена как доля валовых капиталовложений (исключая жилищное строительство) в условно чистой продукции названных стран. В качестве показателя условно чистой продукции используются данные о валовом национальном продукте, публикуемые в официальных изданиях ООН. С теоретической точки зрения этот показатель не соответствует точному пониманию категории конечного продукта, принятому советскими экономистами, так как он включает повторный счет вновь созданной стоимости (по линии учета не только первичных доходов материального производства, но и вторичных, производных доходов непроизводственной сферы). Однако важное достоинство — сравнимость по странам — делает его незаменимым при анализе динамики нормы накопления в изучаемых странах. Поскольку таблица охватывает относительно короткий период, изменение повторного счета вновь созданной стоимости не оказывает серьезного влияния на показатели валового национального продукта.

Как видим, с 1950 г. по начало 60-х годов во всех представленных в таблице государствах, кроме США, имел место рост нормы производственного накопления (т. е. доли первого подразделения в конечном продукте, исчисленном по использованию). В результате уровень этого показателя по соответствующим странам превзошел когда-либо достигавшийся в прошлом. Об этом свидетельствуют следующие данные. Норма производственного накопления, примерно сравнимая с представленной в табл. 23, составляла: в Англии в 1870—1913 гг. — 7,5, в 1912—1929 гг. —

около 7, в 1920—1933 гг. — 8,7; в Германии в 1920—1929 гг. — примерно 13; в Японии в 1905—1912 гг. — 15, в 1912—1919 гг. — 16,5, в 1920—1938 гг. — 15,4¹.

В США в отличие от других промышленно развитых стран, представленных в табл. 23, с 1950 г. по начало 60-х годов наметилось снижение нормы производственного накопления. Тем самым как бы продолжается тенденция, проявившаяся со второго десятилетия XX в. Так, доля валовых производственных капиталовложений в условно чистой продукции США (в ценах 1929 г.) равнялась в 1869—1873 гг. 20,8%. Такой уровень сохранялся примерно до конца первого десятилетия XX в. За период 1907—1911 гг. эта доля также составляла 20,8%. Затем она начала снижаться и в 1922—1926 гг. дошла до 17,5%. Если сопоставить показатели 1929 и 1950 гг., то указанная норма (при расчетах в постоянных ценах 1954 г.) равнялась соответственно 19,5 и 16,1%². С 1964 г. норма производственного накопления стала расти.

Изменение нормы производственного накопления в промышленно развитых странах в долгосрочном аспекте связано с двумя важнейшими процессами: изменением фондоемкости и величиной темпов роста производства.

Показателем изменения фондоемкости служит отношение между ростом производственного капитала (фондов) и ростом продукции, созданной при помощи этого капитала. Если рост производственного капитала обгоняет рост продукции, то это ведет к росту фондоемкости, если, наоборот, быстрее растет продукция, то это ведет к снижению фондоемкости. Рост фондоемкости, поскольку он увеличивает спрос на капиталовложения при одном и том же объеме продукции, воздействует при прочих равных условиях в сторону роста нормы производственного накопления, и, наоборот, снижение фондоемкости, уменьшая спрос на капиталовложения при одном и том же объеме продукции, действует при прочих равных условиях в сторону стабильности или снижения нормы производственного накопления.

Анализ изменения фондоемкости в главных капиталистических странах вскрывает исторически двойственный характер этого процесса. Одно положение складывается в период первичного

¹ A. Maddison. Facts and Observation of Labor Productivity in Western Europe, North American and Japan. International Congress on Economic Development. Viena, 1962; Ph. Deane, W. A. Cole. British Economic Growth 1688—1959. Trends and Structures. Cambridge, 1962; Kazushi Ohkawa, Henry Rosovsky. Recent Japanese Growth in Historical Perspective. — «American Economic Review», May 1963.

² «US Income and Output». Washington, 1959; «Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957». Washington, 1960.

индустриального развития страны, когда создается материально-производственная база современной промышленности, связанная, в частности, с возникновением новых капиталоемких отраслей тяжелой промышленности и со значительным экстенсивным ростом производственного капитала во всем народном хозяйстве. В подобных условиях проявляется тенденция к росту фондоемкости в важнейших отраслях материального производства. Так, в обрабатывающей промышленности США с 1869 по 1919 г. съём продукции с одного и того же объема производственного капитала снизился почти на 60%, в горной промышленности с 1879 по 1919 г. аналогичное снижение равнялось 10%¹.

Следует учесть и то обстоятельство, что в период индустриализации, когда капиталовложения неизбежно носят характер первичных затрат, огромные средства расходуются на создание коммуникаций, транспортной и энергетической сетей. Эти вложения долгое время вообще не влияют на выпуск продукции, и отдача или их освоение наступает не сразу. В результате этого в период первичного индустриального развития фондоемкость продукции неизбежно растет.

С созданием же развитой индустрии динамика фондоемкости приобретает в большинстве случаев понижающий характер. Так, в США съём продукции с одного и того же объема производственного капитала с 20-х годов XX в. по современный период увеличился в 2,7 раза в обрабатывающей и почти в 2 раза в горной промышленности². В ФРГ и Японии после второй мировой войны промышленная продукция росла в среднем быстрее основного капитала. Во Франции в этот же период рост продукции и основного капитала промышленности носил параллельный характер.

В этот второй период заметно усиливаются качественные технические усовершенствования в оборудовании, внедрение прогрессивной технологии, технологических процессов и конструкций машин. Улучшение использования основного капитала, снижение фондоемкости производства позволяют увеличивать выпуск продукции без привлечения крупных дополнительных вложений капитала, следовательно, за счет более интенсивного использования уже действующего производственного аппарата. Новое же оборудование, как правило, характеризуется тем, что его производительность значительно больше по сравнению со старым, заменяемым оборудованием.

Из числа конкретных процессов, обусловивших тенденцию к уменьшению размеров основного производственного капитала,

---

¹ Рассчитано по: *S. W. Kendrick. Productivity Trends in the United States.*

² Рассчитано по: «National Income. 1954 Edition». Washington, 1954; «US Income and Output»; «Survey of Current Business», July 1964; «Federal Reserve Bulletin», November 1960; October 1965,

приходящегося на единицу продукции, и соответственно к росту эффективности использования капитала в большинстве развитых капиталистических стран, можно назвать следующие: преобладание в новой технике образцов, характеризующихся большей производительностью при меньшей капиталоемкости; экономия на пассивных элементах средств труда (строениях и сооружениях) и увеличение доли активных элементов (орудий труда, т. е. машин и оборудования), непосредственно связанных с выпуском продукции; уменьшение сроков строительства и соответственно объемов незавершенного строительства; широкое развертывание реконструкции и модернизации производственного аппарата; использование преимуществ высокоспециализированного и массового производства, позволившего путем резкого снижения издержек производства завоевать для многих промышленных товаров, в частности и потребительских, широкий рынок внутри страны и за ее пределами; международный обмен результатами научно-технического прогресса (покупка патентов и пр.); замена натурального сырья, производство которого связано с большими капиталовложениями, искусственным сырьем, производство которого требует меньших удельных капитальных затрат, и т. д.

Процессы снижения фондоемкости в капиталистических странах не носят непрерывного характера; они преобладают, но в отдельные периоды могут сменяться не только стабильностью, но даже ростом фондоемкости, например в США в 50-е годы, в ФРГ в середине 60-х годов. В Англии же после второй мировой войны преобладал устойчивый рост фондоемкости. Основной причиной указанного повышения фондоемкости служит увеличение недогрузки производственных мощностей, связанное либо с перебоями в процессах роста экономики, либо с сохранением в относительно длительные периоды низких темпов роста производства.

Бездействующие мощности ложатся тяжелым грузом на экономику. В результате тот выигрыш, который общественное хозяйство получает от совершенствования технических и технологических условий производства, в значительной мере теряется в результате неэффективности капиталистических производственных отношений.

Второй фактор, непосредственно воздействующий на норму производственного накопления, — это величина темпов роста, характеризующая быстроту расширения капиталистического рынка. Поскольку в условиях господства капиталистических производственных отношений расширение рынка носит стихийный и неравномерный характер, периоды подъема экономики и быстрого расширения рынка сменяются периодами экономических спадов, кризисов или хотя бы замедленного развития. Все это непосредственно отражается на темпах роста, которые в самые благоприят-

ные периоды носят очень неравномерный характер, а в периоды спадов и кризисов сменяются падением.

Подобная неравномерность темпов ведет и к неравномерному движению нормы производственного накопления, к ее скачкам и спадам в зависимости от общего состояния экономики, прежде всего связанного с условиями реализации общественного продукта.

В долговременном аспекте сохранение более высоких темпов роста и, следовательно, более быстрого расширения капиталистического рынка обычно соответствуют более высокой норме производственного накопления. Наоборот, низкие темпы роста связаны с понижением нормы производственного накопления. Конечно, зависимость между темпами роста производства и нормой производственного накопления, определенная выше в общей форме, в различных конкретных условиях проявляется неодинаково.

В периоды, когда быстрый рост производства начинается на основе вовлечения в производство резервов неиспользованных мощностей и новой рабочей силы (иногда путем увеличения интенсивности рабочего дня и недели, а также усилением интенсивности труда), высокие темпы относительно умеренно воздействуют на увеличение нормы производственного накопления. Пример противоположного характера — быстрое развитие страны при отсутствии резервов мощностей и рабочей силы. Высокие темпы роста в такой стране потребуют резкого усиления нормы производственного накопления, связанного с созданием совершенно новых мощностей, а подчас и их резервов. Конкретное развитие в различных капиталистических странах в большинстве случаев пролегает где-то между этими двумя крайностями, что и обуславливает ту степень, с которой высокие темпы роста определяют рост производственного накопления.

Зависимость нормы производственного накопления от величины темпов роста и фондоемкости производства отнюдь не означает, что оба этих фактора в свою очередь являются независимыми друг от друга. Темпы роста оказывают сложное, порой противоречивое влияние на фондоемкость производства. Высокие темпы роста, вызывая огромное новое строительство, порождая в определенных условиях длинную цепь сопряженных капиталовложений, могут вызывать увеличение фондоемкости. С другой стороны, высокие темпы роста порождают ряд факторов, вызывающих снижение фондоемкости. К ним относятся увеличение загрузки производственных мощностей, вовлечение в производство всей свободной рабочей силы, улучшение возрастной структуры капитала и т. д. Высокие темпы, таким образом, при определенных условиях обеспечивают возможность экономии затрат основного капитала и капитальных вложений на единицу продукции. Низкие темпы роста в свою очередь вызывают иногда рост фондоемкости (когда они не сопровождаются соответственным умень-

шением темпов роста капиталовложений). После второй мировой войны такое положение сложилось, например, в угольной промышленности ряда капиталистических стран. Устойчивый рост фондоемкости в этой отрасли был обусловлен сочетанием относительной стабильности объема ее производства с интенсивной модернизацией производственного аппарата.

Совместное воздействие процессов изменения фондоемкости и величины темпов роста объясняет динамику нормы производственного накопления в высокоразвитых капиталистических странах. Снижение указанной нормы в США с 20-х годов было связано со снижением фондоемкости производства и общим снижением темпов роста (особенно проявившимся в 30-е и 50-е годы). Повышение темпов роста в США в 60-е годы, несмотря на продолжающееся снижение фондоемкости, вызвало с 1964 г. увеличение нормы производственного накопления. В ФРГ, Франции, Японии увеличение нормы производственного накопления было связано с высокими темпами роста, а снижение фондоемкости замедлило этот процесс и способствовало стабилизации указанной нормы в 60-е годы. Общая тенденция, отражающая зависимость между высокими темпами роста и долей конечной продукции, идущей на производственное накопление, подтверждается хотя бы тем, что у стран с более высоким темпом роста (например, у Японии) норма производственного накопления оказалась явно выше, чем у стран с менее высоким темпом роста (например, у ФРГ и Франции). В Англии некоторый рост нормы производственного накопления был обусловлен, несмотря на низкие темпы роста, повышением фондоемкости производства.

3 Изменение соотношения двух подразделений

Соотношение долей и динамики двух подразделений общественного производства может быть исследовано по конечному и совокупному общественным продуктам. Когда определяется доля I подразделения в конечном общественном продукте, исчисленном по использованию, то имеется в виду лишь норма производственного накопления и его динамика. Иными словами, определяется лишь отношение средств труда к предметам непроизводственного потребления. Однако значительная часть общественного производства занята созданием различных предметов труда (сырья, топлива, различных полуфабрикатов, электроэнергии и т. д.)¹. Поэтому необходимо проанализировать соотношение двух под-

---

¹ Например, среди средств производства, выпускаемых промышленностью США, около 75—80% падает на предметы труда.

разделений с учетом и этого производства, т. е. как отношение средств и предметов труда к предметам непроеизводственного потребления¹. В качестве показателей, характеризующих это соотношение, в экономической статистике используются либо доля средств и предметов труда в валовом общественном продукте, либо сопоставление производств средств производства и потребительских товаров в промышленном производстве (отношение так называемых групп *А* и *Б*).

Важно подчеркнуть, что современная статистика разработала ряд методов, позволяющих анализировать соотношение двух подразделений с учетом производства предметов труда, но при элиминировании повторного счета перенесенной стоимости. Один из таких методов — расчеты индексов промышленной продукции с использованием взвешивания по условно чистой продукции, при котором динамика двух подразделений очищается от какого-либо влияния изменения повторного счета. Второй метод — непосредственное определение долей двух подразделений в чистой или условно чистой продукции². Именно такие расчеты и используются преимущественно при дальнейшем изложении в этой главе.

Конкретные соотношения между двумя подразделениями общественного производства определяются комплексным воздействием двух факторов: изменением нормы производственного накопления и материалоемкости общественного производства (здесь мы отвлекаемся от влияния внешней торговли, поскольку его анализ

---

¹ Подробный теоретический и количественный анализ проблемы соотношения двух подразделений и по конечному продукту (т. е. проблемы производственного накопления), и с учетом производства предметов труда проведен на примере главных капиталистических стран в следующих работах: *С. М. Никитин*. Структурные изменения в капиталистической экономике. М., 1965; *В. Кудров*, *Г. Шпилько*. Темпы и пропорции общественного производства в США. М., 1965; «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах». М., 1967, стр. 225—382.

² Интересно отметить, что доля средств производства (или группы *А*), установленная таким образом, обычно оказывается несколько выше исчисленной по валовой продукции отдельных отраслей, т. е. при включении повторного счета перенесенной стоимости. Так, в Японии в 1960 г. группы *А* и *Б* в промышленности, определенные по условно чистой продукции, составляли соответственно 74,8 и 25,2%, а по валовой продукции — 70,5 и 29,5% («Japan Statistical Yearbook», 1965, р. 243). Дело в том, что ряд отраслей, где производятся предметы труда (особенно горная промышленность), занимают значительно большую долю в условно чистой, чем в валовой, продукции (ввиду малого удельного веса сырья в стоимости их продукции).

в различных аспектах проведен в других разделах этой работы). Как мы уже видели, изменения нормы производственного накопления в свою очередь определяются также двумя факторами: изменением фондоемкости и величины темпов роста¹.

Изменение материалоемкости проанализировано в предыдущей главе. Поскольку в XIX в. и в первые десятилетия XX в. капиталистическое хозяйство развивалось в основном в условиях роста фондоемкости и материалоемкости, это действовало в сторону более быстрого роста I подразделения. Поскольку в последние несколько десятилетий XX в. стали господствовать процессы снижения или хотя бы стабильности фондоемкости и материалоемкости, это действовало в сторону сближения, параллелизма в развитии двух подразделений (с учетом важного дополнительного влияния величины темпов роста).

Последнее очень ярко проявилось в развитии США. Все имеющиеся статистические данные свидетельствуют о более быстром росте I подразделения в этой стране в XIX в. и в первые десятилетия XX в. Однако для конкретного экономико-статистического анализа здесь всплывают определенные трудности. Как известно, статистика ни одной страны не публикует систематических исчислений динамики темпов и долей I и II подразделений общественного производства. Обычно имеются лишь данные о делении продукции на I и II подразделения только по промышленности. Однако, поскольку промышленность является ведущей и определяющей отраслью народного хозяйства, мы считаем правомерным конкретное исследование вопроса о соотношении производства средств производства и предметов потребления на примере промышленности. Так, доля группы А в условно чистой продукции промышленности США составляла: в 1869 г. — 47,6%, в 1889 г. — 54,9, в 1899 г. — 58,8 и в 1929 г. — 59,6% (и это при относитель-

---

¹ Некоторые советские экономисты часто то или иное соотношение в темпах роста двух подразделений общественного производства прямо связывают с динамикой органического строения капитала. Однако с методологической точки зрения то или иное изменение органического строения капитала еще не определяет пропорцию между I и II подразделениями общественного производства. Дело в том, что в состав продукции, относящейся к I подразделению, входят лишь произведенные в данном году средства производства. В органический же состав капитала входят не только произведенные в данном году, но и все применяемые или функционирующие средства производства, огромная часть которых в виде накопленного капитала не является частью продукции данного года. Уже по одному этому неизбежно несовпадение динамики органического строения капитала и I подразделения и даже возможно их разнонаправленное движение.

ном снижении цен на средства производства в США в указанный период).¹

Американский экономист А. Бэрнс на основе расчетов динамики многих производств в США за 1870—1929 гг. пришел к выводу, что «в целом производство средств производства росло быстрее, чем производство потребительских товаров»². Иное положение сложилось с 30-х годов, когда в долговременном аспекте явно проявляется параллелизм в развитии групп А и Б. Так, за период 1929—1947 гг. группа А в промышленности США выросла на 87%, а группа Б — на 85%³. Для послевоенного периода статистика США исчисляет индекс промышленного производства в такой группировке, которая позволяет довольно легко определять динамику групп А и Б. Соответствующие расчеты приведены в таблице 24 (причем для целей сопоставления группа А дана в двух вариантах — с включением и с исключением производства вооружений).

Таблица 24   **Индексы промышленного производства США**
(1947 г. = 100)

Годы	Все промышленное производство	Группа А		Группа Б	Компоненты группы А	
		включая вооружение	исключая вооружение		Производственное оборудование	Предметы труда
1953	139,1	145,9	138,0	126,6	138,3	138,0
1961	166,9	167,4	160,5	166,7	158,1	161,1
1962	179,8	181,5	173,8	178,4	175,3	173,5
1964	201,4	204,7	197,8	196,3	199,7	198,2
1967	240,5	251,6	245,5	221,2	288,1	235,4
Среднегодовые темпы прироста за 1947—1967 гг.	4,5	4,7	4,6	4,0	5,4	4,3

Рассчитано по: «Industrial Production 1959 Revision»; «Federal Reserve Bulletin», March 1963; March 1968.

¹ Рассчитано по: W. H. Shaw. Value of Commodity Output since 1869. New York, 1947; S. Kuznets. National Product since 1869. New York, 1946; S. Fabricant. The Output of Manufacturing Industries, 1899—1937. New York, 1940; «Census of Manufacturers 1905», part I. Washington, 1907; «Industrial Production 1959 Revision»; J. M. Gould. Output and Productivity in the Electric and Gas Utilities, 1899—1942. New York, 1946; «Trends in the American Economy in the Nineteenth Century».

² A. F. Burns. Production Trends in the United States since 1870. New York, 1934. Reprinted 1950, p. XV.

³ «Census of Manufactures 1947. Indexes of Production». Washington, 1952; «Journal of the American Statistical Association», March 1950; «Federal Reserve Bulletin», October 1956.

Как показывает таблица, после второй мировой войны в промышленности США рост группы *A* (при исключении из нее производства вооружений) весьма незначительно превышал рост всего промышленного производства и соответственно рост группы *B* (это превышение связано с резким скачком в производстве оборудования в самые последние годы)¹. В итоге такого развития доля группы *A* (без вооружений и при элиминировании влияния цен) во всем промышленном производстве США в настоящее время находится почти полностью на уровне 1929 г. Так, если в 1929 г. эта доля равнялась 59,6%, то в 1967 г. — 60,8%² (и это при условии, что все промышленное производство США с 1929 г. выросло в 4 раза). Стабильность доли I подразделения проявляется и в расчетах по всему материальному производству США. Так, доля средств производства во всем валовом общественном продукте США составляла: в 1929 г. — 59%, в 1947 г. — 61, в 1958 г. — 58, в 1966 г. — 59%³. Следовательно, можно говорить о сближении в развитии двух подразделений общественного производства в США в последние несколько десятилетий. Правда, за этими средними итогами скрываются различные соотношения за более короткие периоды. Так, в период относительно высоких темпов роста (1946—1953 гг. и особенно с 1962 г.) группа *A* в своем развитии обгоняла рост группы *B*; наоборот, в период низких темпов роста (1954—1961 гг.) рост группы *B* в промышленности США превышал рост группы *A*⁴.

Сближение в развитии двух подразделений характерно и для большинства других капиталистических стран. Интересную картину в этом смысле представляют ФРГ и Япония. Несмотря на

---

¹ Несомненно, что группа *A* без вооружений является более точным отражением промышленного производства средств производства (поскольку вооружение по своему экономическому назначению не может рассматриваться в качестве средств или предметов труда). Среднегодовые темпы прироста за 1947—1967 гг. группы *A* (без вооружения) составляли 4,6%, а группы *B* (включая вооружение) — 4,3%.

² Рассчитано по: *S. Fabricant. The Output of Manufacturing Industries, 1899—1937; «Industrial Production 1959 Revision», p. S—3; J. M. Gould. Output and Productivity in the Electric and Gas Utilities, 1899—1942; «Federal Reserve Bulletin», November 1968.*

³ Оценка на основе материалов ценов различных сфер деятельности в США и материалов текущей статистики. I подразделение взято без производства вооружений.

⁴ В 1954—1961 гг. среднегодовой темп прироста группы *A* (без вооружения) составлял 1,9%, а группы *B* — 3,5%. В 1962—1967 гг. соответствующие темпы составляли 7,4 и 4,8%.

то что в этих странах после второй мировой войны доля I подразделения в конечном продукте заметно повысилась, во всем материальном производстве сохранился относительный параллелизм в развитии производства средств производства и производства потребительских товаров. Об этом свидетельствуют данные по промышленности. В ФРГ за 1950—1966 гг. среднегодовой темп прироста всего промышленного производства равнялся 7,6%, группы А — 8,2 и группы В — 7,0%¹. В Японии за 1950—1965 гг. среднегодовой темп прироста всего промышленного производства равнялся 14,4%, группы А — 14,5 и группы В — 13,2%. В 1950—1957 гг. группа В в Японии росла даже быстрее группы А (среднегодовые темпы прироста — соответственно 17,1 и 16,7%)². Сходство в развитии двух групп промышленного производства в ФРГ и Японии, несмотря на значительный рост нормы производственного накопления, было обусловлено более медленным развитием промышленного производства предметов труда (в то время как выпуск оборудования резко обгонял рост всей промышленности и тем более группы В)³. Причины последнего — снижение материалоёмкости производства и эффективно организованная внешняя торговля указанных стран (преимущественный ввоз сырья при преимущественном вывозе конечной продукции).

Процесс сближения темпов роста двух подразделений общественного производства в главных капиталистических странах связан со следующими структурными изменениями в этих странах: 1) с развитием в США еще до второй мировой войны, а в странах Западной Европы и Японии после нее массового производства потребительских товаров долговременного пользования (автомобилей, холодильников, телевизоров, бытовых электроприборов, мебели и т. д.)⁴; 2) с увеличением в наиболее быстро растущих

¹ «Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland», 1967; «Wirtschaft und Statistik», September 1968. В данном расчете динамика группы А завышена, поскольку в нее попали некоторые быстро растущие производства, в значительной части работающие на потребительский рынок.

² Рассчитано по: «Economic Statistics of Japan», 1966.

³ Так, в ФРГ за 1950—1966 гг. промышленное производство оборудования выросло в 4,1 раза, промышленное производство предметов труда (исключая продукцию горной промышленности) — в 3,6 раза, а горная промышленность — лишь на 33%. В Японии за 1950—1965 гг. промышленное производство оборудования возросло в 13,5 раза, а производство предметов труда (исключая строительные материалы) — в 6,9 раза.

⁴ Массовое производство автомобилей имело значительные отрицательные последствия. Огромный, фактически гипертрофированный парк автомашин,

промышленных отраслях — электроэнергетической и химической — доли продукции, идущей непосредственно для потребления населения или для производства потребительских товаров¹; 3) с техническим перевооружением сельского хозяйства, что обеспечило достаточным количеством дешевого сырья пищевкусовую и некоторые другие отрасли легкой промышленности; 4) с увеличением значения торговли и сферы услуг, которые при малом спросе на средства и предметы труда ввиду их малой фондоемкости и материалоемкости способствовали резкому увеличению спроса на потребительские товары.

В масштабе всей экономики необходимо также отметить высокий удельный вес жилищного строительства. Примерная доля капиталовложений, направляемых на жилищное строительство, после второй мировой войны в высокоразвитых капиталистических странах (исключая Японию) приближалась к 20—25%. Характерна устойчивость этой доли и ее относительная независимость от уровня обеспечения жильем на душу населения. В США, например, направлялась $\frac{1}{4}$ капиталовложений на жилищное строительство в течение столетия (кроме периодов мировых войн).

Те изменения в отраслевых пропорциях и пропорциях воспроизводства, которые показаны выше, являлись результатом длительного неравномерного и противоречивого процесса развития, в ходе которого происходили периодические (циклические) колебания и срывы в экономической деятельности, приводящие к массовому расточительству материальных и трудовых ресурсов капиталистического общества, к резкому обострению социальных и политических противоречий капитализма. Анализ того, почему развитие капитализма происходило и происходит в такой противоречивой и неравномерной форме, проведен в следующей главе. Здесь же важно подчеркнуть одну сторону этого процесса. Усиление эффективности накопления и использования действующего производственного аппарата в капиталистических странах, выра-

---

находящийся в личной собственности в развитых капиталистических странах, создал к настоящему времени серьезные технические, экономические и даже социальные проблемы (проблему постоянной перегрузки дорожной и уличной сети, что требует непрерывных и значительных затрат на перестройку; острую проблему безопасности пешеходов и водителей; проблему гаражей и стоянок; проблему сильной загрязненности воздуха выхлопными газами и др.).

¹ В химической промышленности США 50% продукции являются либо предметами потребления, либо непосредственно служат для их производства. После второй мировой войны в США из всех форм потребления электроэнергии наиболее быстро росло потребление ее населением.

жившееся в долговременной тенденции к снижению фондоемкости и материалоемкости производства, оказало определенное воздействие и на механизм капиталистического воспроизводства. Указанные процессы сузили рамки относительной независимости развития I подразделения общественного производства. Если в прошлом, в периоды роста фондоемкости и материалоемкости, капитализм имел большие возможности для расширения производства для производства, то в настоящее время эти возможности значительно уменьшились. В условиях растущей эффективности накопления капиталистический рынок на средства производства может расти параллельно и даже медленнее рынка на предметы непроизводственного потребления.

Приведенные выше статистические материалы по капиталистическим странам свидетельствуют о том, что более быстрый рост I подразделения оказывается присущим не всем условиям расширенного воспроизводства, а только определенным из них, например при росте капитальных и материальных затрат на единицу продукции, при высоких темпах роста экономики и т. д. Для всех стран историческим периодом, в течение которого, как правило, осуществляются условия, требующие при расширенном воспроизводстве более быстрого роста I подразделения, является период индустриализации. Именно этот период имел в виду В. И. Ленин в своей известной статье «По поводу так называемого вопроса о рынках» (написана осенью 1893 г.), в которой он наряду с другими вопросами блестяще показал складывание и рост капиталистического рынка за счет более быстрого роста производства средств производства¹. Что касается периодов после создания развитой индустриальной базы, то они с точки зрения соотношения двух подразделений допускают при определенных предпосылках и более быстрый рост I подразделения, и параллельное развитие двух подразделений, и более быстрый рост II подразделения. Как известно, в схемах расширенного воспроизводства К. Маркса было заложено параллельное развитие двух подразделений общественного производства, т. е. тот вариант развития, который стал господствующим в развитых странах капитализма в последние десятилетия.

Поэтому для понимания тех новых закономерностей, которые проявились в соотношении двух подразделений в развитых капиталистических странах, обратимся к более подробному рассмотрению схем расширенного воспроизводства К. Маркса. Попытаемся прежде всего на базе этих схем выяснить основные взаимосвязи, из которых складывается спрос на продукцию I подразделения.

На такую важную часть I подразделения, как предметы труда, предъявляют спрос в целях возмещения производственных затрат

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 67—122.

сырья, топлива, вспомогательных материалов, электроэнергии и т. д. Динамика указанного спроса диктуется наряду с темпом роста всего общественного производства изменением доли постоянного капитала в стоимости продукции (т. е. по существу изменением материалоемкости производства). В случае если доля постоянного капитала в стоимости продукции растет, это требует увеличения производства предметов труда по сравнению со всем общественным производством (т. е. более быстрого роста этой части I подразделения по сравнению и со всем производством и тем более со II подразделением). В случае уменьшения указанной доли производство предметов труда может отставать от роста всего производства. И наконец, при относительной стабильности доли постоянного капитала в стоимости продукции производство предметов труда должно расти параллельно с ростом всего производства. Как известно, в схемах расширенного воспроизводства К. Маркса доля постоянного капитала в стоимости продукции предполагается стабильной, что является важнейшей предпосылкой параллельного развития двух подразделений, заложенного в эти схемы. Эта предпосылка совпадает с реальным экономическим развитием, сложившимся в ведущих капиталистических странах в последние десятилетия XX в. О последнем ясно свидетельствуют статистические данные, приведенные в предыдущей главе. Например, доля материальных затрат (т. е. постоянного капитала) в валовой продукции обрабатывающей промышленности США — наиболее динамической и подверженной техническим изменениям отрасли — составляла: в 1849 г. — 54,5%, в 1899 г. — 57,9, в 1919 г. — 60,4, в 1929 г. — 55,0, в 1947 г. — 58,1 и в 1965 г. — 54,0%. В определенные периоды доля постоянного капитала в стоимости продукции снижалась, что и обуславливало наблюдаемый в ряде капиталистических стран для этих периодов более медленный рост производства предметов труда по сравнению с ростом всего общественного производства.

Далее, из схем расширенного воспроизводства К. Маркса следует, что на другую часть продукции I подразделения, а именно на средства труда (производственные здания, сооружения и оборудование), спрос предъявляется в тройках целях: для возмещения амортизации основного капитала, для расширения производства во II подразделении и для расширения производства в самом I подразделении. Количественно этот спрос определяется величиной темпов и изменением фондоемкости производства. В условиях высоких темпов роста капиталовложения в производство средств производства могут идти относительно независимо от расширения потребительского спроса; это же характерно и при росте фондоемкости. При таких предпосылках, проявляющихся, в частности, в периоды индустриализации, отчетливо проявляется более быстрый рост средств труда по сравнению со всем производством. Но при значительном снижении фондоемкости или при

низких темпах роста производственный спрос на элементы основного капитала должен относительно снижаться, ведя к замедлению роста производства средств труда.

Опыт ведущих капиталистических стран свидетельствует, что периоды параллельного роста двух подразделений и тем более быстрого роста II подразделения являются периодами снижения фондоемкости и материалоемкости производства, иногда дополненные, например для США, и относительно низкими темпами роста. Эти факторы, как мы видим, прямо совпадают с теми предпосылками, которые обуславливают параллельное развитие двух подразделений в схемах расширенного воспроизводства К. Маркса.

4 Изменение органического строения капитала

Особый интерес представляет анализ изменения органического состава капитала, категории, играющей важную роль в марксистской теории воспроизводства. Известно, что органическим составом капитала называется стоимостный состав капитала, поскольку он определяется техническим составом и отражает в себе изменение технического состава. Поэтому предварительно рассмотрим изменения технического и стоимостного состава капитала на примере главной капиталистической страны — США.

Технический состав капитала представляет собой отношение средств производства к живой рабочей силе. Показателем, наиболее близко отражающим это понятие, является капиталовооруженность (или фондовооруженность) труда — отношение производственного капитала (фондов), выраженного в постоянных ценах, к занятой в производстве рабочей силе или к производственным затратам труда (отработанным человеко-часам). Все данные свидетельствуют о росте этого показателя в течение длительного исторического периода. Однако указанный рост резко замедлился в XX в. Так, если с 1869 по 1919 г. капиталовооруженность труда в обрабатывающей промышленности США возросла более чем в 4 раза, с 1919 г. по начало 60-х годов соответствующий рост составил около 35%. Причем если в первый период рост капиталовооруженности труда значительно обгонял рост производительности труда, то во второй период наметилось обратное соотношение. С 1869 по 1919 г. производительность труда в обрабатывающей промышленности США увеличилась лишь в 1,6 раза, а с 1919 г. по современный период более чем в 3,5 раза¹. Именно изменение

---

¹ Рассчитано по: J. W. Kendrick. *Productivity Trends in the United States*; «National Income. 1954 Edition»; «US Income and Output»; «Survey of Current Business», July 1961; July 1963; «Federal Reserve Bulletin», August 1961; December 1963; May 1968.

соотношения роста капиталовооруженности и производительности труда обусловило переход от повышения к снижению фондоемкости производства в обрабатывающей промышленности США (поскольку фондоемкость равняется частному от деления капиталовооруженности труда на производительность труда)¹. Следовательно, хотя весь период капиталистического производства связан с ростом технического состава капитала, в последние десятилетия XX в. указанный рост значительно замедлился, прежде всего в результате резкого повышения эффективности каждой единицы накопленных средств производства (что отразилось, в частности, в резком ускорении роста производительности труда по сравнению с ростом капиталовооруженности).

Стоимостный состав капитала представляет собой отношение постоянного капитала (стоимости средств производства) к переменному капиталу (общей сумме зарплат). В качестве показателя, наиболее близко отражающего его изменение, является отношение стоимости основного и оборотного капитала (т. е. стоимости средств труда и материально-производственных запасов, имеющихся на определенную дату) к общей величине зарплат². Тенденция в движении этого показателя в длительном историческом разрезе отражает еще более значительную трансформацию, чем показатели, характеризующие техническое строение капитала. Если в XIX в. проявлялась устойчивая тенденция к росту стоимостного состава капитала и в обрабатывающей промышленности, и во всем народном хозяйстве США, то в XX в. возобладала тенденция к стабильности и периодами даже к снижению

¹ Эту взаимосвязь можно выразить простой формулой — $\frac{K}{P} = \frac{K}{T} : \frac{P}{T}$, где K — производственный капитал (фонды), P — продукция, T — труд.

² Иногда в советской экономической литературе в качестве показателя стоимостного (или органического) состава капитала рассматривают долю материальных затрат в товарной (валовой) продукции. В таком понимании в постоянный капитал включаются, с одной стороны, из стоимости основного капитала только его годовая амортизация; с другой стороны, вместо материально-производственных запасов берется весь годовой оборот предметов труда. На наш взгляд, этот показатель характеризует не стоимостный состав капитала, а стоимостный состав продукции и в этом смысле является одним из важных показателей изменения материалоемкости производства. Его анализ проведен в предыдущей главе; он вскрыл, что если в XIX в. доля материальных затрат в товарной продукции в основном повышалась, то в XX в. она характеризуется стабильностью, а в определенные периоды даже снижением.

этого показателя¹. Последнее подтверждается следующими данными. Отношение капитала к зарплате в обрабатывающей промышленности США составляло: в 1879 г. — 2,38, в 1889 г. — 2,51, в 1899 г. — 3,62, в 1909 г. — 4,12, в 1919 г. — 3,26, в 1929 г. — 3,67, в 1937 г. — 3,51, в 1948 г. — 2,49, в 1953 г. — 2,36². Отношение национального богатства к частному реализованному доходу (косвенный показатель изменения стоимостного состава капитала) равнялось: в 1805 г. — 0,51, в 1850 г. — 1,40, в 1880 г. — 3,04, в 1890 г. — 3,04, в 1899 г. — 3,87³. Отношение капитала к зарплате в основных отраслях материального производства США составляло: в 1929 г. — 4,06, в 1937 г. — 4,15, в 1940 г. — 4,06, в 1950 г. — 3,41, в 1958 г. — 3,61⁴.

Поясним приведенные расчеты. В качестве показателей капитала в них взяты: для материального производства — стоимость основного капитала и материально-производственных запасов; для обрабатывающей промышленности — балансовая стоимость капитала в этой отрасли, куда наряду со стоимостью основного капитала и материально-производственных запасов включены также и некоторые другие статьи оборотного капитала. Исключить последние статьи не представляется возможным, но они не приводят к существенным искажениям тенденций развития. Заработная плата охватывает оплату всех категорий работников (рабочих, инженерно-технический персонал и др.). Иногда в советской экономической литературе в качестве показателя стоимостного состава капитала (называемого подчас прямо органическим составом капитала) предлагают отношение, в котором в качестве числителя выступает сумма стоимости основного капитала и стоимости материальных затрат за год (т. е. весь годовой оборот предметов труда), а в качестве знаменателя — только заработная

¹ Последнее, в частности, объясняет следующий факт: как показывают статистические расчеты советских экономистов, в XX в. в главных капиталистических странах не проявилась тенденция нормы прибыли и нормы процента к понижению (см. *С. Выгодский*. Теория средней прибыли и цены производства К. Маркса в свете современных данных. М., 1956, стр. 179; *А. Г. Аганбегян*. Вопросы теории монополярной цены. На примере США. М., 1961, стр. 65).

² Рассчитано по: «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957», 1960; «Historical Statistics of the United States 1789—1945», 1949; «Statistical Abstract of the United States», 1953, 1961.

³ Рассчитано по: «Income and Wealth», Series II. Cambridge, 1952; *R. W. Goldsmith*. A Study of Saving in the United States, vol. 3; «Historical Statistics of the United States 1789—1945», 1949.

⁴ Рассчитано по: «National Income. 1954 Edition»; «US Income and Output»; «Statistical Abstract of the United States», 1961.

плата рабочих. Со статистической точки зрения предлагаемый показатель представляется весьма спорным по двум причинам: во-первых, из-за неправомерного объединения в одну сумму стоимости основного капитала, который является величиной на какой-то момент времени (начало или конец года), и всего годового оборота предметов труда; во-вторых, из-за выбрасывания из общей величины заработной платы оплаты всех категорий работников, не относящихся к рабочим, в том числе и оплаты такой быстро растущей категории, как инженерно-технический персонал. Но необходимо отметить, что и при расчетах по такой спорной методологии не проявляется принципиальных отличий от представленных выше данных. Вот соответствующие цифры для обрабатывающей промышленности США: в 1889 г. — 4,1, в 1899 г. — 5,0, в 1904 г. — 5,7, в 1929 г. — 6,0, в 1937 г. — 5,8, в 1948 г. — 5,2, в 1953 г. — 5,3¹. Приведенные расчеты значительно отличаются от предыдущих расчетов по обрабатывающей промышленности США в отношении абсолютных величин за каждый год, но в тенденциях принципиальных отличий нет. Это еще раз подтверждает вывод о стабилизации стоимостного состава капитала в XX в.

Описанные новые явления в изменении технического и стоимостного состава капитала привели к тому, что отдельные советские экономисты поставили по существу под сомнение саму категорию органического состава капитала. Некоторые из них стали утверждать, что в XX в. изменение органического состава капитала характеризуется изменением только его технического состава; другие высказали мысль, что для условий XX в. имеет смысл оперировать только категориями технического и стоимостного состава капитала, а от использования категории органического состава капитала следует отказаться. На наш взгляд, обе эти позиции неправильны. Предложение характеризовать органический состав капитала показателями технического состава капитала ведет к отождествлению этих двух категорий и противоречит определению органического состава капитала, данному К. Марксом. К. Маркс определял органическое строение капитала как «стоимостное строение капитала, — поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения...»². К. Маркс специально подчеркивал разницу между органическим и техническим строением капитала при их тесной взаимозависимости. Эта разница образуется, в частности, в результате относительного удешевления средств производства и известного повышения заработной платы.

---

¹ Рассчитано по: «Historical Statistics of the United States 1789—1945», 1949; «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957», 1960; «National Income. 1954 Edition»; «US Income and Output».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. стр. 626.

Предложение вообще отказаться от категории органического состава капитала покоится на предпосылке, что в XX в. не существует связи между изменением технического и изменением стоимостного состава капитала. В действительности это не так: в XX в. произошло не исчезновение указанной связи, а только ее видоизменение по сравнению с XIX в. В XIX в. рост технического состава капитала вызывал, хотя и в меньшей степени, непрерывный рост стоимостного состава. В XX в. замедленный рост технического состава капитала уже не ведет к обязательному росту стоимостного состава. Следовательно, стабильность стоимостного состава капитала в XX в. также определяется изменениями, происходящими в техническом составе капитала. Это новое явление в механизме капиталистического воспроизводства нельзя сбрасывать со счетов конкретного экономического анализа.

Как известно, в XIX в. в капиталистическом производстве господствовал так называемый экстенсивный тип развития, при котором рост эффективности общественного производства (или, что то же, рост общественной производительности труда) шел в основном по линии экономии живого труда в расчете на единицу продукта, в то время как затраты прошлого труда, отражаемые в динамике материалоемкости и фондоемкости, увеличивались в расчете на единицу продукции (хотя и в меньшей степени, чем экономился живой труд). При таком типе развития сам рост технического состава был очень значительным и вызывал рост стоимостного состава капитала. В середине XX в. в капиталистическом производстве преобладает интенсивный тип развития, при котором рост эффективности общественного производства идет и по линии экономии живого труда, и по линии экономии прошлого труда, отражаемой в снижении материалоемкости и фондоемкости производства¹. При таком типе развития более медленный рост

---

¹ Различие в машинном этапе капиталистического производства двух типов развития связано только с изменением характера роста эффективности общественного производства (при экстенсивном типе преобладает односторонняя экономия живого труда, при интенсивном типе преобладает экономия всех видов труда). Не нужно путать подобное разделение с другим встречающимся в экономической литературе пониманием, по которому экстенсивное развитие связывается с преимущественным количественным ростом производственных ресурсов, а интенсивное развитие — с преимущественной экономией производственных ресурсов. Так, например, рост производства, связанный с быстрым вовлечением рабочей силы, при втором понимании рассматривается как экстенсивный, а рост производства, связанный преимущественно с ростом производительности труда, — как интенсивный. Разделение на экстенсивное и интенсивное развитие во втором понимании связано с оценкой роли всех

технического состава капитала может и не вести к росту стоимостного состава, поскольку экономия на постоянном капитале, ставшая одной из важнейших линий технического прогресса XX в. и выражающаяся в увеличении объема продукции на единицу затраченного капитала, ведет к снижению стоимостного состава капитала и может нейтрализовать и даже перекрывать то увеличение стоимостного состава капитала, которое вызывается количественным ростом объема средств производства на одного работника. Следовательно, стабильность стоимостного состава капитала, характерная для капиталистического производства в XX в., определяется сложным воздействием процессов, происходящих в техническом составе капитала, и поэтому может рассматриваться в той же мере, как и для XIX в., показателем изменения органического состава капитала¹.

Однако было бы неправильно абсолютизировать факт стабилизации органического состава капитала в XX в. без учета того, что за ним скрываются сложные и противоречивые процессы. Прежде всего в ряде отраслей экономики США и в XX в. продолжался почти непрерывный рост органического состава капитала, связанный с огромной экономией живого труда (сельское хозяйство, горная промышленность и др.). Еще более важно учесть следующее. Одним из решающих факторов, вызвавшим перелом в тенденции изменения органического состава капитала в США, явилась такая форма экономии на постоянном капитале, как сокращение удельного веса его пассивных элементов (строений и сооружений). В результате отношение стоимости активной части производственного капитала — оборудования — к зарплате в основных отраслях материального производства США до последнего времени характеризовалось некоторым ростом. Так, это отношение составляло: в 1929 г. — 1,06, в 1937 г. — 1,10, в 1940 г. — 1,12, в 1950 г. — 1,07, в 1958 г. — 1,27². Рост активной части производственного капитала к переменному капиталу отражает, хотя и не совсем четко, продолжающийся процесс вытеснения живой рабочей силы, вызываемый увеличением технического состава

факторов роста производства (а не только характера изменения эффективности общественного производства) и поэтому в одинаковой мере применимо и к условиям XIX и XX вв.

¹ По примерным оценкам, стабилизация стоимостного состава капитала в США в XX в. на 80% обуславливалась замедлением роста технического состава капитала и только на 20% воздействием других факторов (обесценением постоянного капитала и ростом номинальной заработной платы).

² Рассчитано по: «Historical Statistics of the United States 1789—1945», 1949; «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957», 1960; «National Income. Edition 1954»; «US Income and Output».

капитала. Сила этого процесса резко стимулируется непрерывным удорожанием живого труда по сравнению с прошлым трудом¹. В этом смысле законы капиталистического накопления продолжают действовать все с той же неумолимой силой.

Серьезную опасность для трудящихся капиталистических стран в настоящее время и особенно в перспективе представляют развивающиеся технические и структурные сдвиги и усиление безработицы, обусловленные все более широким внедрением автоматизации. Последнее вызывает серьезную озабоченность со стороны объективно мыслящих буржуазных ученых и общественных деятелей. Эта озабоченность нашла свое отражение в манифесте Специального комитета по проблемам троякственной революции, объединяющего значительную группу таких ученых и деятелей. В указанном манифесте на базе анализа положения в США фактически найдено отражение признание острого конфликта между научно-техническим прогрессом и производственными отношениями капитализма. В качестве вывода авторы, в частности, заявляют: «Основной вопрос, возникший в связи с кибернетической революцией в США, заключается в том, что она подрывает весь механизм трудовой занятости и права людей как потребителей»².

Усиливавшимися процессами автоматизации обусловлен тот факт, что, несмотря на высокие темпы роста производства, безработица в США в последние годы стоит на уровне 3—4 млн. человек³. В связи с этим прогрессивный американский экономист Х. Лумер отметил: «Постоянно высокий уровень безработицы — причем в обстановке экономического подъема, самого длительного в истории США в условиях мирного времени, — районы хронической депрессии, широко распространенные нищета и лишения — все это настолько поразительно, что лишь у немногих сохраняется чувство преклонения перед автоматизацией. Наоборот, перспектива изобилия все чаще и чаще оценивается как «проблема», «вызов», «парадокс» — короче, как существующий

---

¹ Относительное удорожание живого труда проявляется в длительной тенденции более быстрого роста оплаты 1 часа труда по сравнению с индексами цен оборудования, что типично для США и ряда других капиталистических стран.

² Цит. по: «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 4, стр. 84.

³ По официальным данным, за период с 1962 по 1967 г. наивысший уровень безработицы в США составлял 4 060 тыс. человек (1963 г.), а низший — 2 875 тыс. человек (1966 г.). К этому надо добавить недоучет безработицы, достигающий в США 25—30% от общего числа официально зарегистрированных безработных.

или потенциальный источник несчастий, угроза которых будет с течением времени прогрессировать»¹.

Все это показывает, что научно-технический прогресс в условиях капитализма имеет остро противоречивый и двойственный характер. С одной стороны, он отражает объективно поступательное развитие производительных сил, а с другой стороны, приводит к углублению и обострению противоречий капитализма, к острым экономическим и социальным конфликтам и потрясениям.

Глава XV   Циклы и кризисы в современной капиталистической экономике

Экономике капитализма по самой ее природе присущи противоречия, неустойчивое развитие. Однако совокупность этих противоречий, как бы велики они ни были, не сводит движение экономики ни к хаосу, ни к хроническому застою, но выражается в определенной закономерности, а именно в циклическом движении, т. е. движении через последовательную периодическую смену периодов быстрого роста производства периодами медленного роста и абсолютного падения производства. Во время подъемов накапливается груз противоречий капиталистического воспроизводства. Кризисы временно разрешают эти противоречия и создают объективную основу для нового подъема. Эта закономерность является одним из наиболее ярких проявлений в области воспроизводства основного противоречия капитализма, т. е. несовместимости общественного характера производства и частнокапиталистической формы присвоения его результатов.

Закономерности, определяющие циклическое движение капиталистического воспроизводства, остаются в основе своей одинаковыми на протяжении всей исторической полосы существования капитализма. Однако количественное выражение этих закономерностей меняется от цикла к циклу, и их действие (механизм цикла) меняется под влиянием как внешних условий воспроизводства, так и долговременных, не всецело определяемых циклом структурных сдвигов в экономике:

За последние два десятилетия внимание многих исследователей больше всего занимало ослабление величины циклических процессов по сравнению с периодом 20-х и 30-х годов. Однако серьезные изменения в механизме цикла случались и ранее. Кризис 1929—1933 гг. был намного глубже и продолжительнее, чем любой из кризисов XIX — начала XX в. В Англии с 1825 г.

---

¹ Х. Лумер. «Тройственная революция». — «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 5, стр. 31.

до начала первой мировой войны ни один из кризисов не вызвал падения годового уровня промышленной продукции более чем на 10%, а в США за это же время было только два таких случая. Таким образом, сокрушительные потрясения капиталистической экономики в 1920—1921, 1929—1933 и 1937—1938 гг. были чем-то из ряда вон выходящим и выражали свойственную тому периоду изменившуюся по сравнению с более ранним периодом специфику циклического движения.

Однако особенности цикла в 20—30-х годах не получили еще достаточно полной научной оценки. Более того, они послужили материалом для выработки некоторых догматических представлений о капиталистическом цикле вообще. Так, одно время ряд авторов стал считать, что глубина циклических колебаний должна неизменно возрастать и что каждый последующий циклический кризис перепроизводства должен якобы быть сильнее, глубже, шире и продолжительнее предыдущего. За эталон при анализе послевоенного капиталистического воспроизводства нередко брался кризис 1929—1933 гг. Все, что не соответствовало этому эталону, считалось отклонением от «классического цикла». В 40-х годах многие авторы полагали, что только вторая мировая война спасла капитализм от еще более разрушительного кризиса, который неизбежно наступит вскоре после окончания войны. Отсюда ряд неправильных оценок и прогнозов капиталистической конъюнктуры.

Коренной порок этих оценок заключался в том, что они не учитывали глубоких структурных сдвигов в мировом хозяйстве, как научно-технических, так и социально-политических, наступивших после второй мировой войны.

Выработка правильного, научного представления о цикле и о его современном механизме имеет не только теоретическое, но и немаловажное практическое значение. От этого зависит степень реализма в прогнозировании капиталистической экономики, являющемся необходимым условием научно обоснованной экономической политики. От этого же зависит и реалистический анализ условий, форм и методов классовой борьбы пролетариата в капиталистических странах.

В данной главе мы остановимся на изменениях в современном цикле, причинах этих изменений и на современных формах проявления противоречий капиталистического воспроизводства.

1 Изменения в современном цикле

Изменения в современном цикле лучше всего видны, если обратиться к ходу капиталистического воспроизводства после второй мировой войны. В этот период общий темп роста капиталистической экономики существенно повысился. Среднегодовой рост

продукции капиталистических стран, вместе взятых, составил в 1948—1967 гг. примерно 5% по сравнению с 2% в 1913—1937 гг. и 4% в 1889—1913 гг.

В последние двадцать лет периоды роста производства (фазы оживления и подъема) заметно преобладали над фазами падения и застоя производства (фазы кризиса и депрессии). Вследствие существенно различных условий развития экономики США, западноевропейских стран и Японии картина движения мирового цикла оказалась весьма осложненной. Тем не менее характерная для цикла периодичность кризисов перепроизводства просматривается в этот период достаточно отчетливо.

После второй мировой войны капиталистическая экономика пережила три крупных кризисных потрясения.

Первый послевоенный кризис начался осенью 1948 г. в США. В течение года падение промышленного производства (по месячному индексу) составило 10%. Резко увеличилась безработица, достигнув 3,7 млн. полностью безработных. Еще раньше, чем промышленное производство, стали падать капиталовложения. Их общее падение составило 17%, а в обрабатывающей промышленности — 31%. Сокращение капиталовложений продолжалось около двух лет, а сокращение промышленного строительства — около четырех лет. Таким образом, кризис носил ярко выраженный циклический характер. Кризис в промышленности дополнялся острым перепроизводством в сельском хозяйстве и падением доходов фермеров.

В Канаде кризис выразился в застое промышленного производства, а в большинстве стран Западной Европы — в сокращении торговли с США. Впервые после окончания войны стали падать цены товаров в международной торговле, ухудшились условия сбыта на внешних рынках. Осенью 1949 г. разразился острый международный валютный кризис, охвативший большинство капиталистических стран. Английское правительство было вынуждено понизить золотое содержание фунта стерлингов на 30%. Вслед за фунтом было девальвировано несколько десятков валют других капиталистических стран. Так, промышленный и сельскохозяйственный кризис в США сочетался с торговым и валютным кризисом в Западной Европе, Азии, Латинской Америке.

Однако кризис не ослабил финансового положения США. Позиции доллара оставались устойчивыми. Что же касается Западной Европы, то в ней еще далеко не полностью завершился процесс послевоенного восстановления экономики. Западная Германия и Япония только еще начинали выходить из состояния послевоенной разрухи, вызванной поражением в войне и оккупацией. Промышленность этих стран, выпускавшая тогда продукции вдвое-втрое меньше, чем перед войной, еще не выступала на

мировом рынке как конкурент других стран. Таким образом, здесь еще не созрели условия для общего перепроизводства.

Первое общее кризисное падение производства в Западной Европе произошло в 1951—1952 гг. К этому времени послевоенная волна капиталовложений спала, возникло перепроизводство большинства традиционных потребительских товаров — текстиля, одежды, обуви. Развертыванию кризиса способствовали новое общее резкое падение цен на мировом рынке (после спекулятивного взлета в начале войны в Корее), а также инфляционные процессы внутри Западной Европы, усиленные гонкой вооружения в связи с созданием НАТО. Инфляция создала трудности сбыта потребительских товаров на внутренних рынках.

Западноевропейский кризис 1951—1952 гг. был продолжением кризиса 1948—1949 гг. в США. Подобные случаи несовпадения во времени экономических кризисов в различных капиталистических странах наблюдались и раньше — в конце XIX — начале XX в. В последние десятилетия асинхронные (неодновременные) мировые кризисы стали более частым явлением вследствие усиления неравномерности экономического развития капиталистических стран и увеличившегося воздействия на ход цикла экономической политики буржуазного государства.

Второй послевоенный экономический кризис приходится на 1957—1958 гг. В наибольшей степени он опять-таки затронул США. Здесь месячный уровень промышленного производства упал на 14%. Дольше всего кризис продолжался в автомобильной, угольной, сталеплавильной промышленности, затем в электротехнической, машиностроительной, лесобработывающей, промышленности строительных материалов, в легкой и нефтяной промышленности. Частные капиталовложения упали в целом на 20%, в обрабатывающей промышленности — на 30%.

Резко ухудшилось положение рабочего класса. Число полностью безработных за два года кризиса выросло на 1,9 млн. и достигло 4,7 млн., реальная величина фонда заработной платы в обрабатывающей промышленности упала на 12%.

Кризис ударил и по кредитно-финансовой сфере. В течение полутора лет падал курс акций на фондовой бирже. В платежном балансе США впервые после войны обнаружился крупный дефицит. Отлив золота из страны достиг рекордной для тех лет величины — 2,3 млрд. долл. Именно с этого времени началось развитие событий, приведших через 10 лет к сильнейшему мировому валютно-финансовому потрясению.

Промышленное производство в 1957—1958 гг. сократилось также в Канаде, Японии, Англии, несколько позже во Франции. Частичный кризис наблюдался в ФРГ, Италии. Падение производства или застой имели место в странах, на которые приходилось $\frac{3}{4}$ промышленной продукции капиталистического мира.

На мировом рынке кризис выразился в сокращении объема международной торговли и в новом сокращении цен, поднявшихся за годы предшествовавшего подъема. Больше всего кризис мировой торговли ударил по развивающимся странам. Цены сырьевых товаров упали, причем в ряде случаев значительно, тогда как цены готовых промышленных изделий изменились лишь незначительно. Вследствие этого уменьшились доходы развивающихся стран, продающих сырье и покупающих промышленные изделия. Правительства этих стран были вынуждены сократить импорт и программы капиталовложений, зависящие от импортного оборудования. Ухудшилось состояние государственных финансов этих стран. Кризис положил начало длительному снижению мировых цен на сырье, продолжавшемуся непрерывно до 1962 г.

Рецидивы и последствия кризиса 1957—1958 гг. чувствовались в капиталистическом мире в течение ряда лет. В 1960—1961 гг. США испытали новое кризисное падение производства, правда в меньших размерах. Вплоть до 1963—1964 гг. в США и Канаде продолжался застой капиталовложений, тормозивший наступление нового циклического подъема. Долго сохранялся и высокий уровень безработицы. В 1961 г. безработица выросла до 4,8 млн., и вплоть до 1964 г. она неизменно превышала 4 млн. человек.

С конца 1961 г. стало обостряться положение в кредитной сфере. За полгода курсы акций на фондовых биржах Нью-Йорка, Лондона, ФРГ, Франции, Италии, Японии упали на 10—20%. В мае — июне 1962 г. на всех главных биржах капиталистических стран разыгралась паника, самая крупная после 1929—1933 гг.

В целом по своему размаху и глубине второй послевоенный экономический кризис был значительно сильнее первого.

Третий послевоенный кризис, как и первый, отличается значительной асинхронностью. Раньше всего он проявился в Италии, Франции и Японии. В 1964 г. в Италии произошел острый валютный кризис, упало промышленное производство, резко сократились капиталовложения, произошло сжатие потребительского кредита. Кризисные явления продолжались до середины 1965 г. Аналогичные явления, правда в меньших масштабах, в то же время наблюдались во Франции.

В конце 1964 г. и на протяжении 1965 г. развернулся кризис в Японии. Резко упали продажи на внутреннем рынке, сократились капиталовложения. Волна банкротств охватила как многочисленные мелкие предприятия, составляющие значительную часть японской промышленности, так и некоторые крупные концерны. Биржа впала в состояние длительной депрессии, из которой ее не смогли вывести экстренные мероприятия правительства и центрального банка по покупке акций крупнейших монополий.

Лишь благодаря высокой конъюнктуре, наблюдавшейся в то время на мировых рынках, Италии, Японии и Франции удалось избежать более крупных потрясений. В конце 1965 г. эти страны уже вышли из кризисного состояния. Но их место вскоре заняла Англия, а позже — ФРГ.

Осенью 1964 г. в Англии начался валютный кризис. Пытаясь предотвратить новую девальвацию фунта, английское правительство приняло меры к ограничению внутреннего потребления, кредита, замораживания заработной платы. Пришлось обратиться и за новыми крупными займами к международным банкам. Спасти фунт не удалось. После трехлетней агонии в ноябре 1967 г. он был девальвирован. Но зато правительственные меры содействовали наступлению промышленного кризиса. В 1966 г. рост промышленной продукции полностью прекратился, и в 1967 г. продолжался полный застой производства. Резко возросла безработица.

Циклический кризис в ФРГ оказался наиболее сильным за весь послевоенный период. С середины 1965 г. в западногерманской промышленности начался застой, который через год перешел в абсолютное сокращение производства, достигавшее по квартальным показателям 7%. Больше всего сократилось производство автомобилей, телевизоров, станков, выплавка стали, добыча угля. Резко упали капиталовложения. Некоторые крупные концерны оказались перед угрозой банкротства. Повышение налогов, предпринятое правительством из-за бюджетного дефицита, способствовало спаду в экономике. Кризис государственных финансов, объясняемый ростом военных расходов, превратился в острую экономическую и политическую проблему. В течение 1967 г. число полностью безработных превышало 600—700 тыс.

Позже других капиталистических стран признаки завершения очередного экономического цикла выявились в США. В 1966 г. впервые за несколько лет упал выпуск автомобилей. К концу 1966 г. стали ощущаться острые затруднения сбыта других потребительских товаров длительного пользования. В 1967 г. сократились капиталовложения в промышленность. Объем промышленного производства к лету 1967 г. уменьшился на 2%. Однако в дальнейшем падение производства и капиталовложений приостановилось.

Особенность данного кризиса в США заключается в том, что он стал созреть в условиях резкого увеличения военных расходов в связи с интервенцией американского империализма во Вьетнаме. Увеличение военного производства предотвратило общее падение промышленной продукции, но оно неблагоприятно отразилось на гражданских отраслях. Усиление инфляции, вызванное разбуханием военных расходов, фактически содействовало наступлению застоя в экономике США. В 1967 г. промыш-

ленная продукция увеличилась лишь на 1%, хотя в 1966 г. ее прирост составлял 9%.

Эскалация войны во Вьетнаме наряду с трудностями циклического характера вызвала резкое ухудшение состояния платежного баланса США. В конце 1967 — начале 1968 г. утечка золота приняла катастрофические размеры. Правительства США и ряда других капиталистических держав были вынуждены запретить свободный обмен долларом на золото частным лицам. Было отменено и золотое покрытие денежного обращения США. Началась фактическая девальвация доллара. Это было самое крупное валютно-финансовое потрясение в капиталистическом мире за последние два десятилетия.

Рассмотрение послевоенного циклического развития капиталистической экономики показывает, что при сохранении периодичности экономических кризисов произошли изменения в картине циклического воспроизводства. Абсолютные размеры падения промышленного производства и капиталовложений в периоды кризисов сократились по сравнению с кризисами 20-х и 30-х годов. Продолжительность падения производства также уменьшилась. В кредитно-финансовой сфере кризисные явления наиболее сильно проявились в области международных расчетов, в меньшей степени — в банковской сфере. Биржевые кризисы имели место, но не всегда происходили одновременно с кризисами в промышленности. Ярко выраженной была асинхронность мировых кризисов.

2 Причины изменения механизма цикла

Картина циклического движения может меняться под влиянием различных факторов. Некоторые из них имеют лишь кратковременное действие, определяя специфику развития в пределах данного цикла; другие — более длительное воздействие, распространяющееся за пределы одного цикла, но все же ограниченное рамками сравнительно небольшого исторического отрезка, например двумя десятилетиями. Но есть и факторы постоянного структурного характера, роль которых не только не сокращается или исчезает с годами и десятилетиями, но, напротив, может возрастать. Рассматривая ход послевоенного капиталистического воспроизводства, мы встречаемся с воздействием факторов этих трех различных типов.

Наиболее серьезным преходящим фактором была вторая мировая война. Ее прямые последствия в виде разрушений производительных сил, обстановки товарного голода, длительного отставания в обновлении производственных мощностей гражданской промышленности, недопроизводства товаров личного потребления наложили сильный отпечаток на послевоенное

воспроизводство. Но хотя воздействие второй мировой войны было значительно более сильным и более длительным, чем влияние первой мировой войны, все же оно в целом было исчерпано к концу первого послевоенного десятилетия, т. е. к кризису 1957—1958 гг. Объяснение дальнейшего хода событий уже не может определяться ссылками на последствия войны.

Существенное, но также преходящее влияние имел развернувшийся в 50-х годах, но продолжавшийся и в первой половине 60-х годов в ряде стран Западной Европы и в Японии процесс создания отраслей промышленности, которые ранее отсутствовали в этих странах, отставших в своем развитии от США. Но очевидно, что, каким бы сильным ни было воздействие этого фактора, оно ограничено во времени, и, как ясно из анализа событий последних лет, по мере приближения к промышленной структуре США (с учетом специфических естественных различий) оно постепенно также исчерпывается.

Капиталистическая экономика подвергается влиянию и иных сил, которое не только не уменьшается, но, напротив, возрастает. Значение этих факторов в первое послевоенное десятилетие несколько затухевывалось последствиями второй мировой войны и процессом сближения отраслевых структур промышленно развитых стран. Однако по мере исчерпания этих дополнительных факторов роль постоянно действующих факторов становится все более решающей. Речь идет о группе факторов, в которых выражается долговременное воздействие общего кризиса капитализма: противоречие между двумя социально-экономическими системами, распад колониальной системы империализма, рост монополий и государственно-монополистического капитализма, современная научно-техническая революция, классовая борьба пролетариата в странах капитала. Каждый из этих процессов оказал и оказывает глубокое влияние на изменение механизма капиталистического цикла.

По сути учения Маркса, форма движения капиталистического воспроизводства постоянно меняется. Для этапа становления капитализма были характерны частичные, изолированные, нерегулярные кризисы перепроизводства. С завершением промышленной революции и созданием подлинно мирового рынка кризисы перепроизводства стали общими, мировыми, периодически повторяющимися. Переход от капитализма свободной конкуренции к монополистической стадии капитализма, усиление неравномерности развития капиталистических стран вызвали новые серьезные изменения в механизме воспроизводства.

После первой мировой войны и победы первой социалистической революции началась полоса революционного крушения капитализма, усилившаяся после второй мировой войны. Капитализм перерос в государственно-монополистический капитализм. Все это создало принципиально новую обстановку, которая по-

степенно вносит все большие поправки в механизм воспроизводства и цикла. Изменения, поначалу небольшие и малозаметные, со временем получили качественно определенные очертания.

Внешние условия, в которых осуществляется современное капиталистическое воспроизводство, существенно изменились. Территориальные границы сферы действия законов цикла резко сужаются. На капиталистические страны сейчас приходится немногим больше 60% мирового промышленного производства, тогда как в 1929 г. — более 90%.

Мировой социализм оказывает на капиталистическую экономику некоторое влияние через сферу международной торговли. Но оно не является решающим для хода капиталистического воспроизводства. Торговля между двумя системами, на которую приходится около 4—5% мирового товарооборота, только в некоторые периоды в отдельных отраслях на отдельных рынках играет существенную роль в определении конъюнктуры.

Противоречие между социализмом и империализмом, являющееся главным, определяющим противоречием нашей эпохи, влияет на капиталистическую экономику главным образом через другие каналы. Речь идет прежде всего об обстановке «холодной войны», инспирированной империалистическими державами по окончании второй мировой войны. Не секрет, что гонка вооружений в США и в ряде других стран была начата империализмом с целью подготовки войны против социалистического лагеря. Милитаризм, являющийся порождением монополистического капитализма, сейчас усилен в десятки раз попытками империалистов военной силой предотвратить свое поражение в революционных битвах нашего века. Несомненно, что милитаризация экономики внесла значительные изменения в механизм воспроизводства, нарушила нормальное проявление циклических процессов.

Все более важным фактором, влияющим на цикл, становится экономическое соревнование двух систем. Еще в начале 50-х годов ведущие буржуазные экономисты обосновывали необходимость антициклических правительственных мероприятий потребностями борьбы с растущим влиянием социализма. В конце 50-х и начале 60-х годов наряду с расширением антициклических мероприятий государственная программа стимулирования темпов экономического роста стала официальной доктриной монополистической буржуазии. Эта программа осуществляется ею вполне сознательно как попытка предотвратить поражение в соревновании с социализмом.

Рост мирового социализма объективно способствовал и успехам рабочего движения в странах капитала, создав вместе с другими факторами принципиально новое соотношение классовых сил. Это обстоятельство стало одним из определяющих моментов экономической обстановки в капиталистических странах.

Развитие противоречия между социализмом и империализмом — главного противоречия нашей эпохи — вызвало рост классовой солидарности империалистов различных стран. Это не могло устранить ни неравномерности развития капитализма, ни межимпериалистических противоречий, но способствовало видоизменению циклических процессов. Одним из проявлений такой классовой солидарности являются многомиллиардные суммы, затраченные американским империализмом в порядке так называемых безвозмездных субсидий на военную и экономическую поддержку капитализма в Западной Европе и Японии (тогда как после первой мировой войны главной формой подобной помощи были займы). Кризис 1929—1933 гг. в немалой мере был усилен крахом международной кредитной надстройки. Империалисты учли опыт прошлого. Создание международного механизма взаимной поддержки в валютной области является другим выражением названной тенденции.

Очевидно, что при отсутствии такого рода классовой солидарности размах экономических кризисов в отдельных странах и масштабы их влияния на экономику других стран, на международную торговлю были бы значительно большими.

Образование многочисленных политически самостоятельных государств на месте нескольких бывших колониальных империй также внесло множество новых моментов в механизм капиталистического цикла. В прошлом колониальная периферия, в которой отсутствовала сколько-нибудь развитая индустрия, являлась сферой пассивного отражения цикла в метрополиях. Постепенно в некоторых колониях возникли очаги индустрии, представлявшие отчасти сырьевое дополнение, отчасти промышленную конкуренцию для экономики метрополий. Циклические взаимосвязи усложнились, но периферия империализма стала лишь острее переживать мировые кризисы, эпицентрами которых были империалистические державы.

Политическое освобождение стран, экономику которых определяют капиталистические отношения, не вывело их из капиталистического мирового хозяйства и существенно не изменило характер их экономических взаимоотношений с империалистическими государствами. При прочих равных условиях экономика развивающихся стран по-прежнему сильно зависит от хода производства в главных капиталистических странах. Как и прежде, слаборазвитые капиталистические страны главным образом воспринимают циклические колебания, рождаемые промышленностью развитых капиталистических стран, нежели активно способствуют их возникновению.

И все же аграрно-сырьевые страны в последние десятилетия оказали существенное влияние на циклическое развитие бывших метрополий. Размеры промышленного строительства, осуществляемого во многих из этих стран при поддержке государства,

закупки ими в развитых странах оборудования значительно возросли по сравнению с периодом до второй мировой войны. Политика индустриализации, осуществляемая в ряде развивающихся стран, создавая дополнительный спрос на продукцию тяжелой индустрии, поддерживает в известной мере экономику развитых стран капитализма, усиливает интенсивность промышленного подъема в них. Но она же оказывается фактором неустойчивости, так как закупки оборудования слаборазвитыми странами подвержены значительным колебаниям. В отличие от спроса на оборудование в промышленно развитых странах эти колебания вызваны не столько циклическим движением основного капитала в бывших колониях, которое может играть здесь пока лишь второстепенную роль, сколько внезапным, вынужденным сокращением импорта из-за уменьшения экспорта и нехватки валюты.

Одно из проявлений общего кризиса капитализма — значительное усиление неравномерного, скачкообразного развития империалистических стран, отдельных секторов и участков капиталистического мирового хозяйства. В связи с этим по-новому встает вопрос о соотношении между законом неравномерности и законом цикличности капиталистического воспроизводства.

Уже на заре монополистической стадии капитализма неравномерность экономического развития отдельных стран проявлялась в форме разновременного развертывания циклических кризисов и подъемов при сохранении — в более сложных формах — единства мирового капиталистического воспроизводства.

После второй мировой войны выявился новый момент: неравномерность циклического развития наряду с прежней стихийной, анархической формой движения усугубляется организованными, в какой-то мере планомерными действиями финансового капитала ряда стран.

Вскоре после войны вопрос о форсированном росте производства в Западной Европе и Японии стал для национальных империализмов этих стран вопросом жизни или смерти как перед лицом мирового социализма, так и перед лицом американского империализма. Это объясняет, почему здесь была принята государственно-монополистическая централизация управления экономикой, направленная на форсирование темпов роста и дошедшая в некоторых странах до государственного программирования экономики, чего не было после первой мировой войны. Конечно, имелись и другие объективные обстоятельства, способствовавшие ускоренному росту производства в Западной Европе (возможности, созданные научно-технической революцией, благоприятные условия для некоторых стран на внешних рынках, отсутствие в некоторых странах крупных военных расходов), но их реализация вряд ли имела бы место без специальных государственно-монополистических мер.

Поскольку эти меры ослабляли интенсивность кризисов, они оказали значительное влияние на циклический механизм в западноевропейских странах. Вместе с тем специфическая форма движения цикла в Западной Европе и Японии внесла существенные поправки в механизм мирового цикла в целом, определив в ряде случаев значительную разновременность созревания кризиса в отдельных районах капиталистического мира и разницу в его интенсивности. Новая форма неравномерного движения в ряде случаев оказалась сильнее циклической формы движения.

Серьезные коррективы, внесенные в механизм мирового цикла, не могли отменить единство мирового капиталистического воспроизводства. В действительности это единство приобрело еще более яркое выражение в возросшем значении взаимного товарооборота и интенсификации вывоза капитала между промышленно развитыми капиталистическими странами, углублении международной специализации и кооперирования производства и т. п. Усиление неравномерности нашло свое выражение и в разделе мирового капиталистического рынка на таможенно-экономические блоки, которые приняли форму межгосударственно-монополистических объединений и потому оказывают весьма значительное влияние на мировой цикл. В этих условиях единство мирового капиталистического воспроизводства проявляется в особенно резких, наглядных формах в периоды очень крупных нарушений воспроизводства в отдельных странах или нарушений мирового товарооборота под влиянием внешних для цикла факторов (локальные войны, крупные забастовки и т. п.).

На изменение механизма цикла повлияли и серьезные сдвиги, происшедшие в экономике главных капиталистических стран. Превращение современного капитализма в государственно-монополистический капитализм представляет собой важнейшее после перехода к монополистическому капитализму изменение в производственных отношениях этого общественного строя. Выше говорилось уже о некоторых факторах внешнего порядка, которые ускорили такое изменение. Однако оно не было бы возможным, если бы не созрели соответствующие условия внутри самого капиталистического строя. Поэтому развитие государственно-монополистического капитализма относится к числу первостепенных самостоятельных факторов, изменивших и меняющих механизм капиталистического воспроизводства и цикла.

В главах V, VI и VII были рассмотрены изменения в монополистических объединениях, в их положении на рынке, в системе управления и планирования на капиталистических предприятиях. Для механизма цикла эти изменения имели огромные последствия. Монополии и раньше охотно шли на сокращение производства с целью поддержания монопольных цен при первых симптомах ухудшения спроса на их продукцию. Такая

практика ставила их в более выгодные условия по сравнению с монополизированным сектором, позволяла легче выходить из кризисов. Однако учет текущего спроса был недостаточно оперативным. Поскольку производство в течение некоторого времени после начала кризиса по-прежнему поддерживалось на высоком уровне, возрастали размеры скрытого перепроизводства, после чего кризисное падение продукции неизбежно оказывалось весьма резким, внезапным и нередко катастрофическим даже для монополий. Примером является кризис 1929—1933 гг., развернувшийся уже в условиях господства крупных трестов.

Усовершенствование учета колебаний спроса, переход к так называемому производству с колес, применение новой вычислительной техники для регулирования складских запасов и т. д. привели к значительному сокращению, а подчас и ликвидации фазы скрытого перепроизводства, к резкому ослаблению фактора внезапности в развертывании кризиса.

Главным результатом подобных изменений было сокращение размеров товарного перепроизводства. Кризис — в том, что касается монополистического сектора, — проявляется сейчас в меньшей степени как перепроизводство товарного капитала и в большей степени — как перепроизводство производительного, в первую очередь основного, капитала.

Частномонополистическое обобществление производства значительно видоизменяет механизм вступления в кризис. Однако ограниченный характер такого обобществления не может устранить ни самих кризисов перепроизводства, ни перепроизводства товаров, как такового.

Возможности монополистического регулирования и планирования тем больше, чем больше степень монополизации производства. Но ни в одной капиталистической стране монополии не охватывают всего производства. В тех или иных масштабах сохраняется немонополизированный сектор, который остается необходимым условием существования монополий и в эксплуатации которого, в частности, реализуется монополистическая сверхприбыль. Немонополизированный сектор остается одним из серьезных источников общего товарного перепроизводства.

Значительный рост удельного веса монополий в производстве важнейших видов промышленной продукции не устранил того факта, что во многих отраслях продолжают существовать и вновь возникать аутсайдеры. Далеко не всегда аутсайдеры соглашались следовать монополистическим предписаниям об ограничении производства, соблюдать установленные гласные и негласные соглашения о дележе сфер влияния, о минимальных ценах. Далеко не везде и монополии заинтересованы в государственном регулировании аутсайдеров, так как оно может обернуться против них.

Реальностью является и соперничество внутри монополистического сектора. Хотя монополии, как правило, придерживаются условий так называемой внеценовой конкуренции, существуют, во-первых, многочисленные отступления от этой практики, особенно в периоды низкой конъюнктуры, и, во-вторых, соперничество разворачивается за повышение доли на рынке, что нередко делает отдельные концерны или отрасль в целом жертвой товарного перепроизводства. Наглядными примерами этого являются в США, да и в других промышленно развитых странах такие отрасли, как металлургия, автомобилестроение, электротехническая промышленность, производство конторского оборудования и т. д.

Наибольшую остроту сохраняет конкуренция на мировых рынках. В этой сфере, с трудом поддающейся монополистическому регулированию, по-прежнему находит свое выражение принцип «война всех против всех». Кроме того, вследствие сложности международной политической обстановки именно здесь больше нециклических неожиданностей, которые делают нереальными даже самые тщательные монополистические планы.

Как бы ни росла монополизация мировых капиталистических рынков, острая конкуренция остается здесь решающим фактором. Национальное монополистическое регулирование, в каких бы формах оно ни выражалось, никогда не может полностью учесть превратностей этой конкуренции, а в ряде случаев само содействует ее усилению. Монополии имеют большие возможности быстрого увеличения производства, когда создаются благоприятные условия для вторжения на рынки других стран. Но именно это ведет к быстрому переполнению рынка, так как усилившаяся экспансия вызывает отпор монополий страны, подвергшейся такой экспансии. Осуществляемые в масштабах отдельных стран или ряда стран, объединенных в интеграционные группировки, координированные усилия по форсированию экспорта заключают в себе серьезные опасности для общемировой конъюнктуры.

Одним из результатов монополистического планирования являются высокая стабильность извлекаемых прибылей, увеличение финансовых ресурсов монополий и тенденция к меньшему использованию ресурсов кредитной системы (самофинансирование). Тем самым монополии получают в годы кризисов довольно широкие возможности для маневра, сокращения производства, поддержания сравнительно высокого уровня инвестиций и т. д.

Это не значит, что концерны во всех случаях гарантированы от банкротства. Однако вмешательство финансовой олигархии нередко приводит к тому, что банкротство не принимает явных катастрофических форм и пресекается путем реорганизации, передачи контроля и т. д. Банкротства крупных фирм стали значительно более редким явлением, что, конечно, влияет на ход кризисов, делая их менее глубокими и резкими.

Серьезное влияние на цикл оказывают и структурные сдвиги в банковском звене финансового капитала. Крупные резервы, накопленные вследствие расширения практики самофинансирования монополий, служат наряду с государственной системой страхования депозитов определенной гарантией от массового набега вкладчиков. Значительно увеличилась в кредитной системе, особенно США и Англии, доля компаний страхования жизни, пенсионных фондов, инвестиционных компаний «открытого типа» и т. д., которые отличаются относительной стабильностью объема пассивных операций или же лучшей приспособляемостью к внезапному набегу вкладчиков. Стоит напомнить, что в 1929—1933 гг. в США в условиях острого кризиса коммерческих банков, имевших общий чистый убыток на протяжении четырех лет (их активы сократились на 37%), доходы компаний страхования жизни продолжали расти, хотя и несколько замедленными темпами, и не было ни одного года, когда они имели убыток, несмотря на падение общей стоимости вновь проданных полисов на 39%. На страховые компании и пенсионные фонды (последние тогда практически отсутствовали) приходилось в 1929 г. лишь 16% совокупных активов всей кредитно-банковской системы. В 1960 г. их доля выросла до 26%.

Быстрый рост общих ресурсов кредитной системы главным образом за счет учреждений, не являющихся коммерческими банками, вызвал увеличение спроса на акции и облигации промышленных компаний со стороны крупных инвесторов — страховых компаний и пенсионных фондов — и, что особенно существенно, увеличение доли последних в операциях фондовой биржи (например, на Нью-Йоркской — от 20 до 30% оборота ценных бумаг). Это обстоятельство наряду с некоторым ограничением при посредстве государства спекулятивных эксцессов биржевиков несколько сократило панический характер разветывания биржевого кризиса, хотя и не могло его полностью устранить. Нет ни одной капиталистической страны, в которой после второй мировой войны периодически не повторялись бы острые кризисы фондовой биржи. Временами их глубина настолько велика, что требуется, как в Японии в 1964—1965 гг., специальное вмешательство государства и банков для организации массового поддержания закупок акций.

Влияние государственно-монополистического капитализма на цикл является продолжением влияния монополистического общества, помноженного на соединенную с силой монополий силу государства. Это создает качественно новый момент для циклического движения.

Сосредоточивая в своих руках значительную часть капиталовложений и воздействуя на частные инвестиции инструментами налоговой и кредитной политики, государство вторгается в святая святых цикла, видоизменяя динамику обновления основного

капитала. Закупая значительную часть конечного продукта и выступая как крупнейший наниматель рабочей силы, государство существенно преобразует условия реализации совокупного продукта общества. В странах развитого капитализма нет фактически ни одного воспроизводственного процесса, который не опосредствовался бы государством в тех или иных его ключевых точках.

Государственно-монополистический капитализм ведет к значительному расширению работы капиталистических предприятий по заказу, иногда по долговременным контрактам. Удельный вес работы на неизвестный рынок, которая характерна для капитализма свободной конкуренции и которая не может быть устранена полностью, существенно и прогрессирующе сокращается. Этому способствует также организация государством системы сбора, обработки и распространения информации о текущей конъюнктуре, о прогнозах ее ближайшего развития, а также о перспективах развития всей экономики и ее важнейших составных частей на длительный период. Наибольшее развитие такая система получает в практике государственного программирования.

Существенные коррективы в механизм цикла вносит уже сам факт расширения экономических функций государства. Первоначально такое расширение не имело целью сознательное воздействие на процесс общественного воспроизводства в целом, государство вынужденно брало на себя выполнение определенных классовых задач буржуазии. Например, значительное расширение военных расходов государства и превращение их в более или менее постоянный элемент экономики мирного времени не было вызвано непосредственно нуждами воспроизводства, но оказывает на него огромное влияние. Некоторые экономические функции государство взяло на себя в качестве уступки рабочему классу, фермерству, мелкому предпринимательству. Наконец, в ряде случаев государство было призвано разрешить частные потребности упорядочения и поддержания отдельных сфер экономики, находившихся в наиболее плачевном состоянии (реформа банковского дела, национализация ряда отраслей, создание за государственный счет отраслей, «непривлекательных» для частного капитала).

Уже в этих условиях более или менее стихийного и «беспорядочного» развития государственно-монополистического капитализма происходит значительный рост государственных расходов и доходов, появляется необходимость в централизованном руководстве национализированными предприятиями, расширяется механизм регулирования кредита, происходят глубокие изменения в сфере денежного обращения. Как неизбежный побочный продукт этого процесса, не имеющего целью преодоление цикла, появляются элементы антициклического регулирования, которые действуют вне зависимости от воли законодателей и государст-

венных чиновников. Речь идет о так называемых встроенных автоматических стабилизаторах, антициклический характер которых был открыт буржуазной политэкономией через много лет после их появления. Их последствия для цикла сказываются в том, что в годы кризисов образуется автоматическое, иногда значительное, приращение государственного субсидирования частного сектора, а в обычные годы имеет место обратное явление, несколько сдерживающее развертывание циклического подъема.

Позже стала применяться сознательно формулируемая антициклическая политика, находящая отражение в серии специальных мероприятий. В США такая политика появилась лишь в первой половине 60-х годов и выразилась в налоговом стимулировании капиталовложений, в снижении уровня обложения личных доходов, в манипуляциях косвенными налогами и т. д. В некоторых западноевропейских странах, например в Австрии, антициклическая политика имеет более длительную историю.

Наконец, отдельные империалистические страны перешли в последнее десятилетие к государственному программированию, предлагающему целенаправленную политику поддержания высоких темпов роста экономики посредством сложной системы государственных рычагов. В некоторых случаях в механизм государственного программирования вплетается антициклическая политика, но органическое соединение их, по-видимому, не может быть полностью осуществлено, так как сдерживание темпов роста в условиях циклического подъема противоречит общим целям программирования.

По своим последствиям для цикла все три указанных варианта государственно-монополистического регулирования отличаются друг от друга. Во всех случаях такое регулирование способствует известному выравниванию циклического движения воспроизводства, прежде всего ослаблению стихийного механизма развертывания кризиса, уменьшению размеров скрытого, а затем и явного перепроизводства. Однако в первом случае такое регулирование тащится в хвосте у цикла, антициклические мероприятия принимаются в порядке последующей корректировки циклических явлений. Циклическое движение воспроизводства остается при этом достаточно четко выраженным.

Во втором случае государственные мероприятия по корректировке цикла чаще всего проводятся до наступления соответствующих поворотов в его движении. Перепроизводство в таких случаях наступает, несмотря на антициклические мероприятия, принимая характер длительного общего застоя производства, либо его кратковременного и не очень сильного падения, либо частичных кризисов, охватывающих поочередно различные группы отраслей.

Наконец, в третьем случае стихийный циклический механизм проявляется лишь в более или менее резких колебаниях темпов прироста продукции. Однако, как показывает практика последних

лет, такое сравнительно благополучное развитие неизбежно прерывается «дефляционными» кризисами или застоями, искусственно вызванными государством и монополиями для наступления на рабочий класс. Такие кризисы самым тесным образом переплетаются с классовой борьбой.

Ускорение темпов научного и технического прогресса в странах развитого капитализма — один из важнейших факторов экономической жизни последних десятилетий. Среди наиболее важных структурных сдвигов в экономике, связанных с научно-технической революцией и повлиявших на цикл, выделяются следующие: 1) изменение соотношения между так называемыми старыми и новыми отраслями промышленности; 2) появление наряду с динамикой обновления основного капитала новой, дополнительной материальной основы циклического движения воспроизводства; 3) повышение эффективности капиталовложений и сокращение сроков службы основных фондов; 4) развитие непроеизводственной сферы народного хозяйства.

Капитализму свободной конкуренции и в значительной мере начальному периоду монополистического капитализма соответствует такая стадия крупной машинной индустрии, при которой состав промышленной продукции сравнительно несложен и подавляющая ее масса приходится на ограниченное число отраслей. Перепроизводство в нескольких из них означало кризис в масштабах всей экономики.

По мере развития новых отраслей удельный вес старых, традиционных существенно сократился. Они еще в значительной мере остаются очагами перепроизводства, однако возникновение в них кризиса не всегда означает кризис промышленности в целом. Более или менее широкий круг новых отраслей не только не подвержен кризису, но и процветает в этот период, строя свое благополучие на кризисе старых отраслей и порой даже вызывая его.

Новые отрасли, появившиеся в последние десятилетия, можно разделить на три типа в зависимости от характера их участия в циклическом процессе. Прежде всего это отрасли, подверженные острым циклическим колебаниям и в свою очередь порождающие и усиливающие их (производство автомобилей, бытовой электроаппаратуры, часть машиностроения для нужд промышленности). Это, далее, отрасли, вызванные появлением государственного рынка и ориентирующиеся главным образом на него (военная промышленность). Наконец, это такие отрасли, которые по характеру своей продукции выступают прямыми конкурентами старых отраслей и развиваются, оттесняя их (химия, электроэнергетика, газ, отчасти нефть и нефтепродукты).

Первая группа вписывается в общую циклическую картину после того, как пройден достаточно длительный этап первоначального насыщения рынка. Вторая группа отраслей проявляет

большую сопротивляемость циклу и относительную независимость от него (хотя революция в военной технике значительно подрывает устойчивость спроса на их продукцию). Третья группа наносит в период кризиса дополнительный удар старым отраслям, но сама во многих случаях выглядит сравнительно благополучно, продолжая развиваться довольно высокими темпами.

Ныне в любой капиталистической стране всегда имеются отрасли, развивающиеся быстро, и отрасли, чье медленное развитие обусловливается в значительной степени давлением новых отраслей. Так, развитие производства синтетических волокон определяет отставание хлопчатобумажной, шерстяной и шелковой промышленности; рост производства нефти, газа и электроэнергии сдерживает развитие угольной промышленности; производство новых металлов и конструкционных материалов лишает потенциальных рынков традиционные отрасли металлургии и производство стройматериалов; развитие автодорожного, авиационного и трубопроводного транспорта обрекло на застой такие старые транспортные отрасли, как железные дороги и речное судоходство.

Другой особенностью новых отраслей является постоянный переход к новейшим видам продукции, рождающий новые потребности и повышенный спрос. Это делает их менее податливыми по отношению к кризису.

В период научно-технической революции количество новых отраслей и видов продукции постоянно растет. Это устойчивая тенденция, которая, по-видимому, сохранится в ближайшие десятилетия. Поэтому картина развития кризиса перепроизводства неизбежно становится пестрой, а не более или менее однообразной, как это было раньше.

Помимо того, с ростом удельного веса новых отраслей закономерно возникает вторая, дополнительная материальная основа цикличности капиталистического воспроизводства. Раньше всего это произошло в США, где к 20-м годам нашего века сложилось массовое производство потребительских товаров длительного пользования, а затем развернулось строительство индивидуальных одноквартирных домов, рассчитанное на их массовую продажу.

Роль, выполняемая потребительской продукцией длительного пользования в сфере потребления, сравнима с ролью основного капитала в производстве. Товары такого рода теряют свою стоимость по мере износа, но продолжают служить в полную меру до момента, когда частичный их ремонт становится недостаточным и требуется замена их новыми, аналогичными товарами. Таким образом, здесь, так же как и в сфере основного капитала, возможны и неизбежны при капитализме стихийные волны массового обновления, следующие за очередным кризисом, а также периоды внезапного и массового затоваривания из-за

относительной перенасыщенности домашнего хозяйства его основными фондами.

Отрасли, выпускающие потребительские товары длительного пользования, черпают необходимые им сырье и материалы в основном там же, где и отрасли, производящие орудия производства. Поэтому на определенном уровне развития массового производства таких товаров неизбежно усиливаются неустойчивость и подверженность циклическим колебаниям промышленности и строительства в целом.

При прочих равных условиях появление дополнительной материальной основы циклического движения должно намного усиливать размах кризисов перепроизводства. Так и произошло в 1929—1933 гг. Однако динамика обновления основных фондов домашнего хозяйства и промышленности не всегда совпадает во времени. Связанное с ростом государственно-монополистического капитализма вмешательство нециклических факторов и сглаживание циклических колебаний, служивших исходным моментом для одновременного обновления в обеих сферах, делают такое несоответствие более частым явлением, что в свою очередь модифицирует картину общего циклического движения.

Тем не менее обновление основных фондов домашнего хозяйства не может быть полностью подчинено государственно-монополистическому регулированию. Когда массовый рынок в Западной Европе разовьется до размеров, сопоставимых с американскими, циклическое движение воспроизводства должно приобрести здесь более яркое выражение.

Научно-техническая революция внесла много новых моментов и в циклическое движение основного капитала промышленности. В прежнее время новое промышленное строительство всегда охватывало только часть, причем меньшую часть, промышленности. Кризисы разрешали противоречие между новой, атакующей техникой, которая вызывает перепроизводство, и старой, которая обороняется и является ахиллесовой пятой гибнущих в годы кризиса предприятий.

Ныне сроки обновления оборудования вследствие усиленного морального износа заметно снижаются. Сократилось время строительства и освоения новых предприятий, равно как выполнения заказов на оборудование и его установку. Старое оборудование, как правило, заменяется существенно новыми образцами машин, значительно более эффективными. Смена моделей многих потребительских и производственных товаров, постоянное внедрение в производство новой продукции требуют ежегодно, в том числе и в годы кризисов, больших капитальных вложений. Моральный износ, как правило, заранее учитывается монополиями в виде повышенных против прежних норм амортизационных отчислений.

В силу названных причин появление на рынке продукции новых предприятий и машин происходит скорее, чем раньше.

Отсюда выдвинутое акад. Е. Варгой положение о значительном сокращении продолжительности современных циклов. Однако это было бы верно лишь при допущении, что время высоких вложений в основной капитал совпадает со сроками строительства. Между тем первое в действительности растягивается вследствие ряда причин. Большая интенсивность технического прогресса вызывает большую широту, массовость, интенсивность обновления наличных производственных мощностей, распространения его на подавляющую часть промышленных предприятий. Систематический выпуск новых моделей и новых видов продукции также растягивает во времени волну модернизации основного капитала. Вследствие этой противодействующей тенденции сокращается не весь промышленный цикл, а лишь фаза оживления, зато фаза подъема становится более длительной.

Поскольку масштабы перепроизводства товаров сократились и кризисы не сопровождаются всеобщей революцией цен, стимулы к очередному обновлению основного капитала должны были бы снижаться, так как моральное старение выявлялось бы недостаточно. Отсюда известная концепция, согласно которой менее глубокие кризисы должны вести к менее значительным подъемам. В действительности даже при неизменных или слегка снижающихся рыночных ценах ускоренное моральное старение определяется высокой интенсивностью технического прогресса и выражается в том, что из строя выводятся более старые, наименее эффективные компоненты основного капитала. Так как это происходит внутри крупных трестов и концернов, частичное закрытие заводов не означает, как правило, банкротства и потому не создает основы для скупки обесцененного оборудования новыми хозяевами. Его либо радикально модернизируют, либо пускают на лом.

Оба этих способа существенно меняют течение кризиса. Реконструкция закрытых заводов поддерживает спрос на оборудование и рабочую силу в период кризиса и тем самым способствует его преодолению. Если принято решение о сломе оборудования, завода и т. д. без его реконструкции, то тем самым значительно повышается конкурентоспособность данной фирмы и также создаются благоприятные условия для преодоления кризиса.

Рост производительности основных фондов определяет прогрессирующе падающую роль промышленных капиталовложений как фактора циклического подъема. Стихийный механизм капиталистического воспроизводства не в состоянии справиться с усилением противоречий, вызванных этой закономерностью.

В фазе подъема наличие излишних мощностей не представляет немедленной опасности, так как их стоимость списывается повышенной амортизацией, реализуемой в монопольных ценах. Поэтому у концернов появляется стремление, с одной стороны,

растянуть длительность подъема посредством государственно-монополистических мероприятий, а с другой — поскорее реализовать новые мощности в виде проданной продукции.

Эти тенденции прямо противоположны, так как стремление монополий навязать свою продукцию срывает общие мероприятия по затягиванию подъема. Но отсюда вовсе не обязательно, чтобы образовывались большие излишки непроданной продукции. Перенакопление основного капитала приближает кризис, но само по себе не делает перепроизводство более значительным.

Если монополии в период кризиса хотят сохранить цены на высоком уровне, они должны урезать производство в более значительных размерах. И напротив, даже попытки скорректировать текущее производство при сохранении цен могут вызвать независимо от воли монополий резкий спад производства и кризис в экономике. Значительная часть мощностей, введенных в строй на заключительной стадии подъема, оказывается при этом несписанной. Поэтому, хотя старые мощности в период кризиса выводятся из строя сравнительно легко, новые тем дольше тяготеют над следующим циклом, оттягивая циклический подъем, чем больше степень кризисного сокращения производства.

Сознательное снижение цен монополиями в период кризиса считается более опасным орудием борьбы с трудностями сбыта, так как вызывает войну цен, при которой их падение может выйти из-под контроля. Однако монополии могут прибегнуть к варианту, который кажется менее опасным, а именно начать понижение цен в фазе подъема. Такое снижение цен дает возможность в течение некоторого времени реализовать большую массу прибыли за счет роста абсолютных размеров сбыта.

В последние десятилетия экономическая и политическая борьба рабочего класса в странах капитала превратилась в первостепенный, весьма активный, подчас решающий фактор изменения механизма цикла. Успехам этой борьбы способствовали принципиально новое соотношение классовых сил на мировой арене, рост организованности пролетариата.

В прошлом почасовые ставки заработной платы находились в прямой зависимости от движения цикла, неизменно сокращаясь в годы кризисов. После второй мировой войны наступает перелом. В результате повышения организованности и небывалого усиления забастовочного движения рабочий класс сумел добиться от монополий заключения коллективных договоров, предусматривающих повышение часовых ставок в течение ряда лет — на весь срок действия договора, в том числе и в кризисные годы. Иначе говоря, если прежде ставки заработной платы способствовали падению личных доходов трудящихся в годы кризисов и, стало быть, обострению перепроизводства, ныне они препятствуют резкому падению этих доходов и сокращают относительные размеры перепроизводства.

Размеры абсолютного уменьшения номинальных доходов рабочего класса в годы кризисов несколько снижаются также всеобщим введением пособий по безработице. Однако в США они не были достаточными для того, чтобы перекрыть сокращение выплаченной заработной платы.

Напротив, два дополнительных фактора действовали в сторону абсолютного ухудшения положения рабочего класса в годы кризисов: налоги и рост стоимости жизни. В прошлом прямое налогообложение рабочих и служащих не играло существенной роли в механизме цикла. После второй мировой войны подоходный налог стал важным орудием изъятия доходов трудящихся в бюджет монополистического государства.

Таким образом, по-прежнему действующая в послевоенных кризисах сильная тенденция к сокращению реальных доходов рабочего класса приводит во многих случаях к абсолютному их сокращению. Она, однако, ослаблена тенденцией к росту номинальной заработной платы. Поэтому ни в один из послевоенных кризисов месячные и годовые темпы падения доходов трудящихся не достигают катастрофических масштабов ряда прошлых кризисов. Очевидно, что это обстоятельство вносит определенные коррективы в развертывание кризиса, противодействуя общему падению личных доходов населения и сокращению потребительского спроса.

В этом проявляется растущая способность рабочего класса активной борьбой противостоять наиболее отрицательным для себя последствиям кризисов в капиталистической экономике.

Если в прошлом значительное сокращение заработной платы промышленных рабочих вызывало общее резкое падение спроса на потребительские товары, то теперь меньшее по размерам сокращение заработков промышленных рабочих покрывается ростом доходов занятых в непроизводственной сфере и не препятствует некоторому повышению общего спроса на потребительскую продукцию.

Изменение динамики заработной платы влияет на воспроизводство не только через механизм спроса, но и через механизм издержек производства. Если увеличение потребительского спроса расширяет рынок сбыта продукции капиталистических предприятий, то в области издержек производства рост заработной платы наталкивается на бешеное сопротивление тех же капиталистических предпринимателей.

Монополии стремятся компенсировать рост номинальной заработной платы путем повышения производительности труда промышленных рабочих. Свою задачу они видят в том, чтобы это повышение производительности труда не только не уступало по своим размерам росту номинальной заработной платы, а, напротив, превышало его.

Но монополиям во многих случаях не удавалось свести рост номинальных заработков к темпам роста производительности труда. В результате частым явлением в послевоенные годы было относительное удорожание для буржуазии переменного капитала, т. е. его расходов на единицу промышленной продукции.

В прошлом непомерное с точки зрения капиталистов повышение заработной платы было предвестником кризиса перепроизводства. Столкнувшись с понижением своей прибыли, капиталисты форсировали продажи. Кризис позволял им восстанавливать равновесие и в том смысле, что резко снижал заработную плату, создавая армию безработных, которой питался новый промышленный подъем.

Ныне этот стихийный механизм значительно изменился, и тем самым капитализм в известной степени лишился того автоматического регулятора, который в прошлом позволял ему без особых дополнительных усилий осуществлять периодическое стихийное снижение цены рабочей силы. Буржуазные теоретики прошлого с присущим им цинизмом радовались такого рода кровопусканиям, свидетельствовавшим, по их мнению, о «здоровом» характере механизма «свободной» капиталистической экономики.

Теперь изменившийся механизм цикла заставил правящий класс искать средства «искусственного кровопускания». Если до сих пор государственно-монополистическое регулирование рассматривалось буржуазией как способ преодоления или ослабления кризисов, то теперь оно стало ею же рассматриваться и как способ «искусственной фабрикации» кризисов и депрессий.

3 Противоречия капиталистического воспроизводства в современных условиях

Несмотря на все усилия, буржуазному государству и монополиям не удалось устранить цикличности воспроизводства, освободиться от кризисов перепроизводства. Это не удалось прежде всего потому, что буржуазное государство вследствие своей классовой природы не в состоянии устранить главную причину кризисов — частнокапиталистическую собственность на средства производства. Более того, охрана строя, покоящегося на этой собственности, гарантирование ее неприкосновенности остаются главной целью деятельности буржуазного государства.

Поскольку сохраняется господство капиталистической собственности, буржуазное государство не в состоянии полностью овладеть и подчинить себе процесс воспроизводства. Об этом говорит практика государственного программирования в таких, например, странах, как Франция и Япония, где она получила наи-

большее развитие. В этих странах государственные долгосрочные программы являются детально согласованными на период в пять и более лет программами действия государства и монополий. Несмотря на такое согласование, эти программы далеки от действительности. Одна из причин состоит в том, что за пределами программирования фактически остается немонополизированный сектор, и попытки поставить его в общие рамки регулирования, как правило, не дают желаемых результатов.

Главное же заключается в том, что сами монополии, участвовавшие в выработке контрольных цифр программ, руководствуются прежде всего не их установками, а собственными интересами, т. е. динамикой реальной конъюнктуры и прибыли. Случаи, когда программа соответствует интересам всех монополистических групп, крайне редки и встречаются лишь в порядке исключения. Как правило, встречаются два случая: 1) когда конъюнктура на рынке оказывается лучше, чем предусмотренная программой, и 2) когда она хуже запланированной. В первом случае, как показывает более чем 20-летняя практика государственного программирования во Франции, Японии и других странах, монополии всегда увеличивают производство и капиталовложения быстрее, чем запрограммировано, а во втором случае медленнее, причем зачастую вынуждены сокращать эти показатели, невзирая ни на какие программы.

Так называемое перевыполнение программ в годы высокой конъюнктуры соответствует объективным закономерностям капиталистического накопления и подготавливает поэтому периоды плохой конъюнктуры, когда программа «недовыполняется». Таким образом, государственно-монополистическое программирование лишь видоизменяет, модифицирует, но не отменяет присущего воспроизводству циклического характера.

Чтобы преодолеть цикличность в экономике, буржуазному государству пришлось бы поставить монополии в такое положение, когда они были бы лишены возможности свободно использовать накопленный денежный капитал по своему усмотрению. Но это означало бы коренное изменение взаимоотношений монополий и государства, что принципиально невозможно при сохранении положения монополистической буржуазии как господствующего класса в обществе.

Всякая закономерность имеет исключения. Так, бывают периоды, когда вследствие чрезвычайных обстоятельств (например, война, подготовка к войне, социальные потрясения и т. п.) монополии вынуждены временно согласиться на подобное ограничение свободы частнокапиталистического присвоения. Например, во время второй мировой войны в ряде капиталистических стран создалась обстановка, при которой резкий рост государственных военных расходов вызвал значительное увеличение спроса на потребительские товары, сырье, оборудование для гражданских

отраслей. Однако накоплению реального капитала в этих отраслях были поставлены физические ограничения, и выпуск товаров мирного назначения в течение ряда лет систематически отставал от рыночного спроса. В таких условиях циклический характер движения воспроизводства весьма затруднен. Но стоило лишь снять указанные ограничения, как капиталистическое воспроизводство вернулось к своему обычному циклическому рисунку.

Указанный пример свидетельствует о ненормальности условий капиталистического воспроизводства. В подавляющем большинстве случаев деятельность буржуазного государства не препятствует свободному накоплению денежного и реального капитала и потому не создает условий, при которых циклическое движение было бы невозможно.

Почему же невозможно устранение цикла путем прямого антикризисного регулирования? Буржуазное государство не обладает техническими возможностями своевременного предвидения изменений рыночной конъюнктуры и средствами своевременного предотвращения нежелательных тенденций. Только в последнее время для прогнозирования конъюнктуры стали использоваться эконометрические модели. Однако они недостаточно точно и быстро дают необходимые сведения. В капиталистическом хозяйстве вследствие коммерческой тайны невозможно обеспечить приток статистических сведений, необходимых для действительно эффективного регулирования экономики.

Даже в том случае, когда прогноз совпадает с действительностью, средства, к которым государство может прибегнуть, недостаточны. Известно, что материальной основой цикла является движение основного капитала. К этому в современной капиталистической экономике добавляется движение фондов домашнего хозяйства, от периодического обновления которых зависят колебания спроса на потребительские товары длительного пользования, покупки многоквартирных домов и т. д. Допустим, что прогноз указывает на предстоящее сокращение спроса на оборудование и товары длительного пользования. Государство может попытаться увеличить размеры собственного строительства, дать дополнительные заказы монополиям, выпускающим указанные виды продукции, дать налоговые льготы по капиталовложениям, облегчить условия продаж в рассрочку потребительских товаров, компенсировать сокращение производства в машиностроении и отраслях, выпускающих товары длительного пользования, ростом спроса на другие товары. Но оно не может закупить нереализованную продукцию оборудования, автомобилей и т. п.

Результатом всех указанных мер, если они приняты вовремя и в полную меру, будет лишь ограничение размаха кризисного падения, но не его ликвидация, так как нельзя заставить капиталистов менять оборудование немедленно после его установки и потребителя — приобретать новые товары длительного

пользования сразу же после приобретения аналогичных товаров. Против материальной основы циклического движения капиталистическое государство бессильно.

В большинстве случаев буржуазное государство не может принять необходимые меры по регулированию цикла и потому, что этому препятствуют противоречия в правящем классе. Такие меры, как повышение или понижение налогов, учетной ставки, ссудного процента, и другие всегда встречают противодействие каких-то групп монополистического капитала, которым они в данном случае невыгодны. Современные кризисы протекают неравномерно, условия в отдельных отраслях и районах сильно отличаются друг от друга. Это способствует противоречиям внутри правящего класса. Немалое значение имеют и интересы политической борьбы между различными фракциями монополистической буржуазии.

Далеко не всегда возможна и координация действий между правительствами различных капиталистических стран: мешают межимпериалистические противоречия. Но кризисы носят мировой характер, и страна не может обезопасить себя от ухудшения конъюнктуры, если в других странах не осуществляются меры, идущие в том же направлении.

Невозможность избавления от циклической болезни является лишь одним, но не единственным проявлением неустойчивости современной капиталистической экономики. Наряду с периодическими кризисами перепроизводства стабильность экономики капиталистических стран расшатывается следующими объективными процессами:

1. Тенденция к недогрузке производственных мощностей. Как показано выше, эта тенденция проявляется в длительных периодах застоя капиталовложений, общей вялости экономической конъюнктуры.

2. Тенденция к массовой застойной безработице. Вследствие быстрого роста производительности труда способность капиталистического производства выталкивать рабочую силу возрастает в такой степени, что появляются длительные периоды абсолютного сокращения занятости в материальном производстве и сопутствующие этому периоды массовой хронической, застойной безработицы.

3. Тенденция к перепроизводству в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство развитых капиталистических стран перешло, как отмечалось в предыдущих главах, из мануфактурной стадии производства в стадию крупной машинной индустрии. Это вызвало резкое повышение производительности труда, быстрое размыwanie мелкого и среднего крестьянства и фермерства. Производственные мощности сельского хозяйства растут быстрее, чем способности внутреннего рынка поглотить его продукцию. Так как это касается значительной части промышленно развитых капита-

листических стран, то реализация продукции их сельского хозяйства в полной мере возможна лишь на внешних рынках. Вместе с тем развивающиеся страны не могут приобрести сельскохозяйственные излишки промышленно развитых стран, хотя их собственное хозяйство не в состоянии удовлетворить потребности быстро растущего населения.

На этой основе возникло длительное перепроизводство сельскохозяйственных товаров в развитых капиталистических странах — аграрный кризис. Его особенности заключаются в том, что государственно-монополистическое регулирование, распространившееся на сельское хозяйство, ведет к концентрации непроданных излишков на государственных складах, к принудительному сокращению посевных площадей, к организации государственного демпинга сельскохозяйственных товаров на внешних рынках, к использованию этих излишков в качестве орудия внешней политики империалистических государств.

4. Расстройство денежного обращения, инфляция, неустойчивость платежных балансов, валют.

Современный инфляционный процесс питается из двух источников. С одной стороны, повышение монопольных цен вызывает потребность в росте денежного обращения; выпуск новых бумажных денег задним числом закрепляет повышение цен. С другой стороны, растущие государственные расходы вызывают такое увеличение спроса в виде новых порций бумажных денег, поступающих в обращение, которое дает возможность монополиям сравнительно легко повышать цены.

В периоды кризисных спадов обстановка инфляции облегчает поддержание монопольных цен. Однако систематическая инфляция вносит в экономику значительную неустойчивость. Накопленный денежный капитал подвергается обесценению. Это касается прежде всего активов банков, страховых компаний и тому подобных учреждений. Ссуды возвращаются к банкирам в обесцененном виде. Систематический рост розничных цен вызывает внезапные сокращения спроса на потребительские товары.

«Упорядочить» инфляцию удастся далеко не всегда. Стараясь обезопасить себя от обесценения денежного капитала, монополии помещают средства в запасы оборудования и сырья, способствуя тем самым еще более значительному росту цен. Государство, увеличивая расходы на военные цели и агрессивную внешнюю политику, как правило, не считается с законами денежного обращения, вызывая скачкообразное усиление инфляции с соответствующими неблагоприятными последствиями для экономики.

Инфляция делает крайне неустойчивым положение валюты и платежного баланса. Даже при «упорядоченной» инфляции рост цен в разных странах происходит неравномерно. Это означает, что всегда есть страны, где цены относительно растут. Экспорт товаров из таких стран затрудняется, и, наоборот, рост их им-

порта ускоряется, так как капиталисты других стран спешат сбыть там свою продукцию подороже. В результате торговый и платежный баланс ухудшается, происходит утечка золота, под угрозой оказывается валюта.

Ухудшению платежного баланса способствует и рост государственных расходов. Часть этого увеличения приходится на агрессивные акции в других странах, на содержание войск за границей, строительство там баз, на помощь союзникам и т. п. Все это вызывает непосредственное увеличение валютных расходов данной страны за рубежом и ослабление ее платежного баланса. Но и рост внутренних государственных расходов косвенно способствует тому же. Увеличивая спрос на внутреннем рынке, внутренние государственные расходы способствуют импорту сырья, топлива и других товаров, от ввоза которых обычно зависит производство любой развитой капиталистической страны. Этот рост импорта отнюдь не компенсируется экспортом, особенно когда происходит рост военных расходов, так как гонка вооружений вызывает отвлечение производственных мощностей, которые могли бы быть использованы для увеличения экспорта.

Указанные закономерности лежат в основе постоянной неустойчивости платежных балансов капиталистических стран и нынешнего чрезвычайно острого международного валютного кризиса.

Неустойчивость денежного обращения и валютный кризис в свою очередь оказывают обратное воздействие на воспроизводство, снижая темпы его роста, создавая атмосферу неуверенности в будущем, расстраивая международную торговлю.

Неустойчивость капиталистической экономики является ярким свидетельством неспособности строя, основанного на частной собственности и эксплуатации, справиться с потребностями развития современных производительных сил.

**Раздел
третий**   **Роль государства
в экономике
монополистического
капитализма**

*Часть
первая*   *Сущность и формы
государственно-монополистического
регулирувания*

**Глава XVI   Пути перерастания
монополистического капитализма
в государственно-монополистический
и тенденции его развития**

Проблемам государственно-монополистического капитализма было уделено большое внимание участниками Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г. Это убедительно показывает, насколько важен анализ тенденций развития государственно-монополистического капитализма для научного обоснования стратегии и тактики революционной борьбы.

Задача главы — дать обобщенную характеристику современного государственно-монополистического капитализма, выделив длительные тенденции его развития.

*1   Усиление экономической роли
государства*

Ряд экономистов-марксистов в своих исследованиях государственно-монополистического капитализма больше всего обращали внимание на тесную связь его развития с циклическим характером капиталистической экономики, исходя из того вполне оправданного наблюдения, что кульминационного пункта вмешательство государства в экономику всегда достигало в фазе кризиса. Кроме того, опыт двух мировых войн показывал, что наиболее всеобъемлющий характер государственно-монополистическое регулирование приобретает в чрезвычайных условиях всеобщей мобилизации хозяйства, когда необходимо централизованное распределение дефицитных ресурсов. Это дало повод утверждать,

что государственно-монополистический капитализм — явление, по-видимому, обратимое, что оно по преимуществу дитя кризисов и войн. Сама тенденция огосударствления экономики рассматривалась как чуждая природе капитализма при так называемых нормальных условиях его развития.

Новейшее развитие государственно-монополистического капитализма заставляет в большей мере, чем раньше, обращать внимание на долговременные тенденции, и прежде всего на тенденцию огосударствления, на тот факт, что по мере усиления общественного характера производительных сил государство должно брать на себя все больший объем организационно-хозяйственных и идеологических функций. Поэтому необходимо в свете новых фактов более конкретно проанализировать и проблему взаимоотношения базиса и надстройки в условиях развитого государственно-монополистического капитализма.

Рассмотрим вначале, пользуясь методом абстракции, как логика внутренних противоречий капитализма предопределяла необходимость вмешательства государства в экономику для реализации коренных интересов буржуазии в качестве господствующего класса и как практически проявлялась эта необходимость на различных стадиях развития капитализма. Анализ приводит к выводу, подтверждающему глубокую справедливость неоднократных указаний В. И. Ленина о том, что государство всегда воздействовало на процессы хозяйственного развития и никогда не было пассивным в отношении защиты интересов господствующего класса.

Само рождение капитализма сопровождалось широким применением насилия со стороны государства. Путем экспроприации феодальных форм собственности оно создавало условия для отделения производителя от средств производства, в результате которого появилась массовая армия наемных рабочих. Одновременно государство при помощи террористических законов против бродяжничества и т. п. насаждало казарменный режим на капиталистических заводах и фабриках. Государство, став важнейшим рычагом первоначального капиталистического накопления внутри страны, создавало также дополнительные внешние источники для этого накопления.

На стадии первоначального накопления союз абсолютистского полуфеодального государства с торговыми и колониальными компаниями породил специфическую форму государственно-капиталистической монополии. Этот союз способствовал интенсивному развитию процессов первоначального накопления, и в частности накоплению капитала и его централизации, у крупнейших торгово-промышленных компаний. Эти первоначальные формы государственно-капиталистической монополии заложили фундамент колониальной политике капитализма.

Абсолютистское государство, способствуя укреплению экономических позиций буржуазии, в то же время стремилось максимально использовать капиталистическую по своей природе прибавочную стоимость для обогащения привилегированных классов феодального общества, которым принадлежала политическая власть. Эти помехи росту капитала на его собственной экономической базе, создаваемые абсолютистским государством, буржуазия должна была устранить революционным путем, чтобы полностью подчинить себе государство, лишив феодальную элиту политической власти, или обеспечить свои интересы сговором с ней о дележе власти. Эта задача была выполнена буржуазно-демократическими и буржуазными революциями.

Экономическое обоснование необходимости антифеодальной революции дала классическая буржуазная политическая экономия в лице Адама Смита. Он убедительно доказал, что феодальное государство, создающее помехи действию объективных экономических законов, стало паразитическим наростом на теле общества.

Смит понимал, конечно, и необходимость государства для функционирования такой системы. Однако государству он отводил довольно скромную роль — роль «ночного сторожа». Однако такое отношение к функции государства для сторонников классической школы было характерно до тех пор, пока буржуазия сама не стала политически господствующей силой и не овладела государственной машиной, преобразовав ее в соответствии со своими потребностями.

Идеологи победившей буржуазии уже не требовали, чтобы государство охраняло только общие условия эксплуатации. Наоборот, крупная буржуазия навязывала государству выполнение все новых и новых экономических функций, которые должны были помочь ей утвердить свои господствующие позиции на внутреннем рынке и обеспечить наилучшие условия для экспансии на внешних рынках. Именно в Англии, где государство раньше всего было подчинено интересам класса капиталистов, оно никогда не выполняло функцию только «ночного сторожа». Буржуазное государство сыграло огромную роль не только в создании самой огромной в истории капитализма колониальной империи Англии, но и в развитии ее индустриальной системы.

Приход к власти буржуазии сделал невозможными те формы вмешательства правительства в экономику, которые были характерны для абсолютизма с его меркантилистской политикой и прямым сосредоточением значительной части промышленности в руках государства¹. В результате буржуазно-демократических

---

¹ Государственные предприятия, поставляющие вооружение и предметы роскоши, а также шахты и рудники были в ряде стран важнейшими очагами промышленности в мануфактурный период.

революций, полностью устранивших господство феодалов, и буржуазных революций, закончившихся гнилым компромиссом с ними, утвердились определенные формы демократического контроля законодательных учреждений правящего буржуазного класса над аппаратом государственной власти. Это затрудняло прямой сговор правительства даже с наиболее привилегированными группами буржуазии, т. е. прямое огосударствление власти капитала. Буржуазное государство должно было более или менее «демократично» учитывать интересы различных соперничающих между собой групп правящего класса. Вместо жесткой меркантилистской политики, осуществляемой казенно-бюрократическим путем исполнительной властью, для государственного воздействия на хозяйство стала необходимой гибкая экономическая политика, двойственная по своей природе. С одной стороны, она должна была обеспечивать защиту общих интересов класса капиталистов в целом, а с другой — примирять и регулировать соперничающие интересы отдельных группировок господствующего класса.

Экономическая политика в интересах всего господствующего класса по мере развития капитализма стала неуклонно расширяющейся сферой воздействия государства на процесс воспроизводства капитала.

Раньше всего проявилась роль государства как выразителя общих экономических интересов класса капиталистов во внешней политике. Обеспечивая общие интересы «отечественной» буржуазии в конкурентной борьбе на мировом рынке, государство взяло на себя расходы по защите ее коммерческой и иной деятельности в иностранных государствах, создавая для этой цели посольства, консульства и другие учреждения. Средством охраны торговых интересов якобы всей нации, а вместе с тем будто бы и ее национального достоинства буржуазное государство сделало и направляемый вовне милитаризм.

Внутри страны экономическая политика государства в меньшей мере могла прикрывать защиту общих интересов класса капиталистов лицемерными сентенциями о выполнении патриотического долга. Важнейшей его функцией в этой области стало обеспечение общих условий эксплуатации путем законодательного регулирования отношений труда и капитала, которые лишь в редких случаях удается изобразить как беспристрастный арбитраж. С этой функцией государства связан милитаризм, направленный на развитие и укрепление военно-полицейских формирований, а также система карательных учреждений, создающих политические условия для беспощадной эксплуатации труда капиталом.

При капитализме свободной конкуренции у буржуазного государства нет необходимости и возможности активно воздействовать на механизм внутреннего рыночного товарооборота. В отличие от внешнего рынка государство здесь не может выступить

в качестве выразителя общих интересов всего класса капиталистов или его более влиятельных групп. На рынке, где много капиталистов-продавцов, между ними не может быть достигнут сговор о повышении цен. Точно так же там, где много покупателей, нельзя заставить продавцов понизить цены. «Невидимая рука рынка» в эпоху капитализма свободной конкуренции устанавливала цену товаров, сталкивая между собой разрозненно действующих продавцов и покупателей, разделенных взаимным соперничеством между собой. Создание внешних условий для такой свободной конкуренции стало обязанностью государства.

Положение изменилось, когда конкуренция привела к такому уровню концентрации и централизации капитала, что решающую роль на рынке приобретают немногие капиталистические фирмы, имеющие возможность заключить сговор о ценах, добиться монопольного положения на нем. Здесь уже вмешательство государства в дела рынка, в процесс ценообразования становится необходимостью. Появляются антитрестовские и антикартельные законы, создающие видимость заботы государства об интересах покупателей. Между тем как раз такого рода законодательство только способствует усилению связей между монополиями и государственным аппаратом, использованию его для корыстных целей монополистов. Они добиваются того, чтобы при помощи юридического крючкотворства и подкупа чиновников свести на нет это законодательство. Но монополии не удовлетворяются лишь пассивной защитой своих интересов со стороны государства. Под их нажимом государство становится на путь активной поддержки процесса концентрации и централизации капитала, который ускоряет рост монополий. Самый характерный пример в этом отношении — акционерное законодательство. Оно дает возможность капиталисту участвовать в нескольких компаниях, не связывая ни с одной из них судьбу своего имущества.

Вместе с тем буржуазное государство все более часто подталкивает развитие процессов централизации капитала, поощряя всевозможные слияния акционерных компаний. Жертвами поглощения теперь становятся не только мелкие, но и весьма крупные компании. Так, в США на протяжении 50-х и первой половины 60-х годов в результате слияний «исчезло» по крайней мере 215 из 1000 крупнейших компаний.

Для охраны интересов акционерных компаний и мобилизации в их пользу денежных ресурсов общества государство иногда берет на себя роль гаранта выпускаемых ими частных займов. Кроме того, государство нередко непосредственно субсидирует за счет бюджета крупные акционерные компании, когда возникает угроза их банкротства.

Когда акционерная компания становится настолько крупной, что от ее деятельности зависит положение важных секторов национальной экономики, а нередко и конъюнктура в стране в це-

лом, то прямое сращивание государства с такого рода монополиями оправдывается уже соображениями так называемой высокой политики, подкрепляемой значительной долей социальной демагогии.

Переплетение крупных монополий с государственным аппаратом позволяет им широко использовать внеэкономические методы для укрепления своего господства. Сама логика капиталистической конкуренции, порождающая экономическое преобладание немногих мощных фирм, приводит к монополистическим насильственным методам закрепления господства крупного капитала. Экономическая власть монополистического капитала поддерживается путем широкого и прямого использования им орудий политической власти. Само экономическое господство монополий с неизбежностью приводит к развитию государственно-монополистического капитализма.

Таковы предпосылки усиления экономической роли государства, вытекающие из имманентных законов развития современного капитализма. Однако понять природу государственно-монополистического капитализма нельзя без учета конкретно-исторических особенностей развития капитализма в тот период, когда он становится загнивающим, паразитическим и умирающим общественным строем. Одними имманентными законами капитализма нельзя объяснить его природу в условиях общего кризиса капитализма. В период империализма и общего кризиса капитализма политические факторы, воздействие самой надстройки на базис служат могучим ускорителем развития государственно-монополистического капитализма.

Хозяйственная жизнь представляет, как известно, сферу действия объективных, независимых от воли людей экономических законов. В их основе лежат производственные отношения, обусловленные развитием производительных сил. Каждое поколение наследует ранее сложившиеся производственные отношения и находится во власти экономических законов неизмеримо более могущественных, чем юридические законы, которые призваны лишь упорядочить сложившиеся естественноисторическим путем тенденции общественного развития. Юридические законы, как отмечал К. Маркс, никогда не могут быть выше экономических. Но было бы неверно рассматривать их лишь как бледную тень экономических законов.

Взаимосвязи государства и экономики — чрезвычайно сложный процесс. Марксистская теория установила, что экономика представляет собой базис общества, а государство входит в его надстройку. Как указывают сами названия, базис — фундамент, на котором покоится надстройка. Однако схематическое изображение взаимосвязи базиса и надстройки — это модель, парочито упрощающая действительность для определения ее наиболее существенных особенностей.

Государство — важнейшая часть надстройки, будучи зависимым от базиса, сохраняет известную самостоятельность. Государство в условиях государственно-монополистического капитализма само до известной степени становится частью базиса. Государство, будучи собственником значительного числа промышленных, транспортных и иных предприятий, выступает в роли коллективного капиталиста по отношению к эксплуатируемым им наемным работникам. На правах владельца оно распоряжается частью национального дохода, изымаемого в государственный бюджет путём налогов. В его руках находятся эмиссионные банки и тем самым контроль над денежным обращением. Мобилизуя деньги при помощи займов, государство становится не только должником, но одновременно и ссудным капиталистом, оказывая огромное влияние на функционирование всей системы кредита. Государство в развитых странах капитализма благодаря этому активно воздействует на всю систему производственных отношений — сферу производства, распределения, обмена и потребления.

Но тем не менее и в этих странах государство прежде всего выполняет функцию надстройки, и тем самым определяется его взаимоотношение с экономикой. Капиталистическое хозяйство основано на господстве частной собственности на средства производства. Задача государства — охранять эту основу. Даже выполнение государством экономических функций имеет в конечном счете внеэкономическую цель — сохранить частнокапиталистическую собственность, искусственно продлить ее существование, несмотря на то, что она стала тормозом развития производительных сил. Защита принципа частной собственности и условий капиталистической эксплуатации ставит определенные количественные пределы прямому участию государства в самом производстве. Государственная собственность в условиях капитализма — это, как отмечалось выше, одна из форм капиталистической собственности, она неразрывно связана с частной собственностью отдельных капиталистов и акционерных компаний. И все же само существование государственной собственности наглядно демонстрирует исторически преходящий характер частной собственности на средства производства. Именно поэтому монополистический капитал стремится ограничить непосредственное участие государства в экономической жизни. В то же время развитие производительных сил требует все более растущего прямого и косвенного вмешательства государства в экономику. В этом противоречии — суть проблемы.

Одним из внешних проявлений увеличивающейся роли государства в соотношении базис — надстройка является тот факт, что в развитых капиталистических странах занятость в государственном аппарате растет быстрее, чем в народном хозяйстве. В развитии этой тенденции особенно наглядно проявляются ги-

гантский рост милитаризма и разбухание бюрократического аппарата буржуазного государства.

Государственный аппарат расширяется не только вследствие развития милитаризма и паразитических тенденций, порождаемых возможностью в определенных границах, бесконтрольно растрачивать средства неуклонно возрастающего бюджета ради обогащения людей, находящихся у власти. Существует, конечно, и более глубокая основа роста государственного аппарата по мере развития производительных сил капитализма. Государственный аппарат растет также вследствие выполнения им функций, связанных с потребностями развития производительных сил и проведением социально-культурных мероприятий, не только необходимых для повышения квалификации рабочей силы, к чему капиталистов толкают законы конкурентной борьбы, но и навязанных им трудящимися в классовой борьбе за свои жизненные интересы.

В США после второй мировой войны государственный аппарат сильно вырос в связи с тем, что США все более превращаются в страну воинствующего милитаризма с огромным комплексом военно-бюрократических и полицейских учреждений и в результате научно-технической революции, требующей расширения экономических функций государства. При этом происходит все более тесное переплетение и сращивание его с «большим бизнесом». О том, в какой мере рост государственного аппарата опережает развитие хозяйства, можно судить по следующим данным.

Таблица 25 Среднегодовые темпы роста занятости в народном хозяйстве и государственном аппарате США (в %)

	1929—1938 гг.	1938—1947 гг.	1947—1956 гг.	1956—1965 гг.
Занятость во всем народном хозяйстве . . .	— 2,3	+ 2,8	+ 1,1	+ 0,9
Занятость в государственном аппарате . . .	+ 2,4	+ 3,5	+ 2,9	+ 3,9

Рассчитано по: «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957». Washington, 1962; «Employment and Earnings Statistics for the United States (1909—1966)». Washington, 1966; «Statistical Abstract of the United States», 1967.

В таблице отражен темп роста государственного аппарата без включения в него военной машины. Приведенные данные в значительной мере отражают расширение тех учреждений, которые прямо или косвенно выполняют экономические функции.

Наиболее характерная черта современного государственно-монополистического капитализма — это вмешательство государства

в процесс воспроизводства на макроэкономическом уровне, проявляющееся в его попытках краткосрочного и долгосрочного регулирования всей хозяйственной системы в целом.

Противоречия воспроизводства, на которые наталкивается капитализм под влиянием роста производительных сил, служат важнейшей движущей силой усиления экономической роли государства. Эти противоречия проявляются в трех сферах.

Во-первых, без вмешательства государства, только через механизм рынка, не могут быть удовлетворены многие потребности, которые возникают в ходе общественного развития и делаются необходимыми для воспроизводства рабочей силы, для дальнейшего роста производительных сил. Во-вторых, на определенной ступени общественного развития частная собственность становится оковами для самого капиталистического производства, и в отдельных секторах хозяйства она заменяется муниципальной и государственной собственностью. В-третьих, механизм рынка по мере развития капитализма становится недостаточным, чтобы осуществить быстрое перемещение капитала из одних отраслей в другие и обеспечить необходимые изменения пропорций в национальной экономике в соответствии с интересами всего класса капиталистов и поставленными им целями.

Рассмотрим, как эти противоречия, вытекающие из самой природы капиталистического способа, проявляли себя и разрешались в ходе его конкретно-исторического развития.

Через механизм рынка не может быть удовлетворена некоторая часть потребностей в материальных ценностях и услугах, которые по своей природе подлежат коллективному использованию. Так, например, частная собственность и рыночные методы продажи услуг препятствуют эффективному использованию транспортных магистралей, водопровода и канализации.

По мере того как производство предъявляет все больший спрос на рабочую силу высокой квалификации и инженерно-технические кадры, в системе учебных заведений частные школы с платным обучением по необходимости приходится дополнять расширяющейся сетью бесплатных муниципальных и государственных школ.

Таким образом, само развитие производительных сил подталкивает частнособственническую основу капитализма, ведет к тому, что наряду с традиционным рынком, где частные предприниматели и акционерные компании продают товары и услуги, все большее значение приобретает вне рыночное распределение благ и услуг. Последнее чаще всего осуществляется предприятиями и учреждениями, принадлежащими муниципалитетам и государству, и финансируется за счет местных или общегосударственных налогов. При этом указанные процессы всегда являются объектом острой классовой борьбы.

Государственные и муниципальные предприятия и учрежде-

ния приобретают все большее значение не только в удовлетворении общественных потребностей населения. Необходимость в них возрастает и для покрытия производственного спроса самих капиталистов в средствах и предметах труда, для оказания им производственных услуг. Государственные и муниципальные предприятия создаются в первую очередь в таких отраслях, которые по своей природе требуют общественного регулирования. Сюда в первую очередь входят транспорт и связь, а затем энергетика и ряд других отраслей¹. Кроме того, государство выступает в качестве пособника частного капитала и в отраслях наиболее капиталоемких, с медленным оборотом производственных фондов, где инвестиции окупаются через длительные сроки. К ним помимо энергетики и транспорта относятся некоторые отрасли добывающей промышленности, которые в ряде капиталистических стран находятся в собственности государства.

Механизм рыночного регулирования все больше проявляет свои ограниченные возможности в условиях научно-технической революции, которая резко ускорила развитие экономики и создала новые условия капиталистической конкуренции. Для победы в конкурентной борьбе на мировом рынке теперь необходимы быстрые целенаправленные изменения в отраслевой структуре хозяйства, более мобильное перемещение капитала из одних отраслей в другие. Осуществить это лишь на базе частной собственности и использования стихийных рыночных регуляторов хозяйства без прямого и косвенного вмешательства государства весьма сложно, а в ряде случаев и просто невозможно.

Мы рассматривали здесь преимущественно те причины увеличения экономической и политической роли буржуазного государства, которые вытекают из потребностей расширенного капиталистического воспроизводства, из развития самих производительных сил капитализма. Параллельно с ними действует такой важный фактор, как милитаризм. Он не только стимулирует рост военно-бюрократической надстройки, но и ускоряет перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. В конечном счете милитаризм, этот постоянный спутник капитализма, тоже подтачивает частнособственническую основу капитализма и свойственное ему стихийное рыночное регулирование экономики.

Механизм рыночного регулирования всей экономики наиболее отчетливо обнаружил свои ограниченные возможности во время второй мировой войны, когда понадобилась коренная перестройка капиталистической экономики на военные рельсы. Го-

---

¹ Еще Ф. Энгельс отмечал: «...необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 289*).

сударство должно было взять на себя не только создание военной промышленности, но и установить жесткий контроль над распределением дефицитных производственных ресурсов. По мере того как растет милитаризация экономики, расширяются рамки государственной собственности в тех секторах хозяйства, которые прямо или косвенно связаны с военным производством.

Таким образом, развитие внутренних противоречий капитализма приводит к расширению экономических функций государства, делает необходимым растущее огосударствление в ряде секторов экономики.

В условиях общего кризиса капитализма действие его внутренних противоречий усугубляется влиянием такого внешнего фактора, как существование социалистической системы хозяйства. Экономическое соревнование двух систем ускоряет процессы перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический.

Во-первых, в условиях соревнования двух систем становится все более опасной ориентация на стихийно возникающие циклические экономические кризисы как средство насильственного установления равновесия между производством и потреблением. Крупные капиталисты раньше нередко использовали в своих интересах периодические экономические кризисы, которые вели к разорению конкурентов, давали возможность по дешевке скупать их предприятия, использовали рост безработицы для снижения зарплат рабочих и усиления их эксплуатации. Положение изменилось в 30-х годах, когда обнаружилось, что в условиях массового производства циклический кризис, пущенный на самотек, необычайно усиливает амплитуду колебаний всей экономической системы. Бедствия, вызываемые кризисом, и в особенности безработица, при наличии социалистической системы хозяйства, где нет кризисов, становятся слишком опасным средством достижения равновесия в капиталистической экономике. Именно в значительной мере под влиянием соревнования двух систем капиталистические государства, как об этом будет сказано далее, должны были взять на себя задачу постоянного осуществления антикризисной политики.

Во-вторых, в развернувшейся в гигантских масштабах борьбе двух противостоящих друг другу социально-экономических систем в конечном счете победит тот, кто обеспечит более высокий уровень общественной производительности труда. Поэтому буржуазное государство, учитывая действительность соревнования двух систем как новой формы классовой борьбы, исходя из интересов класса капиталистов в целом, вынуждено обуздывать наиболее хищнические устремления отдельных монополий, регулировать условия эксплуатации, пытаясь тем самым избежать наиболее опасных социальных взрывов. Оно должно в той или иной мере

реагировать на «вызов социализма» в повышении жизненного уровня трудящихся. Это также служит фактором растущего вмешательства государства в процесс воспроизводства.

2 Государственный сектор экономики

Нередко в экономической литературе можно встретить точку зрения, что важнейшим показателем уровня развития государственно-монополистического капитализма служит удельный вес в стране государственной собственности. Конечно, государственная собственность — высшая из возможных в условиях капитализма форм обобществления производства. Но достаточен ли такой критерий? Если придерживаться только его, то получится, что наибольшего уровня в современных условиях государственно-монополистический капитализм достиг в Австрии, где на долю государственных предприятий приходится примерно $\frac{1}{3}$ промышленного производства, в то время как в Англии и Франции соответственные показатели составляют лишь около $\frac{1}{5}$. В США же удельный вес рабочих и служащих, занятых на предприятиях, принадлежащих государству, еще меньше. Но всем известно, что монополии США, которые по своей экономической мощи, концентрации производства и степени его обобществления далеко опередили своих конкурентов в других капиталистических странах, не менее тесно связаны с правительством, активно участвуют в выработке решений, определяющих развитие экономики.

Таким образом, удельный вес государственной собственности не определяет в полной мере степень сращивания и переплетения государства и монополий. Огромное значение имеет роль государства в распределении и перераспределении национального дохода. В США, где доля государства в собственности на средства производства несравненно ниже, чем в Англии и Франции, правительство сосредоточивает в своих руках через бюджет примерно такую же долю национального дохода. Это служит базой для создания обширного государственного рынка, спрос которого оказывает большое влияние на развитие экономики и хозяйственную конъюнктуру¹.

На обмен и весь кругооборот ресурсов в народном хозяйстве существенно влияет и степень использования государством его монополии на регулирование денежного обращения и банков-

---

¹ Доля государственных расходов в национальном доходе составляла в 1963 г.: в США — 35,2%, в Англии — 29,6, во Франции — 25,9, в ФРГ — 42,5, в Японии — 24,5 и в Италии — 35,6% (см. «Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах». М., 1967, стр. 10).

ского кредита. Это же позволяет государству оказывать определенное воздействие на объем и структуру потребления.

Итак, сфера экономического регулирования в странах развитого капитализма не определяется лишь масштабами государственной собственности. Рост капиталистического обобществления расширяет сферу прямого и косвенного воздействия государства на различные стороны процесса производства, распределения и использования общественного продукта и вместе с тем делает все более разнообразными экономические формы переплетения государства и монополий. Государство, используя административные и экономические рычаги, способствует налаживанию связей между отраслями народного хозяйства, соединяя их в одно целое. Собирая и перерабатывая информацию о ходе всего общественного производства, оно обеспечивает необходимые предпосылки для его регулирования. Вполне естественно, что аппарат учета и контроля, используемый капиталистическим государством в интересах монополий при революционном изменении природы государственной власти, может быть относительно легко поставлен на службу интересам всего общества.

При оценке компонентов огосударствления экономики нельзя не учитывать особую роль государственной собственности с точки зрения создания материальных и социальных предпосылок для социализма. Государственная собственность после победы социалистической революции сразу же превращается в общенародное достояние. Для того чтобы такую же трансформацию претерпела собственность частных монополий, надо осуществить сложную операцию ее экспроприации или частичного выкупа.

Роль государственной собственности в той или иной стране определяется и тем, какие классовые силы воздействуют на процесс ее образования. Одно дело, если государственная собственность растет под влиянием требований «сверху», т. е. в соответствии с нуждами крупного капитала. Несмотря на то что огосударствление ряда отраслей доказывает исторически преходящий характер частной собственности на средства производства, монополистический капитал все же не может обойтись без непосредственного участия государства в расширенном воспроизводстве общественного капитала. Такой процесс расширения государственного сектора вызывает сравнительно меньшее беспокойство правящего класса. И совсем иная ситуация складывается, когда частные предприятия и даже целые отрасли превращаются в государственные под давлением «снизу», под влиянием борьбы масс. Такая качественно новая ситуация впервые сложилась в конце 30-х годов во Франции, когда к власти пришло правительство, опирающееся на силы Народного фронта. Монополии ответили на меры по национализации, осуществленные по требованию Народного фронта, экономическим саботажем. Они свалили прави-

тельство, отважившееся хотя бы частично выполнить требование Народного фронта. Часть монополистической буржуазии сделала открыто своей линией ставку на союз с Гитлером.

После второй мировой войны под давлением мощного демократического движения значительный сектор национализированных предприятий возник во Франции, в Англии, Италии и Австрии. Политическая обстановка не позволила монополистическому капиталу этих стран предпринять прямую атаку против национализации. Финансовая олигархия действовала методами обходных маневров, стремясь подчинить национализированный сектор своим интересам, сделать его составным элементом всей экономической системы государственно-монополистического регулирования хозяйственных процессов, а там, где возможно, добиться хотя бы частичной реприватизации ряда предприятий.

Расширение государственного сектора путем национализации, с которой трудящиеся массы связывали надежду на демократическое обновление и социалистическое развитие своих стран при сохранении государственной машины, обеспечивающей господство монополий, как показал опыт, в конечном счете было в значительной мере использовано в интересах монополий. Производственный потенциал национализированных отраслей превратился в орудие государственной поддержки накопления капитала в предприятиях частномонополистического сектора. Устанавливая низкие цены на продукцию национализированных отраслей, иногда не покрывающие даже издержек производства, государство обеспечивает частным предпринимателям дешевое топливо, электроэнергию и транспортные услуги. Это по существу скрытая форма финансирования частных фирм. Национализация создала для монополий своеобразный привилегированный рынок. Заказы на оборудование и другие средства производства для государственных предприятий по очень выгодным ценам передаются, как правило, только «отечественным» монополиям. Такой государственный рынок защищает их от иностранной конкуренции лучше, чем любой таможенный тариф.

Но и при полном включении национализированных отраслей в систему государственно-монополистического капитализма не ликвидируются полностью последствия победы демократических сил, вынудивших монополии примириться с самим фактом национализации. Как правило, в национализированном секторе рабочие в большей мере испытывают уверенность в завтрашнем дне, так как государство не может уволить их, не обеспечивая трудоустройство и переквалификацию. Кроме того, даже при автономности управления национализированных предприятий они формально находятся под контролем парламентов. Это ограничивает произвол монополий в данной сфере экономики. Вот почему наиболее движение, все прогрессивные силы борются за расширение национализации, а монополистический капитал, несмотря на

все выгоды, извлекаемые им из государственных предприятий, всячески противодействует этому.

Борьба монополий против национализации обусловлена и тем, что они имеют возможность обеспечить себе другие пути и средства наживы за счет государства, которые не подрывают принцип частномонополистической собственности, и дают возможность более эффективно подавлять требования трудящихся на вмешательство в дела производства и в сферу большой политики. Монополистический капитал явно предпочитает создание смешанных государственно-частных компаний, а также приобретение государством акций частных фирм.

В последние годы под предлогом стимулирования концентрации и централизации производства государством производится объединение некоторых национализированных предприятий с частными монополиями¹. В качестве противовеса национализации широко используется социальная демагогия о превращении част-

---

¹ Характерный пример этого можно видеть в Италии. В 1966 г. здесь произошло слияние двух крупных компаний химической промышленности — «Монтекати́ни» и «Эдисон», образовавших концерн «Монтэдисон». Инициатива такого слияния принадлежала компании «Эдисон», которая, получив от государства вознаграждение в 725 млн. долл. в связи с национализацией ее энергетических мощностей, располагала ликвидными средствами, недостаток которых испытывал концерн «Монтекати́ни». Однако такое объединение не привело к заметному повышению темпов роста химической промышленности Италии по сравнению с ее капиталистическими конкурентами. В 1968 г. правительство, чтобы обеспечить реконструкцию и реорганизацию этой отрасли через государственные компании ИРИ и ЭНИ, приобрело пакет акций «Монтэдисон». Операция ЭНИ и ИРИ, проведенная при помощи банков-посредников, привела к еще более тесному переплетению государственных и частных монополий. Но она отнюдь не явилась поглощением государством частной монополии, а фактически средством ее поддержки. Во главе государственно-частного объединения остался бывший глава компании «Эдисон», сумевший подчинить своему контролю «Монтекати́ни» благодаря тем субсидиям, которые были предоставлены государством в качестве компенсации за национализацию части ее собственности, приносившей наименьшие доходы. Однако сдвиг в пользу государственной собственности в химической промышленности вызвал протесты против «незаконных» и «недемократических» действий ИРИ и ЭНИ со стороны Конфедерации итальянских промышленников, усмотревших в них посягательство государства на права частного капитала.

ных монополий, практикующих публичную продажу мелких акций, в «народные предприятия».

Однако, как ни стремятся монополии ограничить роль государственного сектора экономики в сфере производства, все же им приходится мириться с тенденцией к огосударствлению. Именно в этой сфере особенно отчетливо проявляется необходимость обобществления производства под влиянием научно-технического прогресса.

До войны технико-производственную базу государственного сектора составляли по преимуществу предприятия так называемых старых отраслей. После войны на долю государства наряду с финансированием реконструкции старых отраслей выпала роль инициатора в создании и развитии новых производств. Первоначально в рамках государственного сектора развивалась атомная промышленность со всеми сопутствующими ей научными институтами и опытно-конструкторскими предприятиями, а также значительная часть электроники, реактивной техники и других новых отраслей, находящихся на столбовой дорожке научно-технического прогресса.

Важной функцией государства стало финансирование и организация научных исследований. Инвестиции государства в науку становятся важнейшим фактором технического прогресса и повышения конкурентоспособности монополий на мировом рынке. Им в последние десятилетия отдается приоритет по сравнению с другими капиталовложениями.

Научно-техническая революция существенно расширила роль государства в повышении качества и квалификации рабочей силы. Это вызывает значительный рост капиталовложений в основные фонды непродушенной сферы, обеспечивающие развитие образования, здравоохранения и городское благоустройство. Такие расходы государства признаются теперь важнейшим условием повышения конкурентоспособности империалистических стран на внешних рынках.

В сдвигах, происходящих в технико-экономической структуре государственного сектора, отчетливо проявляются также важнейшие изменения народнохозяйственных пропорций в развитых странах капитализма. В тех странах, где исторически сложившаяся роль государственной собственности была относительно небольшой, она растет в значительной мере за счет капиталовложений в инфраструктуру.

К государственному сектору экономики можно теперь в развитых странах капитализма с известным основанием относить и бюджет. Юридически часть национального дохода, изымаемая государством в бюджет, не является его собственностью. Она лишь временно поступает во владение государства, функция которого перераспределять изымаемые доходы. Однако роль бюджета как рычага воздействия на хозяйство в условиях государст-

венно-монополистического капитализма настолько изменилась, что его экономическое содержание далеко выходит за рамки, определяемые юридическими понятиями временного владения и функции перераспределения.

Как известно, экономическая роль банка определяется не только тем капиталом, который принадлежит самому банкиру, а средствами, мобилизованными им во временное владение и превращенными в капитал. Именно использование этих средств приводит к сращиванию банковского капитала с промышленным. Бюджеты правительств развитых капиталистических стран становятся мощным средством расширения государственного сектора экономики. Количественные параметры бюджета отражают изменения и его качества. До второй мировой войны удельный вес государственного бюджета в национальном доходе составлял от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$, а в середине 60-х годов эта доля повысилась до $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{5}$.

Во всех странах развитого капитализма рост доли бюджета в национальном доходе сопровождается увеличением участия государства не только в капиталовложениях, но и в потреблении конечного продукта, т. е. в его реализации, в создании гарантированного рынка для монополий. Это дает возможность государству влиять на ход экономического цикла путем расширения или сокращения спроса на инвестиционные и потребительские товары.

Изъятие в бюджет некоторой части национального дохода не всегда ведет только лишь к изменению характера платежеспособного спроса. Иногда в результате этого заново создается платежеспособный спрос, который без участия государства не мог бы возникнуть. Так, в условиях экономического кризиса часто только платежеспособный спрос государства может привести к использованию бездействующих производственных мощностей и уменьшению армии безработных. В таких условиях платежеспособный спрос государства выступает как средство, компенсирующее недостаток частного спроса, который возникает как следствие неискоренимого противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением его результатов. Государственный платежеспособный спрос играет в данном случае роль паллиативного средства. Но все же благодаря ему достигается частичное разрешение противоречия между производством и потреблением. При этом происходит не просто количественная компенсация сократившегося частного спроса, которая эквивалентна сумме изъятых государством налогов. Введение в строй неиспользованных производственных мощностей и незанятой рабочей силы ведет к расширенному воспроизводству общественного капитала. А это, как указывают схемы воспроизводства К. Маркса, вызывает увеличение спроса как на инвестиционные, так и на потребительские товары.

Буржуазная политическая экономия, игнорирующая научные открытия марксизма, именуется такое увеличение производства эф-

фектом мультипликатора и акселератора, восхваляя кейнсианские методы государственного вмешательства в экономику как гениальное открытие. В действительности же государство своим вмешательством в процесс воспроизводства лишь подтверждает истину, давно открытую марксизмом, что общественное по своему характеру производство не может бесперебойно функционировать без общественного регулирования его. Государство призывается на помощь, когда частная капиталистическая собственность обнаруживает свою неспособность вести производство без кризисов и спадов.

Общеизвестно, что государство всегда стремится облегчить налоговое бремя капиталистов, перекладывая тяжесть налогов на трудящихся. Новое в налоговой политике государственно-монополистического капитализма заключается в том, что оно при помощи бюджета не только увеличивает фонд перераспределяемой в пользу капиталистов прибавочной стоимости, но также и влияет на характер использования капиталистами этой прибавочной стоимости. Налоговая политика не просто стимулирует увеличение доли прибыли, идущей на инвестиции. Она также воздействует в известной мере на структуру самих инвестиций. Достигается это в первую очередь при помощи амортизационной политики.

Практика ускоренной амортизации позволяет монополиям укрывать от налогов под ширмой амортизационных отчислений часть своей прибыли. Во время второй мировой войны правом ускоренной амортизации пользовались прежде всего фирмы, производившие вооружение. Это было эффективным способом форсировать развитие военного производства. Однако после войны, несмотря на отсутствие чрезвычайных обстоятельств, практика ускоренной амортизации стала широко применяться во всех империалистических странах как средство, помогающее форсировать процесс накопления капитала в тех или иных отраслях экономики. Такая легализованная государством передача монополиям части прибыли, которая должна была бы идти в бюджет, заставляет их увеличивать свои инвестиции. Амортизационная политика, стимулирующая инвестиции в основной капитал, явилась одной из важнейших причин увеличения нормы накопления капитала в большинстве развитых капиталистических стран после второй мировой войны.

Эта политика оказывает влияние и на распределение инвестиций. Сроки амортизационных списаний, как правило, варьируются по отраслям. Это вместе с другими налоговыми льготами дает возможность государству устанавливать приоритет для инвестирования частного капитала в те отрасли, развитие которых наиболее важно с точки зрения интересов монополистического капитала данной страны в целом. Так, в большинстве капиталистических стран средствами налоговой политики в первую очередь стимулируются развитие новейших отраслей производства, капи-

таловложения в новую технику, в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также инвестиции в капиталоемкие отрасли и на освоение новых районов.

При помощи налогов государство все больше увеличивает обобществление фонда прибавочной стоимости, изымая все большую долю ее в свое распоряжение. Несмотря на стремление монополий добиться снижения налогов на прибыли, все же доля прибыли, изымаемая у них в бюджет, имеет тенденцию возрастать и значительно превосходит уровень, существовавший до войны. В США доля налоговых отчислений от прибылей корпораций была в 1937 г. 13%, в 1956 г. — 43, в 1960 г. — 46 и в 1964 г. — 43% ¹. Капиталисты в изменившихся под влиянием научно-технической революции условиях воспроизводства вынуждены примириться с необходимостью отдавать в руки государства возрастающую долю своей прибыли для инвестирования ее в ряде сфер экономики, в том числе для вложений в инфраструктуру, развитие которой необходимо для повышения эффективного функционирования их собственных предприятий ².

Своими инвестициями в инфраструктуру государство влияет на характер спроса не только капиталистов, но и трудящихся. Эта сфера бюджетных ассигнований, как было отмечено, особенно выросла после второй мировой войны под воздействием научно-технической революции, а также в связи с завоеваниями, достигнутыми трудящимися массами в результате классовой борьбы.

Неуклонное увеличение правительственных расходов на образование диктуется прежде всего потребностями современного производства. Однако система общего и специального образования в силу своей специфической природы не может достаточно эффективно функционировать на частнокапиталистических началах. К тому же монополии стремятся уменьшить в своих издержках на покупку рабочей силы неуклонно растущие затраты на подготовку кадров, перелажая их во все большем объеме на государство.

---

¹ «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957». Washington, 1960, p. 715; «Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 325.

² Указанное не исключает острые конфликты между государством и отдельными группами монополий по поводу налоговой политики. Примером этого может служить борьба нефтяных магнатов Техаса против попыток президента Кеннеди провести через конгресс проект реформы налогообложения, который должен был лишить нефтяную и газовую промышленность льгот, обеспечивающих огромные прибыли. Как отмечалось в американской печати, борьба против этой налоговой реформы Кеннеди послужила одним из факторов, способствовавших возникновению заговора, приведшего к убийству президента 22 ноября 1963 г.

Государство теперь должно брать на себя организацию такой системы просвещения, которая обеспечила бы подготовку кадров в соответствии с потребностями научно-технической революции. Империалистические государства вынуждены увеличивать свои расходы на образование и под влиянием успехов, одержанных социализмом в этой сфере.

К тому же нельзя не учитывать и того, что гражданские расходы правительства — это та область, где в результате классовой борьбы правительство вопреки своей воле нередко вынуждено осуществлять меры, идущие не только на пользу монополиям, но и трудящимся. Вполне понятно, что государственные ассигнования, связанные с финансированием просвещения, медицинского обслуживания, пенсии и пособий по безработице и т. д., нельзя рассматривать лишь как простое перераспределение платежеспособного спроса. Они также способствуют расширенному воспроизводству общественного капитала.

Буржуазные экономисты, как правило, отрицают мультипликационный эффект тех трансферных платежей, которые государство вынуждено делать под давлением трудящихся для удовлетворения их справедливых социальных требований. Речь идет о пособиях по безработице, пенсиях, стипендиях и других платежах. Большинство буржуазных экономистов считает, что наибольшие выгоды приносят те расходы, которые связаны с инвестициями.

Мощное движение студенчества, развернувшееся во всех капиталистических странах в последние годы, достаточно убедительно показывает, насколько необходимыми становятся, например, такие прежде не игравшие существенной роли трансферные платежи, как стипендии. Без них значительная часть молодежи из семей трудящихся не может получить высшего образования. Движение студентов почти повсеместно пользуется поддержкой рабочего класса. Оно показывает, как расширяется объем тех социальных требований, которые должны покрываться за счет трансферных платежей государства.

До сих пор речь шла о том, как в связи с реальными потребностями производства, а также под влиянием классовой борьбы происходит рост бюджета и расширение функций государственного сектора. Но рост государственного сектора и увеличение бюджета отражают также процессы загнивания капитализма. В обществе, где цель производства не его реальные потребности, а прибыль капиталистов, считаются оправданными всякие расходы, приносящие эту прибыль. Так как все расходы государства, в том числе и те, которые идут во вред обществу, приносят прибыль определенным группам капиталистов, то любые из них находят горячих сторонников и защитников со стороны заинтересованных групп.

В послевоенный период идеологическим и политическим оружием таких групп монополистического капитала стала кейнсианская концепция дефицитного финансирования и «бюджетного мультипликатора». Она доказывает, что увеличение государством его платежеспособного спроса на инфляционной основе — лучшее средство обеспечить постоянное расширение производства. Рост производства, указывают кейнсианцы, может служить амортизатором, сдерживающим инфляцию. С этой точки зрения они оправдывают гонку вооружений, финансируемую за счет расширения новых правительственных займов.

Действительно, при помощи дефицитного бюджета государство может определенное время расширять рынок за пределы наличного платежеспособного спроса. Это создает внешнюю видимость того, что государство, увеличивая свои расходы, вместе с тем умножает и доходы общества. На этой внешней видимости и спекулирует теория «бюджетного мультипликатора», согласно которой любые расходы государства автоматически превращаются в доходы для общества.

Ложность такого обобщения лучше всего выявляет искусственно поддерживаемое разбухание государственного аппарата и в особенности милитаризации экономики. Однако иррациональность капиталистических производственных отношений проявляется в том, что до известных пределов рост бюрократической и военной машины действительно вызывает увеличение занятости и доходов значительных слоев населения. Опасные иллюзии создаваемого таким путем «благополучия» исчезают тогда, когда результатом дефицитного финансирования становится резкий рост дороговизны, вызванный непомерным бременем гонки вооружений.

Рост государственного сектора экономики в условиях капитализма не может разрешить насущных потребностей общества. В основе этого две причины. Во-первых, степень прямого и косвенного влияния государства на уровень инвестиционного и потребительского спроса ограничена самой природой капиталистического способа производства. Несмотря на расширение государственного вмешательства в экономику, ее положение в конечном счете определяется стихия рыночных отношений, господство которых неизбежно, пока большая часть собственности на средства производства находится в руках частных монополий.

Во-вторых, единственная сфера рынка, где государство выступает прямым и безраздельным монополистом, является покупка вооружения, а также тех товаров, которые входят в номенклатуру материально-технического и интендантского снабжения вооруженных сил. Знаменательно, что военная промышленность — единственная сфера экономики, где капиталистическое государство обнаруживает наибольшую способность регулировать производство. Не случайно в широко распространенном английском учебнике по

экономике прямо указывается, что в течение двух мировых войн в Англии были заложены основы развития государственной плановой экономики¹.

Милитаризация в отдельных капиталистических странах — важнейший источник, питающий рост государственного рынка. Военно-промышленные монополии особенно заинтересованы в раздувании военных бюджетов и в контроле над системой распределения государственных заказов. В. И. Ленин убедительно доказал в своих исследованиях по империализму, что у этих монополий раньше, чем у других группировок финансовой олигархии, проявилась тенденция к сращиванию с государством. В милитаризме наиболее ярко раскрывается реакционная природа государственно-монополистического капитализма, а также его классовая сущность.

Степень влияния милитаризма на развитие государственно-монополистического капитализма нельзя измерять только уровнем военных расходов, их долей в государственном бюджете и национальном доходе. Печать милитаризма лежит на всей системе государственно-монополистического регулирования. Не случайно в США инициатором внедрения методов программирования экономики явилось министерство обороны, которое с 1962 г. ввело систему комплексного долгосрочного планирования развития вооруженных сил, включающую в орбиту своего воздействия большое количество отраслей производственной и непроизводственной сфер, относящихся к так называемой национальной безопасности.

Качественные изменения в военной технике, способствовавшие невиданному росту милитаризма, в то же время подтачивают его экономическую и политическую базу, наглядно демонстрируя тот факт, что непрерывная гонка вооружений не может быть сколько-нибудь прочной основой роста государственного сектора экономики. По мере того как выгоды от гонки вооружений реализуются все более узкой группой монополий, а неблагоприятные последствия милитаризации распространяются на все более широкие сферы экономики, растут и разногласия в правящем лагере империалистических государств. Против чрезмерной милитаризации начинают решительно выступать монополистические группировки, терпящие урон от чрезмерно больших ассигнований на вооружение. Наряду с чисто экономическими мотивами реалистически мыслящие буржуазные круги учитывают также, что гонка ядерных вооружений не изменит соотношения мировых сил в пользу империализма. В их среде увеличивается число сторонников ограничения гонки вооружений, поисков путей к всеобщему разоружению и мирному сосуществованию двух систем.

---

¹ А. Н. Hansen. A Textbook of Economics. London, 1956, p. 496—497.

Однако решающую роль в расшатывании милитаризма играет обострение классовых антагонизмов между военно-промышленным комплексом и большинством нации, которая по мере усиления милитаризма должна платить все больше прямых и косвенных налогов, а на определенной ступени его развития платить и «налог кровью».

В свое время Ф. Энгельс писал о том, что милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели¹. В. И. Ленин писал в 1918 г.: «...столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние»².

Современная капиталистическая действительность с особой убедительностью демонстрирует правильность этих предсказаний марксистско-ленинской теории. Лихорадочная активизация деятельности военно-промышленных концернов и дальнейшая гонка вооружений неизбежно влекут за собой сужение экономической и социальной базы, питающей милитаризм, и вместе с тем — углубление противоречий государственно-монополистического капитализма.

3 Регулирование экономики и развитие государственно-монополистического капитализма

Государства развитых капиталистических стран впервые оказались перед необходимостью установить в условиях мирного времени прямой и косвенный контроль над ходом всего процесса общественного воспроизводства под влиянием экономического кризиса 1929—1933 гг.³ Это объяснялось не только необходимостью оживить экономику и вывести ее из состояния небывалого упадка. Чрезвычайные меры нужны были и для того, чтобы избежать серьезных социальных потрясений. Правительства должны были организовать общественные работы, чтобы хоть немного сократить безработицу. Но главное их внимание было направлено на оказание помощи монополиям, которые без поддержки государства не могли выбраться из трясины кризиса. Правительства проводили «оздоровление» банков, гарантируя их платежеспособ-

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 361.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 473.

³ В декабре 1933 г. Дж. Кейнс в письме президенту Рузвельту выражал свое удовлетворение тем, что он, осуществляя антикризисные мероприятия, «порвал с ортодоксальной экономической политикой и прибегнул к таким всеобъемлющим мерам, которые раньше допускались лишь для целей войны и разрушения» («Public Letter to President Roosevelt», — «New York Times», 31, XII. 1933),

ность, способствовали созданию картелей, чтобы очистить от «нежизнеспособных» предприятий отрасли промышленности, наиболее пострадавшие от кризиса, и подчинить их контролю крупнейших монополий.

В результате этих мер был сделан большой шаг по пути усиления государственно-монополистического капитализма. Качественно новое в развитии государственно-монополистического капитализма заключалось не только в масштабах государственного вмешательства в экономику, но и в том, что с 30-х годов антикризисные меры стали превращаться в постоянный фактор экономической политики. Однако до второй мировой войны государственно-монополистическое регулирование экономики не выходило за пределы антикризисной политики.

После войны в большинстве капиталистических стран была признана недостаточность кейнсианских принципов антикризисного регулирования экономики. Начали разрабатываться некейнсианские концепции экономической динамики (Харрод в Англии и Домар в США). Отличие этой политики состоит в попытках создать условия для растущей занятости на основе структурных изменений в экономике.

В центре внимания буржуазной политической экономики оказались проблемы дальнейшего функционирования всей хозяйственной системы капитализма, экспертно-консультативная деятельность тесно переплелась с разработкой конкретных практических рекомендаций. Наряду с агрегированными моделями, оперирующими такими параметрами, как доля инвестиций в национальном доходе и капитальный коэффициент, в послевоенный период разрабатываются также многосекторные модели, определяющие конкретные изменения народнохозяйственных пропорций и отраслевой структуры экономики.

Качественно новые моменты в государственно-монополистическом регулировании экономики знаменовали попытки перехода к долгосрочному воздействию на ее развитие. Толчок этому дала национализация ряда отраслей экономики в некоторых странах Западной Европы. Государственная собственность, распространенная на целые отрасли, послужила рычагом для более глубокого преобразования их структуры, чем те методы косвенного государственного регулирования, которые применялись до войны. Государственные плановые учреждения должны были наметить длительную программу развития национализированных отраслей. Чтобы определить планы реконструкции этих отраслей, возникла необходимость учета более или менее длительных потребностей всей экономики в целом. Таким образом, правительства тех стран, которые оказались собственниками значительного сектора национализированных предприятий, вынуждены были искать способ соединить государственное программирование с тем планированием, которое осуществляют отдельные монополии.

В этих странах одновременно начала складываться теория и практика так называемого индикативного программирования. После второй мировой войны в большинстве развитых капиталистических стран кратковременное государственно-монополистическое регулирование перешло на ступень «антициклической» политики, которая вызвала к жизни новое проявление противоречий воспроизводства.

«Антициклическая» политика пришла в ряде стран в резкое противоречие с задачами долгосрочных структурных изменений в экономике. Классическое выражение такая политика получила в осуществлении принципа «стоп — иди». Суть ее заключалась в том, чтобы сдерживать фазу подъема и тормозить развитие кризиса. Оказалось, что «стоп» государству удавалось легче осуществить, чем побудить экономику следовать распоряжениям «иди», когда начинался спад. Политика «стоп — иди» не стимулировала частномонополистический сектор к осуществлению долгосрочных капиталовложений.

Попытки «антициклического» регулирования стали существенным тормозом структурных преобразований в экономике. Между тем на мировом капиталистическом рынке наибольших успехов добивались те государства, в которых произошла более глубокая перестройка отраслевой структуры экономики. В их числе на первое место выдвинулись страны, потерпевшие поражение в войне, — ФРГ, Италия и Япония. В этих странах масштабы разрушений производственного аппарата за годы войны делали невозможным восстановление довоенной структуры экономики и требовали значительного ее преобразования. Кроме того, вынужденный отказ от расходов на вооружение обеспечил им дополнительные возможности для производительных капиталовложений в экономику. Заметных успехов в перестройке структуры своей экономики добилась Франция, где в этом большую роль сыграло развитие системы индикативного программирования. Опыт Франции привлек внимание других капиталистических стран.

Перестройка отраслевой структуры экономики на основе долгосрочного государственно-монополистического регулирования стала в 50-х годах одним из важнейших факторов успеха в конкурентной борьбе на мировом капиталистическом рынке. От динамичности экономики в значительной мере зависела возможность использовать для повышения ее эффективности достижения научно-технической революции.

Пример Франции, где была проведена наиболее радикальная реконструкция национализированных отраслей, показал, насколько перестройка производства на новейшей технической базе требует повышения уровня концентрации капитала. Одним из важнейших направлений государственно-монополистического регулирования экономики для усиления ее конкурентоспособности на

мировом капиталистическом рынке стало всемерное поощрение дальнейшей концентрации монополистического капитала внутри страны путем слияния фирм и образования сверхмонополий. Но малые масштабы государств Западной Европы, несмотря на интенсивный процесс слияния монополий, не позволяли создать концерны, способные успешно конкурировать с мощными корпорациями США. Выход был найден в развитии империалистической интеграции, которая значительно расширила рамки капиталистической кооперации труда.

Успехи ряда стран Западной Европы и Японии в конкурентной борьбе, связанные в значительной мере с перестройкой структуры их экономики, в результате новых методов ее государственно-монополистического регулирования вызвали ослабление позиций США на мировом капиталистическом рынке. Особенно отчетливо проявился этот процесс после экономических кризисов 1957—1958 и 1960—1961 гг. Такие изменения в соотношении сил не на шутку обеспокоили монополистический капитал крупнейшей империалистической державы.

С начала 60-х годов монополии США развернули контрнаступление на мировом капиталистическом рынке, которое было в значительной мере обеспечено усилением долгосрочного государственно-монополистического регулирования экономики. Главным средством этого стали огромные государственные инвестиции в науку и опытно-конструкторские разработки. По доле национального дохода, используемого на эти цели, равно как и по степени участия государства в таких инвестициях, США далеко опередили всех своих конкурентов. Государственная сеть информационной службы способствовала резкому увеличению народнохозяйственной эффективности научных исследований, срастанию науки с производством. Эти новые формы государственно-монополистического воздействия на процесс воспроизводства и структурные сдвиги в экономике тесно связаны с процессом ее милитаризации.

В США милитаризация экономики, в которой наиболее отчетливо проявляется загнивание и паразитизм монополистического капитализма, оказалась одним из важнейших факторов создания государственного рынка и системы государственных заказов на научные исследования и опытно-конструкторские работы. С гонкой вооружения непосредственно связаны и преимущественное развитие исследований, имеющих стратегическое значение, и монополизация многих результатов научно-исследовательских изысканий и опытно-конструкторских разработок горсткой военно-промышленных концернов.

Контрнаступление США на мировых рынках и обострение международной конкуренции сказались на замедлении темпов роста экономики в капиталистических странах Западной Европы. Оно было вызвано не только циклическими процессами. Об этом

свидетельствует кризис 1966—1967 гг. в ФРГ, который, будучи периодическим кризисом перепроизводства, приобрел вместе с тем характер структурного кризиса, так как ясно обнаружил, что одной из важнейших причин снижения конкурентоспособности западногерманской экономикой стало ее отставание в развитии новейших отраслей промышленности. Знаменательно, что эпицентром кризисных процессов оказался Рур, прежде служивший символом индустриальной мощи германского империализма. Под влиянием кризиса правящие круги ФРГ сделали поворот к долгосрочному программированию, которое призвано обеспечить более высокую централизацию государственно-монополистического вмешательства в процесс воспроизводства, к сосредоточению в руках государства финансовых ресурсов для крупных инвестиций в инфраструктуру.

Современные условия конкурентной борьбы сделали необходимым для всех развитых стран капитализма долгосрочное программирование, ориентированное на изменение структуры экономики, чтобы более успешно реализовать достижения научно-технической революции.

Одной из важнейших причин перехода к долгосрочному государственно-монополистическому регулированию экономики служит соревнование двух систем. Если конкуренция порождает центробежные тенденции в империалистическом лагере, то соревнование двух систем вызывает центростремительные тенденции, направленные на сотрудничество между капиталистическими странами. Так, наряду с империалистической интеграцией в Западной Европе, имеющую антиамериканскую направленность, действует тенденция к созданию Атлантического сообщества на базе сохранения НАТО и превращения его в экономический блок, противостоящий мировому социализму и национально-освободительному движению.

Наряду с неокOLONиалистским соперничеством в борьбе за сферы влияния в освободившихся странах существует и общая стратегия империализма, осуществляемая в них через его международные организации.

Империалистическая интеграция при всех своих противоречиях усиливает взаимозависимость развитых стран капитализма и расширяет масштабы международного разделения и кооперации труда, способствующие росту его производительности. Вместе с тем империалистическая интеграция, как показывает опыт Западной Европы, способствует усилению господства монополий на основе дальнейшего роста концентрации и централизации капитала. Не случайно развитие интеграционных процессов сопровождалось необычайно мощной волной слияний и поглощений: крупнейшие монополии в обострившейся конкурентной борьбе расширяли сферу своего господства за счет своих соперников.

Тенденция к централизации государственно-монополистиче-

ского регулирования, к образованию сверхмонополий и их все более тесному сращиванию с государством — объективный процесс. Он вызывается потребностями производительных сил, переросших рамки частномонополистической собственности и требующих общественного регулирования.

Но все формы концентрации, несмотря на предпринимаемые государством усилия в долгосрочном программировании экономики, лишь усугубляют противоречие между организацией производства в рамках монополий и анархией во всем обществе. Каждая монополия планирует производство, исходя из своих ресурсов и оценки ситуации на рынке, добиваясь максимальных успехов за счет оттеснения конкурентов. Капиталистическое государство не может разработать директивный план, которому подчинились бы монополии.

Конечно, долгосрочное программирование в какой-то мере сдерживает стихию рыночной анархии. Путем программирования государство, ставшее крупным инвестором капитала, берет на себя задачу постоянно информировать монополии о перспективах развития экономики, о емкости внутреннего и внешнего рынка. Оно как бы разделяет с ними риск новых капиталовложений. Правительства развитых капиталистических стран, используя такие экономические рычаги, как капиталовложения в государственные предприятия, гарантированный государственный рынок, механизм кредита и субсидирования, систему налоговых льгот и амортизационной политики, могут осуществлять меры по перестройке отраслевой структуры всей экономики, ее капиталистической «рационализации» и уменьшить риск новых капиталовложений для монополий.

Государство, составляя программу развития, выступает в роли координатора по ее осуществлению, используя централизованную систему экономической информации. Как известно, наиболее емкую информацию о реальных потребностях общества в производстве тех или иных товаров и услуг дают цены. Рынок через игру цен образует механизм обратной связи, благодаря которому на основе закона стоимости регулируются масштабы производства, а также перемещение капитала и рабочей силы между отдельными его отраслями. Но запаздывание этой информации особенно болезненно сказывается на развитии тех отраслей, для которых характерны длительные сроки капиталовложений и их медленный оборот.

Значение этого фактора увеличивается по мере роста производительных сил, усложнения структуры хозяйства в результате увеличения количества обособленных отраслей. Ориентация на неизвестный рынок, несогласованность капиталовложений в этих условиях становятся чреватými все более серьезными потерями. Потребность в оперативной информации о состоянии рынка еще с 30-х годов осознали и крупные фирмы и представляющее их

интересы государство. Предпосылки же для осуществления капиталистического программирования возникли лишь сравнительно недавно. Большую роль в этом сыграло развитие математики и вычислительной техники, а также экономической науки, использующей новые методы анализа для обоснования оптимальных решений на уровне фирмы и в макроэкономическом масштабе. Экономический кругозор фирмы и ее финансовые и организационные возможности недостаточны, чтобы определить тенденции развития национального и мирового рынка. Такую функцию может выполнить лишь государство, используя свои статистические и экономические службы, вооруженные современной счетной техникой и средствами массовой информации. Только оно, преодолевая барьеры коммерческой тайны, может получить информацию о планах капиталовложений отдельных, наиболее крупных фирм и собирать другие данные, позволяющие путем статистического и экономико-математического анализа хоть в какой-то мере приблизительно устанавливать краткосрочный и долгосрочный прогноз экономической погоды.

На основе долгосрочной программы развития путем использования экономических и административных рычагов правительство устанавливает своеобразное длительное картельное соглашение с монополиями, предоставляя им определенную квоту в производстве и сбыте продукции. Но при этом сохраняются все капиталистические «правила игры». Каждый действует, как ему выгодно, в соответствии с реальной ситуацией на внутреннем и мировом рынках, над которыми не властно государство. Поэтому никакое государственно-монополистическое регулирование не может устранить диспропорции в развитии отраслей народного хозяйства. Их со всей очевидностью выявляет лишь кризис перепроизводства. Еще меньше способно оно устранить имманентно присущее капитализму противоречие между производством и потреблением, которое служит конечной причиной этих кризисов. Наконец, важнейшим препятствием на этом пути оказывается узость самих задач народнохозяйственного регулирования, определяемая классовым содержанием капиталистического программирования.

При капитализме, где единственным стимулом и двигателем производства служит прибыль, государство не может сделать реальной целью программ развития повышение материального благосостояния всего народа. Такая цель противоречит практической деятельности монополий. Вместе с тем логика экономического соревнования двух систем вынуждает правительства капиталистических стран в интересах социальной демагогии выдвигать цели, выходящие за пределы возможностей капитализма. Это поставило правящие классы перед лицом новых сложных проблем. Чем больше усиливается разрыв между официально провозглашаемыми целями государства и реальной политикой монополий, тем сильнее растет изоляция наиболее реакционных групп финансовой олигар-

хин, открыто отвергающих справедливые требования народных масс.

В противовес антинародному государственно-монополистическому программированию во всех странах, где оно получило развитие, усиливается движение за разработку демократической и социалистической альтернативы этому программированию.

4 Развитие государственно-монополистического капитализма и особенности антимонополистической борьбы

Государственно-монополистический капитализм выполняет не только все увеличивающиеся по своему значению экономические функции, без которых современный капитализм уже не может осуществлять процесс воспроизводства. Одновременно возрастает и его роль как политической надстройки, призванной обеспечивать общие условия капиталистической эксплуатации.

Для стороны буржуазной диктатуры — метод насилия и метод реформ, при помощи которых господствующий класс стремится держать в подчинении массы, находят свое воплощение в экономическом и политическом развитии государственно-монополистического капитализма.

В современных развитых капиталистических странах, где лица наемного труда составляют почти 90% самодельного населения, монополистический капитал уже не может сохранить свое господство, не создавая себе социальную опору в определенной части рабочего класса, не привлекая на свою сторону отдельные его прослойки, что придает и особые черты методам его социального маневрирования. Во многих странах поэтому буржуазные реформы проводятся руками социал-демократических и профсоюзных функционеров.

После войны в результате разгрома фашизма, под влиянием углубления общего кризиса капитализма условия политического развития в странах развитого капитализма существенно изменились. Наиболее характерной для них становится тесная взаимозависимость двух этих форм, как правило, «сдабриваемая» большей или меньшей дозой буржуазно-реформистской демагогии. Это, в частности, проявляется в эволюции кейнсианских методов макроэкономического регулирования, официальной целью которых служат разные варианты «государства благосостояния». Среди буржуазных партий становится все труднее выделять открытых сторонников одних лишь методов насилия, полностью отвергающих любые программы и лозунги буржуазного реформизма. В той или иной степени это относится к государственным деятелям, стоящим на страже интересов монополистического

капитализма. Так, весь опыт послевоенного развития США показал, что все правившие страной президенты и от республиканской и от демократической партии проводили в основном так называемую двухпартийную политику. Они примерно в одинаковой степени использовали и метод насилия и метод реформ. Знаменательное признание необходимости сочетания этих двух методов делает бывший руководитель военного ведомства США Р. С. Макнамара в своей книге «Сущность безопасности».

Взаимосвязь двух сторон современного государственно-монополистического капитализма нашла свое наглядное воплощение и в политике правительства де Голля. Во время мощной забастовки французских трудящихся в мае — июне 1968 г. де Голль обещал признать права профсоюзов участвовать в делах предприятия, законность их требований об увеличении зарплаты и справедливость студенческих предложений о реформе образования. В то же время в разгар глубочайшего политического кризиса, вызванного забастовкой, он выехал из Парижа в ФРГ в расположение расквартированных там французских войск, чтобы обеспечить их готовность силой подавить выступление трудящихся, если не удастся ликвидировать кризис путем уступок и реформ.

Когда монополистическая буржуазия берется за оружие или выпускает на улицы вооруженные банды неофашистов, форма антимонаполистической борьбы здесь возможна только одна — на силу ответить силой. От этого старого и испытанного метода борьбы рабочий класс не может отказываться. Трудящиеся капиталистических стран сплачивают свои ряды, бдительно следя за всеми происками и политическими маневрами империалистической реакции. Но наряду с этим история ставит его и перед необходимостью постоянно овладевать новыми методами антимонаполистической борьбы.

Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический ведет к подъему классовой борьбы на более высокую ступень. Все меньше остается оснований для всевозможных иллюзий относительно некой надклассовой роли буржуазного государства. Трудящиеся на собственном опыте все больше убеждаются в том, что для защиты своих экономических и социальных прав они уже не могут ограничиться борьбой против отдельных капиталистов и монополий. Для реализации прогрессивных программ развития, которые выдвигают антимонаполистические силы, необходимо добиться изменения характера государственной власти. Преодолевается узость экономической борьбы, которая в развитых странах капитализма на протяжении многих десятилетий велась в рамках тред-юнионистского движения. Рабочие уже не удовлетворяются выдвижением ограниченной программы непосредственных требований к администрации предприятия, где им приходится трудиться. Происходит все более тесное переплетение экономической и политической борьбы.

Центр тяжести борьбы за повседневные экономические интересы рабочего класса постепенно перемещается из отдельных предприятий и отраслей на общенациональную арену. Особенно этому способствует получившая распространение в 60-х годах в развитых капиталистических странах «политика доходов».

Формально «политика доходов» проводится в рамках государственного контроля над ценами и доходами, необходимого якобы для борьбы с инфляцией. От монополий требуют, чтобы они не повышали цен, а от профсоюзов — отказа от борьбы за повышение зарплат. Подлинная цель этой политики, как показала действительность, состоит в том, чтобы обеспечить непрерывное увеличение прибыли путем сдерживания роста зарплат. Она сопровождается попытками установить государственный контроль над профсоюзами, вынудить их на соглашения о «замораживании зарплат» в условиях роста цен, на отказ от стачечной борьбы. «Политика доходов» фактически делает вопрос об уровне зарплат компетенцией государственных органов, ведающих контролем цен и доходов.

В условиях, когда уровень заработной платы становится одним из элементов капиталистического программирования, трудящиеся массы не могут защищать свои жизненные интересы, не выдвигая требований, которые вызывают необходимость пересмотра всей экономической политики государственно-монополистического капитализма. Это создает благоприятные предпосылки для образования под руководством рабочего класса широкой антимонаполистической коалиции, направленной против использования финансово-олигархией государства в реакционных целях.

Процессы экономического и политического развития государственно-монополистического капитализма неизбежно приводят к обострению противоречий капитализма и вместе с тем к созданию материальных предпосылок для замены капитализма социализмом. В. И. Ленин указывал: «...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»¹. Механизм хозяйствования, создаваемый современным государственно-монополистическим капитализмом, в определенной своей части и представляет ту самую полнейшую материальную подготовку социализма, преддверие его, на которую В. И. Ленин обращал внимание еще в тот период, когда этот механизм только что начал формироваться.

Создавая материальные предпосылки нового общественного строя, государственно-монополистический капитализм во всех его формах и проявлениях оказывается не в состоянии решить на-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

зревшие проблемы общественного развития. Именно поэтому он будет сметен мировым революционным процессом как преграда на пути исторического развития общества.

Глава XVII Государственная собственность в условиях современного капитализма и тенденции ее развития

В главе изложены проблемы, связанные с возникновением и функционированием государственных предприятий, входящих в механизм государственно-монополистического капитализма. Переход в руки государства части производственных мощностей и государственные инвестиции рассматриваются как объективная необходимость капиталистического развития на его монополистической стадии. Определяется социальный характер государственной собственности в условиях современного капиталистического способа производства; в связи с этим подвергаются критике буржуазные и реформистские теории.

Возникновение и расширение государственной собственности в индустриально развитых капиталистических странах путем национализации и государственных инвестиций — одно из проявлений конфликта между производительными силами и производственными отношениями при капиталистическом строе и попытки его разрешения.

В истории капитализма наступил такой период, когда, говоря словами Энгельса, «государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством»¹. В примечании к слову «вынуждено» Энгельс подчеркивает, что лишь в том случае, «когда средства производства или сообщения *действительно* перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет *экономически* неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное [капиталистическое. — Авт.] государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы»². Возникновение и развитие государственных монополий — результат действия внутренних, спонтанных факторов.

Вскрытая Марксом закономерность капиталистического способа производства, состоящая в том, что в антагонистической форме путем экспроприации и концентрации собственности происходит обобществление производства и труда, нашла свое развитие в ленинском положении, согласно которому порождение монополии концентрацией производства является общим и основным законом империалистической стадии капитализма.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 221—222.

² Там же.

В современных условиях расширенное воспроизводство, капиталистическое накопление невозможны без вовлечения экономических ресурсов самого государства в процесс расширенного капиталистического воспроизводства. Поскольку только определенная сумма денег может превратиться в производительный капитал, а требования рентабельности и эффективности сопровождаются постоянным увеличением размеров капитала и ростом масштабов производства, то возникает необходимость дальнейшей аккумуляции капитала для функционирования современного типа предприятий.

1 Концентрация и централизация капитала в руках государства

Масштабы и доля государственной собственности в индустриально развитых капиталистических странах ныне весьма значительны. К началу 60-х годов доля государства в национальном богатстве страны составляла: в США — 14,2%, во Франции — 36,0, в Японии — 24,4% ¹.

Наибольшее влияние на ход воспроизводства и функционирование экономического механизма оказывает государственная собственность на промышленные предприятия и транспорт, иначе говоря, роль государства в качестве капиталистического предпринимателя.

Рост государственного предпринимательства, вызываемый общими закономерностями монополистического капитализма, стимулировался также рядом конкретно-исторических факторов.

Первая мировая война ускорила процесс огосударствления производства. Огосударствление в результате правительственных инвестиций, а в отдельных случаях и путем национализации усилилось во всех воюющих странах.

Следующим этапом огосударствления производства явился период экономического кризиса 1929—1933 гг., когда в ряде стран государство с целью спасти от банкротства выкупало промышленные предприятия.

Дальнейшее развитие государственной собственности произошло во время второй мировой войны за счет строительства новых военных заводов и правительственных инвестиций в частную промышленность. В годы, непосредственно следовавшие за второй мировой войной, в результате борьбы рабочего класса прошла широкая волна национализации в западноевропейских странах.

---

¹ Рассчитано по: «Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 346; 1967, p. 315, 344; «Cahiers française» N 25, 1958, p. 12; «Кэйдзай ёран 1965», Токио, 1965, стр. 18, 20—21.

В отдельных странах процесс огосударствления производства имел ряд особенностей. Во Франции, как и в некоторых других капиталистических странах, первая волна огосударствления относится к периоду первой мировой войны. Предоставление хозяйственной автономии существующим государственным предприятиям, создание новых государственных предприятий, зарождение смешанных обществ — таковы характерные черты этого этапа развития государственного капитализма во Франции.

Следующим этапом является экономический кризис 1929—1933 гг., поставивший многие акционерные компании в тяжелое положение. Чтобы спасти компании от банкротства и вместе с тем избежать национализации предприятий, государство вкладывало свои капиталы в убыточные предприятия, превращая их таким образом в смешанные предприятия.

В 1936 г. с победой Народного фронта начинается третий этап расширения государственного сектора. Были осуществлены три важные меры: создание национализированных обществ самолетостроения, реформа статуса Банка Франции, создание Национальной компании железных дорог. В 1936 г. трем министрам национальной обороны были предоставлены полномочия национализировать предприятия военных отраслей. Министр военно-морского флота воспользовался этим правом только в отношении завода по производству торпед. Министр сухопутных сил национализировал несколько узкоспециализированных предприятий. Зато министр ВВС включил в государственный сектор все предприятия самолетостроения. Юридически была избрана форма смешанных компаний, но в этих компаниях доля государства была весьма велика.

После второй мировой войны наступил четвертый этап национализации. Этого требовало большинство организаций движения Сопротивления. Сразу же после освобождения Франции от гитлеровской оккупации угольные шахты Севера и Па-де-Кале были переданы государству. Затем в качестве санкций против коллаборационистов последовала национализация их предприятий, таких, как автомобильная фирма «Рено», «Сосьете Гном э Рон», реорганизованное в СНЭКМА (Национальное общество изучения и конструирования авиамоторов). Кроме того, к государству перешла доля немецкого капитала во французской красильной промышленности. После выборов в ноябре 1945 г. были полностью национализированы Французский банк, четыре крупных кредитных учреждения, угольная, газовая, электрическая отрасли, страховые общества. Была завершена национализация угольной промышленности. Была осуществлена национализация производства, транспортировки, распределения, импорта и экспорта газа и электричества.

В Англии значительное развитие государственной собственности произошло во время второй мировой войны, когда правитель-

ство построило ряд военных предприятий. На долю государства пришлось $\frac{1}{3}$ всего капитала, вложенного в самолетостроение, авиамоторостроение и смежные области, большие суммы были инвестированы в производство вооружений.

Следующим шагом явилось огосударствление ряда промышленных предприятий и транспорта после второй мировой войны, осуществленное лейбористским правительством. Были национализированы Английский банк, угольная, электрическая, газовая промышленность, железнодорожный и шоссейный транспорт, металлургическая промышленность.

В Италии огосударствление широко проводилось во время экономического кризиса 30-х годов. Был создан государственный Институт промышленной реконструкции (ИРИ), вначале почти исключительно с целью спасения банков, которые находились на грани банкротства. ИРИ должен был провести операцию по их оздоровлению и большинство ликвидировать.

В Соединенных Штатах Америки национализация предприятий, как правило, не производилась. Лишь в ходе второй мировой войны были случаи установления прямого контроля государства над отдельными компаниями. В США государственный сектор создавался и рос благодаря строительству новых предприятий, главным образом в области военной промышленности.

Таким образом, огосударствление производства стимулировалось факторами различного порядка — войнами, экономическими затруднениями, политикой фашизма, с одной стороны, борьбой широких народных масс в интересах демократического развития экономики — с другой.

В 50-е и 60-е годы огосударствление производства подталкивается прежде всего научно-технической революцией. Частные фирмы стремятся производить за счет государства крупные капиталовложения, необходимые для возможно более широкого использования новейших достижений науки и техники, а самим к тому же получать доходы в качестве поставщика необходимого оборудования.

Государственная собственность увеличивается также в результате финансирования правительством новых мощностей военной промышленности, в частности атомной, ракетной. И наконец, в условиях обострившейся борьбы на мировых рынках государственные средства вкладываются с целью сделать ту или иную отрасль более конкурентоспособной.

В качестве постоянной тенденции можно установить непрерывное ежегодное возрастание массы новых государственных инвестиций в индустриально развитых капиталистических странах. Объем ежегодных государственных инвестиций с 1951 по 1966 г. возрос в США более чем в 2 раза (частных — в 1,7 раза), в Англии — в 3 (частных — в 4,5 раза), во Франции — почти в 5 (частных — свыше чем в 5 раз), в ФРГ — в 6 (частных — в 4,4 ра-

за), в Японии — свыше чем в 9 раз (частных — свыше чем в 6 раз).

Доля государства в валовом накоплении основного капитала составляла в 1966 г. в Англии 45,4%, в США — 21,7 (1964 г.), во Франции — 21,1, в ФРГ — 28,3, в Японии — 32,3% (1965 г.)¹.

Из приведенных данных видно, что доля государства в валовом накоплении основного капитала составляет от $\frac{1}{5}$ до более чем $\frac{2}{5}$. При этом в США эта доля, резко увеличившись с 1946 по 1951 г., затем остается почти неизменной. В западноевропейских странах-победительницах она снизилась, в странах побежденных возросла. Если взять динамику последних пяти лет (1962—1966 гг.), то в общем можно считать, что она стабильна при небольших колебаниях, кроме Англии, где произошел рост с 40,4 до 45,4%.

В Италии на долю государственных предприятий приходится 85% выплавки чугуна и 55% стали, 80% судостроения, около 25% продукции машиностроения, 12% цемента, почти весь воздушный транспорт, телефонная связь и т. д. Общая стоимость продукции предприятий с государственным участием составляет (1965 г.) 2 650 млрд. лир, в том числе стоимость продукции предприятий, находящихся в ведении ИРИ, — 1 750 млрд. лир.

В крупных индустриально развитых странах (кроме США) государство практически участвует во всех отраслях и сферах экономической деятельности.

Мощь американских монополий позволяет им обходиться без национализации. Однако, несмотря на свой гигантизм, даже они нуждаются в помощи государства. В США существует много разнообразных форм прямого и косвенного субсидирования федеральным правительством ряда отраслей промышленности. Железные дороги, судоходство и некоторые другие отрасли экономики не могли бы без этого существовать. Монополистический капитал обязывает государство строить за свой счет предприятия, которые затем передаются частным фирмам для эксплуатации. В США это получило название «партнерства», «товарищества» государства и монополий. Так, предприятия атомной промышленности и космические средства связи, созданные на

---

¹ «Economic Report of the President», 1966, p. 220, 250; «Survey of Current Business», February 1966, p. 3—9; S. Kuznets. Capital in the American Economy. Princeton, 1961, p. 476, 494; «National Income and Expenditure», 1962, p. 57; 1967, p. 57, 69; «Statistiques et études financières», Suppl. 100, avril 1957, p. 521; Suppl. 157, janvier 1962, p. 810; Suppl. 198, juin 1965, p. 817; Suppl. 222, juin 1967, p. 707; «Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland», 1952—1957; «Monatberichte der Deutschen Bundesbank», 1959, N 8, S. 12; «Хомпо кэйдзай токэй 1966». Токио, 1967, стр. 302.

государственные средства, переданы для управления и эксплуатации частным корпорациям. Разработка и производство вооружения осуществляются частными компаниями по заказам государства.

Процесс огосударствления производства характерен не только для крупных индустриально развитых стран, но и для средних и небольших государств. В этих государствах уровень огосударствления производства ниже, чем в крупных странах, за исключением Австрии и Испании.

В Австрии, которая была освобождена от фашистского ига Советской Армией, демократические партии, находясь в правительстве в ту пору, пользуясь смятением в лагере капиталистов, приняли закон о национализации, предусматривающий переход в руки государства весьма значительной части промышленности и банков. Наряду со «старыми» государственными предприятиями (табачные фабрики и соляные копи, почта и телеграф, железные дороги и коммунальные предприятия) после 1945 г. было национализировано 98% производства железа и стали, 98% производства цветных металлов, 91% добычи и переработки нефти, 96% добычи угля, 46% электропромышленности, 31% машиностроительных заводов и производства стальных конструкций, значительная часть химической промышленности, национализированы Дунайская пароходная компания, а также все электростанции, которые не являлись коммунальными или собственностью провинций.

Созданные во время аншлюса в восточной части Австрии ряд предприятий — нефтяные разработки и другие заводы — перешли после освобождения Австрии к Советскому Союзу как бывшая собственность фашистской Германии. В 1955 г., после подписания государственного договора, они были переданы Советским Союзом Австрии. Австрия стала владелицей своей собственной нефти (до аншлюса 50% акций нефтяных предприятий принадлежало англо-американскому капиталу). К Австрии перешли все указанные предприятия Восточной Австрии, Дунайская пароходная компания, две судовой верфи и другие предприятия и учреждения.

Доля государства, земель и общин в промышленной продукции достигает примерно 25%. Если к этому добавить промышленные предприятия национализированных банков, то эта доля повысится примерно до 35%. Речь идет преимущественно о предприятиях основных отраслей тяжелой промышленности.

В Испании Национальный институт промышленности (ИНИ) держит в своих руках большую часть военной промышленности, 68% морского торгового флота, 82% производства алюминия, почти 100% производства шарикоподшипников, около 60% производства легковых автомобилей, более 50% производства искусственных тканей.

Таким образом, тенденция к огосударствлению значительной части производства характерна для всего индустриально развитого капиталистического мира. При этом значение государственной собственности выходит за пределы ее места в общей монополистической собственности. Во-первых, из-за высокой ее доли в ряде ведущих отраслей. Во-вторых, в результате более высокой степени ее концентрации вплоть до монополизации целых отраслей экономики. В-третьих, вследствие возросшего значения государственного сектора в классовой борьбе пролетариата.

2   Формы государственного участия в капиталовложениях

Организационная структура государственных предприятий зависит от исторически сложившихся условий каждой страны, ее места в системе мирового империализма, интенсивности борьбы демократических сил.

Можно установить несколько различных категорий государственных предприятий: а) традиционные государственные учреждения (почта, телеграф, телефон, табачная и другие государственные монополии, военные предприятия, арсеналы и т. п.); б) предприятия национализированные, руководимые непосредственно или косвенно государством; в) предприятия, часть акций которых приобретена государством; г) коммунальные предприятия, а также жилища (так называемое гражданское строительство), созданные за счет государственных средств и переданные, как правило, для эксплуатации муниципалитетам из-за бездоходности этих предприятий; д) предприятия, принадлежащие государству, но эксплуатируемые или управляемые частными корпорациями.

Существуют три способа государственного вмешательства в промышленное производство: государство может само выступать в качестве предпринимателя, баланс предприятия в этом случае составляет единое целое с общим государственным бюджетом и объект промышленной деятельности подпадает под действие публичного права.

Государство создает предприятия, имеющие финансовую автономию. В отличие от государственных учреждений классического типа эти государственные промышленные учреждения находятся под действием не публичного, а частного права, они действуют как обычные промышленные предприятия, при этом государственные промышленные предприятия могут конкурировать между собой. В последнее время наблюдается стремление к переводу государственных предприятий, действующих как субъект публичного права, на формы управления, аналогичные с формами управления частными монополиями.

Участие государства в промышленности выражается также во владении крупными пакетами акций в частных предприятиях.

В этих смешанных обществах государство становится предпринимателем и в качестве собственника капитала играет роль в соответствии со своей долей участия. В них порой государство гарантирует акционерам прибыль на капитал вне зависимости от результатов деятельности общества.

Распространение получает такая форма отношений между государством и частными монополиями, как создание специальных корпораций, особенно в области военной промышленности, для выполнения правительственных заказов. Особенно известна в этом отношении американская «Дженерал дайнэмикс корпорейшн», которая была организована исключительно для военных целей и получила от Пентагона контракты на миллиарды долларов.

Установленное В. И. Лениным переплетение воедино частных и государственных монополий находит ныне свое выражение в двух взаимопроникающих процессах. С одной стороны, наблюдается возрастание форм прямого использования самим государством финансовых средств для контроля над теми или иными частными промышленными предприятиями. В Англии в декабре 1966 г. была основана «Индастриал реорганизаейшн корпорейшн». Корпорация ставит своей целью способствовать повышению эффективности английской промышленности. Эта корпорация фактически имеет целью ускорить уже продвинувшийся процесс создания крупных промышленных группировок и объединений. Корпорация будет располагать значительным капиталом, отпущенным правительством для финансирования слияний, которые оно решит вести. Она обладает очень широкими полномочиями для использования этих денежных средств с целью оказания помощи частной промышленности. Корпорация может покупать и продавать фабрично-заводское оборудование для частных фирм, в отдельных случаях корпорация может забрать оборудование и другие основные фонды у одной компании и передать их другой, где они, по ее мнению, могут быть лучше использованы.

Формой переплетения государственных монополий и частных монополий является создание ими ассоциаций. Во Франции образована ассоциация двух крупнейших автомобильных фирм — государственной фирмы «Рено» и частной «Пежо». Сотрудничество в новой ассоциации будет осуществляться на правах паритета. В данном случае принцип паритета выгоден фирме «Пежо», которая в 5—6 раз уступает своему партнеру по размерам и объему выпускаемой продукции. Профсоюзы опасаются, что создание этой ассоциации приведет к денационализации фирмы «Рено». Предприниматели опасаются, что это приведет к национализации фирмы «Пежо».

С другой стороны, наблюдается тенденция к проникновению частных монополий в сферу государственного сектора. Крупный капитал стремится полностью или частично установить свой контроль над новыми отраслями промышленности в тех случаях,

когда он находит это для себя рентабельным. Так, в США вступил в строй первый в стране частный завод по переработке отходов горючего, остающихся от электростанций, работающих на ядерной энергии и принадлежащих государству.

Отмечается стремление частного капитала к росту смешанных компаний, а внутри их к уменьшению доли государства. Это позволяет широко использовать государственные средства без опасений подрыва священного принципа частной собственности. Во Франции доля участия государства в капитале смешанных компаний не растет, а, наоборот, сокращается при общем росте объема смешанного капитала.

Во многих областях, начиная с научных исследований на различных фазах и до конечного использования, государство несет расходы, подвергает риску вложенные средства, готовит проекты, предоставляет оборудование и гарантии.

Существующие в ряде западноевропейских стран связи частных монополий с иностранным капиталом усиливают их влияние на государственный сектор.

Усилившиеся финансовые связи между государственным и частным секторами, так же как сращивание, слияние государства и монополий, не ведет, однако, к превращению их в единое целое. Между государственными и частными монополиями существует определенный антагонизм, идет то более открытая, то глухая борьба. Она происходит и внутри смешанных компаний за посты в руководящих органах этих компаний.

3 Проблема обесценения государственного капитала

Особенность капиталистического способа производства состоит, как известно, в использовании наличной капитальной стоимости в качестве средства для возможно большего увеличения этой стоимости. Но методы, которыми это достигается, сопряжены с уменьшением нормы прибыли, поскольку происходит развитие производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил.

Маркс установил, что постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным должно иметь своим результатом постепенное понижение общей нормы прибыли при неизменяющейся норме прибавочной стоимости или при неизменяющейся степени эксплуатации труда капиталом. Но Маркс предупреждал, что понижение выступает не в этой абсолютной форме, а скорее как тенденция к прогрессивному понижению, поскольку существуют противоборствующие причины.

Имманентным средством капиталистического способа производства, сдерживающим понижение нормы прибыли и ускоряющим накопление капитальной стоимости путем образования

нового капитала, является периодическое обесценение наличного капитала. Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капитала и рука об руку с этим совершается обесценение наличного капитала.

В условиях государственно-монополистического капитализма усиливается борьба двух начал: тенденция к понижению нормы прибыли и факторов, противодействующих этой тенденции. В результате применения сложных машин, автоматизации производства, развития электроники происходит повышение органического состава капитала, и при этом обычные средства, при помощи которых капиталисты парализовали тенденцию к падению средней нормы прибыли (повышение эксплуатации труда, понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала), оказались недостаточны.

На помощь приходит государство. Когда государство берет на себя прямо или косвенно заботу о части стоимости средств производства, капитал, который предоставляет эти средства производства, тем самым обесценивается, не требуя больше той прибыли, которую требует частный капитал. В этом смысле государственные капиталовложения — это «обесцененный капитал», это «усыпленный капитал». Речь идет все же только о части государственного капитала. Но обесценение части государственного капитала допускает в принципе функционирование других капиталов и всего совокупного капитала.

При анализе вопроса о прибыли следует учитывать, что для монополистического капитала в определенных условиях этот вопрос отступает на задний план. Требование капиталистической рентабельности государственных предприятий может быть игнорировано под давлением классовой борьбы за сохранение рабочих мест. Ведь в ряде случаев под давлением масс государство выкупало у частных предпринимателей убыточные предприятия, которым угрожало свертывание или даже ликвидация, а следовательно, потеря работы для рабочих, занятых на этих предприятиях. Некоторые из этих предприятий, перейдя в руки государства, не приносят прибыль, а иногда являются даже убыточными.

Предприятия государственного сектора передают получаемую ими прибавочную стоимость в частномонополистический сектор как в результате покупки материалов у частных монополий по повышенным ценам, так и путем предоставления частным монополиям сырья по низким ценам и установления для них льготных тарифов (электроэнергия, транспорт). Государство предоставляет монополиям финансовые средства, не требуя часто уплаты процентов, а также при помощи определенной налоговой политики. Наконец, вся система государственно-монополистического капитализма и его политика направлены на сокращение размеров перенакопления капитала, могущего повести к понижению сред-

ней нормы прибыли путем сокращения количества мелких и средних предприятий, участвующих в дележе прибыли.

Результатом является то, что в условиях развитого государственно-монополистического капитализма средняя норма прибыли фактически не снижается.

4 Социально-экономический характер государственной собственности

Государственная собственность имеет различную природу в зависимости от социального строя, от характера самого государственного капитализма. Государственно-монополистический капитализм не следует отождествлять с государственным капитализмом, который в свою очередь имеет различную социальную природу. Государственный капитализм является одним из экономических укладов в стране победившего пролетариата в период перехода от капитализма к социализму. Государственный капитализм существует в качестве определенного, направляющего уклада в странах, вставших на путь некапиталистического развития.

Положение Маркса о том, что «капиталистическое производство по существу своему является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный»¹, остается верным не только для акционерных обществ, но и для государственно-монополистических предприятий, поскольку и последние являются высшей ступенью ассоциации капиталистов. Важна ведь в данном случае не юридическая форма собственности, а в интересах каких классов происходит ее экономическое использование. Вопрос не о том, кто является номинальным собственником государственных предприятий, а о том, кто извлекает из них экономические выгоды.

Экономическая реализация собственности определяет фактические отношения собственности. Общественный продукт присваивается индивидуальным капиталистом — в этом суть. Монополия класса капиталистов на владение основными, решающими средствами производства не нарушается в результате вмешательства буржуазного государства в экономическую жизнь.

Маркс, как известно, в III томе «Капитала» (отдел пятый «Деление прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты») различает: 1) собственность на капитал, как таковой, и 2) капитал как функцию. Исходя из этого различия и применяя эти категории при исследовании государственно-монополистического капитализма, можно утверждать,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 275.

что государственная собственность в условиях монополистического капитализма, вся система государственного финансирования, интеграция не сужают, а расширяют сферу отношений капиталистической эксплуатации. И поэтому, пока у власти остаются имущие классы, всякое огосударствление является не уничтожением эксплуатации, а только изменением ее формы.

Государственно-капиталистические монополии выражают собой далеко зашедший отрыв частнокапиталистической собственности от функций управления экономикой.

Капиталистическое государство принимает непосредственное участие в самом процессе производства, является предпринимателем и, следовательно, вступает в определенные производственные отношения с различными классами. Предпринимательская деятельность в промышленности сконцентрирована ныне не только в руках частных, но и государственных монополий. Монополии (частные и государственные) являются основой современного государственно-монополистического капитализма. Хотя не существует чистого государственно-монополистического капитализма, однако это не означает, что современный монополистический капитализм — это «смешанная система», механическое соединение, сосуществование немонополистических предприятий, частных монополий и государственного вмешательства.

Из того несомненного факта, что государственная собственность растет, апологеты капитализма и правые социалисты делают вывод, что капиталистическая собственность якобы исчезает, что она пропадает, подчиняясь государству. Национализация, как подтверждает жизнь, не ослабила мощь частных монополий. Напротив, она дала им новую, еще более централизованную форму контроля над экономикой и увеличила в целом прибавочную стоимость, получаемую классом капиталистов. Монополистический капитализм проигрывал бы вследствие огосударствления промышленности лишь в том случае, если бы национализация сопровождалась жестким ограничением монополий.

Некоторые исследователи утверждают, что существует якобы принципиальное различие между экономическим вмешательством капиталистического государства в интересах монополий и его деятельностью в социально-культурной сфере (образование, профессиональная подготовка, здравоохранение, некоторая часть сервиса) и что эта деятельность не должна включаться в понятие «государственно-монополистический капитализм». В действительности социально-культурные мероприятия буржуазного государства представляют собой уступки, которые правящий класс вынужден делать, чтобы сохранить свою власть. Кроме того, вся эта область входит в издержки на повышение качества рабочей силы, без нее невозможно было бы иметь рабочую силу необходимой в современных условиях квалификации.

Противоречивость самого процесса капиталистического развития, борьба классовых интересов неизбежно влекут за собой такие явления, наблюдаемые в жизни, как попытки денационализации отдельных предприятий, отраслей и противодействие этим попыткам со стороны рабочего класса. Так, рабочий класс Италии после второй мировой войны воспрепятствовал возврату крупного государственного сектора страны в частную собственность. В Англии, когда после досрочных парламентских выборов в октябре 1951 г. к власти пришли консерваторы, они уже в мае 1953 г. провели через парламент закон о денационализации, который передал сталелитейные заводы, национализированные лейбористским правительством, вновь в руки частных владельцев. Лейбористское правительство, вернувшись к власти, в 1964 г. провело «реденационализацию» металлургической промышленности. А консерваторы обещают ее «дереденационализировать».

Однако основным направлением развития является дальнейшее усиление вмешательства государства в экономическую жизнь, в том числе рост государственного сектора. Этому содействует ряд обстоятельств:

1. Государственные инвестиции являются наиболее эффективными средствами развития производительных сил в условиях продолжающейся научно-технической революции, поскольку это позволяет создать мощные экономические организмы, способные обеспечить и использовать технический прогресс.

2. Национализация отдельных отраслей промышленности является одной из форм (способов) переливания частного капитала из убыточных в рентабельные отрасли промышленности. В современных условиях перелив капитала из убыточных или невыгодных отраслей в более рентабельные не может осуществляться сам по себе, как в эпоху свободной конкуренции. И национализация помогает высвободить капитал из убыточных и нерентабельных предприятий, парализовать тенденцию средней нормы прибыли к понижению.

3. Новая техника требует пересечения национальных границ, а поскольку интеграция является формой межгосударственного переплетения капиталов, то она, естественно, толкает на слияние государственных и частных предприятий внутри интеграционных объединений.

4. Рост государственного предпринимательства для всех индустриально развитых капиталистических стран, которым угрожает вторжение американского капитала и возрастающий нажим США на внешних рынках, является необходимым, чтобы устоять в конкурентной борьбе с более мощным монополистическим капиталом США.

5. Национализация, рост государственного сектора являются одним из объектов классовой борьбы. Рабочий класс выступает за национализацию частных отраслей, видя в ней и условие сохранения рабочих мест, и гарантию против перехода контроля над ней в руки иностранного капитала, и возможность более успешно бороться за осуществление своих частных требований, и, наконец, условие эффективной антимонополистической политики.

Факторами, препятствующими дальнейшему огосударствлению, являются опасения правящего слоя, что национализация подрвет принцип частной собственности даже в том случае, если национализация является необходимой в интересах технического прогресса и экономических интересов самих же монополий. Так, в ФРГ тресты в свое время сами предложили национализировать рурскую горнодобывающую промышленность, что предоставило бы возможность ее технического обновления. Но впоследствии они побоялись осуществить ее, поскольку в ГДР была проведена социалистическая национализация. Кроме того, иностранный, главным образом американский, капитал, проникший в ряд отраслей западноевропейской промышленности, оказывает сопротивление национализации.

Борьба двух тенденций и определяет процесс огосударствления производства. Причем если взять большой отрезок времени, то верх берет тенденция к росту государственной собственности, к дальнейшему сращиванию государства и монополий.

Огосударствление производства в условиях господства монополий — противоречивое явление. С одной стороны, оно используется для укрепления экономических и политических позиций монополистической верхушки, поскольку растет ее экономическая мощь и усиливается ее государственная машина. С другой стороны, огосударствление производства демонстрирует историческую обреченность капиталистического способа производства, показывает ненужность класса капиталистов для современных производительных сил.

Диалектика развития такова, что рост государственной собственности монополий как одной из форм государственно-монополистического капитализма, при помощи которой господствующие классы пытаются стабилизировать капитализм, объективно подрывает его основы.

Глава XVIII   Государственные финансы и воспроизводство общественного капитала

Государственные финансы — одна из самых динамичных сфер современного хозяйства промышленно развитых капиталистических стран. Эта динамичность проявляется в послевоенный период в следующих особенностях:

1) Исключительно быстрые темпы роста государственных бюджетов¹. Почти повсеместно они обгоняют темпы роста производства (табл. 26).

Таблица 26   **Валовой национальный продукт
и государственные расходы**
(в млрд. национальных денежных единиц)

Страны	Валовой национальный доход		Государственные расходы		Государственные расходы в % к валовому национальному продукту	
	1950 г.	1965 г.	1950 г.	1965 г.	1950 г.	1965 г.
Япония	6 922	30 540	1 481	6 613	21,4	21,6
США	286	692	69,6	197	24,4	28,5
Италия	12 455	35 244	3 545	12 768	28,5	36,3
Англия	13,27	35,35	4,36	12,94	32,8	36,7
ФРГ	97,8	448,8	30,3	168,3	31,0	37,5
Франция	100,8	461,4	30,7	181	30,5	39,3

Рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966». New York, 1967.

2) Включение в систему государственных финансов выросшего сектора государственных и национализированных предприятий, занимающихся производственной деятельностью. Финансы этого сектора, будучи формально автономными, самым тесным образом связаны с государственным бюджетом. За счет их величина государственных средств повысилась в национальных доходах ряда западноевропейских стран до 40—50%.

3) Расширение сферы действия государственных финансов в результате развития общенациональных фондов социального страхования, ставших одной из неперенных принадлежностей и отличительных черт государственно-монополистической экономики. Только с 1953 по 1965 г. доля взносов в центральные фонды социального страхования повысилась во всех доходах консолидированных бюджетов государств: в США — с 9,3 до 15,4%, в Японии — с 9,2 до 16,1%, в Англии — с 10,1 до 14,6%, в Западной Германии — с 22,2 до 26,9%, в Италии — с 25,3 до 32,2%, во

¹ Под государственным бюджетом здесь, если нет специальной оговорки, понимается так называемый консолидированный бюджет статистики национальных счетов, в который входят бюджет центрального правительства, бюджеты штатов и местных органов власти, автономные бюджеты государственных бесприбыльных организаций, бюджеты системы социального страхования.

Франции — с 30,3 до 36,5% ¹. В результате расширения операций по линии социального страхования снизился удельный вес бюджетов центрального правительства во всех государственных фондах.

4) Существенные сдвиги в структуре расходов и доходов государственных бюджетов произошли в результате расширения операций, связанных с финансированием накопления капитала и военных расходов.

5) Укоренение практики бюджетных дефицитов в мирное время и особая роль государственных займов и государственного долга в хозяйственной жизни страны.

Государственные финансы — это специфическая форма движения национального дохода. И точно так же как нельзя понять, что скрывается за категорией «национальный доход», не разобравшись в том, какая связь существует между ним и общественным воспроизводством, точно так же нельзя понять категорию «государственные финансы», если изучать ее в отрыве от общественных отношений, в отрыве от процесса воспроизводства последних. «Вопрос о «национальном доходе» и о «национальном потреблении», — писал Ленин, — абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этого вопроса... оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего общественного капитала. Мало того: этот вопрос перестает существовать отдельно, когда выяснено отношение национального потребления к национальному продукту и реализация каждой отдельной части этого продукта» ².

Особенности движения государственных финансов современного монополистического капитализма определяются прежде всего особенностями кругооборота отдельных частей общественного капитала. В современном капиталистическом хозяйстве государственные финансы имеют прямое отношение к воспроизводству всех частей общественного капитала: постоянного капитала, переменного капитала, прибавочной стоимости. Как и прежде, их главная область действия — реализация прибавочного продукта. Однако, быть может, самым ярким проявлением государственно-монополистических отношений в этой сфере общественного хозяйства является та опосредствующая роль, которую государственные финансы стали играть в воспроизводстве постоянного и переменного капитала.

---

¹ Рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966».

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 53.

1 Государственные финансы и воспроизводство постоянного капитала

Государственная опека над воспроизводством вещественных элементов производительных сил современного капиталистического общества осуществляется в двух формах. Во-первых, государство должно было взять в свои руки ту часть производительных сил, с которой частный капитал по тем или иным причинам не смог совладать. Во-вторых, воспроизводство постоянного капитала (в первую очередь основного) частного сектора экономики в настоящее время прямо или косвенно увязано с государственными финансами.

Финансы государственных предприятий можно рассматривать как одну из составных частей государственных финансов. Правительство несет полную ответственность за результаты их деятельности. Оно, в частности, покрывает их дефициты из бюджетных средств. В буржуазной прессе всегда можно встретить лицемерные жалобы на убыточность государственных предприятий. Причины ее многочисленны, но они не имеют отношения к мнимой неэффективности общественной собственности на средства производства.

Главная причина убыточности заключена в сознательной политике буржуазных правительств. Последняя, как уже отмечалось в предыдущих главах, часто направлена на использование государственного сектора в интересах укрепления частного сектора в экономике. Это выражается в основном в политике занижения отпускных цен на продукцию государственных предприятий и завышения закупочных цен на поставляемые этим предприятиям сырье, полуфабрикаты, оборудование. Таким образом, субсидии из государственного бюджета в сущности проходят транзитом через бюджеты государственных предприятий к пункту их действительного назначения — частному сектору.

Отсутствие прибыли, а тем более сведение баланса доходов и расходов с дефицитом делают невозможным самостоятельное воспроизводство основного капитала государственных предприятий, т. е. их независимое существование. Но в государственный сектор входят такие отрасли хозяйства, которые являются его неотъемлемой частью, без них экономика не может функционировать. Поэтому те или иные формы государственного финансирования размещения и накопления капитала становятся необходимостью. Между государственным бюджетом и государственными предприятиями возникает и постоянно поддерживается односторонний поток средств в виде безвозвратных субсидий или долгосрочных кредитов на льготных условиях.

Итак, между кругооборотом постоянного капитала государственных предприятий и государственным бюджетом возникает

тесная неразрывная связь. Такая же связь, быть может в несколько меньших масштабах, но с принципиальной точки зрения не менее важная, устанавливается между бюджетом и воспроизводством частного капитала. Она облекается в следующие формы: льготное налогообложение, льготное кредитование из государственных средств, прямое безвозмездное субсидирование, закупки продукции по завышенным ценам.

Современное буржуазное государство проводит строго дифференцированную налоговую политику. Одним из важных методов снижения налогов является повсеместно проводимая политика ускоренной амортизации. Амортизационные отчисления не подлежат налогообложению. Но когда закон разрешает в первые три года функционирования оборудования списывать до 50—70% его стоимости, зачисляя их в амортизационные фонды корпораций, то очевидно, что речь идет не о денежном эквиваленте перенесенной стоимости, а о прибыли. Маскировка прибыли под амортизационные фонды способствует изъятию части вновь созданной стоимости из оборота через государственный бюджет.

В большинстве стран налоговые льготы распространяются не только на амортизационные отчисления, но и вообще на все суммы, предназначенные для капиталовложений. Освобождение от налогообложения проводится в периоды кризисного спада и входит в число других мер, направленных на оживление экономической конъюнктуры. Например, осенью 1968 г. французское правительство приняло решение снизить налоги на доходы компаний, которые в 1969—1970 гг. произведут капиталовложения. По оценкам экспертов, общая экономия для предпринимателей составит не менее 5 млрд. фр.¹

Одна из самых распространенных субсидий — возмещение фермерам разницы между реальной продажной и законодательно установленной ценой. В значительной степени эта мера предназначена смягчить острый социальный кризис в сельском хозяйстве. Но несомненно, что субсидирование сельского хозяйства (оно может осуществляться и иным образом: компенсацией части цены закупаемых удобрений и сельскохозяйственного оборудования, осуществлением бесплатных мелиоративных и землеустроительных работ, предоставлением кредитов на льготных условиях и т. д.) способствует ускорению накопления капитала у крупных фермеров — капиталистических предпринимателей. В Соединенных Штатах существуют субсидии добывающим отраслям на истощение недр, геологические изыскания и освоение новых месторождений, которые за счет государственного бюджета обеспечивают расширенное воспроизводство капитала крупных нефтяных магнатов и владельцев шахт и рудников.

---

¹ «Le Nouvel observateur», 23—29 septembre 1968, p. 22.

Общие суммы, безвозмездно направляемые из государственного бюджета в производственную сферу, достигают в некоторых странах 3—4% национального продукта¹.

Еще более широко, чем прямое и косвенное финансирование инвестиций из государственных бюджетов, распространено предоставление государством крупных займов предпринимателям на льготных условиях. Процентная ставка по таким кредитам ниже существующей на свободном рынке на несколько пунктов. Обычно такого рода займы целенаправленные и предназначаются определенным отраслям хозяйства. Например, во Франции объектом льготного кредитования помимо национализированных компаний является черная металлургия, получающая таким образом свыше 20% средств, идущих на капиталовложения.

Особым методом косвенного финансирования частного капитала из средств государственного бюджета служит закупка продукции, в частности военной, по завышенным ценам. Особенно большую роль этот метод играет, по-видимому, в США. Сравнительные данные о норме прибыли в гражданских и военных корпорациях свидетельствуют о заметном преобладании последних.

Таким образом, современное капиталистическое общество породило весьма своеобразные формы воспроизводства частного постоянного капитала. Частная собственность на действительный капитал воспроизводится лишь постольку, поскольку частный капитал в своем кругообороте при смене форм (действительный капитал — денежный капитал — действительный капитал) частично перестает быть частным капиталом, надевает на время общественную (государственную) оболочку, проходит в таком виде сложные, запутанные пути перераспределения доходов по государственными финансовым каналам и лишь потом вновь превращается в частный действительный капитал. Происходит как бы расщепление денежной стадии кругооборота постоянного частного капитала на две формы (канала) движения — частную и общественную (централизованную). Обычная реализация товарного капитала частным сектором оказывается недостаточной, чтобы обеспечить простое и расширенное воспроизводство породившего его промышленного капитала. На помощь частному сектору, на помощь отдельным, хотя порой и мощным монополистически организованным концернам приходит политическая власть класса буржуазии в целом. В условиях государственно-монополистического капита-

---

¹ Текущие и капитальные субсидии составляли (в скобках указана доля в валовом национальном продукте): в Англии в 1950 г. — 0,54 млрд. ф. ст. (0,4%), в 1965 г. — 1,4 млрд. ф. ст. (0,3%); в ФРГ в 1950 г. — 1,3 млрд. марок (1,3%), в 1965 г. — 10,7 млрд. марок (2,4%); во Франции в 1950 г. — 3,5 млрд. фр. (3,5%), в 1965 г. — 15,5 млрд. фр. (3,4%) (рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»).

лизм частный капитал в ходе своего воспроизводства на одном из отрезков кругооборота частично теряет свою индивидуалистическую оболочку, на короткое время становится по видимости общенациональным достоянием, чтобы затем вновь принять свой первоначальный облик. Регулярно в массовых масштабах совершается огосударствление частных капиталов с не менее регулярной последующей их реприватизацией. Лишь в такой иррациональной форме частное предпринимательство и частная собственность на средства производства сохраняют свои права в современном капиталистическом обществе.

2 Государственные финансы и воспроизводство переменного капитала

Обобществление производства, или, как говорил К. Маркс, обобществление труда капиталом, захватывает не только вещественные элементы производительных сил, но и рабочую силу. Ее воспроизводство, как и воспроизводство постоянного капитала, становится невозможным в границах индивидуальной или акционерной собственности; чтобы оно совершалось нормально и в расширенном масштабе, теперь нужны общенациональные государственно-монополистические рамки. Государственные финансы и в этом случае стали сферой, где новое в воспроизводстве рабочей силы нашло свое наиболее отчетливое выражение.

В послевоенный период получила дальнейшее развитие обширная группа государственных расходов, связанная с движением личных доходов. Внутри государственного бюджета выросла доля расходов на социальную помощь. Вне бюджета, но тесно примыкая к нему, расширяются из года в год операции фондов социального страхования.

Фонды социального страхования — публичные организации, осуществляющие свою деятельность в соответствии с государственным законодательством. Их финансы — составная часть системы государственных финансов. Государство гарантирует выплату пособий независимо от величины взносов, поступающих в фонды. В 1965 г. отношение безвозмездных перечислений частным лицам и бесприбыльным организациям к заработной плате (за вычетом взносов в фонды социального страхования, но включая прямые налоги), которые получают лица наемного труда во всех сферах общественной деятельности, равнялось 49% во Франции, 32,5% в ФРГ, 14,2% в Англии, 10,4% в Японии, 9,7% в США¹. Во всех без исключения перечисленных странах эта доля на протяжении последних двух десятилетий увеличивалась.

---

¹ Рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966».

Перераспределение доходов через фонды социального страхования и собственно государственные бюджеты нельзя считать перераспределением только в рамках фонда заработной платы. В источники формирования этих фондов входят не только взносы рабочих, но и обязательные взносы предпринимателей.

Национальные системы социального страхования и структуры расходов на социальные нужды разнятся между собой. Социальные выплаты охватывают широкий круг конкретных случаев: семейные пособия, компенсацию потерь в заработной плате из-за временной нетрудоспособности, пенсии по старости и инвалидности, пособия по безработице, транспортные льготы, бесплатное питание на вредных работах и т. д. Однако если дать оценку экономической сущности производимых трансферов, то все эти конкретные случаи можно определить как особую форму заработной платы, которую класс собственников средств производства выплачивает классу собственников рабочей силы. Особенность этой формы заработной платы состоит, во-первых, в том, что она носит общественный централизованный характер; во-вторых, в том, что она начисляется и выплачивается независимо от производимой конкретной работы, даже независимо от способности к труду в настоящий момент, а лишь в силу простой принадлежности данного лица к классу наемных рабочих.

Таким образом, в ходе кругооборота переменного капитала, так же как и кругооборота постоянного капитала, происходит смешение различных форм, в которых выступают части производимой стоимости: эквивалент стоимости рабочей силы выступает сначала в цене товара лишь частично в виде заработной платы, а частично в виде прибыли, мобилизуемой государством. После реализации на рынке индивидуального капиталиста хотя и выручает эквивалент необходимого труда, но выплачивает рабочему лишь часть этого эквивалента. Другая часть данного эквивалента необходимого труда попадает в руки рабочего после того, как пройдет каналы централизованного перераспределения.

Еще 100 лет назад К. Маркс отмечал, что рабочий является наемным работником не только непосредственно эксплуатирующего его капиталиста, но класса капиталистов в целом. Он может порвать со своим конкретным хозяином, но не может порвать со всей системой эксплуатации. Куда бы он ни обратился, он везде обнаружит те же отношения наемного рабства. Современный капитализм воплотил эту коллективную солидарность эксплуататоров в форму материальной, вполне осязаемой зависимости.

Социальная помощь и выплаты по социальному страхованию вместе с основной заработной платой возмещают стоимость рабочей силы.

Система социального страхования не есть плод сознательной политики правящего класса. Она рождалась в упорной борьбе рабочих за лучшие условия жизни. Буржуазия была вынуждена

пойти на ее создание. Это одно из самых крупных завоеваний рабочего класса. И тем не менее в современном монополистическом хозяйстве система социального страхования стала одним из необходимых правящему классу элементов, обеспечивающих нормальное воспроизводство капитала, т. е. одним из элементов, обеспечивающих сохранение и закрепление эксплуатации рабочего класса буржуазией.

В современном капиталистическом хозяйстве все больше обобществляется забота об образовании и здоровье рабочей силы. Делается это отнюдь не из филантропических соображений. Современное производство нуждается в качественно новой рабочей силе, обладающей минимумом образования, физического здоровья и т. п.

В государственных бюджетах затраты на образование составляют 15—20% всех расходов, притом имеют выраженную тенденцию к абсолютному и относительному росту¹.

Те же тенденции наблюдаются и в расходах на здравоохранение. Правда, в этой области более значительны различия между отдельными странами². Если во Франции или Англии, например, государство через бюджет или фонд социального страхования берет на себя около половины медицинских расходов населения, то в США огосударствление здравоохранения лишь с недавнего времени приобрело заметные масштабы.

Через изменение форм оплаты своего труда, через бюджетные компенсации стоимости воспроизводства рабочей силы само существование наемных рабочих ставится в прямую зависимость от данной структуры общества, от современной государственной машины. Однако этот же процесс несет в себе и наибольшую опасность современному буржуазному обществу. Связь рабочего класса с обществом в целом становится столь тесной, что устанавливается неизбежная прямая взаимозависимость между его политической и экономической борьбой. Его экономические тре-

---

¹ В Англии расходы на образование и научные исследования (потребительские расходы и текущие трансферы) в 1963 г. составляли 9,1% текущих расходов всех государственных органов (консолидированный бюджет), в 1965 г. — 15,4%, в США за те же годы — соответственно 11,4 и 17,9%, в Италии (без трансферов) — 10,5 и 14,5% (рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»).

² В текущих расходах консолидированного государственного бюджета затраты на здравоохранение в Англии составляли в 1953 г. 14%, в 1965 г. — 16,2%, в США — соответственно 3,9 и 4,9%, в Италии (без трансферов) — 3,0 и 3,5% (рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»).

бования превращаются в политические требования, следовательно, его экономическая борьба неизбежно перерастает в политическую борьбу.

3 Государственные финансы и воспроизводство прибавочного продукта

По мере роста производительности труда увеличивается прибавочный продукт капиталистического общества и одновременно растут трудности его реализации. Часть прибавочного продукта направляется на расширенное воспроизводство капитала при сохранении неизменной его технической структуры, органического строения и соответственно нормы прибыли. Эта часть мало-помалу относительно сокращается, так как такое экстенсивное расширение производства характерно только для периода быстрого экстенсивного роста рынков сбыта. Производственное назначение получает и та часть прибавочной стоимости, которая направляется на развитие производительной силы труда, т. е. на расширение производства интенсивным образом, через развитие техники, улучшение земли, повышение квалификации рабочей силы. Еще одна часть прибавочного продукта направляется также в производственную сферу, но в такие отрасли, которые не приносят непосредственной выгоды. «Увеличение средств производства и жизненных средств при относительном уменьшении числа рабочих дает толчок расширению труда в таких отраслях производства, продукты которых, как, например, каналы, доки, туннели, мосты и т. д., приносят плоды лишь в сравнительно отдаленном будущем»¹. Подобного рода капиталовложения служат необходимым условием роста производительности труда в традиционных отраслях производства, так как они ведут к дальнейшему углублению специализации общественного труда. Однако они, как правило, не под силу частному капиталу, для которого выгода является неперменным мотивом его деятельности. Развитие таких отраслей берет в свои руки общество. Наконец, все возрастающая доля прибавочного продукта потребляется непроизводительно, притом также в общественных формах. К воспроизводству всех этих частей общественного капитала государственные финансы имеют самое непосредственное отношение.

В настоящее время новые отрасли в сфере производства часто возникают сразу же как государственные отрасли. Если в XIX в. строительство железных дорог велось главным образом силами акционерного капитала, то сейчас большая часть инфраструктуры общественного хозяйства создается на государственные средства, возникает как государственная или муниципальная собственность. Больше того, в ряде стран такие капиталоемкие новые отрасли,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 455—456.

как нефтяная, газовая, электроэнергетическая, не говоря об атомной, рождаются только благодаря государственному содействию и иногда функционируют как общенациональные отрасли.

Нуждами производства вызван рост государственных расходов на научно-исследовательские работы. Государство сменяет частный капитал у колыбели современного технического прогресса. Скрытые формы финансирования технического прогресса дополняются в последнее десятилетие все более энергично прямыми вложениями в расширение научно-исследовательских работ во всех областях, в том числе и не имеющих прямого отношения к войне и армии. Процесс ускорился в последние годы из-за усиления конкурентной борьбы на международной арене между промышленно развитыми капиталистическими странами. Ориентируясь на США, но не обладая столь же мощной финансовой базой, буржуазия западноевропейских стран поставила перед своими правительствами задачу быстрого расширения научных исследований в фундаментальной и прикладной областях за государственный счет¹. Так совершается постепенное обобществление той функции капитала, которую Маркс считал единственным оправданием его существования: развитие производительных сил общества.

Еще более отчетлива роль новых государственных форм реализации прибавочного продукта в сфере непродуцированной деятельности. Прямое использование прибавочного продукта происходит, во-первых, в форме оплаты труда чиновников, судей, полиции²; во-вторых, в виде военного производства и содержания армии. Судя по доле военных расходов в текущем потреблении государства, эта форма коллективного потребления стала в современном капиталистическом хозяйстве важнейшей общественной формой реализации прибавочного продукта. В текущем государственном потреблении военные расходы США составляли в 1950 г. 41,5%, в 1960 г. — 50,3, в 1965 г. — 41,2%; в Англии — соответственно 40,5, 38,3 и 34,8%; во Франции — 45, 42 и 32%; в Италии — 25,6, 20,8 и 17,9%; в ФРГ — 31,3, 23,3 и 26%. В отношении к национальному доходу военные расходы в те же годы достигали в США 6,11 и 9%; в Англии — 7,9, 7,8 и 7,3%; во Франции — 7,6, 7,2 и

---

¹ Государственные расходы на научно-исследовательские работы в 1964 г. составляли: в ФРГ — 2,91 млрд. марок (44,2% всех расходов на эти цели в стране), в Англии — 427 млрд. ф. ст. (56,4%), во Франции — 4,21 млрд. фр. (65,9%), в США — 13,3 млрд. долл. (62,4%).

² В Англии такого рода расходы составляют 6,3% текущих расходов консолидированного бюджета (около 3% национального дохода в 1965 г.), в США — 7,8% (тоже около 3% национального дохода), в Италии — 15% (6% национального дохода) (рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»).

5,6%; в ФРГ — 5,8, 4,1 и 5,3%; в Италии — 3,3% в 1965 г.¹ Это официальные данные. Как показывают специальные исследования, они не включают в себя всех расходов на армию и ее вооружение. Действительный объем военного потребления, по-видимому, выше показанного статистикой.

Общественное потребление, разновидностью которого является военное потребление, воспроизводит конкретно-историческую систему учреждений и методов, в которых воплощаются, проявляются и с помощью которых сохраняются производственные, социальные, политические отношения капитализма.

4 Методы мобилизации национального дохода государственным бюджетом: налоги, займы

Налоги — главная форма мобилизации доходов государством. Правда, в послевоенные десятилетия их исключительное положение постепенно подрывается другими видами поступлений, и в первую очередь быстро растущими взносами в фонды социального страхования². Увеличилась также в связи с расширением государственных ссудных операций доля поступлений в форме процентных платежей.

Соотношение между различного рода налогами определено не какими-либо преимуществами одних налогов над другими, а национально-историческими особенностями становления финансовых систем³. Доля косвенных налогов во всех изымаемых государством налогах мало изменялась на протяжении послевоенного периода. В 1953—1965 гг. она выросла в США, Англии и Италии, несколько упала в ФРГ, Франции и Японии.

Более существенные и повсеместные перемены затронули структуру прямых налогов. За редким исключением, доля налогов на корпорации (фирмы) в государственных ресурсах заметно

---

¹ Рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966».

² В поступлениях консолидированного бюджета доля взносов в фонды социального страхования с 1953 по 1965 г. выросла: в США — с 9,3 до 15,4%, в Англии — с 10,1 до 14,6%, в ФРГ — с 22,2 до 26,9%, во Франции — с 30,3 до 36,5%, в Италии — с 25,3 до 32,2%, в Японии — с 9,2 до 16,1% (рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»).

³ В общей сумме налогов косвенные налоги занимают (1965 г.): в США — 40,3%, в Англии — 55,3, в ФРГ — 58,2, во Франции — 72,4, в Италии — 77,59, в Японии — 48,9% (рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»).

сократилась¹. Этот процесс не случаен. Он вполне соответствует природе современного капитализма с его повышенным вниманием к капиталовложениям, с его особой централизованной заботой о частном капитале и его расширенном воспроизводстве.

Буржуазные государства стремятся переложить налоги на широкие массы мелких доходополучателей, т. е. в основном на наемных рабочих. В послевоенный период этой тенденции способствовала «ползучая» инфляция, сопровождавшаяся не только ростом цен, но и ростом доходов в номинальном выражении. В результате денежные доходы большинства трудящихся достигли законодательно установленной минимальной границы налогообложения. Число налогоплательщиков в ряде стран за короткое время заметно выросло. Таким образом, ожесточенная борьба трудящихся за повышение заработной платы в случае успеха приводит не только к повышению цены рабочей силы, но частично и к формальному перераспределению прибавочной стоимости между первоначальными видами доходов.

Буржуазное общество вместо того, чтобы открыто изымать часть прибавочной стоимости у капиталистов, присваивающих ее по праву собственников средств производства, сначала лицемерно наделяет ею наемного рабочего в форме заработной платы, затем изымает ее с помощью налогообложения.

То же лицемерие характерно и для косвенного обложения. Несправедливость этой налоговой формы состоит в том, что в ряде случаев косвенному обложению подвергаются предметы первой необходимости, входящие в потребление трудящихся. Повышение цены на такого рода товары не сопровождается заметным уменьшением их потребления. Происходит перераспределение расходов между статьями семейного бюджета, в результате которого уменьшаются возможности потребления некоторых, менее необходимых товаров и услуг. Затрагиваются, как правило, расходы на культуру и отдых, на образование и духовное развитие, т. е. на те виды потребления, которые буржуазное общество строго дозирует, сообразуясь с интересами правящего класса.

Среди многих каналов поступления средств в государственный бюджет выделяется один, который обычно рассматривается как экстраординарный, хотя в послевоенный период он стал непременной принадлежностью государственных финансов. Речь идет

---

¹ Доля прямых налогов на корпорации во всех прямых налогах (без взносов в фонды социального страхования) уменьшилась с 1953 по 1965 г.: в США — с 37 до 33%, в Англии — с 46 до 19%, в ФРГ — с 31 до 24%, во Франции — с 38 до 32%, в Японии она выросла с 41 до 47%. В Англии, Франции, ФРГ налоги на компании составляют сейчас всего лишь 5—7% доходной части консолидированных бюджетов (рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»).

о государственных займах на рынке ссудных капиталов и о связанной с ними проблеме государственного долга и дефицитного финансирования.

Послевоенный государственный бюджет, как правило, дефицитен¹. Общие расходы, включая государственные ссуды, кредит, авансы, превышают обычные доходы от налогов, взносов, иностранной помощи и погашений по государственным кредитам. Недостающие суммы покрываются займами. Государственный долг растет из года в год, растут выплачиваемые по нему проценты, растут трудности по размещению государственных займов на рынке ссудных капиталов. Повсеместное увеличение размеров государственного долга произошло во время второй мировой войны. Но он продолжал расти и в послевоенный период. На 30 июля 1939 г. государственный долг США составлял 45,9 млрд. долл. В 1951 г. он поднялся до 255,3 млрд. долл. За прошедшие после этого годы он вырос еще на сотню миллиардов и планировался на 1969 г. в 387 млрд. долл. Франция в 1938 г. имела долг в 4,2 млрд. нов. фр., в 1950 г. — 41,3 млрд., в 1963 г. — 89,8 млрд. и в 1966 г. — 80 млрд. нов. фр. В Англии государственный долг в 1939 г. достигал 7,3 млрд. ф. ст., в 1951 г. — 26,1 млрд., в 1966 г. — 31,3 млрд. ф. ст. По другим странам развитого капитализма картина аналогичная. Сравнение долга с национальным доходом показывает, что в 1965 г. задолженность США равнялась 58 % национального дохода, Франции — 25, Англии — 107, Италии — 25, Западной Германии — 18%².

Покрытие дефицита государственных бюджетов с помощью займов считают иногда одной из основных причин роста цен³. Строго говоря, прямой зависимости между бюджетным дефицитом и инфляцией нет. Размещая свои займы среди населения или банков, государство мобилизует часть сбережений (денежного капитала). Если оно направляет эти средства на накопление производственного капитала, то денежный капитал исполняет свою прямую, предназначенную ему сначала частными лицами роль: служить делу возмещения или накопления реального капитала. Если государство потребляет само или передает для потребления частным лицам занятые на рынке ссудных капиталов деньги, то оно изменяет первоначальную форму капитала на доход⁴. Такая

---

¹ С 1948 по 1966 г. английский бюджет сводился к позитивным сальдо только 4 раза, американский федеральный бюджет — 5, французский — 1 раз, итальянский ни разу и т. д. (UN. «Statistical Yearbook 1967». New York, 1968).

² Рассчитано по: UN. «Yearbook of National Accounts Statistics, 1966»; UN. «Statistical Yearbook 1967».

³ См. «Новые явления в современной буржуазной политике», т. II. М., 1963, стр. 122, 265, 317—318.

⁴ Таким же образом государство может стать посредником, превращающим принудительно изъятый

операция не несет в себе также ничего инфляционного, так как подобного рода превращения характерны для любого общественного хозяйства: конечная структура доходов (спроса) никогда не соответствует первичной их структуре.

Инфляционное воздействие государственных займов зависит от методов их распространения. На этой стадии, если они черпаются за счет денежной эмиссии или «кредитотворческой» способности банков, возможна подготовка условий для последующего роста цен. О том, что подобные методы размещения практикуются повсеместно и в широких масштабах, свидетельствует состав государственного долга. Он, как выражаются экономисты-кредитники, становится все более ликвидным, или «плавающим»; будучи долгосрочным по сути, становится краткосрочным по форме¹. Это означает, что его финансирование осуществляется за счет краткосрочных сбережений, которые в принципе в любой момент могут быть изъяты из государственных облигаций и превращены в другие ценные бумаги или потреблены. Возникает потенциальная неустойчивость денежного обращения, потенциальная возможность резких колебаний его величины вне зависимости от величины товарного обращения. Короче, возникает скрытая опасность инфляции. Превратится ли эта опасность в действительную инфляцию, зависит от общего состояния экономики страны.

Иногда указывают на то, что государственные займы пагубно влияют на экономическое развитие, так как они «дренируют» сбережения и тем самым уменьшают реальные накопления. На это следует заметить, что между накоплением денежного капитала каждым отдельным капиталистом и инвестициями нет ни прямой зависимости, ни тем более обязательного совпадения. Поэтому оценка воздействия государственных займов на хозяйство должна быть более осторожной. Если частное реальное накопление велико, если частный капитал испытывает трудности при мобилизации средств для накопления, то государственные облигации, размещаемые на том же рынке ссудных капиталов, можно считать конкурирующими. Но и в этом случае остается открытым вопрос о том, тормозят ли они развитие экономики, так как мобилизованные таким образом денежные капиталы государство может направить на капиталовложения. В таком случае можно говорить только об изменении структуры реально накапливаемого капи-

---

доход в действительный капитал, т. е. может стать (и в ряде стран действительно является) одним из звеньев мобилизации денежного капитала в целях накопления.

¹ Краткосрочный долг во Франции в 1938 г. составлял 30% всего внутреннего долга, в 1954 г. — уже 64%; в Италии в 1939 г. — 30%, в 1967 г. — 57%; в Англии в 1939 г. — 13%, в 1966 г. — 17% (рассчитано по: UN. «Statistical Yearbook 1967»).

тала, но не об уменьшении его величины. С другой стороны, если частное накопление вяло, если частные сбережения превышают потребности частного реального капиталообразования, то отсасывание денежного капитала государственными займами независимо от дальнейшего назначения мобилизованных средств (потребление или накопление) скорее пойдет на пользу испытывающему трудности хозяйству, чем повредит ему. С абсолютизацией этого свойства государственных займов связаны обычно доводы сторонников теории дефицитного финансирования.

5 Государственные финансы как инструмент воздействия на капиталистическое хозяйство

Активная роль государственных финансов в хозяйстве капиталистических стран попала в послевоенный период в центр внимания буржуазных экономистов и превратилась в объект дискуссий и даже своего рода мистического поклонения. Формальное начало этому положил Кейнс, обратившийся к макроэкономическому анализу капиталистической экономики и выявивший некоторые общие зависимости между накоплением денежного и действительного капитала и потреблением. Он же первый¹ последовательно выразил эти зависимости в форме мультипликатора, сформулировав степень влияния одной макроэкономической величины на другую. Впоследствии Хикс, Пигу, Хансен, Харрод, Домар, Дж. М. Кларк, Самуэльсон и другие занялись систематическим анализом макроэкономических связей и в поисках ответа на вопрос о движущих силах развития капиталистического хозяйства и о возможности воздействия на него естественно обратились к государству и его финансам.

Произошло это естественно потому, что рассмотрение хозяйства макроэкономически как единой системы неизбежно подводит к проблеме централизованного, институционального выражения скрыто развивающихся процессов обобществления на всех стадиях воспроизводства капитала. Практически единственной готовой формой такого адекватного этим процессам выражения является в капиталистическом обществе государство. Поэтому перед ним были поставлены задачи борьбы с кризисами, инфляцией, торговым и платежным дефицитами, недостаточным накоплением капитала и т. д. Государству рекомендовали превратить свой бюджет из пассивного, встроенного в хозяйство элемента в активный инструмент, с помощью которого оно могло бы подталкивать, стимулировать, сдвигать с мертвой точки анархически

---

¹ Первым применил принцип мультипликатора в своей работе Р. Ф. Кан в 1931 г., а принцип акселератора — А. Афталъон в начале нашего столетия.

развивающуюся совокупность разрозненных частных предпринимателей.

Удобство возложить на государство эти функции состоит в том, что теоретически оно может направить находящиеся в его распоряжении средства по любым желаемым каналам: на накопление, потребление, воздействуя тем самым на внутрисемейные связи и сознательно меняя темпы роста. В теории (Харрод — Домар) дело выглядит следующим образом¹. Темпы экономического роста зависят от инвестиций (I^r), причем существует некая более или менее фиксированная количественная зависимость между величиной инвестиций и приростом продукта — дохода (Y^r), определяемая как приростной коэффициент капитал-продукт (λ)

$$Y_n^r - Y_{n-1}^r = \frac{1}{\lambda} \cdot I_{n-1}^r. \quad (1)$$

Чем меньше приростной коэффициент, тем выше темпы роста производства, и наоборот. Например, при $Y_{n-1}^r = 100$, $\lambda = 3$, $I_{n-1}^r = 15$ (доля инвестиций в продукте) темпы роста продукта составят 105%.

$$(Y_n^r - 100 = \frac{1}{3} \cdot 15; \quad Y_n^r = 100 + 5 = 105).$$

Если теперь допустить, что накопленный денежный капитал — сбережения (S) — весь превращается в реальный капитал (I^r), то правительство, влияя на величину сбережений, будет влиять и на капиталовложения. Для этого необходимо связать государственные сбережения (превышение налогов над текущими государственными потребительскими расходами) с частными сбережениями (превышение частных доходов за вычетом налогов над текущими частными расходами). Это делается таким образом:

$$I_{n-1}^r = bY_{n-1}^r (1 - t) + (t - g) Y_{n-1}^r,$$

где b — доля сберегаемого дохода частных лиц;

t — норма налогового обложения;

g — доля продукта, идущая на текущее потребление государства.

Подставляя значение I^r в формулу (1), получаем:

$$Y_n^r - Y_{n-1}^r = \frac{1}{\lambda} [bY_{n-1}^r (1 - t) + (t - g) Y_{n-1}^r]$$

или в более общей форме

$$\frac{\Delta Y}{Y} = \frac{1}{\lambda} [b(1 - t) + (t - g)]. \quad (2)$$

¹ Мы приводим в качестве примера одну из неокейнсианских формул, рекомендуемую правительствам развивающихся стран для ориентации при проведении политики экономического роста, т. е. если цель этой политики — повысить темпы экономического развития страны.

Эта зависимость указывает, на какие агрегатные величины следует влиять, чтобы максимизировать темпы прироста национального продукта. Через государственный бюджет это можно сделать двумя методами: увеличением налоговой ставки (t) или уменьшением государственного текущего потребления (g). В последнем случае предполагается, как сказано выше, что все государственные сбережения направляются на капиталовложения¹.

Описанная схема основана на представлении о мультиплицирующей роли инвестиций в хозяйстве. Инвестиции рассматриваются как инициатор экономического роста, как первопричина, порождающая спрос, за которым следует новое расширение инвестиций, и т. д. Возможен и иной подход: от спроса к инвестициям. Поскольку в общественном хозяйстве все величины взаимосвязаны, то расширение спроса повлечет за собой многократное (ведь $\lambda > 1$) увеличение инвестиций и т. д. Это акселеративный подход. Функциональные связи между всеми величинами столь удобная вещь, что в теории экономический рост может быть стимулирован правительством даже без увеличения государственных инвестиций и без увеличения государственного спроса, просто путем снижения налоговой ставки. Это приводит к росту $b(1-t)$ — нормы частных сбережений, которые в теории равнозначны инвестициям. Между прочим, именно последний метод воздействия на экономику был применен американским правительством в начале 60-х годов.

Таким образом, представление об активной роли государственных финансов в современном капиталистическом хозяйстве зиждется на представлении о существовании более или менее строгих связей между отдельными частями общественного капитала и возможности влиять на эти связи сознательно, заставляя механизм общественного производства пассивно приспосабливаться к вносимым в него нарушениям. «Если частные расходы недостаточны, — пишет Дж. М. Кларк, — то очевидным и простым методом является за́полнение недостатка увеличением государственных расходов»².

Научную оценку подобных представлений можно дать, рассмотрев: 1) соответствие предлагаемой модели хозяйства действительности; 2) соответствие реальных возможностей государст-

---

¹ Описание государственной политики, направленной на стимулирование экономического роста, и ее экономическое обоснование сделаны по: «Public Finance as an Instrument for Economic Development. Papers Prepared for a Study Course Held under the Auspices of the Financial Co-operation Program of the OECD». University of York, 1—23 July 1964.

² J. M. Clark. Guidepost in Time of Change. New York, 1949, p. 109.

венных финансов требованиям, предъявляемым к ним этой моделью.

Кейнсианский и некейнсианский анализ дает некоторое представление о зависимостях, существующих между капиталовложениями и производимым продуктом. Однако одного этого представления недостаточно. Производительные силы развиваются в рамках конкретно-исторических производственных отношений.

Определяющим моментом, который только и позволяет вскрыть существующие закономерности движения производительных сил, являются производственные отношения, их законы развития. Буржуазная теория страдает прежде всего непониманием исторически преходящего характера капиталистического способа производства. Отсюда вытекают ее теоретические и методологические слабости.

Отражая историческую ограниченность капитализма, буржуазные теоретики заранее отбрасывают наиболее кардинальные и наиболее эффективные методы преобразования и организации общественного производства. Вопрос о частной собственности на средства производства — табу буржуазной политической экономии.

Однако именно в этом пункте экономисты каждый раз вынуждены вступать в противоречие с собственными представлениями об общественном хозяйстве как о едином целом, как о единой системе, которая, несмотря на известную автономию составных элементов, требует единого управляющего центра. Все предлагаемые методы регулирования экономики сводятся по сути дела к той или иной форме ограничения частной собственности, ибо все эти методы, если они претендуют на эффективность, в той или иной степени должны поддерживать, стимулировать процессы обобществления производительных сил капиталистического хозяйства. Но тем самым они объективно подрывают частную собственность.

Зажатая между растущим осознанием объективности имманентных требований производительных сил и инстинктивным пониманием невозможности покушаться на частнокапиталистическую собственность, буржуазная политическая экономия противоречива в своих выводах. Предлагаемые ею методы улучшения экономического механизма часто не согласованы друг с другом, противоположны по своему действию. Призывы усилить государственное регулирование соседствуют с призывами освободить частного предпринимателя от непривычных, стесняющих и унижающих оков государственного регламентирования.

Как уже было отмечено выше, государственный бюджет не случайно оказался в центре внимания буржуазных экономистов: он является одним из самых заметных материальных воплощений процессов обобществления, развивающихся в капиталистическом хозяйстве. Государственный бюджет «патронирует» развитие этих процессов во всех частях общественного капитала: *с, v, m*.

Но как не случаен интерес к бюджету, так не случайно и преувеличение его возможностей в качестве универсального инструмента регулирования хозяйства: это единственная часть общественного хозяйства, находящаяся в ведении общенационального центра, действия которого на поверхности явлений выступают как субъективные действия. Завороженный огромным размером проходящих через государственные организации и учреждения богатств, буржуазный экономист не всегда замечает скрывающиеся за этой видимостью реальные отношения. А они состоят в том, что государственные финансы лишь опосредствуют воспроизводство обширных сфер общественного хозяйства, но отнюдь не управляют этим воспроизводством и тем более не порождают его по собственному желанию и разумению.

Переброска средств из одного места в другое не такое простое дело, какими бы огромными полномочиями ни располагал субъект, от которого это действие формально зависит. И это закономерно. За каждой статьей доходов или расходов стоит часть живого организма с действующими, требующими регулярного воспроизводства орудиями труда, предметами труда, рабочей силой. Последним мало дела до того, что их воспроизводство, их существование связаны с прохождением денежных средств через государственный бюджет, что формально их судьба находится в руках сознательно поступающего чиновника или законодателя. Они отстаивают свое право на существование со всей решительностью, со всей жесткостью и непримиримостью, невзирая на соображения экономиста-теоретика, полагающего, что бюджетные средства могут быть использованы в любых целях. Поэтому когда речь идет об активном воздействии государства на экономику с помощью своих финансов, то во внимание надо принимать не столько их абсолютный размер, сколько суммы, которые могут быть мобилизованы сверх обычных поступлений.

Практика капиталистического регулирования свидетельствует о том, что воздействие на расшатавшийся механизм капиталистического воспроизводства трудно достается буржуазным правительствам.

Если государственные финансы оказались в центре внимания нынешней политической экономики капитализма, то это не случайно. Самые существенные, самые глубинные процессы капиталистического производства находят в них свое отражение. Все противоречия капиталистического способа производства выступают в них на поверхность. Это та сфера капиталистического хозяйства, где идет ожесточенная битва за жизнь организма в целом. Эта сфера объективно отрицает частную собственность на средства производства и в то же время служит ее единственной опорой в борьбе за выживание. Государственные финансы всей своей историей иллюстрируют тот трудный путь, которым движется капиталистическое хозяйство к своему отрицанию.

Глава XIX   Денежно-кредитная политика как инструмент государственно- монополистического регулирования

В предшествующих главах была дана характеристика финансов и кредита как рычагов государственно-монополистического капитализма. Анализ был бы, однако, неполным, если не рассмотреть ту роль, которую выполняют в этой системе центральные банки капиталистических стран и осуществляемые ими программы денежно-кредитных мероприятий.

Попытки воздействовать на состояние общехозяйственной конъюнктуры путем целенаправленных изменений различных факторов денежно-кредитной сферы предпринимались еще до второй мировой войны. Но тогда они носили ограниченный характер, будучи связаны в основном с периодами глубоких экономических кризисов и с некоторыми ведущими странами.

В послевоенный период операции денежно-кредитного контроля приобрели систематический характер. Они проводятся в широких масштабах в большом числе стран и налагают подчас заметный отпечаток на многие важные экономические процессы, такие, например, как накопление и инвестирование капитала, ценообразование, формирование реальных доходов населения и т. п. Можно без преувеличения сказать, что в условиях развитого государственно-монополистического капитализма мероприятия денежно-кредитного регулирования превратились в неотъемлемый и один из важнейших компонентов хозяйственной политики.

Все сказанное нами относительно роли монетарных факторов и денежно-кредитной политики не должно вместе с тем заслонять реальных противоречий, которыми пронизан процесс регулирования. Они во многих случаях сводят на нет эффект практических мероприятий в этой области. Противоречия эти связаны прежде всего со своеобразным положением, которое занимает центральный банк среди инструментов государственно-монополистического контроля. В них находит отражение столкновение интересов различных групп капитала при осуществлении тех или иных методов регулирования экономики. Наш последующий анализ строится таким образом, чтобы наряду с характеристикой механизма денежно-кредитной политики выявить присущую этому механизму противоречивость и оценить степень практической применимости его в качестве инструмента макроэкономического контроля.

1   Центральный банк и государство

Во всех странах, использующих денежно-кредитные методы экономического регулирования, основные функции регулирующего механизма выполняет центральный эмиссионный банк.

Уникальное положение центрального банка как института, в котором сходятся многие важные нити экономического контроля, побуждает правительственные органы капиталистических стран предпринимать шаги к юридическому закреплению контактов с этим учреждением. Отсюда тенденция к изменению правового статуса центральных банков, к превращению их в элемент бюрократической структуры. Так, если для начала XX в. было характерно преобладание частноправовой формы организации эмиссионных институтов, то со времени первой мировой войны наблюдается интенсивный процесс их огосударствления.

Особую роль в развитии этой тенденции играют два обстоятельства. Прежде всего центральный банк выполняет важные функции по обеспечению государства финансовыми ресурсами. Само появление центральных банков и дарованные им эмиссионные привилегии первоначально обуславливались предоставлением крупных займов монархам и казне. Впоследствии буржуазные правительства во всех странах неоднократно прибегали к помощи центральных банков в случаях нехватки денежных средств. Непосредственное использование механизма бумажно-денежной эмиссии, широко практиковавшееся в XIX и начале XX в., сменилось затем несколько модифицированными формами финансирования государства. На первый план выдвинулись операции по покупке центральным банком облигаций государственных займов и обеспечению стабильности рыночного курса государственных ценных бумаг. При проведении этих операций в широких масштабах происходит значительный рост денежной массы, который часто ведет к нарушению пропорций в денежной сфере¹. Однако притягательная сила использования эмиссионного потенциала центрального банка настолько велика, что государство во многих случаях игнорирует эти неблагоприятные последствия. Оно стремится максимально подчинить себе центральные банки, сделать их послушным орудием финансирования правительственных программ.

Другой мощный фактор, действующий в направлении огосударствления центральных банков, связан с расширением экономических функций государства. В предшествующих главах этого раздела уже анализировались причины, в силу которых государство принимает на себя ответственность за устранение различных нарушений воспроизводственного процесса. По мере того как государственно-монополистическое регулирование охватывает все

---

¹ Например, в период второй мировой войны активная скупка государственных облигаций привела к увеличению портфеля федеральных резервных банков США на 22 млрд. долл. Это увеличение сопровождалось ростом банкнотной эмиссии на 16,5 млрд. долл. и значительным разбуханием депозитов коммерческих банков.

новые сферы хозяйственной жизни, усиливается потребность к координации действий многочисленных органов экономического контроля. Превращение центрального банка в государственный институт представляет попытку в какой-то мере упростить задачу взаимной увязки действий этих органов.

Стремление правительственной администрации устранить или сильно ограничить автономию и свободу действий центрального банка наталкивается на известное противодействие законодательных органов. Дело в том, что механизм эмиссии платежных средств, находящийся в руках центрального банка, теснейшим образом связан с состоянием всей хозяйственной системы. Усиленный выпуск денег в обращение, как оборотная сторона финансирования банком правительственных программ, может иметь самые неблагоприятные последствия для экономики. Опасение перед быстро разворачивающейся инфляцией побуждает ограничивать непосредственный доступ администрации к эмиссионному механизму, по крайней мере в мирное время.

Тем не менее тенденция к превращению центральных банков в государственные институты проявляется вполне отчетливо. Процесс этот усилился в 30-х годах, когда экономический кризис 1929—1933 гг. дал мощный толчок к расширению практики государственно-монополистического регулирования экономики. Вторая мировая война также способствовала развитию этой тенденции¹.

В настоящее время в ведущих странах капитализма центральные банки, как правило, находятся в собственности государства². Обследование правового статуса центральных банков 72 стран показало, что к началу 60-х годов только в 20 странах капитал центральных банков не принадлежал полностью государству³.

---

¹ Приведем даты национализации некоторых центральных банков: Банк Канады — 1938 г., Германский рейхсбанк — 1939 г., Банк Японии — 1942 г., Банк Англии — 1946 г., Банк Франции — 1946 г., Нидерландский банк — 1948 г. Новые банки учреждаются сразу как государственные институты (Западногерманский бундесбанк — 1957 г., Резервный банк Австралии — 1960 г. и т. д.).

² Исключение составляют лишь США и Италия. В США акции федеральных резервных банков принадлежат коммерческим банкам страны, в Италии — ведущим банкам и страховым компаниям, причем контрольный пакет акций этих учреждений в свою очередь принадлежит государству.

³ При этом в шести странах неправительственные акционеры находились в меньшинстве, в двух странах капитал распределялся поровну между частными и правительственными акционерами и в 12 странах частные владельцы акций банка составляли большинство («Hearings before Subcommittee N 3 of the Committee on Banking and Currency, House of Representatives, 86-th Congress, 2-nd Ses-

Не следует, однако, переоценивать тех последствий, которые оказывает национализация на статус центральных банков. В ряде случаев этот акт действительно усиливает государственный контроль над деятельностью указанных институтов, но в большинстве стран юридическая сторона дела носит лишь формальный характер и по существу не меняет уже сложившегося распределения сил¹.

В некоторых работах можно встретить упрощенную трактовку взаимоотношений центрального банка и правительственных органов, особенно когда речь идет о национализированных институтах. В них упускается из виду известная двойственность в положении центральных банков, которые по ряду вопросов сотрудничают с правительственной администрацией, а по другим как бы противостоят ей. Если игнорировать такое раздвоение, то нельзя понять природу многих конфликтов, которыми изобилует практика государственно-монополистического регулирования. Традиционная формула «центральный банк — орган буржуазного государства» характеризует лишь самый общий аспект взаимоотношений. Но она явно недостаточна для анализа конкретных ситуаций.

Возьмем, например, отношение центрального банка к экономическим программам различных политических партий, находящихся у власти в капиталистических странах. Позиция центрального банка обычно соответствует платформе таких монополистических группировок, которые добиваются стабилизации уровня цен, ликвидации дефицита платежного баланса и т. д. И напротив, руководители центрального банка активно выступают против «радикальных» программ, осуществление которых может привести к усилению инфляционных процессов. К ним они обычно относят субсидирование из бюджета различных социальных мероприятий.

Имеется много случаев, когда несогласие центрального банка с политикой правительства переросло в открытый конфликт. При этом руководители банка не ограничивались словесными заявлениями, а проводили мероприятия, тормозящие осуществление правительственных программ. Например, в 1955—1957 гг. Банк Швеции, капитал которого, кстати, полностью принадлежит государству, проводил политику кредитных ограничений и трижды повышал учетную ставку. Это шло вразрез с политикой правя-

---

sion, on H. R. 8516 and H. R. 8627», part I. Washington, 1960, p. 92—97).

¹ Например, национализация Банка Англии по существу не отразилась на характере его взаимоотношений с другими правительственными органами, и в первую очередь с министерством финансов. Взаимная увязка действий осуществляется путем неофициальных консультаций, административный же контроль со стороны государства носит формальный характер.

щей коалиции социалистов и фермерской партии, которая была направлена на стимулирование экономического роста. В конечном счете глава банка под нажимом правительства должен был уйти в отставку.

Аналогичными фактами в США изобилует история взаимоотношений правительства с Федеральной резервной системой (ФРС). После второй мировой войны особенно острый характер конфликт между ними принимал в периоды, когда власть находилась в руках демократической партии. Экономическая платформа этой партии по традиции предусматривает проведение политики «дешевых денег» (обильный кредит, низкие процентные ставки и т. д.). Особенно неодобрительно была встречена ФРС программа экономических реформ, предложенная президентом Кеннеди в 1960 г. Несогласие с политикой правительства должно было, как полагали, окончиться отставкой председателя совета управляющих ФРС Мартина, срок полномочий которого истекал в начале 1963 г. Однако Кеннеди был вынужден сохранить Мартина на его посту в связи с резким ухудшением внешних позиций американского доллара. Зарубежные финансовые круги видели в Мартине оплот «здоровой» денежно-кредитной политики, и продление его полномочий, как отмечала печать, «повысило доверие мировой общественности к доллару»¹.

Эти и десятки других примеров показывают, что процесс формирования денежно-кредитной политики представляет собой продукт острой борьбы и компромиссов. Он еще более осложняется тем, что каждое мероприятие в денежно-кредитной сфере вызывает различную реакцию отдельных групп монополистической буржуазии. Так, экспортные фирмы приветствуют обесценение своей валюты, поскольку в определенных ситуациях это может содействовать внешнеторговой экспансии. Представители денежного капитала заинтересованы в стабильности покупательной силы денег. Промышленники, напротив, поддерживают политику «дешевых денег», так как это позволяет расширить использование заемных средств. Все эти противоположные интересы отражаются на мероприятиях центрального банка, обуславливают их противоречивый и непоследовательный характер.

2 Понятие и общие цели денежно-кредитной политики

Мероприятия по регулированию денежно-кредитной сферы в капиталистических странах можно разделить на две взаимосвязанные группы. Во-первых, это действия или правовые акты, определяющие структурно-организационные основы денежного обра-

---

¹ «Finance», March 15, 1963, p. 47.

щения и кредитных операций, такие, например, как устройство денежной системы и выбор денежной единицы, правовая регламентация банковского дела и т. д. Эти вопросы регулируются соответствующим законодательством. Во-вторых, собственно денежно-кредитная политика, связанная с принятием решений и проведением соответствующих мероприятий по изменению величины или динамики различных факторов в сфере денежного обращения, банковских операций и рынка ссудных капиталов.

Первоначальная цель монетарного контроля сводится к «заданию» определенного режима работы денежного и кредитного механизма. При этом имеется в виду, что такой специфический режим различными путями влияет на принятие хозяйственных решений участниками капиталистического производства.

Денежно-кредитная политика представляет собой инструмент краткосрочного экономического регулирования. Она направлена главным образом на смягчение кратковременных колебаний хозяйственной конъюнктуры в ходе развития промышленного цикла. Поэтому центральные банки капиталистических стран своей политикой должны обеспечить влияние в первую очередь на занятость, уровень цен, состояние платежного баланса.

Прежде чем перейти к вопросу о том, какими путями центральный банк выполняет эти функции, остановимся на некоторых общих аспектах денежно-кредитной политики. Если проанализировать принципы, лежащие в основе деятельности современного центрального банка, то мы обнаружим ряд существенных особенностей по сравнению с периодом домонополистического капитализма. Эти особенности в значительной мере связаны с тем, что более не действует система международного золотого стандарта, в рамках которой разворачивалась деятельность денежно-кредитных систем в XIX — начале XX в.

Ныне обеспечение устойчивой стабильности валютного курса, которому ранее отдавался приоритет перед всеми другими макроэкономическими критериями, часто вообще не фигурирует в перечне первоочередных целей. Произошло явное перемещение центра тяжести в деятельности центральных банков с внешнеэкономических аспектов на внутренние проблемы развития национальных экономических систем.

Система международного золотого стандарта обеспечивала относительную стабильность денежного обращения и валютных курсов капиталистических стран. В нашей литературе при оценке отхода капиталистических стран от золотого стандарта основное внимание обращается обычно на такие последствия этого события, как ослабление устойчивости денежно-кредитной системы капитализма, рост валютных трудностей и усиление других противоречий капиталистической экономики. Значительно меньше внимания уделяется другому очевидному и не менее важному факту: отмена золотого стандарта способствовала расширению жестких

рамков денежно-кредитного регулирования, переключила внимание монетарных властей с вопросов внешней устойчивости валюты на проблемы стабилизации внутреннего экономического положения, повысила возможности манипулирования денежной массой и использования этих мер в качестве инструмента экономической политики¹.

Расширение возможностей регулирования денежной сферы само по себе не предопределяет еще конечных результатов такого регулирования. Как уже говорилось, денежно-кредитная политика представляет собой весьма противоречивый комплекс. Теоретические основы ее разработаны явно недостаточно, а практическая эффективность служит предметом острых дискуссий².

Говоря о противоречивости и сложности процесса денежно-кредитного регулирования, следует назвать в качестве одного из источников этих реальных противоречий сам факт наличия «множественности» целей, на достижение которых ориентируются органы экономического (в том числе денежного) контроля. Совместимы ли эти цели? Если нет, то какой из них следует отдать предпочтение?

Допустим, что центральный банк считает своей первоочередной задачей преодоление разvertyающихся кризисных явлений и принимает на вооружение экспансионистский вариант денежно-кредитной политики. В этом случае главные усилия будут сосредоточены на увеличении объема денежной массы. Однако побочным следствием этого процесса будет нарушение установившихся пропорций денежного обращения, что может привести к быстрому повышению уровня цен. Тем самым нарушается принцип ориентации на обеспечение «разумной стабильности» уровня цен.

Другой пример. Страна переживает резкое ухудшение платежного баланса, и правительство стремится улучшить его, привлекая иностранный капитал и сдерживая импорт товаров и услуг. Усилия центрального банка будут направлены в этом случае на форсированное проведение дефляционной политики, которая должна привести к снижению цен (или сдерживанию их роста), затруднению возможностей получения банковских ссуд, повышению уровня процентных ставок и т. п. Но эти меры неизбежно

---

¹ Это не означает, конечно, что вопрос об устойчивости валюты и валютного курса снят с повестки дня. Вспышки валютного кризиса заставляют отдельные страны уделять первоочередное внимание проблемам укрепления международных позиций своей валюты, временно отодвигая на второй план другие цели экономической политики.

² Ряд видных экономистов Запада считает, что отход от автоматических принципов регулирования денежно-кредитной сферы приносит хозяйству больше вреда, чем пользы (см., например, *M. Friedman. A Program for Monetary Stability. New York, 1960*).

вызывают подавление внутреннего потребительского и инвестиционного спроса в стране. Они делают невозможным стимулирование экономического роста.

Проекты «примирения» несовместимых целей не дают органам монетарного контроля четких ориентиров для выработки практических мер. По существу все предложения сводятся к тому, что в различных конъюнктурных ситуациях необходимо жертвовать частью одних целей для достижения других. Но сама по себе такая констатация не может принести пользы. Наличие реального противоречия между различными целями политики обуславливает большую степень неопределенности в формулировании критериев денежно-кредитной политики и нерешительность действий органов кредитного контроля.

3 Механизм денежно-кредитного регулирования и проблемы его эффективности

Перейдем теперь к рассмотрению принципов, на которых основан эффект денежно-кредитного регулирования.

Мы уже отмечали, что в рамках монетарного контроля государство стремится оказать определенное, заранее рассчитанное воздействие на процесс воспроизводства, используя в качестве передаточного механизма различные факторы денежной сферы. В этой связи процесс регулирования распадается на два этапа. Первый заключается в попытках целенаправленно изменять отдельные монетарные факторы. Второй этап связан с передачей воздействия этих изменений на процесс инвестирования капиталов, потребительский спрос, ценообразование и т. п. Это воздействие должно отразиться на величине совокупного общественного продукта и других важных народнохозяйственных показателей. Такой окольный и многоступенчатый путь регулирования легко уязвим и может быть нарушен или существенно искажен в различных звеньях. Поэтому прогнозирование конечного результата денежно-кредитных мероприятий представляет собой сложную задачу со многими неизвестными.

Если наметить общую схему причинных зависимостей, на которую опирается наиболее распространенный (кейнсианский) вариант теории денежно-кредитного регулирования, то схему эту можно представить следующей цепочкой: денежная масса — норма процента — капиталовложения — национальный доход. Иначе говоря, изменяя объем денежной массы, центральный банк пытается определить динамику нормы процента и влиять на размеры инвестирования капиталов, а затем через производный спрос на общий объем производства и национального дохода.

Как показывает эта схема, первичным элементом, на который направлено регулирующее воздействие центрального банка, служит величина денежной массы. В условиях развитой кредитной системы этот показатель складывается из двух основных компонентов: наличных денежных знаков (банкнот и монет), обслуживающих налично-денежный оборот, и средств на банковских текущих счетах, обращающихся в сфере безналичных расчетов. Центральный банк капиталистической страны не может определять по своему усмотрению многие важные параметры денежного оборота. Так, потребность хозяйствующих субъектов в деньгах есть функция ряда немонетарных переменных. Вне сферы контроля центрального банка находятся и такие существенно важные для процесса регулирования факторы, как скорость обращения денег при обслуживании хозяйственных сделок, пропорция, в которой денежная масса распределяется между наличными деньгами и депозитами, и т. д. Это вместе с тем не означает, что центральный банк лишен возможности воздействовать на размеры денежной массы, находящейся в обращении, или на темпы ее изменения. Основным каналом такого воздействия служит процесс банковского кредитования. Стимулируя или затрудняя кредитные операции банковской системы, центральный банк создает условия для ускоренного роста денежной массы или, напротив, может затормозить или вовсе прекратить ее рост.

Непосредственной основой регулирования денежной массы в большинстве капиталистических стран служит система банковских резервов. Эти резервы аккумулируются банковскими учреждениями на особых счетах в центральном банке в размере, предписываемом законом или традицией, и служат обеспечением банковских обязательств по депозитам¹. Все основные орудия денежно-кредитного контроля направлены в первую очередь на регулирование величины остатков на резервных счетах или условий пополнения этих счетов из внешних источников.

В настоящее время центральные банки капиталистических стран располагают обширным и разнообразным инструментарием

---

¹ Известны различные принципы построения системы резервов. В ряде стран резерв устанавливается в определенном проценте к сумме банковских депозитов. При этом закон определяет обычно как величину норм резервов, так и пределы их возможных изменений. Такой порядок с различными модификациями существует в США, Канаде, Японии, Бельгии, Австрии и других странах. Некоторые страны устанавливают норму резервов в отношении более широкого круга кредитных показателей (не только депозитов, но и банковского портфеля ценных бумаг, задолженности по краткосрочным кредитам и т. п.). Часто уровень нормы (так называемый коэффициент ликвидности) предписывается традицией или добровольным соглашением

для воздействия на резервную позицию банковской системы и в конечном счете на объем, динамику и структуру банковских операций. Если сравнить нынешнюю ситуацию с той, которая существовала три-четыре десятилетия назад, то обнаружатся разительные перемены. Ранее центральные банки широко пользовались по существу лишь одним орудием кредитной политики — изменением величины учетного процента. Ныне к числу главных инструментов монетарного регулирования прибавились еще два — операции на открытом рынке и изменение минимальной нормы обязательных резервов для банковских учреждений. При этом в некоторых странах изменение учетной ставки применяется главным образом как вспомогательное средство для поддержания и усиления эффекта других методов.

Разумеется, преждевременно говорить об «отмирании» политики учетного процента как орудия денежно-кредитного контроля. Во многих странах учетные операции центрального банка продолжают играть важную роль. К числу таких стран следует отнести Японию, Австрию, Францию, Бельгию и ряд других.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что значение учетной политики в целом существенно снизилось. Не останавливаясь подробно на всех причинах этого сдвига, укажем лишь на две важнейшие. Во-первых, уменьшилось влияние процентного фактора на динамику валютных и золотых потоков в международном валютном обороте. Во-вторых, возросла роль самофинансирования промышленных компаний, которая ослабила их зависимость от внешних источников финансирования, в том числе от банковского кредита. Ныне, как уже отмечалось, наряду с изменением учетной ставки в распоряжении центрального банка имеется целый комплекс взаимно дополняющих друг друга инструментов воздействия на рынок ссудных капиталов.

В этой связи следует прежде всего указать на рост популярности так называемых операций на открытом рынке¹. Строго го-

---

банков (например, в Англии) (*P. Fousek. Foreign Central Banking: the Instruments of Monetary Policy. New York, 1957, p. 45—68, 101—111*).

¹ Операции на открытом рынке состоят в покупке или продаже центральным банком государственных ценных бумаг и других кредитных обязательств (например, банковских акцептов) по существующему на рынке или заранее объявленному курсу. В случае покупки центральный банк переводит соответствующие суммы коммерческим банкам, увеличивая тем самым остатки на их резервных счетах. При продаже ценных бумаг центральный банк списывает суммы с резервных счетов коммерческих банков. Таким образом, указанные операции отражаются на состоянии резервной позиции банковской системы и могут быть использованы как метод ее регулирования.

вора, этот метод кредитного регулирования вряд ли можно считать абсолютно новым: он был известен давно и применялся Банком Англии еще в конце прошлого века. Но превращение этих операций в фактор систематического повседневного воздействия на состояние банковской системы завершилось лишь в конце 30-х годов. В настоящее время признано, что этот метод благодаря своей гибкости и удобству применения является наиболее эффективным орудием кредитного контроля. В ряде стран (США, Канада и отчасти Англия) он стал основным и ведущим инструментом денежно-кредитной политики. Внедрение его в других странах тормозится отсутствием там достаточно широких и активных рынков государственных облигаций. В 50-х годах операции на открытом рынке начали применять центральные банки ФРГ, Голландии, Скандинавских стран.

Большое распространение получил метод прямого воздействия на величину банковских резервов путем единовременного изменения нормы этих резервов для всех банковских учреждений страны. Об этом методе уже говорилось выше. Укажем лишь, что в настоящее время различные варианты системы банковских резервов и их регулирования введены в большом числе капиталистических стран (свыше 30).

Чем объяснить столь пристальное внимание к вопросу о величине и динамике банковских резервов, которое можно наблюдать в теории и практике денежно-кредитного регулирования? Основная причина заключается в том, что между резервами и размером банковских операций существует определенная взаимосвязь, и это открывает путь для воздействия на поведение кредитных институтов. Если достаточно большое число банковских учреждений испытывает дефицит на своих резервных счетах и не располагает доступными путями для устранения этого дефицита (скажем, не может получить на приемлемых условиях кредит у центрального банка), то у них остается лишь одна альтернатива — мобилизовать необходимые средства из внутренних источников за счет сокращения операций и изменения их структуры. А это неизбежно затормозит процесс образования депозитов, которые, как мы отмечали, являясь основным компонентом денежной массы. Процесс этот гораздо более сложен, чем явствует из приведенной упрощенной схемы. В большинстве ситуаций он проявляется как некая общая тенденция, от которой могут наблюдаться существенные отклонения.

Предположим теперь обратное положение: на резервных счетах имеются избыточные средства. Это побуждает банки форсировать кредитные операции и приведет к относительному избытку ссудного капитала по сравнению со спросом на него. В итоге можно ожидать проявления тенденции к росту денежной массы и снижению нормы процента.

В теории денежно-кредитного регулирования важную роль

играет положение о мультипликационном (множительном) эффекте изменения банковских резервов. Обычно предполагается, что изменение суммы банковских резервов будет сопровождаться значительно большими по размерам сдвигами в объеме банковских операций. Поскольку одна единица резервов «поддерживает» несколько единиц банковских депозитов, то в масштабе всей банковской системы сокращение суммы средств на резервных счетах должно (по крайней мере теоретически) послужить толчком для многократного сокращения депозитов (и соответственно активных операций банков), а увеличение резервов — породить многократный рост депозитов и операций. При этом исходя из конкретной структуры системы резервов можно ожидать определенного значения множительного коэффициента (мультипликатора)¹.

Однако, как только мы переходим от теоретической схемы к реальной ситуации, наблюдаемой в денежно-кредитной сфере капиталистических стран, действие указанных механизмов существенно изменяется под влиянием различных, не учитываемых схемой факторов.

Прежде всего необходимо отметить, что, воздействуя на объем банковских резервов, центральный банк далеко не всегда может добиться желаемых результатов в области кредитных операций банков. Практика выработала ряд контрмер, которые позволяют смягчить, а иногда и полностью нейтрализовать влияние рестриктивных действий центрального банка. К ним относятся: перестройка структуры банковских активов и пассивов; наличие особого рынка «резервных остатков», которым могут воспользоваться банки, имеющие дефицит на резервном счете; возможность получения кредитов у иностранных банков; разнообразные способы «экономии» денег с целью ускорения их оборачиваемости и т. д. Эффективность политики кредитного сдерживания значительно ослабляется, если ей предшествовал период, когда банки имели на резервных счетах крупные избыточные резервы.

Еще более сложна проблема стимулирования кредитной экспансии. Центральный банк может различными способами (например, путем скупки государственных ценных бумаг у институциональных и индивидуальных инвесторов) увеличить остатки средств на резервных счетах. Но это вовсе не значит, что автоматически возрастает объем кредитных операций банков, который зависит от

---

¹ Например, при норме обязательных резервов в 20% и при условии полной реализации мультипликационного эффекта можно ожидать пятикратного изменения банковских депозитов, при 15%-ной норме — 6,5-кратного изменения и т. п. Теоретические доводы в обоснование указанного эффекта приведены в 16-й главе учебника П. Самуэльсона («Экономика». М., 1964, стр. 320—343).

спроса на кредит со стороны клиентуры¹. Этот спрос формируется в зависимости от множества факторов и тесно связан с фазой промышленного цикла. Конечно, снижение процентной ставки может привлечь новых заемщиков, но дополнительный спрос неизбежно наталкивается на барьеры стандартов кредитоспособности, игнорировать которые не может ни один капиталистический банк. Поэтому добавочные резервы могут повиснуть мертвым грузом на резервных счетах, не породив ожидаемой кредитной экспансии².

Потенциальная действенность денежно-кредитных мероприятий ослабляется также благодаря многим структурным изменениям в современной капиталистической экономике. Большое значение в этом отношении имеют усложнение капиталистической кредитной системы, быстрое развитие специализированных кредитных учреждений, операции которых не находятся в сфере контроля центрального банка. В том же направлении влияет и несогласованность действий центрального банка и многочисленных государственных кредитных институтов. Последние часто проводят политику, прямо противоположную намерениям денежно-кредитных властей. Такое положение неоднократно возникало в США³.

Но допустим, что центральному банку, несмотря на все трудности, удалось достигнуть желаемых результатов в первой фазе регулирования и надлежащим образом изменить объем и структуру кредитных операций, денежную массу, норму процента. Означает ли это, что указанные сдвиги с необходимостью и в требуемых размерах повлекут за собой изменения в «реальных» факторах воспроизводства? Проблема «передаточного механизма» денежно-кредитных мероприятий очень сложна и пока еще недостаточно изучена. Мы ограничимся указанием на два обстоятельства, имеющие большое значение для реализации эффекта регулирования.

В приведенной выше теоретической схеме ключевую роль играет звено «норма процента — объем капиталовложений». Для

---

¹ Американские авторы характеризуют такое положение фразой: «Можно подвести коня к воде, но нельзя заставить его пить».

² Показательно, что подсчитываемая на основе фактических данных величина мультипликаторного эффекта изменения резервов резко расходится с предполагаемым теоретическим его значением. Исходя из нынешней структуры банковских резервов в США можно ожидать шести-семикратного изменения депозитов, тогда как фактическая величина резервного мультипликатора в США оценивалась в послевоенные годы в 2—3,5, а по некоторым расчетам и того меньше.

³ R. J. Saulnier, H. G. Halcrow, N. Jacoby. Federal Lending: Its Growth and Impact. New York, 1957.

проявлений этой зависимости необходимо, чтобы динамика капиталовложений четко реагировала на изменения рыночной нормы процента. Поэтому вполне естественно, что во многих странах были предприняты специальные обследования с целью определить на основе накопленного фактического материала степень взаимозависимости указанных переменных. Большинство обследований либо вообще не смогло выявить такой связи, либо характеризовало эту связь как весьма слабую¹.

Это позволило американским экономистам Р. Эйснеру и Р. Стротцу при подведении итогов многочисленных исследований в данной области констатировать, что их результаты «ведут к отрицанию за этой переменной (т. е. за нормой процента. — Авт.) большой исторической роли во влиянии на темп инвестиций»². Следовательно, влияние денежно-кредитных факторов на одном из важнейших участков контура регулирования не расценивается как действенное. Это ставит под удар теоретическую схему, на которой покоится современная стратегия денежно-кредитной политики.

Второй момент, серьезно затрудняющий использование мероприятий центрального банка для воздействия на экономическую ситуацию, связан с запаздыванием (лагом) в реакции немонетарной сферы на изменение денежных показателей. Схема регулирования предполагает возникновение цепной реакции, которая разворачивается во времени с определенной быстротой. В силу запаздывания «отклика» различных элементов хозяйственной системы на сдвиги в денежной сфере окончательный эффект может проявиться через длительный период времени. По подсчетам М. Фридмана, запаздывание между изменением денежной массы и соответствующим эффектом в сфере производства колеблется в пределах 5—21 месяца в условиях циклического спада и 13—24 месяцев при циклическом подъеме³. Это означает, что ожидаемое изменение наступит тогда, когда все условия народнохозяйственной конъюнктуры существенно изменились по сравнению с моментом принятия соответствующих мер. Из орудия экономической стабилизации денежно-кредитная политика легко может превратиться в дестабилизирующий фактор, усугубляющий диспропорции капиталистического производства.

В заключение следует отметить, что, хотя денежно-кредитная политика превратилась в обширную область регулирующих ме-

---

¹ «Oxford Economic Papers», October 1938; *J. Meyer, E. Kuh. The Investment Decision: An Empirical Study.* New York, 1957.

² «Impacts of Monetary Policy». Englewood Cliffs, 1963, p. 192.

³ «The Supply of Money and Changes in Prices and Output». — «The Relationship of Prices to Economic Stability and Growth». Washington, 1958, p. 249—250.

роприятий буржуазного государства, эту форму экономического контроля отличает относительно малая надежность и сложность прогнозирования конечного результата. Не случайно во многих странах проявляется стремление дополнить общие мероприятия центрального банка так называемыми селективными методами кредитного контроля, направленными на непосредственное изменение размеров кредитования отдельных групп заемщиков (регулирование потребительского и ипотечного кредита, биржевых сделок и т. п.).

В особенно широких масштабах селективные методы кредитного регулирования применяются в периоды гонки вооружений и военных авантур империализма. Они способствуют непропорциональному распределению кредитных ресурсов и усиливают однобокость развития хозяйства капиталистических стран.

* * *

Материалы, приведенные в разделе о государственно-монополистическом регулировании, неопровержимо подтверждают марксистское положение о том, что «стабилизационные программы» буржуазного государства носят сугубо паллиативный характер. Они не отменяют и не могут отменить коренных закономерностей развития капиталистической экономики. Будучи сосредоточены преимущественно в сфере обращения и распределения, эти мероприятия лишь косвенно влияют на производство и не затрагивают капиталистических производственных отношений. Конечные результаты регулирования весьма противоречивы: вместо смягчения противоречий регулирующие мероприятия часто приводят к усилению диспропорциональности экономического развития при капитализме, порождают новые противоречия и социальные конфликты.

Содержание

Введение	3
Раздел первый. Место империализма в современном мире	
Глава I. Общий кризис капитализма	6
1. Происхождение общего кризиса капитализма и движущие силы его развития	7
2. Закономерности современного мирового развития	12
3. Капитализм после прорыва первого звена в цепи империализма	17
4. Дальнейшее сужение сферы господства мирового капитализма	22
5. Капитализм утрачивает роль решающей силы мирового развития	27
Глава II. Экономическое соревнование двух систем — закономерность современного мирового развития	36
1. Сущность экономического соревнования двух систем	37
2. Исторический ход экономического соревнования	40
3. Современный этап экономического соревнования	45
4. Проблемы повышения эффективности производства при социализме	50
5. Основные направления воздействия соревнования двух систем на современный капитализм	54
Глава III. Изменения в структуре капиталистического мирового хозяйства. Противоречия между империалистическими и развивающимися странами	57
1. О методологии анализа мировой капиталистической экономики	58
2. Капиталистическое мировое хозяйство и современная эпоха	63

3. Структурные сдвиги в сфере материального производства	70
4. Об особенностях современного этапа кризиса мирохозяйственных связей капитализма	78
Глава IV. Научно-техническая революция в условиях современного государственно-монополистического капитализма	84
1. Основные черты современной научно-технической революции и ее экономические последствия	85
2. Движущие силы технического прогресса	89
3. Социальные проблемы, порождаемые научно-технической революцией при капитализме	94
4. Противоречия научно-технической революции в условиях государственно-монополистического капитализма	101
Раздел второй. Основные тенденции развития экономики монополистического капитализма	
Глава V. Концентрация и монополия	109
1. Концентрация производства и капитала	110
2. Основные черты производственно-экономической базы монополии	113
3. Концентрация и монополистическая структура хозяйства	119
4. Концентрация как основание монополии	125
Глава VI. Монополистические концерны	128
1. Эволюция монополистических объединений	129
2. Тенденция к планомерности и сдвиги в организационной структуре концернов	134
3. Новые явления в характере товарного производства и практика монополистического ценообразования	144
Глава VII. Монополия и конкуренция	153
1. Рыночные аспекты монополизации	—
2. Монополистическая конкуренция. Ее особенности и формы	160
3. Цена и прибыль в условиях монополистической конкуренции	167
Глава VIII. Кредитная система современного капитализма	174
1. Основные черты развития кредитной системы	—
2. Новые явления в концентрации и централизации банков	177
3. Изменения в банковских операциях и связях банков с промышленностью	180
4. Структурные изменения в кредитной системе	184
5. Аккумуляция сбережений	190
6. Государство и кредитная система	194
Глава IX. Финансовый капитал и финансовая олигархия	195
1. Современные формы слияния промышленного и банковского капитала	196
2. Финансово-олигархические группы	204
3. Структура современной финансовой олигархии	208

Глава X. Формы собственности в условиях современного капитализма	213
1. Мелкая некапиталистическая собственность	—
2. Индивидуальная капиталистическая собственность . . .	216
3. Монополистическая корпорация	218
4. Кооперативная собственность	221
5. Государственная собственность	223
6. Формы собственности во взаимодействии	227
7. Капиталистическая собственность и ее внутренние противоречия	229
8. Развитие форм капиталистической собственности и современная буржуазная политическая экономия . .	234
Глава XI. Немонополистический сектор экономики в развитых странах капитализма	237
1. Мелкотоварный и товарно-капиталистический секторы экономики	238
2. Неустойчивость немонополистических предприятий. Социальный и экономический аспекты	242
3. Монополизация мелкого и среднего производства . .	245
4. Расслоение экономической деятельности. «Зоны свободной конкуренции»	248
5. Влияние технического прогресса на немонополистическое производство	251
6. Двойственная структура капиталистической экономики. Государство и немонополистический сектор . . .	254
Глава XII. Аграрные проблемы развитых стран капитализма. Абсолютная и дифференциальная рента	257
1. Тенденция преодоления отставания сельского хозяйства от развития промышленности	258
2. Государственно-монополистическое регулирование сельского хозяйства	268
3. Земельная рента в условиях индустриального сельского хозяйства	274
Глава XIII. Основные показатели развития экономики капитализма. Общественный продукт и национальный доход	288
1. Важнейшие стоимостные показатели продукции . . .	289
2. О динамике доли постоянного капитала в структуре общественного продукта	296
3. Проблемы распределения и перераспределения национального дохода (на примере США)	306
Глава XIV. Долговременные структурные сдвиги в области капиталистического воспроизводства: основные пропорции и тенденции их изменения	316
1. Важнейшие отраслевые и производственные сдвиги .	317
2. Изменение нормы производственного накопления . .	321
3. Изменение соотношения двух подразделений	327
4. Изменение органического строения капитала	336
Глава XV. Циклы и кризисы в современной капиталистической экономике	343
1. Изменения в современном цикле	344
2. Причины изменения механизма цикла	349
3. Противоречия капиталистического воспроизводства в современных условиях	366

Раздел третий. Роль государства в экономике монополистического капитализма

<i>Часть первая. Сущность и формы государственно-монополистического регулирования . . . . .</i>	<i>372</i>
Глава XVI. Пути перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический и тенденции его развития	—
1. Усиление экономической роли государства	—
2. Государственный сектор экономики	383
3. Регулирование экономики и развитие государственно-монополистического капитализма	394
4. Развитие государственно-монополистического капитализма и особенности антимонополистической борьбы	401
Глава XVII. Государственная собственность в условиях современного капитализма и тенденция ее развития	404
1. Концентрация и централизация капитала в руках государства	405
2. Формы государственного участия в капиталовложениях	410
3. Проблема обесценения государственного капитала	412
4. Социально-экономический характер государственной собственности	414
5. Тенденции развития государственной собственности	416
Глава XVIII. Государственные финансы и воспроизводство общественного капитала	417
1. Государственные финансы и воспроизводство постоянного капитала	420
2. Государственные финансы и воспроизводство переменного капитала	423
3. Государственные финансы и воспроизводство прибавочного продукта	426
4. Методы мобилизации национального дохода государственным бюджетом: налоги, займы	428
5. Государственные финансы как инструмент воздействия на капиталистическое хозяйство	432
Глава XIX. Денежно-кредитная политика как инструмент государственно-монополистического регулирования	437
1. Центральный банк и государство	—
2. Понятие и общие цели денежно-кредитной политики	441
3. Механизм денежно-кредитного регулирования и проблемы его эффективности	444

**Политическая экономия современного монополистиче-
П 50 ского капитализма. В 2-х томах. Т. I. Отв. ред. Н. Н. Ино-
земцев и др. М., «Мысль», 1971.**

455 с. (Ин-т мировой экономики и междунар. отношений
АН СССР).

В исследовании сотрудников Института мировой экономики и междуна-
родных отношений под ред. акад. Н. Н. Иноземцева, д-ра экон. наук
С. М. Меньшикова, чл.-корр. АН СССР А. Г. Милейковского, акад. А. М. Ру-
мянцева дан анализ новых тенденций в развитии современного капитализма.
В 1-м томе рассматривается место империализма в современном мире,
дается характеристика общего кризиса капитализма, научно-технической
революции и ее противоречий, анализируются экономические основы госу-
дарственно-монополистического капитализма.

1-7-2

25-70

33.041

**Политическая экономия
современного
монополистического
капитализма**

том I

Редактор Т. А. Воскресенская
Младший редактор О. С. Рябухина
Оформление художника С. С. Верховского
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор Т. Г. Усачёва
Корректоры Л. М. Чигина, А. И. Зотова

Подписано в печать с матриц 1 декабря 1970 г. Формат
бумаги 60×90^{1/8}, № 2. Усл. печатных листов 28,5. Учетно-
издательских листов 31,49. Тираж 35 000 экз. (Допечатка).
А 02081. Заказ № 1507. Цена 2 р. 09 к.

Издательство «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская ти-
пография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Глав-
полиграфпрома Комитета по печати при Совете Минист-
ров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

2 р. 09 к.

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF TORONTO

политическая экономика —
современного монополистического капитализма